

1937 год: элита Красной Армии на Голгофе

Черушев Н.С. 1937 год: Элита Красной Армии на голгофе. — М.: Вече, 2003 — 544 с., илл. (16с.) («Военные тайны XX века»)

Аннотация издательства: Военный историк Н.С.Черушев занимается темой репрессий в Красной Армии свыше 40 лет. Еще молодым офицером он увлекся сбором материалов, а затем интенсивно работал в центральных и местных архивах, в обществе «Мемориал» и его региональных отделениях, в архивах военных академий; по названной проблеме им выпущены две книги, опубликовано множество статей. В новой книге автор рассказывает о трагических судьбах нескольких десятков первых лиц Красной Армии и Флота, среди которых М.Н. Тухачевский, И.Э. Якир, И.П. Уборевич, В.К. Блюхер, А.И. Егоров, Я.И. Алкснис, П.Е. Дыбенко, А.В. Горбатов, А.А. Свечин, Г.Д. Гай, Я.К. Берзин, Ю.В. Саблин и другие. Расправы с военными занимают совершенно особое место в истории политических репрессий в СССР. Уничтожение значительной части армейской элиты весной-летом 1937 г. было едва ли не первой кампанией, организованной не по «классовому», а по профессиональному признаку. В книгу включены также уникальные сведения о судьбах членов семей и ближайших родственников репрессированных военных; материалы о тех, кого не смогли сломить «мастера заплечных дел».

Содержание

[Введение](#)

[«В Красной Армии врагов вообще немного...» \[5\]](#)

[Военный совет заседает \[8\]](#)

[Вокруг процесса Тухачевского \[15\]](#)

[А судьи кто? \[43\]](#)

[В Харьковском военном округе \[54\]](#)

[Маршал Егоров \[97\]](#)

[Нарком военно-морского флота \[107\]](#)

[Военные ученые \[128\]](#)

[«Старик» и его команда \[151\]](#)

[Тюрьма — лагерь — ссылка \[174\]](#)

[Как реагировали в СССР и за рубежом на репрессии в Красной Армии \[242\]](#)

[Выдвиженцы \[254\]](#)

[Легенды и быль \[259\]](#)

[Заговорщики в Кремле \[277\]](#)

[Плоды тайного сотрудничества \[288\]](#)

[Комиссары и помполиты \[317\]](#)

[Дважды погруженные во тьму \[340\]](#)

[Тот самый Тодорский \[367\]](#)

[Боевые подруги \[407\]](#)

[Четыре ступени вниз \[436\]](#)

[Слово о Ворошилове \[459\]](#)

[Послесловие \[471\]](#)

[Приложение](#)

[Примечания](#)

Введение

Торжественно отмечая очередную годовщину победы в Великой Отечественной войне, а тем более ее юбилей, народы России и стран, входивших ранее в Советский Союз, вновь и вновь обращаются к ее началу, к горьким и страшным летним дням 1941 года. В частности, задавая и такой вопрос: «В чем же причина того критического положения, в котором очутилась к тому времени страна, какие факторы оказали решающее влияние на ход и исход первых сражений на советско-германском фронте, столь неудачных для Красной Армии?»

В многоплановой исторической литературе можно найти различные ответы на поставленный выше вопрос. Здесь и ссылка на огромный военно-экономический потенциал фашистской Германии, опиравшийся на ресурсы поработанной Европы, тут и кивание на отмобилизованность вермахта и его двухлетний опыт наступательных боевых действий. В качестве причин называются ошибочность оценок высшего политического и военного руководства СССР сложившейся военно-стратегической обстановки в мире и Европе, и возможных сроков вражеского нападения, и определения направления главного удара агрессора. В данном перечне причин и факторов мы находим недостаточную подготовленность экономики СССР к войне, краткость временных рамок мирного периода, не позволивших полностью выполнить все намеченные планы.

Объективно все перечисленное действительно имело место. Но ограничившись только этим перечнем, говоря о катастрофическом положении страны и Красной Армии летом и осенью 1941 года, мы погрешим против исторической правды. А она такова, что одной из основных причин поражения войск РККА в первых сражениях на советско-германском фронте следует называть крайне слабую оперативную и тактическую подготовку командного состава Красной Армии, их неумение организовать боевые действия с сильным, технически оснащенным врагом. «Малая» война, как иногда называют финскую кампанию, отчетливо, как мощный прожектор, высветила большинство из недочетов в боевой выучке войск. Уже тогда обнаружилась та страшная зияющая дыра, образовавшаяся в результате насильственного изъятия из РККА в 1937 — 1938 и в последующие годы опытных командующих объединениями, знающих, грамотных командиров соединений и частей.

Как не торжествовать было руководству германского вермахта, если в 1937 — 1938 годах в сталинских тюрьмах и лагерях в ужасных моральных [26] и физических муках закончил свои дни весь цвет советской военной науки и практики. Всего за эти годы палачами из НКВД было ликвидировано до 80% лиц из числа высшего командного состава[1].

Один из опытных и влиятельных военных советников Гитлера — генерал-фельдмаршал Вильгельм Кейтель — на Нюрнбергском процессе показал, что некоторые немецкие генералы пытались предостеречь фюрера от преждевременного, по их мнению, нападения на СССР, считая Красную Армию весьма сильным противником. Однако у того в конце 30-х годов сложилось о РККА совершенно иное мнение. Он неоднократно заявлял тому же Кейтелю и другим военным чинам из своего ближайшего окружения: «Первоклассный состав высших советских военных кадров истреблен Сталиным в 1937 году. Таким образом, необходимые умы в подрастающей смене еще пока отсутствуют»[2].

Одной точки зрения с Гитлером придерживается и Маршал Советского Союза А.М. Василевский: «Без тридцать седьмого года, возможно, не было бы вообще войны в сорок первом году. В том, что Гитлер решился начать войну в сорок первом году, большую роль сыграла оценка той степени разгрома военных кадров, который у нас произошел...»[3]

Репрессии в предвоенные годы причинили Красной Армии тяжелый, невосполнимый урон. И это, как мы уже сказали, «аукнулось» в первые же недели после начала войны с Финляндией, то есть осенью 1939 года. Напрямую не говоря об этом, нарком обороны СССР К.Е. Ворошилов в своем докладе об итогах советско-финляндской войны тем не менее вынужден был отметить:

«...Боевая подготовка стрелковых войск была в большинстве случаев на низком уровне. Молодые, недавно развернутые до штата военного времени дивизии, имевшие и без того слабые кадры, были пополнены призванным из запаса начсоставом, который еще больше расслабил кадровый костяк.

Такому начсоставу не под силу было, разумеется, за короткое время добиться и хорошей организованности, и нужной выучки вверенных ему подразделений и частей. Во многих случаях дивизии, полки, батальоны и роты становились боеспособными только в процессе боевых действий.

...Не на должной высоте оказались и многие высшие начальники. Ставка Главного военного совета вынуждена была снять многих высших командиров и начальников штабов, так как их руководство войсками не только не приносило пользы, но и было признано заведомо вредным.

...Штабы, сформированные в период войны, от самых высших до дивизионных включительно, за малым исключением, были слабо подготовлены и не могли квалифицированно и полно руководить вверенными им войсками, не были способными быстро реагировать на изменявшуюся на фронте обстановку и часто тянулись в хвосте событий»[4].

Точная цифра репрессированных в РККА до сих пор остается спорной. По страницам различных изданий уже многие годы «гуляет» величина 40 тысяч — число лиц командно-начальствующего состава, пострадавших в 1937 — 1938 годах. Впервые эта цифра была названа К.Е. Ворошиловым 29 ноября 1938 года на заседании Главного военного совета Красной Армии: «В ходе чистки Красной Армии в 1937 — 1938 годах мы вычистили более четырех десятков тысяч человек...»[5]

В литературе можно также встретить сведения о том, что с мая 1937 года по сентябрь 1938 года было репрессировано 36 761 человек, а на флоте — свыше трех тысяч^[6]. Приведем еще один источник. Доктор исторических наук Г.А. Куманев пишет: «По архивным сведениям, только с 27 февраля 1937 года по 12 ноября 1938 года НКВД получил от Сталина, Молотова и Кагановича санкции на расстрел 38 679 военнослужащих. Если же к этим данным прибавить более трех тысяч уничтоженных командиров Военно-Морского Флота и учесть, что истребление военных кадров имело место и до 27 февраля 1937 года, и после 12 ноября 1938 года, то число безвинно погибших одних лишь военнослужащих командного состава приблизится к 50 тысячам, а общее количество репрессированных в армии и на флоте, несомненно, превысит и это число»^[7].

Цифры, как видим, приводятся самые разные. Наиболее близко, на наш взгляд, приблизились к истине при определении числа репрессированных в Красной Армии в предвоенные годы генерал-майор юстиции А.Т. Уколов и подполковник В.И. Ивкин, соответственно заместитель председателя Военной коллегии Верховного суда Российской Федерации и адъюнкт Гуманитарной академии Вооруженных сил России. Они показали, что и данные, приведенные Ворошиловым в конце 1938 года, и сведения, содержащиеся в сборнике ГУКа «Военные кадры Советского государства в Великой Отечественной войне», не следует понимать однозначно, то есть как количество уничтоженных в результате политических репрессий.

Нарком Ворошилов, употребив термин «вычистили», имел в виду, видимо, общее количество командиров и начальников, исключенных из списков РККА. Среди них одна часть была арестована, другая же уволена по различным причинам (болезнь, невозможность дальнейшего использования, политическое недоверие, моральное и бытовое разложение, наконец ввиду смерти). Данное уточнение крайне необходимо для того, чтобы привести указанные выше разночтения к одной общей точке отсчета. Безусловно, увольнение по политическим мотивам вполне правомерно относится к разряду репрессий, как верно и то, что не каждый уволенный обязательно подвергался аресту, суду и тюремному (лагерному) заключению.

Уколов и Ивкин, используя данные судебной статистики (по материалам Военной коллегии Верховного суда СССР), доказали, что в 1936 — 1940 годах за контрреволюционные преступления (а именно они лежали в основе обвинений, предъявленных арестованным) было осуждено 10 838 человек, из них 2218 военнослужащих среднего, старшего и высшего командного состава. Хотя приведенная цифра и не учитывает осужденных Особым совещанием НКВД СССР и другими внесудебными органами, однако доподлинно известно, что процент военнослужащих среди них был весьма невелик, ибо на местах их судили, как правило, военные трибуналы, а такая отчетность проходила через Военную коллегия. Поэтому следует согласиться с Уколовым и Ивкиным в том, что число подвергшихся политическим репрессиям в РККА во второй половине 30-х годов [27] значительно меньше той цифры, которую приводят современные публицисты и исследователи^[8].

Репрессии против командно-начальствующего состава Красной Армии — это одна из самых трагических страниц нашей истории, когда наказанию в массовом порядке подверглись совершенно невинные люди. Подобное никогда и ничем не может быть оправдано. Репрессии затронули все без исключения ячейки вооруженных сил страны — от подразделения до центрального аппарата наркомата обороны и Генерального штаба РККА.

В партийном гимне коммунистов «Интернационал» есть такие слова: «...Кто был ничем, тот станет всем!». Действительно, если проследить родословную многих руководителей партийных, советских, военных, профсоюзных органов, то можно убедиться в этой правоте: до революции они

были ничем. Придя в нее от сохи и лопаты... станка и солдатского окопа, они вознеслись высоко, на недостижимую Доселе высоту, подтвердив тем самым правоту слов партийного гимна. И это советскими людьми признавалось объективной закономерностью.

«Кто был ничем, тот станет всем!..» «Страна должна знать своих героев!..» И она их действительно знала — героев Гражданской войны, краснознаменцев и орденосцев. О них слагали песни, снимали фильмы, писали книги... И совершенно естественным представлялся обратный ход, движение вспять — «кто был всем, тот стал ничем!..» Но такое случилось в СССР в ходе репрессий сталинского режима против кадров страны, против собственного народа. Люди, имевшие большие должности, значительный авторитет и вес в обществе, отмеченные высокими наградами, в одночасье становились в самом деле ничем, зэками, «лагерной пылью». Сказанное в полной мере относится и к командно-начальствующему составу Рабоче-Крестьянской Красной Армии.

«В Красной Армии врагов вообще немного...»

Слова, вынесенные в заголовок, были сказаны народным комиссаром обороны СССР в его докладе на февральско-мартовском пленуме ЦК ВКП(б) 1937 года. Правда, произнося их, Ворошилов предупредил участников пленума, чтобы его слова понимали предположительно, ибо он надеется, что положение действительно таково.

Обращаясь к материалам этого пленума ЦК партии большевиков, следует помнить, что он занимает особое место в развернувшейся кампании чистки кадров в стране и Красной Армии в частности. С обстоятельными докладами о положении с кадрами в армии и на флоте на нем выступили К.Е. Ворошилов и Я.Б. Гамарник — начальник Политического Управления РККА. По их единодушной оценке, уровень политико-морального состояния личного состава Красной Армии не вызывал у них серьезной тревоги.

Приведем фрагменты из выступления наркома Ворошилова.

«...Доклады тт. (товарищей. — Н. Ч.) Молотова и Кагановича, вчерашнее выступление тов. Ежова со всей ясностью, как прожектором, осветили подрывную работу наших классовых врагов и показали, как глубоко проникли они в поры нашего социалистического хозяйства и государственного аппарата...

Разрешите перейти теперь к военному ведомству. Лазарь Моисеевич (Каганович. — Н. Ч) перед тем, как я пошел на трибуну, сказал мне: «Посмотрим, как ты будешь себя критиковать, это очень интересно»... Я ему сказал, что мне критиковать себя очень трудно, и вовсе не потому, что я не люблю самокритики, — особенно больших любителей самокритики, впрочем, среди всех нас немного найдется...

Но положение мое, Лазарь Моисеевич, несколько особое. И потому, что я представляю армию, — это имеет «кое-какое» значение, — и потому, что в армии к настоящему моменту, к счастью, вскрыто пока не так много врагов. Говорю «к счастью», надеясь, что в Красной Армии врагов вообще немного.

Так оно и должно быть, ибо в армию партия посылает лучшие свои кадры; страна выделяет самых здоровых и крепких людей. Что собой представляют вскрытые НКВД в армии враги, представители фашистских японо-немецких, троцкистских банд? Это в своем большинстве высший начсостав, это лица, занимавшие высокие командные посты. Кроме этой сравнительно

небольшой группы вскрыты также отдельные небольшие группы вредителей из среды старшего и низшего начсостава в разных звеньях военного аппарата. Я далек, разумеется, от мысли, что в армии везде и все обстоит благополучно. Нет, совсем не исключено, что в армию проникли подлые враги в гораздо большем количестве, чем мы пока об этом знаем...»

Далее Ворошилов сделал краткий экскурс в недалекую историю страны, партии и армии, поясняя причину появления в РККА «врагов народа». Он рассказал о борьбе Троцкого с Лениным, о сильном влиянии троцкистов в Красной Армии в 1923- 1924 годах, о падении этого влияния в последующие годы, о выдающейся роли И.В. Сталина в разгроме троцкизма.

«...В этот последний раз, когда Троцкий вместе со своими новыми подручными Зиновьевым и Каменевым был не только побит, но и выброшен из наших рядов, как открытый враг, он оставил и в стране, и в армии кое-какие кадры своих единомышленников. Правда, количественно эти кадры были мизерны, но качественно они представляли известное значение. Вот к этим кадрам относятся и те господа, которые ныне себя снова проявили в армии уже по-новому, как открытые, подлые враги, как наемные убийцы. Что представляют собой эти изменники и предатели персонально, кто они такие? Это, во-первых, Примаков и Путна — оба виднейшие представители старых троцкистских кадров. Это, во-вторых, ком-кор Туровский, который, не будучи в прошлом троцкистом, тем не менее, невзирая на отрицание пока своей виновности, очевидно в скрытом виде, тоже является сочленом троцкистской банды.

Далее идут комдивы Шмидт и Саблин, комбриг Зюк, полковник Карпель и майор Кузьмичев.

Следовательно, к настоящему времени в армии арестовано 6 человек комсостава в «генеральских чинах»: Примаков, Путна, Туровский, Шмидт, Саблин, Зюк и, кроме того, полковник Карпель и майор Кузьмичев. Помимо этой группы командиров арестовано несколько человек инженеров, преподавателей и других лиц начальствующего состава «рангом и калибром» пониже.

Лукавит здесь нарком обороны, ограничивая список арестованных «генералов» только шестью человеками. Спрашивается, а почему он не называет в данном списке арестованного еще в июле 1935 года начальника кафедры военной истории Военно-воздушной академии имени профессора Н.Е. Жуковского Гая Дмитриевича Гая? Ведь тот при аресте имел высокую командную категорию «К-12», то есть чисто генеральскую категорию. Почему отсутствует там дивизионный комиссар И.С. Нижечек, заместитель начальника Военно-политической академии имени Н.Г. Толмачева, арестованный в середине февраля 1937 года? И почему нет в этом списке Б.В. Майстраха, старшего руководителя кафедры истории империалистической войны Военной академии имени М.В. Фрунзе, подвергнутого аресту в феврале 1935 года и носившего несколько ромбов на петлицах?

В чем тут дело? Или Ворошилов скрывает истинное положение дел, умышленно уменьшая до минимума число арестованных лиц высшего комначсостава (тогда возникает вопрос: зачем? с какой целью?), или же он не знает реального положения дел, не располагает необходимыми справочными данными, что мало вероятно, так как Управление по командному и начальствующему составу РККА такой учет, безусловно, имело и систематически предоставляло своему «шефу» подробные справки на сей счет. Значит, остается верным первое предположение, очень опасное для самого наркома. Нельзя не понимать, что в условиях развернувшегося тотального избиения кадров подобное сокрытие, желание несколько приукрасить состояние дел в своем ведомстве было чревато далеко идущими последствиями, что, без сомнения, не мог не знать опытный кремлевский «боец» Ворошилов. Он-то хорошо изучил особенности характера

Сталина и правила игры в кремлевских кабинетах. Так что же все-таки это? И почему вскоре после данного выступления наркома были арестованы комкомры И.И. Гарькавый и М.И. Василенко?

Вот и у председателя СНК СССР В.М. Молотова прозвучали нотки сомнения относительно наличия и количества «врагов народа» в армии. Что, он не верит информации Ворошилова? Или у него имеются другие данные, полученные, видимо, из ведомства Ежова? Из доклада Молотова на пленуме ЦК этого не видно, но по всему содержанию и тональности его выступления чувствуется, что такие данные у него действительно под рукой имелись. Ведь не случайно Молотов назвал нелепостью создавшееся положение, а он словами не привык бросаться.

Вопросы, вопросы... А вот еще одна загадка — почему комкора С.А. Туровского не включили в состав группы, осужденной вместе с [28] М.Н. Тухачевским? Автору не удалось обнаружить каких-либо документов или достоверных данных на сей счет. По всем «параметрам» Туровский на 100% был обречен на то, чтобы попасть на скамью подсудимых вместе с Тухачевским и своим другом Примаковым. К тому же он был публично заклеен, как враг народа, на пленуме ЦК ВКП(б), а это означало верную смерть, и не только политическую. Но в июне 1937 года этого не произошло. Военная коллегия Верховного суда СССР осудит Семена Туровского и приговорит его к высшей мере только две недели спустя.

«...План этих предателей столь же прост, сколь и мерзок. С одной стороны — готовить террористические акты над членами ЦК и правительства и, если представится случай, приводить их в исполнение, с другой стороны — ждать войны, ждать наиболее острого момента для государства, чтобы потом путем измены, подлого предательства и провокации помогать врагу против своей Родины и армии.

...Я уже говорил и еще раз повторяю: в армии арестовали пока небольшую группу врагов; но не исключено, наоборот, даже наверняка и в рядах армий имеется еще немало не выявленных, нераскрытых японо-немецких, троцкистско-зиновьевских шпионов, диверсантов и террористов. Во всяком случае, для того чтобы себя обезопасить, чтобы Красную Армию — этот наиболее деликатный инструмент, наиболее чувствительный и важнейший государственный аппарат — отгородить от проникновения подлого и коварного врага, нужна более серьезная и, я бы сказал, несколько по-новому поставленная работа всего руководства в Красной Армии.

Мы без шума — это и не нужно было — выбросили большое количество негодных людей, в том числе и троцкистско-зиновьевского охвостья, и всякого подозрительного, недоброкачественного элемента... За 12 лет уволено из армии около 47 тысяч человек начсостава. (За это же время призвана в армию из запаса 21 тысяча человек.) Только за последние три года — 1934 — 1936 гг. включительно — уволено из армии по разным причинам, преимущественно негодных и политически неблагонадежных, около 22 тысяч человек, из них 5 тысяч человек как явные оппозиционеры.

Причем, — я должен об этом сказать, товарищи, — и я, и мои ближайшие помощники (вероятно, нарком имел в виду прежде всего своих заместителей Я.Б. Гамарника и М.Н. Тухачевского, начальника Генштаба А.И. Егорова, начальника Управления по комначсоставу Б.М. Фельдмана — своего помощника по кадрам. Все они, за исключением Егорова, через три месяца окажутся во «врагах народа». — Н. Ч.) проводили эту работу с достаточной осторожностью. Я лично подхожу всегда осторожно при решении вопроса об увольнении человека из рядов армии. Приходится быть внимательным, даже если человек в прошлом был замешан в оппозиции...

Частенько бывают у меня разговоры с органами тов. Ежова в отношении отдельных лиц, подлежащих изгнанию из рядов Красной Армии. Иной раз приходится отстаивать отдельных лиц. Правда, сейчас можно попасть в очень неприятную историю: отстаиваешь человека, будучи уверен, что он честный, а потом оказывается, он самый доподлинный враг, фашист. Но, невзирая на такую опасность, я все-таки эту свою линию, по-моему правильную, сталинскую линию, буду и впредь проводить...»[\[9\]](#)

Ворошилов проинформировал членов ЦК ВКП(б) о количественно-качественном составе подчиненных ему кадров: в армии и на флоте к моменту начала работы пленума по штату насчитывалось 206 тысяч человек комначсостава, из которых 107 тысяч — командиры, а остальные — политсостав, инженерно-технический, медицинский, ветеринарный, административно-хозяйственный и прочий начальствующий состав. 67% командного состава являлись членами и кандидатами партии, а около 8% — комсомольцами. 90% командиров имели законченное военное образование (среднее или высшее). Среди военно-технического состава этот процент был несколько выше. В докладе, как недостаток, отмечалось то, что половина политсостава РККА не имела законченного военного или политического образования [\[10\]](#).

— К настоящему моменту, — с пафосом заявил нарком обороны, — армия представляет собой боеспособную, верную партии и государству вооруженную силу... Отбор в армию исключительный. Нам страна дает самых лучших людей.

Самых лучших людей!.. Тогда позволительно спросить докладчика, откуда же вскоре появилось-развелось в армии столько вредителей, шпионов и диверсантов? Откуда взялись они, эти люди, если существовал такой жесточайший отбор?

Из доклада Ворошилова видно, что политические репрессии в Красной Армии шли и до 1937 года. Если уже быть совсем точным, то они не прекращались никогда с момента создания Рабоче-Крестьянской Красной Армии, то несколько затухая, то разгораясь с новой силой. Так было в годы Гражданской войны и после нее в 1921, 1929 — 1930, 1933, 1935 и в последующие годы. Особо ощутимые потери несли бывшие офицеры старой армии, по мобилизации или добровольно вступившие в РККА. Эта тема заслуживает самостоятельного серьезного исследования. А так как она выходит за временные рамки нашего повествования, то мы не будем на ней останавливаться. Скажем только, что в разное время подвергались аресту и лишению свободы комкоры С.Н. Богомяков и С.А. Пугачев, комдив А.А. Свечин, комбриг А.И. Верховский и другие бывшие офицеры.

Конечно, каждый кулик, то есть нарком, свое болото, то бишь ведомство, хвалит. И это можно понять. Однако, не в пример Ворошилову, выступивший на пленуме председатель СНК СССР В.М. Молотов совсем по-другому оценивал положение с армейскими кадрами, дав тем самым установку на вскрытие там вредительской, шпионской и диверсионной деятельности троцкистов. И хотя на пленуме в основном речь шла о «разоблачении» Бухарина, Рыкова и их сторонников, выступление Молотова прозвучало как команда «Искать (и хорошо искать!) троцкистов в армии!».

В заключительном слове Молотов дал обоснование своей позиции:

«Было вначале предположение по военному ведомству здесь особый доклад заслушать, потом мы отказались от этого, мы имели в виду важность дела, но пока там небольшие симптомы обнаружены вредительской [\[29\]](#) работы, шпионско-диверсионно-троцкистской работы. Но я думаю, что и здесь, если бы внимательнее подойти, должно быть больше... Если у нас во всех

отраслях хозяйства есть вредители, можем ли мы себе представить, что только там нет вредителей. Это было бы нелепо... Военное ведомство — очень большое дело, проверяться его работа будет не сейчас, а несколько позже, и проверяться будет очень крепко»[\[11\]](#).

Узнаете знакомый мотив? Как же это так — во всех без исключения отраслях производства и органах управления имеются вредители, диверсанты и троцкисты, а в армии их нет?!.. Ведь это же абсурд! Такого просто быть не может! — вот основной вывод, сделанный Молотовым на пленуме. А отсюда вытекает и другой, не менее тяжелый для армии вывод: плохо искали, надо было лучше искать. Необходимо срочно исправлять допущенную ошибку! Ищите вредителей более внимательно, и вы их обязательно найдете! Ведь недаром еще после нашумевшего «шахтинского» дела Сталин неоднократно заявлял: «Шахтинцы» сидят теперь во всех отраслях нашей промышленности. Многие из них выловлены, но далеко еще не все выловлены...»

Анализируя содержание выступлений В.М. Молотова, Л.М. Кагановича, К.Е. Ворошилова и других руководителей на февральско-мартовском пленуме ЦК ВКП(б), отмечаешь следующую их особенность, которая сама напрашивается при чтении материалов этого «форума» функционеров центрального аппарата партии и ее крупнейших организаций на местах. Вот выступило несколько наркомов, и каждый из них, докладывая о состоянии дел и чудовищно больших масштабах вредительства в их отрасли, вроде даже щеголяет перед другими своей ретивостью в избиении кадров. В такой атмосфере Ворошилов явно смотрится «белой вороной», хотя в унисон остальным докладчикам ему очень хотелось представить не менее «разгромный» материал по своему ведомству. Особенно после реплики Кагановича, не верящего, что Ворошилов доложит истинное положение дел в Красной Армии.

О чем думал «первый маршал» РККА, слушая доклад самого Кагановича о состоянии дел на транспорте, цифрах и фактах вредительства, а также персональные политические оценки? Например, такие данные, характеризующие рост вредительства в наркомате путей сообщения: «...Из 177 руководящих работников за два года заменено 99 человек. Из 39 начальников у нас сейчас осталось 12 старых и 27 новых... Из 100 человек снятых — 36 арестованы. Из 36 арестованных — 22 человека были сняты с работы до ареста. Из арестованных 3 человека числятся по анкете бывшими троцкистами, остальные не числятся бывшими троцкистами, значит, скрывали...»

Я не скажу, что мы абсолютно никаких мер не принимали, меры мы принимали, например за два года из политотдельского аппарата разоблачено 299 троцкистов, из аппарата НКПС (наркомата путей сообщения. — Н. Ч.) 220 человек, троцкистов из них 109 человек... По дорогам (железным. — Н. Ч.) мы имеем такую картину: в 1934 г. разоблачено было 136 человек троцкистов, в 1935 г. — 807 троцкистов, в 1936 г. — 3800, из них значительная часть арестована...»[\[12\]](#)

Приведенные Кагановичем цифры просто потрясают. Что же это за удивительное племя такое — троцкисты? Почему же оно такое живучее? Ведь смотрите: бьют, бьют их, а количественно они нисколько не уменьшаются. Не могли же не задумываться над такими цифрами здравомыслящие люди в стране и партии. Или это уже близко к психологическому парадоксу, когда влияние больших чисел оказывает свое магическое негативное воздействие? Конечно, на фоне ошеломляющих примеров вредительства на транспорте цифры, названные в докладе Ворошилова, выглядят просто жалкими и несолидными. Потому-то и неслись реплики со стороны руководителей некоторых наркоматов, весьма критически воспринявших выступление наркома обороны, особенно его слова о том, что «в Красной Армии врагов вообще немного».

Как свидетельствуют документы, вывод председателя СНК СССР о наличии скрытого вредительства в Красной Армии, равно как и его утверждение о широком распространении вредительства в народном хозяйстве не имели под собой абсолютно никакой основы. И тем не менее требование о проверке военного ведомства с трибуны пленума прозвучало, будучи воспринято руководством НКВД и наркомата обороны в лице Н.И. Ежова и К.Е. Ворошилова как прямой директивный приказ партии и правительства по тщательной чистке армии и флота от замаскировавшихся «врагов народа», а также от лиц, не внушающих политического доверия.

Николай Иванович Ежов всегда был исполнительным партийцем, «верной собакой Сталина», как он сам себя назовет в последнем слове на судебном заседании Военной коллегии по его делу. Получив от Молотова «добро» на усиление и расширение фронта поиска вредителей в РККА, Ежов и его ведомство, вызывавшее у большинства нормальных людей смертельный ужас, постарались в кратчайший срок снять упреки в свой адрес. Спустя некоторое время они смогли добиться от арестованных военачальников и бывших сотрудников НКВД показаний о существовании в армии «военно-троцкистской организации», якобы возглавляемой М.Н. Тухачевским и другими видными командирами.

Для начала арестовали несколько военачальников рангом ниже Тухачевского — командующего войсками Уральского военного округа ком-кора И.И. Гарькавого и его заместителя, тоже комкора, М.И. Василенко. Взяли их через несколько дней после окончания работы пленума — 11 марта 1937 года. Затем наступила очередь комкора М.И. Алафузо, начальника кафедры Академии Генерального штаба РККА (15 апреля); комдива М.М. Ольшанского, заместителя начальника Автобронетанкового управления РККА (15 апреля); комдива Г. А. Тухарели, помощника командующего войсками ЗакВО по материальному обеспечению (17 апреля); комдива Г.Н. Кутателадзе, командира 9-го стрелкового корпуса (19 апреля). Это было первое крупное «подкрепление» тем силам из «генералитета», находившимся в застенках НКВД, о которых говорил нарком Ворошилов на пленуме ЦК ВКП(б).

Помимо Гарькавого и Василенко, в марте-апреле 1937 года из первых лиц в военных округах никто больше не пострадал. Однако некоторые служебные перемещения (по горизонтали, на равнозначные должности) Ворошилов с Гамарником произвели. Так начальник Военно-политической академии армейский комиссар 2-го ранга Б.М. Иппо пошел в САВО начальником политуправления. Из БВО армейский комиссар 2-го ранга А.С. Булин назначается вместо комкора Б.М. Фельдмана на Управление по командному и начальствующему составу РККА. Фельдман же стал в МВО у И.П. Белова заместителем. В Смоленск вместо Булина поехал из Куйбышева Август Мезис, тоже армейский комиссар 2-го ранга.

Военный Совет заседает

Начавшие набирать скорость аресты среди высшего руководства РККА вызывали недоумение у командно-начальствующего состава армии и флота, порождали самые невероятные слухи и сплетни, тем самым содействуя созданию чувства неуверенности, политической и правовой незащищенности. Проанализировав подобную информацию с мест, в Москве посовещались и решили, что необходимо срочно рассеять такие сомнения, приняв незамедлительные меры по укреплению значительно пошатнувшегося морально-политического состояния кадров РККА. Именно с этой целью Сталин и Ворошилов через день после ареста Якира и Уборевича собирают расширенное заседание Военного совета при наркомате с участием членов Политбюро ЦК ВКП(б).

Какие конкретно чувства испытывали в те дни командиры и политработники в войсках, что за сомнения их одолевали, хорошо видно из неопубликованных воспоминаний бригадного комиссара Н.Г. Конюхова, в июне 1937 года занимавшего пост военкома танковой бригады в Белорусском военном округе. Учитывая, что это чуть ли не единственное письменное свидетельство участника данного заседания Военного совета (1 — 4 июня 1937 года), дадим более подробную выдержку из этих воспоминаний.

«В мае 1937 года по нашему Белорусскому военному округу проходила окружная партийная конференция. Надо сказать, конференция была весьма бурной по вопросам боевой и политической подготовки. Некоторые командиры-единоначальники противопоставляли боевую (строевую, тактическую, стрелковую) подготовку политической. На конференции стали известны такие факты. Командир 4-й кавдивизии Г.Е. Жуков издал приказ о том, что всякая работа политотдела дивизии и партбюро полков планируется штабами. А Конев Иван Степанович на совещании начсостава 2-й стрелковой дивизии (которой он в то время командовал. — Н.Ч.) сказал: «...Если настанет час испытаний, то с чем будем воевать — с винтовкой или с марксизмом?» (Удивительно то, что такие «кощунственные» слова прозвучали из уст бывшего комиссара дивизии и корпуса. — Н.Ч.)

Это было полным голосом сказано, что стрелковая, тактическая подготовка — главное, ведущее и уравнивать боевую подготовку с политической нельзя.

На партийной конференции эти выступления были подвергнуты резкой критике и связаны с именем командующего войсками И.П. Уборевича, который, видимо, готовился сказать свое мнение по этому вопросу в заключительном слове, но сказать ему не пришлось.

На третий день партийной конференции, утром, член Военного совета А.И. Мезис объявил, что сегодня ночью арестован командующий войсками И.П. Уборевич. Это сообщение партийной конференцией было принято, как удар обухом по голове. Как-то так получилось, что резкая критика как бы послужила причиной или материалом его ареста. Но в критике говорилось, чтобы еще выше поднять качество боевой и политической подготовки.

А день спустя после партийной конференции меня в числе других командиров и политработников на первое июня 1937 года вызвали в Москву.

В машине, между Белорусским вокзалом и Кремлем, куда нас пригласили, в хронике газеты «Правда» я прочитал, что «...сегодня ночью самоубийством покончил жизнь Я.Б. Гамарник, начальник Политуправления РККА».

К тому, что мы уже знали об аресте И.П. Уборевича и то, что прочитал в газете о Гамарнике, наш вызов в Кремль мне показался зловещим.

После завтрака нас пригласили в Малый зал ЦИК СССР. Нарком внутренних дел СССР Ежов и нарком внутренних дел Украины Леплевский (Конюхов здесь несколько опережает события. Леплевский займет названную должность сразу после суда над М.Н. Тухачевским. А в начале июня 1937 года он был начальником Особого отдела Главного управления государственной безопасности НКВД СССР. — Н.Ч.) раздали нам «собственноручные» показания Тухачевского, Якира, Корка, Фельдмана, Путны, Эйдемана. Показаний Уборевича еще не было. По мере ознакомления с «показаниями» наше мрачное настроение перерастало в гнев против заговорщиков государственного переворота и измены Родине. И только после ознакомления с

показаниями «заговорщиков» в присутствии членов Политбюро ЦК ВКП(б) маршал А.И. Егоров открыл заседание Военного совета...»

С докладом «О раскрытом органами НКВД контрреволюционном заговоре в РККА» выступил К.Е. Ворошилов. Известно, что кроме постоянных членов на Военном совете присутствовало 116 военных работников, приглашенных с мест и из центрального аппарата наркомата обороны. Необходимо отметить и тот факт, что к началу работы Военного совета, то есть к 1 июня 1937 года, 20 его членов уже были арестованы как «заговорщики».

Вот их имена: Маршал Советского Союза М.Н. Тухачевский; командармы 1-го ранга И.П. Уборевич, И.Э. Якир; командарм 2-го ранга А.И. Корк; армейские комиссары 2-го ранга Л.Н. Аронштам, Г.И. Векличев, Г.А. Осепян; комкоры Э.Ф. Аппога, М.И. Василенко, И.И. Гарькавый, Б.С. Горбачев, Н.А. Ефимов, Е.И. Ковтюх, И.С. Кутяков, А.Я. Лапин, В.М. Примаков, С.А. Туровский, Б.М. Фельдман, Р.П. Эйдеман; комдив Е.С. Казанский.

Возвратимся к воспоминаниям Н.Г. Конюхова. Он пишет, что

«...нового мы ничего не узнали. К.Е. Ворошилов добросовестно изложил добытые показания заговорщиков и от себя добавил такой факт, как-то в наркомат попала записка бывшего командира 15-го механизированного корпуса Шмидта (так в тексте воспоминаний. На самом деле комдив Д.А. Шмидт на день своего ареста в начале июля 1936 г. командовал в Киеве 8-й механизированной бригадой. — Н. Ч.), где он на имя Ворошилова писал: «...Помогите мне, ведь Вы, Климент Ефремович, меня знаете лучше всех, я не совершал никаких преступлений...»

После получения записки, говорит дальше Ворошилов, я звоню Н.И. Ежову:

— Что там вышло у Шмидта?

Ежов мне ответил:

— Есть такой у нас.

Дня через три Ежов обещал доложить более подробно. И что же я узнал? Оказывается, этот Шмидт готовил на меня покушение в театре оперы и балета в Киеве, когда мы смотрели концерт для участников Больших Киевских маневров. Теперь подумайте, как я могу вмешиваться в аресты, которые проводятся НКВД, сказал в заключение Ворошилов».

Конюхов в основном верно передает содержание доклада наркома обороны. Вот только относительно записки комдива Д.А. Шмидта он ошибается — о ней Ворошилов говорил тремя месяцами раньше, на пленуме ЦК ВКП(б): «Вот другой тип — Шмидт Дмитрий; этот уже в «генеральском чине», комдив. Он тоже написал мне и тоже апеллирует к моим чувствам. Вот его письмо.

«Дорогой Климентий Ефремович! Меня арестовали и предъявили чудовищные обвинения, якобы я троцкист. Я клянусь Вам всем для меня дорогим — партией, Красной Армией, что я ни на одну миллионную не имею вины, что всей своей кровью, всеми мыслями принадлежу и отдан только делу партии, делу Сталина. Разберитесь, мой родной, сохраните меня для будущих тяжелых боев под Вашим начальством».

Как видите, в этом, хотя и кратком, письме сказано все, ничего не упущено. Предатель Шмидт с достойной двурушника циничностью даже заботится о том, чтобы я был его начальником «в

будущих тяжелых боях». А через месяц этот наглец, будучи уличен фактами, сознался во всех своих подлых делах, рассказал во всех подробностях о своей бандитской и контрреволюционной работе...»[{13}](#)

Напрасно стучался Дмитрий Шмидт в двери сердца Клима Ворошилова, отчаянно надеясь найти там ответный отклик. Тщетны были его усилия доказать свою непричастность к преступлениям, инкриминируемым ему. Не пошел ему навстречу Ворошилов, как не пошел и Сталин, к которому, как к последней инстанции, обратился Шмидт с таким вот заявлением:

«Все обвинения — миф, показания мои — ложь на 100%. Почему я давал показания, к этому мало ли причин... Я у Вас прошу не милости. После моего разговора с Вами совершить какое-нибудь преступление перед партией, это было бы в меньшей мере вероломство... Пишу я Вам, зная, что Вы можете все проверить... Дорогой Сталин! Самое основное, что я ни в чем не виновен... Честному человеку, бойцу и революционеру не место в тюрьме...»[{14}](#)

Широко используя сфабрикованные в ГУГБ НКВД (отделы Леплевского, Миронова, Слуцкого) ложные показания арестованных командиров РККА, Ворошилов в своем докладе утверждал (цитируется по стенограмме): «Органами Наркомвнудела раскрыта в армии долго существовавшая и безнаказанно орудовавшая, строго законспирированная контрреволюционная фашистская организация, возглавлявшаяся людьми, которые стояли во главе армии.

О том, что эти люди — Тухачевский, Якир, Уборевич и ряд других людей — были между собой близки, это мы знали, это не было секретом. Но от близости, даже от такой групповой близости до контрреволюции очень далеко... В прошлом году, в мае месяце, у меня на квартире Тухачевский бросил обвинение мне и Буденному, в присутствии т.т. Сталина, Молотова и многих других, в том, что я якобы группирую вокруг себя небольшую кучку людей, с ними веду, направляю всю политику и т.д. Потом на второй день Тухачевский отказался от всего сказанного... Тов. Сталин тогда же сказал, что надо перестать препираться частным образом, нужно устроить совещание П.Б. (Политбюро ЦК ВКП(б). — Н. Ч.) и на заседании подробно разобрать в чем тут дело. И вот на этом заседании мы разбирали все эти вопросы и опять-таки пришли к прежнему результату.

Сталин: Он отказался от своих обвинений.

Ворошилов: Да, отказался, хотя группа Якира и Уборевича на заседании вела в отношении меня довольно агрессивно. Уборевич еще молчал, а Гамарник и Якир вели себя в отношении меня очень скверно».

То, что в середине 30-х годов между наркомом Ворошиловым и группой молодых военачальников РККА во главе с Тухачевским существовали серьезные разногласия, — факт давно известный. И на данном совете глава военного ведомства еще раз, притом публично, признал это. Суть разногласий сводилась к разнице взглядов на концепцию строительства и развития Вооруженных сил СССР. Со значительным опозданием, с большими потугами, но в итоге все же побеждала линия Тухачевского и его сторонников. Это касалось технического переоснащения армии и флота, методов обучения "личного состава боевой подготовке, взглядов на применение технических родов войск (танки, авиация, связь), а также на использование кавалерии в современной войне. Последнее обстоятельство стало камнем преткновения в споре двух сторон.

Упрек Тухачевского в том, что Ворошилов окружил себя группой лиц, лично преданных ему, которые фактически и вершили все дела в наркомате обороны, не лишен основания, хотя и не в полной мере. Не удивительно, что нарком наиболее благоволил к лицам из числа командно-

начальствующего состава «выходцам из рядов 1-й Конной армии. К ним он относился крайне доброжелательно при назначении на должности, им отдавал предпочтение при направлении на учебу, при представлении к наградам. Известно также, что в конце 20-х и в 30-е годы наибольшее количество орденов Красного знамени имели командиры, носившие звание конармейца. [31] А что касается ближайшего окружения наркома, то оно также легко поддается расшифровке: инспектором кавалерии РККА был С.М. Буденный, ближайший соратник Ворошилова. Весь руководящий состав этой инспекции состоял из питомцев 1-й Конной (И.Д. Косогов, С.А. Зотов, И.В. Тюленев и другие). Для особо важных поручений при Ворошилове состоял Г.М. Штерн, бывший военком 7-й Самарской кавдивизии.

Смотрели в рот своему патрону, слепо и безоговорочно выполняли все его указания начальник Генштаба РККА Маршал Советского Союза А.И. Егоров (что бы он потом ни говорил своему следователю и ни писал в собственноручных показаниях после ареста), начальники ведущих управлений Красной Армии: механизации и моторизации — И. А. Халепский, Химического — Я.М. Фишман, ВВС — Я.И. Алкснис, ВМС — В.М. Орлов. Именно их в первую очередь имел в виду М.Н. Тухачевский, кидая в сердцах упрек своему непосредственному начальнику в присутствии членов Политбюро ЦК ВКП(б). И пусть это было за праздничным столом, после принятой соответствующей дозы спиртного... Хотя бы и так! Вероятнее всего, так оно и было. Ведь в народе справедливо говорят: что у трезвого на уме, у пьяного на языке. По рассказу Ворошилова и реплике Сталина видно, что Тухачевский на следующий день, взвесив на трезвую голову все обстоятельства «за» и «против», решил все же не обострять и так до предела натянутые отношения с Ворошиловым и его окружением. Поэтому и отказался от всего сказанного накануне. Но глубинные причины, лежавшие в основе их противоборства, так и остались налицо, что вновь подтвердилось на заседании Политбюро, о котором упомянул Ворошилов в своем докладе.

Взаимная личная неприязнь Ворошилова и Тухачевского сопутствовала им многие годы и сыграла не последнюю роль в судьбе последнего. По крайней мере никаких попыток защитить своего заместителя в высших партийных инстанциях и в НКВД со стороны Ворошилова в имеющихся документах не обнаружено. Скорее всего, было наоборот...

В докладе Ворошилов, понимая, что многие из собравшихся искренне недоумевают, как это он, «железный нарком», первый маршал страны, такой прозорливый и опытный, смог допустить, что его заместители Гамарник и Тухачевский, помощник по кадрам Фельдман, а также командующие войсками крупнейших приграничных округов Якир и Уборевич оказались шпионами, предателями, вредителями и антисоветчиками? Как такое вообще могло случиться и где же был он, нарком обороны?

Отвечая на эти назревшие, но так и не заданные ему вопросы, Ворошилов самокритично заявил: «Я как народный комиссар... откровенно должен сказать, что не только не замечал подлых предателей, но даже когда некоторых из них (Горбачева, Фельдмана и др.) уже начали разоблачать, я не хотел верить, что эти люди, как казалось, безусловно работавшие, способны были на столь чудовищные преступления. Моя вина в этом огромна. Но я не могу отметить ни одного случая предупредительного сигнала и с вашей стороны, товарищи... Повторяю, никто и ни разу не сигнализировал мне или ЦК партии о том, что в РККА существуют контрреволюционные конспираторы...»

Продолжая эту мысль, нарком призвал собравшихся не только сообщать («сигнализировать») в соответствующие органы и инстанции о наличии контрреволюционеров, но и развить этот процесс и вширь и вглубь — «проверить и очистить армию буквально до самых последних щелочек», при

этом заранее предупредив, что в результате такой чистки «может быть, в количественном выражении мы понесем большой урон».

Таким образом, уже заранее уверовав, что в частях, соединениях и учреждениях Красной Армии имеется значительное число «врагов народа» (как мы помним, на февральско-мартовском пленуме ЦК ВКП(б) он утверждал совершенно обратное), ее нарком стал внушать подозрение к командному, политическому, инженерно-техническому составу, в основной своей массе выходцам из рабочих и крестьян. Такой установкой Ворошилов санкционировал шельмование, увольнение из армии и флота, исключение из партии, арест лучших представителей не только высшего и старшего, но и среднего командного состава. А иначе, по-другому его выводы и рекомендации, сделанные им в докладе, понимать невозможно.

Как уже упоминалось, перед началом работы Военного совета все его участники были ознакомлены с показаниями М.Н. Тухачевского, И.Э. Якира и некоторых других «заговорщиков». Это создало напряженную атмосферу с самого начала работы совета. Доклад Ворошилова не внес прояснения в мрачное настроение собравшихся, вызвав только еще больше недоуменных вопросов. В президиум поступили записки с просьбой о необходимости выступления И.В. Сталина, ибо только он один, по мнению членов совета и приглашенных, мог сделать исчерпывающий анализ случившегося, внести определенную ясность, дать объективную оценку события в стране.

И вот 2 июня Сталин выступил перед участниками заседания. Из воспоминаний Н.Г. Конюхова: «Наконец маршал Егоров предоставил слово Сталину. Продолжительное время мы стоя приветствовали вождя, не давали ему говорить. И только после повелительного жеста наступило успокоение. Выступление Сталина забыть нельзя. (Еще бы! Над каждым сидящим в зале — как членом совета, так и не входящим в его состав — так сгустились тучи, что вот-вот мог грянуть оглушительный гром. Пример Тухачевского и его товарищей у всех был перед глазами. — Н.Ч.) Оно сохранилось у меня в памяти все это время и то, что было сказано тогда, мне кажется, что это говорилось вчера.

Приведу не только смысл выступления Сталина, но и его точные выражения, потому что после мне пришлось вести разъяснительную работу в частях по разоблачению «заговорщиков», о тех их замыслах и способах измены...

— Товарищи! — обратился к нам Сталин. — Я вижу на ваших лицах мрачность и какую-то растерянность. Понимаю, очень тяжело слушать о тех, с которыми вы десятки лет работали и которые теперь оказались изменниками Родины. Но омрачаться не надо. Это явление вполне закономерное. Почему иностранная разведка должна интересоваться областью сельского хозяйства, транспорта, промышленностью и оставить в стороне Красную Армию? Надо думать, наоборот — иностранная разведка [32] всегда интересовалась Вооруженными Силами нашей страны, засылала шпионов, расставляла резидентов, чтобы знать уязвимые наши места...»

Сталин в своей речи постарался накрепко увязать Тухачевского и других арестованных военачальников с осужденными на процессах 1936 и начала 1937 года, а также с опальными и ждущими расправы деятелями партии — Н.И. Бухариным, А.И. Рыковым и другими «правыми». Сославшись на показания самих арестованных, он сделал вывод, что в стране был военно-политический заговор против советской власти, инспирированный и финансируемый германскими фашистами. По его утверждению, руководителями этого заговора были Л.Д. Троцкий, А.И. Рыков, Н.И. Бухарин, Я.Э. Рудзутак, Л.М. Карахан, А.С. Енукидзе, Г.Г. Ягода, а по

военной линии — М.Н. Тухачевский, И.Э. Якир, И.П. Уборевич. А.И. Корк, Р.П. Эйдеман и Я.Б. Гамарник.

«Это — ядро военно-политического заговора, — говорил Сталин, — ядро, которое имело систематические сношения с германскими фашистами, особенно с германским рейхсвером, и которое приспособляло всю свою работу к вкусам и заказам со стороны германских фашистов».

Сталин уверенно заявил, что из 13 названных им руководителей заговора десять человек, то есть все, кроме А.И. Рыкова, Н.И. Бухарина и Я.Б. Гамарника, являются шпионами немецкой, а некоторые и японской разведок. Так, говоря о Тухачевском и других арестованных военных, он пригвоздил к позорному столбу измены каждого из них: «Он (Тухачевский. — Н. Ч.) оперативный план наш, оперативный план — наше святая святых, передал немецкому рейхсверу. Имел свидание с представителями немецкого рейхсвера. Шпион? Шпион... Якир — систематически информировал немецкий штаб... Уборевич — не только с друзьями, с товарищами, но он отдельно сам лично информировал. Карахан — немецкий шпион, Эйдеман — немецкий шпион, Корк информировал немецкий штаб, начиная с того времени, когда он был у них военным атташе в Германии»[\[15\]](#).

По словам Сталина, подследственные Рудзутак, Карахан, Енукидзе (двое последних — старые холостяки. — Н.Ч.) были завербованы Жозефиной Гензи (Енсен), немецкой разведчицей-датчанкой, состоявшей на службе у германского рейхсвера. И она же помогла, по утверждению Сталина, завербовать Тухачевского.

Используя представленные Особым отделом ГУГБ НКВД СССР следственные материалы, Сталин в своем выступлении оклеветал многих военачальников, назвав их участниками военного заговора. Обвиняя этих лиц в шпионаже, он вновь заявил: «Это военно-политический заговор. Это собственноручное сочинение германского рейхсвера. Я думаю, эти люди являются марионетками и куклами в руках рейхсвера. Рейхсвер хочет, чтобы у нас был заговор, и эти господа взялись за заговор. Рейхсвер хочет, чтобы эти господа систематически доставляли им военные секреты, и эти господа сообщали им военные секреты... Рейхсвер хотел, чтобы в случае войны было все готово, чтобы армия перешла к вредительству с тем, чтобы армия не была готова к обороне, этого хотел рейхсвер, и они [33] это дело готовили. Это агентура, руководящее ядро военно-политического заговора в СССР... Это агентура германского рейхсвера. Вот основное. Заговор этот имеет, стало быть, не столько внутреннюю почву, сколько внешние условия, не столько политику по внутренней линии в нашей стране, сколько политику германского рейхсвера. Хотели из СССР сделать вторую Испанию и нашли себе и завербовали шпииков, орудовавших в этом деле...»[\[16\]](#)

Но почему же все-таки именно германские шпионы, а не какие-либо другие? Например, польские, итальянские, французские, английские? Все дело, оказывается, упирается в то, что названные лица в разное время бывали в Германии по служебным или личным (лечение) делам.

В воспоминаниях Н.Г. Конюхова отдельные фрагменты последующей части выступления Сталина выглядят так:

— Вот тут выступал Кулик и говорил, что Тухачевский врагом народа оказался потому, что он бывший помещик. Эта точка зрения неправильная, она биологическая. Возьмем, например, заместителя Кагановича по наркомату путей сообщения Лившица (Яков Абрамович Лившиц, с 1935 года работавший заместителем наркома путей сообщения, был осужден к расстрелу по процессу Ю.Л. Пятакова в январе 1937 г. — Н. Ч.). Ведь Лившиц потомственный, кадровый

рабочий ленинградских заводов, а оказался в стане врагов. Главное в том, что здесь сказалось перерождение... Тухачевский является шпионом в пользу Германии. Он был завербован тогда, когда учился в Академии Генерального штаба в Германии...

...Кто бы мог подумать, что бывший член Военного совета ОКДВА Аронштам окажется изменником, а сегодня это факт. (Армейский комиссар 2-го ранга Л.Н. Аронштам был арестован 31 мая 1937 года, то есть за день до начала работы данного заседания. Следствие только-только началось, а Сталин уже фактически объявляет обвинительное заключение — враг, изменник, шпион! — Н. Ч.). Однажды он прибыл ко мне и поставил вопрос о снятии маршала Блюхера. Задаю вопрос Аронштаму:

— Кого бы Вы хотели вместо Блюхера?

Аронштам ответил:

— Блюхер морально и физически разложился, забросил работу по воспитанию войск. Единственно, кто мог бы подойти вместо Блюхера, так это Уборевич или Якир.

— Проверю, тогда и приму решение, — ответил я Аронштаму.

Теперь же оказалось, что за спиной Аронштама стояла японская разведка, она требовала убрать Блюхера и назначить Уборевича или Якира из заговорщиков.

Когда я поручил проверить заявление Аронштама, то оказалось, что Блюхер отличный командующий, знает свой округ и ведет большую работу по воспитанию войск...

Сталин, как и всегда, здесь ставил на беспроегршную, по его устоявшемуся мнению, карту противопоставления одних лиц другим. Сегодня он рьяно защищал маршала Блюхера, а через год с небольшим, на другом заседании Главного военного совета, с немалым усердием будет всемерно обливать его грязью, приписывая и припоминая ему неимоверное [34]количество действительных и мнимых прегрешений, но пока на дворе лето 1937 года и Блюхер ходит в героях у народа и фаворитах у вождя.

— Он, конечно, разумнее, опытнее, чем любой Тухачевский, чем любой Уборевич, который является паникером, и чем любой Якир, который в военном деле ничем не отличается, — заявил Сталин. — Поставьте людей на командную должность, которые не пьют и воевать не умеют — нехорошо. Есть люди с 10-летним командующим (так в тексте стенограммы. — Н.Ч.)опытом, действительно из них сыплется песок, но их не снимают, наоборот, держат...»[\[17\]](#)

Говоря о наличии на командной работе в Красной Армии таких стариков, из которых из-за их древности уже сыплется, по его образному выражению, песок и обладающих большим опытом руководства войсками военных округов, Сталин не назвал конкретно ни одной фамилии. Но раз в контексте речь шла о Блюхере, то многие присутствующие на Военном совете вполне закономерно могли отнести слова генсека на его счет, хотя эго абсолютно было не по адресу: маршал всего лишь на шесть лет был старше Якира и Уборевича и на три — Тухачевского, которых в соответствующих компетентных кругах Европы считали не только талантливыми, но и одними из самых молодых военачальников оперативно-стратегического звена. Чуть постарше (на 3 — 4 года) являлся Василий Константинович Блюхер и по отношению к некоторым другим командующим войсками военных округов. Из этой категории высшего командного состава самым пожилым (55 лет) являлся командарм 1-го ранга Б.М. Шапошников, однако к нему, видимо, унижающие

достоинство слова насчет старости и песка не относились ввиду полнейшего доверия со стороны руководства партии: он только что во второй раз занял пост начальника Генерального штаба, сменив маршала Егорова.

По словам Н.Г. Конюхова, на заседании Военного совета Блюхер сидел в первом ряду, и все видели на его лице большое удовлетворение от похвалы Сталина. Были рады и многие участники заседания тому, что один из авторитетных командующих, к тому же Маршал Советского Союза, оказался вне заговора.

Сообщив, что по военной линии уже арестовано 300 — 400 человек, Сталин высказал обвинение в адрес военных чекистов, заключающееся в том, что дело о военном заговоре они все-таки «прошляпили». Бросил он упрек и руководству партии: «Почему мы так странно прошляпили это дело? Ведь сигналы были! В феврале был Пленум ЦК. Все-таки как никак дело это наворачивалось, а вот все-таки прошляпили, мало кого мы сами открыли из военных. В чем тут дело?»

Причину такого «прокола» Сталин видит в том, что достигнутые в социалистическом строительстве успехи вскружили голову некоторым людям: «Общая обстановка, поступательный рост и в армии, и в стране, и в партии, вот они у нас притупили чувство политической бдительности и несколько ослабили остроту нашего зрения. И вот в этой-то как раз области мы и оказались разбитыми...»^[18] Он заявил, что наша разведка по военной линии плоха, слаба и засорена шпионами, что внутри чекистской разведки нашлась целая группа, работавшая на Германию, Японию, Польшу.

«Нужно проверять людей, и чужих, которые приезжают, и своих. Это значит надо иметь широко разветвленную разведку... Во всех областях разбили мы буржуазию, только в области разведки оказались битыми как мальчишки... Вот наша основная слабость. Разведки нет, настоящей разведки... разведка — это та область, где мы впервые за 20 лет потерпели жесточайшее поражение. И вот задача состоит в том, чтобы разведку поставить на ноги. Это наши глаза, это наши уши...»^[19]

Если упреки Сталина о слабости разведки касались большинства собравшихся косвенным образом, то другое обвинение — об отсутствии своевременных «сигналов» с мест о недостатках, фактах вредительства, антисоветских действий — попадало, как говорится, не в бровь, а в глаз. Оценив «сигнализацию» с мест как плохо поставленное дело, вождь партии особо подчеркнул огромное значение своевременной информации:

«Плохо сигнализируете, а без ваших сигналов ни военком, ни ЦК ничего не могут знать... Каждый член партии, честный беспартийный, гражданин СССР не только имеет право, но обязан о недостатках, которые он замечает, сообщать. Если будет правда хотя бы на 5%, то и это хлеб...»^[20]

Здесь же Сталин бросил упрек Генеральному штабу в отсутствии с его стороны должного контроля за деятельностью командующих войсками военных округов, в частности за работой Якира и Уборевича, а также за упущения в подборе и назначении кадров командно-начальствующего состава высшего звена. Особой критике в этом отношении подверглось Автобронетанковое управление РККА и его начальник командарм 2-го ранга И.А. Халепский, а также Командное управление, бывшие начальники которого (комкоры И.И. Гарькавый, Н.А. Ефимов, Б.М. Фельдман, комдив С.М. Савицкий) оказались к тому времени за решеткой в тюрьме.

Некоторое замешательство в зале вызвали слова Сталина:

— Военные заговорщики нами разоблачены вовремя. Они корней вниз армии не пустили. Этот заговор государственного переворота является заговором верхушки. Но нельзя думать, что враги не пытались кого-нибудь из вас, сидящих здесь, завербовать и вовлечь в свои коварные замыслы. Имейте мужество подняться на трибуну и сказать об этом, вам будет дарована жизнь и сохранено положение в армии.

Сталин дал честное слово, что такие люди будут прощены. Однако вполне естественно, что ни одного желающего признавать свое участие в заговоре и подниматься на трибуну-голгофу среди нескольких сотен участников заседания не нашлось, ибо все до единого понимали, что такой поступок означал бы на деле собственноручное подписание смертного приговора. Слишком сильным оказалось впечатление от следственных материалов по делу Тухачевского и очень прозрачны были угрозы Сталина, Ежова и Ворошилова.

На трибуну, конечно, поднимались, но совершенно с другой целью — заклеить позором заговорщиков и заверить в своей полнейшей лояльности [35] к партии и правительству, лично И.В. Сталину. Подобное проделал и командующий войсками Харьковского военного округа командарм 2-го ранга И.Н. Дубовой, личный друг Якира. Вот как это выглядит в протокольном изложении арестованного вскоре коменданта Московского Кремля комдива П.П. Ткалуна (протокол допроса от 20 февраля 1938 года):

«...В последний раз я виделся с Дубовым в 1937 году на военном совещании в Кремле в присутствии членов Политбюро ЦК ВКП(б), на котором участникам совещания стало известно о признаниях Якира и других заговорщиков в своей антисоветской деятельности. Дубовой тогда сильно растерялся и струсил. Я его успокоил, заявив, что по официальной моей работе мне известно, что остальные участники заговора еще никем не выданы и не раскрыты органами НКВД и посоветовал ему в целях перестраховки, как бывшему заместителю Якира, выступить на этом совещании и мнимой искренностью отвести от себя возможные подозрения. Дубовой так и сделал, а я затем уверял его, что он выступил очень хорошо, во всяком случае его выступление звучало вполне искренне и правдиво».

Здесь, видимо, необходимо сделать поправку на то, что Ткалун на этом допросе и сам признается в своей мнимой антисоветской деятельности, всячески оговаривая себя и попутно еще целый ряд видных советских военачальников, в том числе и Дубового, с которым был в личной дружбе со времен Гражданской войны. Что же касается приведенного выше эпизода с выступлением Дубового на заседании Военного совета, то тут многое требует уточнения, ибо имеются свидетельства диаметрально противоположного содержания.

Например, полковник И.В. Дубинский со слов жены Дубового написал следующее: «...Сразу же после процесса Тухачевского заседал Военный совет. Там клеймили «заговорщиков и гнусных шпионов». Ивану Дубовому дали слово последнему. И хотя Сталин, облокотившись на кресло оратора, пронизывал его глазами, Дубовой сказал: «Я верил в Якира как в старого партийца и испытанного бойца». Сталин, сев на место, долго еще и зло смотрел на командующего войсками харьковского военного округа. Вернувшись домой, Иван Наумович сказал жене: «Не верю в измену Якира. И чем бы это ни закончилось, подлости не мог сделать даже по отношению к мертвому, хотя некоторые ораторы и говорили, что «в Якире давно что-то чувствовалось»^[21].

Пусть не удивляется читатель тому, что в приведенном отрывке своих воспоминаний автор, говоря о хронологии событий, переставил их местами. И дело здесь совсем не в почтенном возрасте мемуариста, хотя, безусловно, многое к тому времени стерлось в его памяти. Плюс выпавшие на его долю испытания, растянутые почти на два десятка лет: тюрьма, лагерь и ссылка. Вопрос, видимо, в другом — кадровый офицер Дубинский никак не мог воспринять того, как это возможно проведение заседания Военного совета по осуждению «заговорщиков» до окончания следствия по их делу и суда над ними. Именно поэтому у Дубинского, да и не только у него, прочно отложилось в памяти более логичная [36] очередность — сначала следствие и суд, а затем уже обсуждение свершившегося. Как видим, они, эти два далеко не рядовых события — суд над Тухачевским и заседание Военного совета — не смазались в памяти современника и не перемешались друг с другом, несмотря на промежуток всего лишь в несколько дней в их проведении. Хотя, по существу, оба они касались одной и той же темы.

Члены Военного совета и приглашенные поверили или сделали вид, что поверили утверждениям Сталина и Ворошилова, приняв, как достоверные, показания арестованных военачальников. В частности, поверили многие из приглашенных на заседание. Выражая их позицию, Н.Г. Конюхов утверждает, что к тому времени «мы привыкли слушать и понимать Сталина без сомнений и оговорок. И никто не мог допустить мысли, что это была чудовищная провокация». В итоге участники Военного совета резко осудили «заговорщиков» и заверили Политбюро ЦК ВКП(б) в своей безграничной преданности партии и правительству.

Хотя Сталин с Ворошиловым и заверяли на Военном совете, что «заговорщики» корней вниз не успели пустить и это заговор верхушки армии, однако органы НКВД руководствовались, видимо, несколько иными установками. Не успели участники заседания приехать в свои соединения, как пошли массовые аресты высшего и старшего командно-начальствующего состава. Достаточно сказать, что из 42 человек, выступивших на Военном совете по докладом Ворошилова и Сталина, 34 были вскоре арестованы как «заговорщики».

Назовем эти имена, составлявшие цвет высшего командного состава Красной Армии в середине 30-х годов: Маршалы Советского Союза В.К. Блюхер и А.И. Егоров; командармы 1-го ранга И.П. Белов и И.Ф. Федько; флагман флота 1-го ранга М.В. Викторов; армейский комиссар 1-го ранга П.А. Смирнов; командармы 2-го ранга Я.И. Алкснис, П.Е. Дыбенко, И.Н. Дубовой, М.К. Левандовский, А.И. Седякин; флагман флота 2-го ранга И.К. Кожанов; армейские комиссары 2-го ранга А.И. Мезис, Г.С. Окунев, И.Е. Славин; комкоры Я.П. Гайлит, И.К. Грязнов, Н.Н. Криворучко, М.П. Магер, М.О. Степанов, С.П. Урицкий, В.В. Хрипин; флагманы 1-го ранга К.И. Душенев, И.М. Лудри, А.К. Сивков; корпусные комиссары И.М. Гринберг, И.Г. Неронов, Б.У. Троянker, В.Н. Шестаков; коринтендант А.И. Жильцов; комдивы Г.Г. Бокис, Д.А. Кучинский.

Что же касается членов Военного совета Г.И. Кулика и К. А. Мерецкова, также выступивших на одном из заседаний, носивших в июне 1937 года соответственно звания «комкор» и «комдив», то карающая длань НКВД настигнет их несколько позже других: Мерецкова — в 1941 году, а Кулика — после окончания Великой Отечественной войны. Один из них (Мерецков) на заседании совета попал сразу же по приезде из республиканской Испании, где он исполнял обязанности советника начальника Главного штаба. В мемуарах, изданных в 1968 году, а посему значительно приглаженных рукой рецензентов, экспертов, цензоров и редакторов, он так описывает эти дни:

«Незабываем июнь 1937 года, когда я после девятимесячного отсутствия ступил на родную землю. Тогда радость возвращения была омрачена [37] печалью и ужасом известия о том, что Тухачевский, Уборевич, Якир и другие видные военачальники разоблачены как изменники и

враги. Адъютант наркома обороны Р.П. Хмельницкий поздравил меня с успешным возвращением и пригласил срочно прибыть в наркомат. Я ожидал, что мне придется рассказывать об испанских делах, и собирался доложить о том главном, что следовало, на мой взгляд, учесть как существенный опыт недавних военных действий. Получилось же совсем по-другому. В зале заседания наркомата собрались многие командиры из руководящего состава РККА, и вскоре нас ознакомили с материалами относительно М.Н. Тухачевского и остальных. А еще через несколько дней в Кремле состоялось совещание высшего комсостава, на котором обсуждалось трагическое событие. Выступал ряд лиц, и многие из них говорили о том, кого из числа обвиняемых они ранее подозревали и кому не доверяли.

Когда на совещании мне предоставили слово, я начал рассказывать о значении военного опыта, приобретенного в Испании. Обстановка была трудная, из зала слышались отдельные реплики в том духе, что я говорю не о главном. Ведь ни для кого не было секретом, что я долгие годы работал с Уборевичем бок о бок. И.В. Сталин перебил меня и начал задавать вопросы о моем отношении к повестке совещания. Я отвечал, что мне непонятны выступления товарищей, говоривших здесь о своих подозрениях и недоверии. Это странно выглядит: если они подозревали, то почему же до сих пор молчали? А я Уборевича ни в чем не подозревал, безоговорочно ему верил и никогда ничего дурного не замечал. Тут И.В. Сталин сказал: «Мы тоже верили им, а вас я понял правильно...»[\[22\]](#)

На выступлении Григория Ивановича Кулика следует остановиться отдельно, ибо оно выделяется среди остальных особым зарядом ненависти и злобы к арестованным его бывшим сослуживцам. То была, видимо, своего рода запоздалая месть более удачливым и талантливым людям, значительно обошедшим его по службе. Кулик всегда почему-то считал себя недооцененным со стороны начальства, хотя всем была известна многолетняя и неизменная благосклонность к нему со стороны Сталина и Ворошилова. Людям, достаточно близко знавшим Кулика, хорошо были известны большое его самомнение, преувеличенная оценка собственных заслуг в сражениях Гражданской войны и строительстве Красной Армии в послевоенный период — это когда возглавляемое им Артиллерийское управление занималось вопросами модернизации вооружения и техники для Красной Армии. В начале 30-х годов, после окончания Особой группы Военной академии имени М.В. Фрунзе, Кулик для приобретения командного опыта был назначен на дивизию, а затем на корпус, откуда спустя некоторое время убыл в Испанскую Республику в качестве военного советника. Однако из Испании он вскоре возвратился, по крайней мере гораздо быстрее других советников его звания и ранга — Я.К. Берзина, К.А. Мерецкова. Почему это произошло, нам не удалось установить по имеющимся документам. Вместе с тем несомненно одно — вклад его в защиту республиканской Испании оказался невелик и потому, видимо, ни в одном из изданий, посвященных участию советских военных советников и специалистов в испанских событиях 1936 — 1939 годов, [\[38\]](#) его имя не упоминается. Разве что в случае, когда упомянутый выше К.А. Мерецков в своих мемуарах «На службе народу» как-то мельком назвал генерала Купера (таков был псевдоним Кулика в Испании) — военного советника командующего Мадридским фронтом в конце 1936 года.

Пребывание в Испании оказало свое дополнительное влияние на ком-кора Кулика — он вернулся оттуда еще более самоуверенным и честолюбивым, жаждущим почета и славы. Современники утверждают, что обласканный Сталиным, Кулик стал вдвойне самонадеянным, не терпящим возражений, хотя каждый его «выход в свет» со своими предложениями и планами служил поводом для очередного анекдота в среде высшего командного состава. Безусловно, не выступить на совещании, рассматривающем раскрытие в Красной Армии шпионской сети, в которую входили

столь нелюбимые им (это еще мягко сказано!) Тухачевский, Якир, Уборевич и Корк, он просто не мог. Приведем фрагмент из этого выступления, используя стенограмму заседания Военного совета:

«Кулик: Я к Гамарнику никогда не ходил. Вот тогда, когда вызывали Говорухина, так они хотели представить дело. Я выпил вино и пригласил женщину, так они хотели меня скомпрометировать... Они говорили, что я бездарный человек. Ну, что там какой-то унтеришка, фейерверк (так в тексте стенограммы. Правильно: фейерверкер — воинское звание младшего командного состава в артиллерии русской армии, которое до революции имел Г.И. Кулик. — Н. Ч.). Уборевич так меня и называл «фейерверком». А вождь украинский Якир никогда руки не подавал. Когда Белов проводил в прошлом году учение осенью, как они избежались все, чтобы скомпрометировать это учение....»

Я ошибся в Горбачеве (заместитель командующего МВО, затем командующий войсками Уральского военного округа, комкор. — Н. Ч.), он играл провокаторскую роль... В военном отношении он бездарный... Корк — вообще дурак в военном деле.

Голос с места: Положим, он не дурак.

Кулик: Нет, Корк в военном деле безграмотный человек, техники не знает.

Буденный: Он только вопросы умел задавать.

Кулик: Начальник штаба Московского округа Степанов — сволочь... Первая сволочь — Гамарник...»[\[23\]](#)

Ничего конкретного, как видим, Кулик не сказал. И вообще это выступление более похоже на какой-то косноязычный бред пьяного или сумасшедшего, обильно приправленный бранью, нежели на слово солидного мужа, занимающего ответственный пост в Красной Армии. По Кулику выходило так, что все военачальники, о которых он говорил на заседании Военного совета, вообще неучи и бездари в военном отношении, хотя и находились длительное время на крупных должностях в центральном аппарате наркомата обороны и военных округах. Но тогда позволительно задать вопрос, который так и не прозвучал из уст кулика и ему подобных: а куда же смотрели ЦК партии и нарком Ворошилов, выдвигая и утверждая на соответствующие посты этих негодных командиров? Почему они допустили, чтобы «сволочи и безграмотные в военном деле» люди руководили ведущими, в том числе и приграничными, военными округами и кузницей военных кадров — Военной академией имени М.В. Фрунзе, возглавляли штабы и управления... Ведь за такие «проколы» в кадровых перемещениях следовало привлекать к самой суровой ответственности — как административной, так и партийной. А кого привлекать? Все указанные категории входили в номенклатуру ЦК ВКП(б) и наркома обороны. Значит, все упреки вольно или невольно летели бы в огород Ворошилова и других членов Политбюро, и Кулик, при всей своей мужиковатой сущности, не понимать этого не мог.

Конечно, легко топтать людей, попавших в исключительно тяжелое положение. Кулик, по существу, тянул вторым голосом, подпевая Сталину и Ворошилову, уже высказавшим свое отрицательное мнение по поводу заговорщиков. Остальным же, согласным с их точкой зрения, оставалось только подпевать в надежде, что их усердие будет достойным образом оценено. Что ж, Кулик не просчитался — поначалу появился приказ о назначении его командующим войсками Приморской группы ОК-ДВА, но буквально через несколько дней этот приказ отменяется и он возвращается на свою прежнюю должность начальника Артиллерийского управления РККА,

сменив арестованного комкора Н. А. Ефимова. Не задержалось и очередное воинское звание «командарм 2-го ранга».

Приведенные отрывки из воспоминаний К. А. Мерецкова и стенограммы заседания Военного совета достаточно полно передают атмосферу, царившую на нем. И напрасно искать какой-то объединенный и дружный фронт находящихся на свободе военачальников в защиту арестованных и подвергнутых остракизму маршала, трех командармов и нескольких комкоров, еще вчера их многолетних сослуживцев и боевых товарищей. Разрозненные слова реабилитации отдельных из них все же звучали, как это видно у Дубового и Мерецкова (у последнего, видимо, сказалось длительное отсутствие в стране), а в целом главенствовали проклятия и ругательства в их адрес. Ирония судьбы — через короткое время подобный позор покроет имя большинства из присутствовавших 1 — 4 июня 1937 года в зале заседаний Военного совета при наркомате обороны.

Основные положения выступлений Сталина и Ворошилова на этом Военном совете в более кратком виде были изложены и доведены до войск в приказе наркомата обороны (оформленном в виде обращения) № 96 от 12 июня 1937 года, опубликованном на следующий день в центральных газетах. Решение о подготовке такого приказа было принято еще 2 июня, за девять дней до суда над «заговорщиками».

«Товарищи красноармейцы, командиры, политработники Рабоче-крестьянской Красной Армии!

С 1 по 4 июня с.г. в присутствии членов Правительства состоялся Военный совет при Народном комиссаре обороны СССР. На заседании Военного совета был заслушан и подвергнут обсуждению мой доклад о раскрытой Народным Комиссариатом Внутренних Дел предательской контрреволюционной военной фашистской организации, которая, будучи строго законспирированной, долгое время существовала и проводила подлую, подрывную вредительскую и шпионскую работу в Красной Армии.

11 июня перед Специальным присутствием Верховного суда Союза ССР предстали главные предатели и главари этой отвратительной шпионской изменнической банды: Тухачевский М.Н., Якир И.Э., Уборевич И.П., Корк А.И., Эйдеман Р.П., Фельдман Б.М., Примаков В.М. и Путна В.К.

Верховный суд вынес свой справедливый приговор! Смерть врагам народа! Приговор изменникам воинской присяге, родине и своей Армии мог быть только и только таким.

Вся Красная Армия облегченно вздохнет, узнав о достойном приговоре суда над изменниками, об исполнении справедливого приговора. Мерзкие предатели, так подло обманувшие свое правительство, народ, Армию, уничтожены, Советский суд уже не раз заслуженно карал выявленных из троцкистско-зиновьевских шаек террористов, диверсантов, шпионов и убийц, творивших свое предательское дело на деньги иностранных разведок, под командой озверелого фашиста, изменника и предателя рабочих и крестьян Троцкого. В свое время Верховный суд вынес свой беспощадный приговор бандитам из шайки Зиновьева, Каменева, Троцкого, Пятакова, Смирнова и других.

Однако список контрреволюционных заговорщиков, шпионов и диверсантов, как теперь оказалось, не был исчерпан осужденными тогда преступниками. Многие из них, притаившись под маской честных людей, оставались на свободе и продолжали творить свое черное дело измены и предательства.

К числу этих, оставшихся до последнего времени не разоблаченными, предателей и изменников откосятся и участники контрреволюционной банды шпионов и заговорщиков, свившей себе гнездо в Красной Армии.

Бывший заместитель Народного Комиссара обороны Гамарник — предатель и трус, побоявшийся предстать перед судом советского народа, покончил самоубийством.

Бывший замнаркома Тухачевский, бывшие командующие войсками округов Якир и Уборевич, бывший начальник Военной академии имени тов. Фрунзе Корк, бывший заместитель командующего войсками округа Примаков, бывший начальник Управления по начальствующему составу Фельдман, бывший военный атташе в Англии Путна, бывший председатель Центрального Совета Осоавиахима Эйдемман — все они принадлежали к числу высшего начальствующего состава, занимали высокие посты в нашей армии, пользовались доверием Правительства и нашей партии. Все они оказались изменниками, шпионами, предателями своей Родины. Они нагло попрали Конституцию Союза ССР.

Конечной целью этой шайки было — ликвидировать во что бы то ни стало и какими угодно средствами Советский строй в нашей стране, уничтожить в ней Советскую власть, свергнуть рабоче-крестьянское правительство и восстановить в СССР ярмо помещиков и фабрикантов.

Для достижения этой своей предательской цели фашистские заговорщики не стеснялись в выборе средств; они готовили убийства руководителей партии и правительства, проводили всевозможное злостное вредительство [39] в народном хозяйстве и в деле обороны страны, пытались подорвать мощь Красной Армии и подготовить ее поражение в будущей войне.

Прикрываясь высокими званиями членов партии и начальников Рабоче-Крестьянской Красной Армии, они продавали врагам Советского Союза военные тайны нашего государства, подрывали славную мощь Красной Армии и вообще делали все для ускорения нападения внешнего врага на Союз Советских Социалистических Республик.

Они рассчитывали своими предательскими действиями, прямой изменой и вредительством в области технического и материального снабжения фронта и в деле руководства боевыми операциями, добиться в случае войны поражения Красной Армии на фронтах и свержения Советского Правительства. Они ждали помощи от своих хозяев, военно-фашистских кругов одного из иностранных государств и за эту помощь готовы были отдать Советскую Украину, расчленив нашу страну на части. 1 Эти предатели хорошо знали, что они не могут найти поддержки среди рабочих и крестьян, среди бойцов Рабоче-Крестьянской Красной Армии и поэтому работали обманом, скрывались от народа и красноармейцев, боясь открыть подлинное свое лицо.

Эти враги народа пойманы с поличным. Под тяжестью неопровержимых фактов они сознались в своем предательстве, вредительстве и шпионаже.

Главные организаторы, руководители и шпионы, непосредственно связанные с генеральными штабами буржуазных фашистских стран, разоблачены и по заслугам получили возмездие советского правосудия.

Рабоче-Крестьянская Красная Армия, верный и надежный оплот Советской власти, беспощадно вскрывает этот гнойник на своем здоровом теле и быстро его ликвидирует. Враги просчитались. Не дожидаться им поражения Красной Армии: Красная Армия была и останется непобедимой, мировой фашизм и на этот раз узнает, что его верные агенты гамарники и Тухачевские, якиры и

уборевичи и прочая предательская падаль, лакейски служившие капитализму, стерты с лица земли и память о них будет проклята и забыта...»[\[24\]](#)

Этот приказ-обращение заканчивается заверением не допускать впредь повторения подобных позорных фактов, а также утверждением, что «очищая свою армию от гнилой дряни, мы тем самым делаем ее еще более сильной и неуязвимой...» Нарком призвал всех командиров и красноармейцев удешевить большевистскую бдительность, радикально улучшить работу во всех областях, повысить критику и самокритику, тем самым ускорив полную ликвидацию последствий деятельности врагов народа.

Данный приказ был подписан Ворошиловым на следующий день после суда над Тухачевским и его товарищами. Ввиду опубликования его центральными газетами он хорошо известен историкам и общественности. Но мало кому известно, что был и другой приказ подобного же содержания (№ 072 от 7 июня 1937 г.), в котором обвинения в предательстве и измене Родине предъявлялись не девяти (с учетом Я.Б. Гамарника) лицам командно-начальствующего состава РККА, а десяти. Этим десятым человеком являлся заместитель командующего войсками Особой Краснознаменной Дальневосточной армии комкор М.В. Сангурский. Здесь следует отметить следующее обстоятельство: его фамилия отсутствовала в проекте приказа, представленного на подпись Ворошилову. Она была туда вписана лично рукой наркома его так любимыми черными чернилами, перекочевав затем и в типографский экземпляр приказа, направленного в войска для зачитки в роты, эскадронах, батареях, эскадрильях, командах, кораблях, складах, штабах, управлениях и учреждениях Красной Армии[\[25\]](#).

М.В. Сангурский подвергся аресту 2 июня 1937 года (в день выступления Сталина на Военном совете) на станции Киров на пути следования из Хабаровска в Москву по вызову наркома. Уже через двое суток (4 июня) следователи-садисты из Особого отдела ГУГБ НКВД СССР Николаев, Агас и Орешников вынудили его признаться в причастности к заговору, возглавляемому М.Н. Тухачевским. Что и было немедленно доложено Сталину, Ежову и Ворошилову. Видимо, это признание и послужило основанием для наркома обороны о включении Сангурского в приказ в качестве одной из ключевых фигур заговора в РККА. Кто и почему исключил затем его из списка подсудимых первой очереди, нам не известно. Но что данный вопрос решался на самом высоком уровне — это бесспорно. Известно другое — Сангурский несколько раз отказывался от ранее данных им показаний, но затем под пытками вновь признавал свое участие в заговоре. В таких мучениях он пребывал свыше года — 28 июля 1938 года вместе с большой группой военачальников Военная коллегия приговорила Сангурского к смертной казни — расстрелу.

На одном из заседаний Военного совета в июне 1937 года Сталин высказал такое мнение: «Я думаю, что среди наших людей, как по линии командной, так и по линии политической, есть еще такие товарищи, которые случайно задеты. Рассказали ему что-нибудь, хотели вовлечь, путали, шантажом брали. Хорошо внедрить такую практику, чтобы, если такие люди придут и сами расскажут обо всем, — простить их...»[\[26\]](#)

Предложение Сталина получило поддержку. В результате в части и учреждения РККА был направлен совместный приказ наркомов обороны и внутренних дел СССР № 082 от 21 июня 1937 года с многословным наименованием «Об освобождении от ответственности военнослужащих, участников контрреволюционных и вредительских фашистских организаций, раскаявшихся в своих преступлениях, добровольно явившихся и без утайки рассказавших обо всем совершенном и о своих сообщниках». В нем предписывалось командирам, начальникам, комиссарам, военным прокурорам и работникам особых отделов не подвергать задержанию и аресту военнослужащих,

добровольно явившихся и без утайки рассказавших о своей контрреволюционной деятельности. Военным советам округов и флотов рекомендовалось в каждом конкретном случае представлять свои соображения об оставлении раскаявшегося и прощенного преступника в рядах РККА и о дальнейшем его служебном использовании [\[27\]](#).

И хотя в первом абзаце приказа содержится тезис о том, что к моменту его подписания в ряде военных округов имели случаи таких явок с повинной как со стороны командно-начальствующего, так и красноармейского состава, в подобное верится с трудом. Ибо слишком памятливы людям были впечатления о том остракизме, какому подверглись так называемые заговорщики и члены их семей. И повторять их судьбу не хотелось никому, тем более настоящим вредителям и диверсантам, шпионам и изменникам.

Анализ показывает, что в 1937 — 1938 годах не было ни одного заседания Военного совета при наркомате обороны, на котором не затрагивались бы животрепещущие вопросы о состоянии кадров РККА, однако ноябрьское заседание 1937 года, специально посвященное «чистке» вооруженных сил, среди них занимает особое место. В течение двух дней участники заседания обсуждали эту жгучую проблему. Не оказалось ни одного военного округа, флота, академии, которого не коснулась бы «чистка», то есть репрессии против командного, политического, инженерно-технического и другого начальствующего состава. Когда читаешь материалы этого заседания, то испытываешь двойственное чувство: ответственные руководители из войск и центрального аппарата, докладывая о таком беспрецедентном в истории отечественной армии обновлении кадров за столь короткий срок, делают это как бы с гордостью за свои «достижения». По крайней мере, так это было на словах. И подавали это как соревнование друг с другом. Именно такой рефрен характерен для выступлений командующего войсками МВО Маршала Советского Союза С.М. Буденного, члена Военного совета БВО армейского комиссара 2-го ранга А.И. Мезиса, командира 45-го механизированного корпуса комбрига Ф.И. Голикова. Частично он прозвучал в докладах командующих войсками: САВО — комкора А.Д. Локтионова. УрВО — комкора Г.П. Софронова, ЛВО — командарма 2-го ранга П.Е. Дыбенко, СибВО — комкора М.А. Антоноука, БВО — командарма 1-го ранга И.П. Белова. И в то же время нельзя не чувствовать, как, рапортуя о таких «успехах», эти опытные военачальники, пока еще не затронутые напрямую «рукавицами» наркома Ежова, испытывают глубокую боль, тщательно упрятанную внутрь.

Репрессии против командных кадров РККА, повсеместное выкорчевывание участников и сторонников «военного заговора», — составная часть генеральной линии партии, и мало кто решался выступить против нее, особенно после процесса над Тухачевским. Все понимали, что никто из них не застрахован от ареста в любой день и час, а некоторые уже точно знали о наличии в органах НКВД показаний на них со стороны ранее арестованных сослуживцев. Естественное чувство страха, неистребимый инстинкт самосохранения диктовали выступать на заседании Военного совета именно так, а не иначе. «Плетью обуха не перешибешь? — такой житейской философией руководствовались многие люди в то время, в том числе командиры и политработники РККА. Многие, но не все. Резко критическим, разительно отличающимся от других по своему содержанию, прозвучало выступление комкора Н.В. Куйбышева, недавно назначенного командующего войсками ЗакВО. Приведем фрагмент стенограммы этого выступления, где он по ходу своего доклада отвечает на реплики из президиума и зала:

«Куйбышев: Округ обескровлен. Этим объясняются итоги проверки боевой подготовки войск округа. При инспекторской проверке в 1937 г. округ получил неудовлетворительную оценку.

Тремя дивизиями в округе командовали капитаны... Армянской дивизией командует капитан, который командовал до этого батареей.

Ворошилов: Зачем же Вы его назначили?

Куйбышев: Я заверяю, товарищ народный комиссар, что лучшего не нашли. У нас командует Азербайджанской дивизией майор. Он до этого времени не командовал ни полком, ни батальоном, а в течение последних шести лет является преподавателем военного училища...

Голос с места: Куда же девались командиры?

Куйбышев: Все остальные переведены в ведомство Наркомвнудела без занятий определенных должностей. У нас имеется дивизия — Грузинская, которой командует майор. Он тоже не командовал полком, правда, командовал батальоном, но последние четыре года занимал должность начальника военно-хозяйственного снабжения дивизии... Многие командиры командовать не умеют, хотя мы выдвинули лучшее, что у нас было...»[\[28\]](#)

Николай Куйбышев говорил суровую и жестокую правду. Правду, от которой наркома Ворошилова должно было бросать в дрожь и холодный пот. И не только его одного. Вот что получили в результате «чистки» кадров: «мы выдвинули лучшее, что у нас было», но тут же звучит убийственная оценка этого «лучшего» — в результате целый округ (приграничный военный округ! — невиданный доселе в истории Красной Армии факт) получает неудовлетворительную оценку, то есть фактически его войска оказались небоготовыми. А это являлось ЧП союзного масштаба, об этом надо было бить во все колокола, кричать на всех углах и перекрестках. Но не тут-то было: наступили другие времена и звучали иные песни.

Где старые добрые времена? Ведь до этой «чехарды» с кадрами, что началась в 1937 году, даже случай с небоготовностью полка, его неудовлетворительной оценкой, становился предметом разбирательства и обсуждения в наркомате обороны, не говоря уже об округе. Как правило, по каждому такому вопиющему случаю издавался отдельный приказ наркома с анализом причин, определением мероприятий по устранению недостатков и наказанием виновных. А куда скрыть огромный некомплект комначсостава в ЗакВО? Там он к ноябрю 1937 года достиг 23% от общей численности его, а в специальных частях доходил до 40 — 50%[\[29\]](#).

Однако на заседаниях Военного совета нередко звучали другие речи, диаметрально противоположные истинному положению дел: о крепнущем морально-политическом единстве рядов РККА, об укреплении дисциплины, организованности и т.д.

И еще одно обстоятельство требует уточнения. Реплику Ворошилова: «Зачем же Вы его назначили?», можно так понять, что изменился порядок назначения лиц на должности командиров дивизий в РККА и что в ЗакВО их назначил командующий войсками округа. Между тем в Красной Армии назначение такой служебной категории всегда было прерогативой [\[40\]](#) наркома обороны и эти назначения, о которых идет речь (Армянская, Азербайджанская и Грузинская дивизии) никак не могли пройти мимо Ворошилова. А посему его реплика в данном случае звучит просто фарисейски. Видимо, участники совещания понимали это. Хотя, судя по реплике из зала: «Куда же девались командиры?», можно усомниться в большой информированности некоторых молодых выдвиженцев окружного и корпусного звена. Или же они делали вид, что ничего особенного не происходит вокруг, что не исчезают неизвестно куда люди, с которыми еще вчера встречались, беседовали, улыбались и жали руки друг другу. Между тем факты свидетельствуют о том, что в конце 1937 года бойцы и командиры Красной Армии

знали, куда исчезают их вчерашние сослуживцы и боевые друзья. Об этом говорили шепотом, один на один, с оглядкой и опаской, что их подслушают и донесут куда следует.

Но вернемся к выступлениям участников заседания Военного совета при НКО (21 — 22 ноября 1937 г.). От БВО тогда выступили И.П. Белов — командующий и А.И. Мезис — член Военного совета. Белов говорил о том, что «чистка» коснулась всех без исключения категорий комсостава и это нанесло большой ущерб боевой и политической подготовке войск. Даже он, далеко не новичок в высшем эшелоне армии, достаточно искушенный в интригах окружения Сталина и Ворошилова, член Специального судебного присутствия на процессе Тухачевского, даже он в конце ноября 1937 года недоумевал: «Люди, которых ни в партийном, ни в другом порядке не оценивал с плохой стороны, берутся органами НКВД». Такая постановка вопроса не понравилась Ворошилову, и он не преминул упрекнуть Белова в том, что во вверенном ему округе чистка кадров проводится еще слабо.

Несколько улучшить впечатление Ворошилова о БВО решил Август Иванович Мезис. Он с цифрами в руках убеждал наркома в том, что все-таки в округе чистка кадров идет совсем не слабо, а в строгом соответствии с указаниями партии. «По Белорусскому округу мы уволили 1300 человек. Из числа уволенных арестовано 400 человек только по июль месяц. После 12 июня (то есть после осуждения и расстрела бывшего командующего войсками БВО И.П. Уборевича. — Н. Ч.) уволили 140 человек. 43 летчика арестовано. Троцкистов и правых — 59 человек, за связь с контрреволюцией — 149 человек, шпионов — 75 человек, за сокрытие службы у белых — 40 человек...»

Приведя эти данные, Мезис выразил удовлетворение работой по «чистке» войск округа. Один из приведенных им аргументов для увольнения, а именно сокрытие в анкетах службы в белой армии, вызвал язвительную реакцию даже у Ворошилова, который заявил, что поводом для увольнения должна быть прежде всего не «связь с тетушками из числа белых», а строго политический подход. На что Мезис не преминул ответить, что все жалобы уволенных из РККА в центральную комиссию при наркоме были последней оставлены без удовлетворения. По мнению Мезиса, этот факт лишний раз «...доказывает правильность наших решений... работаем лучше, чем работали с теми, которые находились в рядах РККА до чистки».

Все усилия Мезиса показать себя рьяным «чистильщиком» кадров в округе и таким образом дополнительно обезопасить себя оказались совершенно напрасными — через четыре дня после окончания заседания Военного совета его самого «почистили» — арестовали и препроводили в тюрьму, из которой он уже никогда не вышел.

Главный кавалерист РККА С.М. Буденный, несколько месяцев назад впервые назначенный на округ, докладывая о своей работе до ноября 1937 года, сказал, как о большом достижении: «...в Московском военном округе обновлены кадры командиров корпусов на 100%, командиров дивизий — на 73%, штадивов — на 53%, командиров бригад — на 75%, начальников штабов бригад — на 50%, командиров полков — на 38%».

В Киевском, крупнейшем в Красной Армии округе, положение с кадрами было несколько не лучшим, чем в БВО и МВО. Командарм 2-го ранга И.Ф. Федько, заменивший Якира в мае 1937 года на посту командующего, заявил, что в период с июня по ноябрь 1937 года в округе уволено 1894 человека, из них 861, то есть почти половина, арестован как участник антисоветского военного заговора.

Репрессии в КВО в 1937 году шли по нарастающей. По данным Российского Государственного военного архива, только за один ноябрь месяц этого года там было уволено из РККА более 750 и арестовано почти 480 человек командно-начальствующего состава. О величине такой «прорехи» можно судить по следующим цифрам: среди вновь назначенных вместо уволенных или арестованных командиров в КВО было (по должностям): командиров корпусов — 90%, командиров дивизий — 84%, комендантов укрепленных районов — 100%, командиров бригад 50%, командиров полков — 37%, начальников штабов корпусов — 60%, начальников штабов дивизий — 40%. Почти все сотрудники штаба округа были также арестованы, в первую очередь начальники отделов. С июня по ноябрь 1937 года в округе на выдвижение пошло более 3 тысяч новых командиров^[30].

Доклад командарма 2-го ранга П.Е. Дыбенко, командующего войсками ЛВО (еще один член суда над Тухачевским) был весьма краток по существу: комначсостав округа «очищен» органами НКВД. Расклад получился таков: дивизиями, как и в ЗакВО, командовали майоры, а во главе танковых (механизированных) бригад стояли капитаны.

Несколько меньший масштаб репрессий наблюдался в «дальних» и внутренних округах — САВО, ПриВО, УрВО. Правда, там и войск было во много раз меньше, нежели в БВО, КВО, ЛВО, МВО. Например, командующий войсками САВО комкор А.Д. Локтионов, рапортуя о «выкорчевывании значительного количества врагов народа» в частях и учреждениях округа, не назвал точного количества уволенных и арестованных органами НКВД, сказав лишь, что их почти в десять раз меньше, чем в МВО. При этом Локтионов, явно недовольный такими «невысокими», по сравнению с другими округами, показателями и пытаясь повысить свой авторитет в глазах наркома, в порядке самокритики заявил, что «выкорчевывание в 19-й Туркменской, 19-й Узбекской и 20-й Таджикской дивизиях запоздало». Более конкретно он ничего не сказал. Возможно, что он имел в виду тот факт, когда из командиров упомянутых трех дивизий к тому времени аресту подвергся лишь командир последней (Таджикской) — комбриг Ф.А. Кузнецов. Из слов Локтионова вытекало, что налицо явный беспорядок и его нужно срочно исправлять.

О своих «успехах» докладывали и другие округа. Так, за связь с «вредителями» в ПриВО по состоянию на ноябрь 1937 года было арестовано 380 человек. На их место было выдвинуто: один командир корпуса (12-го стрелкового), 2 командира дивизии, 12 командиров полков. В округе на день работы Военного совета было 366 вакантных должностей комначсостава. Подобная картина наблюдалась и в Уральском военном округе, о «чехарде» в смене командующих войсками которого мы уже упоминали. От этого округа на заседании выступили командующий комкор Г.П. Софронов и член Военного совета дивизионный комиссар А.В. Тарутинский. Судя по их докладам, в УрВО тоже провели работу по капитальной чистке кадров. К моменту начала заседания Военного совета, то есть к 20-м числам ноября 1937 года, там было арестовано 200 человек. «Из показаний арестованных видно, — сказал А.В. Тарутинский, — среди них — японские, финские шпионы. Группа буржуазных националистов, связанная по Башкирии».

Кругом мерещились враги, шпионы, вредители, диверсанты, убийцы... И это находило свое отражение в докладах с мест. «Нет ни одной отрасли работы, где бы не было вредительства», — заявил командующий войсками СибВО комкор М.А. Антонюк. У него в округе к 20 ноября было арестовано 249 человек. А в Забайкальском округе к тому же времени арестованных оказалось несколько меньше, нежели в СибВО, — «всего лишь» 189 человек из более чем 400 командиров, уволенных из армии.

Выступить на заседании Военного совета в ноябре 1937 года удалось не всем записавшимся. О чем хотели сказать эти люди в присутствии членов Политбюро ЦК ВКП(б) и руководства наркомата обороны? Конечно же прежде всего осудить подлых наймитов империализма, потребовав для них самой суровой кары. А некоторые из них рассчитывали, пользуясь случаем, посчитаться со своими недоброжелателями, когда-то обидевшими их, полагая тем самым набрать себе политические очки, поднять свой вес в глазах Сталина, Ворошилова и Ежова. С этой целью припоминались самые различные, на их взгляд подозрительные случаи, начиная с голосования за троцкистскую резолюцию в стенах Военной академии РККА в 1923 году, сочувствие или участие в белорусско-толмачевской оппозиции в 1928 году, недовольство политикой коллективизации в начале 30-х годов, не говоря уже о конкретной критике в адрес ВКП(б), советской власти, наркомата обороны и персонально их руководителей.

Наглядный пример тому — действия командира 2-го стрелкового корпуса комдива Я.И. Зюзь-Яковенко. При аресте в квартире у него была обнаружена его записка на имя Ворошилова, содержащая просьбу о личном приеме для «важного и неотложного в данный момент заявления политического характера».

В своем объяснении начальнику Управления НКВД по Калининской области по поводу этой записки Зюзь-Яковенко указал, что он хотел лично доложить наркому обороны о командарме 1-го ранга И.П. Белове и его антисоветских высказываниях. По словам Зюзь-Яковенко, дело обстояло так: он, исполняя должность начальника штаба Ленинградского военного округа, вместе с командующим Беловым и членом Военного совета округа И.Е. Славиним весной 1933 года находился с инспекторской проверкой в стрелковой дивизии, дислоцированной в Карелии. После окончания учений они втроем в районе Петрозаводска зашли в один крестьянский домик, чтобы погреться. Крестьяне оказались переселенцами, прибывшими недавно из Псковской губернии. Белов и Славин расспрашивали их о жите-бытье. Крестьянская семья оказалась бедной, ранее безземельной и занята она была раскорчевкой леса под посев.

Через непродолжительное время, возвращаясь пешком по мокрому снегу к станции, идя цепью метрах в 5 — 10 друг от друга, Зюзь-Яковенко слышал, как Белов недовольным голосом громко произнес: «Да что и говорить, тут раньше без фунта мяса никто и не садился обедать, разорили всю страну».

Зюзь-Яковенко считал, что, хотя Славин в этот момент находился немного дальше от Белова, чем он, все же у него (Зюзь-Яковенко) «не было никакого сомнения, что он тоже слышал эту фразу». Расценив услышанные слова Белова как антисоветский выпад, Зюзь-Яковенко полагал, что Славин об этом доложит в Москву. Он некоторое время ожидал соответствующего реагирования со стороны ЦК ВКП(б), наркома Ворошилова и начальника ПУРККА Гамарника, но, не дождавись этого, перестал, по его словам, доверять Белову и Славину, что привело к ухудшению служебных и личных отношений между ними.

Далее в том же объяснении Зюзь-Яковенко указал, что, встретившись 1 июня 1937 года на заседании Военного совета с Беловым, он имел с ним разговор о Славине. На его вопрос, что Белов думает о Славине, тот ответил: «Славин — «мертвый человек» (имеется в виду особая близость Славина к Гамарнику, только что покончившему жизнь самоубийством. — Н. Ч.), но тут же пояснил: «О нем я не буду ничего говорить на пленуме (то есть на заседании Военного совета. — Н. Ч.). Знаешь, в такой кутерьме долго ли оговорить человека понапрасну».

Как видно из объяснения Зюзь-Яковенко, сам он предполагал выступить на одном из заседаний Военного совета 1 — 4 июня 1937 года и рассказать о двурушничестве командарма И.П. Белова и комдива К.А. Мерецкова, однако не получал слова, после чего и решил лично обратиться к нарккому Ворошилову^[31].

Как видно на примере с Зюзь-Яковенко, на данное заседание Военного совета при НКО были приглашены и некоторые командиры корпусов. Заметим, что не все, а только некоторые. Так сказать, избранные. Например, командир 45-го механизированного корпуса (из Киевского округа) комбриг Ф.И. Голиков рассказал о проделанной работе по чистке подчиненных ему частей: только из числа старшего и среднего комсостава число уволенных и арестованных составило 65 человек. По его информации выходило, что репрессиям у них подверглись также и младшие командиры, и красноармейцы.

Приводимая ниже таблица дает яркую картину избиения командных кадров Красной Армии за 10 месяцев 1937 года (с 1 января по 1 ноября). Скажем только, предваряя эту зловещую статистику, что всего в РККА на 1 января 1937 года общее число командного и начальствующего состава составляло 206 250 человек, из них с законченным высшим и специальным образованием — 164 309 человек^[32].

Военные округа, виды вооруженных сил	Увол
Московский военный округ	1252
Ленинградский	1015
Белорусский	1215
Киевский	1126
Харьковский	780
Северо-Кавказский	569
Приволжский	315
Уральский	297
Сибирский	204
Закавказский	395
Средне-Азиатский	136
Забайкальский	295

ОКДВА	1867
Военно-Воздушные силы	1205
Военно-Морской флот	705

Комментируя данную таблицу, заметим, что увольнение и аресты проводились не только в округах, но и в центральном аппарате наркомата обороны, в военно-учебных заведениях, тыловых учреждениях, в разведорганах, а также среди командного состава, находящегося в резерве (запасе). Всего же за 10 месяцев 1937 года было уволено из РККА 13811 лиц командно-начальствующего состава, из них арестовано 3776 человек. Обращаясь к цифрам таблицы, видишь, что наибольшее число арестованных выпадает на долю небольших по численному составу военных округов — Харьковского, Приволжского, Уральского, Закавказского. Там 33 — 35% среди уволенных подверглось аресту. «Рекордсменами» же в этом плане выступали Среднеазиатский и Сибирский военные округа, где процент арестованных среди уволенных, а если быть уже совсем точным — изгнанных из Красной Армии, составлял соответственно 72 и 63%. Среди крупных округов лидировали ОКДВА и Киевский (по 34% каждый)[\[33\]](#).

Выходит, не прав был командующий войсками САВО комкор А.Д. Локтионов, говоря на ноябрьском заседании Военного совета о том, что уволенных и арестованных у них в округе в десять раз меньше, чем в МВО. Конечно, если брать абсолютные цифры, то это действительно так. А вот если взять процент арестованных к числу уволенных, то получается совершенно иная, гораздо более трагичная картина — аресту в САВО подверглись две трети, в то время как в МВО — менее одной трети из командиров, уволенных из армии.

Приведенные данные свидетельствуют о том, что Н.М. Якупов, автор материалов «Сталин и Красная Армия», неправоммерно делает вывод, согласно которому наибольшее число командиров подверглось в 1937 году репрессиям в ОКДВА, центральных и западных округах. Однако мы убедились, что это не совсем так. По крайней мере, СибВО и САВО к названным категориям отнести никак нельзя. Так что совершенно напрасно извинялся перед наркомом и участниками Военного совета комкор Локтионов за столь малые по сравнению с большими округами цифры уволенных и арестованных. Да, действительно, абсолютные величины вроде бы невелики, однако в процентном отношении они просто потрясают. На этом примере еще раз наглядно видна тотальность в уничтожении кадров Красной Армии.

В таблице материал приведен по округам. А как эти цифры распределялись по должностным категориям? Сводка здесь также неутешительна: репрессии охватили все без исключения эшелоны командного состава — от командира взвода до командующего войсками округа, начальника центрального управления, заместителя наркома обороны. На начало ноября 1937 года были репрессированы: командующие войсками округов — 7, их заместители — 12, командиры корпусов — 20, дивизий — 36, бригад — 19, полков — 134, батальонов — 229, дивизионов — 103, рот — 695, эскадронов — 82, батарей — 269.

Кроме того, репрессированными оказались 1449 командиров взводов и полурот, полуэскадронов и полубатарей. За этот же период (с 1 января по 1 ноября 1937 г.) репрессиям подверглись 4 начальника военных академий, 10 начальников военных училищ и курсов усовершенствования комсостава, 5 их заместителей, 5 начальников штабов корпусов, 32 начальника штабов дивизий и

бригад, 48 начальников штабов полков, 469 работников различных других штабов и 2344 человека иных должностных категорий комначсостава^[34].

Упомянутые выше факты просто вопиют о произволе в отношении кадров Красной Армии. И это несмотря на то, что она в то время испытывала настоящий голод в комсоставе. Реальность оказалась настолько кричащей, острый некомплект кадров стал таким невыносимым, что Ворошилов вынужден был издать специальный приказ о прекращении увольнения лиц командно-начальствующего состава. 9 ноября 1937 года Управление по начсоставу РККА направило этот приказ во все военные округа, но остановить репрессии даже данный строгий документ не мог по нескольким причинам. Одна из них, возможно и главная, заключалась в том, что во многом ситуация оставалась неподконтрольной наркомату обороны. Нередко случалось так, что нарком обороны, командуя войсками округа ставились уже перед свершившимся фактом ареста того или иного командира, политработника. Ведь особые отделы Главного управления [41] государственной безопасности НКВД были вне влияния Ворошилова, они часто, особенно в разгар массовых репрессий в 1937 — 1938 годах, даже не считали нужным согласовывать с ним некоторые вопросы, касающиеся ареста комначсостава РККА, хотя и обязаны были это делать. Что в свою очередь приводило к такому явно ненормальному явлению, как увольнение из рядов армии задним числом ряда военачальников, занимавших крупные посты в войсках и учреждениях Красной Армии. То есть издавать приказ об увольнении через некоторое время после их фактического ареста. Так было в случае с комкором С.А. Туровским (приказ об увольнении его последовал лишь через пять месяцев после ареста), Л.Я. Вайнером (через два с половиной месяца), В.М. Примаковым и В.К. Путной (через три с половиной месяца), М.И. Василенко (через полтора месяца) и некоторыми другими командирами и политработниками. А комкора Лапина Альберта Яновича вообще на целый год забыли, хотя его судьба оказалась не менее трагичной, чем у других: будучи арестован в середине мая 1937 года, он, не выдержав унижений и пыток, через четыре месяца в Хабаровской тюрьме покончил жизнь самоубийством. Приказ же о его увольнении из рядов армии появился только в середине апреля следующего года.

Собирая материал для данной книги, автор столкнулся с еще более вопиющими фактами беззакония, а именно: в отношении некоторых лиц из числа высшего командно-начальствующего состава приказ об увольнении из РККА вообще не издавался ни до, ни после ареста и они продолжали фактически числиться в ее списках. И только в период реабилитации, то есть спустя восемнадцать-девятнадцать лет, подобные приказы министра обороны состоялись. И таких случаев набирается достаточно много, чтобы сделать еще один негативный вывод.

Забегая несколько вперед, обратимся к материалам еще одного заседания Военного совета (29 ноября 1938 г.), имеющего прямое отношение к теме разговора о большой «чистке» армии, ее характере и размерах. Сразу бросается в глаза то, что здесь нарком Ворошилов уже несколько не пытается уменьшить число арестованных в армии. Наоборот, тенденция таковая четко просматривается — у кого больше арестованных, тот и лучше работает. В основной своей позиции — о масштабах заговора в Красной Армии — доклад Ворошилова на этом заседании резко контрастирует с его предыдущими выступлениями на февральско-мартовском пленуме ЦК ВКП(б) и Военном совете 1 июня 1937 года. В частности, он заявил: «Когда в прошлом году была раскрыта и судом революции уничтожена группа презренных изменников нашей Родины и РККА во главе с Тухачевским, никому из нас и в голову не могло прийти, не приходило, к сожалению, что эта мерзость, эта гниль, это предательство так широко и глубоко засело в рядах нашей Армии. Весь 1937 и 1938 годы должны были беспощадно чистить свои ряды, безжалостно отсекая

зараженные части организма до живого, здорового мяса, очищались от мерзостной предательской гнили...

Вы знаете, что собою представляла чистка рядов РККА... Чистка была проведена радикальная и всесторонняя... с самых верхов и кончая низами. [42] Поэтому и количество вычищенных оказалось весьма и весьма внушительным. Достаточно сказать, что за все время мы вычистили больше 4 десятков тысяч человек. Эта цифра внушительная. Но именно потому, что мы так безжалостно расправлялись, мы можем теперь с уверенностью сказать, что наши ряды крепки и что РККА сейчас имеет свой до конца преданный и честный командный и политический состав»[35].

Действительно, руководство страны и армии с помощью НКВД беспощадно расправлялись с кадрами РККА не только внизу, но и на самом верху. Например, из 108 членов Военного совета при наркомате обороны, материалы заседаний которого рассматривались выше, к ноябрю 1938 года от прежнего его состава (по состоянию на 1936 г.) осталось всего лишь 10 человек: И.Р. Апанасенко, С.М. Буденный, Л.М. Галлер, О.И. Городовиков, Г.И. Кулик, К.А. Мерецков, С.К. Тимошенко, А.В. Хрулев, Б.М. Шапошников, Г.М. Штерн. Или еще один пример. Если взять состав Центрального Исполнительного Комитета (ЦИК) СССР, избранного VII Всесоюзным съездом Советов, в котором было 36 авторитетных командиров и армейских политработников, то из их числа 30 человек в 1937 году были объявлены «врагами народа»[36].

Объективность такова, что решения февральско-мартовского пленума ЦК ВКП(б) в 1937 году, требования Сталина и Молотова о всесторонней «проверке» военного ведомства на предмет «засоренности» были восприняты органами НКВД как прямая директива к началу массовой чистки кадров армии и флота от имевшихся якобы там вредителей, предателей и шпионов.

В журнале «Известия ЦК КПСС» (№ 4 за 1989 год) приводятся следующие сведения из обобщенной справки Комитета Партийного Контроля при ЦК КПСС, КГБ СССР, Прокуратуры СССР и Института марксизма-ленинизма при ЦК КПСС: «Уже через девять дней после суда над М.Н. Тухачевским были арестованы как участники военного заговора 980 командиров и политработников, в том числе 29 комбригов, 37 комдивов, 21 комкор, 16 полковых комиссаров, 17 бригадных и 7 дивизионных комиссаров...»[37]

Из этих сведений хорошо видно, что новый мощный удар репрессий первым принял на себя высший комначсостав. 980 человек — цифра действительно впечатляющая, она заставляет задуматься и ужаснуться: ведь всего за девять дней одна треть действующих комкоров (на 1 июня 1937 г. их в РККА было 63 человека) была изъята из ее рядов и посажена за решетку. Всего за девять дней!!!

Можно принять на веру (что многие и делают) приводимые цифры, давно зная из многочисленных публикаций о творимом тогда органами НКВД произволе. А можно и усомниться в достоверности приведенных цифр, но тогда нужны убедительные доказательства, опровергающие ту или иную величину. Автор попытался доказать, что некоторые приведенные выше цифры не соответствуют действительности. Вернее, они соответствуют, но только другому отрезку времени, а никак не девяти дням, что указаны в приводимой справке.

Вариант «максимум» — это перечислить поименно всех этих 980 человек, безвинно пострадавших в 1937 году. Но сделать этого не позволяет объем очерка. Поэтому остановимся на варианте «минимум» и проведем анализ только одной категории, высшей по своему старшинству в

названной справке — звания «комкор». С этой целью обратимся к источнику, в своем роде уникальному по своему содержанию. Речь идет о «Мартирологе РККА 1937 — 1941 гг.», опубликованном в «Военно-историческом журнале» за 1993 год (№ 2 — 3, 5 — 12). Составленный доктором исторических наук О.Ф. Сувенировым по судебным материалам, хранящимся в архиве Военной коллегии Верховного суда Российской Федерации, он представляет собой перечень военачальников, командиров и политработников РККА, погибших в указанные годы в результате репрессий, с указанием их воинского звания на момент ареста, даты ареста, суда и исполнения приговора. Все приводимые сведения имеют строго документальную основу. В этом автор убедился, проведя аналогичное исследование (независимо от О.Ф. Сувенирова), но только по материалам архива Главной военной прокуратуры. Результат — совпадение один к одному.

Так вот, обратившись к «Мартирологу», убеждаешься, что в справке, подготовленной силами сотрудников четырех авторитетнейших организаций СССР, допущена явная ошибка в отношении лиц, имевших на день ареста воинское звание «комкор». О происхождении цифры «21» приходится только гадать, ибо в названные девять дней, прошедшие после суда над группой Тухачевского, из комкоров был арестован только лишь один (один!) Сергей Александрович Меженинов, заместитель начальника Генерального штаба. По всей видимости, эта ошибка имеет чисто техническое происхождение. Нам представляется, что она вкралась в документ при перепечатке с оригинала: сделанный в нем кем-то знак вопроса (?) перед цифрой «1» затем был (при размножении) принят за цифру «2». Отсюда и пошла дальнейшая путаница и несоответствие.

Если же допустить, что ошибка допущена в определении временных рамок и вместо «девяти дней» следует читать (или считать) «девять месяцев», то и тогда фактические данные не совпадают с величинами, указанными в тексте справки, так как с июня 1937 года по февраль 1938 года аресту подверглось 25 комкоров, что на четыре единицы больше названной цифры.

Вокруг процесса Тухачевского

Процесс над маршалом Тухачевским и его семью товарищами в июне 1937 года — важнейшее звено в общей цепи разгрома кадров Красной Армии. Поэтому вполне понятно, что Сталин и Ворошилов при активном участии Ежова и Ульриха очень тщательно подбирали состав суда над руководителями «военного заговора», хотя делать это приходилось в самые сжатые сроки. Кстати, о сроках: главный организатор «заговора» М.Н. Тухачевский был арестован в Куйбышеве 22 мая, Якир и Уборевич соответственно 28 и 29 мая, а уже 11 июня открылось и закончилось заседание [43] специально созданного судебного органа, своего рода подобие расширенного состава Военной коллегии Верховного суда СССР. Председательствовал там все тот же коротышка Василий Ульрих, получивший накануне судебного заседания на самом «верху» необходимый инструктаж.

Судьба подсудимых была предрешена еще до суда. Член Военной коллегии бригавоенюрист И.М. Зарянов, назначенный секретарем данного суда, впоследствии сообщил: «О ходе судебного процесса Ульрих информировал И.В. Сталина. Об этом мне говорил Ульрих. Он говорил, что имеются указания Сталина о применении ко всем подсудимым высшей меры наказания — расстрела»[38]. Факт встречи Сталина и Ульриха накануне суда подтверждается соответствующей записью в журнале регистрации секретариата Генсека партии. Из нее видно, что при приеме Сталиным Ульриха 11 июня 1937 года в кабинете вместе с ними находились также Молотов, Каганович и Ежов.

Можно догадаться, по какому принципу подходили в Кремле к подбору состава судей. Конечно, первым и неперенным условием подобного выбора являлась положительная рекомендация наркома Ворошилова, которому Сталин в тот год еще доверял. Второе требование диктовалось необходимостью создания у общественности страны и за рубежом впечатления активного участия в суде представителей самых различных служебных категорий и воинских званий высшего командно-начальствующего состава Красной Армии от заместителя наркома до командира корпуса (дивизии), от Маршала Советского Союза до комдива (комбрига). Высшую из указанных категорий представляли маршалы С.М. Буденный и В.К. Блюхер, а низшую — командир 6-го кавалерийского корпуса комдив Е.И. Горячев. Одним словом, по этим параметрам состав суда не должен был сильно отличаться от состава подсудимых.

Инициатива создания специального одноразового судебного органа для рассмотрения дела Тухачевского и его товарищей по несчастью принадлежала Сталину. Его слово было решающим и при определении персонального состава суда, который далеко не случаен, как может показаться на первый взгляд. И подбор этот Сталин сделал, когда слушал выступающих в ходе заседаний Военного совета 1 — 4 июня 1937 года. Например, выступления С.М. Буденного, В.К. Блюхера, Я.И. Алксниса, И.П. Белова, П.Е. Дыбенко отличались особой резкостью оценок при осуждении Тухачевского, Якира, Уборевича, Корка, Эйдмана, как «подлых заговорщиков и изменников». Упомянутый выше И.М. Зарянов, впоследствии генерал-майор юстиции, давая в 50-х годах показания по данному делу, в своем объяснении отмечал: «Из разговоров с Ульрихом я понял, что Особое присутствие, членами которого являлись только маршалы и командармы, создано по инициативе Сталина. Целью создания этого специального военного суда Сталин ставил поднять этим авторитет суда и убеждения в правильности приговора»[\[39\]](#).

Сейчас доподлинно известно, что весь май и первую половину июня 1937 года Сталин вплотную занимался делом «о военном заговоре в РККА». Применительно к июню хронологически это выглядит так. Первые четыре дня его внимание было приковано к работе Военного совета [44] при наркоме обороны. 5 июня, сразу после окончания его работы, Сталин обсуждает вопрос о заговоре с Молотовым, Кагановичем и Ежовым. Тогда же было решено из большой группы высшего комначсостава, арестованной, в мае 1937 года, отобрать несколько лиц для судебного процесса, объединив их в одно групповое дело. Выбор пал на наиболее именитых — Тухачевского, Якира, Уборевича, Корка, Эйдмана, Фельдмана. Но здесь оказалось мало «троцкистского душка» и тогда к ним решили с этой целью добавить комкоров Путну и Примакова, арестованных еще в 1936 году. Оба они действительно до 1927 года разделяли взгляды Троцкого, но затем публично отмежевались от них, заявив об этом в партийных органах и в печати.

7 июня нарком внутренних дел Ежов и Прокурор СССР А.Я. Вышинский представили Сталину вариант обвинительного заключения по делу. Разговор этот происходил в присутствии Молотова, Кагановича и Ворошилова. После просмотра и внесения в него Сталиным, изменений и поправок текст обвинительного заключения приобрел окончательный вид. В тот же день (7 июня) в порядке подготовки судебного процесса постановлением Президиума ЦИК СССР были утверждены в качестве запасных членов Верховного суда СССР С.М. Буденный, Б.М. Шапошников, И.П. Белов, Н.Д. Каширин, П.Е. Дыбенко.

10 июня 1937 года состоялся чрезвычайный пленум Верховного суда СССР, заслушавший сообщение Прокурора страны А.Я. Вышинского о деле по обвинению Тухачевского и других участников «военного заговора». Пленум постановил для рассмотрения дела образовать

Специальное судебное присутствие Верховного суда СССР в составе В.В. Ульриха, Я.И. Алксниса, В.К. Блюхера, С.М. Буденного, Б.М. Шапошникова, И.П. Белова, П.Е. Дыбенко, Н.Д. Каширина и Е.И. Горячева.

Сталину из информации Ворошилова был известен характер взаимоотношений внутри высшего армейского руководства. Например, знал он о неприязни Егорова, Буденного, Белова, Дыбенко к Тухачевскому, не говоря уже о самом наркоме. Истоки такой нелюбви восходят своими корнями еще ко временам Гражданской войны, когда по вине командования Юго-Западного фронта (Сталин, Егоров) и 1-й Конной армии (Ворошилов, Буденный) закончился поражением советских войск так успешно начатый в 1920 году поход на Варшаву Западного фронта под началом Тухачевского. Речь идет об отказе Сталина и Егорова выполнить приказ Главкома С.С. Каменева о передаче в начале августа 1920 года 12-й и 1-й Конной армий в состав Западного фронта, где наметился большой успех при наступлении на столицу Польши.

В ходе развернувшейся после Гражданской войны дискуссии о советско-польской кампании Сталин, Егоров, Ворошилов, Буденный всячески старались всю вину за поражение переложить на Главкома Каменева и командование Западного фронта в лице М.Н. Тухачевского. Об этом, в частности, говорилось и в книге А.И. Егорова «Львов — Варшава», изданной в 1929 году. Книга, получив одобрение Сталина, в то же время вызвала недовольство со стороны многих военных деятелей и историков. Дискредитация Тухачевского со стороны Сталина и Ворошилова [45] фактически не прекращалась вплоть до его ареста. Более того, к ней подключались все новые и новые лица. Например, 16 апреля 1928 года Буденный, Егоров и Дыбенко (начальник Управления снабжений РККА) направили письмо Ворошилову, в котором допускали нападки на Тухачевского, принижая его заслуги и боевой опыт, умаляя его роль в руководстве деятельностью Штаба РККА и ставили вопрос о его замене на этом посту. Данное письмо, по всей видимости, написано было по подсказке «сверху» и рассматривалось, очевидно, в качестве своеобразного детонатора. Содержание письма оказалось созвучным с мыслями и намерениями как политического, так и военного руководства страны. Детонатор сработал и, оценив сложившуюся обстановку, Тухачевский вынужден был поставить вопрос о своем освобождении с поста начальника Штаба Рабоче-Крестьянской Красной Армии.

Сказанное выше еще раз подчеркивает, что основная часть состава Специального судебного присутствия была подобрана совсем неслучайно. Хотя Сталин и был абсолютно уверен в том, что армвоенюрист Ульрих, как председательствующий на суде, беспрекословно исполнит его волю при любом составе суда, однако тем не менее перед лицом советской и мировой общественности необходимо было сохранить лицо социалистического правосудия, обеспечив хотя бы минимум процессуальных норм.

В обвинительном заключении фигурирует и еще одно лицо, помимо названных. На данном судебном заседании должен был присутствовать и начальник Политического управления РККА армейский комиссар 1-го ранга Ян Борисович Гамарник, как входивший в «центр» руководства заговором. Правда, Дмитрий Волкогонов в «Триумфе и трагедии» утверждает, что в отношении Гамарника возможен был вариант «или-или»: либо в качестве члена Специального судебного присутствия, либо в качестве обвиняемого совместно с Тухачевским. Внимательное изучение стенограммы судилища над маршалом Тухачевским «со товарищи» позволяет заявить, что вариант «или-или», означающий неуверенность автора политической биографии Сталина в его посылке, отпадает из-за отсутствия каких-либо доказательств в пользу первого «или». Остается

одно — Гамарник потому и застрелился, что не увидел для себя другого достойного выхода из положения, в котором он оказался в конце мая 1937 года.

А что еще ему оставалось делать? Вот здесь-то и уместно применить формулу «или-или»: подвергнуться аресту органами НКВД (можно быть уверенным, что он знал, что это такое!), либо, разрядив в себя пистолет, разом снять все проблемы. Ян Борисович выбрал для себя последнее.

В приказе наркома обороны №00134 от 31 мая 1937 года говорилось: «Отстранить от занимаемой должности, исключить из состава Военного совета при наркомате обороны СССР начальника Политического управления РККА армейского комиссара 1-го ранга Гамарника Яна Борисовича, как работника, находившегося в тесной групповой связи с Якиром, исключенным ныне из партии за участие в военно-фашистском заговоре». Какое уж тут участие в составе специально созданного судебного органа после такой политической оценки! Так что Д. Волкогонов, несомненно, [46] ошибается в отношении предназначения Гамарника в планах руководства партии и наркома обороны.

Нет сомнения и в том, что у начальника Политуправления РККА, к тому же члена ЦК ВКП(б), имелась достаточно подробная информация о ходе следствия по делу Тухачевского. Известно, что членов Политбюро, некоторых членов ЦК знакомили с материалами протоколов допросов обвиняемых, в первую очередь с теми из них, в которых содержались так называемые «признательные показания». Механика здесь была очень проста: следователи Главного управления госбезопасности НКВД СССР, получив указания от соответствующих начальников во что бы то ни стало добиться от своих подследственных показаний об участии их в «военно-фашистском заговоре», добросовестно выколачивали из них эти самые важные для следствия слова. Причем пределом надругательства над личностью, своего рода победой следователя над обвиняемым являлось согласие последнего собственноручно написать на имя наркома НКВД СССР Н.И. Ежова заявление с «чистосердечным» признанием своего участия в заговоре. С подобного рода документами мы еще не раз столкнемся. В абсолютном большинстве следственных дел они, как правило, открывают раздел «признательных показаний».

Гамарник, безусловно, знал, что к этому времени (31 мая) были арестованы многие видные деятели Красной Армии: еще в марте 1937 года командующий войсками Уральского военного округа комкор Илья Гарькавый. с которым Ян Борисович был хорошо знаком с Гражданской войны, с Южной группы войск 12-й армии, когда они вместе пробивались с боями в 1919 году из-под Одессы до Житомира. Знал он и то, что одновременно с Гарькавым арестовали и его заместителя комкора Матвея Василенко. Гамарник мог не знать о тайном аресте комкора В.К. Путны, военного атташе СССР в Англии, вызванного на родину якобы для очередного доклада и участия в крупных учениях в августе 1936 года и тогда же взятого под стражу. Но не знать об изъятии из армии комкора Виталия Примакова, заместителя командующего войсками Ленинградского военного округа, он по своему служебному положению просто не мог. В частности, из информации начальника политуправления округа Петра Смирнова, большого любителя подобных сенсаций.

8 мая 1937 года последовал арест командарма 2-го ранга Августа Корка, начальника Военной академии имени М.В. Фрунзе, о котором так не-лестно отзывался на заседании Военного совета комкор Кулик. 15 мая, то есть через неделю, был взят комкор Борис Фельдман, по свидетельству современников личный друг М.Н. Тухачевского, совсем немного поработавший после Управления по комначсоставу РККА в должности заместителя у командарма 1-го ранга И.П. Белова в Московском военном округе. А 22 мая исчез в подвалах Лубянки комкор Роберт Эйдемман,

председатель Центрального Совета Осоавиахима СССР. И в тот же день в Куйбышеве был подвергнут аресту маршал Тухачевский. Такова хронология событий мая месяца 1937 года.

Гамарник, как опытный боец партии, переживший не одну кампанию по ее чистке от всяческих «врагов», по всей обстановке чувствовал [47] неумолимое сжатие кольца вокруг него. Он отчетливо понимал, что ведомство Ежова — Фриновского его в такое время без внимания не оставит. Последний сигнал прозвучал, когда он узнал об аресте командующих войсками ведущих военных округов: 28 мая Ионы Якира (КВО) и 29 мая — Иеронима Уборевича (БВО). Даже неискушенному в чекистских интригах человеку становилось ясно, что идет формирование группы или группировки. Но по какому принципу? К тому же накануне (30 мая) был арестован заместитель Яна Борисовича — армейский комиссар 2-го ранга Г.А. Осепян.

Вполне возможно, что Гамарник даже успел ознакомиться с некоторыми показаниями названных арестованных, которые, попав в «ежовые рукавицы», вскоре заговорили на нужном следствию языке. К их чести, они, несмотря на всестороннее воздействие со стороны следователей, всячески старались отвести тень подозрения от Гамарника, что не ускользнуло от внимания членов Специального судебного присутствия. Так в своей докладной записке Сталину 26 июня 1937 года Буденный делает такой вывод: «Участие Гамарника в заговоре все подсудимые безусловно пытались скрыть...» Заметим, что Буденный не ошибся — действительно все они, даже Корк и Фельдман, которых следователи в ходе предварительного следствия склонили к сотрудничеству, отрицали причастность к заговору начальника Политического управления РККА.

Немного сравнительной арифметики: М.Н. Тухачевский, будучи арестован 22 мая, признал свое участие в антисоветском заговоре через четверо суток. В его следственном деле находится исключительно важный документ:

«Народному Комиссару Внутренних Дел

Н.И. Ежову

Будучи арестован 22-го мая, прибыв в Москву 24-го, впервые допрошен 25-го и сегодня, 26-го мая заявляю, что признаю наличие антисоветского военно-троцкистского заговора и что я был во главе его. Обязуюсь самостоятельно изложить следствию все касающееся заговора, не утаивая никого из его участников, ни одного факта и документа.

Основание заговора относится к 1932-му году. Участие в нем принимали: Фельдман, Алафузо, Примаков, Путна и др., о чем я подробно покажу дополнительно.

(Подпись Тухачевского)»

26.5.37.

Это заявление взято у арестованного маршала во внутренней тюрьме НКВД помощником начальника 5-го (Особого) отдела Главного управления госбезопасности (ГУГБ) капитаном госбезопасности Зиновием Ушаковым (Ушамирским), большим «мастером» в подобных делах.

Почему следствию понадобилось настаивать на том, чтобы Тухачевский обозначил начало заговора именно 1932 годом? На первый взгляд это выглядит как весьма произвольная дата. А почему не в 1933-м или же двумя годами раньше? Мы еще вернемся к этому вопросу в другом месте, а пока отметим только, что в ГУГБ и особенно в его 5-м отделе ничего просто так не делалось и не планировалось.

А почему Тухачевский в своем заявлении Ежову называет именно этих людей (Фельдман, Алафузо, Примаков, Путна), а не каких-либо других? Почему только эти лица фигурируют в его первых показаниях как участники военно-троцкистского (потом его будут называть в органах и документах следствия военно-фашистским)? Ответ на последний вопрос весьма простой: да потому, что Тухачевский даже в этой обстановке, будучи поставлен следователями в жесткие условия допроса и неуклонного указания на участников заговора, стремится найти решение с наименьшими потерями для Красной Армии. Как мы убедились, он называет в первую очередь тех военачальников, о ком ему точно известно, что они уже арестованы и находятся в лапах НКВД. И такой поступок является еще одним доказательством благородства М.Н. Тухачевского. Знакомясь с его следственным делом, видишь, как он всячески, до последней возможности, стремится уменьшить степень вины Уборевича.

Одновременно шли аресты руководителей ведущих управлений наркомата обороны и Генерального штаба. Такой участи к концу мая — началу июня 1937 года подверглись начальник Административно-Мобилизационного управления комдив А.М. Вольпе, Артиллерийского — комкор Н.А. Ефимов, Технического — дивинженер С.В. Бордовский, связи — комкор Р.В. Лонгва, артиллерии — комдив Н.М. Роговский, а также заместители начальника Генерального штаба комкоры В.Н. Левичев и С. А. Меженинов, заместители начальников управлений: боевой подготовки — комкоры К.А. Чайковский и Л.Я. Угрюмое, военно-учебных заведений — комдив Н.Ф. Артеменко, автобронетанкового — комдив М.М. Ольшанский, начальник 3-го отдела Генштаба (военных сообщений) комкор Э.Ф. Аппога.

Итак, в первых показаниях маршала Тухачевского названы в качестве заговорщиков Фельдман, Алафузо, Примаков, Путна... Мы уже упоминали о них, кроме Алафузо. Михаил Иванович Алафузо, комкор, начальник кафедры организации и мобилизации Академии Генштаба РККА, старый сослуживец маршала по Гражданской войне, был арестован в середине апреля 1937 года, о чем М.Н. Тухачевскому, как заместителю наркома обороны, было известно. Как было известно и то, что у Алафузо были в НКВД взяты показания на него, Тухачевского.

В нашу задачу не входит подробный анализ того, что происходило в зале, где осуществлялось судилище над опальным маршалом и семьей другими военачальниками. Однако на некоторых его моментах придется останавливаться, чтобы показать ту глубину трагедии, в которой оказались как подсудимые, так и их судьи. Сейчас трудно определить, от кого и когда военачальники, включенные «высочайшим решением» в состав Специального судебного присутствия, получили указания вести подробные записи о поведении подсудимых, но в том, что они такой наказ имели, нет сомнений. Об этом свидетельствуют подробные докладные записки Буденного, Белова и некоторых других членов суда, адресованные Сталину и Ворошилову. Вполне вероятно, что именно от этих лиц и исходило требование вести дневник о впечатлениях и наблюдениях.

Одним из первых отчитался С.М. Буденный. На это ему понадобилось две недели: — 26 июня он писал Сталину, уделив основное внимание поведению Тухачевского, как главного из состава обвиняемых:

«Тухачевский с самого начала процесса суда при чтении обвинительного заключения и при показании всех других подсудимых качал головой, подчеркивая тем самым, что, дескать, и суд, и следствие, и все, что записано в обвинительном заключении, — все это не совсем правда, не соответствует действительности. Иными словами, становился в позу непонятого и незаслуженно обиженного человека, хотя внешне производил впечатление человека очень растерянного и

испуганного. Видимо, он не ожидал столь быстрого разоблачения организации, изъятия ее и такого быстрого следствия и суда...

Тухачевский в своем выступлении вначале пытался опровергнуть свои показания, которые он давал на предварительном следствии... Тухачевский пытался популяризировать перед присутствующей аудиторией на суде как бы свои деловые соображения в том отношении, что он все предвидел, пытался доказывать правительству, что создавшееся положение влечет страну к поражению и что его якобы никто не слушал. Но тов. Уль-рих, по совету некоторых членов Специального присутствия, оборвал Тухачевского и задал вопрос: как же Тухачевский увязывает эту мотивировку с тем, что он показал на предварительном следствии, а именно: что он был связан с германским генеральным штабом и работал в качестве агента германской разведки с 1925 г. Тогда Тухачевский заявил, что его, конечно, могут считать и шпионом, но что он фактически никаких сведений германской разведке не давал...»[\[40\]](#)

Далее Буденный сообщает, что Уборевич и Якир подтвердили свои показания, данные ими на предварительном следствии, а Эйдемман на суде практически ничего не сказал. Далее Семен Михайлович отмечает мужественное, по сравнению с другими подсудимыми, поведение Примакова. В частности, очень упорное отрицание обвинения его в руководстве террористической группой в составе комдива Д.А. Шмидта, майора Б.И. Кузьмичева и других, которая якобы готовила покушение на Ворошилова. Как помнится, именно об этой группе и этом теракте пространно и с пафосом говорил нарком на февральско-мартовском пленуме ЦК ВКП(б) 1937 года.

Другому члену Специального судебного присутствия — командарму 1-го ранга И.П. Белову потребовался целый месяц для подготовки доклада Ворошилову. В нем содержится ряд таких деталей, которые напрочь дезавуируют подпись Прокурора СССР Вышинского и помощника Главного военного прокурора диввоенюриста Л.М. Субоцкого о достоверности показаний, данных арестованными на предварительном следствии. Если Буденный в своей докладной записке больше внимания уделяет политическому аспекту показаний подсудимых, то у Белова в его наблюдениях преобладает аспект психологический. В целом верные, эти психологические наблюдения Белова почему-то имеют совершенно противоположные выводы. Такое возможно лишь в случае, когда глубоко ненавидишь человека и не веришь ни одному его слову. Неужели такое случилось [\[48\]](#) в июне 1937 года с Беловым и другими членами судебного присутствия? Читая строки, написанные командармом Беловым, убеждаешься, что так оно, видимо, в действительности и было. Или же это лицемерие высшей пробы с его стороны.

«Буржуазная мораль трактует на все лады — «глаза человека — зеркало его души». На этом процессе за один день, больше чем за всю свою жизнь, я убедился в лживости этой трактовки. Глаза всей этой банды ничего не выражали такого, чтобы по ним можно было судить о бездонной подлости сидящих на скамьях подсудимых. Облик в целом у каждого из них... был неестественный. Печать смерти уже лежала на всех лицах. В основном цвет был так называемый землистый... Тухачевский старался хранить свой «аристократизм» и свое превосходство над другими... Пытался он демонстрировать и свой широкий оперативно-тактический кругозор. Он пытался бить на чувства судей некоторыми напоминаниями о прошлой совместной работе и хороших отношениях с большинством из состава суда. Он пытался и процесс завести на путь его роли, как положительной, и свою предательскую роль свести к пустячкам...

Уборевич растерялся больше первых двух (то есть Тухачевского и Якира. — Н. Ч.). Он выглядел в своем штатском костюмчике, без воротничка и галстука, босяком... Корк хотя и был в штатском

костюме, но выглядел как всегда по-солдатски... Фельдман старался бить на полную откровенность... Эйдеман. Этот тип выглядел более жалко, чем все. Фигура смякла до отказа, он с трудом держался на ногах, он не говорил, а лепетал прерывистым глухим спазматическим голосом. Примаков — выглядел сильно похудевшим, показывал глухоту, которой раньше у него не было. Держался на ногах вполне уверенно... Путна только немного похудел, да не было обычной самоуверенности в голосе...

Последние слова говорили коротко. Дольше тянули Корк и Фельдман. Пощады просили Фельдман и Корк (видимо, следователи обещали, что суд будет к ним более снисходительным, чем к другим, и сохранит им жизнь. — Н. Ч.)...Остальные все говорили, что смерти мало за такие тяжкие преступления... Клялись в любви к Родине, к партии, к вождю народов т. Сталину...

Общие замечания в отношении всех осужденных: 1. Говорили они все не всю правду, многое унесли в могилу. 2. У всех них теплилась надежда на помилование; отсюда и любовь словесная к Родине, к партии и к т. Сталину»[\[41\]](#).

Бесспорно, что фактическая сторона наблюдений Буденного и Белова соответствует истине, так как обманывать Ворошилова, а тем более Сталина после такого громкого процесса, над их бывшими сослуживцами, их общими знакомыми на протяжении 20 лет, им никакого резона не было. Исказив что-либо из увиденного и услышанного, можно было навлечь на себя высочайший гнев, а что это означало на практике, каждый член суда убедился сам. Недаром же командарм Белов только один день процесса приравнял ко многим годам своей жизни. Отсюда, видимо, и резкость при оценке подсудимых, стремление еще более унижить их, показать жалкими пигмеями, посягнувшими на Геркулеса, а себя — суровыми [\[49\]](#) обличителями банды шпионов и вредителей. Поэтому словам Буденного и Белова вполне можно доверять с поправкой на личные взаимоотношения с тем или иным подсудимым.

Об унижении достоинства подсудимых в НКВД показал в своих объяснениях в ЦК КПСС от 29 ноября 1962 года бывший сотрудник «органов» А.Ф. Соловьев: «Я лично был очевидцем, когда привели в кабинет Леплевского (комиссар госбезопасности 2-го ранга И.М. Леплевский возглавлял в то время Особый отдел ГУГБ НКВД СССР. — Н. Ч.) ком. войск УВО Якира. Якир вошел в кабинет в форме, а был выведен без петлиц, без ремня, в расстегнутой гимнастерке, а вид его был плачевный, очевидно, что он был избит Леплевским и его окружением. Якир пробыл на этом допросе в кабинете Леплевского 2 — 3 часа»[\[42\]](#).

А вот свидетельство другого сотрудника НКВД СССР — А.И. Вула, относящееся к 1956 году: «Лично я видел в коридоре дома 2 Тухачевского, которого вели на допрос к Леплевскому, одет он был в прекрасный серый штатский костюм, а поверх него был одет арестантский армяк из шинельного сукна, а на ногах лапти. Как я понял, такой костюм на Тухачевского был надет, чтобы унижить его...»[\[43\]](#)

Бывший следователь А.А. Авсеевич, рьяно допрашивавший комкоров Примакова и Путну, сообщал впоследствии в ЦК КПСС: «Арестованные Примаков и Путна морально были сломлены... длительным содержанием в одиночных камерах, скудное тюремное питание... вместо своей одежды они были одеты в поношенное хлопчатобумажное красноармейское обмундирование, вместо сапог обуты были в лапти, длительное время их не стригли и не брили...»[\[44\]](#)

В то время, когда следователи ГУГБ истязали Примакова в тюрьме, буквально выдирая из него ложные признания, его боевые друзья и соратники на воле принимали за вождя червонного

казачества никак не меньшие муки. Это можно проследить на примере бывшего командира Киевской танковой бригады Резерва Главного Командования полковника И.В. Дубинского, в июне 1937 года работавшего заместителем начальника технических курсов усовершенствования в Казани. Обратимся к одному из документов Российского государственного военного архива. Из него видно, что за день до суда над Примаковым начальник Управления по командному и начальствующему составу РККА армейский комиссар 2-го ранга А.С. Булин однозначно уже вынес ему приговор, назвав закоренелым врагом народа. А документ этот представляет собой так называемую «ориентировку» к проекту приказа наркома обороны по личному составу армии:

«Народному комиссару обороны СССР

Маршалу Советского Союза т. Ворошилову К. Е.

Представляю на Ваше решение проект приказа об увольнении из РККА помощника по учебно-строевой части курсов усовершенствования техсостава автобронетанковых войск РККА полковника Дубинского И. В., который до перевода на эту должность командовал 4-й танковой бригадой РККА в г. Киеве. Дубинский сослуживец врага народа Примакова по корпусу червонного казачества. В написанных Дубинским книгах «Контрудар», «Золотая Липа» популяризируется Примаков, как маршал. Дубинский в августе 1936 г. выступал на Киевском партактиве и в этом выступлении, названном бесхребетным и небольшевицким, высказывал явно примиренческие взгляды в отношении троцкистско-зиновьевских бандитов.

В свете этого выступления, популяризация Дубинским в своих книгах врага народа Примакова не является случайной. Я считаю, что его нужно уволить из РККА.

Булин».

10 июня 1937 г.

Ворошилов не возражал, и в день судебного процесса над первым клинком червонного казачества Виталием Примаковым его боевой товарищ по сражениям и собрат по перу Илья Дубинский приказом НКВД СССР № 2449 увольняется в запас по ст. 43 п. «б» Положения о прохождении службы командным и начальствующим составом РККА, что на деле означало политическое недоверие. А вскоре его исключили из партии и арестовали. Впоследствии, отсидев многие годы в тюрьме и лагере, отбыв ссылку в Красноярском крае, Дубинский станет известным советским писателем, автором нескольких романов, повестей, очерков, в том числе о Якире и Примакове.

При чтении докладных записок Буденного и Белова возникает немало вопросов. Мы не знаем, возникали ли они у адресатов, то есть у Сталина и Ворошилова, но у нас они напрашиваются сами собой. Например, почему это у таких жизнерадостных людей, как Тухачевский, Якир, Примаков, Путна, глаза ничего не выражали, кроме растерянности и страха? Почему облик у подсудимых был каким-то неестественным, а цвет лица — землистым? Почему печать смерти лежала на их лицах? Почему так нужно было унижать щеголеватого в жизни Уборевича, наряжая его в кургузый штатский костюмчик и представляя суду в виде босяка? Почему Роберт Эйдеман, известный в военных кругах как человек с гордо поднятой головой, выглядел таким сникшим и прибитым, еле державшимся на ногах и не способным связно говорить? Почему, наконец, Примаков, имевший всегда отличный слух, вдруг стал плохо слышать? И много других «почему».

К сожалению, мы не найдем ответа на эти многочисленные «почему?» в докладных Буденного и Белова. По вполне понятным причинам они не могли даже поставить их, если бы и хотели, ибо такая постановка означала недоверие высильным органам НКВД, которые, как известно, «никогда не ошибаются». Очутиться же в роли Тухачевского или Эйдемана никому из членов Специального судебного присутствия, разумеется, не хотелось.

По ходу повествования мы постараемся ответить на некоторые из этих «почему?», опираясь на материалы по реабилитации незаконно осужденных военачальников Красной Армии, проведенной Главной военной прокуратурой в середине 50-х годов.

А судьи кто?

Имена Блюхера, Буденного, Дыбенко, Алксниса, Каширина в то время в стране, тем более в Красной Армии, были, как говорится, постоянно на слуху. Чего никак не скажешь о таком члене Специального судебного присутствия, как комдив Е.И. Горячев. Вполне закономерно может возникнуть вопрос: почему из двух сотен командиров, имевших к июню 1937 года воинское звание «комдив», и почти трех десятков должностей командира корпуса высшее руководство партии и страны определило в состав суда именно Елисея Ивановича Горячева, а не кого-либо другого? Сейчас трудно ответить на этот вопрос. Вместе с тем, анализируя содержание стенограммы заседания Военного совета при наркомате обороны, состоявшегося 1 — 4 июня 1937 года, невольно приходишь к мысли, что кандидатуру Горячева предложил Сталин. Ему понравилось выступление командира 6-го казачьего корпуса, критиковавшего некоторые установки бывшего командующего округом Уборевича, и он упомянул о нем в своем докладе 2 июня весьма одобрительно. Сыграли свою роль и положительные рекомендации наркомата Ворошилова и инспектора кавалерии Буденного, знавших Горячева по службе в течение многих лет.

Обратимся к послужному списку Е.И. Горячева. Родился он в 1892 году в семье казака на хуторе Песковатском станицы Голубинской Донской области. Образование — хуторская приходская школа. Как и все казаки, Горячев прошел допризывную подготовку и в 1912 году был призван на действительную военную службу в казачьи части. После окончания учебной команды он становится младшим урядником. В годы Первой мировой войны находился в действующей армии на Западном и Южном фронтах. Воевал героически, за что был награжден четырьмя георгиевскими крестами, став, как и Буденный, полным георгиевским кавалером.

Богатым событиями оказалось для Горячева и время после Февральской революции, когда он был избран председателем полкового комитета 6-го Донского казачьего полка. Командиром полка в этот период являлся небезызвестный полковник (впоследствии генерал) Мамонтов. В 1918 году по распоряжению Донского правительства 6-й казачий полк был переведен в Донскую область. По получении приказа Мамонтова о наступлении на станицу Персиановку, где находились отряды Красной гвардии, полк, выполняя постановление полкового комитета, отказался его выполнять. Тогда же, на полковом митинге, Горячева единогласно избирают командиром полка. За отказ выполнять приказы Мамонтова Горячев был приговорен Донским правительством к смертной казни через повешение, о чем было объявлено в местной прессе.

В годы Гражданской войны Елисей Горячев сражался не менее отважно, но только теперь уже по принципу «брат на брата». Командовал отрядом и полком, был начальником штаба бригады у Семена Тимошенко, командиром Особой бригады 1-й Конной армии. Награжден тремя орденами

Красного Знамени. После Гражданской войны Горячев настойчиво продолжал учиться военному делу: он успешно окончил Высшие [50] Академические курсы (ВАК), курсы усовершенствования высшего начсостава (КУВНАС), Особую группу Военной академии имени М.В. Фрунзе в 1932 году. Командовал Особой кавбригадой, 3-й Бессарабской и 7-й Самарской кавалерийскими дивизиями. В должности командира корпуса находился с июля 1935 года.

В аттестациях соответствующие начальники в разное время отмечали такие его качества: любовь к конному делу, твердость в принятых решениях, большое стремление к самосовершенствованию, достаточную инициативу, тактичность в обращении с подчиненными, умелое руководство боевой подготовкой вверенных ему частей и соединений.

Можно с большой долей уверенности утверждать, что включение в состав суда над «военными заговорщиками» было для Горячева полной неожиданностью, ибо в числе подсудимых находились командармы 1-го ранга Якир и Уборевич, его бывшие командующие в УВО и БВО, которых он глубоко уважал и почитал, как своих учителей и наставников в оперативно-тактических вопросах. Из числа подсудимых именно этих двух лиц он лучше и ближе всего знал. Какие чувства испытал Горячев, бегло ознакомившись с материалами многотомного дела (на более подробное изучение просто не было времени), мы никогда уже не узнаем. Однако вполне допускается, что они, эти чувства, были весьма противоречивыми, а может быть, даже и противоположными точке зрения официального следствия. Но их Горячеву пришлось спрятать под маской верного приверженца версии НКВД, иначе ему не удалось бы продержаться на воле целых полтора года и даже преуспеть по службе.

Прослеживая дальнейшую судьбу Е.И. Горячева, обратимся к весьма примечательному документу, который достаточно ярко свидетельствует о том, что даже участие в работе столь высокого судебного органа, как Специальное судебное присутствие, не спасало командиров РККА от различного рода доносов. Это в полной мере относится к членам суда Блюхеру, Алкснису, Дыбенко, Каширину. Поиски врагов народа «успешно» продолжались...

«Народному комиссару обороны Маршалу

тов. Ворошилову

Копия: Командарму 1-го ранга т. Белову

(от командира 6-го механизированного казачьего полка

Кривошеина С.М.

18 июня 1937 г.

г. Гомель)

Поведение командира казачьего корпуса т. Горячева считаю нечестным. До ареста и расстрела врага народа Уборевича Горячев был одним из его ревностных поклонников или просто подхалимом. Так, на занятиях с начсоставом всегда особо подчеркивались указания Уборевича по боевой подготовке войск, как исключительно ценные. Очень часто Горячев в своих письмах к Уборевичу их начинал со слов: «дорогой и любимый Иероним Петрович!», над чем окружные работники часто смеялись. Сам Уборевич на одном из совещаний высшего начсостава округа прямо заявил, что из всех командиров корпусов Горячев один его всегда хорошо информирует. Сейчас Горячев страшно [51] ругает всех врагов народа, но ни слова не говорит о своем

подхалимском отношении к Уборевичу. Так он выступил на окружной партийной конференции и на 16-м съезде большевиков Белоруссии. Я хотел на партийном съезде выступить с критикой поведения Горячева, но, взвесив политическую обстановку, решил написать Вам. Я считаю, что такой резкий поворот Горячева от подхалимства к проклятиям без признания своих личных ошибок подозрительным и требующим проверки.

Комбриг Кривошей».

На этом письме, находящемся в личном деле Е.И. Горячева, имеется следующая резолюция, сделанная, видимо, командующим войсками БВО И.П. Беловым или его заместителем (подпись неразборчива):

«1) Копию этого письма передать ОПК БВО (окружная партийная комиссия Белорусского военного округа. — Н.Ч.) тов. Сычеву.

2) Подлинник в личное дело т. Горячева.

3) Доложить письмо члену Военсовета и начпуоку (начальнику политического управления округа. — Н. Ч.)»[\[45\]](#).

Вот в такой сложной психологической обстановке приходилось тогда работать не только в центре, но и на местах — в округах, дивизиях и полках. Обратим внимание на дату — прошла ровно неделя, как Горячев вместе с Беловым, которому также адресовано письмо-донос, подписали в Москве смертный приговор Тухачевскому, Якиру, Уборевичу и другим членам «ядра военного заговора в Красной Армии» — и вот уже на него самого «покатили телегу». Прошло две недели после окончания работы Военного совета при наркомате обороны, на котором Сталин сетовал на отсутствие своевременных сигналов с мест о враждебных установках или действиях, (в этом месте он и упомянул о выступлении Горячева) — указанный недостаток был уже устранен, «сигнальщики» буквально обрушили поток своих заявлений в адрес вышестоящих командиров и политорганов. К содержанию некоторых таких «сигналов» нам в ходе повествования еще придется обратиться.

Приведенное же выше заявление написал комбриг Семен Кривошейн (только что получивший это воинское звание) после возвращения из Испании, где он был в составе первой группы советских танкистов. Приехал и угодил из одного огня да в полымя нарастающего вала всеобщей подозрительности и усиленного поиска «врагов народа». Как видим, даже люди, почти год отсутствовавшие на Родине, по приезде быстро включались в общий ритм политической жизни, точнее — политического сыска.

К заявителю Кривошеину судьба была весьма благосклонна — он будет командовать механизированной бригадой и корпусом. Великую Отечественную войну закончит генерал-лейтенантом танковых войск и Героем Советского Союза. Более драматичной оказалась судьба Е.И. Горячева, на которого в 1937 году, помимо заявления комбрига Кривошеина, будут и другие показания, в том числе бывшего начальника Разведуправления РККА комкора С.П. Урицкого. И тем не менее Елисей Иванович продержится «на плаву» до конца 1938 года, получив за это время очередное звание «комкор» и продвижение на две служебные ступеньки: заместителя командующего войсками Киевского военного округа по кавалерии и командующего армейской кавалерийской группой. Он станет депутатом Верховного Совета СССР первого созыва.

12 декабря 1938 года Е.И. Горячев умер и был похоронен на воинском кладбище в городе Проскурове. В его личном деле обстоятельства смерти изложены так, что невольно напрашивается мысль о вероятности самоубийства. К тому же выводу склоняется и сын комкора Георгий Горячев, хотя, повторим, об этом напрямую в официальных документах нигде не говорится. Вполне можно допустить, что тяжелая моральная атмосфера, царившая в среде командно-начальствующего состава армии, неопadaющая волна репрессий против него — все это оказывало свое негативное воздействие на состояние психики Горячева и могло подтолкнуть его к самоубийству.

В одной из последних служебных аттестаций (за 1936 год) непосредственный начальник Горячева комкор И.Р. Апанасенко, наряду с другими качествами аттестуемого, отметил и такое: «Командирские игры проводит хорошо... Очень любит военную историю...» Да, страстный поклонник военной истории Е.И. Горячев попал на ее страницы, но только не как умелый организатор боевой и политической подготовки в звене полк — дивизия — корпус, а прежде всего как член суда над Маршалом Советского Союза М.Н. Тухачевским и другими видными военачальниками в июне 1937 года. Сам Елисей Иванович, безусловно, не хотел такого поворота событий и, видимо, тяготился сознанием своей причастности к данному судилищу. Его преждевременная смерть является лишним тому доказательством.

Нельзя сказать, что от своего включения в состав суда многие члены Специального судебного присутствия были в восторге. Вместе с тем все они, без исключения, прекрасно понимали, что тем самым им оказана огромная честь, большое доверие со стороны руководства партии, правительства и наркомата обороны. Такое доверие надо было оправдывать конкретными делами и поведением на суде. В то же время большинству из них было неведомо, что в недрах ГУГБ на них самих уже имеется готовый «компромат», в том числе добытый в ходе следствия над участниками «заговора Тухачевского», которых они судили.

В следственном деле В.М. Примакова имеется несколько небольших по формату листков бумаги, на которых он писал собственноручные показания. Из них усматривается, что работникам Иностранного (ИНО), Экономического (ЭКО) и Особого (ОО) отделов ГУГБ НКВД СССР (соответственно начальники отделов комиссары госбезопасности 2-го ранга А.А. Слущкий, Л.Г. Миронов, И.М. Леплевский) удалось от него получить их, измотав до предела комкора в течение девятимесячного заключения в тюрьме. Воле и упорству Примакова надо отдать должное — будучи арестован в середине августа 1936 года, Виталий Маркович только 8 мая следующего года согласился давать «чистосердечные» показания на ряд видных военных работников. Так, 10 июня, накануне суда над Тухачевским, от Примакова следователем А.А. Авсеевичем были выбиты показания о том, что командарм 2-го ранга Н.Д. Каширин, уже утвержденный «наверху» членом судебного присутствия, также является участником военного заговора, о чем ему, Примакову, стало известно со слов М.И. Алафузо. В тот же день от него таким же образом пытались получить показания на другого члена суда — командарма 2-го ранга П.Е. Дыбенко. Еще ранее, когда Примаков только что «изъявил желание» признаваться в заговорщической деятельности, Леплевский, Авсеевич и сотрудник ЭКО лейтенант З.Л. Эстрин делали попытку получить от него необходимый им обличительный материал еще на одного члена суда -командарма 1-го ранга Б.М. Шапошникова, начальника Генштаба РККА.

Все названные документы, а также отредактированные протоколы допросов и собственноручные показания арестованных, в которых они называли заговорщиками некоторых членов Специального судебного присутствия, в ходе ознакомления с материалами следствия и на самом

процессе от членов суда были скрыты, хотя, по существу, это мало что изменило бы в их последующей судьбе. В живых из них после 1938 года оставались только Буденный и Шапошников. А вот почему их миновала карающая длань НКВД, остается нераскрытой тайной. Предполагать же самые различные варианты и версии — дело писателей, что и делают довольно успешно Дмитрий Волкогонов, Владимир Карпов, Лариса Васильева и другие авторы популярных книг. Нам же предельно ясно, что по первому сигналу из Кремля за ними также могли прийти в любой из дней как в 1937 — 1938 годах, так и в последующие годы.

Но не пришли. И слава богу! Хотя «компромата» для их ареста было предостаточно. Например, на Буденного, как на участника военного заговора, показали люди, которых он много лет знал по совместной службе в Красной Армии, с которыми был в близких личных отношениях, а именно: Маршал Советского Союза А.И. Егоров, командармы 1-го ранга И.П. Белов и И.Ф. Федько, командармы 2-го ранга М.Д. Великанов, П.Е. Дыбенко, Н.Д. Каширин, М.К. Левандовский, А.И. Седякин, комкор С.Е. Грибов, корпусной комиссар И.П. Петухов — начальник секретариата, наркома обороны, комдив Д.Ф. Сердич, комбриг Б.К. Верховский, бригадный комиссар К.И. Озолин, а также его порученец М.М. Аквильянов и другие.

Не в лучшем положении оказался и Б.М. Шапошников. Следователи Особого отдела ГУГБ НКВД неплохо «поработали», и в результате маршал Егоров, командарм Федько, армейский комиссар 1-го ранга П.А. Смирнов, комкор В.В. Хрипин — до ареста командующий авиацией особого назначения, назвали его в числе активных участников антисоветского военного заговора.

Досье на Буденного и Шапошникова постоянно пополнялись все новыми и новыми материалами. Удивительно одно — по мере того, как оба эти военачальника поднимались вверх по служебной лестнице, росли в воинских званиях, одновременно в соответствующей пропорции разбухали и досье на них. Так продолжалось многие годы и даже во время Великой Отечественной войны. Обратимся к некоторым из этих материалов, компрометирующих С.М. Буденного. Прежде всего из них усматривается одно обстоятельство, видимо самое главное для органов госбезопасности, — в планах руководства военно-фашистского заговора Буденному отводилась роль организатора антисоветского подполья среди казачества, как имеющего большую популярность среди казаков и могущего возглавить восстание, опирающееся на антисоветские казачьи кадры.

Маршал Егоров на допросе 28 марта 1938 года показал, что он вместе с Буденным и Дыбенко возглавлял руководство антисоветской организации правых в Красной Армии. Касаясь позиции и роли Буденного в этой организации, Егоров утверждал: «Имя, которое имеет Буденный в стране, увеличивало вес нашей организации... Буденный, входя в состав нашего центра и зная почти обо всем, что делала наша организация правых, имел от нашего центра специальное задание — возглавить антисоветские элементы конницы РККА, Именно он, Буденный, осуществлял связь с Кашириным, Апанасенко, Жлобой, которые проводили активную антисоветскую работу среди казачества. Они использовали создание специальных казачьих частей для подготовки своих контрреволюционных формирований... Во главе этих частей ими были поставлены свои люди, завербованные участники военного заговора и антисоветской организации правых. Из числа участников антисоветского подполья в коннице Буденный мне назвал Косогова (комкор), Шeko (комдив), Горячева (комкор), Сердича (комкор)...»[\[46\]](#)

Далее Егоров показал, что Буденный разделял установки руководства правых о подготовке поражения РККА в будущей войне и был осведомлен о его (Егорова) шпионской работе в пользу немцев.

Аналогичные показания об антисоветской деятельности Буденного дал и П.Е. Дыбенко. В частности, на допросе 15 марта 1938 года он подтвердил, что Буденный был в курсе связи руководства правых в армии с военно-фашистским заговором и персонально о Тухачевским: «Мне Егоров рассказал, что он поделился с Буденным о встрече на его, Егорова, квартире с руководителями антисоветского военного заговора и указал на необходимость установления им, Буденным, нормальных отношений с Тухачевским, как с союзником в борьбе против Сталина и Ворошилова»[\[47\]](#).

Под казачеством, которое по замыслу заговорщиков должен был возглавить Буденный и среди которого он якобы проводил антисоветскую работу, подразумевалось прежде всего донское, кубанское и терское. На их землях в большинстве своем дислоцировались части и соединения Северо-Кавказского военного округа. В 30-е годы им длительное время командовал Н.Д. Каширин, сам по происхождению казак, правда уральский. Арестованный в конце 1937 года, он в своем заявлении от 17 февраля 1938 года показал: «...Во время разговоров со мной в июле 1932 года Егоров назвал своим сообщником и главной опорой Буденного Семена Михайловича... По расчетам Егорова, антисоветское вооруженное восстание должна будет поддержать большая часть конницы РККА во главе с самим Буденным... Во главе Союза всех казачьих войск намечалось поставить Буденного с присвоением ему титула атамана всех казачьих войск...»[\[48\]](#)

По свидетельству бывшей жены Буденного — О.С. Михайловой-Буденной, к числу наиболее доверенных лиц ее мужа относились прежде всего И.Р. Апанасенко, Е.И. Горячев, О.И. Городовиков, С.А. Зотов, В.И. Книга, Н.Н. Криворучко, Д.Ф. Сердим, С.К. Тимошенко, И.В. Тюленев. Все они, за исключением Криворучко, являлись выходцами из 1-й Конной армии и питомцами Семена Михайловича. Криворучко же был представителем котовцев, которые, наряду с червонными казаками В.М. Примакова, соперничали в славе с конармейцами.

Из названных выше лиц репрессиям в 1937 — 1938 годах подверглись комдив Сердич и комкор Криворучко. На допросе 25 апреля 1938 года Данила Федорович Сердич (до ареста командир 3-го кавалерийского корпуса БВО) показал: «Я вел борьбу со следствием, всячески пытаюсь скрыть свою антисоветскую деятельность... Я был уверен, что... мои близкие приятели Егоров и Буденный сделают все для того, чтобы меня освободить. Эти люди сыграли большую роль в деле вовлечения меня в антисоветскую организацию правых... Апанасенко (комкор, заместитель командующего войсками БВО по кавалерии. — Н. Ч.) мне заявил, что линию правых разделяет Егоров и Буденный... Заканчивая беседу, Апанасенко сообщил мне о существовании в армии антисоветской организации правых во главе с Егоровым и Буденным»[\[49\]](#).

Как видим, комдив Сердич недвусмысленно называет не только Буденного, но и своего непосредственного начальника комкора И.Р. Апанасенко участником антисоветского военного заговора в Красной Армии. И не только Сердича, были на Апанасенко и другие показания. Но судьба оказалась к этому неординарному человеку более благосклонной, нежели к другим людям из окружения маршала Буденного. Аресту он не подвергался, хотя по служебной и партийной линии ему пришлось написать не одну объяснительную записку, сочинить не одно покаянное заявление, в которых неоднократно упоминается имя С.М. Буденного. В основном в негативном свете.

Член судебного присутствия Маршал Советского Союза В.К. Блюхер многие годы ходил в любимчиках у Сталина. Об этом говорит хотя бы тот факт, что только ему, единственному из командующих войсками военных округов (ОКДВА функционировала на правах округа), в 1935 году было присвоено высшее воинское звание. Такое же, как наркому обороны и его заместителям,

что не могло не вызвать недовольства со стороны других командующих округов первого разряда — И.П. Белова, Б.М. Шапошникова, И.П. Уборевича, И.Э. Якира. Свидетельствует генерал армии А.В. Хрулев, человек, в те годы работавший в аппарате наркомата обороны и достаточно близко находившийся от армейской верхушки: «Я одно точно знаю, что Блюхеру было присвоено звание маршала по личному предложению Сталина, чему сильно завидовали Уборевич и Якир».

Из воспоминаний Н.Г. Конюхова видно, что еще в середине 1937 года доброе расположение к Блюхеру со стороны Сталина и Ворошилова продолжало оставаться достаточно прочным. Подтверждает это и стенограмма заседания Военного совета при наркомате 1 — 4 июня 1937 года, о котором мы уже упоминали. Однако спустя год, и особенно после событий на Хасане, звезда Блюхера стала стремительно закатываться. Хасанские события и деятельность командующего Дальневосточным фронтом в этот период стали предметом специального разбирательства на Главном военном совете. Вот что об этом говорилось в совершенно секретном приказе № 0040 от 4 сентября 1938 года:

«31 августа 1938 г, под моим председательством состоялось заседание Главного военного совета РККА в составе членов Военного совета: т. т. Сталина, Щаденко, Буденного, Шапошникова, Кулика, Локтионова, Блюхера и Павлова с участием Председателя СП К СССР т. Молотова и зам. Народного комиссара внутренних дел т. Фриновского.

Главный военный совет рассмотрел вопрос о событиях в районе озера Хасан и, заслушав объяснения комфронта т. Блюхера и зам. члена Военного совета ДКФронта т. Мазепова, пришел к следующим выводам:

1. Боевые операции у озера Хасан явились всесторонней проверкой мобилизационной и боевой готовности не только тех частей, которые непосредственно принимали в них участие, но и всех без исключения войск ДКФронта.
2. События этих немногих дней обнаружили огромные недочеты в состоянии ДКФронта. Боевая подготовка войск, штабов и командно-начальствующего состава фронта оказались на недопустимо низком уровне. Войсковые части были раздерганы и небоеспособны; снабжение войсковых частей не организовано...

Ко всему этому обнаружено, что важнейшие директивы Главного военного совета и Народного комиссара обороны командованием фронта на протяжении долгого времени преступно не выполнялись. В результате такого недопустимого состояния войск фронта мы в этом сравнительно небольшом столкновении понесли значительные потери — 408 человек убитыми и 2807 человек ранеными. Эти потери не могут быть оправданы ни чрезвычайной трудностью местности, на которой пришлось оперировать нашим войскам, ни втрое большими потерями японцев...

Таким образом, основная задача, поставленная Правительством и Главным военным советом войскам ДКФронта — обеспечить на ДВ полную и постоянную мобилизационную и боевую готовность войск фронта, — оказалась невыполненной...»[\[50\]](#)

Далее в этом пространном приказе перечислялись основные недочеты в подготовке и устройстве войск Дальневосточного фронта, выявленные в ходе боевых действий, у озера Хасан. Их набралось много, этих недостатков, по каждому из которых можно было, в свою очередь, проводить отдельное расследование. Виновными в наличии отмеченных недочетов признавались командиры, комиссары и начальники всех степеней фронта, и в первую очередь его командующий маршал Блюхер. Ему вменялось в вину то, что он «вместо того, чтобы честно отдать

все свои силы делу ликвидации последствий вредительства и боевой подготовки ДКФронта и правдиво информировать наркома и Главный военный совет о недочетах в жизни войск фронта,... систематически, из года в год, прикрывал свою заведомо плохую работу и бездеятельность донесениями об успехах, росте боевой подготовки фронта и общем благополучном его состоянии. В том же духе им был сделан многочасовой доклад на заседании Главного военного совета 28 — 31 мая 1938 г., в котором он скрыл истинное состояние войск ДКФ и утверждал, что войска фронта хорошо подготовлены и во всех отношениях боеспособны»[\[51\]](#).

В приказе отмечалось, что многочисленные враги народа, работавшие длительное время рядом с Блюхером, умело скрывались за его спиной и вели свою деятельность по дезорганизации и разложению войск фронта. Его обвиняли в том, что после разоблачения и ареста большой группы изменников и шпионов он тем не менее не сумел или не захотел (вот как уже ставится вопрос!) по-настоящему реализовать очищение ОКДВА от врагов народа. Что Блюхер якобы под флагом особой бдительности оставлял, вопреки указаниям Главного военного совета и наркома обороны, незамещенными сотни должностей командиров частей и соединений. Объяснения командующего такого положения отсутствием кадров с соответствующей подготовкой были названы враньем и втиранием очков. Вот так и никак иначе! Никто не хотел называть вещи своими именами и квалифицировать необоснованные репрессии против кадров РККА как тягчайшее государственное преступление.

Действия командующего ДКФронта маршала Блюхера в период боевых действий у озера Хасан высшим политическим и военным руководством страны оценивались как совершенно неудовлетворительные и граничащие с сознательным поражением и саботажем. «...Все его поведение за время, предшествующее боевым действиям и во время самих боев, явилось сочетанием двуличия, недисциплинированности и саботирования вооруженного отпора японским войскам, захватившим часть нашей территории...»

Итак — пораженец, саботажник, разгильдяй!.. Такой оскорбительный для любого военачальника, тем более для маршала, вывод имел свою подоплеку. Она заключалась в том, что Блюхеру в Москве не могли простить одного его самостоятельного шага, заключавшегося в проверке законности действий пограничников у озера Хасан. «Заранее зная о готовящейся японской провокации и о решениях Правительства по этому поводу... получив еще 22 мая директиву Народного комиссара обороны о приведении всего Фронта в боевую готовность, т. Блюхер ограничился отдачей соответствующих приказов и ничего не сделал для проверки подготовки войск для отпора врагу и не принял действительных мер для поддержки пограничников полевыми войсками. Вместо этого он совершенно неожиданно... подверг сомнению законность действий наших пограничников у озера Хасан. Втайне от члена Военного совета т. Мазепова, своего начальника штаба т. Штерна, зам. Наркома обороны т. Мехлиса, зам. Наркома внутренних дел т. Фриновского, находившихся в это время в Хабаровске, т. Блюхер послал комиссию на высоту Заозерная и без участия начальника погранучастка произвел расследование действий наших пограничников. Созданная таким подозрительным порядком комиссия обнаружила «нарушение» нашими пограничниками маньчжурской границы на 3 метра и, следовательно, «установила» нашу «виновность» в возникновении конфликта у оз. Хасан.

Ввиду этого т. Блюхер шлет телеграмму Наркому обороны об этом мнимом нарушении нами маньчжурской границы и требует немедленного ареста начальника погранучастка и других «виновников в провоцировании конфликта» с японцами. Эта телеграмма была отправлена т. Блюхером также втайне от перечисленных выше товарищей»[\[52\]](#).

Создание маршалом названной комиссии и проведение расследования пограничного инцидента вызвали резко негативную реакцию со стороны Сталина, Молотова и Ворошилова. Вот эти его действия и послужили основанием для обвинения командующего фронтом в саботировании вооруженного отпора японцам и наличии пораженческой позиции. Не мог простить Блюхеру его недоверия пограничникам их куратор, всесильный тогда заместитель Ежова комкор М.П. Фриновский, находившийся в то время на Дальнем Востоке во главе большой бригады работников НКВД и проводивший тотальную чистку кадров ОКДВА, Тихоокеанского флота и Краснознаменной Амурской флотилии.

Кроме всего прочего, Блюхер обвинялся и в самоустранении от руководства боевыми действиями, перепоручении этого дела начальнику штаба фронта комкору Г.М. Штерну, притом без определения четких задач и полномочий А также в нежелании поддерживать бесперебойную связь с Москвой (!), издании приказа о призыве в 1-ю (Приморскую) армию двенадцати возрастов вместо шести, предусмотренных решением Главного военного совета, что грозило втягиванием в большую войну СССР с Японией. Приказ о призыве двенадцати возрастов был немедленно отменен наркомом обороны.

Все вышеприведенные обстоятельства послужили основанием для расформирования управления Дальневосточного фронта и отстранения Маршала Советского Союза В.К. Блюхера от его прежней должности. Этим же приказом из войск фронта создавались две отдельные армии с непосредственным подчинением их наркому обороны: 1-я Отдельная Краснознаменная (штаб в г. Ворошилове) и 2-я Отдельная Краснознаменная (штаб в г. Хабаровске). В оперативном отношении Военному совету 1-й армии был подчинен Тихоокеанский флот, а 2-й армии — Краснознаменная Амурская флотилия. Командующими назначались: 1-й армией — комкор Г.М. Штерн. 2-й — комкор И.С. Конев. На формирование армий отводилось десять суток [\[53\]](#).

Несколько слов о Г.М. Штерне — более подробно речь о нем впереди. Его звезда быстро всходила на армейском небосклоне, все более приближаясь к зениту. Кто еще год-полтора назад знал его? Очень немногие и то как командира для поручений при наркоме. Но вот в 1937 году Штерн сменяет на посту Главного военного советника в Испании Яна Берзина и получает (как и Берзин) высокую оценку своей деятельности. Она, эта похвала, впервые прозвучала в выступлении Сталина 2 июня 1937 года на заседании Военного совета:

«...Никто не думал, и я не слышал о способностях командующего у Берзина. А посмотрите, как он дело наладил! Замечательно вел дело.

Штерна вы знаете? Всего-навсего был секретарем у т. Ворошилова. Я думаю, что Штерн не намного хуже, чем Берзин, может быть не только хуже, а лучше...» [\[54\]](#)

В должности начштаба Дальневосточного фронта Штерн также про явил себя неплохо, особенно тогда, когда Ворошилов приказал ему принять корпус, действующий в районе озера Хасан. В приказе наркома от 4 сентября 1938 года особо подчеркивалось, что «...японцы были разбиты и выброшены за пределы нашей границы только благодаря боевому энтузиазму бойцов, младших командиров, среднего и старшего командно-политического состава, готовых жертвовать собой, защищая честь и неприкосновенность территории своей великой социалистической Родины, а также благодаря умелому руководству операциями против японцев т. Штерна и правильному руководству т. Рычагова действиями нашей авиации».

И хотя в приказной части приведенного выше документа содержалось решение о замене «негодного и дискредитировавшего себя в военном и политическом отношении» командования фронта в целом, на самом деле под «командованием» подразумевался всего лишь один Блюхер (вот и его время наступило!), ибо другие первые лица из руководства фронта (член Военного совета П.И. Мазепов, начальник штаба Г.М. Штерн) не только не пострадали, а наоборот, получили повышение по службе. Как в случае со Штерном. Петр Иванович Мазепов также не подвергался гонениям.

Приказ от 4 сентября 1938 года является не только уникальным, но и единственным в своем роде. И суть тут совсем не в том, что с позором отстранялся от должности один из самых заслуженных и авторитетных в стране военачальников в звании маршала — до этого уже были Тухачевский с Егоровым. Его уникальность состояла в том, что впервые за многие годы существования Красной Армии за снятием командующего последовало расформирование управления одного из крупнейших войсковых объединений. Такого в РККА, по крайней мере за период после Гражданской войны, еще не случалось.

Что же случилось с легендарной Особой Дальневосточной? Что произошло с не менее легендарным Блюхером? Ведь совсем еще недавно, всего год тому назад, выступая 2 июня 1937 года на Военном совете, Сталин всячески защищал его: «...И вот начинается кампания, очень серьезная кампания. Хотят Блюхера снять... Агитацию ведет Гамарник, ведет Аронштам. Так они ловко ведут, что подняли почти все окружение Блюхера против него. Более того, они убедили руководящий состав военного центра, что надо снять. Почему, спрашивается, объясните, в чем дело? Вот он выпивает. Ну, хорошо. Ну, еще что? Вот он рано утром не встает, не ходит по войскам. Еще что? Устарел, новых методов работы не понимает. Ну, сегодня не понимает, завтра поймет, опыт старого бойца не пропадает. Посмотрите, ЦК встает перед фактом всякой гадости, которую говорят о Блюхере. Путь бомбардирует, Аронштам бомбардирует нас в Москве, бомбардирует Гамарник. Наконец, созываем совещание. Когда он приезжает, видимся с ним. Мужик как мужик, неплохой...»[\[55\]](#)

Выходит, Блюхер разучился воевать? Всегда умел, а тут вдруг не справился с несложной для его уровня задачей, проявил растерянность и безволие?! Ответ на поставленный вопрос по глубинной своей сути гораздо сложнее и трагичнее, нежели как он сформулирован в приказе от 4 сентября 1938 года. Обескровленная непрекращающимися «чистками», увольнениями, арестами командно-начальствующего состава, Особая Краснознаменная Дальневосточная армия оказалась в критическом положении, с нарушенным управлением войсками и недоверием со стороны рядовых красноармейцев к оставшимся (пока оставшимся!) в строю командирам. Думается, что и сам маршал Блюхер в середине 1938 года рассуждал по поводу арестованных командиров и политработников несколько иначе, нежели в июне 1937 года, находясь на заседаниях Военного совета и Специального судебного присутствия. Скажем прямо: если события на КВЖД в 1929 году явились триумфом Блюхера, то бои у озера Хасан летом 1938 года стали настоящей его трагедией. А до ареста оставалось всего полтора месяца...

Как говорится, аппетит приходит во время еды. Наказанием одного комфронта Блюхера за неудачные бои у озера Хасан высокая власть не могла удовлетвориться. В назидание командирам и начальникам более низкого ранга потребовались другие «козлы отпущения» на Дальнем Востоке. В качестве таковых решено было выбрать руководство 1-й (Приморской) армии: командующего комдива К.П. Подласа, члена Военного совета бригадного комиссара М.В. Шуликова и начальника штаба полковника А.И. Помощникова. Их обвинили в том, что в период

боев у озера Хасан они проявили преступное бездействие, выразившееся в непринятии необходимых мер к воспрепятствованию вторжения японских войск на советскую территорию, а также в плохом обеспечении боевых действий некоторых частей и подразделений армии. Все это, вместе взятое, привело к тому, что японцам удалось захватить и временно закрепиться на господствующей в этом районе высоте Заозерной.

Такие формулировки содержались в обвинительном заключении. Они же затем почти без изменений перекочевали в текст приговора по их делу. Военная коллегия Верховного суда СССР приговорила Подласа к заключению в исправительно-трудовой лагерь сроком на пять лет, Помощникова и Шуликова — соответственно на три и два года. В отношении двух последних лиц меру наказания было признано считать условной [\[56\]](#).

Дальнейшая судьба Шуликова нам неизвестна. Что же касается командарма, Кузьмы Петровича Подласа, то он оказался в числе тех немногих счастливицков, вернувшихся незадолго до войны в кадры РККА в результате пересмотра их дел. В звании генерал-лейтенанта Подл ас, командуя 57-й армией Юго-Западного фронта, погиб в мае 1942 года в окружении под Харьковом. На несколько лет пережил своего командарма А.И. Помощников: будучи заместителем начальника штаба 1-го Прибалтийского фронта, он погиб в октябре 1944 года в звании генерал-майора.

Но вернемся к В.К. Блюхеру. Его звезда во второй половине 1938 года, как можно усмотреть из приведенных выше материалов и документов, стала действительно стремительно гаснуть. Дело дошло до того, что аресту Блюхера 22 октября 1938 года предшествовали его оперативная разработка органами контрразведки, наружное наблюдение за ним и просмотр всей корреспонденции маршала. Оперативные материалы, хранившиеся на момент реабилитации В.К. Блюхера в учетно-архивном отделе КГБ СССР, говорят о том, что его разработкой и следствием по делу руководил лично Л.П. Берия. Ордер же на его арест подписан Н.И. Ежовым.

Мы уже упоминали о просьбе, а точнее — требовании начальника политуправления ОКДВА армейского комиссара 2-го ранга Л.Н. Аронштама снять Блюхера с должности командующего и перевести его на другой, менее ответственный пост как человека, сильно пьющего. Об этом порочном пристрастии маршала свидетельствуют и другие люди, хорошо знавшие его. В частности, генерал армии А.В. Хрулев: «Блюхер последние годы очень много пил и обосновывал это тем, что его страшно мучила, экзема, кожи, и он, якобы желая избавиться от болей этой экземы, употреблял очень много спиртных напитков...»

Конечно, подобные увлечения и склонности сильно подрывали авторитет Блюхера, имя которого знала вся страна, о котором писали книги, слагали стихи. Чего только стоит песня, припев которой содержал призыв-приказ: «Товарищ Блюхер! Даешь отпор!»

Одни писали стихи и книги, тогда как другие тоже писали, но только доносы и тому подобные пасквили, дискредитирующие Блюхера. Речь идет о действиях органов контрразведки, которые неоднократно предпринимали меры по опорочиванию командующего войсками ОКДВА, по увязке его с действиями правых, в первую очередь с А.И. Рыковым. Например, в оперативных материалах по делу Блюхера обнаружен рукописный документ антисоветского содержания, написанный якобы его рукой, однако им не подписанный. Адресован он всем командующим войсками округов.

Здесь странным является не только то, что документ исполнен рукой Блюхера и не подписан никем, но больше то, что в ходе следствия арестованный маршал ни разу не был допрошен по

поводу появления у него этого важного вещественного доказательства. Сам Блюхер на допросе 28 октября 1938 года попытался дать объяснения по этому вопросу, сказав, что получил от Рыкова письмо, адресованное командующим округов, однако следователь почему-то не придал заявлению никакого значения и перешел к другой теме.

Дополнительной проверкой в период реабилитации Блюхера установлено, что указанный антисоветский документ был изъят из сейфа Блюхера сотрудником госбезопасности Кайдаловым при секретном его осмотре еще до ареста маршала. Кайдалов, допрошенный в середине 50-х годов по поводу данного документа, показал, что он немедленно доложил о нем руководству Управления НКВД по Дальневосточному краю, однако бывший начальник УНКВД Г.Ф. Горбач и его заместитель М.С. Ямницкий не проявили к нему никакого интереса.

Напомним, что инцидент с неподписанным документом происходил во второй половине 1938 года. И он не являлся единичным. За восемь лет до упомянутого случая был и другой, свидетельствующий о том, что даже тогда, когда Блюхер находился в самом зените своей славы (после победы на КВЖД), против него планировались и проводились провокационные комбинации, имеющие цель скомпрометировать его. Подтверждением сказанного являются показания бывшего порученца Блюхера — С.А. Павлова, данные им на допросе 8 августа 1938 года (то есть до ареста Василия Константиновича):

«В декабре 1930 или январе 1931 года, точно не помню, на квартире Блюхера собиралась группа высшего и старшего комполитсостава армии, прибывшего в Хабаровск на совещание. За столом в одном месте сидели нач. политотдела 18 корпуса Зайцев, нач. политотдела 1 стр. дивизии Свинкин, начальник подива (политического отдела дивизии. — Н. Ч.) 26 Серпуховитин, командир полка Морган и другие, которых сейчас не помню. Кто из них кто — я не могу восстановить в памяти, кто именно, вручил мне книгу (кажется «Современная тактика»), сказав, что взял эту книгу здесь же в квартире Блюхера из его личной библиотеки и попросил меня эту книгу положить на место в книжный шкаф. Я с этой книгой направился в кабинет, где находилась библиотека Блюхера, и по дороге, перелистывая книгу, обнаружил между страницами лист бумаги с текстом, напечатанным на машинке. Я обратил внимание на подпись снизу этого письма: «С комприветом А.И. Рыков» (подпись от руки и подставленные в скобках на машинке инициалы и фамилия).

Заинтересовавшись, я прочитал, несколько строк этого документа и в тексте его заметил следующую фразу: «В недалеком будущем Вам предстоит стать во главе всех Вооруженных Сил Союза, как самому выдающемуся и авторитетному командиру Красной Армии». Я не стал дочитывать письма и сразу понял, что оно является важным политическим документом, свидетельствующим о каких-то контрреволюционных замыслах Рыкова и Блюхера, вызвал в отдельную комнату заместителя начальника полуправления армии Скворцова и передал ему это письмо, сообщив, при каких обстоятельствах я его обнаружил. Скворцов тут же, прочитав документ, позвал Блюхера и при мне спросил его: «Что это за письмо? Блюхер ответил: «Это провокационная афера, я об этом предупрежден Особым отделом». На этом разговор закончился и Блюхер забрал это письмо. Далее Попов показал, что при разговоре со Скворцовым Блюхер вел себя спокойно и никакого волнения по поводу этого письма не наблюдалось.

По поводу двух приведенных выше попыток политической компрометации Блюхера следует выделить несколько моментов. Во-первых, совершенно ясно, что он не был автором изъятых из его сейфа антисоветского рукописного документа. Во-вторых, не исключена, по всем признакам, возможность того, что сей злополучный «компромат» является легендированным письмом от имени А.И. Рыкова, направленным Блюхеру в ходе оперативных мероприятий ОГПУ. А посему

указанный документ не может рассматриваться как доказательство по делу и основание для обвинения маршала в антисоветских связях.

В Лефортовской тюрьме с высокими воинскими званиями арестованных, их прежними заслугами перед страной и народом нисколько не считались, и маршала подвергали не меньшим истязаниям, нежели какого-то там комбрига или полковника, командира дивизии из небольшого гарнизона. Если не больше, рассчитывая при этом выйти на широкий круг так называемых участников военного заговора.

Свидетельствует начальник санчасти Лефортовской тюрьмы военврач 3-го ранга Анна Розенблюм, оказывавшая Блюхеру медицинскую помощь: «На лице у Блюхера около глаза был огромный синяк. Удар, вследствие чего появился синяк, был настолько силен, что образовалось кровоизлияние в склереу глаза, поэтому склера глаза была переполнена кровью»^[57]. Факт издевательства над прославленным военачальником, первым кавалером советских орденов Красного Знамени и Красной Звезды, подтвердил и бывший следователь НКВД В.Я. Головлев. Он на допросе в ноябре 1955 года показал, что, увидев в тюрьме накануне ноябрьских праздников 1938 года арестованного маршала (разумеется, без орденов и знаков отличия), «...сразу же обратил внимание на то, что Блюхер... был сильно избит, ибо все лицо у него представляло сплошной синяк и было распухшим. Вспоминаю, что, посмотрев на Блюхера и видя, что все лицо у него в синяках, Иванов тогда сказал мне, что Блюхеру, как он выразился, «здорово попало».

О том, что Блюхера жестоко истязали, видно также из показаний С.А. Ариной-Русаковской, одно время содержавшейся в камере вместе с бывшей женой маршала — Г.А. Кольчугиной-Блюхер: «Из бесед с Кольчугиной-Блюхер выяснилось, что причиной ее подавленного настроения была очная ставка с бывшим маршалом Блюхером, который, по словам Кольчугиной-Блюхер, был до неузнаваемости избит и, находясь почти в невменяемом состоянии, в присутствии ее, а также двух других его бывших жен наговаривал на себя чудовищные вещи и просил, чтобы Кольчугина-Блюхер и остальные бывшие его жены все это подтвердили. Я помню, что Кольчугина-Блюхер с ужасом говорила о жутком, растерзанном виде, который имел Блюхер на очной ставке, бросила фразу: «Вы понимаете, он выглядел так, как будто побывал под танком»^[58].

Несколько слов о женах В.К. Блюхера — у него их было три. Первая, Покровская Галина Павловна, на которой он женился в Гражданскую войну, была арестована 24 октября 1938 года по личному указанию Л.П. Берия. Обвинялась в том, что якобы знала об антисоветских настроениях Блюхера и не донесла об этом органам советской власти. 10 марта 1939 года Военной коллегией была осуждена к расстрелу. От брака с Блюхером она имела дочь Зою и сына Всеволода.

Вторым браком В.К. Блюхер был женат на упомянутой выше Кольчугиной Галине Александровне. К моменту ареста 22 октября 1938 года (в один день с бывшим мужем) она являлась слушателем 4-го курса военного факультета Академии связи имени Подбельского. Обвинялась, как и Г.П. Покровская, в недоносительстве о контрреволюционной деятельности своего бывшего супруга, а также, дополнительно к этому, в проведении шпионажа и соучастии в антисоветском военном заговоре. Следователи НКВД, действуя методом «кнута и пряника», вынудили ее в ходе следствия оговорить себя, бывшего мужа и ряд других лиц.

«Пряниками» потчевал Кольчугину и Лаврентий Берия. По свидетельству ее сокамерницы С.А. Ариной-Русаковской, Кольчугина рассказывала, как ее вызывал к себе Берия, угощал фруктами, уговаривая при этом дать на Блюхера необходимые следствию показания. А что касается «кнута», то такого «удовольствия» в тюрьмах НКВД Галина Александровна хлебнула с избытком.

Получилось так, что врач А. А. Розенблюм, в свое время, как мы помним, лечившая В.К. Блюхера, через некоторый промежуток времени оказалась в одной камере с его бывшей женой. По ее свидетельству, «...Кольчугина-Блюхер из камеры внутренней тюрьмы, где мы находились, очень часто, почти ежедневно, вызывалась на допросы, продолжавшиеся до утра. С допросов она всегда приходила в обморочном состоянии. Точнее даже сказать, она не приходила с допросов, а ее буквально под руки приводили в камеру». Поэтому нет ничего удивительного в том, что измученная до предела женщина, опасаясь новых истязаний, подтвердила на суде свои показания, данные на предварительном следствии.

14 марта 1939 года (спустя четыре дня после расстрела Г.П. Покровской) Военная коллегия приговорила к высшей мере наказания и вторую жену Блюхера. От брака с ним у Кольчугиной был сын Вячеслав (Василий).

Третья — и последняя — жена В.К. Блюхера — Глафира Лукинична Безверхова, не в пример двум другим его бывшим супругам, была осуждена не Военной коллегией, а Особым совещанием при НКВД СССР. Срок ей дали стандартный для членов семей изменников Родине — 8 лет исправительно-трудовых лагерей за недоносительство о преступной деятельности мужа, о которой она якобы знала. В ходе следствия Г.Л. Безверхова виновной себя не признала. Отбыв заключение полностью, она затем была направлена в административную ссылку, где и находилась до момента реабилитации (своей и мужа). От брака с В.К. Блюхером у нее были дети: сын Васелин и дочь Вайнира.

Сопrotивляющегося Блюхера следователь — сотрудник секретно-политического отдела ГУГБ НКВД СССР с истинно русской фамилией Иванов — всячески старался уличить в причастности к военному заговору в РККА, в шпионаже и вредительстве, манипулируя при этом показаниями на него лиц, в разные годы работавших совместно с ним в ОКДВА и других военных округах Маршала Советского Союза А.И. Егорова, командарма 1-го ранга И.Ф. Федько, комкора Г.Д. Хаханьяна, комдива Г.И. Кассина, дивизионного комиссара В.С. Винокурова, комбрига С.Ф. Гулина, наконец его родного брата летчика капитана Павла Блюхера.

Особые надежды следствие возлагало на проведение очных ставок Блюхера с некоторыми из названных лиц. Например, с бывшим заместителем наркома обороны И.Ф. Федько, которая состоялась через неделю после ареста маршала. Командарм Федько, до мая 1937 года возглавлявший Приморскую группу войск ОКДВА, на этот раз тщательно проинструктированный своим следователем, на очной ставке не подкачал. Он заученно подтвердил: «Преступные антисоветские связи с Блюхером я установил в ноябре 1935 года, когда работал военный совет». А может быть и не говорил всего этого Иван Федорович Федько, однако в протоколе очной ставки слова его преподнесены в такой редакции.

Эти и другие вымышленные показания Блюхером решительно отвергались. В протоколе означенной очной ставки четко просматривается его реакция на измышления бывшего подчиненного: «Как Вам не стыдно, Федько!». Обращаясь к следователю и присутствующему на очной ставке Л.П. Берия, он заявил: «Все, что сказал Федько, я категорически отрицаю». Но такие заявления арестованного совершенно не вписывались в схему, разработанную следствием. Поэтому, чтобы все-таки сломить волю Блюхера, в тот же день проводится вторая очная ставка, на сей раз с бывшим членом Военного совета ОКДВА комкором Г.Д. Хаханьяном.

Из материалов следственного дела последнего известно, что Хаханьян, будучи сломлен пытками, согласился помогать органам НКВД. Вот почему, не получив ожидаемого результата на очной

ставке с Федько, решено было ввести в игру Хаханьяна. Но Блюхер так же сразу, как и в предыдущем случае, отверг утверждения бывшего своего заместителя по политической части об антисоветской заговорщической деятельности. О том, насколько большое значение в НКВД придавалось показаниям маршала Блюхера, говорит то обстоятельство, что первые его допросы и указанные очные ставки проводил лично Лаврентий Берия, являвшийся в то время заместителем Ежова. Именно он, не удовлетворившись результатами допросов и очных ставок, дал команду своим подчиненным подвергнуть подследственного Блюхера пыткам по полной программе. Как все это отразилось на здоровье последнего, мы уже упоминали.

К Блюхеру применили и еще одно из крайне нечистоплотных средств, имевшихся в арсенале следователей ГУГБ. Из оперативных материалов по его делу видно, что в камеру внутренней тюрьмы, где он содержался, был посажен агент, который, спаивая Блюхера коньяком, уговаривал того признать вину, а именно: участие в военном заговоре, шпионаж в пользу Японии, организационную связь с А.И. Рыковым. Этим агентом являлся бывший начальник УНКВД по Свердловской области комиссар госбезопасности 3-го ранга Д.М. Дмитриев, арестованный в конце июня 1938 года. Являвшийся, как и Блюхер, депутатом Верховного Совета СССР, он имел большой опыт по фальсификации следственных дел. Как раз под его руководством прошли первые аресты высшего комначсостава РККА после февральско-мартовского пленума ЦК ВКП(б). Тогда пострадало прежде всего командование Уральского военного округа в лице комкоров И.И. Гарькавого и М.И. Василенко. Потом последовал черед еще двух комкоров — Б.С. Горбачева и Я.П. Гайлита, которые тоже не миновали рук Дмитриева.

Видимо, за эти «заслуги и самоотверженные действия при выполнении правительственных заданий» Дмитриев в числе немногих был в декабре 1937 года удостоен ордена Ленина. Весомым доводом к этому послужила и его докладная записка наркомку Ежову в конце октября 1937 года, в которой он, как о большой победе, сообщал о ликвидации на Урале крупной офицерско-фашистской организации, созданной якобы агентурой «Российского Общевоинского Союза» (РОВС). Одним из руководителей этой организации в записке неоднократно называется комкор М.И. Василенко. По этому инспирированному Дмитриевым, а также его помощниками Строминым и Чистовым делу было арестовано 399 человек, из них бывших офицеров старой армии — 196 человек, то есть ровно половина от числа арестованных^[59].

Такую деятельность команды Дмитриева в Москве не могли не заметить, и через несколько месяцев он получает повышение. Как и его кровавые помощники Стромин и Чистов, получившие под свое начато областные управления НКВД, Дмитриев же назначается начальником Главного управления шоссейных дорог СССР (ГУШосдор), находившегося в ведении НКВД.

Это тот самый Дмитриев, о котором, характеризуя его методы работы, начальник Особого отдела ГУГБ НКВД СССР комбриг Н.Н. Федоров в письме своему «шефу» М.П. Фриновскому сообщал: «...В частности: у него было мало поляков, он отдал кое-где приказ арестовать всех, у кого фамилия оканчивается на «ский».

В аппарате острят по поводу того, что если бы Вы в это время были на Урале, то могли бы попасть в списки подлежащих аресту...»^[60]

Пробыв всего месяц в последней должности, Дмитриев был арестован. Не новичок в своем ведомстве, он, чтобы спасти свою шкуру или хотя бы несколько облегчить режим его содержания в тюрьме и смягчить грядущее наказание, без колебаний изъявил желание помогать следственным органам. По заданию Берия он применял различного рода провокации по

отношению к подследственным, в том числе к Блюхеру, с единственной целью — склонить их к признанию своей вины, к самооговору. Шантаж, угрозы, увещевания и уговоры — все это в полной мере использовал Дмитриев, обрабатывая Блюхера, что подтверждается записью их беседы в камере, сделанной с помощью оперативной техники. Из нее также усматривается, что Блюхер действительно подвергался избиениям и провокационной обработке со стороны Берия.

Воспроизведем фрагменты этого разговора между Блюхером и Дмитриевым, происходившего 26 октября 1938 года (через четверо суток после ареста маршала).

Блюхер. Физическое воздействие... Как будто ничего не болит, а фактически все болит. Вчера я разговаривал с Берия, очевидно, дальше будет разговор с народным комиссаром.

Агент (Дмитриев). С Ежовым?

Блюхер. Да. Ой, не могу двигаться, чувство разбитости.

Агент. Вы еще одну ночь покричите, и будет все замечательно.

Далее в записи разговора следует пауза, так как Блюхера вызвали на очередной допрос. Когда он возвратился, вновь не признав своей вины, дежурный надзиратель, работавший, видимо, в паре с Дмитриевым, предупредил о предстоящей отправке его в Лефортово. Мрачная слава этой тюрьмы Блюхеру была известна и на данное обстоятельство в его психологической обработке делалась определенная ставка.

Дежурный. Приготовьтесь к отъезду, через час вы поедете в Лефортово.

Блюхер. С чего начинать?

Дежурный. Вам товарищ Берия сказал, что от вас требуется, или поедете в Лефортово через час. Вам объявлено? Да?

Блюхер. Объявлено... Ну вот я сижу и думаю. Что же выдумать? Не находишь даже.

Агент. Вопрос решен раньше. Решение было тогда, когда вас арестовали. Что было для того, чтобы вас арестовать? Большое количество показаний. Раз это было — нечего отрицать. Сейчас надо найти смягчающую обстановку. А вы ее утяжеляете тем, что идете в Лефортово.

Блюхер. Я же не шпионил.

Агент. Вы не стройте из себя невинного. Можно прийти и сказать, что я подтверждаю и заявляю, что это верно. Разрешите мне завтра утром все рассказать. И все. Если вы решили, то надо теперь все это сделать.

Блюхер. Меня никто не вербовал.

Агент. Как вас вербовали, вам скажут, когда завербовали, на какой почве завербовали. Вот это и есть прямая установка...

Блюхер. Я могу сейчас сказать, что я был виноват.

Агент. Не виноват, а состоял в организации...

Блюхер. Не входил я в состав организации. Нет, я не могу сказать.

Агент. Вы лучше подумайте, что вы скажете Берия, чтобы это не было пустозвоном... Кто с вами на эту тему говорил? Кто вам сказал и кому вы дали согласие?

Блюхер. Вот это письмо-предложение, я на него не ответил. Копию письма я передал Дерибасу.

Агент. Дерибас донес... Вы должны сказать.

Блюхер. Что я буду говорить?

Агент. Какой вы чудак, ей-богу. Вы знаете (называет фамилию). Три месяца сидел в Бутырках, ничего не говорил. Когда ему дали в Лефортово — сразу сказал...

Блюхер. Что я скажу?

Агент. ...Вы меня послушайте, я вас считаю японским шпионом, тем более что у вас такой провал. Я вам скажу больше, факт, доказано, что вы шпион. Что, вам нужно обязательно пройти камеру Лефортовской тюрьмы? Вы хоть думайте...[{61}](#)

Напомним еще раз, что разговор этот состоялся через несколько суток после ареста Блюхера. По его ответам Дмитриеву чувствуется, что он пребывает в растерянности от всего происходящего, не понимает некоторых вещей, которые агенту НКВД предельно ясны, что он сопротивляется моральному давлению со стороны своего сокамерника, действующего по сценарию, разработанному, по всей видимости, в кабинете Берия. 26 октября у Блюхера еще хватает сил сопротивляться и отказываться от самооговора. По тону его реплики относительно предстоящей встречи с Ежовым чувствуется, что он от нее ничего хорошего не ожидает, ибо понимает, ради чего все это затеяно — исключительно ради признания им предъявленных обвинений.

Собственно говоря, весь многочисленный аппарат НКВД как в центре, так и на местах преследовал достижение именно этой конечной цели — признания подследственным своей вины. И не важно — настоящей или мнимой.

Сотни и тысячи следователей, надзирателей, камерных агентов дни и ночи всеми мыслимыми и немыслимыми способами склоняли непокорных узников к мысли о необходимости признать совершение несовершенных преступлений. Ведь от того, насколько эффективно реализовывалась эта задача, насколько сильны были позиции «царицы доказательств» в наркомате, управлении, отделе и отделении, настолько можно было рассчитывать на очередное (а иногда и внеочередное) повышение в должности и звании, получение награды, льгот и т.п. Даже внутрикамерный агент Дмитриев, психологически обрабатывая Блюхера, рассчитывал на снисхождение при решении своей тюремной судьбы.

Из дальнейшей записи разговора Блюхера с Дмитриевым видно, что маршал и на сей раз устоял, не поступился своими принципами и совестью, отказавшись давать ложные показания, за что, как и было ему обещано, отконвоирован в Лефортово. О том, как его там избивали, уже свидетельствовали А.А. Розенблюм и С. А. Арина-Русаковская. Этим людям не было никакого резона что-либо приукрашивать или же скрывать от работников Главной военной прокуратуры, проводивших проверку дела по обвинению В.К. Блюхера. Однако имелась в то время еще одна категория свидетелей, напрямую заинтересованная в обратном — это бывшие сотрудники НКВД, принимавшие активное участие в репрессиях против невинных людей. Но даже и они, стремившиеся забыть навечно детали зверских издевательств над подследственными, нехотя, но открывали подробности допросов Блюхера и других военачальников РККА.

Должность начальника Лефортовской тюрьмы в 1937 — 1938 годах исполнял капитан госбезопасности П.А. Зимин, а заместителем у него был Ю.И. Харьковец. В 1957 году на допросе Зимин показал: «Часто на допросы приезжали и наркомы НКВД, как Ежов, так и Берия, причем и тот и другой также применяли избиение арестованных. Я лично видел... как Берия избивал Блюхера, причем он не только избивал его руками, но с ним приехали какие-то специальные люди с резиновыми дубинками, и они, подбадриваемые Берия, истязали Блюхера, причем он сильно кричал: «Сталин, слышишь ли ты, как меня истязают». Берия же в свою очередь кричал: «Говори, как ты продал Восток»...{62}

Об этом или другом случае упоминает Ю.И. Харьковец, давая в качестве свидетеля показания в том же 1957 году: «...Я однажды лично был свидетелем, как он (Берия. — Я. Ч.) с Кобуловым в своем кабинете избивал резиновой дубинкой заключенного Блюхера...» Известно, что у наркома в Лефортовской тюрьме был свой отдельный кабинет.

Кстати, упомянутые выше очные ставки Блюхера с Федько и Хуханьяном проводились как раз там, в Лефортовской тюрьме. После них арестованный маршал держался еще целую неделю, и только накануне XI годовщины Октябрьской революции, физически и морально обессиленный, Блюхер сдался. В собственноручных показаниях, написанных в течение 6 — 9 ноября 1938 года, он признал себя виновным в том, что был участником антисоветской организации правых и военного заговора. Эти показания являются последними строками, написанными рукой В.К. Блюхера, ибо 9 ноября, спустя три недели после своего ареста, он умер. Согласно акту, составленному судебно-медицинским экспертом Семеновским, смерть наступила от закупорки легочной артерии тромбом, образовавшимся в венах таза. Но абсолютно все сотрудники тюрьмы и заключенные знали истинную причину кончины Блюхера, у которого в результате многочисленных избиений могли отрываться не только сгустки крови, но и целиком, или по частям многие жизненно важные органы.

О смерти Блюхера было доложено Сталину. Об этом факте показал в 1963 году бывший сотрудник НКВД В.Я. Головлев: «В нашем присутствии Берия позвонил Сталину, который предложил ему приехать в Кремль. По возвращении от Сталина Берия... нам сказал, что Сталин предложил отвезти Блюхера в Бутырскую тюрьму для медосвидетельствования и сжечь в крематории». Что и было выполнено без проволочек соответствующей службой НКВД{63}.

В марте 1956 года В.К. Блюхер посмертно реабилитирован.

Командарм 2-го ранга Н.Д. Каширин, в течение нескольких месяцев возглавлявший Управление боевой подготовки РККА, был арестован первым из членов Специального судебного присутствия. Произошло это по личному указанию Сталина, который, ознакомившись с протоколом допроса от 5 августа 1937 года заместителя начальника Разведуправления РККА старшего майора госбезопасности М.А. Александровского, «высочайше» начертал: «Арестовать: 1) Каширина. 2) Дубового...»

За Кашириным пришли 19 августа, притом без санкции прокурора. Да и к чему им нужен прокурор, если поступила команда от самого «хозяина», заменившая собой все законы, указы, санкции и права. В тюрьме «оборону» Каширин держал в течение нескольких суток, однако уже к 23 августа запас его физических и иных сил иссяк, и он под диктовку зловеще знаменитого «колуна» Зиновия Ушакова, только что получившего очередное звание «майор госбезопасности», пишет заявление на имя Ежова, в котором признает свое участие в антисоветском правотроцкистском заговоре.

Через Каширина следователи Особого отдела рассчитывали выйти на маршала Егорова, что неуклонно и проводилось ими в жизнь. В результате 17 февраля 1938 года от Каширина было получено заявление о том, что первый заместитель наркома обороны СССР А.И. Егоров возглавляет военную группу правых: «Вокруг маршала Егорова Александра Ильича, сложилась группировка. Эта группировка являлась военной группой правых — особым их военным центром — и вела свою контрреволюционную деятельность одновременно с группой военного заговора во главе с Тухачевским, Якиром, Гамарником и другими...»[\[64\]](#)

Тогда же, ссылаясь на информацию, полученную якобы от Егорова, Каширин в числе участников группировки правых назвал Буденного, Белова, Дыбенко, Халепского и других. Затем он признался, что завербовал в военный заговор новых членов, в том числе командиров СКВО — комдивов В.Я. Кильвейна, Я.В. Шеко, комбригов Н.Я. Блюма, К.Р. Белощниченко, Я.Я. Фогеля и других[\[65\]](#).

Получив нужные НКВД показания на А.И. Егорова, нарком Ежов, посчитав Каширина окончательно сломленным, задумал с его помощью уличить еще не арестованного маршала. С этой целью он 26 февраля 1938 года проводит у себя в кабинете, предварительно пригласив председателя СНК СССР В.М. Молотова и наркома обороны К.Е. Ворошилова, очную ставку между Кашириным и Егоровым. Как она проходила, рассказал на следствии по своему делу бывший заместитель Ежова — начальник ГУГБ М.П. Фриновский, также присутствовавший на ней: «Было решено устроить очные ставки ряду арестованных, которые давали показания на Егорова, который еще не был арестован... Первым был вызван Н.Д. Каширин. Егоров уже сидел в кабинете. Когда Каширин вошел и увидел Егорова (видимо, он считал маршала уже арестованным. — Н. Ч.), он попросил, чтобы его выслушали предварительно без Егорова. Егорова попросили выйти, и Каширин заявил, что показания на Егорова им были даны под физическим воздействием следствия, в частности находящегося здесь Ушакова»[\[66\]](#).

Предоставим возможность сказать свое слово и упомянутому З.М. Ушакову, следователю по делу Н.Д. Каширина. От этой очной ставки Каширина с Егоровым до собственного ареста Ушакова отделяло полгода и вряд ли тогда мог сей наглый и грубый фальсификатор, доверенное лицо Ежова и Фриновского, предполагать, что ожидает его впереди. А там будут арест, допросы с пристрастием: вчерашние сослуживцы усердно станут выколачивать из него признания о причастности к так называемому заговору в органах НКВД. И появятся многочисленные просьбы, нет, даже не просьбы, а мольба о помощи, пламенные заверения в своей преданности правящему режиму и готовности выполнить любой приказ партии и правительства. Последуют при этом и признания своего участия в избиениях подследственных, правда очень сильно уменьшенные.

Испытал Ушаков и все прелести очных ставок в тюрьме, испытал их на собственной шкуре. На одной из них — с бывшим начальником ГУГБ М.П. Фриновским — Ушаков подтвердил тот факт, что Н.Д. Каширин на упомянутой выше очной ставке его с Егоровым, воспользовавшись присутствием главы правительства СССР и наркома обороны, заявил о всей надуманности версии существования военного заговора в Красной Армии и ее огромном вреде. Арестованный командарм сделал заявление, что сам он никогда не был участником какой-либо антисоветской организации, а его показания в отношении А.И. Егорова являются ложными, добытыми под воздействием репрессий в застенках НКВД. Также он заявил, что в подобном положении находятся многие невинные командиры Красной Армии. Тогда же Каширин, обращаясь к Ворошилову, просил его не верить ничему, что бы он ни писал в своих дальнейших показаниях.

На вопрос Ворошилова, почему Каширин дал показания на Егорова и других видных командиров РККА, тот ответил, указывая на присутствующего в кабинете Ушакова, что следователь принуждает его это делать, применяя к нему меры физического воздействия.

Такие вот невыгодные для себя подробности своей профессиональной деятельности вынужден был под давлением фактов подтвердить бывший помощник начальника Особого отдела ГУГБ НКВД СССР Зиновий Ушаков, «гроза» арестованных военачальников Красной Армии, сумевший менее чем за год получить два ордена. По существу, за достигнутые результаты и первенство по количеству выбитых зубов, сломанных челюстей и ребер. Но признавал Ушаков только то, от чего ему не удавалось отвертеться. Многие же детали «кухни» следствия по делу Н.Д. Каширина и других членов Специального судебного присутствия так и остались в тени. В частности, Ушаков, как и его бывший начальник Фриновский, умолчал о том, что в Особом отделе не могли простить Каширину его отказа подыгрывать следствию в деле компрометации маршала Егорова. Заявление же Каширина (в присутствии Молотова и Ворошилова) об истязаниях, которым подвергаются арестованные военные, так и осталось без внимания, а его самого ожидала новая, еще более жестокая серия избиений. Свыше месяца держался Николай Дмитриевич в своем единоборстве со следствием, но слишком уж неравными были силы и 3 апреля 1938 года Каширин пишет новое письмо Ежову, в котором аннулирует свое заявление на очной ставке с Егоровым. Назвав его провокационным, он вновь подтвердил свою принадлежность к военному заговору. Стиль и слог этого документа сразу выдают его истинного автора — одного из следователей Особого отдела. По всей вероятности, все того же Ушакова:

«Прошло уже больше месяца с того момента, когда я 26 февраля с.г. сделал Вам и находящемуся у Вас в кабинете народному комиссару обороны Советского Союза маршалу Ворошилову К.Е. провокационное заявление, направленное на дискредитацию органов НКВД... Мое провокационное заявление о том, что я не являюсь участником заговора, а в НКВД существует застенок, в котором содержится много невинных командиров, не было случайным и неожиданным. Наоборот, оно сложилось у меня уже давно и вытекало из моего непримиримого, враждебного отношения к Советской власти...

Но вот когда 26 февраля с.г. Вы и нарком обороны вызвали меня на очную ставку с Егоровым, я решил осуществить свой провокационный план и продумал его с возможной полнотой и деталями с тем, чтобы придать моему провокационному заявлению возможно более убедительный характер.

И тогда я пришел к следующим основным решениям:

- а) сказать о себе, что не был участником контрреволюционного заговора, и отказаться от всех своих прошлых показаний и тем самым опорочить их;
- б) сказать, что НКВД арестовано много невинных командиров, которые якобы под влиянием репрессий дают друг на друга ложные показания.

В этом направлении я примерно и сделал свое гнусное провокационное заявление Вам и народному комиссару обороны Ворошилову»[\[67\]](#).

До судебного заседания оставалось чуть более двух месяцев. Ему предшествовало составление обвинительного заключения, в котором указывалось, что Каширин, будучи завербован в антисоветский заговор Рыковым и Гамарником, имел в повседневной практике преступную связь с руководством Северо-Кавказского края — Шеболдаевым, Пивоваровым. Лариным и

Семеновым. Особисты все расписали строго по годам: вербовку Рыковым в 1928 году, установление в 1930 году связи с руководителями организации правых на Северном Кавказе, вместе с которыми он якобы занимался вредительством и формированием повстанческого движения, являясь при этом агентом германской и японской разведок, которым систематически поставлял сведения об РККА. Из обвинительного заключения в текст приговора переключал без изменения и пункт о том, что в 1934 году Каширин вошел в состав военно-фашистского заговора и по заданию его лидеров Тухачевского и Гамарника занимался вредительской деятельностью в войсках СКВО и вербовкой новых заговорщиков.

Военная коллегия в составе В.В. Ульриха, А.М. Орлова и И.М. Зарянова по всем этим пунктам обвинения приговорила Н.Д. Каширина 14 июня 1938 года к расстрелу, что и было исполнено в тот же день. Пострадали и два его родных брата — Иван и Петр Каширины. Первый из них, многие годы проработавший в органах ВЧК-ОГПУ, накануне ареста исполнял должность начальника мобилизационного отдела наркомата лесной промышленности СССР, подвергся репрессиям гораздо раньше своего старшего брата. В сентябре 1937 года Иван Каширин по обвинению в принадлежности к антисоветской организации правых (Рыков, Бухарин. Томский) был приговорен к расстрелу. Петр Каширин, самый младший из братьев, подвергся аресту одновременно с Иваном — в начале июня 1937 года. Обвинен и осужден к смертной казни он был как руководитель подпольного штаба так называемой военно-казачьей организации правых, якобы существовавшей в Оренбурге, будучи, по версии следствия, завербован в нее старшим братом — командармом 2-го ранга Н.Д. Кашириным.

Жена командарма — Каширина Валентина Александровна, постановлением Особого совещания при НКВД СССР, как социально опасный элемент, в августе 1938 года была направлена в административную ссылку сроком на 5 лет в Казахстан. Его сын Владимир принимал участие в Великой Отечественной войне, был ранен. Награжден орденом Красной Звезды и медалями.

Н.Д. Каширин посмертно реабилитирован в сентябре 1956 года.

Одним из заслуженных и известных командиров высшего ранга, входивших в состав Специального судебного присутствия, являлся командарм 2-го ранга Павел Ефимович Дыбенко. Заслуженный в смысле наград и партийного стажа — кавалер 3-х орденов Красного Знамени, член партии большевиков с 1912 года, он был известен в стране как председатель Центробалта накануне Октябрьской революции, как член первого Советского правительства — народный комиссар по морским делам. Определенную долю известности ему добавил и брак с Александрой Коллонтай, видным партийным и государственным деятелем послереволюционных лет, теоретиком женского движения. В первом Советском правительстве она занимала пост наркома государственного призрения. Брак этот оказался непрочным и вскоре после Гражданской войны окончательно распался.

В Гражданскую войну Дыбенко командовал рядом дивизий, Крымской армией. После нее он работал в центральном аппарате наркомата по военным и морским делам, возглавляя Управление снабжений РККА, затем командовал Туркестанским фронтом и Приволжским военным округом. В мае 1937 года его перебрали на Ленинградский военный округ.

Аресту Дыбенко (28 февраля 1938 г.) предшествовало снятие его с должности на основании постановления ЦК ВКП(б) и СНК СССР от 25 января того же года. В нем утверждалось, как доказанный факт, что:

«а) т. Дыбенко имел подозрительные связи с некоторыми американцами, которые оказались разведчиками, и недопустимо для честного советского гражданина использовал эти связи для получения пособия живущей в Америке своей сестре;

б) СНК СССР и ЦК ВКП(б) считают также заслуживающим серьезного внимания опубликованное в заграничной прессе сообщение о том, что т. Дыбенко является немецким шпионом. Хотя это сообщение опубликовано во враждебной белогвардейской прессе, тем не менее нельзя пройти мимо этого, так как одно такого же рода сообщение о бывшей провокаторской работе Шеболдаева при проверке оказалось правильным. (Б.П. Шеболдаев в 1937 году возглавлял Курский обком ВКП(б). Арестован в июне 1937 года, а в декабре того же года приговорен к расстрелу. — Н. Ч.);

в) т. Дыбенко вместо добросовестного выполнения своих обязанностей по руководству округом систематически пьянствовал, разложился в морально-бытовом отношении, чем давал очень плохой пример подчиненным.

Ввиду всего этого СНК СССР и ЦК ВКП(б) постановляют:

1. Считать невозможным дальнейшее оставление т. Дыбенко на работе в Красной Армии.
2. Снять т. Дыбенко с поста командующего Ленинградским военным округом и отозвать его в распоряжение ЦК ВКП(б).
3. Предложить т. Маленкову внести свои предложения о работе т. Дыбенко вне военного ведомства.
4. Настоящее постановление разослать всем членам ЦК ВКП(б) и командующим военными округами»[\[68\]](#).

Надо сказать, что в 1937 — 1938 годах не по всякому командующему войсками военного округа принимались подобные постановления. Чаще бывало по-другому: их арестовывали на какой-либо из станций недалеко от Москвы, предварительно вызвав в столицу якобы на служебное совещание. Расчет здесь был предельно прост: оторвать командующего от штаба и подчиненных ему войск, с тем чтобы он не смог каким-либо образом воспрепятствовать своему аресту. Именно так были арестованы командующий КВО командарм 1-го ранга И.Э. Якир, ХВО — командарм 2-го ранга И.Н. Дубовой. ЗабВО — командарм 2-го ранга М.Д. Великанов, Приморской группы войск ОКДВА — командарм 2-го ранга М.К. Левандовский и другие.

Следует отметить, что попытки отстранения Дыбенко от должности предпринимались и ранее. Одна из них относится к началу сентября 1938 года, когда в ходе маневров ЛВО была неудачно произведена высадка парашютного десанта. Тогда из-за неучета повышенной скорости ветра в районе десантирования погибли четыре и получили переломы конечностей и многочисленные ушибы тридцать восемь бойцов. Для расследования этого трагического случая нарком создал специальную комиссию. Однако, не дожидаясь ее результатов, на другой день после происшествия отстранил Дыбенко от руководства войсками округа.

По результатам расследования Ворошилов через десять дней издал другой приказ, в котором главными виновниками выступали командир 3-й авиадесантной бригады комбриг А.С. Зайцев и исполняющий обязанности командующего ВВС округа комдив С.В. Тестов. Оба они отстранялись от должности и отдавались под суд военного трибунала. В отношении же П.Е. Дыбенко и члена

Военного совета округа комбрига М.П. Магера нарком обороны, во изменение своего предыдущего приказа, принял решение ограничиться дисциплинарным взысканием, объявив им обоим по строгому выговору с предупреждением^[69].

Потрясенный содержанием постановления ЦК и СНК, Дыбенко 30 января 1938 года обратился к Сталину со страстным письмом, в котором решительно отвергал выдвинутые против него измышления. Нам сегодня мучительно больно читать, тем более трудно было Павлу Ефимовичу написать такие строки письма, в которых он вынужден униженно оправдываться за несовершенно совершенные преступления.

«Дорогой тов. Сталин!

Решением Политбюро и Правительства я как бы являюсь врагом нашей родины и партии. Я живой, изолированный, в политическом отношении, труп. Но почему, за что? Разве я знал, что эти американцы, прибывшие в Среднюю Азию с официальным правительственным заданием, с официальными представителями НКВД и ОГПУ, являются специальными разведчиками. На пути до Самарканда я не был ни одной секунды наедине с американцами. Ведь я американским языком не владею... (Речь идет о конце 20-х — начале 30-х годов, когда Дыбенко командовал войсками Среднеазиатского военного округа. — Н. Ч.).

О провокаторском заявлении Керенского и помещенной в белогвардейской прессе заметке о том, что я якобы являюсь немецким агентом. Так неужели через 20 лет честной, преданной Родине и партии работы белогвардеец Керенский своим провокаторством мог отомстить мне? Это же ведь просто чудовищно.

Две записки, имеющиеся у тов. Ежова, написанные служащими гостиницы «Националь», содержат известную долю правды, которая заключается в том, что я иногда, когда приходили знакомые ко мне в гостиницу, позволяя вместе с ними выпить. Но никаких пьянок не было.

Я якобы выбирал номера рядом с представителями посольства? Это одна и та же плеяда чудовищных провокаций...

У меня были кулацкие настроения в отношении колхозного строительства? Эту чушь могут рассеять т.т. Горкин, Юсупов и Евдокимов, с которыми я работал на протяжении последних 9 лет...

Я понимаю, что я не буду возвращен в армию, но я прошу, и я на это имею право, дать мне возможность остаток моей жизни отдать целиком и полностью делу строительства социализма в нашей стране, быть до конца преданным солдатом ленинско-сталинской партии и нашей Родины.

Тов. Сталин, я умоляю Вас дорасследовать целый ряд фактов дополнительно и снять с меня позорное пятно, которое я не заслуживаю»^[70].

Через особый сектор ЦК ВКП(б), которым ведал преданный Сталину до последних потрохов А.Н. Поскребышев, письмо командарма попало в руки Генсека. Эмоции и чувства вождя на мольбу Дыбенко никак нельзя определить, исходя из его резолюции на письме, состоящей всего из одного слова: «Ворошилову». Что сие означало? Или ветер переменил направление и решать судьбу Дыбенко Сталин поручал наркому Ворошилову? Или же данная резолюция предназначалась всего лишь для информации и не более того. Вероятнее все же, что подразумевалось второе, ибо в противном случае не последовал бы через три недели арест командарма Дыбенко. Вот такой монетой платил Сталин тем, кому еще совсем недавно доверял

выполнение особо важных поручений, к коим по праву следует отнести участие в работе Специального судебного присутствия.

А ведь Павел Ефимович из всех членов этого суда, не считая председательствующего Ульриха, был, пожалуй, одним из самых активных. Его вопросы своим вчерашним коллегам затрагивали различные стороны обвинения, но все же большее их число касалось шпионажа. Из характера вопросов создается впечатление, что Дыбенко действительно верил тому, что было написано в обвинительном заключении на каждого из подсудимых. По тону этих вопросов чувствуется, что ответы его не удовлетворяют и он желает получить дополнительную информацию. Например, в суде Якир и Уборевич всячески отрицали свою причастность к шпионажу. Дыбенко поочередно обращается к ним. На вопрос Якиру: «Вы лично когда конкретно начали проводить шпионскую работу в пользу германского генерального штаба?» он получил ответ: «Этой работы лично непосредственно я не начинал».

Подобный же вопрос Уборевичу: «Непосредственно шпионскую работу вы вели с немецким генеральным штабом? Тот, как всегда, был более лаконичен, нежели Якир: «Не вел никогда». Как видно из данного диалога, на вопросы о шпионской деятельности, где ключевыми словами являлись «лично» и «непосредственно», оба подсудимых дали отрицательный ответ, что не удовлетворило Дыбенко, ибо он надеялся услышать совершенно иное.

Руководству партии и наркомату обороны было известно, что Егоров, Буденный и Дыбенко многие годы с ревностью относились к славе Тухачевского. Именно они, объединившись, девять лет тому назад направили (в апреле 1928 г.) письмо Ворошилову, в котором допускали нападки на начальника Штаба РККА Тухачевского, умаляя его роль в деятельности этого главного органа управления вооруженными силами государства и требуя замены Михаила Николаевича на данном посту. Тогда их усилия увенчались успехом. И теперь двое из этой «троицы» могли торжествовать вдвойне — их давний недруг повержен политически, раздавлен морально, уничтожен как военный теоретик и практик, а сами они восседают на судебском Олимпе, верша судьбу людей, с которыми еще вчера находились в одном строю. Тогда, в июне 1937 года, Дыбенко даже в самом кошмарном сне не мог представить, что его ждет повторение судьбы тех, кого он так усердно допрашивал и неистово обвинял. Напомним, что до его собственного ареста оставалось восемь с половиной месяцев.

Можно не сомневаться, зная стиль работы НКВД в подобных случаях, что все обвинения, содержащиеся в совместном постановлении СНК и ЦК относительно Дыбенко, найдут свое отражение и дальнейшее развитие в следственных материалах по его делу. В действительности так и произошло. В обвинительном заключении, составленном и подписанном за два дня до суда, эти положения получили не только углубление и развитие, но и конкретизацию. Так появляется тезис о работе агентом царской охранки: «...Следствием установлено, что Дыбенко в 1915 году был завербован для провокаторской работы царской охранкой военного Балтийского флота и выдавал революционных матросов-большевиков». В одном из протоколов допросов данный тезис подается более детально: проходя службу на корабле «Император Павел I», Дыбенко, будучи арестован за подготовку революционного восстания, согласился работать на царскую охранку. Подобной чуши в следственном деле по обвинению П.Е. Дыбенко можно найти немало.

Полная опасностей подпольная работа в Крыму в 1918 году, постоянная угроза разоблачения и ареста, наконец сам арест, допросы у мастеров своего дела — все это не принималось во внимание. В ход шли только обстоятельства, могущие трактоваться двояко. Как в примере с арестом: «В 1918 году Дыбенко, будучи послан ЦК КП(б)У на подпольную работу в Крым, при

аресте его белогвардейцами выдал подпольный большевистский комитет и затем был завербован германскими оккупантами для шпионской работы. С 1918 года и до момента ареста в 1938 году Дыбенко проводил шпионскую, а затем и пораженческую деятельность по заданию германской разведки».

Однако во 2-м Управлении НКВД (Управление особых отделов — начальник комбриг Н.Н. Федоров) и этого для Дыбенко показалось мало. Им угодно было привязать его к колеснице правых в лице их представителя в Красной Армии — маршала Егорова: «С 1926 года Дыбенко устанавливает связь с правыми в лице Егорова А.И., бывшего тогда командующим Белорусским военным округом, Левандовским — командующим Кавказской армией и другими, и начиная с 1929 года входит в руководство организации правых в РККА, связанной с Рыковым, Бубновым, Томским и другими руководителями правых».

На рубеже 20-х и 30-х годов Дыбенко, как и многие другие военачальники Красной Армии, несколько раз бывал в Германии на учениях и маневрах. А если это так, то не миновать ему было клейма шпиона, в первую голову германского. В обвинительном заключении сие сформулировано следующим образом: «По заданию германской разведки и руководства военной организации правых Дыбенко проводил подрывную вредительскую деятельность в боевой подготовке, военном строительстве, укрепрайонах и т.д. Наряду с этим он передавал систематически германской разведке (через агента этой-разведки Граубмана) шпионские материалы о Среднеазиатском, Приволжском и Ленинградском округах, которыми он командовал...»

Ну ладно, работу Дыбенко в пользу германской разведки следствию еще кое-как удалось сформулировать. А вот выполнение им шпионских поручений в пользу американских разведорганов в 1924 и 1929 годах выглядит, что называется притянутым за уши, чисто голословным утверждением, не подкрепленным абсолютно никакими доказательствами.

Все так называемое дело Дыбенко было от начала до конца сфальсифицировано при активном участии помощника начальника 5-го отдела ГУГБ НКВД СССР майора госбезопасности М.С. Ямницкого и работника того же отдела старшего лейтенанта В.М. Казакевича. Именно их «помощь» привела к тому, что балтийский матрос Дыбенко, не раз смотревший смерти в глаза и покушавшийся на самоубийство, признал себя виновным, подтвердив все обвинения в развернутых собственноручных показаниях. В них он оговорил находившихся на свободе маршала С.М. Буденного, комкоров И.Р. Апанасенко, О.И. Городовикова, М.Г. Ефремова, комбрига И.Е. Петрова и некоторых других.

Так все это было на самом деле или нет, но в протоколе судебного заседания Военной коллегии, состоявшегося 29 июля 1938 года (через пять месяцев после ареста), записано рукой секретаря суда, что Дыбенко виновным себя признал и свои показания, данные им на предварительном следствии, подтвердил. Данное заседание несколько не отличалось от предыдущих и последующих: судьи уложились во все те же 20 минут, вынеся подсудимому приговор по 1-й категории, о чем и просило следствие (осудить Дыбенко с применением закона от 1 декабря 1934 г.). В суде по существу предъявленных ему обвинений Павел Ефимович не допрашивался, а материалы предварительного следствия судьями (армвоенюрист В.В. Ульрих, диввоенюристы И.Т. Никитченко, А.Д. Горячев) не проверялись. Все заседание свелось к тому, что ему был задан единственный вопрос, на который Дыбенко, судя по протоколу заседания, ответил, что виновным себя он признает полностью и свои показания на предварительном следствии подтверждает. Приговор исполнен в тот же день.

Дело это было списочным (альбомным), и участь тех, кто в нем числился, заранее предрешалась Сталиным. Конечно, не в пользу подсудимых. А находился в том списке фактически весь цвет высшего командно-начальствующего состава РККА, опытные руководители войсковых объединений и центрального аппарата: командарм 1-го ранга И.П. Белов (еще один член Специального судебного присутствия), командармы 2-го ранга И.Н. Дубовой, М.К. Левандовский (его показаниями оперировали Ямницкий и Казакевич, понуждая Дыбенку к самооговору), А.И. Седякин, И.А. Халепский, М.Д. Великанов, комкоры И.К. Грязное, С.Е. Грибов, Е.И. Ковтюх, В.К. Лавров, И.Ф. Ткачев, В.В. Хрипин, коринженер Н.М. Синявский, армейский комиссар 2-го ранга Я.К. Берзин, корпусной комиссар И.М. Гринберг, комдивы П.П. Ткалун (комендант Московского Кремля), В.С. Погребной и многие другие. Всего 138 человек.

Список этот, составленный первоначально на 139 человек, в конце июля 1938 года Ежов направил Сталину, указав в сопроводительной записке, что все перечисленные в нем лица подлежат суду по первой категории. Сталин, ознакомившись с ним, численность уменьшил на одного человека, собственноручно вычеркнув фамилию Маршала Советского Союза А.И. Егорова. И недрогнувшей рукой написал резолюцию: «За расстрел всех 138 человек». И расписался. Рядом поставил свою подпись председатель Совета Народных Комиссаров В.М. Молотов. Все лица, указанные в этом списке, в течение двух дней (28 и 29 июля 1938 г.) были осуждены Военной коллегией к смертной казни через расстрел. А вычеркнутого из списка Егорова посадили писать дополнительные показания о военном заговоре в Красной Армии, сделав на него ставку в проведении «разоблачения» бывших военнослужащих высокого ранга. Тем самым более чем на полгода был отсрочен суд и приговор по делу маршала^[71].

Жену П.Е. Дыбенко — Зинаиду Викторовну арестовали месяц спустя, приписав ей недонесение о вредительской деятельности мужа. Ее вынудили подписать два сфальсифицированных протокола допроса, содержащих обвинения в адрес супруга, от которых она вскоре отказалась. Особое совещание при НКВД СССР осудило З.В. Дыбенку к 5 годам ИТЛ. До этого приговора ее держали в тюрьме в ходе следствия свыше года.

Немногочисленные свидетели, а также стенограмма судебного процесса над группой Тухачевского показывают, что начальник Военно-Воздушных Сил РККА Я.И. Алкснис проявил там достаточную активность. Однако не смогла спасти Якова Ивановича и такая показная ретивость на суде, ярко выраженное желание выслужиться перед властью имущими. Досье на него в НКВД продолжало пополняться все новыми и новыми показаниями лиц, находившихся во внутренней тюрьме на Лубянке, в Лефортово и Бутырках. В частности, показаниями комкора Э.Ф. Аппоги — начальника военных сообщений РККА, дивинженера С.В. Бордовского — начальника Технического управления Красной Армии, а также бригадинженера А.К. Аузана, в которых они назвали Алксниса в качестве одного из руководителей антисоветской националистической латышской организации.

После Н.Д. Каширина из членов Специального судебного присутствия Алкснис пошел под арест вторым — за ним пришли 23 ноября 1937 года. А через двое суток (25 ноября) появилось на свет его собственноручное заявление на имя наркома внутренних дел: «Я решил дать правдивые показания о своей шпионской работе следствию. Я был завербован латвийской разведкой через начальника штаба латвийской армии Гартманиса в 1936 г.».

У нас есть возможность в определенной мере воспроизвести события, происходившие в эти двое суток. Основными действующими лицами здесь выступали начальник Особого отдела ГУГБ НКВД СССР комиссар госбезопасности 3-го ранга Н.Г. Николаев (Журид), его помощник майор госбезопасности В.В. Рогачев-Цифринович и сотрудник того же отдела старший лейтенант

госбезопасности Э.А. Ивкер. И, конечно, сам Яков Алкснис. Действия сотрудников Особого отдела в отношении бывшего начальника ВВС РККА вполне вписываются в схему, установленную Ежовым.

Бывший заместитель начальника УНКВД по Московской области старший майор госбезопасности А.П. Радзивилловский в ходе следствия по его делу показал в 1939 году, что когда он спросил Ежова о том «...как практически реализовать его директиву о раскрытии антисоветского подполья среди латышей», тот ответил: «Стесняться отсутствием конкретных материалов нечего, а следует наметить несколько латышей из числа членов ВКП(б) и выбить из них необходимые показания. С этой публикой не церемоньтесь, их дела будут рассматриваться альбомным порядком. Надо доказать, что латыши, поляки и другие, состоящие в ВКП(б), — шпионы и диверсанты...»

Далее Радзивилловский показал, что, выполняя указания Ежова, он, как и другие начальники УНКВД краев и областей, поголовно уничтожали всех представителей указанных национальностей — кандидатов и членов партии. «Все показания об их якобы антисоветской деятельности получались, как правило, в результате истязаний арестованных, широко применявшихся как в центральном, так и в периферийном аппаратах НКВД»[\[72\]](#).

В качестве объекта применения мер физического воздействия Алкснис не являлся исключением, что признают сами сотрудники НКВД. Так бывший заместитель начальника отделения Особого отдела М.З. Эдлин в 1954 году показал: «...Когда я по своим делам ехал в Лефортовскую тюрьму, меня вызвал Рогачев, дал мне готовый протокол допроса Алксниса и просил вызвать в тюрьме Алксниса и дать ему его подписать. Я после своей основной работы вызвал в кабинет Алксниса и передал ему готовый протокол, сказав при этом, что меня об этом просил Рогачев. Прочитав этот протокол, Алкснис заявил мне, что он не соответствует действительности и пусть его подписывает тот, кто его исполнял, а у Рогачева была такая манера допроса — он делал заметки, а потом сам составлял протоколы допросов, печатал их на машинке и давал их на подпись арестованному, а если этот протокол не подписывался, избивал его... Второй случай, который я вспоминаю, происходил также в Лефортовской тюрьме: когда я проходил по коридору тюрьмы, то из одной из комнат слышал душераздирающий крик Алксниса, которого там избивали несколько человек...»[\[73\]](#)

О применении незаконных методов следствия (читай: издевательств, пыток, избиений) к командарму Алкснису показали в 50-х годах бывшие следователи НКВД А.О. Постель, А.И. Вул, Э.А. Ивкер. Двое последних специализировались по военной авиации. В частности, Вул, занимавший в конце 1937 года должность начальника особого отдела НИИ ВВС РККА, а посему хорошо знавший Алксниса, вел не только его дело, но и жены командарма — К.К. Алкснис-Меднис.

По замыслу «стратегов» из НКВД Алкснис должен был занять крупный пост в придуманной ими националистической латышской организации. Учитывая, что латышей в Красной Армии, особенно в высшем эшелоне ее командования, было достаточно много (несколько командармов и комкоров, не говоря уже о более низких воинских званиях), в НКВД решено было выделить ее в самостоятельную организацию, поставив во главе военного центра, помимо Алксниса, также командарма 2-го ранга И.И. Вацетиса (бывшего Главкома Вооруженных сил республики), комкоров Р.П. Эйдемана, Ж.Ф. Зонберга (первый был председателем Центрального совета Осоавиахима СССР, а второй — его заместителем по военной работе), Я.П. Гайлита (командующего войсками Сибирского, а затем Уральского военных округов), комдива Г.Г. Бокиса (начальника автобронетанковых войск РККА).

О том, какие большие усилия предпринимали в НКВД «специалисты» по созданию контрреволюционных организаций, косвенным образом свидетельствует Кристина Карловна Алкснис-Меднис, арестованная два дня спустя после мужа. В своем заявлении из Темниковского лагеря, расположенного в Мордовии, она писала в ноябре 1939 года: «...26/Х1.37 г. меня вызвал следователь НКВД Вул и, предупредив меня, что я никакой «ведущей роли» в деле не играю, предложил мне написать показания по следующим вопросам: каковы были наши взаимоотношения с Эйдема-ном и Бокисом, с латышским клубом «Прометеем», кто из латышей у нас бывал в доме, почему и по чьей инициативе моя сестра приехала в СССР (из Латвии. — Н. Ч.), о моих родственниках в Латвии, о поездке А. (Алксниса. — Я. Ч.) в Ригу в 1922 году... 14/ХП.37 г. Вул еще раз вызвал меня и сразу заявил мне, что А. латвийский шпион с 1922 года и член латышской контрреволюционной организации с 1935 года и что моя сестра тоже шпионка. На мой вопрос, что заставило А. изменить советской власти, которая ему дала столь много, как ни одна власть не могла бы дать. Вул сказал, что это очень сложный вопрос, что вообще «латыши до сих пор считались апробированными революционерами, но теперь положение изменилось и каждый латыш берется под сомнение...»{74}

Написав 25 ноября покаянное заявление на имя Ежова, в котором он признавал себя латвийским шпионом, Я.И. Алкснис через три дня (28 ноября) дал развернутые показания о своей «преступной деятельности». Их затем, чуть подправив, оформили в качестве протокола его допроса за то же число. В следственном деле Алксниса имеются и другие обобщенные протоколы допросов от 17 декабря 1937 года, 15 марта и 4 июля 1938 года. Как составлялись подобные «документы», видно из приведенного выше рассказа Эдлина.

На примере последнего по времени протокола допроса (от 4 июля 1938 года) видно, что ничего нового по сравнению с первым в версии следствия не появилось, если не считать отдельных уточняющих деталей да расширения круга участников латышской националистической антисоветской организации: «...Я являюсь участником антисоветской националистической латвийской организации... Я входил с 1936 г. в военный центр националистической организации. Являлся агентом латвийской разведки с момента установления связи с начальником штаба латвийской армии Гартманисом и военным атташе Лепиньш. Мною были завербованы в указанную контрреволюционную организацию Аузан, Закс, Ратауш. Кроме того, мне был передан для связи Ингаунис. В своей практической работе, как начальник ВВС РККА, я вел подрывную работу с целью ослабления боевой способности и готовности частей Военно-Воздушного Флота РККА»{75}.

Упомянутые Алкснисом лица командно-начальствующего состава РККА к моменту их ареста занимали следующие посты: комкор Ф.А. Ин-гаунис — начальника ВВС ОКДВА (до этого многие годы был на такой же должности в Киевском военном округе у Якира); комбриг Я.Э. Закс — начальника 9-й школы ВВС; комбриг Р.К. Ратауш — командира Новочеркасской авиационной бригады.

На примере дела Алксниса добавим еще несколько штрихов к разоблачению фальсификаторов из следственных органов НКВД. Как известно, с первых же часов после ареста его стали шантажировать тем, что на него «показали» комкор Аппога и дивинженер Бордовский. Главная военная прокуратура в ходе дополнительной проверки в 1956 году легко обнаружила подлог: оказывается, Аппога во время следствия по его делу показаний на Алксниса не давал. Бордовский же, называя его в числе заговорщиков, ссылается при этом на Халепского. Осмотр дела командарма 2-го ранга И. А. Халепского в свою очередь показывает, что в нем нет даже

упоминаний об Алкснисе, как о заговорщике. И еще одна характерная деталь. В обвинительном заключении говорится, что в латвийскую националистическую организацию Алкснис был завербован Эйдеманом. Между тем изучением архивно-следственного дела по обвинению комкора Р.П. Эйдемана установлено, что по показаниям последнего Алкснис на проходит.

Такая несложная проверка поставила все на свои места, реабилитировав невинного человека. Подобная работа вполне была по силам и Военной коллегии, однако в те годы основной уклон в ее деятельности был как раз обвинительный, но никак не оправдательный. Что она и проводила твердо в жизнь.

Генерал Гартманис, начальник штаба латвийской армии, с которым Алкснис был якобы связан по шпионской работе, в 1940 году арестовывается органами НКВД СССР. Причем основанием к возбуждению против него уголовного преследования послужили показания Я.И. Алксниса и Я.К. Берзина. Однако Гартманис как в процессе расследования, так и в суде 7 июня 1941 года эти показания категорически отрицал, как не соответствующие действительности. Так в суде он заявил: «Показания Берзина, Алксниса... мне непонятны, так как я с ними никакой связи не имел и в то время, на которое они ссылаются в своих показаниях, я не имел никакого отношения к разведке»[\[76\]](#).

Семь месяцев длилось следствие по делу Я.И. Алксниса. Из обобщенных протоколов его допросов, тщательно отредактированных в различных служебных кабинетах ГУГБ НКВД, нельзя увидеть степень его сопротивления следствию. Но то, что оно действительно было, особенно на его первом этапе, подтвердил выше сотрудник этого управления Эдлин. В пользу такого утверждения говорят и факты зверских избиений Алксниса в Лефортовской тюрьме, о которых мы упоминали. Ибо туда помещали и избивали в первую очередь тех, кто не соглашался подписывать «липу», зачастую совершенно безграмотную, изготовленную следователем с трехклассным образованием. Видимо, подписывая под градом ударов очередной «липовый» протокол, Алкснис, как и многие другие арестованные военачальники Красной Армии, с нетерпением ожидал предстоящего суда, надеясь там рассеять пелену подозрений в свой адрес, раскрыть обман и клевету, заложенные на страницах его следственного дела.

Но подобного не случилось и разоблачительной речи Алкснис на суде так и не произнес. Или состав суда (не ведающая жалости, повязанная кровью многих осужденных к расстрелу «троица» — Ульрих, Никитченко и Горячев) не позволил этого сделать, или же сам Алкснис под воздействием уговоров следователя отказался от такой мысли, надеясь таким образом заработать какое-то снисхождение к себе, нам неизвестно. В протоколе судебного заседания от 28 июля 1938 года записано, что подсудимый «виновным себя признает, полностью подтверждает свои показания, данные им на предварительном следствии, и заявляет, что дополнить их ему нечем». В последнем же своем слове Алкснис сказал, что, если возможно сохранить ему жизнь, он готов любым трудом искупить свою вину. Судьи приговорили его к смертной казни через расстрел с конфискацией лично ему принадлежащего имущества и лишением воинского звания «командарм 2-го ранга»[\[77\]](#).

Кристина Карловна Алкснис-Меднис получила за мужа «свои законные» 8 лет ИТЛ, которые отбывала в Темлаге. После освобождения с 1946 по 1949 год жила в Риге. Затем повторно подверглась аресту и до 1954 года находилась в ссылке в Красноярском крае. Сын Я.И. Алксниса — Имант, которому ко времени ареста родителей исполнилось только 10 лет, был отправлен в детский дом, два десятилетия ничего не зная о них. Как свидетельство трагедии

только одной семьи, приведем его заявление в Прокуратуру СССР, относящееся к середине 50-х годов:

«Прошу сообщить, где находятся мои родители Алкснис Яков Иванович, Меднис Кристина Карловна и тетя Меднис Марта Карловна, арестованные в 1937 году по линии НКВД. Отец до ареста работал начальником ВВС СССР.

Прошу также, если можно, сообщить причину ареста, т. к. мне она неизвестна, мне в то время было 10 лет.

К сему

Алкснис

28/VI-56 г.»[\[78\]](#).

Яков Иванович Алкснис реабилитирован посмертно в феврале 1956 года, а сын его и не знал об этом спустя почти полгода.

Командарм 1-го ранга Белов Иван Панфилович занимал на день своего ареста (7 января 1938 года) должность командующего войсками Белорусского военного округа. К этому времени на него уже имелись показания, как на участника антисоветского военного заговора, со стороны военнослужащих и работников НКВД, ранее арестованных в различных регионах СССР. Что же касается тактики следствия, то оно решило в данном случае применить метод ошеломления. С этой целью Белову в День ареста устроили допрос не на Лубянке, а в здании ЦК ВКП(б). И допрашивал его не кто иной, как сам Сталин при участии Ежова. Но ожидаемого эффекта все равно не получилось: Белов тогда не признал ни в чем себя виновным. Произошла первая осечка, и Ежов, чтобы реабилитировать себя и свое ведомство, предложил устроить Белову очную ставку в присутствии членов Политбюро с людьми, хорошо его знавшими и которые уже были подготовлены своими следователями к такой обвинительной акции — заместителем начальника Политуправления РККА армейским комиссаром 2-го ранга А.С. Булиным и начальником Разведуправления Красной Армии комкором С.П. Урицким.

На очной ставке, помимо Сталина и Ежова, присутствовали члены Политбюро ЦК ВКП(б) Молотов и Ворошилов. Булин и Урицкий старательно изобличали Белова в антисоветской деятельности, вредительстве, подтверждали его участие в военном заговоре. Но Белов, потрясенный всем случившимся с ним и ошарашенный такими заявлениями Булина и Урицкого, да еще произнесенными в присутствии руководства партии, все-таки устоял и в этот раз, отвергнув все обвинения. Произошла вторая осечка.

Реакция Сталина была однозначной: «Мало поработали с Беловым!». И тогда Ежов отдает Белова в «работу» своим костоломам, благо что нехватки в подобных кадрах НКВД в те годы совершенно не испытывал: умение выколачивать (в буквальном смысле) из арестованных нужные следствию показания ценилось там гораздо выше других профессиональных качеств. Недаром ведь И.М. Леплевский, а затем Н.Г. Николаев, получив назначение на пост начальника Особого отдела ГУГБ, вскоре перетасили туда многих своих прежних сослуживцев, умело владевших кулаками и резиновой дубинкой.

С Беловым «хорошо поработали» и на следующий день Ежов смог рапортовать Сталину об очередной победе — арестованный командарм стал давать показания. Под воздействием

истязаний, шантажа, угроз и обещаний Белов вынужден был написать заявление следующего содержания — на имя Н.И. Ежова: «Я вчера во время очной ставки совершил новое тяжелое преступление, обманув руководителей Советского правительства. Мне особо тяжело писать об этом после того, как я имел полную возможность в присутствии Сталина, Молотова, Ворошилова и Ежова честно раскаяться и рассказать всю правду, как бы тяжела она ни была, о моей преступной деятельности против Родины и советского народа...»[\[79\]](#)

Добавим еще несколько слов об этом заявлении, а также о предшествующей ему очной ставке с Булиным и Урицким. Проверка дела по обвинению И.П. Белова показала, что данное его заявление является чистой водой самооговором, а сама очная ставка в присутствии членов Политбюро ЦК ВКП(б) — одним из распространенных способов давления на арестованного с целью получения необходимых показаний. Хороший знаток «кухни» НКВД М.П. Фриновский, бывший заместитель Ежова, в своих собственноручных показаниях, приводя примеры заранее отретпетированных очных ставок, в качестве одной из таковых назвал и означенную выше.

Вместе с тем следует отметить и другое: Урицкий дал на этой очной ставке ложные показания против Белова только после жестокого избиения его следователями. О том есть специальная пометка в личной записной книжке Ежова. Такими же ложными были и показания Булина, которые он дал за несколько дней до ареста Белова, подтвердив их затем на очной ставке с ним 7 января 1938 года. Впоследствии Булин отказался от этой лжи и заявил на допросе 24 июня 1938 года: «Мои показания от 3 января 1938 года вымышленные... Меня мучает совесть, что я оклеветал себя и честных, преданных партии людей»[\[80\]](#).

С интервалом в полгода была произведена вторая очная ставка между Беловым и Булиным. Теперь их роли поменялись: Булин заявил, что он оклеветал себя и Белова, а тот, доведенный истязаниями до отчаяния, признавал себя и Булина преступниками. Антон Булин, отвергая все обвинения, заявлял: «...Никогда никаких антисоветских разговоров с Беловым не было... Он говорит неправду, так же как я сам себя оговорил и других, о чем я уже сделал заявление правительству».

Вполне логично задать вопрос: «Предчувствовал ли Белов неотвратимое приближение своего ареста?» Имеющиеся документы позволяют ответить на него утвердительно, ибо многие прямые и косвенные данные подводили его к выводу о том, что идет тотальное уничтожение командных кадров Красной Армии. К такой мысли он пришел вначале втайне от всех, а затем уже стал высказывать ее в своем близком окружении. Например, А.Г. Гордон на допросе показал, что за два дня до ареста Белова он был у того в гостях: «Тут во время обеда он сказал, что, видимо, приближается время решения вопроса и о нем, что аресты и снятие военных работников идет по определенному плану. Он это чувствует из встреч и отношений, которые к нему проявляются в наркомате за последние дни. Люди, которые раньше относились с подчеркнутой почтительностью, в эти дни либо избегают, либо пробегают. При этом он стал утверждать, что, видимо, оговорен кем-то, в частности Урицким, но что он за собой ничего не чувствует и это все должно выясниться на очной ставке в Политбюро, которое, видимо, состоится 7 — 8 января и тогда либо работа и жизнь пойдет на крепкой основе, либо все провалится...»[\[81\]](#)

Значит, о том, что ему предстоит очная ставка в Политбюро ЦК ВКП(б), Белов знал и, естественно, готовился к ней, продумывая аргументы и факты в свою пользу. Как видно, знал он и о том, с кем предстоит ему встреча: ведь не зря же в разговоре с Гордоном Белов упомянул комкора С.П. Урицкого, который якобы его оговорил. Потому-то и не дало это задуманное мероприятие того ошеломляющего эффекта, который ожидали получить сотрудники Особого отдела, члены

Политбюро ЦК ВКП(б) во главе со Сталиным. Скорее всего, было так, что Белова подвергли аресту после отказа подтвердить на очной ставке показания Булина и Урицкого о его антисоветской деятельности. А что было бы с Беловым, признай он тогда все, что утверждали последние? Можно смело утверждать, что конец был бы точно такой, какой он получился в первом варианте, — Белов все равно бы подвергся аресту и следствию. А так он хотя бы сохранил свое лицо, не потеряв уважения к самому себе в этот первый день своего нахождения в руках НКВД.

Надо сказать, что в лапах чекистов Белов уже однажды побывал. Правда, было это давно, еще в Гражданскую войну. Обратимся к архивно-следственному делу под названием «Бухарские события 1920 г.», по которому проходило 105 человек, в том числе командующий Бухарской группой войск И.П. Белов. Из материалов дела видно, что после взятия Красной Армией Бухары военнослужащие группы занялись разграблением ценностей эмира, в том числе золота, сукна, шелка. В таких грабежах приняли участие адъютант Белова Ерискин и один из приближенных к нему командиров — Авербух. Сам же Белов обвинялся в том, что он, как командующий группой, не предотвратил грабежи и мародерство, а также пытался отвести от наказания названных Ерискина и Авербуха.

После окончания расследования дела оно рассматривалось 7 декабря 1920 года на коллегии Особого отдела Туркестанского фронта, которая приняла следующее постановление: «Принимая во внимание, что настоящее ни в коем случае нельзя рассматривать как дело, касающееся персонально той или иной личности или учреждения, а наоборот, оно является делом, имеющим серьезное общегосударственное значение, подлежащее рассмотрению органов центра РСФСР, а поэтому: дело о «Бухарских событиях» передать в ОО (Особый отдел. — Н. Ч.) ВЧК; арестованных же Ивана Белова, имеющего богатые революционные заслуги, и Мартихина из-под стражи освободить, причем первого с правом занятия ответственных должностей, но с обязательством явки по первому требованию...»

В начале апреля 1921 года дело об участии Белова в «Бухарских событиях» слушалось на заседании Президиума ВЧК, который постановил его производством прекратить ввиду недоказанности обвинения. Отдельные же участники неблагоприятных деяний были осуждены. Так Авербух получил срок три года лагерей. Большую роль в ускорении разбирательства дела и реабилитации И.П. Белова сыграли положительные отзывы на него видных военных и политических работников Туркестанского фронта — Д.А. Фурманова, Б.Н. Иванова и других. Их обращения и письма в адрес В.И. Ленина, ЦК РКП(б) и СНК, ВЧК возымели свое действие. Например, Фурманов, вместе с Беловым участвовавший в подавлении Верненского мятежа (июнь 1920 г.) в качестве уполномоченного РВС Туркфронта по Семиречью, а затем в течение двух месяцев бывший у него военным комиссаром в 3-й Туркестанской стрелковой дивизии, а потому хорошо изучивший начдива, писал в январе 1921 года начальнику Особого отдела ВЧК:

«Я имею сведения о том, что в ОО ВЧК числится дело тов. Белова, кавалера ордена Красного Знамени, бывшего начдива 3-й Туркестанской дивизии. Я слышал, что его обвиняли в присвоении ценностей во время бухарских боев. Спешу сказать Вам несколько слов про Белова во избежание ошибок при разборе дела... Белов безусловно честный человек. Во всем деле какое-то роковое недоразумение или чей-либо сторонний злостный умысел. На возможность последнего особенно обращаю Ваше внимание. В обстановке Туркестанской действительности возможны самые невероятные махинации.

В свое время Белову пришлось тушить белогвардейское восстание, поднятое Осиповым (в Ташкенте), и он тогда нажил себе немало врагов, явных и тайных. В Туркестане в свое время было

деление на активов и пассивов. Принадлежа к активистам, Белов, несомненно, в лице пассививистов имеет до сих пор (из злопамятных) своих недругов и мстителей. Обстоятельства путанные, и во всем деле необходимо быть «исторически» объективным и осторожным. С Беловым я работал в Семиречье несколько месяцев. Человек он тугой на сближение, для многих тяжеловесный, а порой и нетерпимый за свою непосредственность и прямоту. На подлость, на воровство, на махинации — он абсолютно не способен, в этом я глубоко убежден. Наоборот, такого честного и прямого человека нередко трудно встретить... Рекомендую максимальную осторожность и предостерегаю против возможного пристрастия со стороны «туркестанцев»...[\[82\]](#)

Знал Иван Панфиловича Белов и чувства, которые испытывает человек, несправедливо обвиненный в несовершенных им преступлениях, оклеветанный окружающими его людьми. Пример тому — его докладная записка начальнику Штаба РККА, написанная вскоре после указанных выше событий. В ней Белов, в частности, отмечал: «...По приезду в Москву я поступил в Академию Генерального штаба... Однако систематически заниматься я не мог, ибо мое дело только недавно закончилось, кроме того, я принимал участие в кронштадтской операции. Мое моральное состояние было до моего оправдания угнетено — вследствие чего текущий учебный год для меня пропал, приступить к нормальным занятиям я могу лишь с будущего года.

Должен Вам доложить, что возбужденное против меня дело оставило во мне много горечи. Несмотря на реабилитацию мою наиболее авторитетными органами в Республике, я полагаю, что реабилитировать меня можно, лишь вернув мне то доверие, коим я пользовался все время от Советской власти. Лишь предоставление мне работы, соответствующей моему революционному стажу, может восстановить мне мое ничем незапятнанное имя, вернуть мне душевный покой...»[\[83\]](#)

Доверие к Белову тогда было восстановлено полностью, и он последовательно занимает в Красной Армии ответственные посты: командира 2-й Донской и 22-й Краснодарской стрелковых дивизий, 9-го и 2-го стрелковых корпусов, командующего войсками Северо-Кавказского, Ленинградского, Московского и Белорусского военных округов, избирается членом ЦИК СССР, депутатом Верховного Совета СССР первого созыва.

Каких же признаний добивались от Белова Сталин и Ежов? Какие показания выбивали из него начальник Особого отдела ГУГБ Николаев и его помощники Ямницкий и Казакевич? Учитывая то, что желаемого эти насильники от Белова все-таки добились, обратимся к материалам судебного заседания по его делу, где обвинения сформулированы уже в окончательном виде. В приговоре Военной коллегии от 29 июля 1938 года говорится, что Белов, будучи членом ЦК партии левых эсеров Туркестана, в 1917 — 1918 годах готовил антисоветское восстание. Однако ввиду изменившейся обстановки и в целях маскировки своей антисоветской работы он по решению партии левых эсеров вступил в партию большевиков. В 1927 году Белов совместно с другими видными деятелями своей запрещенной партии, находившимися на ответственных командных постах в РККА — Я.М. Фишманом, М.Д. Великановым, И.К. Грязновым, Н.А. Ефимовым — создал руководящий центр военно-эсеровской организации. При участии Белова в целях конспирации в 1930 году эсеровской организацией в РККА был создан параллельный центр, который проводил вербовочную работу под флагом правых.

Еще там записано, что в 1931 году Белов лично установил связь с одним из руководителей организации правых в ВКП(б) — Н.И. Бухариным, от которого получил указания об усилении антисоветской деятельности. Через членов партии левых эсеров В.Н. Черневского (начальника отдела в Строительно-квартирном управлении РККА), Н.А. Паскуцкого (заместителя наркома

земледелия СССР) он имел непрерывную связь с ЦК Трудовой Крестьянской партии в Праге, получая от ее лидера Маслова соответствующие указания и информируя его о деятельности эсеровского подполья в СССР, а также передавая ему шпионские материалы об РККА. В 1930 году Белов, будучи в командировке в Германии, лично установил связь с агентом английской разведки Бейли, до 1937 года снабжая эту разведку шпионскими сведениями. Отмечалось, что в своей антисоветской деятельности Белов, как один из организаторов военно-эсеровской организации, был связан с руководителем военно-фашистского заговора Тухачевским и с группой правых в Красной Армии в лице А.С. Булина, заместителя начальника Политуправления РККА, а также с другими антисоветскими организациями.

Вот, оказывается, в чем надо было сознаться Белову с самого начала следствия. Вот чего ожидали от него Сталин, Ежов и другие высокие организаторы допросов и очных ставок. Что ж, Белову в итоге ничего не оставалось другого, как признаться во всех грехах. А в какой обстановке происходило «добывание» этих признаний, говорят следующие факты. Из справки, выданной архивом Лефортовской тюрьмы, видно, что с момента ареста и до 25 февраля 1938 года, то есть за полтора месяца, Белов вызывался на допросы 31 раз, из них 24 раза он допрашивался ночью. О степени его сопротивления давлению следствия, о том, что не все и не всегда шло гладко у Николаева, Ямницкого и Казакевича, говорит хотя бы факт составления за все это время только одного протокола допроса от 18 января 1938 года. Правда, был он обобщенного вида на 108 страницах машинописного текста. Другой, не менее примечательный пример: с 25 марта по 5 апреля, то есть в течение десяти суток Ямницкий и Казакевич непрерывно допрашивали Белова, составив за этот период времени всего лишь один протокол (на 97 стр. машинописного текста). При подписании данного протокола Белов поставил дату, однако она затем кем-то была зачеркнута и разобрать ее не представляется возможным.

Следователи НКВД были всесильными и всезнающими только в своих тюремных кабинетах, диктуя условия униженным, оскорбленным и совершенно бесправным арестантам. Когда же пришло время их самих призвать к ответу, у абсолютного большинства из них вдруг совершенно отказала память и они на допросах в 50-х годах, проходя в качестве обвиняемых, а чаще всего свидетелей, на многие вопросы следователей из Главной военной прокуратуры отвечали примерно так: «за давностью лет не помню». Особенно, если дело касалось применения к арестованным мер физического воздействия.

Покажем это на примере полковника запаса В.М. Казакевича, следователя по делу командарма И.П. Белова. В период сбора материала для реабилитации последнего военный прокурор подполковник юстиции Спелов в апреле 1955 года допросил Казакевича в качестве свидетеля. При этом Казакевич, прослуживший в «органах» с 1933 по 1948 год, всячески выгораживал и обелял себя, подавая как мелкую сошку, слепо выполнявшую приказы высшего руководства. По его мнению, другие следователи били арестованных, а сам он этого не делал. И вообще, что он человек доброжелательный и мягкосердечный, пекущийся только о благе своих подопечных. Однако факты, как известно, вещь упрямая. Как раз они и свидетельствуют об обратном: в 1937 — 1938 годах Казакевич относился к числу следователей- «колунов», добивавшихся от подследственных нужных ему показаний любыми средствами, среди которых на первом месте стояли физические меры воздействия на них.

Так что лукавит Казакевич, на вопрос следователя «Применялись ли к Белову физические меры воздействия?» отвечая: «Я его лично не бил, но допускаю, что когда Николаев и Ямницкий допрашивали Белова в моем отсутствии, они его били. Я такой вывод делаю потому, что Николаев

и Ямницкий охотно применяли методы избиения арестованных. Подробнее по делу Белова я за давностью времени показать не могу...»

Нет, Владимир Михайлович, белой вороной Вы в Особом отделе ГУГБ НКВД СССР не были никогда и, будучи физически крепким человеком, Вы били «врагов народа» смертным боем, нередко подавая пример своим подчиненным и стажерам-курсантам школ НКВД. Ваш сослуживец по отделу, впоследствии тоже полковник запаса, Степанцев по заслугам называет Ваше имя в одном ряду с извергами рода человеческого, садистами Ушаковым, Агасом, Родосом, Листенгуртом, Ямницким. Так что рано или поздно, но правда всегда становится достоянием общественности, как ни храни ее за семью печатями.

Пожалуй, ни у кого из советских военных деятелей, подвергшихся репрессиям в 1937 — 1938 годах, нет такого широкого диапазона антисоветской деятельности, как у Белова, если не считать М.Н. Тухачевского и его поделщиков. Кроме признания им своей вины, обвинительный приговор в отношении Белова был основан также на показаниях арестованных по своим делам А.Г. Гордона, А.А. Рейценштейна, И.В. Запорожца, Б.Н. Иванова, И.Д. Капуловского и других. Какова истинная цена подобных свидетельств, показали в ходе дополнительной проверки военные прокуроры в 1955 году.

Например, Белову вменялась в вину принадлежность к партии левых эсеров Туркестана. Однако документы свидетельствуют, что он этого факта своей биографии никогда не скрывал, отражая его в соответствующих графах служебных анкет. Как и то обстоятельство, что начиная с марта 1917 года активно боролся за установление советской власти в Туркестане. Обвинение же в формировании совместно с другими военачальниками РККА военного и параллельного центров эсеровской организации объективно ничем не было подтверждено. Упомянутым в приговоре функционерам партии левых эсеров — Я.М. Фишману (коринженер), М.Д. Великанову, И.К. Грязнову, Н.А. Ефимову (все трое перед арестом имели воинское звание «комкор») на следствии по их делам подобное обвинение вообще не предъявлялось.

С принадлежностью И.П. Белова к организации так называемых правых и его контактах с ее лидером Н.И. Бухариным, от которого он якобы получал директивы об усилении антисоветской работы, тоже произошла серьезная неувязка. Сам Бухарин об участии Ивана Панфиловича в правой оппозиции показаний не давал, как и прочие подследственные, проходившие по этому процессу, — М.С. Чудов, А.Ф. Кадацкий и другие. Относительно же связи Белова с руководителем заграничной Трудовой Крестьянской партии, то она также не подтвердилась материалами проверки.

Одним из тяжелых обвинений военнотрудового Белова являлось обвинение в шпионаже. Основывалось оно на показаниях, прежде всего Б.Н. Иванова, через которого, а также через Н.А. Паскуцкого, И.В. Запорожца и В.Н. Черневского он передавал сведения о Красной Армии английской разведке. Главное лицо по этому пункту обвинения — Борис Николаевич Иванов, дивинтендант, до ареста состоявший в резерве отдела кадров НКВД СССР, — на суде в августе 1938 года от этих своих показаний отказался, как от вымышленных, и виновным себя не признал. Трое остальных (Паскуцкий, Запорожец и Черневский) факта передачи через них иностранным разведкам сведений об СССР и РККА не подтвердили.

Как не подтвердилось обвинение Белова в том, что он занимался активной вербовкой новых, членов в состав военно-эсеровской организации. Например, в ходе предварительного следствия его заставили написать, что он лично завербовал следующих лиц из командно-политического

состава РККА: комкора И.Р. Апанасенко, комдивов В.П. Добровольского, А.А. Инно, И.Д. Капуловского, Ю.В. Саблина, И.Д. Флоровского, комбригов А.С. Зайцева, Л.В. Картаева, С.А. Красовского. Из них Апанасенко и Красовский аресту совсем не подвергались, а остальные из названных командиров, будучи арестованными, не подтвердили показаний Белова о том, что они были им вовлечены в антисоветский заговор.

Изучение материалов дела по обвинению И.П. Белова позволяет сделать вывод о том, что он, давая показания следователю, сочиняя «роман» (то есть собственноручные показания), оговаривая себя и других на допросах и очных ставках, согласившись подтвердить все это на суде, тем самым надеялся на определенное снисхождение к себе: ведь он же признался во всем, что пытался отрицать в первый день ареста в присутствии Сталина и других членов Политбюро ЦК ВКП(б). Белов очень хотел, чтобы о его признательных показаниях доложили Сталину, и он неоднократно, до самых последних дней своей жизни, просил следователей о встрече с ним, надеясь, видимо, заручиться благосклонностью вождя, а значит, получить шанс на сохранение жизни.

Чрезвычайно интересные сведения на сей счет содержатся в деле по обвинению бывшего начальника Особого отдела ГУГБ НКВД СССР комбрига Н.Н. Федорова, осужденного Военной коллегией в феврале 1940 года к высшей мере наказания. В заявлении на имя заместителя наркома внутренних дел от 30 ноября 1938 года он писал: «Однажды я Вам начал докладывать о заявлении Белова, сделанном им после приговора его ВК (Военной коллегией. — Н.Ч.) к расстрелу. Я доложил Вам, что записку Белова на имя И.В. Сталина взял на ВК у прокурора Шапиро и что он с ней сделал, неизвестно. Вы сказали о том, что Белов, возможно, не обо всем дал показания и затем прервали мой доклад... У меня остались не доложенные показания Белова от 27 июля...»

Из этого заявления Федорова видно, что Белова не прекращали допрашивать вплоть до самого суда, требуя от него все новых и новых признаний. О нем Федоров упоминает и в своих собственноручных показаниях от 2 декабря 1938 года: «К целому ряду показаний отношение было подозрительное, а в НКО (народный комиссариат обороны. — Н. Ч.) просто не верили ряду показаний арестованных... К таким арестованным надо отнести Дыбенко, Левандовский, Хрипин, Халепский, Ткалун, Орлов (Наморси) и отчасти последнее время Белов, о показаниях которого я имел в виду также доложить И.В. Сталину, о чем я говорил даже Фриновскому...»[\[84\]](#)

Спустя год в собственноручных показаниях от 11 декабря 1939 года Федоров вновь упоминает имя Белова. Он указывает, что следователи Казакевич и Агас перед расстрелом еще раз допросили его и он дал им показания на ряд крупных работников. Однако эти показания следователи доложили Федорову уже после приведения приговора в исполнение[\[85\]](#).

О грубейших нарушениях требований УПК РСФСР при расследовании обстоятельств дела Белова говорит тот факт, что обвинение ему было предъявлено официально только 27 июля 1938 года, то есть через шесть с половиной месяцев после его ареста и за два дня до суда. К тому же по окончании следствия он не был ознакомлен с материалами дела, чего требовала статья 206 УПК.

Относительно записки Белова Сталину на заседании Военной коллегии. Конкретного ее содержания мы не знаем и, по всей видимости, никогда не узнаем, но известно другое: до Сталина она не дошла, осев в бумагах Ежова. И все-таки предположим, что когда-нибудь и этот документ увидит свет и мы узнаем, о чем просил вождя народов накануне своего смертного часа командарм 1-го ранга Белов. Обстоятельства же передачи записки осветил бывший начальник 1-

го спецотдела НКВД СССР И.И. Шапиро, о котором выше упоминает Федоров. Будучи арестован, Шапиро в собственноручных показаниях от 29 декабря 1938 года свидетельствует:

«Всякий материал, который каким-то образом мог бы показать отрицательные стороны руководства НКВД, тщательно скрывался... После заседания Военной коллегии Белов (бывший командующий Белорусским военным округом) подал через председателя суда Ульриха заявление на имя тов. Сталина, в котором он просил уделить ему несколько минут для передачи чрезвычайно важного сообщения государственного значения. Докладывая Ежову о том, как прошло заседание Военной коллегии я, между прочим, доложил ему и о заявлении Белова. Ежов страшно разволновался; «Зачем приняли от него заявление, поезжайте сейчас в Лефортово, возьмите у Ульриха и привезите мне это заявление». Я выполнил поручение Ежова, получил у Ульриха заявление Белова и привез его Ежову, полагая, что Ежов его направит срочно в ЦК. Заявление это тов. Сталину не было передано (я это заявление через довольно долгий промежуток времени видел среди бумаг Ежова). Сам Ежов даже не вызывал и не опросил Белова по поводу его заявления и Белов в тот же вечер был расстрелян»[\[86\]](#).

Здесь все предельно ясно, кроме одного: почему это так сильно разволновался Ежов? Какие такие сведения, порочащие честь мундира НКВД и лично наркома Ежова, мог сообщить арестант Белов Сталину? Если это касается применения насилия к подследственным, так ведь не кто иной, как сам Сталин подписал в 1937 году директиву карательным органам о возможности использования его в отношении к неразоружившимся «врагам народа». Или Белов, как и командарм Федыко, хотел сообщить вождю партии о том, что в органах НКВД сидят истинные враги народа, планомерно уничтожающие его лучших представителей, в чем он мог убедиться, анализируя события целого года — от процесса над Тухачевским, до суда над ним самим? Вторая версия кажется нам более предпочтительной, ибо только этим можно объяснить волнение Ежова и решимость Белова сообщить Сталину сведения государственного значения. Причем не письменно, а в устной форме при личной встрече.

В судебном заседании, которое заняло всего 20 минут, Белов признал себя виновным и показания, данные им на предварительном следствии, подтвердил. В протоколе заседания указано, что когда подсудимому предоставили последнее слово, то он сказал, что у него есть дополнительные показания, которые он хотел бы дать в присутствии вождя народов Сталина. Получив «вышку» от Ульриха, с которым он год тому назад судил Тухачевского со товарищи, Белов подошел к своему последнему жизненному рубежу относительно спокойным, уже не надеясь на помощь со стороны Сталина. Его записка Генсеку была последней попыткой спасти жизнь, но и она оказалась тщетной. Известно, что при расстреле Белова и других военачальников, осужденных к смерти в тот же день (29 июля 1938 г.), присутствовал лично Ежов. Он каждого приговоренного спрашивал, нет ли у него что сказать. Белов на подобный вопрос к себе ответил: «Нет, теперь уже здесь нечего»[\[87\]](#).

Таким образом, к концу 1938 года из восьми членов Специального судебного присутствия Верховного суда СССР, рассматривавшего дело Тухачевского, Якира, Уборевича и других, физически были уничтожены в застенках НКВД пять человек, один покончил жизнь самоубийством, а на оставшихся двух (Буденного и Шапошникова) были получены показания, что и они являются «врагами народа».

В Харьковском военном округе

О том, как проходили репрессии в войсках, можно проследить на примере работы Военного совета Харьковского военного округа (ХВО) осенью 1937 года. Им в это время руководил, после ареста в августе 1937 года командарма 2-го ранга И.Н. Дубового, сподвижник Ворошилова и Буденного по Гражданской войне, конармеец С.К. Тимошенко. Публикуемые документы как нельзя лучше характеризуют ту невыносимую обстановку террора по отношению к кадрам, которая сложилась в ХВО (то же самое происходило и в других округах) летом и осенью 1937 года.

Протокол № 4

заседания Военного совета ХВО от 17 сентября 1937 г.

Присутствовали: а) Члены Военного совета:

Командарм 2-го ранга Тимошенко.

Бригадный комиссар Озолин.

б) По приглашению:

Нач. Особого отдела ХВО тов. Писарев.

«О личном составе войсковых частей, штабов и управлений ХВО».

1. О бывшем вр. военкома 7-го стр. корпуса — дивизионном комиссаре Кавалере Р. Э.

Постановили: Телеграфно просить Наркома обороны СССР об увольнении из РККА и санкции на арест.

2. Опом. комвойсками ХВО по мат. обеспечению — дивинтенданте Латсон О. П.

Постановили: Отстранить от должности, телеграфно просить Наркома обороны СССР об увольнении из РККА и санкции на арест.

3. О бывшем начполитотдела 23 стр. дивизии — бригадном комиссаре Бубличенко А.Г.

Постановили: Телеграфно просить Наркома обороны СССР об увольнении из РККА и санкции об аресте.

4. О нач. политотдела 25 стр. дивизии — полковом комиссаре Круль А.В. Постановили: Отстранить от должности, телеграфно просить Наркома обороны СССР об увольнении из РККА и санкции на арест.

5. О нач. политотдела 9-й школы летчиков и летнабов ВВС РККА — бригадном комиссаре Орловском И.Я.

Постановили: Отстранить от должности, телеграфно просить Наркома обороны СССР об увольнении из РККА и санкции об аресте.

6. О врид нач. политотдела 5-й танковой бригады — полковом комиссаре Березине С. И.

Постановили: Отстранить от должности, телеграфно просить Наркома обороны об увольнении из РККА и санкции об аресте.

7. О военном руководителе Харьковского библиотечного института — бригадном комиссаре Багинском А.В.

Постановили: Телеграфно просить Наркома обороны СССР об увольнении из РККА и санкции на арест.

8. О пом. командира 25 стр. дивизии — полковнике Гладышеве Г. И.

4 - 7693 Черушев

Постановили: Телеграфно просить Наркома обороны СССР об увольнении из РККА и санкции на арест.

9.

И подобным образом по списку 40 человек{88}.

Приложение

к протоколу Военсовета ХВО от 17 сентября 1937 г.

СПИСОК

лиц командного и начальствующего состава частей ХВО, подлежащих увольнению из РККА

1. Кавалере Рудольф Эдуардович, бывш. нач. политотдела 7 ск, дивизионный комиссар, исключен из ВКП(б) за то, что, работая долгое время в окружении ныне разоблаченных врагов народа Рогалева, Евгеньева и др., не только не содействовал парт, организации в разоблачении их, но своими действиями мешал парторганизации в своевременном их разоблачении. Как комиссар корпуса плохо руководил партийно-политической работой и боевой подготовкой частей корпуса, вследствие чего имели место частые случаи аморальных явлений и происшествий, особенно в 41 и 80 сд. Несмотря на указания Военсовета округа, не принимал решительных мер к ликвидации последствий вредительства. В прошлом принимал активное участие в белорусско-толмачевской оппозиции, за что привлекался к партийной ответственности.

Работая нач. политотдела корпуса, в своей практической деятельности, он был политически связан с ныне арестованными врагами народа Роголевым, Евгеньевым, Саввиным, Кинжаловым, Зубок и др.

2. Латсон Освальд Петрович — пом. комвойск ХВО по материальному обеспечению, дивинтендант. Исключен из партии за связь и покровительство врагам народа. В своей практической деятельности организовал и способствовал вредительству в деле материального обеспечения войск и строительства оборонных объектов округа, допустил засорение личного состава, подчиненного ему аппарата социально чуждыми и враждебными людьми. Отдельные оборонные объекты были настолько вредительски построены, что обваливались и лишь благодаря случайностям не повлекли за собой человеческих жертв.

3. Бубличенко Александр Герасимович, бывш. военком и нач. политотдела 23 сд, бригадный комиссар. Исключен из рядов ВКП(б) за связь с врагами народа. В своей практической деятельности развалил партийно-политическую работу и боевую подготовку частей дивизии. Сознательно смазывал крупнейшие безобразия в дивизии (издевательство над красноармейцами, рукоприкладство и т.п.). Вел линию на притупление классовой бдительности. Выступал на

собраниях с заявлениями: «Клянусь головой, что в дивизии нет врагов». Покрывал и защищал выявленных парторганизациями частей дивизии врагов народа — троцкистов. Партийно-политическую работу передоверил инструкторам политотдела — троцкистам, зная о их принадлежности к троцкизму. Представлял к награде орденами бывших офицеров, зная о их вредительской деятельности.

Разложился в морально-бытовом отношении сам и запутался в хозяйственных преступлениях. Скрыл свое социальное происхождение. Не принимал мер к очищению частей дивизии и особенно штаба дивизии от социально чуждых и враждебных элементов, а, наоборот, способствовал засорению ими. Его практическая деятельность вытекала из политической связи с разоблаченными врагами народа — Кожевниковым, Савко, Туровским, Куницким и др.

4. Круль Александр Васильевич, бывш. нач. подива 25, полковой комиссар исключен из ВКП(б) за сокрытие своей принадлежности к троцкизму, связь с врагами народа Савко и др., за выдачу партдокументов взамен утерянных врагу народа Туровскому с нарушением установленных правил.

Будучи отсеком партбюро штаба ХВО, покрывал орудовавших долгое время в штабе врагов народа.

Работая в отделе кадров ПУ ХВО, протаскивал на работу троцкистов, выдвигал их на руководящие должности.

Работая начальником подива 25, развалил партийно-политическую работу в частях дивизии. В своей практической работе исходил из политической связи с разоблаченными врагами народа — Кожевниковым, Савко, Лариным и др.

5. Орловский Изяслав Яковлевич — бывший комиссар 9-й военной школы летчиков и летнабов, бригадный комиссар, исключен из ВКП(б) за тесную связь с разоблаченными врагами народа Кожевниковым, Савко, Мустафиным и др., за развал партполитработы в школе. Будучи военным комиссаром школы, срывал работу парторганизации по разоблачению врагов народа, покрывал их.

В прошлом имел связь с эсерами. Примыкал к белорусско-толмачевской оппозиции. Смазывал троцкистские проявления нач. школы Закса. Уроженец Польши, где и проживают его родные. В своей практической работе исходил из политической связи с врагами народа Кожевниковым, Савко и др.

6. Березин Семен Ильич — бывш. И.Д. комиссара 5-й танковой бригады, полковой комиссар, исключен из ВКП(б) за связь с врагами народа Амелиным, Соколенко, Якиром, отрыв от массы, зажим самокритики и сокрытие своего социального происхождения.

Будучи связан с врагами народа Якиром, Амелиным, пользовался особым их покровительством.

Работая в танковой бригаде, развалил партийно-политическую работу и боевую подготовку. Насаждал подхалимство. Препятствовал разоблачению врагов народа и очищению от них бригады. Брат арестован за контрреволюционную деятельность. В своей практической работе исходил из политической связи с врагами народа Якиром, Амелиным, Соколенко и др.

7. Багинский Андрей Васильевич — военрук Харьковского библиотечного института, бригадный комиссар, исключен из ВКП(б) за связь с разоблаченными врагами народа Туровским, Савко, Примаковым и др.

Работая военруком ВУЗа, проводил вредительство в деле военной учебы студентов, срывал ее, чем достигал выпуска неполноценных командиров запаса. В своей практической деятельности исходил из политической связи с разоблаченными врагами народа Туровским, Савко и др. [\[89\]](#)

Очередной список лиц, подлежащих увольнению из РККА, дан в виде приложения к протоколу заседания Военного совета ХВО № 5 от 29 сентября 1937 года. Среди них мы находим армейского комиссара 2-го ранга А.Л. Шифреса — начальника Военно-хозяйственной академии РККА, комдива А.А. Тальковского — командира 3-й Крымской стрелковой дивизии, комбрига А.И. Гоффе — начальника артиллерии округа, полковника П.Е. Зеликова — начальника штаба 25-й стрелковой дивизии, командиров полков: 41-го артиллерийского — полковника М.Ф. Сидорука, 75-го артиллерийского — полковника А.Т. Минаева, 225-го стрелкового — полковника Я.Я. Равина и ряд других командиров и политработников округа.

Проследим дальнейшую судьбу некоторых из лиц высшего комначсостава, упомянутых в материалах заседаний Военного совета ХВО от 17 и 29 сентября 1937 года. Например, дивизионный комиссар Р.Э. Кавалере был арестован в конце октября того же года и через два месяца осужден Военной коллегией к расстрелу. У комдива Тальковского следствие длилось не столь скоротечно, как у Кавалерса. Его агония затянулась на несколько лет: подвергшись аресту в конце декабря 1937 года, он два с половиной года подвергался мучительным издевательствам. Будучи освобожден из-под стражи за недоказанность вины в мае 1940 года. Тальковский возвращается в кадры РККА. На свободе ему удалось побыть чуть более года. В конце июня 1941 года, будучи начальником курса Военной академии имени М.В. Фрунзе, Александр Александрович Тальковский подвергается вторичному (и теперь уже последнему) аресту и после полугодового пребывания в тюрьме постановлением Особого совещания при НКВД СССР приговаривается к длительному лишению свободы. Находясь в лагере, он скончался в феврале 1942 года.

Начальник Военно-хозяйственной академии А.Л. Шифрес был арестован через полтора месяца после решения Военного совета ХВО о его увольнении из рядов Красной Армии. Следствие длилось почти год и завершилось в конце сентября 1938 года заседанием Военной коллегии, приговорившей армейского комиссара 2-го ранга к высшей мере наказания — расстрелу.

На заседании Военного совета ХВО 27 октября 1937 года были рассмотрены вопросы об увольнении из РККА, как участников военно-фашистского заговора, нового отряда командиров и политработников, в частности: комдива К.Ф. Квятека — заместителя командующего войсками округа; комбрига Я.Э. Закса — начальника 9-й военной школы летчиков и летчиков-наблюдателей; бригаветврача Д.А. Львовского — начальника отдела ветеринарной, службы ХВО; полковника М.С. Факторовича — командира 5-й танковой бригады; полковника Н.А. Сапожникова — начальника инженерных войск округа. В этом большом списке находились также и руководители большинства отделов и служб ХВО (продовольственного, санитарного, обозно-вещевого, автобронетанкового).

На последующих заседаниях Военного совета округа были приняты решения об увольнении из армии еще нескольких групп комначсостава. Не имея возможности всех их назвать поименно, ограничимся перечнем от полковника и выше: начальник 2-го отдела (боевой подготовки) штаба

ХВО полковник Е.К. Собянин, начальник 3-го отдела (военных сообщений) штаба округа полковник А.В. Добряков, начальник финансового отдела ХВО интендант 1-го ранга Ф.Я. Выров, начальник артиллерии 7-го стрелкового корпуса полковник И.И. Гуданец, начальник политического отдела 14-го стрелкового корпуса дивизионный комиссар А.В. Усатенко, начальник отдела по командному и начальствующему составу округа полковой комиссар Г.В. Шувалов, начальник отдела военной подготовки учащихся комбриг Н.И. Жабин, заместитель начальника Военно-хозяйственной академии дивинтендант Н.В. Станьковский, заместитель начальника, политуправления округа бригадный комиссар С.А. Задорин, командир 25-й стрелковой дивизии комбриг К.П. Трубников, командир 75-й стрелковой дивизии комбриг З.П. Тищенко, ответственный секретарь окружной партийной комиссии полковой комиссар М.С. Ларин, командир 69-го стрелкового полка полковник В.С. Бушечкан, начальник отдела артиллерийского снабжения округа полковник А.П. Колтынюк.

Из подготовленных к данным заседаниям Военного совета персональных справок на представленных к увольнению лиц обратимся к содержанию таковых на К.Ф. Квятека, А.Л. Шифреса, А.В. Усатенко и А.И. Гоффе, как представителей высшего комначсостава.

СПРАВКА

на Квятека Казимира Францевича — зам. комвойсками ХВО, комдива.

Член ВКП(б). Активный участник военно-фашистского заговора. В 1906 — 1907 гг. состоял членом ППС. В 1928 году за очковтирательство был отстранен от командования 44 стрелковой дивизией.

Находился в тесной политической связи с врагами народа: Дубовым, Туровским, Кожевниковым, Латсоном, Соколовым, Демченко, Мусульбас, Богдановым и др.

Как зам. комвойск ХВО руководил специальными родами и службами войск округа и на практике проводил контрреволюционную вредительскую деятельность в их работе, в результате чего:

- а) развалил боевую подготовку спец. частей округа — саперных, автобронетанковых, артиллерийских;
- б) развалил работу окружных складов и в особенности артиллерийских, в которых хранящееся имущество и огнеприпасы, не исключая мобилизационных и военного времени запасов, приведены в негодность для боевого применения;
- в) развалил работу санитарной и ветеринарной служб округа, вследствие чего совершались диверсионные акты над конским составом округа (2 зап. кавполк), над красноармейцами — выраженные в массовых отравлениях и желудочно-кишечных заболеваниях среди красноармейцев (41, 75 и 80 сд)...

В справке на А.Л. Шифреса указывалось:

«Шифрес Александр Львович — начальник Военно-хозяйственной академии РККА, армейский комиссар 2-го ранга, исключен из ВКП(б) как не заслуживающий политического доверия. Имел тесную связь с врагами народа Вольтером, Пятаковым, Гамарником, Ошлеем, Вакуличем, Примаковым, Колосовым, Ваногом и др., с которыми не только не вел борьбы и не разоблачал их и их пособников, но защищал. Выдвигал и создавал авторитет врагам народа, с ним связанных: Бочарову, Котовичу, Булату, Годесу и др. Был тесно связан со своим бывшим помполитом, врагом

народа Сусловым, которого сделал своим доверенным лицом, всячески защищал и покрывал, стараясь сохранить его в партии для проведения контрреволюционной работы.

В прошлом: в 1917 г. Шифрес состоял в РСДРП — объединенные организации. В 1921 г. принимал активное участие в деятельности «рабочей оппозиции». В 1924 г. написал книгу «Комсомолец РККА», в которой популяризировал врага народа Троцкого. Работая начальником ВПА им. Толмачева, засорял академию врагами народа. После злодейского убийства т. Кирова из академии было уволено 131 человек, значительная часть которых исключена из партии и арестована как враги народа.

Продолжая свою враждебную партии и Сов. власти политическую деятельность, Шифрес также засорял врагами народа и социально-чуждыми лицами и ВХА (Военно-хозяйственную академию. — Н.Ч.), во главе которой стоит. Часть взятых им на руководящую работу в ВХА: Сулов, Колосов, Ваняг, Минская, Николук, Ракуц, Гаусман и др., ныне как враги и шпионы арестованы.

Практическая деятельность Шифреса по руководству ВХА явно направлена на срыв всей работы академии. Вредительская его деятельность шла по линии строительства и оборудования помещений академии и организации учебы.

Строительство и оборудование шло без твердого плана. Составлявшиеся планы ежемесячно менялись, чем оттягивалось начало нормальных работ. Несмотря на наличие всех возможностей для организации лабораторий, последние не были организованы, чем умышленно срывался нормальный ход учебы. План размещения лабораторий составлялся явно вредительски и вопреки мнению строителей и профессуры. В тех же целях срыва занятий и выпуска неполноценных хозяйственников, преподавательский состав укомплектовывался заведомо неполноценными политически и классово-чуждыми элементами.

С этой целью срыва учебных занятий Шифрес в начале учебного 1937 — 1938 года руководство по ведущим дисциплинам взял на себя, оторвав тем самым учебный отдел от руководства всей подготовкой, создав таким образом двойственность в руководстве и подчинении кафедр.

Вся эта практическая деятельность Шифреса как в прошлом, так и в настоящем проводилась и проводится им, исходя из политической связи с врагами народа Пятаковым, Гамарником, Ошлеем...»

СПРАВКА

на Усатенко Александра Васильевича, нач. политотдела 14 стр. корпуса, — дивизионного комиссара.

Исключен из ВКП(б). Является участником военно-фашистского заговора. Находился в близких отношениях с врагами народа — бывш. секретарем ОПКЛариным, зам. нач. ПУХВО Савко, Кожевниковым и др.

Проводя проверку партдокументов в корпусе и спецчастях Харьковского гарнизона, зная лично троцкистов, выдавал им партийные документы и рекомендовал не говорить о своем прошлом, этим проводил линию руководства военно-фашистским заговором по сохранению в партии и армии враждебных элементов.

Зная о хозяйственных и политических преступлениях врагов народа Туровского, Мочалова, Кафьянца, Ситникова и др., покрывал их враждебную деятельность и, будучи в курсе линии

руководства военно-фашистским заговором, направленной на развал боевой и политической подготовки и мобилизационной готовности частей корпуса и военкоматов корпусного округа, способствовал осуществлению этой вражеской линии.

После ареста врагов народа Туровского и Мочалова долгое время защищал их и не давал парторганизации штаба корпуса исключить из ВКП(б) явного врага, контрреволюционера, бывшего зам. начштаба корпуса Кафьянца.

Вражеским руководством военкоматами корпусного округа из года в год срывал призывы пополнений в ряды РККА, засорял ее ряды не только социально чуждыми, но и враждебными партии и правительству элементами.

В справке на комбрига А.И. Гоффе отмечалось:

«Гоффе Алексей Иванович — нач. артотдела ХВО, комбриг, беспартийный, работал нач. артиллерии округа, на практике проводил вредительство по линиям:

а) срыва работы по переучету стрелкового вооружения и оптических приборов по воинским частям ХВО за 1936 год и направления в арт. управление РККА неправильных сведений о состоянии этого имущества в округе; б) срыва проверки промфинплана артскладов ХВО на 1937 г., в результате чего допускались изменения в работе складов; в) срыва строительно-ремонтных работ в складах ХВО; г) срыва работ по переснаряжению до 200 тысяч 37-мм снарядов на складе №27, требовавших переремонта; д) срыва инспекторской проверки состояния вооружения частей ХВО путем направления некомпетентных лиц с установкой проверять одно подразделение в части и на основе этой проверки делать общий вывод о состоянии вооружения всей части. Эту практическую работу Гоффе проводил, исходя из своей политической связи с разоблаченными врагами народа Ефимовым, Киселевым, Белоусовым...»

О стремительном росте темпов избиения кадров Красной Армии свидетельствуют отчеты, поступавшие в Москву из военных округов и флотов. Так в отчете политического управления Харьковского военного округа за 1937 год отмечается:

«...За истекший год личный состав округа значительно очистился от враждебных и негодных элементов. По политическим мотивам уволено из РККА комначсостава 810 чел., из них разоблачены, как враги народа и арестованы органами НКВД 260 чел. Из числа красноармейского состава и младших командиров по политическим и политико-моральным мотивам уволено из РККА 457 чел.

...Парторганизации частей округа разоблачили и изгнали из своих рядов за период с 1.1.37 г. по 1.Х.37 г. больше 150 троцкистов, зиновьевцев, правых, контрреволюционных националистов, причем характерно, что если в I квартале исключено 10, во II-м — 26, то в III-м лишь ОПК исключено 97 чел. Разоблачены и изгнаны враги народа, пролезшие на ответственные командные посты и руководство политорганов:

Куницкий — б. к-р 23 сд Ванаг — нач. факультетов ВХА Зубок — б. к-р 30 сд Колосов — нач. факультетов ВХА Обысов — б. к-р 80 сд Соколов — б. НТХВО Рогалев — б. к-р 7 ск Дубовой — б. комвойск ХВО Незлин — нач. полит, отд. училища червон. старшин Ауссем — б. зам. НШ ХВО Кожевников — б. нач. ПУХВО Рассадин — нач. полит, отд. 75 сд Евгеньев — б. нач. шт. 7 ск Ларин — секретарь ОПК Мочалов — б. нач. шт. 14 ск Скулаченко — нач. АБТВ ХВО Шмаков — б. нач. шт. 7 ск Блуашвши — б. нач. ПУХВО Круль — нач. полит, отд. 25 сд Кавалере — б. военком 7 ск

Градусов — б. военком 41 сд Лагздин — нач. военно-пол, учил. Котляров — инструктор ПУХВО
Суслов — б. военком ВХА Карпис — б. нач. Харьковского окружи. Дома Красной Армии

...За 1937г. исключено из партии и уволено из армии (по сост. на 15.X.1937 г.) 115
политработников, занимавших следующие должности: зам. нач. пуокр — 1 отсекар. партбюро
полков — 4 нач. отделов пуокр — 2 отсекар. партбюро батальонов — 1 редактор окружи, газ. — 1
отсекар. партбюро эскадрилий — 1 инструктор пуокр — 4 инструкторов пропаганды — 3 нач. полит,
отделов — 4 нач. клубов полка — 7 нач. ДКА — 1 политруков рот — 33 военкомов полков — 7 зав.
библиотек полков — 4 военкомов складов — 2 отсекар. коме, бюро — 5 военкомов строшп-ва — 1
зам. нач. полит, отделов — 3 инструктор. пол. отд. див. — 8 секр. окр. парт, комис. — 1 военкомов
бот-нов — 7 военкомов КУКС зап. — нач. кафедр — 2 отсекар. партбюро курсов — 1 преподав.
ВУЗов — б нач. ПУХВО — 2 инструктор. ПКП курсов — 1 нач. ПВ ПУ — 1 и другие.

Вместо уволенных, а также на замещение вакантных должностей выдвинуто за это же время 87
чел. на следующие должности: из курсантов школ:

а) военкомов батальонов — 9

б) военкомов эскадрилий — 2 из политруков:

а) военкомов полков и отд. бот-нов — 15

б) инструкторов пол. отделов — 31

в) нач. полит. отдела — 2 из комиссаров бат-нов:

а) военкомов полков — 7

б) нач. полит. отдела — 2 из военкомов полков:

а) нач. полит. отд. дивизий — 5

б) военком, дивиз. и школ — 3

Других работников — 19 чел. [\[90\]](#)

Итак, вместо уволенных и арестованных командиров выдвигались новые, молодые, не имевшие
достаточного опыта и теоретических знаний. Мы привели цифровые данные только по
Харьковскому военному округу. А как это обстояло в масштабе всей Красной Армии, видно из
следующей справки. Только с 1 ноября 1937 по 13 февраля 1938 года в РККА было выдвинуто на
высшие должности 1360 человек, повышены в воинских званиях и назначены на новые, более
высокие должности 11 136 человек, в том числе получили звание «комкор» — 5 чел., «комдив» —
14 чел., «комбриг» — 9 чел., «полковник» — 54 чел., «майор» — 243 чел., «капитан» — 563 чел.

Выдвиженцев в Красной Армии в 1937 — 1938 годах было очень и очень много. Вот только один
пример. Выпускника Военно-политической академии батальонного комиссара А.А. Лобачева
весной 1938 года назначили военкомом стрелкового корпуса в БВО (до поступления в академию
он занимал невысокую должность ответственного секретаря гарнизонной партийной комиссии в
Тамбове). Как вспоминает сам Лобачев, такое назначение для него явилось полной
неожиданностью, ибо к занятию должностей такого масштаба они, выпускники академии, не
готовились. Однако подобные случаи были далеко не единичными, а напротив, становились все

более и более распространенными. При этом удивлялись не только сами выдвиженцы, но и их непосредственные начальники.

Из воспоминаний А.А. Лобачева:

«В конце 30-х годов наша армия переживала серьезные трудности из-за неустойчивости в расстановке руководящих кадров. После многочисленных арестов, произведенных в среде командного и политического состава, происходила частая передвижка работников.

В первых числах августа 1938 года я получил телеграфный вызов в Москву. В приемной К.Е. Ворошилова я встретил немало знакомых по Военно-политической академии, а ныне военных комиссаров корпусов, дивизий. Адъютант наркома проводил нас в зал заседаний.

Спустя несколько минут вошел Климент Ефремович, поздоровался. Мы ответили общим приветствием. Ворошилов оглядел присутствующих и сказал:

— Смотрю на вас, товарищи, и удивляюсь: все новые, незнакомые лица! Какие вы все молодые, любо и приятно посмотреть!

Почти всех, кто присутствовал на этой встрече, выдвинули в 1938 году на ответственную политработу...»[\[91\]](#)

(В конце 1938 года А.А. Лобачев будет выдвинут еще на более высокую должность — он станет начальником политического управления Московского военного округа.)

Можно вполне согласиться с военным историком Д. Волкогоновым, который пишет, что «если ошибки в области внешнеполитической и оперативно-стратегической мы называем почти невинно «просчетами Сталина», то в области кадров его деяния были просто преступными». Известно, что в конце 1939 года Сталин затребовал справку о качественном анализе командного состава армии и флота. О чем он думал, вглядываясь в стройные колонки цифр, характеризующих масштабы грандиозной чистки кадров Красной Армии? Какие чувства обуревали его в этот момент, какие вызвали в нем воспоминания страницы этого документа, подготовленного Ворошиловым и его заместителем по кадрам Е.А. Щаденко? Ответить на данные вопросы уже никто не сможет. Однако по некоторым конкретным действиям Сталина можно судить о направленности его мыслей в конце 1939 года. Так он согласился с предложением об увеличении численности слушателей академий и создании новых военных училищ.

Генсек не привык бросать слова на ветер: уже в 1940 году было создано 42 новых училища и почти вдвое увеличилось количество слушателей военных академий. Дополнительно к этому функционировали многочисленные курсы по подготовке младших лейтенантов. Но даже и такие судорожные усилия, предпринимаемые руководством страны, не могли полностью восполнить некомплект командно-начальствующего состава в армии и на флоте накануне Великой Отечественной войны. Потери в старшем и высшем составе оказались настолько велики, что они немедленно сказались в первых же боевых столкновениях как на восточном (Хасан и Халхин-Гол), так и на западном (советско-финляндский конфликт) театрах военных действий.

Но мы забежали несколько вперед, хотя, справедливости ради, следует всегда помнить, что это звенья одной и той же цепи. Приведенные выше выкладки по Харьковскому военному округу впечатляют, но ведь таких округов в РККА было полтора десятка. В частности, не лучше обстояло дело в Киевском военном округе, с которым Харьковский до мая 1935 года составлял единое

целое в составе Украинского военного округа. Для иллюстрации сказанного приведем постановление Военного совета этого округа, датированное мартом 1938 года, по вопросу: «О состоянии кадров командного, начальствующего и политического состава округа»:

«В результате большой проведенной работы по очищению рядов РККА от враждебных элементов и выдвижения с низов беззаветно преданных делу партии Ленина-Сталина командиров, политработников, начальников — кадры командного, начальствующего и политсостава крепко сплочены вокруг нашей партии, вождя народов тов. Сталина и обеспечивают политическую крепость и успех в деле поднятия боевой мощи частей РККА...»

Далее в этом документе за подписью командующего войсками округа С.К. Тимошенко и члена Военного совета Н.С. Хрущева (по должности Первого секретаря ЦК КП(б)У) констатируется, что «в итоге беспощадного выкорчевывания троцкистско-бухаринских и буржуазно-националистических элементов» по состоянию на 25 марта 1938 года произведено следующее обновление руководящего состава округа^[92]:

	По штату
Командиров корпусов	9
Командиров дивизий	25
Командиров бригад	9
Командиров полков	135
Комендантов УРов	4
Начальников штабов корпусов	9
Начальников штабов дивизий	25
Начальников штабов УРов	4
Начальников штабов полков	135
Начальников отдела штабов округа	24

В советском военном строительстве кадры всегда были самым уязвимым местом. Огромный дефицит военных специалистов, образовавшийся в 1937 — 1938 годах, можно было ликвидировать не раньше чем через 5 — 7 лет и то ценой невероятных усилий. Известно, что к лету 1941 года около 75% командиров и 70% политработников находились в своих должностях менее одного года. Эта беда едва ли серьезно мучила Сталина и Ворошилова, но один факт все же налицо: в последние год-полтора до июня 1941 года они провели значительную работу по ликвидации или по крайней мере ослаблению голода Красной Армии в кадрах. Такой вывод напрашивается из анализа их деятельности, а также из речи И.В. Сталина на приеме 5 мая 1941

года в честь выпускников военных академий РККА. И никому из них не дано было знать, что до зловещих залпов, возвестивших начало самой кровопролитной в истории челове

Маршал Егоров

По замыслу руководства НКВД после расстрела Тухачевского обезглавленный, но якобы так и не разгромленный до конца и не выкорчеванный заговор в Красной Армии должен принять другой крупный военный деятель. Желательно из Маршалов Советского Союза, которых после июня 1937 года оставалось четверо: Ворошилов, Блюхер, Егоров и Буденный. При этом Ворошилов был не в счет, хотя другие наркомы в то же самое время шли под нож гильотины модели Сталина и Ежова один за другим, а то и сразу несколько. Более подробно о позиции наркома обороны в 1937 — 1938 годах мы расскажем в отдельной главе, заодно проанализировав его взаимоотношения со Сталиным и величину вклада в избиение кадров РККА.

Маршал Блюхер не подходил к роли руководителя центрального заговора хотя бы потому, что место его постоянного нахождения было в Хабаровске и в Москве он бывал только наездами — на съезды партии и Советов, заседания Реввоенсовета и совещания руководящего состава РККА. Оставались Семен Буденный и Александр Егоров. Относительно Буденного следует сказать, что, несмотря на личное расположение Сталина к нему и непомерно раздутую средствами массовой информации популярность как одного из крупных полководцев Гражданской войны и видного строителя Красной Армии в послевоенный период, он почему-то всегда рассматривался даже в ОГПУ-НКВД только в качестве пристяжного, но никак не самостоятельного лидера. Ну разве что в роли организатора ячеек заговора в руководимой им коннице РККА и донском казачестве, где его авторитет был относительно высок.

Кандидатура же Александра Ильича Егорова в качестве преемника Тухачевского по руководству военным заговором во многом устраивала наркома внутренних дел Ежова и его заместителя Фриновского, как начальника Главного управления государственной безопасности. А также Сталина, этого талантливого режиссера невиданной доселе в истории кровавой драмы. Здесь было к чему прицепиться: офицер старой армии; активный член партии эсеров; жена, обвиненная в шпионаже в пользу итальянской и польской разведок; показания на него со стороны арестованных военачальников, как на участника заговора.

И решение было принято. Вскоре после уничтожения группы Тухачевского от некоторых подследственных потребовали дополнительных показаний на Егорова, как на главного руководителя заговора в РККА. Впервые же его имя появилось в показаниях наркома финансов СССР Г.Ф. Гринько от 22 мая 1937 года и комбрига А.И. Сатина от 2 июля того же года. Затем пошли и другие показания — командармов Н.Д. Каширина, И.П. Белова, комкора Н.В. Куйбышева. Все шло к закономерному финалу — аресту, который и состоялся 27 марта 1938 года, хотя ордер на его арест за № 2686 датирован месяцем позже.

Аресту маршала предшествовали другие, не менее драматические события в его жизни: взятие под стражу и предъявление тяжчайших обвинений жене, освобождение от должности первого заместителя наркома обороны, исключение из состава кандидатов в члены ЦК ВКП(б). Подлили масла в огонь и хорошо ему известные Ефим Щаденко и Андрей Хрулев (первый — заместитель наркома по кадрам, а второй — главный финансист РККА). Они в декабре 1937 года написали на имя Ворошилова докладные записки (по сути, типичные доносы) о том, что Маршал Советского Союза Егоров в беседе с ними за ужином высказывал недовольство недооценкой его личности в

период Гражданской войны и незаслуженным, по его мнению, возвеличением роли Ворошилова и Сталина.

В другой обстановке подобный сигнал можно было бы оставить без внимания или же, наоборот, сделать его предметом широкой дискуссии в печати. В 1937 году такие варианты уже не проходили и сигналам Щаденко и Хрулева был дан ход по совершенно иному направлению — они стали темой критического обсуждения в высших инстанциях. В течение двух дней (21 — 22 января 1938 года) в ЦК ВКП(б) разбиралось дело Егорова. Вместе с ним заслушивались также Дыбенко с Буденным, которым, предъявлялись аналогичные обвинения. Все трое решительно отвергли клевету и ложь, содержащиеся в доносах Щаденко и Хрулева, а также в показаниях некоторых арестованных. Как проходило это разбирательство, можно узнать (с известной поправкой на условия, в которых находился тогда Егоров) из протокола его допроса от 11 мая 1938 года: «На разборе дела в ЦК 21 — 22 января я, Буденный и Дыбенко проводили крепко свою позицию и не сознались в своей антисоветской деятельности»[\[93\]](#).

25 января 1938 года Политбюро ЦК ВКП(б) и СНК СССР приняли по итогам обсуждения следующее постановление (протокол № 57):

«СНК СССР и ЦК ВКП(б) устанавливают, что

а) первый заместитель народного комиссара обороны СССР т. Егоров А.И. в период его работы на посту начальника штаба РККА работал крайне неудовлетворительно, работу Генерального штаба развалил, передоверив ее матерым шпионам польской, немецкой и итальянской разведок Левичеву и Меженинову. СНК СССР и ЦК ВКП(б) считают подозрительным, что т. Егоров не только не пытался контролировать Левичева и Меженинова, но безгранично им доверял, состоял с ними в дружеских отношениях;

б) т. Егоров, как это видно из показаний арестованных шпионов Белова, Гринько, Орлова и других, очевидно, кое-что знал о существующем, в армии заговоре, который возглавлялся шпионами Тухачевским, Гамарником и другими мерзавцами из бывших троцкистов, правых, эсеров, белых офицеров и т.п. Судя по этим материалам, т. Егоров пытался установить контакт с заговорщиками через Тухачевского, о чем говорит в своих показаниях шпион из эсеров Белов;

в) т. Егоров безосновательно, не довольствуясь своим положением в Красной Армии, кое-что зная о существующих в армии заговорщических группах, решил организовать и свою собственную антипартийного характера группу, в которую он вовлек т. Дыбенко и пытался вовлечь в нее т. Буденного.

На основании всего указанного СНК СССР и ЦК ВКП(б) постановляют:

1. Признать невозможным дальнейшее оставление т. Егорова А.И. на руководящей работе в Центральном аппарате Наркомата обороны ввиду того, что он не может пользоваться полным политическим доверием ЦК ВКП(б) и СНК СССР.
2. Освободить т. Егорова от работы заместителя наркома обороны.
3. Считать возможным в качестве последнего испытания представление т. Егорову работы командующего одного из неосновных военных округов. Предложить т. Ворошилову представить в ЦК ВКП(б) и СКК СССР свои предложения о работе т. Егорова.

4. Вопрос о возможности оставления т. Егорова в составе кандидатов в члены ЦК ВКП(б) поставить на обсуждение очередного Пленума ЦК ВКП(б).

5. Настоящее постановление разослать всем членам ЦК ВКП(б) и командующим военными округами.

Председатель СНК СССР Молотов

Секретарь ЦК Сталин»[\[94\]](#)

Аналогичное постановление в тот же день было принято и в отношении командарма 2-го ранга П.Е. Дыбенко, которого освободили от должности командующего войсками Ленинградского военного округа.

Буденный же, как скала, остался непоколебленным как в партийных и советских органах, так и на посту командующего войсками столичного округа. Только везением тут дело не объяснишь. Видимо, связи Буденного со Сталиным и Ворошиловым оказались более прочными, нежели у Егорова и Дыбенко с теми же лицами. Других же объяснений тут просто не видится, а может, их вовсе и не было.

Все пункты приведенного выше постановления были неукоснительно выполнены соответствующими органами. В ЦК ВКП(б) и СНК СССР согласились с предложением Ворошилова назначить маршала Егорова на должность командующего войсками Закавказского военного округа, в которой он пробыл совсем недолго. Повторялась в точности ситуация как в случае с Тухачевским: отрешение от должности заместителя наркома, назначение на пост командующего второразрядного округа, а затем... следовал арест. Правда, в должности командующего округом Егоров продержался намного дольше Тухачевского — около двух месяцев. Думается, что Александр Ильич хорошо понимал непрочность своего положения в обществе, армии и не исключал худшего варианта развития событий, о чем говорит содержание его писем к Сталину и Ворошилову — членам Политбюро ЦК ВКП(б), старым своим сослуживцам по Гражданской войне.

Егоров уехал в Тбилиси, в штаб округа, а на него в Москве продолжали поступать все новые и новые показания, в частности от арестованного комкора Н.В. Куйбышева, его предшественника на посту командующего войсками ЗакВО. В этот промежуток времени (февраль — март 1938 года) маршал Егоров прошел через очные ставки в НКВД СССР с ранее арестованными И.П. Беловым, Г.Ф. Гринько, И.К. Грязновым, Н.Д. Кашириным, А.И. Седакиным. Все они, за исключением Каширина, называли Егорова участником антисоветской организации. О показаниях Н.Д. Каширина на очной ставке с Егоровым 26 февраля 1938 года мы уже упоминали. Маршал решительно отрицал выдвинутые против него тягчайшие обвинения, как он это сделал 21 февраля на очной ставке с Гринько в присутствии Ворошилова. Очные ставки, объяснительные записки — так проходил день за днем, и времени на командование округом совсем не оставалось, ибо надо было отбиваться то от одной серии обвинений, то от другой.

О том, насколько тяжело переживал опальный маршал обвинения в свой адрес, свидетельствуют его письма, в том числе и к Ворошилову. Приведем выдержки, например, из письма наркому обороны от 28 февраля 1938 года, то есть написанного через два дня после очной ставки с Н.Д. Кашириным. И писал его маршал Егоров в последней надежде найти понимание, поддержку и помощь со стороны влиятельного члена Политбюро.

«Я представил Вам свои выводы по основным вопросам, которые были поставлены на очной ставке со мной врагами народа. Со всей глубиной моей ответственности за себя, за свои поступки и поведение я вновь и еще раз вновь докладываю, что моя политическая база, на основе которой я жил в течение последних 20 лет, живу сейчас и буду жить до конца моей жизни — это наша великая партия Ленина — Сталина, ее принципы, основы и генеральный курс.

За все эти 20 лет, проводя в жизнь все задачи партии и борясь за их осуществление, у меня не было ни одного облачка, которое вызывало бы какое-либо малейшее сомнение и тем более колебание в отношении правильности задач партии и критики руководства. Этого никогда не было и никто не посмеет говорить обратное. На тех же основах было и зиждилось мое отношение к задачам Красной Армии и отношение к руководству армии в Вашем лице. Я со всей решительностью это подчеркиваю и заявляю, как бы и что бы ни говорили по этому вопросу в отношении меня предатели и шпионы.

Я не безгрешен. Допускаю, что и я и мне говорили по отдельным моментам практической работы. Но со всей решительностью скажу, что я тотчас же перегрыз бы горло всякому, кто осмелился бы говорить и призывать к смене руководства. Моя политическая база оставалась и остается незыблемой. Мое политическое лицо не обрызгано ни одной каплей грязи и остается чистым, как оно было на протяжении всех 20 лет моего пребывания в рядах партии и Красной Армии. Исходя из этого сознания, тем более тяжело переживать всю ту обстановку, которая сложилась в отношении меня. Тяжесть переживаний еще более усугубилась, когда узнал об исключительной подлости и измене Родине со стороны бывшей моей жены, за что я несу величайшую моральную ответственность.

Дорогой Климент Ефремович! Я переживаю исключительно тяжелую моральную депрессию. Я знаю и сознаю, что показания врагов народа, несмотря на их вопиющую гнусность и клеветничество, надо тщательно проверить. Но я об одном не могу не сказать, а именно: конечно, партия должна получить исчерпывающие данные для окончательного решения моей судьбы. Решение будет являться следствием анализа показаний врагов против меня и анализом моей личности, в совокупности всех моих личных свойств.

Если бы я имел за собой, на своей совести и душе хоть одну йоту моей вины в отношении политической связи с бандой врагов и предателей партии, родины и народа, я не только уже теперь, а еще в первые минуты, когда партия устами вождя товарища Сталина объявила, что сознавшиеся не понесут наказания, да и без этого прямо и откровенно об этом заявил в первую голову товарищу Сталину и Вам. Но ведь нет самого факта для признания, нет вопросов моей политической вины перед партией и Родиной как их врага, изменника и предателя...

Дорогой Климент Ефремович!

Я подал записку Сталину с просьбой принять меня хоть на несколько минут в этот исключительный для моей жизни период. Ответа нет. Я хочу в личной беседе заявить ему, что все то светлое прошлое, наша совместная работа на фронте остается и впредь для меня самым дорогим моментом жизни и что это прошлое я никогда и никому не позволял чернить, а тем более не допускал и не могу допустить, чтобы я хоть в мыслях мог изменить этому прошлому и сделаться не только уже на деле, но и в помыслах врагом партии и народа. Прошу Вас, Климент Ефремович, посодействовать о приеме меня тов. Сталиным. Вся тяжесть моего переживания сразу же бы спала, как гора с плеч.

Я хочу, мне крайне необходимо моральное успокоение, какое всегда получаешь от беседы с тов. Сталиным.

Еще раз заявляю Вам как моему непосредственному начальнику, соратнику по боевым дням Гражданской войны и старому другу (как Вы выразились в своем приветствии по случаю моего пятидесятилетия), что моя политическая честность непоколебима как к партии, так к Родине и народу.

Уважающий Вас

Маршал Советского Союза

А.И. Егоров»[\[95\]](#)

Напомним, что очные ставки Егорову, находившемуся еще на свободе, делали с арестованными в разное время командармами Беловым, Кашириным, Седякиным, комкором Грязновым. Даже поверхностный анализ письма показывает, что почему-то всех их Егоров безоговорочно считает бандой предателей и шпионов, зная при этом сущность предъявленных к ним обвинений только лишь со слов руководителей НКВД. Все эти люди однозначно зачислены им во враги народа со всеми вытекающими отсюда последствиями. И невдомек ему, что и сам он вполне мог быть на их месте и давать подобные показания. Как не возникает и вопроса: а почему, собственно говоря, уже вынесен приговор («враги народа»), если следствие еще не закончено. Как видно из письма, не ставится Егоровым под сомнение и вопрос о законности ареста названных военачальников, которых он близко знал в течение двух десятилетий. Не видно и протеста против ареста своей собственной супруги, которую он поспешил назвать бывшей женой и шпионкой. Ничего подобного не просматривается в приведенном выше письме Егорова Ворошилову, а есть только леденящий душу страх перед неизвестностью, нависшей угрозой ареста, опасения за служебную карьеру и жизнь.

Не получив существенной поддержки и помощи со стороны своего наркома, Егоров вновь и вновь пытается добиться приема у Сталина. Так он направляет 2 марта 1938 года в его адрес очередное письмо, в котором отрицает все утверждения Гринько, Седякина, Белова и Грязнова о его вражеской деятельности, как сплошь клеветнические, и заявляет, что он чист перед народом, партией и Красной Армией. Это письмо по своему содержанию во многом перекликается с приведенным выше его посланием к Ворошилову. В нем, в частности, Егоров клятвенно заверяет: «Я заявляю ЦК ВКП(б), Политбюро, как высшей совести нашей партии, и Вам, тов. Сталин, как вождю, отцу и учителю, и клянусь своей жизнью, что если бы я имел хоть одну йоту вины в моем политическом соучастии с врагами народа, я бы не только теперь, а на первых днях раскрытия шайки преступников и изменников Родины пришел бы в Политбюро и к Вам лично, в первую голову, с повинной головой в своих преступлениях и признался бы во всем...»[\[96\]](#)

Промежуток времени между написанием процитированных писем был для Егорова наполнен тревожным ожиданием решения вопроса о его пребывании в составе ЦК ВКП(б). Несмотря на титанические усилия Егорова дезавуировать показания на него со стороны узников тюрем НКВД, на отчаянные попытки вернуть утраченное доверие Сталина, Ворошилова и других членов Политбюро, именно в это время (28 февраля — 2 марта 1938 г.) опросом членов и кандидатов ЦК ВКП(б) принимается постановление следующего содержания:

«О тов. Егорове.

Ввиду того, что, как показала очная ставка т. Егорова с арестованными заговорщиками Беловым, Грязновым, Гринько, Седякиным, т. Егоров оказался политически более запачканным, чем можно было бы думать до очной ставки, и, принимая во внимание, что жена его, урожденная Цешковская, с которой т. Егоров жил душа в душу, оказалась давнишней польской шпионкой, как это явствует из ее собственного показания, ЦК ВКП(б) признает необходимым исключить т. Егорова из состава кандидатов в члены ЦК ВКП(б).

Секретарь ЦК

И. Сталин»[\[97\]](#)

Странное впечатление вызывает чтение этого документа. Выходит, что определенный процент политической запачканности членов ЦК ВКП(б) все же допускался, а вот Егоров не удержался в рамках дозволенного и вышел за его пределы. Конечно, подобное толкование — явный абсурд, но оно невольно напрашивается. Как абсурдно и то, что ЦК ВКП(б) выражает неудовольствие по поводу мира и согласия в семье Егорова до момента ареста его жены, вменяя данный факт дополнительно ему в вину. Такое вот постановление получил Егоров в начале марта 1938 года. Что оно означало и что могло за ним последовать, он мог убедиться на десятках примеров других людей в истекшем году.

Таким образом, маршала фактически загнали в угол. И первым человеком, к кому обращается он в такой скорбный для него час, опять-таки был Ворошилов. С грифом «совершенно секретно» Егоров пишет 3 марта 1938 года очередное письмо-исповедь наркомку. Удивляет одно: почему все-таки он не изложил все наболевшее при личной встрече Ворошилову? Или к тому времени нарком уже перестал принимать его? Видимо, так оно и было на самом деле.

«Дорогой Климент Ефремович!

Только что получил решение об исключении из состава кандидатов в члены ЦК ВКП(б). Это тяжелейшее для меня политическое решение партии, признаю абсолютно и единственно правильным, ибо этого требует непоколебимость авторитета ЦК ВКП(б), как руководящего органа нашей великой партии. Это закон и непреложная основа. Я все это полностью осознаю своим разумом и пониманием партийного существа решения.

Вы простите меня, Климент Ефремович, что я надоедаю Вам своими письмами. Но Вы, я надеюсь, понимаете исключительную тяжесть моего переживания, складывающегося из двух, совершенно различных по своему существу, положений.

Во-первых, сложившаяся вокруг меня невообразимая и неопишуемая обстановка политического пачкания меня врагами народа и, во-вторых, убийственный факт вопиющего преступления перед родиной бывшей моей жены. Если второе, т. е. предательство бывшей жены, является неоспоримым фактом, то первое, то есть политическое пачкание меня врагами и предателями народа, является совершенно необъяснимым, и я вправе назвать его трагическим случаем моей жизни.

Чем объяснить эту сложившуюся вокруг меня чудовищную обстановку, когда для нее нет никакой политической базы и никогда не было такого случая, чтобы меня, или в моем присутствии, кто-либо призывал к выступлению против руководства партии, Советской власти и Красной Армии, т.е. вербовал как заговорщика, врага и предателя.

За все мои 20 лет работы никогда, нигде и ни от кого подобных призывов и предложений я не слышал. Заявляю, что всякий, кто осмелился бы предложить мне акт такого предательства, был бы немедленно мной передан в 'руки наших органов НКВД и об этом было бы мной в первую голову и прежде всего доложено Вам. Об этом отношении знал каждый из шайки врагов и предателей народа и никто из них не осмелился сделать мне ни одного раза и ни одного подобного предложения в продолжение всего моего 20-летнего периода работы.

Дорогой Климент Ефремович! Я провел в рядах нашей родной Красной Армии все 20 лет, начиная с первых дней ее зарождения еще на фронте в 1917 г. Я провел в ее рядах годы исключительной героической борьбы, где я не щадил ни сил, ни своей жизни, твердо вступив на путь Советской власти, после того, как порвал безвозвратно с прошлым моей жизни (офицерская среда, народническая идеология и абсолютно всякую связь, с кем бы то ни было, из несоветских элементов или организаций), порвал и сжег все мосты и мостики, и нет той силы, которая могла бы меня вернуть к этим старым и умершим для меня людям и их позициям. В этом я также абсолютно безгрешен и чист перед партией и Родиной. Свидетелем моей работы на фронтах и преданности Советской власти является Вы, Климент Ефремович, и я обращаюсь к вождю нашей партии, учителю моей политической юности в рядах нашей партии т. Сталину и смею верить, что и он не откажет засвидетельствовать эту мою преданность делу Советской власти. Пролитая мною кровь в рядах РККА в борьбе с врагами на полях сражений навеки спаяла меня с Октябрьской революцией и нашей великой партией. Неужели теперь, в дни побед и торжества социализма, я скатился в пропасть предательства и измены своей Родине и своему народу, измены тому делу, которому с момента признания мною Советской власти я отдал всего себя, мои силы, разум, совесть и жизнь. Нет, этого никогда не было и не будет...»[\[98\]](#)

Это второе письмо к Ворошилову фактически является продолжением первого (от 28 февраля), но только оно более драматичное по своему звучанию — маршал Егоров в полнейшей растерянности, если не страхе перед надвигающейся катастрофой, крахом своей некогда блестящей карьеры. Он мучительно ищет выхода из создавшегося положения и пытается ухватиться за ту единственную соломинку, которая у него еще оставалась, — за наркома Ворошилова. Но напрасны все надежды опального маршала — его адресат в качестве спасательного средства никак не подходил (вспомним хотя бы его записку в ответ на письмо обреченного на смерть Н.И. Бухарина). Ворошилов не захотел протянуть руку помощи Егорову — своему старому товарищу, с 1925 года верой и правдой служившему ему — наркомвоенмору и Председателю Реввоенсовета СССР. А раньше Егоров был далеко не безразличен наркому: ведь не кого-то другого, а именно его Ворошилов в 1931 году взял к себе начальником Штаба РККА, отдав ему предпочтение перед Тухачевским, Шапошниковым, Уборевичем, Беловым, Якиром, — другими, не менее достойными претендентами на этот самый высший штабной пост в Красной Армии.

Страх!.. Великий страх перед неизбежностью завтрашнего дня водил рукой Егорова, писавшего приведенные выше строки. Униженная, слезная просьба сохранить жизнь во что бы то ни стало, даже ценой оговора собственной жены. Маршал Егоров, сильный человек как по занимаемой должности и воинскому званию, так и по физической комплекции, покорно согнув спину и склонив голову смиренно соглашается со всеми организационными и репрессивными мерами, предпринятыми против него и его семьи. Загнанный обстоятельствами в угол, он мечется как раненый зверь в клетке, лихорадочно ища выход. И не находит ничего более надежного, по его мнению, как обратиться к чувству боевого товарищества, так хорошо развитого у него самого.

Егоров надеется, что найдет понимание у Сталина и Ворошилова, пробудив в них воспоминания о днях далекой фронтовой дружбы. Но напрасны были его потуги...

А ведь бывали в их взаимоотношениях и другие дни. Неизвестно, на сколь короткой ноге были в годы гражданской войны между собой Сталин и Егоров, нередко обедая за одним столом, работая и отдыхая в одном доме, но с Ворошиловым у него в 20-е и начале 30-х годов действительно сложились дружеские личные отношения. Они обращались друг к другу на «ты», несмотря на то, что один из них был наркомом, а другой — командующим войсками округа. Так что не столь беспочвенно было настойчивое желание Егорова пробудить в сердце наркома сочувствие к себе и подвигнуть его на оказание помощи.

Недавно в одном из изданий опубликовано письмо Егорова к Ворошилову, датированное серединой февраля 1931 года [99]. Оно является (по содержанию) поздравлением наркому в честь его пятидесятилетия, написанным в Германии (г. Штутгарт), где Егоров находился в служебной командировке в составе группы командиров РККА, изучавшей оперативно-тактические и другие вопросы в войсках рейхсвера. Конечно, полувековой юбилей — самое удобное место для хвалебных речей. Но уж очень подбροстрастен Егоров в данном послании — здесь он явно «пересластил». Хотя как знать!.. Видимо, он знал, что делал: Ворошилову (да и Сталину тоже) будет весьма приятно прочитать этот панегирик, эту сплошную славицу в их адрес. И неверно утверждают некоторые историки, заявляя, что махровым цветом культ личности расцвел только в середине 30-х годов. Нет, это не совсем так. Из данного письма Егорова хорошо видно, что уже в конце 20-х годов в высших эшелонах власти всю славили вождей — большого вождя и другого, рангом пониже и властью пожиже, что было своеобразной платой за чины и должности, членство в партийных и советских органах.

А посему неудивительно, что, славя в течение двадцати лет вождей партии, правительства и наркомата обороны, Егоров вправе был надеяться, когда наступил для него трудный час, на оказание ему помощи, на проявление «высочайшей милости», — другого исхода он себе не желал, хотя примеры Тухачевского, Гамарника, «гражданских» наркомов должны были, казалось бы, поколебать у него веру в «доброе царя».

В письмах-обращениях к Сталину и Ворошилову у маршала Егорова содержится один-единственный протест — против политического пачкания его имени арестованными военачальниками — Беловым, Грязновым, Седякиным, о чем ему стало известно из «компетентных источников». Однако этими людьми дело совсем не ограничивалось — его усиленно «пачкали» и лица, находившиеся на свободе. Например, мало кому известный тогда, кроме кавалерии, комбриг Г. Жуков, конечно же член партии, один из рьяных борцов за безупречную чистоту ее рядов.

Так вот этот самый Г. Жуков тоже приложил руку к политической компрометации маршала Егорова, руководствуясь при этом самыми низменными мотивами. Перед нами один из документов той эпохи — письмо члена ВКП(б) Жукова наркому обороны Ворошилову, написанное в конце января 1938 года, то есть еще до ареста маршала, но уже после освобождения его от должности первого заместителя наркома. Из факта его (письма) появления, а тем более из содержания отчетливо просматривается одна-единственная цель, чтобы высокое начальство заметило твое усердие в оплевывании очередного военачальника, которому «наверху» выражено политическое недоверие. Как говорится, не помешает лишний раз пнуть упавшего бывшего кумира, не опасаясь ответных мер с его стороны.

Как сейчас стало известно, доносы тогда писали многие. Как в центре, так и на местах. Писали люди, знавшие сослуживца в течение длительного времени, писали и те, кто только однажды где-то слышал его — на собрании, митинге или в частном разговоре. Вот эта последняя разновидность «сигнальщиков» и являлась самой опасной, ибо, не зная всех подробностей описываемого события и свойств личности того, на кого они «писали», но одержимые стремлением показать себя сверхбдительными, не знающими пощады к «врагам народа», они в выгодном для себя свете трактовали те или иные слова, поступки, действия.

Егоров в этом плане не являлся исключением — писали и на него доносы. Доказательством тому служит приводимый ниже документ, впервые опубликованный писателем Владимиром Карповым в журнальном варианте его книги «Маршал Жуков: Его соратники и противники в дни войны и мира». В последующих отдельных изданиях книги данного документа мы уже не найдем. Почему это произошло, будет сказано ниже. А пока приведем его полный текст:

«Народному Комиссару обороны Союза ССР

тов. Ворошилову

Вскрытие гнусной, предательской, подлой работы в рядах РККА обязывает всех нас проверить и вспомнить всю ту борьбу, которую мы, под руководством партии Ленина — Сталина провели в течение 20-ти лет. Проверить с тем, что все ли мы шли искренно честно в борьбе за дело партии Ленина — Сталина, как подобает партийному и непартийному большевику и нет ли среди нас примазавшихся попутчиков, которые шли и идут ради карьеристической, а может быть и другой, вредительно-шпионской цели.

Руководствуясь этими соображениями, я решил рассказать т. Тюленеву следующий факт, который на сегодняшний день, считаю, имеет политическое значение.

В 1917 году в ноябре м-це, на Съезде 1-й Армии в Штокмазгофе, где я был делегатом, я слышал выступление бывшего тогда правого эсера подполковника Егорова А.И., который в своем выступлении называл товарища Ленина авантюристом, посланцем немцев. В конечном счете речь его сводилась к тому, чтобы солдаты не верили Ленину, как борцу-революционеру, борющемуся за освобождение рабочего класса и крестьянства.

После его выступления выступал меньшевик, который, несмотря на вражду к большевикам, и он даже отмежевался от его выступления.

Дорогой товарищ Народный Комиссар, может быть поздно, но я, поговорив сегодня с товарищем Тюленевым, решил сообщить это Вам.

Член ВКП(б) (Г. Жуков)»[\[100\]](#)

Читателю ясно, что Владимир Карпов, включив, после определенных колебаний, в текст письмо-донос, тем не менее напрямую связывает его с главным героем своей книги, причем очень сожалел о самом факте наличия этого документа, сильно компрометирующего прославленного маршала. Искренний поклонник Жукова-полководца, Карпов, комментируя данное письмо, пытается как-то объяснить его происхождение. И он нашел, на его взгляд, единственно верное определение этому явлению, то есть доношительству — у Жукова сработал инстинкт самосохранения. Боязнь попасть под нож человеческой мясорубки образца 1937 — 1938 годов, опасность самому лишиться политического доверия толкали комбрига Жукова к поискам каких-то

новых форм проявления лояльности существующему режиму. И он не находит более удобного и убедительного пути ее показа, как письмо-донос, не считая, видимо, его особым криминалом.

Из содержания письма усматривается, что рассказ Жукова Тюленеву о выступлении А.И. Егорова на армейском съезде советов был инициирован каким-то важным изменением в судьбе и карьере маршала. В письме об этом напрямую не говорится, но, повторю, оно подспудно чувствуется, особенно зная морально-политическую обстановку в стране того периода. Теперь-то мы точно знаем сей конкретный повод — смещение маршала с высокого поста первого заместителя наркома обороны. К тому же надо добавить, что у автора письма проскальзывают нотки неуверенности в «порядочности» собеседника (Тюленева) — доложит он об этом «куда следует» или же нет. А раз так, то надо самому лишний раз подстраховаться. Вот и появился на свет приведенный выше донос, дополнительно пачкающий политическую репутацию Александра Ильича Егорова.

Не располагая точными данными о дате ареста маршала, Карпов утверждает, что к моменту написания Жуковым письма Егоров уже находился в тюрьме. Именно поэтому писатель, всячески стараясь показать своего героя в более привлекательном виде, делает такой безапелляционный вывод: «письмо Жукова уже не могло повредить Егорову». На самом деле все обстояло далеко не так — и Егоров находился на свободе, и лишняя ложка дегтя (донос Жукова) еще более портила служебную и партийную карьеру маршала, в чем мы могли убедиться, читая его обращения к наркому Ворошилову. Так что попытка Карпова обелить автора письма по данному эпизоду, представив его донос этакой совсем безвредной бумажкой, якобы затерявшейся в недрах канцелярии наркома и не принесшей ощутимого вреда Егорову, лишена всяких на то оснований.

Вообще, с данным документом и его публикацией в журнале «Знамя» получилась весьма примечательная история. Многие читатели не поверили в подлинность документа, очерняющего Г.К. Жукова. Первыми, и это естественно, забили тревогу его дети. Они обратились к главному редактору с письмом, в котором с возмущением отметили саму вероятность написания их отцом такого рода бумаги, даже из-за всесильного «инстинкта самосохранения». Основным же их аргументом в доказательстве того, что приведенный в произведении В. Карпова документ — это фальшивка, являлось, по их словам, явное несоответствие подписи на письме с подлинной росписью Г.К. Жукова, имеющейся у него в семье и на многих документах, хранящихся в различных архивах.

По свидетельству В. Карпова, опубликованный в журнале документ он получил в Институте военной истории Министерства обороны СССР. Получил в период руководства последним генерал-полковником Д.А. Волкогоновым. Туда и обратились, имея на руках письма Г.К. Жукова, относящиеся к тем же годам, возмущенные дочери маршала. С одной-единственной просьбой — оказать квалифицированную помощь в установлении истины. Однако там им однозначно ответили, что подлинность документа сомнений не вызывает. Тогда дети Жукова, будучи уверенными в своей правоте, добились проведения экспертизы во ВНИИ судебных экспертиз Министерства юстиции СССР.

В результате появилось заключение специалиста института Л.В. Макаровой от 17 ноября 1989 года, в котором, в частности, говорится: «...При оценке результатов сравнительного исследования было установлено, что отмеченные различающиеся признаки устойчивы, существенны и образуют совокупность, достаточную для вывода о выполнении данной подписи не самим Жуковым Г.К., а другим лицом.

Отмеченные выше внешнее сходство, совпадения отдельных общих и частных признаков на сделанный вывод не влияют и могут быть (вероятно) объяснены выполнением подписи с подражанием подлинным подписям Жукова...»

Итак, документ, приведенный В. Карповым, дочери Г.К. Жукова однозначно называют фальшивкой, не веря тому, что их отец мог написать подобное. Графолог Л.В. Макарова утверждает, что подпись под ним сделана не Г.К. Жуковым, а другим, неизвестным ей лицом, причем с подражанием подлинной подписи будущего маршала. То есть существовал некий человек, который написал от его имени письмо-донос на А.И. Егорова, подделав, правда не весьма умело, подпись Жукова. Одним словом, сотворил ту же фальшивку. Именно такой вывод напрашивается при изучении текста заключения, выданного семье Г.К. Жукова во Всесоюзном НИИ судебных экспертиз. С данным выводом в конце 1989 года, по существу, согласился и сам писатель Карпов.

В своем письме в редакцию журнала «Знамя» он выразил надежду, что «правоохранительные органы расследуют и установят, кто хотел скомпрометировать маршала Жукова этим письмом».

Но наступают другие времена, полным ходом идет демократизация общества, расширение гласности во всех его сферах. И как побочный негативный момент этого процесса — как раз в это время в печати и средствах массовой информации развертывается оголтелая кампания по очернению Вооруженных сил и советского периода истории страны. В таких условиях кое-кому было даже выгодно представить известных всему миру полководцев в роли презренных «стукачей». Одним словом, дальнейшим расследованием истории появления вышеупомянутого документа, написанного (или подписанного) Г. Жуковым, никто уже не занимался. Тем более правоохранительные органы. А Владимир Карпов, учитывая все изложенное выше, считал необходимым убрать означенный документ из всех последующих изданий книги.

Но весь парадокс ситуации заключается в том, что приведенное в произведении В. Карпова письмо с оговором маршала А.И. Егорова — не фальшивка. Оно самое что ни на есть подлинное, в том числе и в отношении подписи Г. Жукова. Но... этот документ не имеет абсолютно никакого отношения к личности Георгия Константиновича Жукова, четырежды Героя и Маршала Советского Союза. Повторяем, абсолютно никакого отношения!.. И подписи его под ним никто не подделывал! И не собирался этого делать! Как говорится — Федот, да не тот!..

Расследование, проведенное автором этих строк, показывает, что весь сыр-бор разгорелся из-за того, что в описываемые годы в числе высшего командно-начальствующего состава кавалерии Красной Армии находилось два человека с одинаковой фамилией, причем имя (Георгий) у них тоже совпадало. Так же, как и воинское звание «комбриг» (в феврале 1938 г. им одним приказом — №0170 — будет присвоено очередное звание «комдив»). К моменту появления доноса один из них (Георгий Константинович) исполнял обязанности командира 6-го казачьего корпуса, другой (Георгий Васильевич) — начальника отдела ремонта конского состава РККА. Он и является настоящим автором злополучного письма.

Специалистом Г.В. Жуков был опытным — еще в 20-х годах он возглавлял 9-ю и 12-ю кавдивизии, Борисоглебско-Ленинградскую кавалерийскую школу. Что же касается сущности доноса и встреч автора письма с А.И. Егоровым в ноябре 1917 года, то из автобиографии, собственноручно написанной генерал-лейтенантом Г.В. Жуковым, известно, что в указанное время он был выборным командиром 4-го драгунского полка, а затем 4-й кавалерийской дивизии, от которой и был избран делегатом на съезд 1-й армии. Другой Жуков (Георгий Константинович) осенью 1917

года; как следует из его воспоминаний, служил на юге России и поэтому никак не мог быть на съезде 1-й армии, входившей в состав Северного фронта. Сравнение же подписи под письмом, воспроизведенным в труде В. Карпова, с образцами подписей Г.В. Жукова на документах его личного дела свидетельствует об их полной идентичности. Налицо здесь все устойчивые признаки, образующие совокупность, достаточную для вывода о выполнении подписи под письмом не кем иным, как Г.В. Жуковым.

Определение настоящего, а не мнимого, автора письма помогает расставить по своим местам и все то, что касается личности упоминаемого там Тюленева. Действительно, ведь может возникнуть и такой вопрос: а почему, собственно говоря, Г. Жуков в таком сугубо деликатном деле, как донос на бывшего сослуживца, тем более на высокого начальника, сначала рассказывает Тюленеву о его сути, а затем, спустя некоторое время, идет советоваться с ним по этому же поводу? И только окончательно утвердившись, после второй беседы с ним, в политической значимости рассматриваемого факта и, видимо, получив одобрение своего замысла (это чувствуется по тону документа), Жуков сел за письмо наркому обороны.

Ответ здесь прост — комдив И.В. Тюленев в то время являлся непосредственным начальником Г.В. Жукова, исполняя с 1936 года обязанности заместителя инспектора кавалерии РККА. «Шефом» же кавалерии, как известно, долгие годы был Семен Михайлович Буденный. После назначения последнего командующим войсками столичного округа летом 1937 года Иван Владимирович Тюленев временно (до конца февраля 1938 года) исполнял его должность. Именно поэтому и обратился к нему за советом Г.В. Жуков, притом дважды за короткий период времени.

К чести В. Карпова необходимо отметить, что, предварив свою книгу обещанием честно писать портрет Г.К. Жукова и ничего не скрывать при этом — ни минора, ни мажора, он по ходу повествования старается держать слово, данное читателю. Чего не скажешь о Дмитрие Волкогонове, который в «Триумфе и трагедии» тоже привел указанное выше заявление Г. Жукова. Однако при этом, зная, кто его написал, он тем не менее не называет имени автора доноса, спрятав его за безликими терминами типа «бывший сослуживец Егорова», «однополчанин маршала» и т.п., которого якобы вынудили написать такой документ. Кто конкретно вынудил, по какому поводу это произошло и вообще кто этот таинственный сослуживец Егорова, знавший многие детали политической биографии маршала — ответа на такие вопросы мы не найдем в книге Д. Волкогонова. Одно очевидно — развенчивая Сталина и показывая его большей частью только в негативном плане, бывший главный идеолог Советских Вооруженных Сил не рискнул бросить тень на политическую репутацию одного из самых именитых военачальников Советской Армии.

Если Г.В. Жуков, политически «пачкая» Егорова, обратился к событиям осени 1917 года, то другой, не менее ретивый «сигнальщик» — комбриг Я.М. Жигур из Академии Генерального штаба, — в своем письме на имя Сталина просил проверить деятельность маршала на посту начальника Генерального штаба РККА, как вызывающую сомнения:

«В ЦК ВКП(б) тов. Сталину

Целый ряд важнейших вопросов организации РККА и оперативно-стратегического использования наших вооруженных сил, по моему убеждению, решен ошибочно, а возможно, и вредительски. Это в первый период войны может повлечь за собой крупные неудачи и многочисленные лишние жертвы.

Я прошу, тов. Сталин:

Проверить деятельность маршала Егорова в бытность его начальником Генерального штаба РККА, т.к. он фактически несет ответственность за ошибки, допущенные в области подготовки оперативно-стратегического использования наших вооруженных сил и их организационной структуры.

Я политического прошлого и настоящего тов. Егорова не знаю, но его практическая деятельность как начальника Генерального штаба вызывает сомнения.

9 ноября 1937 года.

Член ВКП(б) с 1912 года. Я. Жигур»[\[101\]](#)

Заметим, что если одного доносчика (Жукова) известные события 1937 — 1938 годов задели лишь рикошетом и он не только остался жив, но и значительно преуспел по службе, то в отношении другого (Жигура) такого никак не скажешь. Не спасли его ни процитированное выше письмо Сталину, ни многочисленные обращения из тюремной камеры к наркому Ворошилову: он разделил судьбу человека, на которого усердно доносил, то есть судьбу маршала Егорова.

Запущенный механизм травли А.И. Егорова все более набирал обороты, чтобы в один из дней перевести его в совершенно иное качество в положение арестованного и находящегося под следствием. И такой день наступил 27 марта 1938 года. Началась новая, доселе ему абсолютно неизвестная, полоса его жизни. Обратимся к материалам архивно-следственного дела по обвинению А.И. Егорова. Оно состоит из четырех томов. Первый том открывается ордером № 2686 на арест маршала и производство обыска у него, датированным апрелем 1938 года, но без указания конкретного числа. Затем последовательно идут заявление арестованного маршала за 28 марта 1938 года на имя Ежова, протоколы его допросов (обобщенные) от 28 марта — 5 апреля 1938 года (на 111 стр.) и 11 мая того же года (на 58 стр. машинописного текста), затем еще одно заявление на имя наркома внутренних дел от 25 апреля 1938 года, собственноручные показания Егорова от 31 июля 1938 года и копии показаний арестованных комбрига А.И. Сатина, комкора Н.В. Куйбышева, командарма 1-го ранга И.П. Белова и Г.Ф. Гринько — наркома финансов СССР. А также обвинительное заключение, составленное 10 февраля 1939 года, протокол судебного заседания Военной коллегии от 22 февраля 1939 года по делу А.И. Егорова. Наконец, приговор суда, как последний гвоздь в крышку гроба. Есть там и небольшая по формату и содержанию справка о приведении приговора в исполнение 23 февраля 1939 года.

Во втором томе находятся копии протоколов допроса Егорова и очных ставок его с А.И. Седякиным, Г.Ф. Гринько, а также копии показаний о Егорове арестованных М.К. Левандовского, С.П. Урицкого, И.К. Грязнова, П.Е. Дыбенко, Г.А. Егоровой-Цешковской (его жены), Чиковани, Лежава. Третий том содержит собственноручные показания Егорова и их копии. То же самое и в четвертом томе.

Примечательно, что ознакомление с этим делом даже не специалиста в вопросах судопроизводства выявляет массу небрежностей в его оформлении, а значит — грубых нарушений законности. Об отсутствии даты на ордере мы упоминали. Санкция же на арест Егорова была дана заместителем Прокурора СССР Г. Рогинским 10 февраля 1939 года, в один день с составлением обвинительного заключения по его делу и почти через год после ареста. Далее, постановление об избрании меры пресечения вынесено 23 июля 1938 года, а обвинение предъявлено Егорову 27 июля того же года.

Даже из тщательно отредактированного обобщенного протокола первой серии допросов А.И. Егорова за период с 28 марта по 5 апреля 1938 года видно, что он вначале, как и на предыдущих очных ставках, пытался сопротивляться, отрицая свою причастность к антисоветскому заговору. Но тогда, прибывая в указанное место — будь то здание ЦК ВКП(б) или НКВД — он был только свидетелем и выходил оттуда снова на свободу. Свободу, конечно, относительную, но все же личную свободу он имел. Теперь же, после ареста, положение резко изменилось и первая попытка Егорова оказать сопротивление следствию была встречена крайне отрицательно. После непродолжительного, но незабываемого пребывания в руках «специалистов» Егоров принимает решение отказаться от сопротивления и под диктовку следователя старшего лейтенанта В.М. Казакевича и помощника начальника Особого отдела ГУГБ НКВД СССР майора М.С. Ямницкого пишет заявление на имя Ежова, в котором указывает, что «...дважды совершил преступление, не сознавшись чистосердечно в ЦК, ни во время очных ставок в НКВД. Сейчас я решил прекратить запирательство и чистосердечно рассказать о своей антисоветской работе»[102](#).

Общие разговоры Егорова об антисоветской деятельности следователям были совершенно не нужны. Им требовалось, чтобы показания давал один из руководителей заговора в РККА. И они заполучили, а точнее сделали его, этого главного заговорщика. Читая ответы Егорова на вопросы Ямницкого и Казакевича, зафиксированные в протоколе допроса от 28 марта — 5 апреля 1938 года, находим важное для обеих сторон признание: «Я, Егоров, вместе с Дыбенко и Буденным возглавлял руководство антисоветской организации правых в Красной Армии, имевшей своих участников в военных округах. Эта наша антисоветская организация была на особо законспирированном положении...»[103](#)

Итак, арестованный маршал Егоров стал давать показания, нужные следствию, а стало быть, он принял условия игры, предложенные ведомством Ежова. Какие именно проблемы интересовали чекистов, мы узнаем из постановочных вопросов следователей в ходе допросов. Из ответов на них Егорова вытекает вывод, что именно они и есть то самое главное, ради чего и устраивались допросы. Ведь эти ответы следователи сами и подсказывали своему подопечному, вписывая их затем в текст протоколов, являвшихся от начала до конца плодом их творчества. Как уже не раз отмечалось, важнейшим источником для их составления (и не только в случае с Егоровым) являлись собственноручные показания подследственного, в обиходе жителей ГУЛАГа гораздо чаще именуемые «романами». Известно и то, что в этих «романах», писавшихся иногда в течение нескольких дней и даже недель, арестованные фактически давали развернутые ответы на вопросы, заранее поставленные им следствием.

Писал «романы» и Егоров. А что ему еще оставалось делать — ведь он был для следователей уже не маршал и не заслуженный человек страны, а всего-навсего один из заключенных, коих в НКВД пребывало великое множество. Не лучше и не хуже других. Впрочем, несколько лучше, о чем будет сказано ниже. И Егоров так же, как и сурово осуждаемые им совсем недавно на очных ставках Белов, Грязное, Седякин, стал давать показания на своих вчерашних и не совсем вчерашних сослуживцев. Одними из первых в деле Егорова идут его собственноручные показания от 31 марта 1938 года. Учитывая их большой объем и наличие обширного фактического обличительного материала, следует считать, что писать их маршал начал еще 28 марта, после признания им своей вины. В этом документе Егоров называет 60 известных ему заговорщиков из числа командно-начальствующего состава РККА, частью арестованных органами НКВД, а частью еще находящихся на свободе. В числе последних он показал на Маршала Советского Союза С.М. Буденного, командарма 1-го ранга Б.М. Шапошникова, комкора С.А. Зотова, комдива И.В. Тюленева.

Дальше — больше. По мере хода следствия у руководства НКВД появляется необходимость в компрометации все новых лиц из числа лиц высшего комначсостава РККА. Такая задача возлагалась, в частности, и на Егорова. Так было в середине 1938 года в отношении командарма 1-го ранга И.Ф. Федько, сменившего Егорова на посту первого заместителя наркома обороны. Так будет чуть позже и в отношении маршала Блюхера. Например, в собственноручных показаниях от 31 июля 1938 года Егоров показывает о том, что в военном заговоре участвуют все командующие войсками округов, кроме Блюхера (ОКДВА), что Тухачевский, давая оценку Федько, называл его своим верным учеником и ближайшим помощником. Из сказанного видно, что время Василия Блюхера еще не наступило, в то время как час Ивана Федько уже пробил (он был арестован в начале июля 1938 г.).

Заставили Егорова заниматься и «гробокопательством», то есть показывать на людей, к тому времени уже скончавшихся. Например, на бывшего Главкома Сергея Сергеевича Каменева, умершего в 1936 году и занимавшего перед смертью пост начальника Управления ПВО Красной Армии. А также на П.П. Лебедева, генерала старой армии, бывшего в годы Гражданской войны начальником Полевого штаба РВС Республики, а после нее (1921 — 1924) — начальником Штаба РККА, умершего в начале 30-х годов. Оба эти лица числились в НКВД руководителями так называемой офицерской монархической организации, куда не преминули включить и Егорова. Еще в 1919 году по заданию Троцкого, Каменева и Лебедева он якобы пытался сорвать выполнение плана Стадина по разгрому Деникина на Южном фронте. Удивительно то, что вся эта галиматья нашла свое отражение в обвинительном заключении и в строках смертного приговора.

Обвинялся Егоров и в том, что в 1920 году, будучи командующим Юго-Западным фронтом, подготавливал террористический акт в отношении своего члена Военного совета И.В. Сталина, а в 1928 году, установив антисоветские связи с А.И. Рыковым и А.С. Бубновым (первый в то время был председателем СНК СССР, а второй — начальником Политуправления РККА), по их заданию создал в Красной Армии террористическую организацию правых. Затем в 1934 году, по указанию того же Рыкова, он якобы стал сотрудничать с польской разведкой, а еще ранее, в 1931 году, будучи в командировке в Германии, установил тайную связь с германским генеральным штабом. В приговоре записано, что Егоров, опять таки выполняя установки Рыкова, поддерживал постоянные контакты с группами Тухачевского и Гамарника^[104].

В тюрьме Егоров смиряется со своей участью и дает подробные показания по самым различным проблемам, интересующим следствие. Дает их без видимого внутреннего сопротивления, внешне же оно начисто отсутствует — такое по крайней мере создается впечатление при изучении его архивно-следственного дела. Там нет его отказов от ранее данных им показаний, как это встречается в делах других арестованных военачальников. Вместе с тем в материалах дела имеются такие подробности взаимоотношений между людьми высшего эшелона РККА, которые не мог, даже при большом желании, сочинить и занести в протокол допроса ни один следователь из НКВД — их мог знать и сообщить только маршал Егоров, причем сообщить добровольно, ибо никто его за язык по данному вопросу не тянул. В первую очередь это касалось взаимоотношений Ворошилова с его ближайшим окружением (Буденным, Егоровым, Тухачевским).

Такая словоохотливость и предельная откровенность Егорова перед следователями должна, безусловно, иметь какое-то объяснение. И мы находим его в протоколе допроса полковника запаса В.М. Казакевича, бывшего следователя по делу А.И. Егорова. Вызванный в Главную военную прокуратуру в качестве свидетеля, он 29 марта 1955 года дал показания подполковнику юстиции Шаповалову:

«Вопрос: Дело Егорова А.И. находилось у Вас в производстве?»

Ответ: С момента ареста Егорова следствие по его делу вели начальник Особого отдела ГУГБ Николаев-Журид и его помощник Ямницкий. После ареста Егорова я по поручению Ямницкого присутствовал при составлении Егоровым его собственноручных объяснений по делу, докладывал эти объяснения Егорову Ямницкому, отдавал печатать эти объяснения. В отдельных случаях, когда Ямницкого не удовлетворяли почему-то собственноручные показания Егорова, он или сам выезжал в тюрьму для уточнения, или поручал это сделать мне. И тогда Егоров дополнял свои показания.

Должен показать, что с самого начала расследования по делу Егорова с ним имели специальные беседы лично Ежов и начальник Особого отдела ГУГБ НКВД Николаев. Я полагаю, что при этих беседах Егорову были даны указанными лицами какие-то гарантии о сохранении его жизни. Однажды я присутствовал при разговоре Николаева с Егоровым в Лефортовской тюрьме, когда Егоров спросил у Николаева, знавшего его лично с Гражданской войны и по день ареста, о своей судьбе. Николаев ответил на это следующей фразой: «С Вами же говорил Николай Иванович. Неужели Вам этого недостаточно?»

На это Егоров с удовлетворением заявил, что ему ясно. К Егорову физических мер принуждения не применялось, этого не требовалось в связи с его поведением по делу. Он сам писал обширные собственноручные показания и охотно излагал в них данные о заговорщической деятельности и лицах, причастных к заговору. При дополнительных вопросах к Егорову со стороны Николаева или Ямницкого о каких-либо других лицах или обстоятельствах заговора, о которых до этого Егоров не давал сам показаний, он охотно давал показания и по этим вопросам, изобличая их. От своих показаний Егоров никогда не отказывался. Впоследствии, анализируя поведение Егорова в процессе следствия по его делу, я усомнился в том, что они полностью правдивы. В 1939 году, после ареста Ежова, при докладе Кобулову (заместителю наркома внутренних дел СССР. — Н.Ч.) по следственным делам Особого отдела НКВД СССР, я сказал ему, что Егоров вызывался Ежовым и затем он слишком свободно писал обширные показания по заговору. Я доложил также Кобулову, что, возможно, Ежов что-то обещал Егорову, что сказало на его дальнейшем поведении. На это Кобулов заявил мне, что врагов нужно обманывать, если этим можно добиться правды. Спустя несколько дней после этого я узнал от Бочкова (нового начальника Особого отдела ГУГБ НКВД СССР, старшего майора госбезопасности. — Н. Ч.), что Берия и Кобулов вызывали к себе Егорова и имели с ним продолжительную беседу, однако содержание этой беседы мне неизвестно. Вскоре я получил указание об окончании дела Егорова и направлении его в Военную коллегия Верховного суда СССР. При окончании следствия Егоров продолжал подтверждать все свои показания. Егоров содержался в Лефортовской и внутренней тюрьмах в отдельной камере, получал дополнительное питание и книги для чтения. На протяжении всего следствия Егоров вел себя спокойно, жалоб с его стороны не было...»[105](#)

В НКВД стало правилом, что подследственные из числа политических, по существу, сами на себя писали обвинительное заключение по делу, сочиня многостраничные собственноручные показания. Если бы собрать и издать эти «произведения», то они читались бы с не меньшим интересом, нежели романы Агаты Кристи или Юлиана Семенова. Каких только нет там сюжетов и коллизий! От топорно-глупых планов подготовки и совершения террористических актов против руководителей партии и правительства, вариантов их ареста до конкретных цифр так называемого вредительства, саботажа, диверсий как в центре, так и на местах. Имея в своем распоряжении

такие цифры и факты, следователям не составляло большого труда подготовить «липовый» протокол допроса за любое число месяца.

Егоров усердно подыгрывал следствию: чтобы подвести базу под свою якобы антисоветскую деятельность, он, показывая о связях с эсерами, заявил, что убежденным коммунистом он никогда не был и на этой основе спланировал вокруг себя всех недовольных порядками в стране, партии и РККА, возглавив организацию правых в армии. По его словам, в противовес этой организации в Красной Армии существовала группа Тухачевского, которого Егоров считал основным своим противником в борьбе за пост наркома обороны. Показал он также о своих связях с лидерами правых Рыковым и Бубновым, самих правых — с Ягодой, а того — с немцами, о подготовке переворота в Кремле и аресте советского правительства и т.п. В целом ряде его показаний чаще всего упоминаются как заговорщики следующие военачальники: С.М. Буденный, П.Е. Дыбенко, С.Е. Грибов, Н.Д. Каширин, М.К. Левандовский, И.В. Тюленев.

Особо в негативном свете предстает в описании Егорова инспектор кавалерии РККА маршал Буденный, с которым до ареста он дружил в течение многих лет. Вопреки расхожему мнению о крепкой боевой спайке Буденного с Ворошиловым, Егоров рисует совершенно иную картину, показывая главного кавалериста РККА крайне озлобленным против наркома. В первом протоколе допроса Егорова такое противостояние выглядит прямо как детективный сюжет: «...Накануне назначения Ворошилова (на пост наркомвоенмора и Председателя Реввоенсовета СССР в 1925 г. — Н.Ч.) я беседовал с Буденным, который так же, как и я, был резко враждебно настроен к Ворошилову (неужели сам хотел на эту должность? — Н. Ч.), считая его назначение неправильным, а мое удаление из РККА — ударом по нему лично... Было какое-то озлобление у Буденного в отношении Ворошилова. Дело дошло до такого положения, когда Буденный прямо сказал, что не допустит, чтобы Ворошилов был наркомом и что он готов, скорее, его убить, чем согласиться с этим назначением...»[{106}](#)

Удаление А.И. Егорова из армии, о котором он упоминает, — это исполнение им в 1925 — 1926 годах обязанностей военного атташе в Китае. Поэтому фразу, которую в данном контексте употребил Егоров, следует понимать только как назначение его на работу, не связанную с обучением и воспитанием войск Красной Армии.

Палачам из НКВД во веки веков нет прощения еще и потому, что они планомерно разрушали самое ценное на земле — человеческую личность, заставляя людей безбожно лгать, раздваиваться, поливать грязью клеветы вчерашних друзей, сослуживцев и даже членов своей семьи. В начале главы мы приводили фрагменты из писем Егорова к Ворошилову, где он клянется наркому в вечной своей дружбе и глубоком уважении. Только что процитированный отрывок из его показаний в тюрьме лишний раз подчеркивает глубину той пропасти, в которой не по доброй воле оказался вчерашний начальник Генерального штаба РККА и первый заместитель наркома обороны. Для более убедительного сравнения обратимся к тем страницам показаний Егорова, где речь идет о его жене, обвиненной в шпионаже и от которой он поспешил отказаться: «...В то же время в плане популяризации нас как государственных деятелей я, Бубнов, Буденный стремились участвовать во всех банкетах. Мы стремились бывать там, где присутствовали военные атташе, послы и т.д. Жены наши — моя, Бубнова и Буденного — были душой этих банкетов, и таким образом мы завязывали личные связи с иностранными кругами»[{107}](#).

Напрасно поверил Егоров обещаниям Ежова и Берия о сохранении ему жизни в случае «чистосердечного» признания им своей вины — обманули его эти подлецы самым бессовестным образом. А он, несчастный, продолжал верить их слову до самого последнего момента, верить

обещаниям этих матерых садистов и мастеров чудовищных провокаций. И даже в судебном заседании Военной коллегии 22 февраля 1939 года, подтверждая данные им на предварительном следствии показания и полностью признавая себя виновным в несовершенных им преступлениях, Егоров все еще ждал, что в самый последний момент сработает команда на смягчение приговора и данные ему гарантии будут реализованы. Не оставляла его эта надежда и тогда, когда он произносил свое последнее слово в суде. В нем Егоров заявил, что совершил самые тяжчайшие преступления, однако за время тюремного заключения он полностью перевернул свой внутренний мир. А поэтому надеется, что суд будет милостив и найдет возможность сохранить ему жизнь, а уж он будет изо всех сил стараться оправдать это доверие. Но суд в составе членов Военной коллегии Ульриха, Дмитриева и Климина никаких дополнительных указаний сверху, видимо, в отношении дела Егорова не получал, и тот пошел, как и большинство арестованных военачальников, по 1-й категории, обвиненный по статье 58, пункты 1 «б», 8 и 11 УК РСФСР^[108].

Как помнится, накануне ареста Егоров ждал помощи со стороны своего непосредственного начальника — наркома обороны СССР К.Е. Ворошилова. А также от И.В. Сталина, к которому он так хотел попасть на прием — ведь не мог же генсек окончательно и бесповоротно вычеркнуть из памяти все то, что их сближало и объединяло в течение почти года совместной работы и службы в 1919 — 1920 годах на Южном и Юго-Западном фронтах. Из документов дела не усматривается факт личного приема Егорова Сталиным. Видимо, он так и не состоялся — вождь не любил встречаться с опальными деятелями, особенно с теми, к кому когда-то питал теплые чувства. И все-таки последнюю услугу при жизни Егорова Сталин ему оказал, хотя тот об этом никогда так и не узнал: Речь идет о том, что Егорова могли судить уже летом 1938 года, благо обвинительного материала вполне хватало. Мы уже упоминали о том, как Сталин вычеркнул фамилию Егорова из списка командиров Красной Армии и руководителей оборонной промышленности, представленного ему Ежовым в июле 1938 года для получения санкции на 1-ю категорию наказания. Это и была та последняя услуга Сталина Егорову, если хотите, то была его своеобразная плата за дни и месяцы фронтовой дружбы с Александром Ильичом. Прошло всего полгода, и в феврале 1939 года личность Егорова для Сталина уже ничего не значила. Вряд ли он интересовался, где находится арестованный маршал и что с ним происходит.

Александр Ильич Егоров посмертно реабилитирован в марте 1956 года.

Нарком Военно-Морского Флота

Выстрел Гамарника прозвучал 31 мая — и должность начальника Политуправления РККА стала вакантной. Реально на нее претендовать могли прежде всего армейский комиссар 2-го ранга Гайк Осемян — действующий заместитель Яна Борисовича и бывший совсем недавно в оном качестве армейский комиссар 2-го ранга Антон Булин, полтора месяца назад принявший от Фельдмана Управление по начальствующему составу РККА. Однако кандидатура Осепяна сразу отпадала, так как в день, когда прозвучал роковой для Гамарника выстрел, он был арестован и препровожден во внутреннюю тюрьму НКВД. Конечно, назначить на нее могли и любого из начальников политуправлений или членов Военного совета округов, а также начальника отдела ПУРККА, особенно 1-го или 2-го (соответственно организационного и пропагандистского). В список претендентов мог входить и ответственный секретарь партийной комиссии при этом полномочном политическом органе, работавшем на правах отдела ЦК ВКП(б). И даже старший инспектор 1-го отдела ПУРККА — ведь в середине 1937 года ничего необычного уже не было в том, что «звезда» отдельных партийных функционеров начинала стремительно восходить на

московском (и не только на московском!) небосклоне, чтобы затем, как правило, так же неудержимо быстро закатиться.

Поэтому ничего из ряда вон необычного не замечаешь, читая один из фрагментов воспоминаний Ильи Дубинского «Особый счет». Будучи вызванным из Киева в Москву по поводу увольнения его из рядов РККА, командир отдельной танковой бригады полковник Дубинский пытается заручиться поддержкой со стороны старшего инспектора ПУРККА бригадного комиссара А.М. Круглова-Ланда.

«...Он в курсе всех событий. Кому, как не старшему инспектору ПУРа, знать досконально ситуацию. Он мне многое разъяснит, многое подскажет.

— Еду к тебе, — сказал я ему по телефону.

— Это невозможно, — услышал я сухой ответ. — Приходите в ПУР.

На Арбате мне выдали пропуск, но кабинет Круглова был пуст. Я обратился к секретарю. Он мне указал пальцем на дверь. На ней висела дощечка: «Начальник ПУРа РККА». Меня это удивило...

Теперь за заветной дверью сидел Круглое — мой приятель, товарищ, закадычный друг. Но почему он по телефону сказал «вам», а не «тебе»?

Новый начальник ПУРа встретил меня стоя. Вызвал секретаря. Усадил его за стол... Посмотрел на меня сухим, жестким взглядом.

— Я вас слушаю!

— Мне кажется, придется пожалеть, что я напросился на это свидание, — сказал я, ошарашенный таким приемом бывшего -друга.

-Дело ваше. Говорите!

Секретарь, записывая разговор, наклонился над бумагой.

— Меня вызвали к Булину. Неизвестно ли вам, зачем?

— Знаю, что вас должны были вызвать. Приказ № 82 знаете?

— Читал!

— Ну и что? Как вы думаете поступать? Товарищ Сталин и нарком обещают не только простить, но и оставить в армии честно раскаявшихся заговорщиков. С чем вы пришли?

— Мне идти не с чем! Я не заговорщик! И в этом отношении мне не в чем раскаиваться.

— А в каком есть?

— В том, что служил под командой Якира. Очевидно, поскольку я не обыватель, понимаю — это может вызвать какие-то законные сомнения во мне и предполагать какую-то меру возмездия.

— Не в этом суть. Суть в том, завербовали ли и вас Якир и Шмидт в контрреволюционный заговор?..

... Нас связывала большая дружба. А теперь между нами провал. Я на грани падения, а Круглое вознесен. Я — опальный полковник, он — начальник ПУРа...»[\[109\]](#)

Интересный случай из своей богатой событиями биографии описал в приведенном выше отрывке воспоминаний Илья Дубинский. Вполне вероятно, что такая встреча с бывшим другом, бывшим своим заместителем по политической части Кругловым-Ланда и упомянутый разговор с ним у Дубинского действительно состоялись в здании Политического управления РККА. И акценты там, видимо, были расставлены точно такие же, как об этом сказано в мемуарах. Горечь и разочарование вызывает у читателя диалог этих двух людей, совсем недавно друживших между собой. А что уж говорить о чувствах самого просителя (Дубинского), искавшего надежной защиты и помощи у близкого друга...

Все здесь в основном верно, кроме одного. Ошибается скрупулезный летописец червонного казачества — не был его боевой друг бригадный комиссар А.М. Круглов-Ланда начальником Политуправления РККА. Анализ содержания приказов НКО по личному составу армии показывает, что тот, будучи в июне 1937 года старшим инспектором ПУРККА, некоторое время исполнял обязанности ответственного секретаря партийной комиссии и в этой должности, видимо, до прибытия из Ленинграда армейского комиссара 2-го ранга П.А. Смирнова, в течение нескольких дней оставался за него в бывшем служебном кабинете Я.Б. Гамарника. Дело в том, что только через две недели после самоубийства Гамарника нарком обороны издал приказ (№ 2461 от 15 июня 1937 года), которым объявлялось назначение члена Военного совета ЛВО Петра Александровича Смирнова начальником Политического управления Красной Армии. Именно столько времени понадобилось Ворошилову для того, чтобы согласовать и утвердить в Политбюро ЦК ВКП(б) кандидатуру своего нового заместителя по политической части.

Мы упомянули фамилию Г.А. Оsepяна, который, согласно должности, должен был принять на себя обязанности начальника ПУРККА. Однако этого на деле не произошло. Оsepяна арестовали в ночь с 30 на 31 мая, и вся высшая партийно-политическая власть в РККА после смерти Гамарника легла на плечи корпусного комиссара К.Г. Сидорова, ответственного секретаря парткомиссии при ПУРККА. Что касается А.М. Круглова-Ланда, то он стал замещать Сидорова на время его отсутствия.

Вполне естественно напрашивается вопрос — что же представлял собой новый начальник ПУРККА, пришедший на смену Гамарнику в столь сложное и трудное для армии время? Какова его служебная и партийная биография, позволившая ему занять самую высшую ступеньку в партийно-политической иерархии Красной Армии? Какой позиции придерживался он по злободневным и жгучим вопросам общественной и партийной жизни? Обратившись к его личному делу, видим, что родился П.А. Смирнов в 1897 году в рабочей семье поселка Бело-Холуницкого завода Вятской губернии. Сумел окончить двухклассное училище и ремесленную школу. С тринадцати лет стал самостоятельно трудиться — землекопом на постройке дороги, столяром на Лысьвенском заводе, где принимал участие в забастовочном движении, работая в больничной кассе уполномоченным цеха. С октября 1917 года — красногвардеец, председатель цехового комитета, член фабричного комитета в г. Лысьва и Пермского губернского штаба Красной гвардии. Член партии большевиков с марта 1917 года. Всю Гражданскую войну Смирнов провел на передовой в должности военкома полка, бригады, дивизии на Восточном, Юго-Восточном и Кавказском фронтах.

В годы мирного строительства П.А. Смирнов занимает в РККА ответственные должности политсостава: военного комиссара дивизии и корпуса в Северо-Кавказском, Белорусском и Московском военных округах, затем члена РВС и начальника политуправления Балтийского флота (январь 1926 г. — март 1928 г.), Северо-Кавказского, Приволжского, Белорусского и

Ленинградского военных округов (апрель 1928 г. — июнь 1937 г.). Он неоднократно избирался в руководящие партийные органы и начиная с 1923 года являлся членом Кубано-Черноморского обкома, Ленинградского губкома, Северо-Кавказского, Средне-Волжского губкомов ВКП(б), членом ЦК Компартии Белоруссии. Был делегатом пяти съездов ВКП(б) и членом ЦИК СССР. За участие в подавлении Кронштадтского восстания награжден орденом Красного Знамени. Окончил курсы усовершенствования высшего политсостава при Военно-политической академии имени Н.Г. Толмачева и курсы марксизма-ленинизма при Коммунистической академии.

Биография довольно обычная для руководящего политработника высшего звена РККА. Примерно такую же имели к 1937 году и другие начальники политических управлений и члены Военных советов округов. Так почему же Сталин и Ворошилов остановили свой выбор именно на Петре Смирнове, а не на ком-либо другом? Чем все это объяснить? Нельзя же всерьез принимать гипотезу, согласно которой назначение Смирнова было обусловлено тем, что никто другой из членов Военных советов и начальников политуправлений округов не имел опыта работы как в армии, так и на флоте, а вот он один-единственный из всех имел его. На наш взгляд, такое мнение имеет право на существование, но оно не является определяющим и единственно верным.

Так в чем же кроется секрет назначения П. А. Смирнова? Нам кажется, что в данном случае все дело заключалось в некоторых личных качествах Петра Александровича и стиле его деятельности. Известно, что каждое время требует своих людей — как организаторов, так и исполнителей. А 1937-й год — год особый. Он предъявил к командным кадрам Красной Армии новые, во много раз повышенные требования — усиление «бдительности к проискам врагов народа», улучшение деятельности по их поиску и выкорчевыванию, что являлось, безусловно, кампанией политической. Организовать ее в масштабе РККА обязан был прежде всего конечно же начальник ПУРККА и его аппарат. Поэтому после процесса над группой Тухачевского и самоубийства Гамарника должность главного руководителя партийно-политического аппарата армии и флота должен был занять человек жесткий, в значительной мере (по большевистским меркам) беспринципный, способный строго спросить даже у своего близкого друга: «А не враг ли ты? Не завербован ли кем-либо в военно-фашистский (или право-троцкистский) заговор?!»

Подобная ноша была явно не по плечу таким коллегам Смирнова в округах и на флотах, как М.П. Амелин (КВО), С.Н. Кожевников (ХВО), Г.И. Векличев (СКВО), Г.С. Окунев (ТОФ), В.Н. Шестаков (ЗабВО), А.П. Ярцев (ЗакВО). А вот Петр Смирнов, Ефим Щаденко, Лев Мехлис к роли ретивых «чистильщиков», по мнению членов Политбюро ЦК ВКП(б), подходили как нельзя лучше по многим параметрам. В отношении П.А. Смирнова здесь сыграли, видимо, свою негативно-позитивную роль те самые его качества, на которые неоднократно указывали в аттестациях соответствующие начальники. Например, в аттестации за 1926 — 1927 годы на члена РВС Морских Сил Балтийского моря П.А. Смирнова отмечалось: «...Энергичен, работоспособен, обладает настойчивостью, граничащей с упрямством... Благодаря свойствам своего характера и объективно сложившейся обстановке подчинил своему влиянию командование и диктует свою волю даже в вопросах учебно-боевой подготовки. Среди личного состава пользуется должным авторитетом, хотя старые моряки недолюбливают за тяжелую руку и береговой уклон. Последний заходит иногда слишком далеко...»

Итак, в середине 1937 года «тяжелая рука» Петра Смирнова понадобилась не только на флотском и окружном уровне, но и в масштабе всей Рабоче-Крестьянской Красной Армии. О том, как она, эта длань нового начальника Политуправления РККА, «чистила» кадры командиров и политработников в центре и на местах, говорится в неопубликованных воспоминаниях

дивизионного комиссара в отставке А.В. Терентьева, знавшего Смирнова не один год, учившегося вместе с ним на курсах марксизма-ленинизма при Коммунистической академии.

«...Вот, например, Смирнов Петр Александрович, которого довелось близко знать... Когда он стал нач. ПУР, а я комиссар корпуса строителя гор. Комсомольска-на-Амуре (так в оригинале рукописи. Речь идет об отдельном военно-строительном корпусе. — Н. Ч.) - встречались два, раза. Первый раз он приезжал как нач. ПУРа (это было в конце 1937 года. — Н. Ч.), разговаривали. Второй раз он уже приезжал как нарком Военно-Морского Флота, уже уверовавший в правоту культа личности, потерявший разум, как нарком дававший санкцию на арест сотен, прежде всего руководящих, кадров армии.

У меня с ним в его вагоне один на один состоялся такой разговор. Он, отвернувшись, со слезами говорит мне: «Скажи мне, Терентьев, ты враг народа? Скажи правду, твоя судьба все равно решена, но я хочу знать. Скажи честно!» Мой ответ тоже со слезами: «Петр Александрович! Вы верите тому, что говорите? Я есть и буду преданным партии большевиком. При всех обстоятельствах останусь им». Конечно, он мне не поверил. С должности меня снял, дал сигнал исключить из партии.

Для меня настала пора страданий, испытаний, а он из Комсомольска уехал в качестве борца за Сталина, за партию. А случилось так, что я еще жду своей судьбы, а он, приехав в Москву, вскоре оказался с должности наркома снят и через некоторое время арестован. Я еще на воле читаю в газетах, что он, как враг народа, расстрелян. Мне пришлось сказать: «Дорогой друг Петр Александрович! Сколько сотен ты погубил, давая санкцию на арест честных, людей и сам стал жертвой этого безумства...»[\[110\]](#)

Назначение Смирнова на пост начальника Политического управления РККА по времени совпало не только с набравшей стремительно скорость волной репрессий против кадров Красной Армии, но и с проведением нескольких чрезвычайно важных мероприятий в области партийно-политической работы. Практически, претворять их в жизнь выпало на его долю. Речь идет, прежде всего, о таких мероприятиях, как частичное свертывание единоначалия в армии и на флоте путем введения института военных комиссаров, а также о создании в военных округах и на флотах Военных советов.

Напомним, что до 1934 года реввоенсоветы в течение десяти лет существовали во всех военных округах. В соответствии с установками XVII съезда ВКП(б) постановлением ЦИК СССР от 20 июня 1934 года был ликвидирован Реввоенсовет страны, а народный комиссариат по военным и морским делам переименован в наркомат обороны. Через полгода, в ноябре 1934 года, было утверждено Положение о Военном совете при НКО как совещательном органе. Тогда же было объявлено и Положение об управлении военным округом, в котором функционирование Военного совета не предусматривалось. Начальник политического управления становился (по должности) заместителем командующего по политической части, подчиняясь одновременно и начальнику Политического управления РККА.

Наступил 1937 год... Возрастание агрессивных устремлений со стороны некоторых сопредельных государств, и прежде всего Германии и Японии, вынудили руководство Советского Союза предпринять ряд мер по дальнейшему совершенствованию своих вооруженных сил, повышению их боеспособности. Так пришлось отказаться, как не обеспечивающей в полной мере потребности обороны страны, от смешанной организации войск — территориальной и кадровой — и целиком перейти на кадровую основу комплектования армии. К тому же армия и флот выросли

количественно, изменилось их техническое оснащение на основе успехов индустриализации страны.

В этих условиях руководство ВКП(б) считало необходимым принять дополнительные меры по усилению партийного влияния в Красной Армии. И еще одно обстоятельство внушало ему тревогу — численность армейских коммунистов неудержимо продолжало сокращаться. В конце 1936 года их было около 150 тысяч — в два раза меньше, чем в начале 30-х годов, а посему партийная прослойка в РККА к тому времени уменьшилась в два с лишним раза. Особенно сильно снизился удельный вес коммунистов среди рядового и младшего командного состава — они составляли в партийных организациях армии и флота менее одного процента, что было самым низким показателем с момента создания партийных ячеек в РККА. Причем данная тенденция продолжала оставаться достаточно устойчивой и в 1937 году, о чем свидетельствуют приведенные выше цифры по Харьковскому военному округу. Расширение масштаба репрессий еще более усугубило положение дел, и П.А. Смирнов, один из опытных армейских политработников, должен был прекрасно это понимать.

Бурный рост армии и флота, с одной стороны, и уменьшение численности там коммунистов — с другой, создавали угрозу ослабления партийного руководства вооруженными силами страны и снижения партийного влияния в них. К тому же в связи с быстрым развертыванием новых частей и соединений значительное количество командиров, в первую очередь молодых, не имевших достаточного опыта руководства войсками, выдвигалось на более высокие должности. Создавшееся положение не могло не волновать руководителей страны, наркомата обороны и Политического управления РККА — и оно стало предметом обсуждения на совещании руководящего состава Красной Армии, созванного в начале мая 1937 года. Начальник политуправления ЛВО П.А. Смирнов присутствовал на этом совещании. Его участники высказали предложение вновь ввести в звене округ — флот — армия — флотилия Военные советы как органы коллективного руководства, а также более широко раздвинуть рамки института военных комиссаров, введя его во всех корпусах, дивизиях, бригадах. В ротах предполагалось введение института политруков. Все это вместе взятое, по мнению участников совещания, давало возможность усилить партийно-политическую работу в войсках и прежде всего укрепить их партийные организации.

Обсудив предложения участников совещания, ЦК ВКП(б) 8 мая 1937 года признал их полезными. Постановлением ЦИК и СНК СССР от 10 мая 1937 года в военных округах (на флотах), армиях были учреждены Военные советы. Положение о них было утверждено неделю спустя. Военные советы учреждались в составе председателя — командующего войсками и двух членов. Этот орган являлся высшим представителем военной власти в округе (флоте, армии), ему подчинялись все войсковые части, учреждения и заведения, расположенные на территории округа. Военный совет нес полную ответственность за их боевую и мобилизационную готовность, политико-моральное состояние. Все приказы по округу (флоту, армии) подписывались командующим, одним из членов Военного совета и начальником штаба. Командующий, как и прежде, являлся высшим военным начальником на территории округа (флота, армии). Он председательствовал на заседаниях Военного совета, от его имени отдавались все приказы и распоряжения. Все это говорит о том, что создание Военных советов в РККА не отменяло курс на единоначалие — одного из основополагающих принципов военного строительства.

7 июня 1937 года, то есть через месяц после работы упомянутого выше совещания, приказом наркома обороны командиры-единоначальники были освобождены от функций комиссаров, а их

помощники по политической части приняли на себя эти права. В Положении о военных комиссарах, утвержденном 10 августа 1937 года, отмечалось, что главным и основным в их деятельности является повседневное политическое руководство и непосредственное проведение партийно-политической работы в войсковых частях, соединениях, учреждениях, управлениях и учебных заведениях Красной Армии. Какой-либо контроль за деятельностью командира со стороны комиссара исключался полностью^[111].

Хотя все Положение о военных комиссарах было пронизано духом необходимости дружной и совместной работы командира и комиссара, по своей сути оно сильно подрезало крылья командирам и давало еще больший простор военкомам, ибо налицо была неполная форма единоначалия. Происходило дополнительное разделение функций: командир руководил военной стороной, а комиссар — политической. Такая форма руководства войсками, введенная с началом военной реформы 20-х годов, фактически продолжала существовать и в последующие годы, хотя рамки ее применения были сильно сужены. До 1937 года она применялась только в том случае, если командир части или соединения не являлся членом или кандидатом в члены партии. Теперь же она распространялась на все части и соединения.

Бросается в глаза некоторая торопливость в деле внедрения Военных советов в округах (на флотах). Судите сами: в один день с принятием Постановления ЦИК и СНК СССР от 10 мая об учреждении этих органов происходит и утверждение персонального состава Военных советов всех округов и флотов. И это осуществляется, не дожидаясь разработки Положения о них, которое регламентировало бы их функции, полномочия, задачи и обязанности. Выходит так: или проекты приказов о персональном составе советов и новых назначениях были подготовлены заранее, или же все делалось за один день, а значит — второпях и наспех. Изучая содержание приказов НКО о новых перемещениях высшего командного состава РККА за 10 мая 1937 года, все-таки приходишь к мысли, что дело это было обговорено заранее. Ведь не за одни же сутки решился вопрос о назначении заместителя наркома Тухачевского командующим войсками ПриВО, а командарма 2-го ранга П.Е. Дыбенко — на ЛВО. Петр Александрович Смирнов этим же числом назначается членом Военного совета ЛВО, начальником политуправления которого он работал с 1935 года.

Если в подготовке указанных выше документов Смирнов принимал участие, так сказать, с правом совещательного голоса, то после назначения на пост начальника Политуправления РККА он активно начинает выходить в ЦК партии со своими инициативами. Так через месяц после вступления в должность Петр Александрович, поддержанный наркомом Ворошиловым, направляет в ЦК ВКП(б) предложение о введении в состав Военных советов округов (флотов) секретарей областных, краевых комитетов партии и ЦК компартий республик, считая накопленный в этом отношении опыт весьма положительным. Предложение Смирнова принимается. В связи с этим вместо начальников политуправлений в состав советов стали входить секретари местных партийных комитетов. Относительно же места начальника политуправления округа (флота) вопрос некоторое время оставался открытым и только позже ЦК партии совместно с ПУРККА пришли к выводу о том, что он должен являться заместителем члена Военного совета — политработника. Одновременно было решено, что заместителем комиссара соединения является начальник соответствующего политоргана.

В заботах и хлопотах пролетали дни, недели, месяцы... Смирнов изо всех сил старался оправдать оказанное ему партией и Сталиным высокое доверие, считая при этом важнейшей своей задачей чистку армии и флота, в первую голову их командный и политический состав, от «врагов народа» и их пособников. Директивы подобного содержания, подписанные им, неоднократно уходили в

войска, внося дополнительные трудности в работу Военных советов, политорганов, партийных и комсомольских организаций. Это требование красной нитью проходит и в подготовленном работниками аппарата ПУРККА и завизированном Смирновым разделе «Политическая работа» приказа наркома обороны № 0109 от 14 декабря 1937 года, в котором подводились итоги боевой подготовки РККА за истекший год и ставились задачи на год очередной:

1) В 1938 году поставить всю партийно-политическую работу так, чтобы вся масса бойцов, командиров и начальников всегда была в курсе важнейших событий международной и внутренней жизни страны и политики ВКП(б), постоянно находилась в состоянии политической мобилизованности и острой революционной бдительности...

Весь партийно-политический состав РККА, военкомы и политработники в первую очередь обязаны с удвоенной энергией вести политработу среди красноармейской массы, поднимая каждого бойца, командира и начальника на высоту понимания всех сложных политических задач современности, воспитывая в них дух большевистской стойкости, смелости и энергии.

2) Неослабно продолжать тщательное изучение личного состава и окончательно очистить его от враждебных и политически неустойчивых элементов. Вместе с тем на обязанности всех начальников лежит еще более смелое выдвижение молодых, способных, непоколебимо преданных Родине и нашей партии людей, повседневная забота о воспитании стойких, волевых командиров и начальников, способных по-большевистски бороться с врагами народа...

...4) Командиры и военные комиссары обязаны по-настоящему оградить части от проникновения в них троцкистско-бухаринских врагов народа и других вредителей, шпионов и диверсантов...»

В преамбуле этого приказа, где подводились итоги боевой и политической учебы Красной Армии за 1937 год, его авторы в качестве одного из больших достижений пытались преподнести якобы успешную работу вновь выдвинутых кадров: «Политико-моральное состояние личного состава РККА, невзирая на попытки врагов народа помешать нормальному росту армии, было и остается безусловно крепким. Красноармейцы, командиры и начальствующий состав сплочены вокруг своего правительства. Коммунистической партии... Высокая политическая активность, героизм и самоотверженность в учебе и работе являются отличительной чертой нашей армии.

Выдвижение новых молодых кадров, проверенных и преданных делу Ленина — Сталина и нашей Родине, на командную и политическую работу уже дает самые положительные результаты и в ближайшее время скажется невиданными успехами во всех областях нашей работы»[\[112\]](#).

Волна арестов и увольнений среди руководящих кадров Красной Армии шла так стремительно, что в кадровых органах не успевали составлять и обновлять кандидатские списки. Это относилось ко всем категориям кадров, в том числе к политсоставу. Здесь доувольнялись до такой степени, что уже в середине ноября 1937 года пришлось подготовить (по указанию Смирнова) специальный приказ о состоянии подбора кадров политсостава. В нем отмечалось, что укомплектование РККА политсоставом, особенно высшего и старшего звена, идет крайне медленно. «...В подборе кадров немало еще косности и рутины — ищут готовых работников и недостаточно смело идет выдвижение молодых, способных, преданных партии людей. Это результат плохого знания людей, политических и деловых качеств каждого, отсутствия строгого учета индивидуальных способностей и особенностей человека...»

Всем Военным советам, начальникам политуправлений военных округов и флотов, военным комиссарам и начальникам политорганов соединений, учреждений и военно-учебных заведений

в директивном порядке предписывалось более тщательно проверить все кадры политработников (независимо от звания и служебного положения) и установить политическую и деловую пригодность каждого (чем не начало нового витка репрессий? — Н. Ч.) со строгим индивидуальным учетом характера работы, на которую он наиболее подходит (организационная, агитационная, пропагандистская, командная, культпросветработа). И на основе этих данных укомплектовать до января 1938 года вакантные должности политсостава.

Смирнов также распорядился, чтобы в крупных округах (МВО, БВО, ЛВО, КВО, ОКДВА, ЗабВО) создали свой резерв политработников численностью не менее 150 человек. В остальных округах — на полсотни меньше. Также он приказал начальникам политуправлений округов представить ему списки кандидатов в состав резерва ПУРККА: от перворазрядных округов по сорок, а от остальных — по двадцать человек, пригодных для замещения самостоятельных политических или командных должностей, начиная от военкома полка и выше. Для более решительной (как Смирнов понимал решительность в кадровых вопросах, читатель убеждается при чтении настоящего очерка) и успешной ликвидации некомплекта старшего и высшего политсостава, а также для подбора кандидатов в резерв ПУРККА он командировал в округа часть своего аппарата^[113].

Вторая половина 1937 года для П.А. Смирнова вообще оказалась богатой событиями. Они после утверждения его начальником ПУРККА следовали одно за другим: в октябре — назначение заместителем наркома обороны (по совместительству), в декабре — избрание депутатом Верховного Совета СССР первого созыва (баллотировался он в Совет Союза по Днепродзержинскому избирательному округу Днепропетровской области). Тогда же ему присваивается очередное воинское звание «армейский комиссар 1-го ранга». А за день до нового, 1938 года последовало новое назначение, резко изменившее профиль его деятельности — он становится членом правительства СССР.

Это означало, что политика, проводимая П.А. Смирновым на посту начальника Политического управления РККА, его стиль и методы по «наведению порядка» в Красной Армии получили полное одобрение и поддержку со стороны ЦК ВКП(б) и лично Сталина. Это означало, что жесткая позиция, занятая Смирновым при инквизиторской чистке командных кадров РККА в 1937 — 1938 годах, вполне соответствовала генеральной линии партии в тот период и что он оправдывал оказанное ему доверие. Это означало, что в жуткой обстановке всеобщей подозрительности середины и второй половины 30-х годов, особенно в высших эшелонах власти, у Смирнова не обнаружилось никаких отклонений от этой линии, за проявления которых приходилось платить дорогой ценой, вплоть до свободы и жизни. По меткому выражению одного из современников П.А. Смирнова, бывшего политработника Красной Армии, академика Исаака Минца, «они колебались вместе с нею, этой генеральной линией...»

В 30-х годах Советский Союз взял курс на строительство большого морского и океанского флота. Усилиями всего народа происходило его оснащение новой боевой техникой и вооружением. На основе накопленного опыта оперативно-тактической и боевой подготовки, развития военно-теоретической мысли были созданы условия для появления Боевого устава Морских Сил (БУМС-30, БУМС-37) и других руководящих документов. В них большое внимание уделялось боевому использованию подводных лодок, авиации и торпедных катеров, которым отводилась роль ударных сил в наступательных операциях. Предусматривалось ведение операций на коммуникациях противника силами подводных лодок, авиации и надводных кораблей.

В связи со значительным ростом сил флота и изменением характера его задач ЦК ВКП(б) и Советское правительство признали необходимым выделить Военно-Морские Силы из состава РККА и создать самостоятельный общесоюзный народный комиссариат Военно-Морского Флота. Постановление о его образовании было принято ЦИК и СНК СССР 30 декабря 1937 года. В нем говорилось:

- «1. Образовать общесоюзный Народный Комиссариат по Военно-Морским Дела́м.
2. Передать в ведение Народного Комиссариата по Военно-Морским Дела́м военно-морские силы РККА, выделив их из состава Народного Комиссариата обороны СССР.
3. Народному Комиссару по Военно-морским Дела́м СССР в пятидневный срок внести в СНК СССР на утверждение проект положения и структуру Народного Комиссариата по Военно-морским Дела́м СССР»[\[114\]](#).

Тогда же руководить новым наркоматом было предложено П.А. Смирнову. Должность начальника ПУРККА он сдал Льву Мехлису, одному из доверенных лиц Сталина, политработнику дивизионного звена времен Гражданской войны, срочно призванному из запаса с одновременным присвоением ему звания «армейский комиссар 2-го ранга».

К моменту назначения П.А. Смирнова наркомом Военно-Морские Силы организационно включали в себя четыре флота (Балтийский, Черноморский, Тихоокеанский, Северный) и четыре флотилии (Амурскую, Днепровскую, Каспийскую, Северо-Тихоокеанскую), в целом насчитывающих 45 соединений. По решению Политбюро ЦК ВКП(б) в составе вновь созданного наркомата предусматривался военно-политический орган — Политическое управление на правах военно-морского отдела Центрального Комитета партии. Возглавил его дивизионный комиссар (вскоре станет корпусным) М.Р. Шапошников — начальник отдела организационно-партийной работы ПУРККА. Начальником Главного штаба ВМФ был назначен Л.М. Галлер, многие годы до этого командовавший Краснознаменным Балтийским флотом.

Стиль работы с людьми у Смирнова и на посту наркома ВМФ остается прежним — частые разносы, подозрительность, отсутствие должного такта с подчиненными, грубость... Стремительное восхождение на самый верх иерархической лестницы, по всей видимости, сильно вскружило ему голову, создало впечатление личной незаменимости и неизменной поддержки со стороны руководства Кремля и лично И.В. Сталина. И как результат — это очень повлияло на рост таких отрицательных качеств, как излишняя самонадеянность, преувеличение значения собственной персоны.

Петр Александрович в целом-то не любил особо засиживаться в служебном кабинете. Еще с первых дней комиссарской деятельности его более привлекала работа с людьми в войсках, как организационно-партийная, так и агитационно-массовая. Не изменил он себе и тогда, когда сел в кресло Гамарника, по-прежнему охотно выезжая в округа. Но если раньше, будучи военкомом дивизии и корпуса, начальником политического управления ряда округов, Смирнов немало времени отводил на личные выступления перед различными категориями комсостава, политработников, партийного и комсомольского актива, то теперь, в 1937 — 1938 годах, он основную цель в поездках в войска и на флоты видел, по его же словам, в «наведении порядка». Под этим термином новый нарком ВМФ, то есть член правительства, подразумевал лишь одну ипостась — «чистку» кадров от троцкистов, «правых», участников «военно-фашистского» и других заговоров. И в этом тогда почетном, а по сути — позорном деле Смирнов весьма и весьма

преуспел. Как это происходило практически, мы увидим ниже на примере Тихоокеанского флота (ТОФ).

Его (ТОФ) продолжали сотрясать все новые и новые волны арестов комначсостава. Очередная из них пришлась на зиму и весну 1938 года.

Насколько болезненно она сказалась на боевой готовности флота, можно узнать из воспоминаний его командующего Н.Г. Кузнецова. Приходится, к сожалению, констатировать, что свою лепту, притом немалую, внес в эту кампанию и нарком ВМФ П. А. Смирнов. В частности, его первый, можно сказать ознакомительный, визит на ТОФ сопровождался арестом большой группы командиров и политработников флота.

Обратимся к страницам мемуаров адмирала Н.Г. Кузнецова. Он пишет, что «...в апреле 1938 года я получил телеграмму, что на флот прибывает новый, только что назначенный нарком ВМФ П.А. Смирнов. Я ждал встречи с ним. Надо было доложить о нуждах флота, получить указания по работе в новых условиях. Мы понимали, что реорганизация Управления Военно-Морскими Силами связана с большими решениями по флоту. Страна начинала усиленно наращивать свою морскую мощь.

Одновременно с созданием наркомата был создан Главный военный совет ВМФ. (Кузнецов ошибается — Главный Военный совет ВМФ был образован 13 марта 1938 г. — Н.Ч.). В его состав вошли А.А. Жданов, П.А. Смирнов, несколько командующих флотами, в том числе и я. Но пока на заседания совета меня не вызывали. В то время поездка с Дальнего Востока в Москву и обратно отнимала не менее двадцати суток. Начальство, видимо, не хотело из-за одного заседания на такой срок отрывать меня от флота. Словом, я считал приезд нового наркома вполне естественным и своевременным, тем более что на Северном флоте и на Балтике он уже побывал. Но все вышло не так, как я предполагал.

Официальная цель приезда в телеграмме была указана: разобраться с флотом. Однако, как стало ясно позже, это означало — разобраться в людях, и мы поняли, что он будет заниматься прежде всего руководящим составом. Так и получилось.

- Я приехал навести у вас порядок и почистить флот от врагов народа, — объявил Смирнов, едва увидев меня на вокзале.

Нарком поставил главной задачей перебрать весь состав командиров соединений с точки зрения их надежности. Какие, спрашивается, были основания ставить под сомнение наши преданные Родине кадры? (И это после двадцати лет существования Советской власти! — Н.Ч.).

Остановился нарком на квартире члена Военного совета Я. В. Волкова, с которым они были старинными друзьями. Первый день его пребывания во Владивостоке был занят беседами с начальником управления НКВД. Я ждал наркома в штабе. Он приехал лишь около полуночи.

Не теряя времени, я стал докладывать о положении на флоте. Начал с главной базы. Весь ее район на оперативной карте был усеян условными обозначениями. Тут было действительно много сил. Аэродромы, батареи, воинские части располагались вдоль побережья и на многочисленных островах. Соединения кораблей дислоцировались в бухте Золотой Рог и в ближних гаванях. Но чем дальше на север, тем слабее защищались опорные пункты и базы. Отдельные участки побережья находились по договору в руках японских рыбаков, и это еще больше осложняло

положение. Я видел, что нарисованная мною картина произвела на Народного Комиссара большое впечатление. Но когда я стал говорить о нуждах флота, П.А. Смирнов прервал меня:

— Это обсудим позднее.

«Ну что ж, — подумал я, — пускай поедит, посмотрит своими глазами. Тогда будет легче договориться».

— Завтра буду заниматься с Дименпшаном (начальником краевого управления НКВД. — Н. Ч.). — сказал Смирнов в конце разговора и пригласил меня присутствовать.

В назначенный час у меня в кабинете собрались П. А. Смирнов, член Военного совета Я. В. Волков, начальник краевого НКВД Диментман и его заместитель по флоту Иванов. Диментман косо поглядел на меня и словно перестаю замечать. В разговоре он демонстративно обращался только к нарком.

Я впервые увидел, как решались тогда судьбы людей. Диментман доставал из папки лист бумаги, прочитывал фамилию, имя, отчество командира, называл его должность. Затем сообщалось, сколько имеется показаний на этого человека. Никто не задавал никаких вопросов. Ни деловой характеристикой, ни мнением командующего о названном человеке не интересовались. Если Диментман говорил, что есть четыре показания, Смирнов, долго не раздумывая, писал на листе: «Санционирую». И тем самым судьба человека была уже решена. Это означало: человека молено арестовать. В то время я еще не имел оснований сомневаться, достаточно ли серьезные материалы НКВД. Имена, которые назывались, были мне знакомы, но близко узнать этих людей я еще не успел. Удивляла, беспокоила только легкость, с которой давалась санкция.

...Я ходил под тяжелым впечатлением от арестов. Мучили мысли о том, как это люди, служившие рядом, могли стать заклятыми врагами и почему мы не замечали их перерождения? Что органы государственной безопасности могут действовать неправильно — в голову все еще не приходило. Тем более я не допускал мысли о каких-то необычных путях добывания показаний.

Нарком провел два дня в море, побывал в Ольго-Владимирском районе. В оперативные дела он особенно не вникал. Может быть, ему, человеку, не имевшему специальной морской подготовки, это было и трудно. Зато он очень придирчиво интересовался всюду людьми, «имевшими связи с врагами народа»...

Пребывание Смирнова подходило к концу. К сожалению, решить вопросы, которые мы ставили перед ним, он на месте не захотел, приказал подготовить ему материалы в Москву. Я заготовил проекты решений. Смирнов взял их, по ни одна наша просьба так и не была рассмотрена до самого его смещения, на месте нарком решил лишь один вопрос, касающийся Тихоокеанского флота, но и это решение было не в нашу пользу. Речь шла о крупном соединении тяжелой авиации. Во Владивостоке Смирнов сказал мне, что командование Особой Краснознаменной Дальневосточной армии просит передать это соединение ему. Я решительно возражал, доказывал, что бомбардировщики хорошо отработали взаимодействие с кораблями, а если их отдадут, мы много потеряем в боевой силе. Смирнов заметил, что авиация может взаимодействовать с флотом и будучи подчиненной армии.

— Нет, — возражал я. — То будет уже потерянная для флота авиация.

Я сослался на испанский опыт, показавший, как важно, чтобы самолеты и корабли были под единым командованием. Все это не приняли в расчет. Приказ был отдан, нам оставалось его выполнять. Потом Смирнов признался мне, что принял решение потому, что его уговорил маршал Блюхер. Наши «уговоры» на наркома действовали меньше...

...Можно было привести десятки трагических эпизодов, когда уже после отъезда Смирнова, который, очевидно, увез с собой «обстоятельный» материал, были арестованы командующий морской авиацией Л. И. Никифоров и член военного совета флота Я. В. Волков. Арест последнего даже в той обстановке мне казался невероятным. Он был в отличных отношениях со Смирновым и, кажется, мог доказать свою невиновность...»{115}

Возглавлять наркомат Военно-Морского Флота Смирнову довелось ровно полгода, как и Политуправление РККА... Так сказать, день в день, ибо 30 июня 1938 года он был арестован и препровожден во внутреннюю тюрьму НКВД. Там его уже ожидали начальник 2-го Управления НКВД комбриг Н.Н. Федоров со своим помощником — опытным «колольщиком» майором госбезопасности В.С. Агасом. Двое суток они оказывали на него мощное психологическое давление, но до побоев дело пока не доходило — следователи надеялись сломить сопротивление со стороны Смирнова, не прибегая к мордобитию. Основную ставку Федоров и Агас делали на показания ранее арестованных бывших сослуживцев Петра Александровича, хорошо знавших его прежде всего по Белорусскому и Ленинградскому военным округам, а также по ПУРККА и наркомату ВМФ — И.П. Белова, А.С. Булина, А.И. Егорова, С.П. Урицкого, Д.Ф. Сердича, Б.У. Троянкера, Ф.С. Мезенцева, П.С. Иванова, И.И. Сычева и других.

От него требовали «совсем немного» — признать свое участие в военно-фашистском заговоре и принадлежность к белорусско-толмачевской оппозиции 1928 года; вербовочную работу по вовлечению в заговор новых членов; вредительскую деятельность по ослаблению боевой мощи Красной Армии и политико-морального состояния ее личного состава, а также принятие руководства военно-фашистским заговором по военно-политической линии (после смерти Гамарника).

Например, чего стоило Смирнову читать показания, написанные рукой Петра Иванова — начальника политотдела Оршанской авиабригады: «С приездом в БВО Смирнова там стала действовать подпольная контрреволюционная организация, руководимая Смирновым П.А. Дважды присутствовал при антисоветских разговорах, проводимых Смирновым, в которых он высказывал мысль против НКО — что он не способен руководить армией... Лично встречался со Смирновым, и тот рассказал, что цель организации — устранение от руководства армией Ворошилова, сохранение троцкистских кадров, вербовка новых членов. Таким образом, в военный заговор первый раз был вовлечен Смирновым П.А. и второй — Булиным А.С.».

Или показания корпусного комиссара М.Р. Шапошникова, полученные от него за неделю до ареста Смирнова. Надо отметить, что Шапошников являлся выдвиженцем, так сказать протее Смирнова: именно его, начальника отдела ПУРККА, рекомендовал Петр Александрович для утверждения ЦК ВКП(б) на самую высшую политическую должность во вновь создаваемом наркомате Военно-Морского Флота СССР. Сделать это было нетрудно — Смирнов, уходя из ПУРККА, имел возможность выбрать себе заместителя по политической части. И выбор этот он сделал в пользу Михаила Шапошникова, зная того много лет по совместной службе в различных округах.

И вот перед ним показания Шапошникова, в которых тот пишет, что его, тогда начальника организационного отдела Политуправления РККА, вызвал к себе Смирнов и поставил задачу «всемерно разоблачать троцкистов, чтобы зашифровать свою деятельность». Далее Шапошников сообщает, что ему совместно со Смирновым удалось добиться назначения на ответственные военно-политические посты в РККА ряда заговорщиков. К числу последних он отнес корпусного комиссара Я.В. Волкова — члена Военного совета ТОФ, дивизионного комиссара Н.А. Юнга — члена Военного совета СибВО, а также дивизионных комиссаров А.В.Тарутинского — члена Военного совета УрВО, И.М. Горностаева — начальника политуправления КВО, И.И. Кропачева — начальника политуправления ОКДВА, Ф.С. Мезенцева — члена Военного совета Черноморского флота.

Следователи настойчиво «давили» на Смирнова, организовывая для него очные ставки, в том числе с И.П. Беловым и А.С. Булиным — его заместителем по ПУРККА, подсовывая ему все новые и новые показания арестованных, уличавших бывшего военно-морского министра во множестве мыслимых и немыслимых грехов. Так комдив Д.Ф. Сердич свидетельствовал, что Смирнов, будучи начальником политуправления БВО, окружил себя троцкистами (Н.А. Юнг, Р.Л. Балыченко и другие). Далее Сердич утверждал: «...Хотя мне никогда никто прямо не говорил о том, что Смирнов является участником антисоветского заговора, однако ряд фактов характеризует его с антисоветской стороны...» К таким фактам Сердич отнес и то, что Смирнов допускал отрицательные высказывания в адрес К.Е. Ворошилова.

О подобных словесных выпадах Смирнова против наркома обороны упоминается и в показаниях бывшего начальника Разведуправления РККА комкора С.П. Урицкого, который 18 июня 1938 года утверждал, что в период чистки партии в 1928 — 1929 годах в СКВО по вине члена Реввоенсовета округа (то есть П.А. Смирнова) было скомпрометировано значительное количество коммунистов, между тем троцкисты, например Д.А. Шмидт и некоторые другие, проходили ее без всякой задержки. А такие известные в Красной Армии командиры, как И.Р. Апанасенко, Е.И. Ковтюх, были якобы ошельмованы и доведены до озлобления. А делалось это, по версии Урицкого (а если уж быть совсем точным — по версии следственной части Особого отдела НКВД СССР), для того, чтобы оторвать командиров от партии, доказать, что они не сыновья ее, а всего лишь нелюбимые пасынки^{116}.

Обессиленный физически и опустошенный морально, Смирнов продолжал стоять на своем, отвергая все обвинения в свой адрес. Так продолжалось до 3 июля, когда взбешенные оказанным сопротивлением следователи исполнили свою угрозу — отправили его в смирительную Лефортовскую тюрьму.

Если послушать (правда, спустя двадцать лет) бывших работников НКВД, то ничего страшного, по их словам, не произошло при этом — обычные будни следовательской деятельности. Например, А.М. Ратнер, принимавший весьма активное участие в расследовании дела Смирнова, на допросе 29 февраля 1956 года показал: «После ареста Смирнова с ним сначала занимался бывший тогда зам. начальника Особого отдела Агас, который лично с ним разговаривал. Через два или три дня Агас приказал мне начать следствие по делу и предупредил, что он будет руководить следствием. Смирнов, безусловно, был уже подготовлен Агасом к тому, чтобы давать показания об участии в заговоре, и я не сомневаюсь, что Агас использовал либо методы физического воздействия, либо провокационные методы... Состояние Смирнова было крайне подавленным, угнетенным...»

Испытание Лефортовской тюрьмой выдерживали считанные единицы, к числу которых Смирнов не принадлежит. Уже 3 июля он пишет заявление на имя Ежова, в котором подтверждает свое

участие в заговоре. А также говорит, что на очных ставках с Беловым, Булиным и другими заговорщиками он не признавал себя виновным, но теперь, после мучительных размышлений, решил дать признательные показания...

И Смирнов стал давать эти показания, поистине написанные его кровью. Допросы шли непрерывно днем и ночью. Так указанное выше заявление от 3 июля, адресованное Ежову, Смирнов написал, не выдержав тринадцатичасового истязания. Не лучше ему было и в остальные дни. Судите сами. Из справки, полученной из архива Лефортовской тюрьмы, видно, что в этом проклятом людьми и забытом богом заведении Смирнов находился со 2 по 9 июля 1938 года. Динамика допросов в эти дни и ночи выглядит следующим образом^[117]:

3.VII.1938	с 0-40 до 8-35
	с 11-00 до 17-10
4.VII	с 1-40 до 5-40
	с 15-00 до 22-50
5. VII	с 0-45 до 4-00
6.VII	с 14-00 до 15-00
7.VII	с 1-15 до 22-25
8.VII	с 19-30 до 22-30
	с 23-00 до 1-30
9.VII	с 1-15 до 4-45

Всякий раз, сломив сопротивление Смирнова, Агас и Ратнер заставляли его писать очередное покаянное заявление на имя Ежова, в каждом из которых появлялись фамилии все новых и новых заговорщиков. Особый упор следователи делали на выявление «шпионов, вредителей и террористов» в центральном аппарате наркомата обороны. Под их неослабевающим прессом Смирнов был вынужден написать 4 июля о том, что со слов своего заместителя по ПУРККА Антона Булина он знал начальника секретариата Ворошилова корпусного комиссара И.П. Петухова как одного из особо законспирированных участников военного заговора (впоследствии от этих обвинений в адрес Петухова Смирнов откажется, но дело ведь было уже сделано).

Однако руководству Особого отдела такого свидетельства оказалось мало — для них какой-то там начальник канцелярии наркома, пусть и обороны, пусть и самого Ворошилова, был мелкой сошкой. Им нужен был выход если не на самого наркома, то хотя бы на его заместителей, которые фактически все до единого были у них на прицеле: ведомству Ежова важно было «вскрыть» новый большой заговор в руководстве Красной Армии. Должность первого заместителя в это время исполнял командарм 1-го ранга И.Ф. Федько. Вот на него-то и решили выйти через Смирнова,

который в заявлении от 5 июля сообщил, что он с 1937 года был связан по заговору с Федько, об участии которого в заговоре он узнал впервые годом раньше от И.П. Белова.

Чем больше давал признательных показаний Смирнов, тем более разгорался аппетит у следователей. Впереди было еще полгода времени до суда (о чем, конечно, Смирнову было неизвестно), несколько десятков многочасовых допросов и очных ставок — всех их перечислить просто не позволяют рамки очерка. Скажем только, что установленные законом сроки следствия по его делу приходилось продлевать несколько раз, что и делал принявший к производству дело Смирнова на заключительном этапе старший лейтенант госбезопасности И.Р. Шинкарев.

По ходу следствия Смирнов от части ранее данных им показаний отказывался, другую же часть — уточнял. Например, на допросе 19 августа 1938 года он заявил, что его показания месячной давности (от 17 — 19 июля) о разговоре с Уборевичем об открытии фронта противнику в случае войны не соответствуют действительности. «...Никаких разговоров об открытии фронта с Уборевичем я никогда не вел... Со мной Уборевич об этом не говорил. Записал я эту формулировку, не обдумав как следует, и в момент несколько напряженный для меня лично, скорее всего по слабости, духа».

Бывший нарком Военно-Морского Флота утверждал, что его показания от 17 — 19 июля в части установления связи по заговору со своим заместителем П.И. Смирновым-Светловским не соответствуют действительности, так как он узнал о его участии в заговоре от маршала А.И. Егорова. Клеветническими назвал Петр Александрович свои собственные показания об участии в заговоре морских военачальников — Столярского, Курехина, Сынкova, П.С. Смирнова, Москаленко и других. «Я их оклеветал!» — однозначно заявил следователю П. А. Смирнов^[118].

А в целом многостраничное дело Смирнова пухло день ото дня. Заставили его признаться и в активной вербовочной работе, благо что возможностей для этого у него, по мнению следствия, было предостаточно, что и нашло свое отражение в протоколах допросов и в обвинительном заключении. В орбиту вербовочной деятельности Смирнова попал практически весь высший командный состав военных округов, в которых он в течение многих лет был членом РВС и начальником политического управления, а также ПУРККА и наркомата ВМФ. Вилка разброса здесь действительно велика: от инструкторов отделов политуправления округа до помполита Военно-морской академии, военного прокурора БВО и комиссара Академии Генерального штаба.

Страницы следственного дела запечатлели многие драматические, рвущие душу и леденящие сердце сцены, дающие во многом фору произведениям бессмертного Шекспира. Например, встреча на очной ставке 13 июля 1938 года Смирнова с Федько. Первый утверждает, что об антисоветской деятельности и участии Федько в заговоре он узнал сначала от командарма Белова, а затем при личном разговоре, состоявшемся дважды. При этом якобы Федько просил Смирнова узнать содержание «компромата» на него за период пребывания в ОКДВА. Федько же, в свою очередь, всех этих показаний Белова и Смирнова не подтвердил и заявил, что участником заговора он никогда не был. Энкавэдэшники устроили Смирнову очную ставку даже с наркомом Ворошиловым. Хотя вернее будет определить ее как допрос Смирнова с участием в нем Ворошилова, которому по ходу разговора следователь задавал вопросы, касающиеся предыдущей службы и поведения подследственного. К чести наркома обороны, он не поспешил облыжно поливать грязью бывшего своего заместителя по политчасти.

Дабы не пересказывать многочисленных протоколов допросов и очных ставок, личных заявлений и многих других документов следственного дела, обратимся только к одному из них, так сказать

итоговому — обвинительному заключению. Но сначала, следует воспроизвести еще один важный документ, характеризующий поведение Петра Смирнова после почти годичного тюремного испытания. Дело в том, что следствие по делу Смирнова было окончено в начале февраля 1939 года, о чем ему и было объявлено 9-го числа. При выполнении данной процессуальной операции Петр Александрович, подтвердив свою принадлежность к антисоветскому военному заговору, вместе с тем заявил, что значительная часть его показаний не соответствует действительности, так как он их дал вынужденно, а некоторые из них вообще написаны даже не с его слов, а лично следователем Агасом.

В частности, он отрицал свое участие в белорусско-толмачевской группировке, проведение вредительской деятельности в армии и получение на это указаний от Гамарника, вовлечение в заговор И.И. Коржеманова (до ареста в 1938г. работал начальником отдела кадров штаба БВО. — Н. Ч.), наличие антисоветской связи с рядом лиц, указанных в материалах дела.

Вот как протокольно выглядит это заявление:

«Вопрос. Чем Вы можете дополнить материалы расследования?»

Ответ: Свою вину я, как участник антисоветского военного заговора, признаю, но считаю необходимым внести следующие исправления в протокольные записи, как не соответствующие действительности, как не просмотренные мною при подписи или вынужденно неправильно данные мной показания: период белорусско-толмачевский освещен неправильно, в белорусско-толмачевской группировке я не участвовал и к ней не примыкал. Наоборот, будучи в 1928 г. начальником пуокра в СКВО, получив белорусско-толмачевскую резолюцию, на специально собранном совещании командного и политического состава округа, которое проводилось в Пятигорске, я выступил с докладом, осуждающим белорусско-толмачевскую группировку в армии, как неправильную и политически вредную.

По моему же предложению была принята соответствующая резолюция, которую можно найти в делах пуокра и ПУРа за 1928 год. На состоявшемся Пленуме Ревсовета Союза в 1928 году специально обсуждался этот вопрос, я и там выступал против белорусско-толмачевских настроений, что подтвердил и нарком Ворошилов на очной ставке и впоследствии на всех совещаниях я последовательно придерживался этой же позиции. Это ведь было в тот момент, когда выступали с белорусско-толмачевскими взглядами открыто, следовательно, не было оснований для ухода в подполье и двурушничанья. Я резко выступал против перегибов в проведении единоначалия, в связи с этим часть политработников, разделяющих взгляды белорусско-толмачевцев, поддерживала меня. Никакой подпольной контрреволюционной работы на базе белорусско-толмачевских настроений я не вел до вступления в заговорщическую организацию, т.е. до 1933 года, когда белорусско-толмачевцы были для этой цели использованы. Поэтому весь первый раздел показаний от 17 июля является неправильным, в большинстве написанным не мной, а Агасом (следователем). Естественно, неверна также и та запись, где говорится, что начальники пуокра Кожевников, Кучмин, Васильев, Берман знали меня, как белорусско-толмачевца.

Шифреса (начальника Военно-хозяйственной академии, армейского комиссара 2-го ранга. — Н. Ч.) я как белорусско-толмачевца не знал. Исаенко и Трегубенко (начподивы СКВО), как белорусско-толмачевцы, упомянуты неправильно, а также об их правых взглядах мне ничего не было известно. Запись в протоколе, что я был уволен из РККА, неправильна, так как я из РККА никогда не увольнялся, а был командирован на курсы марксизма. Упоминание Вайнера (Л.Я.

Вайнер в первой половине 30-х годов командовал в БВО 3-м кавалерийским корпусом. Впоследствии, до своего ареста в августе 1937 года — комкор, военный советник при Главкоме (министре) Монгольской Народной Армии. — Н. Ч.), как связанного по заговору с Уборевичем, неправильно, так как мне это не было известно. О Вайнере и Сердиче (он сменил Вайнера на посту командира 3-го кавкорпуса. — Я. Ч.), как о заговорщиках, мне стало известно из официальных материалов после их ареста. Указаний Зиновьеву (начальнику политуправления УрВО, корпусному комиссару. — Я. Ч.) об установлении им связи по заговору с Гарькавым (командующим войсками УрВО в 1935 — 1937 годах. — Я. Ч.) и Головиным (председателем Уральского облизполкома. — Я. Ч.) на Урале я не давал. С Румянцевым (секретарем Западного обкома ВКП(б). — Я. Ч.) по линии заговора никакой связи я не устанавливал, а следовательно, и о лицах, связанных с ним по заговору, он не мог мне говорить. Это показание вынужденное. Об участии Румянцева в заговоре я узнал только после его ареста... С Зыкуновым (начальником отдела руководящих партийных органов политуправления ПВО. — Я. Ч.) и Рудзитом (работником этого политуправления. — Я. Ч.) непосредственной связи по заговору не было, а о них, как участниках заговора, мне было известно со слов Немерзелли (заместителя Смирнова в ЛВО, корпусного комиссара. — Н.Ч.). Никаких указаний о вредительской деятельности от Гамарника я не получил и никакой работы вредительской по БВО и ЛВО я не проводил. Наоборот, резко ставил и продвигал эту работу в плоскости ее резкого улучшения, о чем знает и Жданов (первый секретарь Ленинградского обкома ВКП(б), секретарь ЦК ВКП(б). — Н.Ч.) и Ворошилов. Об упоминаемых участниках заговора в мотомехчастях по Ленинграду мне стало известно лишь после их ареста.

О Шапошникове Б.М. сказано в протоколе с натяжкой. Он, безусловно, несет ответственность за недостатки и вредительство в ЛВО, но о его лично сознательном участии я сказать ничего не могу.

О Примакове и Германовиче (комкоры. Первый из них до ареста работал заместителем командующего войсками ЛВО, а второй — армейским инспектором того же округа. — Н.Ч.) мне Гамарник не говорил, как о заговорщиках, и по заговору я их не знал. Наоборот, я принимал участие в разоблачении Примакова и ставил вопрос перед наркомом и на партсобрании. Булин мне не говорил, как об участниках заговора, о Сидорове (ответственном секретаре партийной комиссии при ПУРККА, корпусном комиссаре. — Блюхер Н. Ч.), Ланда (ответственном редакторе газеты «Красная звезда». — Н. Ч.), Сычеве (начальнике политуправления БВО, дивизионном комиссаре. — Н. Ч.)...

Упоминание Ермольчика (военкома 6-го авиакорпуса, дивизионного комиссара. — Н. Ч.), как заговорщика, в разговоре с Беловым неправильно. О Ермольчике, как участнике заговора, мне ничего не было известно. Наоборот, Ермольчик подавал заявление на Белова, в котором изобличал Белова, что последний его пытался вербовать в заговор. Письмо мной было передано наркому. Запись в протоколе о Горева (бывшем военном атташе СССР в Испании. — Н. Ч.) неправильна... Юнг (член Военного совета СибВО, дивизионный комиссар. — Н. Ч.) сообщал мне об Антонюке (командующем войсками СибВО, комкоре. — Н. Ч.), как о бывшем троцкисте, у которого был расстрелян брат, но об установлении личной связи по заговору не упоминал.

Мне неизвестен Максимов (нач. 7 отдела Штаба РККА), как участник заговора, а известна его личная связь — тесная интимная с Куйбышевым (командующим войсками ЗакВО, комкором. — Н.Ч.) и Мезисом (членом Военного совета БВО, армейским комиссаром 2-го ранга. — Н. Ч.). О Петухове (для особых поручений при наркоме обороны, корпусном комиссаре. — Н. Ч.), как о заговорщике, Булин мне не говорил, и как заговорщика я Петухова не знал. Булин лишь говорил, что Петухов является человеком Гамарника, что я понял в заговорщическом смысле. Указаний

Иванову (комиссару Оршанской авиабригады) об установлении связи с Киверцевым (заместителем начальника политуправления БВО, бригадным комиссаром, т — Н. Ч.) я не говорил, а говорил об установлении его связи с Зиновьевым.

Красильникова, Русанова (заместителя начальника Управления связи РККА, дивинженера. — Я. Ч.) и Васенцовича (начальника штаба ОКДВА, комдива. — Н. Ч.) я Федько не называл и он мне не говорил, а также никогда между нами не упоминался, как заговорщик, Максимов.

Разговора с Гричмановым (председателем Ленинградского облисполкома, — Н. Ч.) прямо о заговорщической работе в ЛВО не было и об участии моем в заговоре он вряд ли знал. Я не говорил ему, но антипартийные разговоры были...

Об окончании следствия мне объявлено, с материалами следствия ознакомился. Ответ на вопрос записан с моих слов правильно, протокол мною прочитан.

П. Смирнов

Об окончании следствия объявил старший следователь ОО ГУГБ НКВД СССР старший лейтенант госбезопасности

Шинкарев [{119}](#).

Все-таки личного мужества Петру Александровичу Смирнову было не занимать. Редко кому из тех военачальников, кого месяцами ломали в кабинетах и карцерах НКВД, удавалось накануне суда найти в себе силы, чтобы попытаться отвести, хотя бы частично, беду от других людей, проходящих по его делу. Смирнов же нашел в себе такие силы, понимая при этом, что излишнее отрицание следственных материалов вызовет недовольство у руководства НКВД. И тем не менее...

В заявлении Смирнова совсем не упоминается корпусной комиссар Я.В. Волков, член Военного совета ТОФ, попавший в тюрьму через день после ареста Петра Александровича. Об их приятельских отношениях уже упоминал адмирал Н.Г. Кузнецов, добавив при этом, что Волков мог доказать свою невиновность. И тот действительно пытался ее доказать в течение полутора десятка лет в различных инстанциях, в том числе и самых высоких (Президиум Верховного Совета СССР, Верховный суд СССР, ЦК ВКП(б), аргументирование опровергая предъявленные ему обвинения. Например, в заявлении на имя И.В. Сталина, написанном в мае 1945 года, Волков в числе других отрицает и показания на него, данные П.А. Смирновым. «Бывший нарком Флота Смирнов П.А., по неизвестным для меня причинам, дал враждебное, явно клеветническое показание, что он вовлек меня в преступную военную антисоветскую организацию и что я по его заданию с 1934 года проводил вредительскую работу в Военно-Морской Академии по подготовке кадров для В.М. Флота....Ни одного слова правды в показаниях Смирнова нет и не может быть, это злостная клевета, никем и ничем не подтверждаемая, обреченного врага, очернить и замазать человека, который не только делом, но и словом и мыслью не виноват перед своей Родиной, партией и Советской властью на протяжении свыше 20 лет работы.

Как на суде, так и на неоднократном следствии я категорически отрицал показания Смирнова, как явно враждебные и клеветнические. Одновременно я не скрывал и говорил правду, что периодически встречался со Смирновым, когда он был начальником политуправления ЛВО, что он в моем представлении и понимании был порядочный человек и работник, так как за ним ничего отрицательного и преступного не замечал. И последнее, почему в последний раз своего

посещения ТОФа по должности Наркома Флота в апреле-мае 1938 года, если допустить мою преступную связь с ним, то на собрании комсостава он всячески дискредитировал меня и мою работу и тут же назначил начальником политуправления и членом Военсовета Лаухина, а я уже работал на ТОФе более 6 месяцев, и в вагоне на лично поданный мною рапорт об уходе с работы всячески меня ругал и поставил условие, что если я не возьму рапорт обратно, то он меня арестует как врага народа, как бегущего от трудностей и не желающего работать.

При таком взгляде я вынужден был взять рапорт обратно, о чем горько сожалею»[{120}](#).

Но все было тщетно! По отбытии срока заключения (10 лет ИТЛ) Волков в июле 1948 года был направлен в административную ссылку в город Енисейск, где работал дежурным электромонтером на судовой верфи вплоть до своей реабилитации в конце 1954 года.

Но мы отвлеклись. Обратившись же к содержанию обвинительного заключения по делу Смирнова, можно проследить реакцию следственной части Особого отдела ГУГБ НКВД на заявление подследственного от 9 февраля 1939 года. Картина безрадостная — многое из того, против чего категорически возражал П.А. Смирнов, тем не менее вошло один к одному в строку обвинительного заключения. Да, формальность была соблюдена — арестованному Смирнову было объявлено об окончании следствия по его делу, и он ознакомился с ним. Однако чихать хотели на какие-то там возражения подследственного (их у них сотни и тысячи!) начальник следственной части майор госбезопасности с безупречной русской фамилией Иванов и его шеф (начальник Особого отдела) старший майор госбезопасности В.М. Бочков (спустя год он станет Прокурором СССР).

В итоге констатирующая часть обвинительного заключения выглядит следующим образом:

«...Смирнов Петр Александрович, 1897 года рождения, уроженец Кировской области, Белохолуницкий завод, русский, до ареста — нарком Военно-морского Флота, обвиняется в том, что:

1) с 1928 года входил в состав троцкистской организации, так называемой «белорусско-толмачевской оппозиции».

2) в 1933 году был завербован в антисоветский военный заговор Гамарником, являлся одним из руководящих участников заговора и проводил работу по срыву боеспособности РККА и обеспечению поражения Советского Союза в войне с фашистскими странами с целью свержения Советской власти и реставрации капитализма, т.е. в преступлениях, предусмотренных ст. 58 п. 1 «б» и ПУК РСФСР.

Следственное дело подлежит направлению в Военную Коллегию Верховного суда СССР — для судебного разбирательства»[{121}](#).

Итак, «преступные деяния» П.А. Смирнова были квалифицированы как изменнические, вредительские с отягощающим довеском, в виде 11-го пункта 58-й статьи. Этих двух пунктов (и даже одного из них) вполне хватало для получения «законных» девяти граммов в затылок или висок. К тому же на первой странице обвинительного заключения по делу Смирнова кем-то из высшего руководства, чье решение подлежало неукоснительному выполнению членами суда (это чувствуется по содержанию и интонации резолюции), накануне судебного заседания сделана надпись: «Пропустить по закону от 1.XII.34».

Подпись неразборчива, но это точно не подпись Сталина. Такую резолюцию мог наложить, вероятнее всего, или Прокурор СССР Вышинский, или председатель Военной коллегии Ульрих, или же нарком внутренних дел Л.П. Берия. И это при отсутствии в деле каких-либо вещественных доказательств, о чем было сказано в соответствующем примечании. Наиболее вероятно, что все-таки резолюцию наложил Ульрих, который, по свидетельству работников Военной коллегии, общавшихся с ним по службе в течение многих лет, неоднократно, особенно после очередной информации или доклада (кто знает, что из них главнее и страшнее) Сталину, Вышинскому или Берии, проставлял на делах категорию предстоящего наказания. Цифра «1» означала смертную казнь, а цифра «2» — длительный срок заключения в ИТЛ. При наличии одной из таких пометок судьи, открывая судебное заседание, уже однозначно знали, какой приговор необходимо вынести подсудимому. Закон от 1 декабря 1934 года не оставлял никаких надежд на жизнь подсудимому и предполагал только одно — смерть.

О вопиющем беззаконии, творившемся в 1937 — 1938 годах в ведомстве Ежова — Берия, лишний раз свидетельствует тот факт, что постановление об избрании меры пресечения и предъявлении обвинения П.А. Смирнову старший следователь Особого отдела ГУГБ НКВД СССР Иван Шинкарев вынес только 25 января 1939 года. То есть менее чем за месяц до суда над Смирновым и через семь месяцев после его ареста. Видимо, окончательно оформляя дело и готовясь к передаче его в Военную коллегию, следователь обнаружил отсутствие в нем этого важного документа и, ничтоже сумняшеся, задним числом сочинил его. Как говорится, лучше поздно, чем никогда.

Суд состоялся 22 февраля 1939 года. Председательствовал на нем сам Василий Ульрих, для которого послать невинного человека на смерть было проще простого. Процедура суда, как известно, являлась отработанной до мелочей, и заседание продолжалось недолго. Смирнов, как это отмечено в протоколе судебного заседания, виновным себя признал (на суде ему, помимо пунктов 1 «б» и 11 58-й статьи, довели еще и пункт 8 той же статьи), свои показания на предварительном следствии подтвердил. Но подтвердил он их с учетом сделанного им 9 февраля 1939 года заявления, о содержании которого мы уже упоминали. В последнем своем слове Петр Александрович просил суд учесть, что он не является закоренелым врагом партии и советской власти.

Расстреляли П.А. Смирнова 23 февраля 1939 года — на следующий день после суда. Определением Военной коллегии Верховного суда СССР от 16 мая 1956 года дело было прекращено за отсутствием в его действиях состава преступления.

Что с ним случилось в 1938 — 1939 годах и какова его дальнейшая судьба — о том не знали не только члены семьи П.А. Смирнова, сами подвергшиеся репрессиям и всевозможным ограничениям, но этого не смог узнать и член правительства — нарком ВМФ адмирал Н.Г. Кузнецов. В своих воспоминаниях он пишет, что, уже работая в Москве в должности наркома, неоднократно пробовал узнать, что же произошло со Смирновым. «Мне дали прочитать лишь короткие выдержки из его показаний. Смирнов признавался в том, что «как враг умышленно избивал флотские кадры». Что тут было правдой — сказать не могу. Больше я о нем ничего не слышал. Вольно или невольно, но он действительно выбивал хорошие кадры, советских командиров. Будучи там, на месте, он действительно решал судьбы многих, и если он действительно не занимался умышленным избиением кадров, то почему не хотел прислушаться к «обвиняемым» или даже ко мне, комфлоту, и сделать объективные выводы?»

Ответа на такой достаточно конкретный вопрос бывший нарком Военно-Морского Флота адмирал Н.Г. Кузнецов так и не получил.

Военные ученые

Репрессии 30-х годов нанесли непоправимый урон развитию советской военной науки, которая в эти годы развивалась достаточно интенсивно. Она усилиями многих лучших умов Красной Армии в основном правильно определила влияние новой военной техники на характер будущей войны, разработала соответствующую стратегию, оперативное искусство и тактику вооруженных сил страны в целом, видов и родов войск в частности. Результаты многолетних военно-научных исследований легли в основу Полевого устава Красной Армии 1936 года, который в те годы более отвечал духу времени, нежели подобные уставы зарубежных армий стран Европы.

Избиение советских военных ученых осуществлялось с ведома и одобрения Сталина и Ворошилова. Ниже мы увидим, как это делалось практически.

По утверждению военачальников, близко общавшихся со Сталиным в течение длительного времени (Г.К. Жуков, А.М. Василевский, Н.Г. Кузнецов), Генсек партии, которому вскоре после тотального разгрома кадров Красной Армии предстояло взять на себя обязанности Верховного Главнокомандующего, военную теорию знал слабо. Главный «военный советник» вождя Клим Ворошилов, пятнадцать предвоенных лет возглавлявший РККА, тоже особо не жаловал ее, как и военных теоретиков. Хотя по долгу службы он обязан был знать им истинную цену. Руководству ВКП(б) было известно, что Ворошилов заметно тяготился военной службой, ибо более имел склонность к партийной, а точнее — к «комиссарской» работе в массах. Это видно хотя бы из его письма Сталину, датированного 2 ноября 1921 года. Написано оно в бытность Ворошилова командующим войсками СКВО.

«Дорогой Иосиф Виссарионович!

В Москве я тебе уже говорил о моем намерении переменить свое «амплуа», а сейчас я это решил твердо. Работа в Военведе мне уже опостылела, да и не в ней теперь центр тяжести. Полагаю, что буду полезней на гражданском поприще. От тебя ожидаю одобрения и дружеской поддержки перед ЦК о моем откомандировании. Хочется поработать в Донбассе, куда и прошу ЦК меня направить. Работу возьму какую угодно и надеюсь снова встряхнуться, а то я здесь начал хиреть (духовно). Нужно и меня пожалеть.

Крепко обнимаю. Твой Ворошилов»[\[122\]](#).

Итак, «железный» Клим, не внося особо большого вклада в строительство вооруженных сил Советской Республики, уже стал тяготиться этой работой. Гражданская война с ее обнаженным, неприкрытым накалом страстей, морем крови — как у красных, так и у белых — наконец-то окончилась. Красная Армия постепенно начинала переходить на рельсы мирной боевой учебы, сворачиваться в количественном составе (бригады преобразовывались в полки, полки — в батальоны, а то и совсем расформировывались или переводились на положение территориальных). Начиналась скучная, рутинная повседневная боевая и политическая подготовка. И хотя на окраинах бывшей царской России еще вовсю полыхал огонь ожесточенной схватки с различными формированиями националистической и иной направленности, однако бывший комиссар 1-й Конной армии Ворошилов заскучал в армейской среде. С просьбой, аналогичной той, что изложена в его письме Сталину, он обращался и к другим влиятельным членам ЦК РКП(б). Однако ЦК партии и Совет Народных Комиссаров в обстановке внутривластной борьбы, развернувшейся после отхода Ленина от активной политической деятельности, посчитали целесообразным сохранить Ворошилова в армии. Вскоре он возглавит

столичный военный округ и станет заместителем наркомвоенмора и Председателя Реввоенсовета СССР.

Не получив солидной теоретической военной подготовки, Ворошилов тем не менее не особенно был расположен к военным теоретикам.. Как, впрочем, и они к нему. Ведь это в основном были старые военспецы, добровольно или же по мобилизации перешедшие на службу в Красную Армию. Однако и те и другие вполне добросовестно исполняли свой долг. Не все в стране и армии им нравилось, а точнее — многое не нравилось, но, дав слово не вмешиваться в политику, эти бывшие генералы и полковники держали обещание и стремились принести больше пользы в той области, где они были наиболее компетентны — в части военной теории и практики, творчески переосмысливая во благо Красной Армии опыт Первой мировой и Гражданской войн.

В результате на столе у командира РККА появились статьи и книги известных военачальников времен Гражданской войны: Тухачевского, Егорова, Шапошникова и менее знаменитых, но не обиженных талантом ученых и практиков — Г.Д. Гая, В.К. Триандафилова, К.Б. Калиновского, Г.С. Иссерсона, М.С. Свечникова, Н.Е. Какурина и других. Помня, как обращался Федор Раскольников к Сталину в открытом письме к нему, говоря о репрессиях среди кадров Красной Армии: «Где маршал Блюхер? Где маршал Егоров? Вы арестовали их, Сталин», так и хочется продолжить этот поминальный список:

«Где крупные советские военные теоретики и историки Свечин, Белицкий, Вакулич. Вольпе, Меликов, Меженинов, Верховский, Варфоломеев, Хрипин, Лапчинский, Ян Алкснис? Вы их убили, Сталин!»

Надо отметить, что с середины 30-х годов по настоятельной просьбе командующих войсками ряда военных округов, поддержанной Тухачевским, Егоровым, Шапошниковым, стала издаваться ставшая вскоре популярной «Библиотека командира». Это своего рода уникальное издание, насчитывающее несколько десятков томов, включало в себя труды как советских, так и зарубежных авторов. Например, «Характер операций современных армий» В.К. Триандафилова (начальника Оперативного управления Штаба РККА. — Н. Ч.), «Фронтальный удар» А.М. Вольпе, «Августовское сражение в Восточной Пруссии в 1914 году» Н.Ф. Евсеева, «О ведении войны» Ф. Фоша, «Будущая война» В. Сикорского, «Танки» Ф. Хейгля, «Германский генеральный штаб» Г. Куля и другие.

Вышла в этой серии и книга наркома Ворошилова «Оборона СССР», в которой много места занимает славословие заслуг Сталина, его полководческих качеств, вклада в победу на фронтах Гражданской войны. Ворошилов однозначно утверждает, что в будущей войне СССР победит в любом случае и победа эта будет достигнута малой кровью и с минимальной затратой сил и средств.

Проследим судьбу некоторых военных ученых, упомянутых выше. А начнем с бывшего военного министра во Временном правительстве Керенского, генерал-майора старой армии Александра Ивановича Верховского. Он имел за плечами весьма сложную биографию. В десятилетнем возрасте поступив в Александровский кадетский корпус, Саша Верховский через пять лет переводится в Пажеский корпус, где, будучи первым учеником в классе, получает чин фельдфебеля. В феврале 1905 года в результате конфликта с одноклассниками и последовавшего за ним расследования с политической подоплекой был фактически исключен из корпуса. Некоторые детали этой нашумевшей в Петербурге «истории Верховского» содержатся в воспоминаниях бывшего камер-пажа Б. А. Энгельгардта:

«Время было революционное, но настроения такого порядка, конечно, не находили никакого отзвука в среде пажей. Вполне понятным является возмущение, которое охватило товарищей Верховского, когда они обнаружили, что их фельдфебель ведет какие-то недопустимые политические разговоры с вестовыми манежа...»[\[123\]](#)

Содержание одной из таких бесед однокашник Верховского излагает следующим образом: «Однажды во время подавления беспорядков в Петербурге в нашем манеже стоял 2-й эскадрон конно-гренадер. Мы часто ходили в манеж смотреть на лошадей, знакомились с солдатами, спрашивали их о службе, о деревне... И они, в свою очередь, зная, что мы готовились стать офицерами, интересовались нашей службой. Раз во время такого разговора Верховский спросил: «А что, господа офицеры бьют вас?» «Как же за дело не бить? — ответил ближе других стоявший взводный». «Никто не имеет права бить солдата, — заметил Верховский... Эта бестактная выходка Верховского вызвала взрыв возмущения среди нас, и тут же было решено заставить его изменить свое поведение»[\[124\]](#).

Сокурсники предложили Верховскому оставить Пажеский корпус по причине несогласия с его взглядами на происходящие события, о чем последний немедленно доложил по команде. Сначала командование попыталось спустить все на тормозах. Однако скандал потушить не удалось. Вест о беспорядках в Пажеском корпусе быстро разнеслась по Петербургу. Молва приписывала Верховскому, что он «оказался причастным к делу противоправительственной агитации». И тогда делу дали официальный ход. Вскоре состоялось заседание дисциплинарного комитета Пажеского корпуса под председательством великого князя Константина Константиновича, на котором выяснилось, что Верховский позволял себе осуждать «как отдельные распоряжения правительства, так и общее положение вещей, которому приписывал неудачи, постигшие Россию».

В частности, один из опрошенных пажей сообщил: «В разговорах о беспорядках Верховский выразил, что не те враги, кто производит беспорядки, а те, кто приказывает в них стрелять, и высказывал презрение относительно частей войск, которые рубили». Император Николай II выразил неудовольствие результатами разбирательства и приказал провести дополнительное расследование. После заслушивания итогов расследования он повелел в марте 1905 года исключить Верховского из корпуса и перевести его на службу в 35-ю артиллерийскую бригаду, находившуюся в Маньчжурии, вольноопределяющимся унтер-офицерского звания.

За храбрость, проявленную в боях с японцами, Верховский был награжден солдатским Георгиевским крестом. Через три месяца после исключения его из Пажеского корпуса он производится в офицеры. В 1911 году оканчивает Николаевскую академию Генерального штаба. В Первую мировую войну находился на штабных должностях. Февральскую революцию Верховский встретил начальником штаба отдельной Черноморской дивизии. Вскоре он был избран заместителем председателя Севастопольского совета солдатских и рабочих депутатов. В этот же период у Верховского происходит знакомство с А.Ф. Керенским. В июне 1917 года его назначают командующим Московским военным округом. Поддержав Керенского против Корнилова, Верховский тем самым предопределил себе должность военного министра во Временном правительстве, которую он исполнял в августе по октябрь 1917 года. На этом посту Верховский предпринял ряд попыток повысить боеспособность армии, но, убедившись в невозможности для России продолжать войну, выступил за заключение мира, даже если на это не пойдут союзники. Такое несогласие с политической линией правительства повело к отстранению его Керенским от занимаемой должности.

После Октябрьской революции Верховский вместе с несколькими членами ЦК партии эсеров отправился в Ставку в Могилев, где пытался, опираясь на эсеровские армейские комитеты, создать «демократическое правительство». В декабре 1917 года по поручению руководства партии эсеров он прибыл в Киев для организации совместно с Украинской Радой борьбы против советской власти путем создания «армии Учредительного собрания». После провала нескольких таких попыток Верховский высказал желание отправиться волонтером в русский экспедиционный корпус во Франции, но не получил согласия французской и американской военных миссий.

По возвращении в Петроград А.И. Верховский был арестован органами ВЧК, но через два месяца освобожден. В марте — апреле 1918 года он принимает участие в работе подпольной эсеровской организации «Союз защиты Родины и свободы», за что в мае был снова арестован, однако в конце ноября того же года освобожден. В декабре 1918 года мобилизован в Красную Армию и назначен начальником оперативного отдела штаба Петроградского военного округа. В феврале 1919 года он обратился с письмом к председателю Петросовета Г.Е. Зиновьеву, в котором признавал советскую власть и выражал просьбу об отправке его на фронт. Решением ЦК партии большевиков был направлен в тыловое ополчение, где вскоре был снова арестован. После шестимесячного заключения освобождается и направляется в Запасную армию республики на преподавательскую работу.

Сначала Верховский читает курс тактики на Казанских инженерных курсах. В мае 1920 года он вместе с А. А. Брусиловым и другими бывшими генералами вошел в состав Особого совещания по обороне при Главкоме С.С. Каменеве. В 1921 году назначается штатным преподавателем в Военную академию РККА. В 1922 году Верховский выступил на процессе правых эсеров как свидетель, где публично отказался от политической деятельности. В этом же году он принимал участие в работе мирной Генуэзской конференции в качестве военного эксперта советской делегации.

В 1927 году Верховскому было присвоено звание профессора высших военно-учебных заведений РККА. Этого высокого ученого звания он удостоился за большой вклад в военную науку и подготовку командных кадров для Красной Армии. Его научная работа была исключительно плодотворной: только за несколько лет после окончания Гражданской войны он написал «Очерк по истории военного искусства в России XVIII — XIX века» (1921); «Основы подготовки командиров» (1926); «Методика практических занятий на карте» (1926); «Общая тактика» (1927); «Огонь, маневр, маскировка» (1928).

В мае 1930 года А.И. Верховский получает назначение в войска — начальником штаба Северо-Кавказского военного округа. Эта работа пришлась ему по душе, ибо позволяла на деле применить обширные знания и имеющийся практический опыт. Другими словами, то был выход на оперативный простор, хотя, как он прекрасно понимал, СКВО по своему значению совершенно не равнозначен ни Украинскому, ни Белорусскому и даже ни Сибирскому, кстати самому большому по занимаемой территории. Тем не менее Верховский, приняв должность, энергично взялся за работу и вместе с командующим И.П. Беловым и членом Военного совета С.Н. Кожевниковым провел в жизнь значительную часть намеченных мероприятий по организации процесса боевой и политической подготовки в частях и соединениях округа.

В те годы напряженно работали не только в Красной Армии — в ОГПУ тоже не дремали, отрабатывая свой хлеб. Все бывшие офицеры царской армии, не говоря уже о генералах, оказались там на строгом учете и при необходимости, по планам этого ведомства, тот или иной из них вводился в жестокую игру, ставкой в которой была жизнь. В конце концов пришел черед и

Верховского: 2 февраля 1931 года по доносу он был арестован и помещен в Воронежский следственный изолятор. Обстановка там оказалась крайне тяжелой, не в пример его предыдущим арестам — следователи Николаев и Перлин настойчиво требовали от него признания в антисоветской деятельности. Не добившись таких показаний в Воронеже, руководство ОГПУ надеялось это сделать в Лефортовской тюрьме, где условия содержания были еще более суровы, а допросы — изощреннее. И все равно Верховский решительно отрицает все предъявляемые ему обвинения, называя их вздорными и клеветническими.

Как сообщал Верховский в письме наркому Ворошилову (ноябрь .1934 года), признаваться он должен был, ни много ни мало, в следующих своих «грехах»:

1. Что вступил в Красную Армию с целью подрыва ее изнутри, для чего все время группировал вокруг себя контрреволюционное офицерство.
2. Что кафедру тактики Военной академии имени М.В. Фрунзе сделал своим своеобразным штабом, где разрабатывал планы восстания в Москве в дни мобилизации при объявлении войны.
3. Что был завербован английской разведкой в 1922 году в период проведения Генуэзской конференции.
4. Что в бытность свою начштаба СКВО готовил восстание на Северном Кавказе.
5. Что все годы службы в Красной Армии проводил вредительство, где только мог.

Верховскому грозили неминуемым расстрелом в случае дальнейшего запирательства, обещая дать всего лишь 3 — 4 года тюрьмы, если он станет на колени перед партией и «разоружится», то есть признается в инкриминируемых ему преступлениях, и попросит прощения. Следователь Николаев не раз обещал согнуть его в бараний рог и заставить на коленях умолять о пощаде. Такое продолжалось в течение одиннадцати месяцев. Характерно заявление одного из руководителей ОГПУ (не самого крупного калибра) Иванова на жалобу Верховского о незаконных методах следствия: «Мы сами законы писали, сами и исполняем» Комментарии здесь, очевидно, совершенно излишни.

Верховский возлагал большие надежды на органы прокуратуры, однако в ходе трех посещений его прокурором (по жалобам о грубом нарушении законов следователями ОГПУ) он утвердился в мысли, что с этой стороны облегчения своей участи ему ожидать не следует. Морально-психологическое состояние его было исключительно тяжелым: постановлением Коллегии ОГПУ от 18 июля 1931 года он за «антисоветскую деятельность» приговорен к высшей мере наказания — расстрелу. В смертниках Верховский ходил почти пять месяцев, когда в начале декабря 1931 года тот же судебный орган заменил ему смертную казнь заключением в концлагерь сроком на 10 лет.

Из Лефортово Верховского переводят в третье по счету место заключения — в Ярославский изолятор особого назначения. Вот как описывает все это сам А.И. Верховский: «...После 11 месяцев следствия во внутреннем изоляторе ОГПУ меня перевели в Ярославль... Я был посажен в одиночку, лишен всякого общения с семьей и даже с другими заключенными. Тюремный режим был нарочно продуман так, чтобы обратить его в моральную пытку. Запрещалось все, вплоть до возможности подойти к окну, кормить птиц и даже петь хотя бы вполголоса. В тюрьме были случаи сумасшествия, повешения и т.п.»[\[125\]](#).

Единственное, что Верховскому разрешили в Ярославле, и то по его многочисленным предыдущим просьбам к наркому Ворошилову, так это писать научные труды. Писал их бывший генерал-майор в угнетающей его атмосфере тюрьмы, в перерывах между изнуряющими допросами, писал в надежде, что его творения достойно будут оценены «там, наверху» (в ЦК ВКП(б) и наркомате по военным и морским делам), а их автора освободят из заключения. Время от времени при допросах следователь давал понять, что все может измениться в лучшую сторону, если у Верховского будет «что-нибудь новое».

Узник Ярославского политического изолятора отчаянно сопротивляется, требуя пересмотра дела. «За два года моим родным удалось добиться только двух свиданий. В феврале 1933 года я объявил первую голодовку. Через 5 дней приехавший следователь сообщил, что выдвинутые мной требования о пересмотре дела и даче возможности защищаться, так как это предусмотрено нашим УПК (Уголовно-процессуальным кодексом), будут исполнены.

Прошло 8 месяцев без всяких последствий. Я объявил новую голодовку. На 16-й день в тюрьму приехал т. Катаньян, которому я вручил подробное заявление. В результате я был переведен на общее содержание: прогулки, стал получать регулярно свидания с родными и получил право на переписку»[\[126\]](#).

В одной из первых своих «тюремных» научных работ Верховский достаточно полно показал изменения в операции в целом и в тактике боя в частности, осветил сущность глубокой тактики, раскрыл значение и основные положения организации противотанковой обороны и разведки, управления войсками в различных видах боевой деятельности. При этом он максимально учел те качественные изменения, которые произошли в материально-техническом оснащении Красной Армии к 1931 году (моменту написания труда). Показал он также и возможные перемены в указанных областях при дальнейшем развитии военного дела.

В 1933 году Верховским написаны труды «О военно-научной работе», «О глубокой тактике»; в 1934-м — «Выводы на опыте русско-японской войны 1904 — 1905 годов с точки зрения нашей борьбы против японского империализма в 1934 году». Все написанное им просматривалось лично начальником Особого отдела ОГПУ (сначала М.И. Гаев, а затем И.М. Леплевским) и уже потом направлялось конкретному адресату — наркому обороны СССР Ворошилову. Переписка на этот счет между ОГПУ и наркоматом обороны представляет значительный интерес.

«Начальнику Главного управления РККА

тов. Фельдману

Согласно личным переговорам посылаю труд А.И. Верховского «О военно-научной работе».

Помощник начальника Особого отдела ОГПУ

15 июня 1933 года Добродищев»

«Народному комиссару обороны Союза ССР тов. Ворошилову

По Вашему приказанию я дал через Особый отдел ОГПУ задание Верховскому А.И. написать о «Глубокой тактике». Работу его, вернее набросок, направляю Вам для ознакомления. Некоторые его мысли заслуживают внимания.

20 июня 1933 года

Начальник Главного управления РККА

Фельдман»

«Политбюро ЦКВКП(б).

Тов. Сталину

Посылаю копию заявления Верховского А.И. и его статьи: «Выводы на опыте русско-японской войны 1904 — 1905 годов с точки зрения нашей борьбы против японского империализма в 1934 году».

Если и допустить, что, состоя в рядах Красной Армии, Верховский А.И не был активным контрреволюционером, то во всяком случае другом нашим он никогда не был. Вряд ли теперь стал им. Это ясно.

Тем не менее, учитывая, что теперь обстановка резко изменилась, считаю, что можно было бы без особого риска его освободить, используя по линии научно-исследовательской работы.

Ворошилов

9 мая 1934 года»[{127}](#)

Как усматривается из приведенных выше документов, «там, наверху», делом Верховского интересовались, им занимались самые высокие инстанции. В результате, после трех лет тюремного кошмара, Верховский освобождается из-под стражи. И все это только потому, что Сталин и Ворошилов благожелательно отнеслись к научным трудам опального профессора. Свобода и на сей раз была дарована Верховскому, однако подозрения в отношении него так и остались. И не только у органов госбезопасности, недовольных уже тем, что такая «золотая рыбка» ускользнула из их невода. Они остались, как это четко обозначено в записке Ворошилова Сталину, у самого наркома обороны, несмотря на верноподданнические заверения Верховского в обратном.

Недоверие оставалось и после возвращения его в ряды Красной Армии. О прежней должности в войсках не приходилось и думать. Зачисленный в распоряжение Разведуправления РККА, Верховский вынужден довольствоваться отдельными разовыми, зачастую второстепенными, заданиями, что ни в коей мере не могло удовлетворить такого крупного теоретика и практика, каким являлся вчерашний профессор Военной академии имени М.В. Фрунзе. И снова он вынужден обращаться к Ворошилову: «...Я чувствую себя невыносимо глупо. Я восстановлен в Красной Армии, получаю большое содержание и внешне все как будто хорошо, но мне не дают работать. Единственное, что я делаю — это составление компилятивных статей для «Информсборника». Между тем мне 48 лет, за плечами не часто встречающийся опыт трех войн и 25 лет научной и практической работы и горячее желание сделать все для того, чтобы то величественное дело, которое делает под руководством партии наша страна, не было сорвано...»[{128}](#)

Не сразу, но все же режим вокруг Верховского был несколько смягчен. Его назначают преподавателем на стрелково-тактические курсы «Выстрел». Это был не лучший, но, все-таки выход из положения, хотя до ранга академии «Выстрелу» было далеко. И только в 1936 году позиции Верховского значительно упрочились — его перевели преподавателем в Академию Генерального штаба. Но работать там пришлось совсем недолго — 11 марта 1938 года комбриг

Верховский был снова арестован, на этот раз уже окончательно и бесповоротно. Не пришли на помощь ни Ворошилов, ни Сталин, ни Прокурор СССР, к которым Александр Иванович обращался с просьбами и заявлениями.

Обвинение было стандартным по тому времени — активная вредительская деятельность, участие в антисоветском военном заговоре, подготовка террористических актов против руководителей партии и правительства. Одним из «доказательств» причастности бывшего генерала Верховского к подготовке террористических актов послужил найденный у него при обыске наградной пистолет, полученный им в 1916 году за отличия в боях с немцами.

Припомнили ему и старые «грехи», вписав в строку обвинительного заключения, что он в 1917 году входил в эсеровско-меньшевистский «Союз защиты Родины и свободы» и якобы принимал участие в разработке планов наступления сил контрреволюции на Петроград и Москву, а в 1918 году по поручению этого Союза и французского военного атташе Нисселя возглавлял подготовку контрреволюционного мятежа в Петрограде. Один из пунктов обвинения заключался в том, что в 1930 году Верховский вместе с И.П. Беловым — командующим войсками СКВО — якобы готовили восстание против Советской власти на Северном Кавказе^[129].

Следствие на этот раз длилось недолго — 19 августа 1938 года по приговору Военной коллегии А.И. Верховский был осужден к расстрелу. Остались его дневниковые записки «Россия на Голгофе», охватывающие важнейшие события империалистической войны и доведенные до 1918 года. Работая над ними уже в советское время, Верховский и представить себе не мог, что ему самому предстоит пройти через столь нелегкие испытания и трагически завершить свой земной путь. Так что название для своей книги он выбрал прямо-таки символическое, невольно подведя тем самым и себя под эту грань.

Некоторые важные идеи и направления военной науки, несправедливо остававшиеся долгие годы не востребуемыми, принадлежали уму и перу видного военного теоретика 20-х и начала 30-х годов комдива Свечина Александра Андреевича. Получилось так, что на данном рубеже самые острые дискуссии по военно-политическим и стратегическим вопросам велись именно вокруг трудов профессора Свечина. Это касалось вопросов использования опыта Гражданской и Первой мировой войн, характера будущей войны, различных проблем военной доктрины государства, а также тактики, оперативного искусства и стратегии Красной Армии.

Генерал-майор А.А. Свечин принадлежал к той группе старых военных специалистов, которые, поступив на службу в Красную Армию, отдавали ей весь свой талант, силы и знания. Родился он в 1878 году в дворянской семье. Накануне русско-японской войны окончив Академию Генерального штаба, он принял участие в боевых действиях. Свечин — участник Первой мировой войны. В старой армии командовал полком, дивизией, был начальником штаба армии, работал в Ставке. С 1918 года в Красной Армии — начальник штаба Западного участка отрядов завесы, начальник дивизии и Всеросглавштаба, преподаватель Военной академии РККА. С декабря 1918 по май 1921 года возглавлял Военно-историческую комиссию Всеросглавштаба по использованию опыта Первой мировой войны.

Более полно понять всю глубину трагедии — как личной, так и творческой — помогают документы, имеющиеся в личном деле А.А. Свечина. Один из них — характеристика на профессора Военной академии РККА Свечина, подписанная в мае 1924 года военным комиссаром этого учебного заведения Р.А. Муклевичем. Приведем выдержку из нее.

«...Всесторонне образованный военный специалист. Имеет огромный опыт двух войн (японской и империалистической войн) на самых различных должностях (от работы в Ставке до командира полка)... Свечин является ценнейшим профессором в Военной академии. Его занятия по стратегии благодаря неизменной оригинальности замысла, всегда простого и остроумного, являлись в настоящем учебном году одним из больших достижений на старшем курсе...

...Парадоксальный по своей натуре, чрезвычайно ядовитый в общезитии, он не упускает случая подпустить шпильку по всякому поводу. Однако работает чрезвычайно плодотворно»[\[130\]](#).

Далее Ромуальд Муклевич дает Свечину политическую оценку, сравнивая его поведение и взгляды с другими представителями старого генералитета, работавшими тогда в академии. Правда, комиссар Муклевич без всяких на то оснований назвал Свечина монархистом, хотя тот никогда таковым не являлся: «Монархист... по своим убеждениям, он, будучи трезвым политиком, учел обстановку и приспособился. Но не так топорно, как Зайончковский («сочувствует коммунистической партии»), и не так слащаво, как Верховский, а с достоинством, с чувством критического отношения к политическим вопросам, из коих по каждому у него имеется свое мнение, которое он выражает. Особенно ценен как борец против рутинерства и консерватизма своих товарищей по старой армии (нынешних преподавателей академии), слабые стороны которых он знает лучше кого бы то ни было.

Свечин — самый выдающийся профессор академии»[\[131\]](#).

На наш взгляд, военный комиссар академии подготовил весьма объективную характеристику. В целом доброжелательная, она верно отражает как деловые, так и личные качества Свечина. На примере данного документа лишний раз убеждаешься в том, что не все комиссары Красной Армии были с узко закорюзлым мышлением, «зашибленные» коммунистической идеологией, думающие только о том, как бы побольше уничтожить своих политических противников. В лице Муклевича мы видим комиссара, способного должным образом оценить профессиональные качества преподавателя академии, разобраться в сложных психологических аспектах человеческих взаимоотношений.

Главным из сказанного является тот факт, что Свечин в то время входил в число лучших профессоров Военной академии РККА (ныне Военная академия имени М.В. Фрунзе). А что касается особенностей характера Свечина, его стремления везде и всюду «подпущать шпильки» коллегам, так этот аспект является весьма спорным, так как при желании подобное качество можно выдать и за позитив. Недаром же Муклевич отмечает, что Свечин особенно нужен им как непримиримый борец против рутины и консерватизма в преподавании военных дисциплин, которыми страдали многие старые военспецы.

Горячность и резкость в суждениях Свечина, отсутствие у него так называемой «философской гибкости» во взаимоотношениях и боязни испортить их способствовали росту числа его недругов, в чем он сам признавался неоднократно. Так, в автобиографии, датированной 1937 годом, он весьма самокритично писал: «Моим недостатком является неполнота моего философского образования., чем охотно пользовались как оружием против .меня мои противники, а их было очень много, т.к. в научных и служебных вопросах я всегда являлся беспощадным...»[\[132\]](#)

Итак, Свечин горяч, зачастую парадоксален, резок и беспощаден в споре, ироничен в общении, но чрезвычайно плодovit в работе. Действительно, двадцатые — тридцатые годы были для Свечина настоящей «болдинской осенью». Именно в эти годы из-под его пера одно за другим вышли такие

фундаментальные исследования, как «История военного искусства» в трех частях (1922 — 1923), «Эволюция военного искусства» в двух томах (1927 — 1928), «Клаузевиц» (1935), «Стратегия XX века на первом этапе»(1937).

Основным же своим трудом Свечин всегда по праву считал книгу I «Стратегия», вышедшую двумя изданиями в 1923 и 1927 годах. В ней он попытался тесно увязать вопросы стратегии с политикой, с экономической стороной войны, учитывая при этом уровень социального и культурного развития общества. Исследователь убедительно показал, что современные войны ведутся не только вооруженными силами воюющих сторон, но в них так или иначе участвует весь политический и экономический потенциал противоборствующих государств.

Эта книга, отличающаяся обилием фактического материала, широтой постановки теоретических вопросов и глубиной научного анализа, вызвала волну ожесточенных нападок на автора. Вернее будет сказать — его планомерную травлю. Началась она сразу же после выхода книги в свет. В чем только не обвиняли Свечина его оппоненты! — ив пропаганде пораженческих настроений, и в протаскивании реакционных и немарксистских взглядов по вопросам стратегии и военного искусства, и в недооценке марксистско-ленинской методологии. Активное участие в этой позорной кампании принял ряд военачальников из Штаба РККА и центральных управлений наркомата по военным и морским делам, а также некоторые коллеги Свечина из числа профессорско-преподавательского состава Военной академии имени М.В. Фрунзе. Свой вклад в шельмирование видного военного теоретика внесла и Секция по изучению проблем войны при Коммунистической академии. На ее заседаниях труды А.А. Свечина, А.И. Верховского подверглись уничтожающей критике за якобы ошибочные положения методологического характера в области военной стратегии.

В частности, отмечалось, что Свечин при рассмотрении вопросов подготовки и ведения войны в целом не смог уйти дальше обобщения опыта минувших войн и стратегических концепций своих предшественников. Указывалось, что взгляды Свечина, несмотря на многие правильные и ценные выводы при рассмотрении им вопросов ведения вооруженной борьбы, по своему духу оставались консервативными. Что якобы он не смог понять новых явлений, порожденных социалистической революцией, созданием армии нового типа, не увидел специфики и перспектив развития советской военной мысли. Оппоненты упрекали его в создании некой общей абстрагированной стратегии, пригодной для любой страны, независимо от ее общественно-экономического строя^[133].

В гонениях на А.А. Свечина активно участвовал и М.Н. Тухачевский, который ранее, будучи начальником Военной академии РККА, аттестовал его как выдающегося ученого с тонко развитым оперативным мышлением. Сам Свечин был одно время даже уверен в том, что Тухачевский является главным организатором такой травли, своего рода мести за критические высказывания в его адрес. В одном из документов Свечин писал, что «в 1930 году... Тухачевский, которого я неоднократно изобличал на диспутах (1927), в литературе, на лекциях и совещаниях, выступил с обвинением старых специалистов в реакционности и в том, что они являются проводниками пораженческого движения и буржуазной агентурой в Красной Армии. Лично мне Тухачевский посвятил два доклада в Москве в комакадемии и один доклад в Ленинграде...»^[134]

Многолетняя травля А.А. Свечина со стороны руководства РККА и некоторых представителей молодой поросли советских военных ученых вызвала выход в свет специального сборника, изданного в 1931 году под названием: «Против реакционных теорий на военно-научном фронте. Критика стратегических и военно-исторических взглядов проф. Свечина». Такой удар трудно было

перенести даже человеку с темпераментом флегматика, не говоря уже о Свечине с его горячностью и повышенной возбудимостью.

Однако указанным злоключением 1931-й год для Свечина не закончился. Вообще этот год был для него зловеще памятным — одно несчастье следовало за другим. Именно тогда он вместе с группой бывших военспецов (С.Н. Богомягков, А.И. Верховский, С.А. Пугачев и др.) подвергся аресту по обвинению в принадлежности к некоей мифической монархистской антисоветской организации офицеров, идея создания которой родилась в недрах ОГПУ. Формальным поводом к подобному обвинению Свечина было поддержание им знакомства с А.Е. Снесаревым, бывшим начальником Военной академии РККА, генералом царской армии, также арестованным «бдительными» чекистами. И это несмотря на то, что профессор Снесарев одним из первых в СССР в 1928 году был удостоен почетного звания «Герой труда». Подлинной же причиной своего ареста Свечин считал имеющиеся разногласия с Тухачевским. Конечно, такой вывод являлся лично его, Свечина, умозрительным заключением и не более того, так как в следственных материалах по обвинению его нет ничего такого, что бросало бы тень подозрения на маршала Тухачевского.

На следствии Свечин решительно отрицал всякую вину в этом деле. И тем не менее в том же 1931 году постановлением Коллегии ОГПУ он был приговорен к заключению в лагерь сроком на пять лет. Через год, после ходатайства Ворошилова, Свечина досрочно освободили и восстановили в кадрах РККА. Опытнейший военный педагог, он, как и А.И. Верховский, вынужден был в течение нескольких лет маяться на второстепенных должностях, к каковой вполне можно отнести его пост состоящего в распоряжении Разведуправления Красной Армии. Там Свечин выполнял отдельные поручения, как то: составление различных статистических и справочных данных, обзоров и т.п. Например, тогда им был подготовлен справочник «Японская армия в прошлом и настоящем».

Наконец-то в 1936 году намечился просвет в тучах — Свечина назначили помощником начальника кафедры военной истории Академии Генерального штаба. Незадолго до этого назначения ему было присвоено персональное воинское звание «комдив». Здесь он обошел бывшего военного министра А.И. Верховского, который тогда же стал только «комбригом». Окрыленный оказанным ему доверием, с приливом новых сил Свечин активизирует свою научную работу. В результате в 1937 году выходит его новый солидный труд под названием «Стратегия XX века на первом этапе».

Удивительно еще, что Свечина арестовали не в начале или середине, а лишь в самом конце 1937 года. Оснований же к такому аресту, по меркам Особого отдела ГУГБ НКВД, было более чем достаточно. Оставалось только полистать его личное дело, почитать характеристики и аттестации на него — и текст обвинительного заключения фактически был бы готов. Чего там только не было (ведь не все же начальники были такими умными и проницательными, как Р. А. Муклевич) — тут и приверженность к монархизму, и неприятие в 1917 году Октябрьской революции, и пропаганда немарксистских, «пораженческих» взглядов в вопросах военного искусства, и отсутствие твердых идеологических позиций, и наличие брата Михаила в эмиграции, и, наконец, сотрудничество (правда, весьма кратковременное) с адмиралом Колчаком. В обвинительном заключении содержался и пункт о подготовке Свечиным боевых групп для проведения террористических актов над руководителями ВКП(б) и советского правительства^[135].

Судила Свечина Военная коллегия Верховного суда СССР в конце июля 1938 года, приговорив его к высшей мере наказания — расстрелу. Долгие годы имя А.А. Свечина находилось в полном забвении, а труды его были изъяты из библиотек и надежно упрятаны в спецхраны, откуда ныне с большим трудом возвращаются к читателю. Полностью комдив А.А. Свечин реабилитирован в сентябре 1956 года (посмертно).

В том, что отношение в НКВД к ценности отдельно взятой человеческой личности было самое плевое, лишней раз убеждаешься, листая дело по обвинению комкора С.А. Меженинова, заместителя начальника Генерального штаба Красной Армии. Открывается оно совсем небольшой справкой с грифом «совершенно секретно» за подписью начальника Особого отдела ГУГБ НКВД СССР комиссара госбезопасности 3-го ранга Н.Г. Николаева-Журида, исполненной в июне 1937 года.

«Начальник 1 отдела Генштаба РККА — комкор Меженинов Сергей Александрович является участником контрреволюционного троцкистского заговора в армии и занимался шпионажем в пользу иностранного государства.

Прошу санкционировать арест Меженинова С.А.».

Читая этот достаточно трафаретный для НКВД тех лет документ, невольно задаешься вопросами. Во-первых, не указан адресат, хотя из практики работы Особого отдела в 1937 — 1938 годах известно, что таким лицом, имеющим право давать санкцию на арест руководителей такого ранга, как Меженинов, являлся нарком Ежов или его первый заместитель — начальник ГУГБ комкор М.П. Фриновский. Изучение других следственных дел подводит к выводу, что отсутствие адресата не есть чья-то ошибка, а результат прямого указания, видимо, самого Ежова. Возможно, что это делалось в расчете и на тот случай, когда Сталин, просматривая подобную информацию, сам давал санкцию на арест того или иного лица. Во-вторых, на справке не проставлена конкретная дата. Напрашивается следующий вывод: или она заготовлена заранее, так сказать впрок, или же у сотрудников Особого отдела была такая «запарка», что они же успевали надлежащим образом оформлять документы, санкционирующие арест. И третий вопрос, возникающий от прочтения этого небольшого по объему, но страшного, поистине зловещего по своему содержанию документа: уж в нем-то, имеющем высокий уровень секретности, можно, было бы назвать то иностранное государство, в пользу которого якобы занимался шпионажем заместитель начальника Генштаба Меженинов. Однако этого не было сделано и, видимо, потому, что органы советской контрразведки сами еще не решили, куда более выгодно «пристегнуть» его. В течение трех месяцев следствия они смогли это сделать, и пошел Меженинов под расстрел с клеймом четырежды шпиона — агента германской, польской, итальянской и японской разведок, хотя для того, чтобы получить после приговора пулю в висок или затылок, достаточно было упоминания и одной разведки.

Взяли Меженинова не из теплой домашней постели или служебного кабинета, а из палаты Кремлевской больницы, куда он попал после покушения на самоубийство. 10 июня 1937 года, накануне суда над М.Н. Тухачевским, Меженинов дважды (в грудь и в голову) выстрелил в себя из пистолета, но чудом остался в живых и в крайне тяжелом состоянии был помещен в больницу. Прежде чем приставить дуло пистолета к сердцу, он написал предсмертную записку следующего содержания: «Я был честным командиром и ни в чем не повинен. Беспечность и отсутствие бдительности довели до потери нескольких бумаг»[\[136\]](#).

В чем оправдывается Меженинов, говоря, что он всегда был честным и ни в чем не виновен, нам неизвестно, но можно догадываться, что обвинения в его адрес так или иначе были связаны с делом Тухачевского и его товарищей по процессу — ведь там проходили командиры, которые Сергея Александровича знали многие годы по совместной службе в РККА. А уж техника выбивания показаний на нужных им людей в ГУГБ НКВД была отработана до деталей.

А что касается потери нескольких бумаг, о которых упоминает Меженинов, то тут несколько запутанная ситуация, к созданию которой, по всем признакам, сумели приложить свою руку соответствующие подразделения «компетентных органов» в ходе подготовки процесса по делу Тухачевского. Именно в этот период из служебного сейфа Меженинова пропали несколько секретных документов, которые он, если верить материалам следственного дела, вовсе не потерял, а передал представителю германской разведки, на которую якобы работал несколько лет.

Обвинения Меженинова в этой части являются совершенно беспочвенными. Они были основаны на рапортах заместителя начальника Разведуправления РККА комдива А.М. Никонова и его сотрудников, а также работников 1-го отдела Генштаба, которым до ареста руководил Меженинов. Однако в этих рапортах не содержится никаких конкретных данных о пропавших документах. К тому же на запрос Главной военной прокуратуры Главное Разведывательное управление (ГРУ) Генштаба СССР сообщило, что оно данными об утере С.А. Межениновым в 1937 году каких-либо совершенно секретных документов не располагает. В архиве управления Генштаба, ведающего сохранностью секретной документации, также никаких сведений по данному вопросу обнаружить (и таким образом доказать вину Меженинова) не удалось. Тем более, что в суде он от своих показаний на предварительном следствии решительно отказался^[137].

Арестовали Меженинова 21 июня 1937 года, то есть через десять дней после его попытки самоубийством покончить с жизнью. Взяли прямо из палаты, не дождавшись выздоровления, хотя бы частичного, не считаясь с тем, что у него была повреждена ткань головного мозга. Из больницы Меженинова перевели в лазарет Бутырской тюрьмы, где, несмотря на исключительно болезненное состояние подсудимого, помощник начальника 5-го отдела ГУТБ капитан госбезопасности З.М. Ушаков приступил к его систематическим допросам без оформления их протоколами. Только через неделю Ушаков составил первый протокол допроса Меженинова, в котором говорится, что тот якобы признал себя виновным в причастности к антисоветскому военному заговору в РККА, в который был завербован М.Н. Тухачевским, а также в проведении вредительства и в шпионской деятельности в пользу ряда иностранных разведок. Подобным же образом Ушаков сочинил еще три протокола допросов аналогичного содержания. Никакими доказательствами (вещественными) показания эти подтверждены не были.

На суде 28 сентября 1937 года, как записано в протоколе судебного заседания (председательствующий — В.В. Ульрих, члены — И.Т. Голяков и Ждан) Меженинов виновным себя не признал и заявил, что «он врал на себя и на Красную Армию. Думал, что своими показаниями на предварительном следствии он принесет пользу Красной Армии». Вместе с этим он признал, что якобы являлся участником антисоветского заговора, знал о шпионской работе Тухачевского, но сам он шпионом не был.

Однако суд был неумолим. По статьям УК РСФСР 58 — 1 «б», 58 — 6, 58 — 8 и 58 — 11 он приговорил к высшей мере наказания — расстрелу с конфискацией всего лично ему принадлежащего имущества и лишением воинского звания «комкор» — Меженинова Сергея Александровича, 1890 года рождения, уроженца города Кашира, русского, женатого, происхождением из дворян, с высшим образованием, бывшего капитана царской армии, кандидата в члены ВКП(б) с 1931 года. Приговор был исполнен в тот же день.

Меженинов находился еще в Кремлевской больнице, будучи формально на свободе, а его дело уже получало максимальную раскрутку, в том числе и в партийном порядке. Решением партийной

комиссии при политуправлении Московского военного округа от 17 июня 1937 года он был исключен из партии с формулировкой: «за попытку покончить жизнь самоубийством и тем самым скрыть свои связи с врагами народа»^[138]. Присутствие самого Меженинова для такого решения совершенно не потребовалось, да оно и не сыграло бы ровно никакой существенной роли, ибо решение было predetermined заранее.

Пострадала и семья Меженинова — жена Софья Петровна, врач по образованию, и сын Петр, слушатель Военно-воздушной академии. Софья Петровна, арестованная в середине июля 1937 года, как член семьи изменника Родины, была осуждена постановлением Особого Совещания при НКВД СССР в октябре того же года к восьми годам ИТЛ. Наказание отбывала в Карлаге. Там же, находясь на положении административно ссыльной, она умерла в августе 1950 года. Петр Меженинов после ареста отца отчисляется из академии и вскоре (в ноябре 1937 г.) арестовывается по обвинению в принадлежности к антисоветской террористической группе, состоявшей якобы из детей репрессированных военачальников Красной Армии. А еще через месяц без долгого разбирательства он Военной коллегией приговаривается к расстрелу. Вместе с ним в один и тот же день были осуждены и расстреляны по такому же обвинению сын ком-кора Н.Н. Петина — Лев и сын коринтенданта Д.И. Косича — Николай.

В 1957 году комкор С.А. Меженинов, его жена и сын были полностью реабилитированы.

Основные труды С.А. Меженинова: «Вопросы применения и организации авиации» (1924); «Основные вопросы применения ВВС» (1926); «Воздушные силы в войне и операции» (1927).

Помимо С. А. Меженинова, значительный вклад в теорию и практику боевого применения ВВС внесли в 20-е и 30-е годы также В.В. Хрипин, А.Н. Лапчинский, Б.Л. Теплинский, Е.И. Татарченко. Не имея возможности рассказать о каждом из названных военачальников, остановимся на трагической судьбе комкора Хрипина.

Василий Владимирович Хрипин перед арестом (26 ноября 1937 г.) занимал должность командующего авиационной армией особого назначения (АОН). Следствие по его делу длилось до лета 1938 года. В чем только его не обвиняли! Наряду с тем, что существовало объективно (дворянское происхождение, бывший офицер старой армии), ему вменили в вину целый набор других, более тяжких государственных преступлений — шпионаж, вредительство, заговорщическую деятельность. Дабы не быть голословным, обратимся к тексту обвинительного заключения по его делу, утвержденного в июле 1938 года начальником Управления особых отделов НКВД СССР комбригом Н.Н. Федоровым и заместителем Прокурора СССР Рогинским. В нем констатировалось:

«Следствием установлено, что Хрипин, происходящий из дворянской семьи, офицер-монархист, начал свою контрреволюционную, шпионскую и предательскую деятельность с первых дней гражданской войны.

В период 1918 — 21 г. Хрипин укрывал бывших офицеров в авиационном отряде, которым он командовал, и организовывал нелегальную отправку их к англичанам в Архангельск, к чехословакам на Волгу и на Украину к гетману.

В антисоветский заговор Хрипин был вовлечен Межениновым и Тухачевским в 1932 году. К этому периоду Хрипин уже участвовал в контрреволюционных офицерских группировках, из которых и сложился заговор.

Шпионская деятельность Хрипина началась с 1920 г., когда он через француза Пиронэ передал сведения об авиации французской разведке. С немецкой разведкой Хрипин связался в 1922 г. через концессионного представителя фирмы «Юнкере», затем с итальянской разведкой Хрипиным была установлена связь в 1932 г.

В своей шпионской деятельности Хрипин был совершенно свободен, т.к. по своему служебному положению он неоднократно ездил в Германию, Англию, Чехословакию, Францию, Польшу и в СССР имел непосредственные связи с приезжавшими от этих стран представителями. Хрипин передавал разведкам этих стран абсолютно все данные, касающиеся авиации РККА, авиапромышленности и т.д. Особо щедро снабжалась материалами германская разведка.

Деятельность Хрипина по подрыву боеспособности ВВС РККА началась с 1922 г. и проводилась им во всех областях боевой, технической, вооружения, снабжения, комплектования кадрами и развития ВВС — до момента ареста...

Будучи командующим авиационной армией, Хрипин готовил поражение ее, увязывая с общей разработкой оперативного плана, направленного к поражению всех войск РККА в будущей войне.

Во всей своей шпионской, предательской работе Хрипин был тесно связан с расстрелянными врагами народа Тухачевским, Якиром и другими...»[{139}](#)

Что тут скажешь! Ай да Хрипин! Все у него получалось по высшему классу: если уж передавать военные тайны, то абсолютно все до единой, ему известной; если уж заниматься шпионажем, то сразу в пользу разведок всех ведущих капиталистических стран Европы; если уж вредить, то во всех без исключения областях жизни и деятельности ВВС РККА.

Военная коллегия в своем заседании от 29 июля 1938 года приговорила его по пунктам 1 «б», 7, 8 и 11 58-й статьи Уголовного кодекса к смертной казни — расстрелу, с лишением воинского звания «комкор» и конфискацией имущества.

Совершенно необоснованные обвинения Хрипина в тягчайших преступлениях против Родины были опровергнуты при его реабилитации в 1956 году. Так на предварительном следствии кровавый следователь Особого отдела З.М. Ушаков принудил Хрипина написать, что в военный заговор он был завербован Тухачевским и Межениновым. Однако, как установлено проверкой, проведенной Главной военной прокуратурой, М.Н. Тухачевский никаких показаний в отношении Хрипина не давал, а С.А. Меженинов, между прочим, показывал, что «никаких разговоров о заговоре он с Хрипиным не вел»[{140}](#).

Относительно же шпионажа в пользу Франции, Германии, Италии, Англии, Чехословакии и Польши (шесть разведок!), которым Хрипин якобы систематически передавал секретные сведения о СССР и РККА, то, по данным КГБ СССР, подобная информация у них не зафиксирована, а это значит, что такое обвинение просто повисло в воздухе. Тем более что следствие так и не могло разжиться какими-либо вещественными доказательствами в подтверждение своих обвинений в адрес В.В. Хрипина, так как их вообще в природе не существовало.

Определением Военной коллегии Верховного суда СССР от 14 июля 1956 года несправедливый приговор в отношении Хрипина был отменен, а дело о нем прекращено за отсутствием в его действиях состава преступления.

Основные труды В.В. Хрипина: «Вопросы стратегии и тактики Красного воздушного флота» (1925); «Воздушная война» (в соавторстве с Е.И. Татарченко — 1934); «О господстве в воздухе» (1935).

Сообщим краткую информацию о судьбе других военных ученых, внесших значительный вклад в дело строительства и совершенствования Красной Армии в целом и ее отдельных родов войск, в развитие их тактики, стратегии и оперативного искусства. Напомним при этом, что лучшие умы советской военной науки были в основном сосредоточены в высших военно-учебных заведениях и прежде всего в Военной академии имени М.В. Фрунзе, а также в управлениях и отделах Штаба (с 1935 г. — Генерального штаба) Красной Армии. С 1936 года первенство по научному потенциалу среди вузов РККА перешло к Академии Генерального штаба, куда было назначено на работу большинство крупных ученых.

В таком фундаментальном научном исследовании, как «50 лет Вооруженных сил СССР», в разделе о развитии советской военной науки говорится, что в предвоенный период большое научное и практическое значение имели работы С.М. Белицкого, Н.Е. Варфоломеева, П.И. Вакулича, А.М. Вольпе, Я.Я. Алксниса, И.И. Вацетиса. О них, точнее о последних месяцах и днях их жизни, наш дальнейший разговор.

Комдив Алкснис Ян Янович, 1895 года рождения, начальник кафедры подготовки страны к обороне Академии Генерального штаба. Арестован 17 сентября 1938 года. Обвинение предъявлено по ст. 58 — 1 «б», 58 — 8 и 58 — 11 УК РСФСР. На предварительном следствии и в суде виновным себя не признал. Военной коллегией 26 ноября 1940 года приговорен к лишению свободы в ИТЛ сроком на пятнадцать лет. Умер в заключении (в Устьвымлаге) 23 декабря 1943 года^[141].

Основные труды: «Милицейское строительство» (1925); «О характере будущей мобилизации буржуазных армий» (1927); «Начальный период войны (1929).

Комдив Белицкий Семен Маркович, 1889 года рождения, начальник Военного издательства наркомата обороны. Арестован 29 мая 1937 года. В его следственном деле имеется письмо, написанное им 1 июля 1937 года на имя Сталина, в котором он отвергает все обвинения: «Уже 34 дня, как я арестован, сижу в Лефортовской тюрьме. Мне предъявлено обвинение в том, что я троцкист и участник военного заговора. Никогда я троцкистом не был, могу это доказать за каждые из 17 годов пребывания в партии. Я никакого отношения к военному заговору не имею». Аналогичное письмо направлено было наркому внутренних дел Ежову.

Однако пытки и истязания сделали свое черное дело — через двадцать дней после упомянутого выше письма Белицкий признал себя виновным и назвал известных ему участников военного заговора (комкоры Н.А. Ефимов, С.Е. Грибов, Р.П. Эйдемман, комдивы А.М. Вольпе, С.И. Венцов-Кранц и другие).

В случае с Белицким до суда дело не дошло: его организм не выдержал истязаний и побоев и он скончался в тюремной больнице 8 марта 1938 года. В акте о его смерти записано, что она наступила от паралича сердца. А почему, в силу каких обстоятельств это произошло — в акте не сказано ни слова. Хотя в тюрьме все прекрасно понимали, в чем истинная причина смерти. Таким образом в акте перепутаны между собой причина и следствие, произошла подмена одного другим.

Основные труды: «Характер современной войны» (1927); «К изучению опыта Гражданской войны 1918 — 1921 гг.»; «История Гражданской войны». Вып. 11 (1928); «Оперативная разведка» (1929); «Стратегические резервы» (1930); «Война» (1931).

Комдив Вакулич Павел Иванович, 1890 года рождения, начальник кафедры тактики высших соединений Академии Генерального штаба. Арестован 30 мая 1937 года. Обвинение предъявлено по ст. 58 — 1 «б», 58 — 8 и 58 — 11 УК РСФСР. В суде 13 июля 1937 года виновным себя признал, подтвердив показания, данные им на предварительном следствии. Военной коллегией приговорен к расстрелу. Реабилитирован посмертно в июле 1956 года.

Основные труды: «Взаимодействие войск» (1925); «О вторых эшелонах» (1930); «Временные тактические соединения и вопросы их применения» (1930).

Комбриг Варфоломеев Николай Ефимович, 1890 года рождения, начальник штаба Приволжского военного округа. Арестован 3 марта 1938 года. Обвинялся по ст. 58 — 1 «б» и 58 — 11 УК РСФСР. В суде 19 марта 1939 года при рассмотрении его дела Варфоломеев ни в чем себя виновным не признал и все показания, данные им на предварительном следствии, отрицал, заявив, что эти показания им давались вынужденно. Он обратился к составу суда с ходатайством о вызове и допросе в его присутствии лиц, давших показания о его принадлежности к военному заговору, однако такая просьба судом была отклонена. Оглашенный приговор был суров — смертная казнь через расстрел. Исполнение приговора произошло только два месяца спустя (8 мая 1939 г.), после того как кассационная жалоба осужденного была отклонена. Реабилитирован Варфоломеев посмертно в апреле 1956 года [\[142\]](#).

Основные труды: «Оперативное искусство на современном этапе» (1932); «Ударная армия» (1933); «Наступательная операция» (1937).

Командарм 2-го ранга Вацетис Иоахим Иоахимович, 1873 года рождения, профессор Военной академии имени М.В. Фрунзе. Полковник старой армии. Перед Октябрьской революцией командовал полком и бригадой. В Красной Армии — с начала ее организации. Был командующим Восточным фронтом и (до июля 1919 года) Главкомом Вооруженных Сил Республики. Затем, вплоть до своего ареста в конце ноября 1937 года, на преподавательской работе.

Из приговора по его делу видно, что он обвинялся в том, что с 1918 года являлся агентом германской разведки, по заданию которой в период Гражданской войны якобы осуществил ряд предательских действий, направленных на поражение Красной Армии. С 1921 года, будучи связан с латвийской разведкой, принял участие в создании фашистской шпионско-терро-ристической латышской организации для борьбы с советской властью [\[143\]](#).

Все эти и другие обвинения Вацетиса основаны были исключительно на его так называемых признательных показаниях, полученных от него в результате физических и моральных истязаний в ходе предварительного следствия. Подтвердил их Вацетис и в суде, но подтвердил только в общем плане, так как по существу пунктов обвинения он там не допрашивался. Других же объективных доказательств виновности Вацетиса в деле не имеется. Однако, несмотря на все это, он Военной коллегией был осужден 28 июля 1938 года к смертной казни. Реабилитирован посмертно в марте 1956 года.

Основные труды: «О военной доктрине будущего» (1923); «Человек и война» (1925); «Операции на восточной границе Германии в 1914 г.» (1929).

Комдив Вольпе Абрам Миронович, 1895 года рождения, начальник Административно-мобилизационного управления РККА. Арестован 30 мая 1937 года. Обвинение предъявлено по ст. 58 — 7, 58 — 8 и 58 — 11 УК РСФСР. Своим вербовщиком в состав военного заговора назвал маршала Тухачевского. На предварительном следствии виновным себя признал, на суде же (14 июля 1937 г., то есть через полтора месяца после ареста) проявил колебания: сначала отказался от ранее данных показаний, как от ложных, однако через несколько минут, по неизвестным нам причинам, снова подтвердил, что был членом военно-фашистского заговора. Приговорен к расстрелу. Реабилитирован посмертно в июне 1956 года.

Основной труд: «Фронтальный удар» (1931).

Далее только перечислим тех лиц из числа комначсостава РККА, кто наиболее успешно трудился в различных отраслях военной науки и затем подвергся репрессиям в 1937 — 1938 годах.

В области военной стратегии и оперативного искусства: комбриг Я.М. Жигур (1895 — 1937), помощник начальника кафедры тактики высших соединений Академии Генерального штаба РККА; комбриг Н.А. Су-лейман (1878 — 1942), инспектор по боевой подготовке сухопутных войск; комбриг Ф.Е. Огородников (1867 — 1939), научный сотрудник Военной академии имени М.В. Фрунзе; комкор Б.М. Фельдман (1890 — 1937), начальник Управления по начальствующему составу РККА; коринженер Я.М. Фишман (1887-1961), начальник Военно-химического управления РККА; комкор Р.П. Эйдеман (1895 — 1937), председатель Центрального Совета Осоавиахима СССР.

В области тактики пехоты: комбриг А.Г. Лигнау (1875 — 1938), старший руководитель тактики Военной академии имени М.В. Фрунзе; комдив В.Е. Гарф (1884 — 1938), начальник Военной академии связи; командарм 2-го ранга А.И. Седакин (1893 — 1938), начальник Управления ПВО РККА; комбриг Р.С. Циффер (1898 — 1938), старший тактический руководитель Академии Генерального штаба РККА.

В области применения бронетанковых войск: полковник С.Н. Аммо-сов (1897 — 1943), командир механизированной бригады; полковник А.Е. Громыченко (1885 — 1938), преподаватель Военной академии имени М.В. Фрунзе; полковник В.П. Крыжановский (1901 — 1937), начальник автобронетанковой службы корпуса; полковник Г.И. Садовой, 1898 года рождения, командир 32-й механизированной бригады; полковник В.В. Фавицкий (1896 — 1938), командир 1-й тяжелой танковой бригады.

В области боевого применения авиации: полковник А.С. Алгазин (1902 — 1937), начальник кафедры оперативного искусства Военно-воздушной академии имени профессора Н.Е. Жуковского; полковник А.К. Меднис (1895 — 1938), начальник учебной части командного факультета той же академии; комбриг А.Н. Лапчинский (1882 — 1938), преподаватель той же академии.

В области тактики конницы: комкор М.А. Баторский (1890 — 1938), помощник начальника кафедры Академии Генерального штаба; комбриг Б.К. Верховский (1893 — 1938), помощник инспектора кавалерии РККА; комбриг В.И. Микулин (1892 — 1961), начальник кавалерийских курсов усовершенствования комсостава РККА; комбриг М.С. Свечников (1882 — 1938), начальник кафедры истории военного искусства Военной академии имени М.В. Фрунзе.

В области тактики артиллерии: комбриг И.М. Кириллов-Губецкий (1898 — 1938), преподаватель Артиллерийской академии РККА; комбриг С.Г. Михайлов (1882 — 1938), начальник кафедры той же академии.

В области тактики инженерных войск: комбриг А.Д. Малевский (1891 — 1938), преподаватель Военно-инженерной академии РККА; дивинженер Г.Х. Потапов (1893 — 1938), начальник института инженерной техники.

Вскоре после ареста советских военных теоретиков стали изымать из библиотек и уничтожать их труды, как «вражеские», «вредные». А если при этом учесть, что были расстреляны и многие военачальники, воспитанные на данных идеях и воплощавшие их на практике, то налицо огромный провал в единой цепи теории и практики военного дела. Изъятие трудов репрессированных ученых сильно сдерживало развитие военного мышления новой волны командиров, выдвинутых перед войной на ответственные посты в Красной Армии. Им приходилось довольствоваться лишь скудным опытом боевых действий в Испании, на Хасане и Халхин-Голе, что было явно недостаточно для их быстрого и прочного становления. Самое же страшное заключалось в том, что стали подвергаться сомнению некоторые важнейшие положения основополагающего документа — Полевого устава Красной Армии 1936 года. И все по причинам, изложенным выше.

В качестве иллюстрации откровенного шельмования научных трудов военных ученых можно привести пример «реvisions» содержания книг и статей профессора Академии Генерального штаба комдива Я.Я. Алксниса. В обвинительном заключении по его делу этот пункт сформулирован следующим образом:

«Алкснис Я.Я. свидетельскими показаниями Шлемина (начальника Академии Генерального штаба. — Н.Ч.) Базь (начальника кафедры той же академии. — Н. Ч.), служебной и парт, полит, характеристикой уличался в протаскивании троцкистских пораженческих взглядов в преподавательской работе по кафедре подготовки страны к обороне и в литературных трудах.

Произведенным экспертизой рецензированием печатных работ Алксниса Я.Я. — «Основы мобилизации РККА» и «Очерк развития вооруженных сил» свидетельские показания подтверждаются и работы Алксниса признаны негодными. Экспертной комиссией отмечено ряд положений, заведомо неправильно преподанных Алкснисом в его печатных работах, неверно ориентирующих слушателей академии Генерального штаба Красной Армии.

Печатные работы Алксниса, как констатирует экспертная комиссия, имеют ряд политически неверных, вредных положений...»[\[144\]](#)

Знакомясь с делом Я.Я. Алксниса, вновь убеждаешься в том, что следователи ГУГБ по своему разумению и установкам начальников подтасовывали, а зачастую просто придумывали нужные им факты, заполняя ими страницы протоколов допросов и очных ставок. Так создавались многотомные «липовые» дела. Не единичными были случаи, когда тот или иной документ трактовался ими весьма произвольно, когда по своему усмотрению они выпячивали второстепенные детали в качестве основных. А то и просто «притягивали за уши» необходимые им положения, как это было с выводами упомянутой выше экспертной комиссии в отношении Я.Я. Алксниса.

Ян Янович, однако, не сдавался, защищая свою честь и доброе имя ученого. По поводу упомянутой экспертной комиссии он на допросе 14 октября 1940 года заявил, что заключение, сделанное ею, во многом основано на недопонимании содержания его печатных трудов. Он утверждал, что по одному и тому же вопросу могут быть различные толкования. Некоторые выводы комиссии Алкснис назвал просто ошибочными и неверными[\[145\]](#).

Как педагог и военачальник Алкснис тяжело переживал предательство вообще и близких ему людей в частности. Даже в тюрьме, насмотревшись всякого за два года тюремных мытарств, он не мог спокойно относиться к случаям человеческой неблагодарности, к коим Ян Янович причислил заключение экспертной комиссии по анализу его трудов. Свое мнение на этот счет Алкснис сформулировал в последнем слове на суде, заявив: «...Меня удивляют люди, которые дали заключение по моим работам. Надо сказать, что некоторые из членов комиссии были моими учениками и они же указывают, что мои работы вредные. О том, что работы до некоторой степени устарели, это верно, но о том, что они вредны, я никак согласиться не могу.

Ведь за эти работы Совет академии присвоил мне звание профессора»[\[146\]](#).

Вообще, с делом Я.Я. Алксниса творился самый настоящий произвол со стороны НКВД, беспрецедентный в практике следственной работы: оно дважды по протесту рассматривалось на Пленуме Верховного суда СССР (в апреле 1940 и январе 1944 года), и оба раза принималось постановление об отмене приговора и направлении дела на немое расследование со стадии предварительного следствия ввиду недостаточной убедительности обвинительного материала. А нередко и явной и о противоречивости. Например, в постановлении Пленума от 6 января 1944 года записано: «Показания Крафта от 3.11.1939 г. не только не могут служить доказательством обвинения Алксниса, но, наоборот, свидетельствуют о непричастности Алксниса Я.Я. к заговору». Тогда же Пленум Верховного суда снял с него и другое тяжкое обвинение: «Алкснису инкриминировалось, что в своей практической педагогической работе и в литературных трудах он протаскивал отдельные вражеские установки; однако вновь созданная экспертная комиссия констатировала лишь устарелость отдельных взглядов Алксниса, указав при этом и на ряд его правильных установок»[\[147\]](#).

Изучая следственное дело Я.Я. Алксниса, сталкиваешься с рядом парадоксов. Один из них заключается в том, что последний протест на отмену приговора Военной коллегии подписал в декабре 1943 года не кто иной, как кровавый палач В.В. Ульрих, являвшийся по должности председателя Военной коллегии заместителем Председателя Верховного суда СССР. Он же на Пленуме докладывал и содержание протеста, тем самым фактически признавая наличие серьезных недостатков в работе своих подчиненных, судивших Алксниса. После первой отмены приговора (в 1940 г.) надежды Яна Яновича на скорое освобождение довольно быстро улетучились, второй же отмены он просто не дождался, скончавшись в конце 1943 года в исправительно-трудовом лагере.

Репрессии выбивали из строя РККА самые лучшие, наиболее подготовленные кадры. Тот факт, что к началу Великой Отечественной войны только 7% командиров Красной Армии имели высшее военное образование, а 37% не прошли полного курса обучения в средних военно-учебных заведениях, должен был, казалось бы, бросить в дрожь и холодный пот не только двух наркомов обороны — маршалов Ворошилова (бывшего) и Тимошенко (настоящего), но и вождя народов[\[148\]](#). Низкая боеспособность и слабость войск Красной Армии, проявившиеся в войне с Финляндией в 1939 — 1940 годах, лишний раз подтвердили всю пагубность проводимой репрессивной политики по отношению к ее командно-начальствующему составу.

«Старик» и его команда

Самый большой «букет» обвинений в шпионаже имели кадровые разведчики и военные атташе. Для них 1937 — 1938 годы в этом плане были вообще чрезвычайно трагичными. Именно тогда подверглись аресту, как злейшие враги народа и иностранные шпионы, не только «шефы»

советской военной разведки Я.К. Берзин и С.П. Урицкий, их заместители и помощники, но и начальники всех без исключения отделов Разведупра, в том числе корпусной комиссар Ф.Я. Карин (2-й отдел), которого легендарный чекист А.Х. Артузов называл в первой десятке лучших разведчиков СССР. Например, им (Кариным) в 1925 году был раздобыт японский «большой стратегический план» — документ, определявший основные направления японской экспансии в Азии на много лет вперед. В камере тюрьмы оказались руководитель 1-го отдела корпусной комиссар О.О. Штейнбрюк и начальник 3-го отдела комдив О.А. Стигга («Оскар»), длительное время выполнявший обязанности резидента в Германии.

Упреки в адрес разведки вообще и военной в частности со стороны руководства партии и лично Сталина во второй половине 30-х годов звучали постоянно. Достаточно обратиться к материалам февральско-мартовского (1937) пленума ЦК ВКП(б) и выступлению Генсека на заседании Военного совета при наркомате обороны 2 июня того же года. Наркомат внутренних дел и его основное подразделение по борьбе с «врагами народа» — Главное управление государственной безопасности — чутко реагировали на подобные вещи. Так еще не затихло в зале заседаний эхо от голосов «вождя народов» и других выступавших, как последовали один за другим аресты руководителей аппарата военной разведки и ее представителей (легальных и нелегальных) в различных государствах мира. Последних, безусловно, с предварительным вызовом в Москву.

Только в июне — июле 1937 года были изгнаны из рядов РККА и арестованы помощник начальника Разведупра корпусной комиссар Л.Н. Мейер-Захаров, заместитель начальника 2-го отдела дивизионный комиссар Л.А. Борович (куратор группы Рихарда Зорге), начальник 8-го отдела дивизионный комиссар Е.В. Стельмах, бывший военный атташе во Франции комдив С.И. Венцов-Кранц, начальник разведотдела штаба ОКДВА комбриг А.Ю. Гайлис (Валин) и ряд других командиров высшего звена. В августе этот скорбный список по своей численности тенденций к снижению не имел. Тогда были арестованы комдив А.М. Никонов — заместитель начальника Разведупра и еще несколько крупных руководителей в его отделах (комбриг П.А. Панов, бригадный комиссар И.М. Болотин). Более детально картина избиения кадров военной разведки показана в специальной таблице, помещенной в конце данной главы.

К истории первых шагов советской военной разведки необходимо отнести следующий документ из фондов Российского Государственного Военного архива (РГВА), относящийся к 1921 году.

«Выслать в Германию: 1. Пече — старый коммунист, жил в Германии — военком г. Москвы, сейчас в санатории, адрес — Академия Генштаба. 2. Филиппов — Академия Генштаба, был в плену, коммунист.

3. Урицкий С. — коммунист, энергичен, надежен. Академия Генштаба.

4. Львов — коммунист, молодой, знает немецкий язык. 5. Песин — коммунист, надежный, работал в тылу у Деникина — Академия Генштаба....7. Цифер (правильно — Циффер. — Н. Ч.) - молодой коммунист, австрийский офицер — дельный, Академия Генштаба...»[\[149\]](#)

С такими краткими персональными характеристиками в документе перечислены одиннадцать слушателей Академии Генерального штаба Красной Армии. К сожалению, из его содержания не видно, с какой целью планировалась данная командировка, однако несомненно одно — абсолютное большинство названных в нем лиц училось в то время в Академии Генштаба и пользовалось полным доверием советской власти. В том числе и Семен Урицкий.

Командировка 1921 года для него, племянника председателя Петроградской ЧК М.С. Урицкого, убитого эсерами в 1918 году, была одной из первых поездок за границу. Затем последовали и другие, в том числе и во Францию. В его личном деле имеется копия письма руководства Разведупра РККА на имя начальника Военной академии, датированного августом 1922 года, в котором содержится просьба откомандировать в их распоряжение слушателя дополнительного курса С.П. Урицкого для назначения на секретную зарубежную работу. Просьба эта конечно же была удовлетворена.

В обвинительном заключении по следственному делу бывшего начальника Разведуправления РККА комкора С.П. Урицкого (возглавлял его с апреля 1935 до июля 1937 г.) этот факт его служебной и личной биографии отражен следующим образом (конечно, в редакции следователей НКВД):

«В 1923 году Урицкий, будучи во Франции на работе по линии РУ (Разведывательного управления. — Н.Ч.), был завербован французской разведкой для шпионской работы. С 1923 г. по день ареста Урицкий был связан с этой разведкой, передавая ей совершенно секретные шпионские материалы об РККА. Урицким для французской разведки были завербованы в разное время военнослужащие Степной-Спижарный, Мамонов (начальники штабов 8-го и 6-го стрелковых корпусов, которыми в разное время командовал С.П. Урицкий: — Н.Ч.), Тестов (командир авиационной бригады в ЛВО. — Н.Ч.), Кос-мачев (начальник ПВО г. Ленинграда), Семенов (зам. начальника штаба ЛВО).

Кроме того, следствием установлено, что Урицкий был связан с немецкой разведкой через германского военного атташе Кестринга и немецкого шпиона Шнитмана. По заданию Кестринга Урицкий направил за границу для работы против СССР в пользу немцев шпионов Эльмана и Германа...»[\[150\]](#)

В собственноручных показаниях, написанных под диктовку следователя — заместителя начальника 5-го отдела ГУГБ майора госбезопасности В.С. Агаса, названные события изложены Урицким так:

«В 1923 г. я был в Париже на нелегальной работе в качестве резидента Разведупра... В ноябре или декабре 1923 года меня арестовали на улице и привезли во французскую охранку «Сюртэ-Женераль». Во время обыска у меня было обнаружено подброшенное в пальто агентами охраны письмо члена ЦК Французской компартии Сюзанны Жиро, завернутое в газету «Юманите»... Сначала я подписал заранее составленную на французском языке записку о том, что... я являюсь секретным агентом Красной Армии... что я сотрудничаю с французской компартией... что мне помогал в работе Зозовский... что ко мне приезжал курьер — итальянец Пьерр... что бывший белый моряк Насветевич доставал французские морские материалы и передавал их мне через Зозовского... что со мной была связана Мария Ска-ковская, завербовавшая для работы в пользу РСФСР секретаря польского посла Шумборович... назвал как агента, работавшего на РСФСР, Тадеуша Шимберского...

После того, как я дал эти показания, охранник повез меня в военное министерство на бульвар Сен-Жермен, где представил полковнику разведки Де-беней. Дебеней предложил мне дать подписку о работе в пользу французов. Я дал подписку, что обязуюсь давать сведения о Красной Армии и Советском Союзе...»[\[151\]](#)

Далее Урицкий показывает, как он «работал» в пользу французской разведки и как вербовал новых шпионов: «...Осенью 1926 года из-за границы приехал сотрудник Разведупра Тылтынь Альфред. Встретившись со мной, он сообщил мне, что он является агентом французской разведки, едет в Париж и ему поручено получить у меня шпионский материал... Я мог дать такие материалы только по 8 корпусу... но получение этих материалов для меня было весьма трудным без того, чтобы не привлечь начальника штаба корпуса Степного-Спижарного... Степной-Спижарный был мною завербован для шпионской работы во французской разведке... Мною был завербован в 1930 году для шпионской работы для Франции начальник штаба 6 корпуса Мамонов (Одесса)...»

Как видим, в 20-е и 30-е годы С.П. Урицкий занимал в Красной Армии крупные командные и штабные должности. Дело в том, что после возвращения из Франции он запросился на практическую работу в войска. Об этом свидетельствует его письмо начальнику Разведупра от 28 марта 1924 года, в котором, наряду с другими сведениями, он излагает и свой взгляд на перспективы служебного роста: «...После 1,5-годовой работы за рубежом появилась неотложная необходимость возвращения, хотя бы и временного, в ряды Армии, во избежание окончательного отрыва от нее... Находясь в рядах Красной Армии с ее основания, я себя не мыслю вне ее рядов, вне ее творческого развития... Я не могу ограничиться узкоспециальной деятельностью разведчика, находясь вне русла общеармейской созидательной практической и военно-теоретической работы.

Ввиду сего прошу Вашего распоряжения об откомандировании меня в распоряжение штаба РККА для назначения на командную должность. Одновременно, если это не встретит возражений, прошу разрешить не порвать связи с вверенным Вам отделом, принимать участие в обработке информационного отдела и пр...»[\[152\]](#)

Согласие свое Ян Берзин дал, и Урицкий был откомандирован в распоряжение Командного управления РККА, где вскоре получил назначение на должность заместителя начальника 2-й Московской пехотной школы. Факт предоставления Урицкому такого высокого служебного поста говорит о том, что руководство Наркомата по военным и морским делам ему полностью доверяло, несмотря на солидные «проколы» в период его нелегальной работы во Франции. Это также означало, что со стороны Разведуправления РККА и Особого отдела ОГПУ к нему серьезных претензий не было. После Московской Урицкий руководит другой пехотной школой — Одесской. Затем он последовательно назначается командиром-комиссаром 20-й стрелковой дивизии, заместителем начальника штаба ОКВО, учится на годичных курсах усовершенствования высшего начсостава (КУВНАС), командует 8-м и 6-м стрелковыми корпусами в Украинском военном округе. И все это за неполные шесть лет!

Отсюда видно, что о каком-либо недоверии к нему со стороны наркома и штаба РККА, а также со стороны «компетентных органов» и речи нет. Стремительный рост по служебной лестнице — уже в 1931 году Урицкий становится начальником штаба одного из крупных военных округов — Ленинградского.

В коридорах НКВД считали, что если армейским кадрам — командиру или политработнику — для веского обвинения в шпионаже хватает «связи» с разведкой одного из сопредельных с СССР государств, то для кадровых разведчиков конечно же этого было явно недостаточно. Именно поэтому в следственных делах сотрудников советской военной разведки фигурируют обвинения в шпионаже в пользу двух-трех, а то и четырех иностранных государств, как это было в случае с Урицким.

Французской разведки, как видим, для него оказалось мало, и Вениамин Агас выбивает (в прямом смысле) из Урицкого признания о его работе в пользу Швеции, Германии и Соединенных Штатов Америки. Последние тогда в официальных документах именовались Северо-Американские Соединенные Штаты (САСШ). Из этого перечня стран видно, что география интересов Урицкого (по Агасу) чрезвычайно обширна — названные государства находятся в разных полушариях и частях света, будучи отдалены друг от друга на много тысяч километров. При этом следствию важен был выход на крупных, желательных первых лиц из политических, военных и дипломатических кругов СССР. Особо ценился компромат на деятелей ленинского поколения, его учеников и соратников, к тому времени еще находившихся на свободе. Например, в отношении видного советского дипломата, первой в Советском Союзе женщины-посла А.М. Коллонтай.

На допросе 16 января 1938 года Урицкий показал: «...Риттер (Артур Рудольфович Риттер до 1937 года работал помощником военного атташе СССР в Швеции. Арестован в марте 1938 года. — Н.Ч.), о котором мне было известно со слов Берзина и Тылтыня, как о латвийском шпионе, был при моем содействии назначен помощником военного атташе в Швецию, где он при содействии Коллонтай, связанной с правой организацией и по заданию последней, переданному мне через Белова, установил связь с лицом по указанию премьера Бронтинга. Дважды я лично передавал Риттеру для передачи шведам сведения о составе ЛВО... Также через Риттера было мною получено от Белова и передано письмо Бухарина Бронтингу и письмо Коллонтай...»[\[153\]](#)

Протокол допроса от 16 января 1938 года является обобщенным, как и другие, находящиеся в архивно-следственном деле С.П. Урицкого. Ему предшествовали многочисленные серии допросов с хорошо, отлаженной системой моральных и физических пыток. Продолжались они и после этой даты. Недаром ведь Урицкий 14 апреля 1938 года пишет заявление на имя Агаса, который к тому времени получил очередное повышение, став начальником 5-го отдела во 2-м Управлении НКВД СССР. Обращается к нему Семен Петрович, так сказать, по «старой дружбе»:

«Последние дни я плох, у меня бывают обморочные состояния, кровавая рвота, мне трудно думать, если можно, дайте мне один день перерыва, вызовите меня, я вам доложу, а потом все до конца напишу. Я хочу превратиться в такого арестованного, который помогает власти, я хочу заслужить милость советской власти»[\[154\]](#).

Приведенные выше строки как нельзя лучше показывают моральное и физическое состояние Урицкого в тот период: его силы на исходе, он униженно просит пощады у палачей, обещая им взамен этого написать продолжение «романа», в итоге надеясь на смягчение приговора. О крайне подавленном состоянии Урицкого свидетельствует также И.Г. Чусов, который в первой половине 1938 года встречался с ним на очной ставке: «...Следователь спросил Урицкого, узнает ли он меня — Чусова, на что последний ответил, что он меня знает. Тогда следователь задал вопрос Урицкому, подтверждает ли он свои показания? Урицкий встал и ответил примерно так: «Я не знаю, кто вербовал Чусова, то ли Тухачевский, то ли Егоров, но он, Чусов, никакого значения там не имел».

После такого ответа Урицкого я обратился к следователю и просил его, чтобы он разрешил Урицкому ответить и сказать, где, когда и в какую организацию меня вербовали, но следователь (майор госбезопасности В.С. Агас. — Н. Ч.) ответить на этот вопрос Урицкому не разрешил, и Урицкий тогда сразу же был выведен из кабинета.

Видя тогда Урицкого на очной ставке, он произвел на меня впечатление ненормального или очень больного человека. Лицо его было отечное, и сам он выглядел крайне утомленным»[\[155\]](#).

Итак, мы видим, что Урицкий сдался на милость победителя, то есть следствия, и запросил пощады для себя, обещая добровольную помощь со своей стороны. А что же требовали от него следователи в середине апреля 1938 года, спустя более пяти месяцев после его ареста, доведя до обмороков и кровавой рвоты? Что их не устраивало в предыдущих показаниях Урицкого? Ведь они добились многого. Куда уж больше — еще 15 ноября 1937 года, через две недели после ареста, Урицкий в заявлении на имя Ежова повинился в антисоветской деятельности: «Признаю полностью свое участие в антисоветском военном заговоре, в который был вовлечен Якиром и Уборевичем... Мне известны, как участники заговора, следующие лица, кроме арестованных: Грибов, Великанов, Мерецков, Ковалев, Халепский и о которых я напишу...»[\[156\]](#)

Ответ на заданный вопрос не представляет особого секрета: следователи ГУГБ задумали пустить Урицкого по полному кругу пунктов 58-й статьи, применимых к военнослужащему. Здесь и шпионаж в пользу иностранного государства (измена Родине), и участие в военном заговоре, и антисоветская агитация, и террористическая деятельность, и вредительство с целью подрыва боевой мощи Красной Армии, и связь с «правыми» внутри страны и троцкистами за рубежом... В частности, в отношении двух последних обвинений в весьма пространным тексте приговора Военной коллегии от 1 августа 1938 года по делу С.П. Урицкого говорится:

« — по заданию Гамарника, Пятакова, Якира и Тухачевского Урицкий пересылал их письма Седову (сыну Л.Д. Троцкого. — Н.Ч.) (Париж:) для передачи Троцкому;

— был связан с троцкистской группой Суварина в Париже, которой передавал шпионские материалы от Тухачевского для французской разведки»[\[157\]](#).

Изучение архивно-следственного дела С.П. Урицкого подводит к некоторым неожиданным выводам. Как это ни странно звучит, но в действиях оперативных органов НКВД в 1937 — 1938 годах временами просматривается определенная избирательность. Например, в отношении ареста некоторых лиц, названных в показаниях С.П. Урицкого. Так на следствии он показал, что лично завербовал в антисоветский военный заговор, наряду с другими, также комдивов В.Н. Курдюмова и Н. А. Вережкина-Рахальского. Однако эти командиры к уголовной ответственности никогда так и не привлекались, продолжая свою службу в Красной Армии. Оба они благополучно дошли до звания генерал-лейтенанта. Не пострадал в 1937 — 1938 годах и К. А. Мерецков, о котором, как участнике военного заговора, говорил Урицкий в приведенном выше заявлении на имя Ежова. В лапы НКВД Мерецков попадет несколько лет спустя, о чем будет рассказано в главе «Щупальцы 37-го».

Почему так происходило, чем объясняется подобная избирательность, мы частично попытались рассмотреть на примере с маршалом Буденным. Нечто похожее наблюдалось и в отношении комкора, а затем командарма 2-го ранга Г.И. Кулика, на которого также имелись в Особом отделе НКВД показания арестованных. И хотя строгой очередности проведения арестов военачальников РККА, видимо, все-таки не существовало, однако факты таковы, что напрашивается единственно верный вывод: Курдюмов, Кулик и Вережкин-Рахальский не подверглись унижительному аресту и обыску только благодаря счастливому стечению обстоятельств.

В связи с обвинением С.П. Урицкого в шпионской деятельности Главная военная прокуратура в период подготовки его реабилитации направила по этому поводу запросы в КГБ при Совете Министров СССР, Центральный Государственный Особый архив МВД СССР и Спецархив Главного Разведывательного управления Генштаба Вооруженных сил СССР (ГРУ). Оттуда ответили, что они никакими компрометирующими Урицкого сведениями не располагают.

Обвинения разведчикам выдвигались самые разнообразные, как правило вздорные, сформулированные чаще всего грубо, топорно. Например, такое: арестованного сотрудника Разведупра полковника В.Ф. Кидайша заставили в ноябре 1937 года свидетельствовать о том, что его начальник С.П. Урицкий якобы скрыл от правительства донесение агента в Берлине (псевдоним «Голодающий») о том, что фашистская Германия готовит в 1936 году крупную акцию в Испании.

«...Месяца за два до начала фашистского мятежа в Испании в Разведупр РККА поступил материал от нашего источника, находящегося в Германии... о том, что фашистская Германия готовит мятеж в Испании. Этот документ находился лично у Урицкого, который его скрыл, не использовал, не доложил об этом ни правительству, ни Народному комиссару обороны»[\[158\]](#).

Все эти слова, приписанные В.Ф. Кидайшу, разумеется, чистой воды вымысел, изобретение не очень умного его следователя. Надо особо отметить, что обработке и проверке информации, поступающей от источников, в Разведупре придавали исключительно большое значение. Тем более той, которая шла от агентов, не внушающих особого доверия. К последней категории относился и «Голодающий». Убедимся в этом, обратившись к соответствующим документам личного дела этого агента. Открывает его учетный лист, из которого узнаем основные биографические данные «Голодающего»: «Шмидт Людвиг, 1896 года рождения, подданный Германии, бывший морской офицер в звании лейтенанта, с 1919 года в отставке, имеет доступ к переписке одного адмирала. Завербован Гралем в Германии в 1936 году».

Первой информацией «Голодающего» своим новым хозяевам, полученной в Москве в начале декабря 1936 года, была справка «О германской помощи испанским мятежникам» (видимо, ее имел в виду арестованный Кидайш). В 3-м отделе Разведупра полученный материал был признан как малоценный, не дающий ничего конкретного, кроме общих рассуждений. Однако следующая информация под названием «О плане Германии в содействии испанским мятежникам на море» вызвала явный интерес в Москве. В графе «Оценка и порядок использования материала» сделана такая запись: «Сообщение источника о намерениях немцев использовать в борьбе с республиканским флотом на море т.н. (так называемые. — Н. Ч.) «плавающие троссы» — ценное. Материал передать специалистам на заключение».

Из приведенных данных уже усматривается вся абсурдность обвинений руководства Разведупра РККА, в том числе и комкора Урицкого, в бездействии, более того — в сокрытии, утаивании донесений агентов в период назревания испанских событий 1936 года. А «Голодающий» продолжал поставлять свои материалы. По поводу одного из них начальник 3-го отделения 3-го отдела Разведупра полковник Идель дал (разумеется, после соответствующей экспертизы) такую оценку: «Присланные чертежи затвора для стрелкового оружия оказались чертежами замка старинного ружья. Материал никакой ценности не представляет и является явной «липой». Так шутить нельзя». Примерно такой же отзыв был в феврале 1937 года в отношении «Внешнеполитического обзора морского министерства Германии»: «Подлинность материала вызывает большие сомнения... В целом материал производит впечатление путаной фабрикации»[\[159\]](#).

Во внешней разведке известно, что агент агенту рознь. Спустя полгода после вербовки руководству Разведупра стало ясно, что «Голодающий» — это обычный пройдоха, нашедший дополнительный источник дохода. Сотрудничество с ним продолжалось не более года. Уже в июле 1937 года центр дал своему резиденту в Германии указание о прекращении всяких встреч и финансирования этого агента: «Все поведение Г. («Голодающего»). — Н. Ч.), а особенно его

последнее вранье о призыве его на сборы, куда он совсем не поехал, — все больше говорит за то, что в лице «Голодающего» мы имеем дело с мелким жуликом, который всеми средствами старается извлечь из нас денег, выдумывая всякие небылицы... Вы больше к нему на свидания не ходите...»[\[160\]](#)

Сам же Урицкий весной и летом 1937 года чувствовал себя очень неуверенно, с минуты на минуту ожидая ареста. О том свидетельствует бывший начальник 7-го (топографического) отдела Генштаба РККА комдив И.Ф. Максимов, арестованный в октябре 1938 года. В его показаниях от 3 ноября 1938 года находим: «...В мае 1937 года я был вызван в кабинет к Урицкому, и он сказал мне, что выдвинул мою кандидатуру в спецкомандировку в Испанию, нарком согласился с его предложением и мне необходимо собираться ехать...

Когда я был в кабинете у Урицкого перед отъездом в Испанию, он сказал мне, что по прибытии на место я должен буду установить антисоветскую связь с Чусовым и Мокроусовым... Урицкий был очень расстроен и, прощаясь со мной, бросил такую фразу: «Я завидую тебе, что ты уезжаешь, а я остаюсь здесь и перед тобой, чего доброго, стоит подсудимый человек»[\[161\]](#).

На допросе 16 января 1938 года Урицкий показал, что в 1935 году Я.К. Берзин, передавая ему должность начальника Разведуправления Красной Армии и вводя в курс дела, якобы посвятил его и в свою антисоветскую деятельность. Рассказав при этом о своих связях с заговорщиками и агентами иностранных разведок, Берзин одновременно будто бы попросил Урицкого поддерживать с ними контакты и всемерно оберегать их от провала.

Весной 1935 года в официальном документе — приказе, по личному составу армии — нарком обороны назвал Яна Карловича Берзина, своего многолетнего помощника по вопросам разведки, одним из лучших людей Красной Армии. И что же стало с ним, этим талантливым организатором разветвленной сети закордонных организаций Разведупра в различных регионах, которого друзья и сослуживцы уважительно именовали «Стариком»? Обратившись к его следственному делу, видим следующее: по приговору Военной коллегии Я.К. Берзин был признан виновным в том, что являлся членом руководящего центра латышской националистической организации и одновременно участником военного заговора. Он обвинялся в том, что с 1930 года поддерживал связь с германской, а с 1931 года — с английской разведками, которым якобы систематически передавал секретные сведения. Ему же были инкриминированы массовые провалы зарубежной агентуры Разведупра, а также содействие установлению связей участников военного заговора с генеральными штабами Японии, Германии и Польши. Это не считая еще и того, что якобы он, выполняя за рубежом особо важное задание правительства (в роли Главного военного советника республиканской Испании в 1936 — 1937 годах), предал интересы Советского государства и рабочего класса.

Налицо явный парадокс — предъявляя Берзину последнее обвинение, следственные органы почему-то совершенно не учитывали того факта, что он незадолго до ареста именно за большие заслуги перед Советским государством на посту Главного военного советника в Испании был награжден высшей наградой страны — орденом Ленина. Об этом на Лубянке предпочитали не вспоминать и не говорить. Следователи по делу Берзина не удержались от искушения добавить ему и традиционный в НКВД довесок в виде организации террористической группы с целью последующего убийства руководителей ВКП(б) и правительства СССР. Для вынесения высшей меры наказания предъявленных обвинений хватало с лихвой, что и сделала Военная коллегия 29 июля 1938 года. В протоколе судебного заседания, которое вместе с написанием и оглашением

приговора длилось всего 20 минут, записано, что Я.К. Берзин виновным себя признает полностью и подтверждает все свои показания, данные им на предварительном следствии^[162].

О грубой фальсификации материалов следственного дела Я.К. Берзина говорит хотя бы тот факт, что комкомы Р.П. Эйдемана и Ж.Ф. Зонберга, названные им на предварительном следствии в качестве участников «основного и военного центров» латышской националистической организации, на самом деле никаких показаний в отношении него не давали.

Аресту и последующим репрессиям подверглись многие латыши — земляки и просто знакомые Яна Берзина. Но в первую очередь это коснулось его ближайших родственников: старшего брата Яна, члена партии большевиков с 1903 года, и мужа сестры — Ю.М. Барбара, члена ВКП(б) с 1910 года. Однако удивительно то, что двух его сестер и обеих жен карательные органы НКВД не тронули, хотя и они, формально оставаясь на свободе, сполна испытали горькую участь «члена семьи изменника Родины».

О женах Я.К. Берзина следует сказать особо. И вот по какому поводу. Дело в том, что после шестнадцати лет совместной жизни в 1935 году ему пришлось расстаться с первой женой — Е.К. Нарроевской, от которой у него был сын Андрей (1921 г. рождения). Будучи в Мадриде, Берзин познакомился и полюбил молодую красавицу-испанку Аврору Санчес, с которой летом 1937 года он возвратился в Москву. Брак этот, по свидетельству Авроры Санчес, зарегистрирован был 12 июня — в день расстрела группы Тухачевского. Вполне естественно, что молодая женщина плохо знала русский язык и, видимо поэтому, к роли свидетеля в деле Берзина она органам НКВД мало подходила. Короче говоря, Аврору Санчес не арестовывали ни в 1937-м, ни в последующие годы. А казалось бы, какой благодатный для следственных органов материал находился у них в руках — просто бери и сочиняй нужные им формулировки обвинительного заключения. Однако этого с делом Берзина не случилось — обошлись там и без Авроры Санчес.

С первой женой дело обстояло несколько сложнее и драматичнее. Предоставим ей слово для рассказа о том далеком времени и его людях. Здесь следует специально упомянуть о том, что тогда Берзина многие его соратники, в том числе и Е.К. Нарроевская, называли Павлом Ивановичем.

«В июле 1935 года по моей вине я порвала брак с Берзиным П. И. и вышла замуж за летчика Полозова А. А. и уехала к нему в Ленинград, оставив, по договоренности с Берзиным П.И., ему нашего сына.

Вскоре после моего отъезда в Ленинград к новому мужу Берзин П. И. получил назначение в ОКДВА и уехал с сыном Андреем в Хабаровск. Наши отношения с Берзиным П. И. и после разрыва были исключительно дружескими и полными уважения друг к другу. Летом 1936 года я поехала с ним в Хабаровск на время моего отпуска. Тоска по ребенку и человеку, с которым я прожила 16 лет, а также письмо Берзина П. И. ко мне в Ленинград перед его отъездом в Испанию, где он писал мне, что едет в длительную командировку и очень хочет, чтобы я на время его отсутствия поехала в Хабаровск к сыну, отрезвили меня от моего увлечения, и я разошлась с Полозовым и в начале 1937 года уехала в Хабаровск к сыну, где жила в квартире Берзина П. И. вместе с сыном. До моего приезда в Хабаровск мой сын жил у другого заместителя командующего ОКДВА — Сангурского, которому была командованием поручена забота о нем.

...В августе 1937 года совершенно неожиданно и при необоснованных обстоятельствах у меня украли сына. Кражу сына проводил какой-то военный в форме НКВД, пришедший ко мне вечером

в день кражи и сообщивший мне, что он отправил моего сына в Москву к отцу и что я не должна по этому поводу поднимать никакого шума, а должна покинуть эту квартиру и устраиваться либо в Хабаровске, либо ехать в Москву, что я и сделала через неделю, рассчитавшись с учреждением, где я работала.

По приезду в Москву я встречалась с Берзиным П.И., который, находясь у нее под домашним арестом, говорил мне, что кражу сына Андрея он сделал для того, чтобы в случае его ареста сохранить меня для сына».

Прервем на время повествование Елизаветы Константиновны и попытаемся с позиций дней вчерашнего и сегодняшнего проанализировать содержание приведенного отрывка из ее письма в Главную военную прокуратуру. Во-первых, случай с сокрытием сына Берзина является далеко не единичным. Так поступали и другие родители, их близкие родственники, пытались всячески спасти детей, отвести от них беду, исключить психические травмы, наносимые безобразными сценами ночного ареста, обыска, увода под конвоем одного, а нередко и сразу обоих родителей. Некоторые из них на этом пути доходили до того, то меняли детям фамилии, данные им при рождении. Во-вторых, следует помнить и то, что действия Я.К. Берзина были продиктованы его свежими впечатлениями (после прибытия из Испании) об обстановке в наркомате обороны и в войсках — два месяца назад подобный грому среди ясного неба процесс над группой Тухачевского, арест комкора М.В. Сангурского, на попечение которого он оставлял в Хабаровске своего сына, срочно убывая в Испанию осенью 1936 года. По роду своей деятельности Берзин знал о репрессиях, обрушившихся на семьи арестованных военачальников. Возможно, что не в полной мере, но все же знал об этом и предпринял соответствующие, на его взгляд, меры по сохранению жизни своего единственного сына. И в-третьих, показательны и то, что помощь ему в тайной отправке Андрея в Москву оказывал не кто иной, как военный в форме НКВД. Видимо, это был кто-то из работников краевого управления НКВД или даже из сотрудников Особого отдела ОКДВА, с которыми у Берзина в Хабаровске установились хорошие отношения. Выходит, что не все люди из этих органов были закоренелыми человеконенавистниками, только и жаждущими крови и новых жертв.

«... Что касается письма, написанного мною в адрес НКВД принудительным образом, сообщаю обстоятельства, при которых оно было написано.

Приехав в Москву, я жила в семье своих знакомых (Степного-Спижарного, начальника бронетанковых сил РККА), и после ареста Берзина П.И. я с сыном осталась без крова и без средств к существованию.

Тогда я обратилась с письмом в органы НКВД с просьбой помочь мне получить комнату. В ответ на это письмо меня вызвали в НКВД, где от меня сначала требовали в письменной форме ложных данных о преступной деятельности моего мужа и давали подписывать какое-то составленное ими письмо, от подписи которого я категорически отказывалась. Тогда от меня стали требовать написать письмо, компрометирующее его в быту, угрожая мне, что в противном случае я и сын подвергнемся репрессиям.

Письмо я написала, но я не помню точно его содержания. Однако, прочитав последний текст письма, человек, у которого я была, обрушился на меня с самой нецензурной бранью, заявив, что такое письмо его не устраивает. Однако другого текста я не писала.

Если мне не изменяет память, то я, кроме этого письма, подписывала список лиц, которые у нас бывали и были связаны с Берзиным П. И. по работе. В частности, это были: Никонов А.М., Берзин Э.П., Лиепин-Лауск, Давыдов В. В. и др. Список этих лиц диктовал мне сам следователь (я не знаю, с кем именно разговаривала).

Если это письмо и список находятся в следственном деле Берзина, прошу... не считаться с ними, принимая во внимание обстановку, при которой меня вынудили писать вышеуказанные документы.

После ареста Берзина П.И. с меня в квартире Степного-Спижарного, при его аресте, была взята подписка о невыезде; кроме того, когда я нашла себе у гол в рабочем поселке Клязьма., от меня потребовали, чтобы я через день являлась в отделение милиции для регистрации. Долгое время я не могла получить нигде работу, а если у страивалась, то меня через некоторое время снимали с работы...

Сына по окончании 10-летки не приняли в РККА и в институт.

Во время Великой Отечественной войны в ноябре 1941 года он с 50% потерей зрения был мобилизован Раменским военкоматом и через три месяца направлен на передовые позиции, где погиб в первые же дни боев...»[\[163\]](#)

Бывшая жена Берзина упоминает о списке лиц, с которыми тот общался в официальной и домашней обстановке. В частности, там упоминается и фамилия комдива А.М. Никонова — заместителя начальника Разведупра. Он был арестован в начале августа 1937 года (вспомним операцию Берзина по тайной перевозке своего сына из Хабаровска в Москву). Два с половиной месяца спустя Военная коллегия приговаривает Никонова к расстрелу. Приговор исполняется в тот же день.

На Дальнем Востоке Я.К. Берзин очутился осенью 1935 года, будучи назначен вторым заместителем по политической части к маршалу Блюхеру. Его сфера деятельности в этом качестве была предопределена приказом НКО СССР №01289 от 25 сентября 1935 года — руководство разведкой на данном операционном направлении. В качестве первого замполита у Блюхера в то время работал армейский комиссар 2-го ранга Л.Н. Аронштам.

Если верить официальным источникам, то на Дальнем Востоке Берзин оказался по собственной инициативе. Об этом говорится в специальном поощрительном приказе Ворошилова: «Начальник Разведывательного управления РККА т. Берзин Ян Карлович, согласно его просьбы, освобождается от занимаемой должности...

Тов. Берзин проработал в Разведывательном управлении без перерыва более 14 лет, из них последние 10 лет возглавлял разведывательную работу РККА.

Преданнейший большевик-боец, на редкость скромный, глубоко уважаемый и любимый и своими подчиненными, и всеми, кто с ним соприкасался по работе, т. Берзин все свое время, все свои силы и весь свой богатый революционный опыт отдавал труднейшему и ответственнейшему делу, ему порученному.

За долголетнюю, упорную работу, давшую очень много ценного делу укрепления РККА и обороны Советского Союза, объявляю т. Берзину Яну Карловичу благодарность.

Уверен, что и в будущей своей работе т. Берзин вполне оправдает свой заслуженный авторитет одного из лучших людей РККА»[\[164\]](#).

Но вернемся к испанке Авроре Санчес. Через 50 лет после событий 1937 года писатель Овидий Горчаков встретился и побеседовал с ней в ее московской квартире. И хотя прошло уже полвека, и хотя эта женщина давно была замужем за другим, тем не менее она бережно хранила память о своем «Папе» — так Аврора обращалась к Я.К. Берзину. Впрочем, как и он называл ее «Мамой». Видимо, из-за слабого знания русского языка Авроре так удобнее было обращаться к мужу. К тому же разница в возрасте как нельзя лучше способствовала этому. Очевидно, стесняясь такой разницы (27 лет), Берзин нередко представлял Аврору как свою воспитанницу из Испании. Так он поступил, когда знакомил ее с сотрудниками аппарата Разведупра РККА. Об этом факте упоминает в своих воспоминаниях Наталья Звонарева — многолетний секретарь Берзина, уволенная из разведки вскоре после его ареста.

Прошло полвека, но Аврора Санчес, уже хорошо освоившая русский язык, отчетливо помнила многие детали своей непродолжительной совместной жизни с Берзиным. Вероятно, ее молодость (20 лет) и новизна впечатлений — переезд по поддельным документам в другую, неизвестную ей страну, вхождение в роль жены и хозяйки большой квартиры в знаменитом «Доме на набережной», к тому же незнание русского языка и отсутствие родных и близких — все это вместе взятое намертво впечатало в память молодой женщины все, что относилось к тому периоду ее жизни. Если она спустя полстолетия отчетливо помнит часы и минуты своего прибытия в Москву, — значит, юная испанка сильно волновалась, тревожно готовясь к встрече со столицей неведомого ей социалистического государства, с людьми страны Советов.

Обратимся к интервью, взятом у Авроры Санчес писателем Горчаковым. Ее ответы на поставленные вопросы, касающиеся 37-го года, судьбы Берзина и особенно последних его дней на свободе, ее рассказ о событиях последующих месяцев — все это приводит к некоторым, иногда неожиданным выводам.

« — Вы помните, когда приехали в Москву?

— 3 июня в 9.30 утра я звонила в дверь. Не я сама, шофер звонил.

— Полдесятого утра?

— Да, 3 июня, в 9.30 точно. 11 июня мы справили мой день рождения, 12-го мы поженились.

— Это вы настаивали на женитьбе или он этого хотел?

— Нет, он, он. Я не хотела... Он говорил: «Я хотел жениться на тебе в Испании». — «Я бы не вышла за тебя в Испании». У меня ведь был жених. Но началась война. Жених остался в Сарагосе, а я в Мадриде. И я его больше не видела. Потом я приехала сюда. Я думала, что год побуду, выучу русский язык, посмотрю Москву и вернусь. Я не знала, что выйду за него замуж, что останусь здесь на всю жизнь...

— Берзин, конечно, был очень сдержанный человек, владел собой, но ясно видел, что надвигается большая беда, трагедия, идут повальные аресты среди руководства Красной Армии. Характер, настроение у него в это время менялись?

— Нет, он был очень веселый, ласковый, как всегда, и со мной, и с Андрейкой.

— Знал ли он, что его ждет? Как себя вел?

— Вначале я думала, что он ничего не знал. Но потом уже, когда годы прошли, я стала больше понимать, я думаю, что все-таки он ждал. Потому что я его спрашивала о Никонове — мне говорили, что это его заместитель. Приехала жена Никонова из Одессы и плакала у него в кабинете. О чем они говорили, я не знаю...

Просто я его спрашиваю: «Папа, почему Никонова плачет?» — «Она вернулась, а квартира закрыта, опечатана, нет Никонова». — «А где он?» — «Не знаю». Как он не знал? Он прекрасно знал, но он мне не стал говорить. Потом я поняла и спросила: «Его арестовали?» Он говорит: «Да». — «А тебя могут арестовать?» — «Да как ты можешь так думать! Я бывал в тюрьмах, ссылках...» Я поверила, что это тоже может быть...

— Когда арестовали Яна Берзина?

— В ночь с 28 на 29 ноября. Точно. Часа в два-три... Ночью, когда пришли за ним, той ночью мы спокойно легли спать и я ничего не знала... А в ту ночь они открыли дверь сами, я не слышала звонка. Он дома был. «Папа, что такое?» - я спросила, а он мне сказал по-испански... Если бы он сказал: «Это за мной», а он сказал: «Для меня», «Ко мне»... Единственные последние слова его услышала: «Папиросы молено?» Они говорят: «Молено»...

— Вы еще не сказали об обыске. Об обыске помните?

— Они просто все опечатали. Они опечатали спальню, кабинет, комнату Андрея. И нас вдвоем переселили в столовую. А обыск они не делали, забрали просто все, что было...

— А что они забрали?

— Все. А потом одежду и кое-какие вещи мне вернули.

— Ваши вещи?

— И его вещи тоже вернули, кое-что.

— А когда вернули его вещи, не помните? Через какой срок?

— Короткий срок. Я еще жила в этом доме, в этой квартире я еще жила. Потом пришли, забрали все из библиотеки. Еще деньги взяли... Забрали буфет из столовой... Оставили два прибора, которыми пользовались мы с Андреем. Книжки не вернули ни одной...

— Как долго Вы жили в этой квартире?

— Меня через несколько месяцев переселили в другой подъезд. В этом же доме, а Андрею дали еще где-то маленькую комнату. А весной 39-го дали мне 15-метровую комнату на Кировской...

— А передачу можно было ему носить или нет? Наверное, нет...

— Я хотела идти узнать, а мне сказали, поскольку вы не понимаете по-русски, пусть придет тот, кто понимает. Тогда меня взяли на машине и привезли ту да, на Дзержинскую. Поднялись наверх. Там мужчина, фамилия его, если правильно мне назвали, — Фриновский. Не знаю, правильно или нет. У него три... эти самые...

— Кубари, шпалы, ромбы?

— Не помню. Три штуки были... И меня все спрашивали, спрашивали... Потом я говорю: «Жив он, я буду ждать, если нет, то я хочу домой в Испанию». А он сказал: «Нет его. Нет у лее...» Так мне сказали.

— Когда это было?

— Это было... Я жила еще на старой квартире нашей.

— То есть еще в 37-м году?

— В конце 37-го или в начале 38-го...

— А он был жив до 29 июля 1938 года!

— Я же не знала. Мне сказали, что его нет в живых, что я одна, делай, что хочешь, но в Испанию сейчас нельзя. Когда можно будет, мы тебе скажем.....

— А кто к вам приходил из НКВД?

— Черняев. Это человек, который опекал меня, видимо. Если мне куда-нибудь нужно было, он приходил.

— Вы звонили ему?

— Потом уже у меня появился телефон. А сначала он пришел сам и дал мне свой телефон: «Если тебе нужно будет что-то, вот, звони мне».

— А как долго Черняев вас опекал?

— Пока я не вышла замуж. Опекал он меня не по своей воле. Это ему задание такое дали в НКВД...

— И никогда вас не вызывали на какие-то беседы, не задавали никаких вопросов, жизнь текла нормально?

— Мне сказали, ты свободна и можешь делать все, что хочешь... А потом, когда, уже кончилась война в Испании, в НКВД мне сказали: «Мы можем тебя отправить домой». Я говорю: «Сейчас я не могу ехать», потому что я хлопотала, чтобы мои сестры приехали сюда... Через Кремль я подала заявление и просила разрешить сестрам приехать: они попали во Франции в концлагерь. Ворошилов обещал помочь. И мои две сестры приехали в конце 39-го...

— А сестры как долго оставались в СССР?

— Они и сейчас живут здесь. Вышли замуж:... С Андреем случайно встретила на Кировской. Я его пригласила к себе, угостила кофе: «Приходи, вот ты знаешь, где я живу, приходи». — «Хорошо, хорошо». Больше не приходил. Потом война. 1941-й год...

— Вам не известно, когда он ушел добровольцем в армию?

— Нет, ничего не знаю.

— И где погиб? Мне говорили латыши, что он сражался в Латышской дивизии и пал смертью храбрых. Ему было 18 лет...

— Не знаю, не знаю...»[\[165\]](#)

Да простит нас читатель за включение в наше повествование столь обширного куска из другого произведения. Однако это показалось нам необходимым, ибо приведенный отрывок из документальной повести Овидия Горчакова «Судьба командарма невидимого фронта» поведал о многом таком, что в открытую, в прямой постановке не прозвучало, но достаточно легко читается между строк. Вдумчивый читатель сразу понимает это, и у него возникает немало вопросов к Авроре Санчес — это помимо тех, что задавал О. Горчаков. Странно только одно: почему они не возникли у автора повести, а если и возникли, то по какой причине старый фронтовой разведчик их не задал почтенной вдове фундатора советской военной разведки? Может, чтобы ненароком не обидеть ее своими подозрениями и тем самым бросить тень на светлую память о Я.К. Берзине? Или им руководили какие-то другие мотивы — нам об этом ничего не известно. Бесспорно лишь одно — Овидий Горчаков, совсем не новичок в разведке, не задал своему собеседнику ряд важных вопросов, так и напрашивавшихся в ходе их разговора.

Сама же Аврора Санчес сказала много такого, чего ей никак не следовало, видимо, говорить. А произошло это, вероятно, потому, что из-за давности описываемых событий и своих преклонных лет она подрастеряла бдительность. А может быть, по тем же причинам не посчитала нужным скрывать некоторые детали своих взаимоотношений с органами НКВД. А что они, эти контакты с ведомством зла и насилия, в 1937 — 1939 годах были устойчивыми и достаточно тесными, не приходится сомневаться, прочитав, даже бегло, приведенное выше интервью с ней.

Один из первых вопросов — почему ее не арестовали вместе с мужем или несколько позже? Вопрос этот далеко не риторический — Аврора была иностранкой, «внедрившейся» в близкое окружение главы столь засекреченного учреждения, каким являлось Разведуправление Красной Армии. Не будем забывать — в те годы любой иностранец, тем более только что прибывший в СССР, в спецорганах НКВД сразу же зачислялся в разряд агентов одной, а то и сразу нескольких разведок. Однако с Авророй Санчес такого не случилось ни в зловещем 1937 году, ни до войны, ни после нее. В чем тут причина? Недосмотр, недоработка органов НКВД? С таким предположением трудно согласиться, соприкоснувшись с работой этой хорошо отлаженной машины репрессий. Тогда в чем же дело? Может, это был хорошо продуманный шаг, рассчитанный на определенные выгоды для обеих сторон? Судите сами — жену всесоюзного старосты М.И. Калинина посадили, супругу маршала Буденного тоже отправили в тюрьму, а затем в лагерь, всех жен арестованных маршалов, [189] командармов 1-го и 2-го ранга, армейских комиссаров 1-го и 2-го ранга (к их числу относился Я.К. Берзин) арестовали и посадили, а вот эту южную красавицу, едва понимающую русскую речь, почему-то в НКВД всячески опекали. О ней там постоянно заботились: выделяют ей фактически порученца в лице сотрудника Черняева, предоставляют в престижном «Доме правительства» (это после ареста мужа — «врага народа»!) благоустроенную комнату с телефоном. Чем все это объяснить? Вывод напрашивается только один — Аврору Санчес склонили к сотрудничеству с НКВД. Уж под каким там нажимом, предложом, шантажом или посулами — нам, видимо, об этом не узнать. А сама Аврора о том не сказала ни слова и, можно быть уверенным, не скажет, если такое с ней действительно случилось.

Еще один момент — ну, скажите, с какой это стати сам комкор Фриновский — заместитель всемогущего Ежова, начальник ГУГБ НКВД СССР, стал бы лично принимать никому не известную молодую испанку, скороспелую жену арестованного «шпиона, вредителя и заговорщика» Берзина, милостиво беседовать с ней, притом с переводчиком? Не такой человек был Фриновский, чтобы растрачивать время по мелочам (а отдельно взятый человек для него был действительно мелочью, когда одновременно аресту подвергались десятки и сотни людей). Тем

более успокаивать жену арестанта, клятвенно обещая в свое время отправить ее на родину, в Испанию.

Вдова Я.К. Берзина открыто признает, что по заданию своих начальников из НКВД чекист Черняев длительное время опекал ее. Заметим, что он не следил за ней исподтишка, не наблюдал за ее передвижением из ближайшей подворотни, а по обоюдному согласию (это следует из слов Авроры Санчес) активно сотрудничал с ней, преодолевая, видимо из-за ее слабого знания русского языка, возникающие трудности.

Зададим себе и такой вопрос: где больше всего Аврора Санчес могла принести пользы органам НКВД в случае их действительного сотрудничества? Ответ находим быстро и однозначно — только в среде своих земляков, испанцев-эмигрантов, число которых в Советском Союзе после поражения Испанской Республики значительно возросло. Испанская колония в СССР накануне Великой Отечественной войны была, пожалуй, одной из самых представительных. Известно и то, что в ее среде были люди, сотрудничавшие со спецслужбами страны — этот факт уже давно не является секретом: о том писали сами испанцы, получившие и не получившие подданства СССР.

Из содержания рассказа Авроры Санчес видно, что в кабинетах НКВД она чувствовала себя достаточно свободно. И даже предпринимала попытки поторговаться с чекистами, как, например, в случае, когда она отказалась возвращаться в Испанию. Это когда она хлопотала о разрешении въезда в СССР ее родным сестрам, обратившись за поддержкой не к кому-либо, а к маршалу Ворошилову. Получается так: когда другие семьи арестованных военачальников, публично объявленных «врагами народа», подвергнутые остракизму, оплеванные властями и окружающими обывателями с головы до ног, сидели тише воды ниже травы, боясь лишней раз напомнить миру о своем существовании, Аврора Санчес постоянно контактирует с НКВД, пишет заявления в правительство с просьбой о разрешении въезда ее сестрам в Советский Союз. То есть постоянно напоминает о себе, не опасаясь травли со стороны карательных органов и обвинений в шпионаже. Интересно бы знать — откуда у нее такая уверенность, что ее сестры не подвергнутся репрессиям, как родственники Я.К. Берзина? Откуда идет такая уверенность?

Ворошилов обещал ей свою помощь! В это трудно поверить, хотя бы немного зная «первого маршала». К тому же он лично вряд ли знал Аврору Санчес, чтобы обещать ей свою поддержку. Здесь явная натяжка в рассказе и преувеличение собственной значимости личности жены Берзина. А вот что касается ее взаимоотношений с Андреем, сыном ее мужа, то здесь четко просматривается неприязнь юноши, его неприятие этой женщины. Видимо, Андрей догадывался о характере ее связи с НКВД — ведь даже из слов Авроры Санчес видно, что ее пасынок не расположен был к поддержанию дружеских, не говоря уже о тесных семейных, отношений между ним и мачехой. Он, по всей вероятности, считал ее одной из виновниц ареста и гибели отца. Несмотря на настойчивые приглашения Авроры, Андрей так к ней больше и не зашел, хотя, казалось бы, память об отце и муже должна была их крепко объединить на долгие годы.

Более двух лет в должности заместителя начальника Разведупра РККА работал корпусной комиссар Артузов Артур Христианович. Одну из страниц жизни этого незаурядного человека общественность страны узнала, посмотрев популярный кинофильм «Операция «Трест», рассказывающий о ликвидации антисоветского подполья в СССР, о реализации плана внедрения чекистов в среду белой эмиграции и ее заговорщических организаций, а также о поимке знаменитого английского разведчика Сиднея Рейли и Бориса Савинкова, одного из столпов белого движения. Как раз под руководством начальника контрразведывательного отдела ОГПУ Артузова и была разработана, а затем успешно осуществлена названная операция.

Здесь уместно привести оценку деятельности и личных качеств Артузова, данную ему первым руководителем ВЧК Ф.Э. Дзержинским. В своем письме, датированном 21 июля 1921 года, тот так отзывался о нем: «...тов. Артузов (Фраучи) честнейший товарищ и я ему не могу не верить как себе»[\[166\]](#).

Сын швейцарского эмигранта, сыровара по профессии, Артур Фраучи (такова настоящая фамилия А.Х. Артузова), член партии большевиков с 1918 года, всю свою жизнь при советской власти посвятил подготовке шпионов (разумеется, своих) и борьбе с ними (естественно, с чужими). Начав службу в Красной Армии секретарем командующего Северным фронтом М.С. Кедрова, известного большевика-ленинца (кстати, своего дяди — мать Артура и жена Кедрова были родными сестрами), Артузов с 1919 года работает в органах ВЧК, ОГПУ, НКВД, последовательно занимая там должности заместителя начальника Особого отдела, начальника контрразведывательного и иностранного отделов, а с 1934 года исполняет обязанности заместителя начальника Разведуправления РККА.

За Артузовым пришли 13 мая 1937 года. Арестован он был без вынесения соответствующего постановления на его арест и без санкции прокурора, а только по ордеру, подписанному 13 мая заместителем наркома внутренних дел Бельским. По народной примете несчастливое это тринадцатое число — в этот день Артузова арестовали, в тот же день его исключили также из партии. Приходится только удивляться такой оперативности партийных функционеров.

Как видно из текста обвинительного заключения, Артузов был арестован как активный участник заговорщической группы, якобы существовавшей в органах НКВД СССР во главе с бывшим его наркомом Генрихом Ягодой. Кроме того, Артузов обвинялся в том, что он вел широкую шпионскую деятельность, работая одновременно на немецкую, французскую, английскую и польскую разведки, снабжая их соответствующими материалами об оперативных мероприятиях и агентуре ОГПУ-НКВД.

Доведенный до предела физическими и моральными истязаниями, Артузов вынужден был подписать составленные следователями — начальником секретариата НКВД СССР комиссаром госбезопасности 3-го ранга Я. А. Дейчем и сотрудником этого же секретариата лейтенантом госбезопасности Аленцевым — сфальсифицированные протоколы допросов, то есть признать себя виновным в инкриминируемых ему преступлениях. Там указывалось, что с английской разведкой он сотрудничал с 1913 года, а в 1919 году своим двоюродным братом А.П. Фраучи был привлечен к шпионской работе в пользу французской разведки. После выезда брата в 1929 году из Советского Союза Артузов якобы стал поддерживать связь с представителем Международного Красного Креста — французским шпионом Верлиным. В протоколе допроса записано, что Артузов в 1925 году через своего подчиненного — сотрудника Иностранного отдела ОГПУ О.О. Штейнбрюка — установил связь с германской разведкой и все последующие годы поставлял ей секретную информацию.

«Вопрос: Расскажите подробно следствию, кому Вы предали интересы нашей Родины?»

Ответ: Я признаю свою вину перед государством и партией в том, что являюсь германским шпионом. Завербован я был для работы в пользу немецких разведывательных органов бывшим работником НКВД и Разведупра Штейнбрюком».

Люди НКВД, работавшие над редактурой обобщенного протокола допроса А.Х. Артузова от 22 мая 1937 года, постарались привнести в его текст максимум идеологии, записав туда следующие слова, якобы сказанные арестованным заместителем начальника Разведупра РККА:

«Раньше, чем давать показания о своей шпионской деятельности, прошу разрешить мне сделать заявление о том, что привело меня к тягчайшей измене Родине и партии. После страшных усилий удержать власть, после нечеловеческой борьбы с белогвардейской контрреволюцией и интервентами наступила пора организационной работы. Эта работа производила на меня удручающее впечатление своей бессистемностью, суетой, безграмотностью. Все это создавало страшное разочарование в том, стоила ли титаническая борьба народа достигнутых результатов. Чем чаще я об этом задумывался, тем больше приходил к выводу, что титаническая борьба победившего пролетариата была напрасной, что возврат капитализма неминуем.

Я решил поделиться этими мыслями с окружающими товарищами. Штейнбрюк показался мне подходящим для этого лицом. С легкостью человека, принадлежащего к другому лагерю, он сказал мне, что опыт социализма в России обязательно провалится, а потом заявил, что надо принять другую ориентацию, идти вперед и ни в коем случае не держаться за тонущий корабль.

Через некоторое время у нас состоялся еще более откровенный разговор, в ходе которого Штейнбрюк упомянул о своих встречах с влиятельными друзьями в Германии, о блестящих результатах начинающегося вооружения Германии, об успехах использования СССР в подготовке и сохранении кадров немецких летчиков и танкистов. А в конце беседы он прямо сказал, что является немецким разведчиком и связан с начальником германского абвера фон Бредовым. Далее он заявил, что генерал Людендорф и фон Бредов предложили ему создать в России крупную службу германской разведки. Само собой разумеется, что после столь откровенного заявления я дал свое согласие сотрудничать в германской разведке, так как считал, что, помогая европейскому фашизму, содействую ускорению казавшегося мне неизбежным процесса ликвидации советской власти и установления в России фашистского государственного строя...

Вопрос: С чего началось Ваше сотрудничество с немцами?

Ответ: ...Что касается меня, то я должен был стать особо законспирированным политическим руководителем резидентуры. Особо высоко было оценено мое желание работать идейно, без денежной компенсации. Основная директива сводилась к тому, чтобы не уничтожать, не выкорчевывать, а беречь остатки опорных организаций Германии в России. Была даже указана, как одна из форм сохранения разведывательной сети на Кавказе, германская винодельческая фирма «Конкордия».

Вопрос: Какие материалы Вы передавали через Штейнбрюка немцам?

Ответ: Детально вспомнить не могу, но материалов было передано немало. Передавалось все, представляющее ценность для немецкой разведки, за исключением нашего контроля их дипломатической переписки»[\[167\]](#).

О том, в какой обстановке добывались такие «чистосердечные», леденящие душу показания Артузова и что он на самом деле испытывал при этом, что он думал и какие слова произносил, стараясь защитить свою честь и личное достоинство, говорит, отражая всего лишь частичку неизвестного нам сражения между следователем и подсудимым, содержание записки Артура Христиановича, написанной кровью на тюремной квитанции. Она свидетельствует о том, что Артузов пытался, особенно на первых порах, сопротивляться натиску следователей, стремясь

убедить их в полной нелепости и явной несостоятельности выдвигаемых против него обвинений. Записка эта, датированная 17 мая 1937 года, была обнаружена в ходе проверки дела А.Х. Артузова в 1954 — 1956 годах. Обратим внимание на дату записки (17 мая — прошло всего лишь четверо суток со дня ареста) и дату первого, имеющегося в деле протокола допроса (22 мая). В промежутке между этими двумя датами Дейч и Аленцев окончательно сломали сопротивление своего подопечного.

В записке Артузов обращался к следователю (видимо, к Дейчу): «Гражданину следователю. Привожу доказательства, что я не шпион. Если бы я был немецкий шпион, то: 1) я не послал бы в швейцарское консульство Маковского, получившего мой документ; 2) я позаботился бы получить через немцев какой-либо транзитный документ для отъезда за границу. Арест Тылиса был бы к тому сигналом. Документ...»[\[168\]](#) На этом записка обрывается. Отметим только один момент: упомянутый в записке Тылис — это бывший муж второй жены А.Х. Артузова — Инны Михайловны.

В процессе своей шпионской работы в пользу Германии Артузов, исходя из его показаний на предварительном следствии, выдал немцам весьма ценного агента № 270, а также советских разведчиков в Берлине — Бермана и Гольдзегейма. Вдобавок ко всему в 1933 году Артузов начал сотрудничать еще и с польской разведкой, передавая якобы через работника ИНО ОГПУ Маковского интересующие ее секретные сведения.

Обратимся вновь к протоколу допроса Артузова от 22 мая 1937 года, к той его части, где говорится о выдаче германской разведке советского агента № 270. Содержание его читается как увлекательный приключенческий роман.

« Вопрос: Следствие располагает данными, что Ваша работа в германской разведке не ограничивалась передачей шпионских материалов. Вы передавали и известную Вам агентуру.

Ответ: Как правило, выдачей агентуры я не занимался, за исключением нескольких случаев, о которых дал показания. С приходом к власти Гитлера и убийства фон Бредова наша организация некоторое время была без связи, но несколько позже Штейнбрюк ее восстановил, сказав, что нашим шефом стал очень активный разведчик адмирал Канарис. Адмирал стал требовать выдачи агентуры, против чего я всегда категорически возражал. Одним из ценнейших работников был агент № 270 — он выдавал нам информацию о работе в СССР целой военной организации, которая ориентируется на немцев и связана с оппозиционными элементами внутри компартии. Штейнбрюк стал уверять, что если мы 270-го не выдадим, то немцы нас уничтожат. Пришлось на выдачу 270-го согласиться. Это было тяжелейшим ударом для СССР. Ведь еще в 1932 году из его донесений мы узнали о существующей в СССР широкой военной организации, связанной с рейхсвером. Одним из представителей этой организации, по сообщению 270-го, был советский генерал Тургуев — под этой фамилией ездил в Германию Тухачевский...»[\[169\]](#)

Нелегко было работникам Главной военной прокуратуры в период реабилитации отделить правду от вымысла, зерна от плевел — так все было тесно переплетено, так густо все это было замешано, что ныне приходится только удивляться той огромной работе, которую проделали рядовые следователи в чине от старшего лейтенанта до подполковника. Именно они везли этот неподъемный воз, причем нередко встречая скрытое (открытого в 1955- 1956 годах уже не отмечалось) сопротивление со стороны следственных органов КГБ в центре и на местах. Проиллюстрировать это можно на примере реабилитации А.Х. Артузова.

Его сестра — Фраучи Евгения Христиановна в 1954 году обратилась в ЦК КПСС и Прокуратуру СССР с просьбой о пересмотре дела брата и его посмертной реабилитации. Заявлению был дан ход. Состоялось решение¹ секретариата ЦК КПСС от 12 февраля 1955 года, в котором Прокуратуре СССР и Комитету Партийного контроля при ЦК КПСС поручалось проверить обстоятельства дела в уголовном и партийном порядке. Во исполнение этого решения в июне 1955 года появилось на свет заключение, составленное следователем 1-го отдела Следственного управления КГБ СССР капитаном Кульбашным и утвержденное заместителем Председателя КГБ генерал-лейтенантом П.И. Ивашутиным. В этом достаточно обширном документе четко просматривается какая-то двойственность хода мыслей следователя: вроде бы, по всем данным, Артузов не виновен, и в то же самое время вроде бы и виновен. Все неясности и отсутствие доказательств по тому или другому пункту обвинений толковались им не в пользу подсудимого. Изобилуют формулировки типа «проверить эту часть показаний Артузова не представилось возможным», «каких-либо данных о причастности к этому (событию. — Н. Ч.) Артузова в ходе проверки не поступило» и т.п.

Отсюда и итоговый вывод: «Таким образом, данные, полученные при дополнительной проверке материалов архивно-следственного дела на Артузова, свидетельствуют о том, что оснований к пересмотру его дела не имеется»[\[170\]](#).

Однако родственники А.Х. Артузова, несмотря на такой категоричный вывод высоких инстанций, продолжали бороться за его честное имя. К тому времени наступила пора XX съезда КПСС и в КГБ сменили гнев на милость. В феврале 1956 года тот же капитан Кульбашный подготовил новое заключение по делу Артузова (оно утверждено тем же П.И. Ивашутиным), в котором многие положения буква в букву повторяли текст предыдущего заключения. Но самое главное — вывод сделан прямо противоположный предшествующему: «Возбудить ходатайство перед Генеральным прокурором СССР о принесении протеста в Верховный суд СССР на предмет прекращения дела по обвинению Артузова (Фраучи) Артура Христиановича по ст. 204 п. «б» УПК РСФСР»[\[171\]](#).

Постановлением Военной коллегии Верховного суда СССР от 7 марта 1956 года решение тройки НКВД СССР от 21 августа 1937 года в отношении А.Х. Артузова (расстрел) отменялось и он посмертно был полностью реабилитирован.

Показывая перипетии процесса реабилитации А.Х. Артузова, мы несколько забежали вперед. Возвращаясь к его следственному делу, видим, что обвинительные материалы на него состоят всего из двух протоколов допроса (от 22 мая и 15 июня 1937 г.), а также никем не утвержденного обвинительного заключения, составленного лейтенантом Аленцевым. Второй протокол допроса заканчивается следующим признанием арестованного:

«Признаю, что... мне очень трудно было начать с того, что я являюсь старым английским шпионом и завербован был «Интележес Сервиз» в Санкт-Петербурге в 1913 году. Я прошу сейчас прервать допрос, дать мне возможность восстановить все факты моей деятельности»[\[172\]](#).

Допрашивался ли еще Артузов, неизвестно, так как в деле нет данных об этом. Но, видимо, он допрашивался и не раз, ибо до его расстрела без суда (в особом порядке) 21 августа 1937 года оставалось еще более двух месяцев и оставить без внимания такую фигуру, как Артузов, в НКВД никак не могли. Даже по той причине, что прошло всего немного времени после процесса над группой Тухачевского, когда поиск врагов народа в рядах Красной Армии стал стремительно набирать темпы. Об этом говорит и факт появления новых обвинений в адрес Артузова со стороны лиц, арестованных уже после его второго допроса — в июле и августе 1937 года.

Итак, проверкой законности осуждения А.Х. Артузова установлена полная несостоятельность выдвинутых против него обвинений. Например, на следствии он показал, что к сотрудничеству с французской разведкой был привлечен своим двоюродным братом А.П. Фраучи, которого до 1929 года снабжал шпионской информацией. Когда же тот выехал на постоянное место жительства в Швейцарию, связь с Артузовым стал поддерживать французский разведчик Берлин.

Проверка показала, что в СССР до 1930 года действительно проживал двоюродный брат Артузова — А.П. Фраучи. Однако никаких данных о его принадлежности к французским разведорганам и вербовке им Артузова ни в архиве КГБ СССР, ни в других архивах не обнаружено. Установлено также, что с 1921 по 1938 год в Москве в качестве представителя Международного Красного Креста был аккредитован некий Вольдемар Берлин, который, как это видно из архивных материалов КГБ, подозревался в проведении разведывательной деятельности в пользу нескольких иностранных государств. Данных же, указывающих на связь Артузова с Верлиным, в этих материалах нет. Напротив, имеющиеся в отношении Берлина документы свидетельствуют о том, что в 1928 году его поведение обратило на себя внимание начальника контрразведывательного отдела ОГПУ Артузова, который дал своим подчиненным задание подготовить подробную справку как о личности Берлина, так и о его связях в СССР.

Что же касается обвинений в проведении работы в пользу Германии и ее разведорганов, то они основывались только на личном признании Артузова да показаниях одного из его бывших подчиненных — корпусного комиссара Отто Штейнбрюка. Однако показания последнего крайне противоречивы и неконкретны, что даже у не посвященного в детали дела человека вызывают серьезные сомнения в их правдоподобности. Налицо явная нестыковка в работе следователей НКВД — Дейча и Аленцева. Достаточно привести хотя бы тот факт, когда на следствии Артузов утверждает (безусловно, под давлением следователя), что к сотрудничеству с немецкой разведкой он был привлечен Штейнбрюком — своим подчиненным в ИНО ОГПУ-НКВД и Разведуправлении РККА. А Штейнб-рюк, арестованный тремя неделями раньше, таких показаний не дает, заявляя, что о связи Артузова с немецкой разведкой он узнал от него самого. Прямо чушь какая-то! Однако в 1937 году в НКВД на такие «мелочи» не обращали внимания — главное было подвести подследственного под расстрельную статью, в чем там весьма и весьма преуспевали. Пример тому дела Я.К. Берзина, С.П. Урицкого, упомянутого О.О. Штейнбрюка и многих других командиров Красной Армии.

Показания О.О. Штейнбрюка о том, что он якобы по заданию Артузова передал немецким разведорганам некоторые сведения о советской агентуре в их стране, в частности выдал им агентов № 270 и № 230, никакими объективными данными не подтверждены. По документам КГБ СССР, эти советские агенты в Берлине действительно работали и притом весьма успешно, однако сведений о их расшифровке на Лубянке не имеется. Относительно агента № 270 — он в 1933 году был убит при невыясненных до конца обстоятельствах. Факт убийства этого ценного источника информации послужил предметом специального расследования в ИНО ОГПУ, однако данных о причастности к этому акту Артузова обнаружено не было. Сам же Артур Христианович на допросе в 1937 году показал, что агент № 270 был ликвидирован сотрудником ОГПУ К.И. Сили — помощником начальника 7-го отдела. Штейнбркж же утверждает, что данного агента убил другой сотрудник ОГПУ, а именно Б.К. Ильк. Осмотром следственного дела Илька установлено, что тот никаких показаний по данному поводу не давал и по этому вопросу вообще не допрашивался. Как, впрочем, и Сили. Кто же из двух названных лиц действительно выполнил волю высшего руководства, до сих пор окончательно не выяснено из-за отсутствия допуска к архивам спецхрана.

О принадлежности А.Х. Артузова к немецкой разведке говорится в показаниях его бывших начальников в Разведупре — С.П. Урицкого и Я.К. Берзина, а также некоторых других работников этого ведомства, в частности А.Л. Абрамова-Мирова, арестованных в 1937 — 1938 годах. Характерно, что Урицкий, еще будучи на свободе, по этому вопросу говорил совершенно противоположное, то есть не верил в сам факт предательства со стороны работников своего управления. В день суда над группой Тухачевского, смертельно напуганный этим зловещим событием, каясь и ругая себя, он в письме на имя И.В. Сталина писал, что уволил из Разведупра Артузова, Штейнбрюка/Карина за их плохую работу, «но что они шпики — я не верил. Этому оправдания нет...»[\[173\]](#)

Все перевернуто с ног на голову — совсем еще недавно руководитель зарубежной агентурной разведки ОГПУ называет Ф.Я. Карина одним из лучших разведчиков страны, а начальник Разведупра РККА увольняет его как плохого специалиста. Нам сейчас предельно ясно, что имел в виду Урицкий, называя вчерашних подчиненных — своего заместителя и двух начальников ведущих отделов — никудышными руководителями разведки. Да, страхуется Семен Петрович, задним числом увольняя уже арестованных своих ближайших сотрудников, зная при этом и причину этих арестов. Он прекрасно понимает и другое — говоря о плохой работе своих подчиненных, тем более руководителей основных отделов, тем самым ставит и себе аналогичную оценку. Но что делать — надо было каяться, бить себя в грудь и публично признавать ошибки. В этом Урицкий видел спасение для себя лично, хотя явственно ощущал на затылке (или у виска) дыхание смерти, что видно из приведенного выше его разговора с комдивом И.Ф. Максимовым. Тем не менее расчет в какой-то степени оправдался — Урицкого арестовали только спустя четыре с половиной месяца после процесса Тухачевского и значительно позже многих его подчиненных по Разведупру.

Корпусной комиссар Карин Федор Яковлевич (он же Крутянский Тод-рес Янкелевич), уроженец Бессарабии, в органах ВЧК-ОГПУ работал с 1919 по 1934 год, являясь одним из деятельных помощников А.Х. Артузова по руководству зарубежной резидентурой. Когда в 1934 году по решению ЦК ВКП(б) Артузова направили для укрепления центрального аппарата Разведуправления РККА, тот, пользуясь благоприятным моментом, перетянул туда и свои лучшие кадры — Ф.Я. Карина. О.О. Штейнбрюка, С.И. Мрочковского и некоторых других. До своего ареста (16 мая 1937 г.) Карин занимал в Разведупре должность начальника 2-го отдела.

Согласно обвинительному заключению Карин признан виновным в том, что он начиная с 1915 года работал на германскую разведку, которой якобы передал известные ему данные о закордонной агентуре, а также секретные сведения о работе Иностранного отдела ОГПУ и Разведупра Красной Армии. К тому же ему приписали сотрудничество с польской разведкой (с 1936 г.). Эти обвинения в шпионской деятельности основывались на показаниях арестованных по другим делам И.И. Сосновского, В.И. Гурского, Н.И. Полуэктова, И.С. Цонева, М.Н. Панкратова, полученных от них уже после ареста Карина. То есть к моменту ареста органы НКВД никакими доказательствами виновности Карина не располагали.

Все обвинения в адрес Карина были выдуманы следователями, они абсурдны по существу и не соответствуют действительности. Проверкой по архивам КГБ и МВД СССР не выявлено материалов о его принадлежности к иностранным спецслужбам. Главное Разведуправление Генштаба Вооруженных Сил СССР на запрос Главной военной прокуратуры сообщило, что у них никаких данных о провале их агентуры по вине Ф.Я. Карина не имеется и что большинство якобы выданных им немцам агентов продолжало работать и после его ареста[\[174\]](#).

Высокого мнения о Карине и люди, знавшие его по совместной деятельности — Б.И. Гудзь и А.В. Новиков. Например, Борис Игнатьевич Гудзь, некоторое время работавший у него заместителем, в феврале 1956 года вспоминал: «Карин очень серьезно относился к выполняемой им работе в Разведупре по укреплению нашего заграничного аппарата опытными кадрами разведчиков. Он очень внимательно совместно с подчиненными ему работниками подбирал кандидатуры для переброски в те страны, в которых предстояло работать этим лицам, тщательно подготавливал легализацию перебрасываемых за границу работников, кропотливо и вдумчиво подходил к изготовлению документов для таких лиц с той целью, чтобы уберечь их от провалов»^[175].

Судили Ф.Я. Карина в особом порядке, т.е. заседала не Военная коллегия, а специальная тройка НКВД. И происходило это 21 августа 1937 года в Москве. Вместе с ним в тот же день были приговорены к расстрелу его соратники — А.Х. Артузов и О.О. Штейнбрюк.

Одним из видных разведчиков-нелегалов в системе ИНО ОГПУ — Разведупра РККА по праву считался Иосиф Исаевич Зильберт, впоследствии дивизионный комиссар. Ему за долгие годы работы в разведке пришлось побывать на американском континенте, во Франции и некоторых других странах Европы и Азии. В том числе и в Китае. В этой стране Зильберт был не единожды. Первый раз это случилось после окончания им военной академии, когда он работал там военным советником в числе других командиров РККА, приглашенных правительством Сунь Ятсена. В последнюю свою поездку в Китай Зильберт был арестован чанкайшистами и приговорен к смертной казни. Немало усилий понадобилось приложить руководству советской разведки, чтобы правительство СССР предприняло действенные меры по освобождению и возвращению Иосифа Исаевича. За успешную деятельность на ниве разведки он награждается орденом Красного Знамени. В общей сложности Зильберт в качестве нелегала провел за рубежом свыше десяти лет — на самоотверженной работе, постоянно сопряженной с большим риском и сильными нервными перегрузками.

Арестованный в середине сентября 1938 года, Зильберт обвинялся в принадлежности к антисоветскому военному заговору и шпионской деятельности в пользу американской разведки. В обвинительном заключении, составленном 16 февраля 1939 года старшим следователем Особого отдела ГУГБ НКВД СССР старшим лейтенантом госбезопасности Шашиным, эти положения сформулированы так:

«...обвиняется:

Зильберт Иосиф Исаевич, 1899 года рождения, уроженец г. Лодзи, еврей, гражданин СССР, бывший член ВКП(б) с 1918г. С 1917 по 1918г. состоял в анархо-синдикалистской организации. В РККА с 1918 г., дивизионный комиссар. До ареста состоял в распоряжении Разведупра РККА. Жена Зильберта — Кох осуждена, как шпионка; в том, что:

- 1) Являлся с 1936 года участником антисоветской организации правых.
- 2) Являлся агентом американской разведки.
- 3) В интересах антисоветского заговора поддерживал связь с троцкистами Америки, т.е. в преступлениях, предусмотренных ст. 58 — 1 «б» УК РСФСР.

Обвиняемый Зильберт в предъявленном ему обвинении виновным себя не признал.

Изобличается показаниями Урицкого (л.д. 9, 13), Берзина (л.д. 14, 16), Сурика (л.д. 17, 18), Малиновского (л.д. 19, 21), Стигга (л.д. 22), Штейнбрюка (л.д. 23) и документами Разведупра РККА (л.д. 25 — 27)»[{176}](#).

Следователям Особого отдела ГУГБ очень хотелось увязать деятельность бывшего анархо-синдикалиста Зильберта с троцкистской организацией, записав это весомой строкой обвинения. Зацепкой для этого послужила фраза из показаний подследственного: «В 1921 г. во время дискуссии о профсоюзах я разделял троцкистскую платформу»[{177}](#). Однако больно уж слабая получалась цепочка связи Зильберта (спустя 18 лет) с троцкистами внутри СССР. Тогда его имя решили увязать с американскими троцкистами — в НКВД не привыкли отступать от своих первоначальных установок. Компромат на Иосифа Исаевича в этом направлении готовился постепенно, в основном в виде показаний арестованных руководителей Разведупра — С.П. Урицкого, О.О. Штейнбрюка, А.Х. Артузова и других. Штейнбрюк, например, показал, что со слов Артузова ему известен факт передачи Урицким через Зильберта денег для троцкистов в Америке.

Вообще, упомянутые деньги для поддержки троцкистов за рубежом — тема особого разговора. Первоначальные сведения о них идут от показаний С.П. Урицкого, Я.К. Берзина, Д.К. Мурзина. Откроем соответствующие страницы их следственных дел. Так Берзин на допросе 4 мая 1938 года показал, что Зильберт, которого он в свое время направил резидентом в Америку, жил там некоторое время на квартире у Ф.С. Розенблита, в чьем доме часто собирались тамошние троцкисты. В приговоре по делу комдива Мурзина записано, что он, являясь в прошлом троцкистом, по заданию участников военного заговора Берзина и Урицкого установил в САСШ (Северо-Американских Соединенных Штатах) связь с лидерами троцкистского движения в стране, договорившись с ними о поддержке военно-фашистского заговора в СССР[{178}](#).

Сам Дмитрий Константинович Мурзин как на предварительном следствии, так и в суде 28 августа 1938 года, приговорившего его к расстрелу, виновным себя не признал, заявив, что сведения, изложенные в обвинительном заключении — ложь и клевета на него, честного командира Красной Армии. Он категорически отрицал свою принадлежность к какой-либо антисоветской организации, утверждая, что никогда не занимался контрреволюционной деятельностью[{179}](#).

Зильберт, не признавая себя виновным в шпионаже и принадлежности к военному заговору, вместе с тем в своих показаниях поведал о допущенных им ошибках и просчетах, как разведчика-нелегала. В том числе и в отношении использования денег Разведупра, находившихся у него под отчетом. Так он признал, что в Америке держал эти деньги (а деньги были немалые) на текущих счетах своего дяди, американского миллионера. Зильберт изложил подробности истории, уже известной руководству Разведупра, когда он по своей неопытности в финансовых тонкостях, предварительно не просчитав всех вероятных последствий, к тому же не испросив на то согласия Центра, вложил, доверившись авантюристу, сто тысяч американских долларов в одно дело, казавшееся ему надежным. Однако его надеждам не суждено было сбыться — дело вскоре лопнуло. О таком конфузном для Зильберта случае упоминается и в справке Разведупра, хранящейся в его деле. В этой части Центр оценил деятельность Иосифа Исаевича как неудовлетворительную, наносящую серьезный ущерб советской казне. А ведь то были деньги, предназначенные для покупки оружия для Испанской Республики.

Из показаний И.И. Зильберта: «Я его (дядю-миллионера. — Н. Ч.) использовал в деле легализации своих денег. Деньги резидентуры он держал на своих текущих счетах... Свыше 100 тысяч американских долларов мною израсходовано в Америке из средств РУ (Разведывательного управления. — Н. Ч.) РККА без каких-либо результатов...»[{180}](#)

На практике нередко получалось так, что дело, которым занимался разведчик-нелегал, становилось на годы и делом всей его семьи (жены, братьев, сестер). Чтобы убедиться в этом, достаточно обратиться к личным делам комдива Д.К. Мурзина, дивизионного комиссара И.И. Зильберта, комбрига А.М. Тылтынь и других советских резидентов. Более подробно покажем это на примере И.И. Зильберта и его близких.

Иосиф Зильберт оказался неплохим вербовщиком новых агентов для Разведупра РККА. И прежде всего среди своих родственников. Так, помимо американского дяди, на советскую разведку начиная с конца 20-х годов активно работали и другие члены его семьи: жена Екатерина Леонидовна, побывавшая вместе с ним в Китае и Америке; отец Исай Зильберт, проживавший за границей; сестра Е.И. Краинская и ее муж.

Судьба жестоко обошлась с этими людьми — как отработанный материал, они после ареста И.И. Зильберта оказались ненужными Разведупру. Хорошо, если бы о них совсем забыли, о чем, собственно говоря, в то время эти люди и мечтали. Но увы! Один раз попав в поле зрения чекистов, они уже не могли вырваться из такого заколдованного круга, уподобившись зафлажкованному волку. Действительно, трагедия разведчика, как правило, и трагедия его семьи. Тем более разведчика-нелегала. И тем более в 1937 — 1938 годах. По вполне понятным причинам она, его семья, оказывалась в орбите интересов не только спецорганов страны пребывания, но, что гораздо страшнее и драматичнее, в объективе спецслужб своего государства.

О поистине драматических коллизиях семьи И.И. Зильберта поведала в письме наркому обороны СССР К.Е. Ворошилову сестра Иосифа Исаевича Е.И. Краинская. Письмо датируется (по содержанию) концом января — началом февраля 1940 года.

«...Будучи в заграничной командировке 11 лет тому назад, И.И. Зильберт завербовал для работы в Разведупре нашего отца, которому сейчас 69 лет, а затем и меня и моего мужа. Мой брат знал о наших симпатиях к Советскому Союзу, знал о нашей желаниии приехать сюда на постоянное жительство... Мой брат предложил нам доказать на деле нашу преданность Советской Власти и вот первым ушел на работу в 1929 году мой отец. 9 лет сряду работал он для Разведупра в различных странах Европы. Находится сейчас за границей. Два года тому назад приехал к нему агент Разведупра и предложил отцу работать еще один последний год, сказал, что отцу обещан орден Ленина и приезд в СССР, дабы он мог здесь доживать свою старость.

Работой отца все сотрудники и начальство всегда были очень довольны и громко высказывали похвалы. Затем организация, в которой работал мой отец, сразу прекратила свою деятельность и оставили отца на произвол судьбы за границей без всяких средств к существованию, даже не заплатив следуемых ему денег. Отец не может понять, за что его так уволили, т.к. не знает за собой никакой вины...

Я и мой муж работали все годы для Разведупра во Франции. В декабре 1933 года в Париже был провал нашей организации. В связи с процессом фамилия моя и моего мужа появилась во всех французских газетах. 8 месяцев мы ждали ареста и избегли его только по счастливой случайности. В 1936 году, по вызову Разведупра, я под видом интуристки приехала в Москву. И здесь начальство мне заявило, что оно желает исполнить свой долг в отношении нас и предложило мне выбрать страну, где бы я желала поселиться. Во Франции мы больше не могли оставаться. Мы были французскими гражданами, и уж очень велик был скандал, вызванный процессом, жизнь стала нам там невыносимой. Я, конечно, выбрала Советский Союз, т.к. хотела здесь жить и продолжать работать для Разведупра, но чтоб центр мой был здесь. После этого я вернулась в

Париж: закончить еще одно дело и в конце 1936 года мы приехали сюда. Выехать нам из Франции было трудно, муж мой не получил заграничного паспорта, и ему пришлось бежать из Франции. В Бельгии мы сели на советский пароход и приехали сюда.

...Разведупр дал нам возможность отдыхать. Кроме того, мужу моему готовили поездку в Испанию. Но уехать нам никуда не пришлось, т.к. начальство было вскоре арестовано и мы продолжали сидеть без работы. Одно время я давала уроки иностранных языков командирам из Разведупра. В декабре 1937 года нас здесь арестовали. Меня, моего мужа и мою старушку мать. Но после 34-дневного заключения выпустили. Брат мой в это время продолжал работу за границей и, как я узнала позднее, вызван был Разведупром сюда в связи с нашим арестом. Нас обвиняли в том, что мы воспользовались связями и положением брата, что мы приехали сюда шпионить, что мы работали для Франции и почему-то для Польши...»[\[181\]](#)

Сестра Зильберта утверждает, что ее брата — резидента Разведупра за рубежом, вызвали в Москву вскоре после их ареста. Действительно, Иосиф Исаевич вернулся из заграничной командировки за семь месяцев до своего ареста, то есть в начале 1938 года. Отчитавшись в соответствующих отделах Разведупра за проделанную работу, он сдал свой старый партийный билет для обмена на новый. Однако получить его оказалось совсем нелегким делом: будучи «запачканным» арестом родственников и сослуживцев по Разведупру, он стал одним из первых кандидатов на арест, а потому в ЦК ВКП(б) и ПУРККА не спешили заполнять ему членский билет, хорошо зная, что вслед за арестом немедленно последует исключение из рядов партии. На самом деле так и произошло. Много раз Зильберт после ареста обращался в Комиссию Партийного контроля, к наркому обороны, в ПУРККА, решительно отвергая наветы на него со стороны арестованных работников Разведупра, но все его доводы и доказательства оказывались всего лишь криком одинокого путника в пустыне.

Военная коллегия Верховного суда СССР на своем заседании 14 апреля 1939 года приговорила И.И. Зильберта к высшей мере наказания — расстрелу. Его верный спутник в жизни — жена Екатерина Леонидовна, арестованная годом раньше мужа и обвиненная в шпионаже в пользу Германии, была приговорена к смертной казни в 1938 году. Их единственный сын Лев, взятый после ареста родителей на воспитание сестрой И. И. Зильберта (Е.И. Краинской), шестнадцатилетним юношей добровольно ушел на фронт, где и погиб спустя два года. Пострадал и отец жены И.И. Зильберта — Кох Леонид Матвеевич, бывший офицер старой армии. Тройка Управления НКВД по Московской области в июне 1938 года вынесла ему смертный приговор.

Из «Тюремных записок» Рихарда Зорге

Выдающийся советский разведчик Рихард Зорге, имя которого в учебниках по истории тайной войны следует упоминать в одном ряду с легендарной Мата Хари и неуловимым Лоуренсом, в Китае и Японии в общей сложности более десяти лет работал под «крышей» уважаемого и преуспевающего корреспондента нескольких солидных европейских газет. Осенью 1941 года он был арестован японскими спецслужбами. Тогда же в короткие сроки были выявлены все другие члены возглавляемой им группы. В феврале 1944 года смертный приговор, вынесенный Р. Зорге (его псевдоним «Рамзай»), был приведен в исполнение.

В своих «Тюремных записках», написанных в Токийской тюрьме в конце 1941 года, Зорге подробно рассказывает о пройденном жизненном пути и мотивах, приведших его в ряды коммунистов и сотрудничеству с советской разведкой, о разведывательной деятельности в Китае

и Японии. Упоминает он при этом и сотрудника Разведупра РККА, курировавшего работу его группы в обеих упомянутых странах. Имя его — «Алекс».

Приведем отрывок из этих записок, по времени относящийся к деятельности в Китае (январь 1930 г. — декабрь 1932 г.):

«Алекс. Алекс прибыл в Китай вместе со мной по указанию четвертого управления Красной Армии (Разведупра РККА. — Н.Ч.). Его задача состояла в обеспечении связи с этим управлением в техническом и организационном отношении и, кроме того, освещать военные проблемы. Однако примерно через полгода после приезда в Шанхай из-за пристального внимания полиции... он вынужден был вернуться в Европу. И хотя я был командирован в качестве его помощника по политическим вопросам, мы на взаимных началах работали самостоятельно. Поскольку он был старше меня по возрасту и имел прямую связь с Москвой, его нужно считать старшим и по службе. Через некоторое время после его отъезда из Шанхая я принял на себя технические, организационные и военные вопросы и стал руководителем группы по всем направлениям»[\[182\]](#).

Приоткроем тайну — под именем «Алекса», многолетнего куратора направления «Рамзай», действовал не кто иной, как кадровый сотрудник Разведупра РККА Лев Александрович Борович (Розенталь), дивизионный комиссар. Последняя его должность — заместитель начальника 2-го отдела.

37-й год не миновал «Алекса». Арестованный в середине июля, он после недолгого следствия (всего полтора месяца) был расстрелян по приговору Военной коллегии. В чем же обвиняли этого человека?

Изучая материалы, находящиеся в архивно-следственном деле Л. А. Боровича, имеешь возможность лишний раз убедиться в том, как все-таки невысок был потолок полета фантазии у следователей ГУГБ НКВД СССР. Ибо налицо перенос из дела в дело одного и того же набора обвинений — штампов, которые мы не раз уже приводили. И дело Боровича не является тут исключением. В тексте приговора говорится, что он признается виновным в том, что с 1920 года являлся агентом польской, а с 1928 года — немецкой разведок, которым поставлял секретные сведения о Советском Союзе. А также оказывал им помощь в переброске на территорию СССР шпионов названных стран[\[183\]](#).

На зарубежной разведработе Л.А. Борович находился с 1920 по 1930 и с 1935 по 1937 год. Но вот что удивительно — приписав ему шпионаж в пользу Польши и Германии, где он в разные годы был резидентом, следователи почему-то забыли включить в этот перечень Японию. Почему так получилось? Ведь оно само собой напрашивалось, это обвинение — работа в пользу японской разведки, раз уж подследственный курировал данное направление в Разведупре. Однако этого не произошло и Лев Александрович так и не стал японским шпионом.

Обратимся к такой весьма специфической и почти засекреченной категории командного состава РККА, как военные атташе. Откроем соответствующую страницу Большой Советской Энциклопедии: «Атташе военные, военно-морские, военно-воздушные — должностные лица дипломатического представительства, представляющие соответствующие рода войск своей страны перед вооруженными силами государства пребывания и оказывающие помощь дипломатическому представителю по всем военным вопросам»[\[184\]](#).

Сюда следует добавить, что в дипломатических представительствах военные (военно-морские, военно-воздушные) атташе являются частью дипломатического персонала, а посему пользуются

соответствующими привилегиями и иммунитетом. Их деятельность в стране пребывания регулируется общими принципами и нормами международного права, согласно которым сбор информации о состоянии вооруженных сил и военно-экономического потенциала страны пребывания должен осуществляться только легальными средствами.

О роли военных атташе в разведывательной работе за рубежом необходимо сказать особо. Напомним, что уже в конце 1926 года аппарат советского военного атташе функционировал в 12 странах, в том числе в таких крупных, как Англия, Германия, Польша, Италия, Турция, Китай, Иран, Афганистан, Япония, а также в государствах Прибалтики (Латвия, Литва, Эстония). Подбору данной категории кадров в Москве всегда уделяли большое внимание. Достаточно сказать, что в Управлении делами Наркомата обороны существовал специальный сектор военных атташе, который самым тесным образом взаимодействовал с Разведупром. А подчинялся он непосредственно наркомату.

Как правило, на должность военных атташе, особенно в ведущих капиталистических странах, назначались командиры с большим опытом руководства соединениями и объединениями, хорошо подготовленные в военном отношении, в том числе и командующие войсками военных округов. В качестве иллюстрации к этим словам можно привести примеры А.И. Егорова, впоследствии Маршала Советского Союза (Китай. 1924 — 1925), А.И. Корка, впоследствии командарма 2-го ранга (Германия, начало 30-х гг.), будущих комкоров Г.К. Восканова (Иран), В.Н. Левичева (Германия), В.М. Примакова (Афганистан и Япония), В.К. Путна (Англия).

Потребности для решения агентурных разведывательных задач силами того или иного аппарата военного (военно-морского, военно-воздушного) атташе определялись исходя из нужд Разведуправления Штаба (Генерального штаба) РККА. Собственно говоря, это не противоречило основным официальным задачам военного атташата: ведь в число их функциональных обязанностей входила правильная и всесторонне обоснованная оценка всех родов войск страны пребывания, их боевой мощи и мобилизационной готовности, боевой подготовки войск и оперативной выучки штабов, военной политики правительства. Все сказанное в полной мере относилось и к сопредельным странам.

По долгу службы военные, военно-морские и военно-воздушные атташе обязаны были быть в курсе всех военно-технических изобретений и усовершенствований в области военной техники. Их деятельность направлялась прежде всего на определение всего ценного в стране пребывания, что могло бы принести практическую пользу в частях, штабах и учреждениях Красной Армии для повышения их технической оснащенности, боевой и мобилизационной готовности.

Как мы указали, к середине 30-х годов военный атташат СССР был достаточно развит. Наиболее крупный аппарат в это время находился в Англии, Китае, Франции, Японии, Германии и возглавлялся он там соответственно комкорами В.К. Путной, Э.Д. Лениным, комдивами С.И. Венцовым, И.А. Ринком, А.Г. Орловым. Все эти командиры подверглись репрессиям. Несправедливо обвиненные в самых тягчайших преступлениях, они были приговорены к смертной казни через расстрел.

Комкор В.К. Путна проходил по групповому делу Тухачевского. О нем, хотя и кратко, мы упоминали в соответствующей главе. А вот о военном атташе в Китае комкоре Лепине Эдуарде Давыдовиче широкой общественности практически ничего не известно. А между тем этот далеко незаурядный человек, латыш по национальности, прекрасно подготовленный в военном отношении (командовал полком, дивизией и корпусом, окончив Военную академию РККА),

входил в число людей, которых, как и Григория Котовского, справедливо называли «храбрейшими среди скромнейших и скромнейшими среди храбрейших». О храбрости и личном мужестве Лепина отчасти может свидетельствовать орден Красного Знамени, полученный им за бои под Каховкой. А вот о постоянном его стремлении к пополнению и углублению своих знаний говорит хотя бы такой факт, приведенный в письме вдовы Лепина — Елены Тимофеевны (речь идет о годах Гражданской войны). Она утверждает, что его сослуживцы так отзывались о нем: «Чудак Лепин — если у нас передышка в бою, мы спешим поесть и поспать, а он хватается за чтение книг».

О человеческих качествах Э.Д. Ленина, его большой скромности в общении с окружающими метко выразился посол И.М. Майский. Узнав о его аресте, Иван Михайлович (он знал Лепина по совместной работе в представительствах СССР за рубежом) в узком кругу знакомых заявил: «Ну, еще один прекрасный человек погиб... Пропадет ни за грош!.. Да к тому еще больной, сердечник. Это такой человек, что если бы кто-либо вздумал резать его на куски, то он бы постеснялся кричать от боли, боясь огорчить того, кто его режет! Теперь надо заранее его считать погибшим...»[{185}](#)

Очевидно одно: резать, видимо, Лепина не резали, а вот насчет битья — за этим дело не стало и он на предварительном следствии (и в суде тоже) признает себя виновным. В чем конкретно? Об этом мы узнаем из приговора по его делу:

- с 1922 года являлся участником латышской националистической организации и принимал активное участие в создании этой организации;

— находясь в 1932 году в Разведупре РККА, связался с Берзиным и вместе с ним вел шпионскую работу;

— в 1934 году, будучи в Китае в качестве военного атташе СССР, связался с агентом английской разведки полковником Бухардом, через которого передавал английской разведке шпионские материалы о состоянии РККА, ОКДВА и другие секретные сведения;

— в 1935 году через агента японской разведки Туна передавал японским разведорганам материалы о взаимоотношениях Советского Союза с Китаем и о состоянии ОКДВА[{186}](#).

Если сравнивать по количеству пронумерованных страниц следственное дело Э.Д. Лепина с другими, то оно совсем небольшое — всего один том. В нем в качестве основных доказательств вины бывшего военного атташе в Финляндии, Польше и Китае фигурируют выписки из протоколов допросов Я.К. Берзина и И.А. Ринка, в которых говорится о якобы их совместной антисоветской деятельности. А что в действительности стоят эти показания, мы увидели на примере дела Берзина. О Ринке же разговор впереди.

Вызванный в Москву и арестованный в начале декабря (по другим данным — в начале ноября) 1937 года, Лепин на предварительном следствии (его вели сотрудники Особого отдела ГУГБ НКВД СССР капитан Лукин и старший лейтенант Селивановский) показал, что по антисоветской деятельности в латышской националистической организации он был связан с Р.П. Эйдемано, А.Ю. Гайлисом (Валиным), И.И. Вацетисом, Я. Я. Лацисом и другими видными командирами Красной Армии. Однако все сказанное им — сплошная выдумка. Проверка архивно-следственных дел названных Лениным лиц показала это: никто из них показаний в отношении Ленина не давал. Что же касается Я.Я. Лациса, то он умер еще до начала «большого террора», исполняя должность командира Отдельного корпуса железнодорожных войск РККА.

22 августа 1938 года Военной коллегией Э.Д. Лепин осужден по 58-й статье У К РСФСР (пункты 1 «б», 8 и 11) к расстрелу с конфискацией имущества и лишением воинского звания «комкор». Его жена Елена Тимофеевна, будучи арестована как член семьи изменника Родины, получила через две недели после суда над мужем «свои законные» восемь лет заключения в ИТЛ. В 1956 году оба они были полностью реабилитированы.

К 1937 году военных атташе в звании комкора было совсем немного, буквально считанные единицы (Путна и Лепин). В основном же указанную должность занимали лица высшего комначсостава в звании комдива и комбрига. Полковники встречались реже, да и работали они в небольших странах, не играющих важной роли в мировой политике (Болгария, Чехословакия, страны Прибалтики).

Англия, Франция, Германия — ведущие капиталистические страны Европы — представляли существенный интерес для советской дипломатии и разведки СССР. Отсюда и подбор состава военных атташе. Об Англии уже упоминалось. Теперь очередь Франции: там с мая 1933 по декабрь 1936 года в этой должности работал комдив Венцов-Кранц Семен Иванович, 1897 года рождения, член ВКП(б) с 1918 года, бывший офицер старой армии (поручик) В Гражданскую войну он командовал в Красной Армии полком, а после учился в Военной академии. До назначения на пост военного атташе Венцов-Кранц возглавлял одно из управлений. Штаба РККА, руководил штабами Московского и Белорусского военных округов. После возвращения из Франции он в 1937 году несколько месяцев командовал в Киевском военном округе 62-й стрелковой дивизией (до своего ареста 11 июня).

Воспроизведем один очень важный документ, относящийся к судьбе С.И. Венцова-Кранца. Исполнен он на бланке военного прокурора КВО. Кстати, о двойной фамилии — приставка «Кранц» в официальных документах того времени нередко опускалась и Семен Иванович именовался просто «Венцов». То же самое относится и к его печатным трудам (статьям в газетах и журналах, учебным пособиям).

«Главному военному

прокурору РККА

корвоенюристу

т. Розовскому.

Наш 165/сп от 16 июня 1937 г.

Первичное донесение по делу Венцова-Кранц Семена Ивановича, обе. в к-р деят-ти и участии в военно-фашистском заговоре ст. ст. 54 — 10 и 54 — ПУК УССР.

Мною 5 отделу УГБ НКВД УССР дана санкция на арест Венцова-Кранц Семена Ивановича, 1897, г.р., член ВКП(б), в прошлом офицера царской армии, б. командир 62 стр. дивизии, комдив.

Венцов-Кранц в прошлом был близок к Троцкому и являлся одним из соавторов его книги «Как вооружалась революция». Во время пребывания в Академии им. Фрунзе в 1922 — 24 гг. был тесно связан с руководством троцкистской оппозиции. По имеющимся материалам Венцов-Кранц является участником военно-троцкистского заговора. Арест санкционирован НКО.

Ведется следствие.

Врио военного прокурора КВО бригавоенюрист (Шахтэн)»{187}.

При внимательном анализе документа, этого первичного обвинительного текста, исполненного сухим канцелярским языком военной юриспруденции, замечаешь одну примечательную деталь — в нем не упоминается зловещий пункт 1 «б» 58-й статьи (в Уголовном кодексе Украинской ССР она именовалась 54-й). Удивительно, но факт налицо — на... данном этапе следственных действий обвинений в шпионаже, измене Родине и предательстве пока не выдвигается. И это военному атташе, находившемуся несколько лет в самом центре капиталистического мира! Правда, не странно ли это?

Вскоре Венцова-Кранца этапируют в Москву, и здесь первоначальные обвинения претерпевают существенные изменения — принадлежность к троцкизму отходит на второй план, а на первый выдвигается тот самый расстрельный пункт 1 «б» — участие в военном заговоре и шпионаж в пользу иностранных государств. Семена Ивановича вынудили признать, что в антисоветский заговор его завербовал Тухачевский в начале 30-х годов, а с 1935 года он работал на ряд иностранных разведок (французскую и германскую). В частности, его обвинили в том, что якобы он, будучи в Париже, передавал секретные сведения о Красной Армии военному атташе Германии генералу Эриху Кюлленталу. Попутно Венцова обвинили еще и в том, что он занимался вредительством на посту командира 62-й стрелковой дивизии, проводя его по заданию командующего войсками округа Якира в области боевой и политической подготовки.

Венцов — французский шпион!.. Но как соотнести такое утверждение с содержанием приводимого ниже документа, в достоверности которого не возникает сомнений.

АРХИВНАЯ СПРАВКА

(по документам Центрального Государственного Особого архива СССР)

По документам и картотекам французской полиции и контрразведки проходит Венцов Семен Иванович, родившийся в 1897 г.

По сведениям контрразведки за август 1933 г. Венцов был уроженцем Резекне (Латвия) (в 50 км от Даугавпилса). Его отец, адвокат Израиль Кранц, был широко известен в городе.

Кранц-Венцов учился в Резекне в средней школе. Перед войной (1914 г.) был призван в армию...

Перейдя на сторону советской власти, Кранц быстро продвинулся и стал, как сказано в одном документе, «правой рукой Ворошилова».

...В 1932 г. Венцов был вторым военным экспертом советской делегации на Женевской конференции по разоружению... По сведениям контрразведки за февраль 1932 г. Венцов... пользовался полным доверием Советского правительства, которое его считало очень способным офицером. Венцов являлся автором трудов по тактике, напечатанных в советских журналах... В мае 1933 г. Венцов приехал во Францию в качестве советского военного атташе...

...В мае 1934 г. Военное министерство сообщило командующему 2 (военным) округом о том, что Венцову было разрешено провести стажировку 24 — 26 мая 1934 г. в 91 пехотном полку. Военное министерство предупреждало, что этому офицеру не должны быть переданы никакие секретные сведения...»{188}

Венцов-Кранц — германский шпион!.. К такому выводу настойчиво подводят работники НКВД А.М. Ратынский-Футер, А.М. Гранский-Павлоцкий, Э.М.Правдин-Колтунов, расследовавшие его дело. Однако подобное утверждение резко расходится с выводами такого авторитетного учреждения, как гестапо, с содержанием его документов, касающихся движения кадров высшего командно-начальствующего состава Красной Армии.

АРХИВНАЯ СПРАВКА

(по документам Центрального Государственного Особого архива СССР)

В документах архива имеются учетные карточки из картотеки гестапо на Венцова С.И. В одной из них говорится (запись от 11.12.1935 г.), что французские правонастроенные политики обвиняли Венцова в том, что он создал террористическую организацию во Франции и руководил ею, а также занимался шпионажем в пользу СССР. (Ну где здесь французский шпион Венцов? — Н. Ч.).

...По сообщению газеты «Фолькишер беобахтер» № 248 от 4 сентября 1936 г. Венцов принимал участие в обеде, на котором якобы произошел обмен военными планами между Парижем и Москвой...»{189}

Все сказанное свидетельствует о том, что обвинения в шпионаже С.И. Венцова-Кранца не имели под собой совершенно никакой почвы. Это авторитетно подтвердило и Первое Главное управление КГБ при Совете Министров СССР в 1956 году. Точно так же оказались вымышленными и другие обвинения, по которым он в сентябре 1937 года (через три месяца после ареста) был приговорен Военной коллегией к расстрелу.

Одновременно с мужем была арестована и жена С.И. Венцова — Раиса Евсеевна. Погибла она (расстреляна по приговору Военной коллегии) месяцем позже мужа, признанная виновной в том, что якобы имела контакты с агентами разведорганов иностранных государств, которым передавала секретные сведения. Еще ей вменили в вину то, что она, якобы зная о шпионской деятельности своего мужа, не донесла об этом органам советской власти. И уж совсем «плохо поступила», помогая мужу поддерживать связь с руководителем военного заговора М.Н. Тухачевским. Ввиду необоснованности всех этих обвинений Р.Е. Венцова в июле 1956 года была полностью реабилитирована.

С 1932 по 1937 год обязанности военного атташе при полномочном представительстве СССР в Японии исполнял комдив Ринк Иван Александрович. У нас есть возможность, на документах его дела показать «кухню» Наркомата внутренних дел и его основного подразделения по выявлению шпионов, изменников и вредителей — Главного управления государственной безопасности. Имеется возможность узнать, как «повара» с ромбами чекистов на петлицах начинали замешивать арестантское «тесто», не забывая при этом то и дело добавлять в него новые порции дрожжей в виде очередных признательных показаний. Обратимся к документам, рожденным в недрах ГУГБ НКВД СССР.

«Совершенно секретно»

Военный атташе в Японии комдив Ринк Иван Александрович, рождения 1886 года, уроженец Латвии, из крестьян; в 1910 году окончил Виленское военное училище; в старой армии штабс-капитан; в РККА с 1919 года (после возвращения из германского плена. — Н.Ч.).

В отношении Ринка арестованный бывший торговый представитель СССР в Японии Кочетов показал следующее:

«Примерно через неделю после установления шпионской связи с Уэда я от военного атташе в Японии Ринка узнал, что он является офицером японского генерального штаба, а бюллетень «Печиро Цусим» фактически издается на деньги японского генерального штаба. Юренев (К. К. Юренев — посол СССР в Японии. — Н.Ч.) добавил при этом, что основные сведения о наших базах японцы получили от Ринка, который был в 1936 году на маневрах ОКДВА и хорошо обо всем информирован. Далее Гамарник сказал, что он предложил Таирову (В.Х. Таиров в первой половине 30-х годов был заместителем командующего ОКДВА, а затем получил назначение послом в Монголию. — Н. Ч.), чтобы последний обеспечил выезд Ринка на очередные маневры в ОКДВА, так как Ринк там очень нужен будет. Ринку он также пошлет указания об этом».

Кроме того, арестованный участник военно-троцкистского заговора Никонов (комдив А.М. Никонов — заместитель начальника Разведупра. — Н. Ч.) в отношении Ринка показал:

«Ринк, военный атташе в Токио, усиленно нас дезинформирует. В период последнего военного нападения Японии на Северный Китай, когда по всем данным определился маневр японского империализма, направленный к тому, чтобы под шумок северо-китапских событий мобилизовать свою армию и перебросить ее на материк для последующей войны против СССР (пройдя безнаказанно опасный для Японии этап морских перевозок) — Ринк слал дезинформационные успокоительные телеграммы о том, что в японской армии все нормально».

Ринк, будучи начальником 4-го отдела штаба РККА (отдел внешних сношений. — Н.Ч.), поддерживал близкую связь с германским военным атташе Нидермайером. Последний часто посещал Ринка, приносил ему подарки и приглашал его к себе на квартиру. Ринк же стремился удовлетворять все заявки Нидермайера, иногда целыми днями занимался исключительно немецкими делами (подбор книг, циркуляров, билетов на парад и проч.).

Прошу сакционировать отзыв Ринка из Японии с последующим его арестом.

Начальник 5 отдела ГУГБ НКВД СССР

комиссар гос. безопасности 3-го ранга

(Николаев)

«» октября 1937 г.

2 отделение

Основание: Показания арестованных Кочетова и Никонова»[\[190\]](#).

Документ исполнен без указания адресата. Однако практика организации подобных дел в НКВД дает право утверждать, что таким адресатом мог быть сам нарком Ежов или же его первый заместитель — начальник ГУГБ комкор М.П. Фриновский. Как бы то ни было, но санкция на отзыв Ринка из Страны восходящего солнца и его арест была сразу же получена. Не в пример Венцову-Кранцу следствие по делу И. А. Ринка длилось почти в два раза дольше — чуть более пяти месяцев.

В протоколах допросов Ринка записано, что в военный заговор он был завербован начальником ПУРККА Я.Б. Гамарником в 1932 году, а в антисоветскую латышскую организацию — начальником разведотдела штаба ОКДВА А.Ю. Гайлисом (Валиным) в 1935 году. Также там зафиксировано, что по антисоветской деятельности Ринк поддерживал связь с К.К. Юрневым, А. Мазаловым, И. Мамаевым, В.Г. Боговым (все названные лица, кроме Юрнева, — кадровые работники Разведупра РККА. — Н. Ч.), И.Г. Клочко, А.Я. Лапиным, Краузе, Райвидом, Наги, Дейчманом, Асковым и другими. Формулировка в приговоре — «занимался вербовкой новых лиц для шпионажа» — основана на признании Ринка, что он вовлек в контрреволюционную организацию А.Ф. Федорова, Г.П. Киреева и еще несколько человек.

К делу И. А. Ринка приобщены протоколы допроса упомянутого выше Кочетова и полкового комиссара Иолка — сотрудника Разведупра, незадолго до ареста вернувшегося из командировки в Испанию. Есть там и показания Гайлиса (Валина), Таирова, в которых содержатся сведения об антисоветской деятельности бывшего военного атташе в Афганистане и Японии Ринка.

В приговоре Военной коллегии говорится, что Ринк «...признан виновным в том, что... с 1932 года являлся активным участником антисоветского военного заговора, по заданию Гамарника осуществлял связь с японским генеральным штабом, подготавливая поражение СССР в случае войны с Японией. Выполняя обязанности военного атташе в Японии с 1932 по 1937 г., систематически передавал японской разведке сведения, доставляющие государственную тайну, дезинформировал Советское правительство о состоянии японской армии, с 1935 г. являлся участником контрреволюционной латышской националистической фашистской организации...»[\[191\]](#)

Предъявленные ему обвинения Ринк не отрицал и в суде. Напротив, в протоколе судебного заседания Военной коллегии от 15 марта 1938 года записано, что он признает «полностью себя виновным, полностью подтверждает данные им на предварительном следствии показания»[\[192\]](#). По трем пунктам (1 «б», 8 и 11) 58-й статьи УК РСФСР Ринк приговаривается к высшей мере наказания — расстрелу с лишением воинского звания «комдив» и конфискацией лично ему принадлежащего имущества. Заседание коллегии, включая вынесение и оглашение приговора, длилось всего 15 минут.

Признания самого И.А. Ринка и других арестованных в его антисоветской деятельности на деле оказались несостоятельными и легко опровергаемыми при квалифицированной прокурорской проверке материалов следственного дела. Оказалось, что названные в протоколах допросов Мазалов, Райвид, Наги, Клочко и Боговой никаких показаний в отношении Ринка не давали, а Краузе, Асков, Лапин и Киреев от показаний, в которых они признавали себя виновными в антисоветской деятельности, отказались: Альберт Лапин в своей предсмертной записке, а остальные — в суде.

Проверка также показала, что показания В.Х. Таирова, обличающие Ринка, давались им вынужденно, в результате применения к нему системы физических и моральных истязаний. Свидетельства же других лиц крайне неконкретны. Например, Юрнев показал лишь о том, что Ринк является ставленником Гамарника, что само по себе не имело состава преступления. Гайлис (Валин) и Иолк высказывали всего лишь предположение, что Ринк является японским шпионом. А якобы завербованный им в заговор А.Ф. Федоров репрессиям вообще не подвергался и длительное время находился на руководящих постах в Главном Разведывательном управлении Генштаба Вооруженных Сил СССР, дослужившись до генеральского звания.

Вывод: каких-либо материалов, компрометирующих Ивана Александровича Ринка, в архивах КГБ и МВД не удалось обнаружить. Причина — их там просто никогда не было и быть не могло. Родное ведомство — Разведупр РККА — было вполне удовлетворено результатами его деятельности за рубежом, что официально и засвидетельствовало впоследствии ГРУ Генштаба, сообщившее: «Поступившие от Ринка И.А. информационные материалы из Японии оценивались РУ РККА положительно и не вызывали каких-либо сомнений в их правдоподобности»[\[193\]](#).

Комдив И.А. Ринк посмертно реабилитирован в 1956 году. Годом раньше это было сделано в отношении его жены Марии Константиновны, осужденной в мае 1938 года Особым совещанием к восьми годам лишения свободы в исправительно-трудовых лагерях. Отбыв этот срок в АЛЖИРе (Акмолинском лагере жен изменников Родины) — филиале Карлага, М.К. Ринк до середины 50-х годов, вплоть до своей реабилитации, находилась в административной ссылке в городе Аральске.

Попробуй не признайся в застенках НКВД! И признавались во всех мыслимых и немыслимых грехах разведчики — заслуженные командиры Красной Армии, не раз в бою смотревшие смерти в глаза, но не вынесшие испытания длительной физической болью. Однако немало было и таких, кто затем все же находил в себе силы и мужество, чтобы отказаться от позорящих его показаний. Одни это делали в ходе следствия (их было меньшинство), другие (большинство) такой шаг, чреватый новыми испытаниями, приурочивали ко дню суда.

Только два примера к сказанному. Бывший военно-воздушный атташе во Франции комдив Н.Н. Васильченко, подвергнутый сразу после своего ареста массивному воздействию со стороны следственных органов, в минуты слабости показал, что является участником антисоветского военного заговора, в который был завербован Тухачевским. Но вскоре он от этих слов отказывается:

«Я не был антисоветским человеком, взглядов Тухачевского не разделял и о его взглядах (разумеется, антисоветских. — Н. Ч.) не знал. Все, о чем я выше показал, является моей выдумкой. Никогда Тухачевский меня никуда не вербовал и его заданий я не выполнял. Дал я такие показания потому, что от меня требовали показаний о моей шпионской и заговорщической деятельности, а показать действительно мне было нечего»[\[194\]](#).

Второй пример — отказ в суде от своих показаний, ранее данных следствию, относится к делу бывшего военного атташе в Германии (1935 — 1937), а затем заместителя начальника Разведупра комдива А.Г. Орлова. В протоколе судебного заседания записано, что «...он виновным себя не признает (Орлов обвинялся в шпионаже в пользу Германии. — Н. Ч.). От показаний, данных на предварительном следствии, отказывается, заявляя, что дал их вынужденно, т.к. его избивали и таким путем заставили подписать показания»[\[195\]](#).

В НКВД внимательно изучали послужные списки арестованных, выискивая там малейшие зацепки для предъявления им дополнительных обвинений. За примерами далеко ходить не надо. В середине 20-х годов большая группа командиров РККА работала в Китае в качестве военных советников. В их число входили такие известные военачальники, как В.К. Блюхер, М.Г. Ефремов, Н.В. Куйбышев, А.Я. Лапин, В.М. Примаков, А.И. Черепанов и другие, менее известные. Такие, как А.В. Благодатов, В.Е. Горев, М.О. Зюк, Ф.И. Ольшевский, И.Я. Зенек, Н.И. Кончиц.

Казалось бы, тридцать седьмой год и указанные события (работа в Китае), разделенные по времени более чем десятком лет, для многих бывших военных советников давно стали историей, одной из строк их биографии. И действительно, китайская страница их жизни к 1937 году

заслонила чередой новых событий в СССР и РККА, правомерно отойдя на второй и даже третий план. Тем более — это была работа, признанная успешной, и стыдиться за тот период своей деятельности у них не было никаких оснований.

Однако в НКВД рассуждали иначе — там всякое лыко вставляли в строку. По крайней мере, не упустили такой возможности. Как в случае с комбригом В.Е. Горевым, военным атташе в Испании, ему припомнили Китай. В приговоре по его делу это звучит следующим образом: «В 1925 году, находясь в Китае в качестве военного советника, входил в состав контрреволюционной троцкистской группы и принимал участие в предательской деятельности, направленной на поражение Народно-Революционной армии Китая»[\[196\]](#).

А заодно, раз уж Горев и в Испании поработал, добавили: «...в 1936 — 1937 гг., находясь в Испании, принимал участие в предательской деятельности, направленной на поражение республиканской армии Испании»[\[197\]](#).

Все сказанное являлось своего рода довеском к основным обвинениям В.Е. Горева — участие в военном заговоре и шпионаж в пользу английской разведки. Таким образом, получился, по мнению следствия, неплохой набор и расстрел Гореву был обеспечен. Что и произошло в июне 1938 года.

Помимо указанных выше лиц, в 1937 — 1938 годах была арестована и в последующем уничтожена целая плеяда талантливых организаторов советской военной разведки. Чтобы не быть голословным, покажем это в виде специального Перечня, составленного автором по архивным материалам Главной военной прокуратуры и Военной коллегии Верховного суда Российской Федерации. Собранные воедино, эти материалы поражают воображение своим чудовищным людоедским содержанием. Разум нормального человека не в состоянии понять это явление — кому и зачем нужны были такие гигантские, совершенно ненужные жертвы, какому злему существу приносились эти жертвоприношения, чем объяснить разгул кровавой вакханалии.

Итак, подведем итоги кровавой жатвы в рядах разведки РККА. При этом следует помнить, что приводимый ниже Перечень является далеко не исчерпывающим, так как он включает в себя только лишь категории комначсостава разведки от полковника (полкового комиссара, военинженера 1-го ранга) и выше. Необходимо отметить и другое обстоятельство, значительно затруднившее автору поиск нужных сведений о репрессированных сотрудниках Разведупра Красной Армии — в 1937 — 1938 годах. Нередко бывало так, что человек подвергался аресту и суду, расстрелу или заключению в ИТЛ, а приказа о его увольнении из рядов армии так и не издавалось.

№№ п/п	Занимаемая должность накануне ареста	Воинск. звание	Фамилия , имя, отчество
1.	Зам. командующего войсками ЛЕЮ (бывший военный атташе в Афганистане и Японии)	Комкор	Примаков Виталий Маркович
2.	Военный атташе в Великобритании	Комкор	Путна Витовт Казимирович

3.	Нач. 1-го отдела Разведупра РККА	Корп. комиссар	Штейнбрюк Отто Оттович
4.	Зам. начальника Разведупра РККА	Корп. комиссар	Артузов (Фраучи) Артур Христианович
5.	Нач. 2-го отдела Разведупра РККА	Корп. комиссар	Карин Федор Яковлевич (Крутянский Тодрес Янкелевич)
6.	Пом. начальника Разведупра РККА	Полков. комиссар	Абрамов-Миров Александр Лазаревич
7.	Бывший военный атташе в Италии	Комбриг	Петренко-Лунев Сергей Васильевич
8.	Нач. 5-го отдела Разведупра РККА	Комбриг	Беговой Василий Григорьевич
9.	Нач. военно-историч. отдела Генштаба РККА (бывш. военный атташе в Турции)	Комбриг	Клочко Иван Гаврилович
10.	Пом. начальника Разведупра РККА	Корп. комиссар	Мейер-Захаров Лев Николаевич
11.	Командир 62-й стрелковой дивизии (бывший военный атташе во Франции)	Комдив	Венцов-Кранц Семен Иванович
12.	Нач.разведотдела ОКДВА	Комбриг	Гайлис (Валин) Август Юрьевич
13.	Зам. начальника 2-го отдела Разведупра РККА	Дивиз. комиссар	Борович (Розенталь) Лев Александрович
14.	Нач. 8-го отдела Разведупра РККА	Дивиз. комиссар	Стельмах Емельян Васильевич
15.	Зам. начальника Разведупра РККА	Комдив	Никонов Александр Матвеевич
16.	Врид зам. начальника 1-го отдела Разведупра РККА	Бригад, комиссар	Болотин (Иошпа) Илья Миронович
17.	Зам.начальника 2-го отдела Разведупра РККА	Комбриг	Панов Петр

			Александрович
18.	Состоящий в распоряжении Разведупра РККА	Полковник	Кидайш Виктор Филиппович
19.	Особоуполномоченный Разведупра РККА	Бригад, комиссар	Янов Петр Ильич
20.	Нач. разведотдела	Полковник	Гродис Юлий Исидорович
21.	Нач. редакционно-издательского отдела Разведупра РККА	Бригад, комиссар	Шинкарев Николай Лаврентьевич
22.	Военный атташе в Японии	Комдив	Ринк Иван Александрович
21.	Зам. командующего войсками МВО (бывший нач. Разведупра РККА)	Комкор	Урицкий Семен Пегро-вич
24.	Зам. начальника отдела внешних сношений НКО	Комбриг	Мацилик Федор Георгиевич
25.	Состоящий в распоряжении Разведупра РККА	Комбриг	Тылтын Ян-Альфред Матисович
26.	Начальник Разведупра РККА	Армейский комиссар 2-горанга	Брзин Ян Карлович
27.	Нач. 3-го отдела Разведупра РККА	Комдив	Стигга Оскар Ансович
28.	Зам. начальника 10-го отдела Разведупра РККА	Бригад, комиссар	Перкон (Ямберг) Эрнест Карлович
29.	Нач. 10-го отдела Разведупра РККА	Бригад, комиссар	Лозовский Александр Петрович (Ямберг Вильгельм Карлович)
30.	Нач. 6-го отдела Разведупра РККА	Бригадженер	Файвуш Яков Аронович
31.	Военный атташе во Франции	Комбриг	Семенов Николай Александрович
32.	Состоящий в распоряжении Разведупра РККА	Комбриг	Глаголев Василий Павлович

33.	Нач. 3-го отдела Разведупра РККА	Комбриг	Тумельтау Гарольд Тснисович
34.	Зам. начальника 3-го отдела Разведупра РККА	Комдив	Мурзин Дмитрий Константинович
35.	Помощник военного атташе во Франции	Комбриг	Кириллов-Губецкий Иосиф Михайлович
36.	Военный атташе в Испании	Комбриг	Горев Владимир Ефимович
37.	Военно-морской атташе в Великобритании	Инженер-флагман 3-го ранга	Анципо-Чикунский Лев Владимирович
38.	Помощник военного атташе в Швеции	Полковник	Риттер Артур Рудольфович
39.	Начальник Артиллерийских курсов усовершенствования комсостава РККА (бывший военный атташе в САСШ)	Комбриг	Клейн-Бурзи Владимир Александрович
40.	Начальник отдела Разведупра РККА	Бригад. комиссар	Салнын Христофор Интович
41.	Состоящий в распоряжении Разведупра РККА	Бригад, комиссар	Вайнберг Михаил Яковлевич
42.	Состоящий в распоряжении Разведупра РККА	Дивиз. комиссар	Зильберт Иосиф Исаевич
43.	Начальник 8-го отдела Разведупра РККА	Дивиз. комиссар	Стельмах Емельян Васильевич
44.	Нач. кафедры иностранных языков Военной артиллер. академии им. Ф.Э. Дзержинского (быв. зам. начальника Разведупра РККА)	Комдив	Орлов Александр Григорьевич
45.	Состоящий в распоряжении Разведупра РККА	Дивиз. комиссар	Сафразбекян Геворк Садатович
46.	Нач. иностранного отдела Управления ВВС РККА	Бригад. комиссар	Янель Карл Юрьевич
47.	Военный цензор 8-го отдела Разведупра РККА	Бригад, комиссар	Тракман Карл Густавович

48.	Военный атташе в Чехословакии	Полковник	Шнитман Лев Александрович
49.	Военный атташе в Турции	Полковник	Емельянов-Сурик Александр Васильевич
50.	Состоящий в распоряжении Разведупра РККА	Полков.комиссар	Ригин Аристарх Аристархович
51.	Особоуполномоченный 2-го отдела Разведупра РККА	Полковник	Тальберг Джон Иоганнович
52.	Состоящий в распоряжении Разведупра РККА	Бригад, комиссар	Воля Михаил Яковлевич
53.	Помощник начальника Разведупра РККА	Бригад, комиссар	Давыдов Василий Васильевич
54.	Помощник генерал-инспектора ВВС РККА (бывш. военно-воздушный атташе во Франции)	Комдив	Васильченко Николай Николаевич
55.	Начальник курсов усовершенствования Военно-возд. акад. РККА (бывший военно-возд. атташе в Великобрит.)	Комбриг	Черний Иван Иосифович

Одним из достоверных источников информации о подвижке кадров разведки в рассматриваемый период являются приказы наркома обороны по личному составу армии. Учитывая особенности деятельности Разведупра, такие приказы, касающиеся его сотрудников, имели гриф «секретно» или «совершенно секретно». Для анализа их содержания за 1937 — 1938 годы возьмем только те из них, которые «бьют по хвостам», то есть приказы об увольнении из РККА комначсостава разведки после его ареста органами НКВД. И таких приказов набирается немало. Помимо лиц, уже упомянутых в Перечне, в 1937 — 1938 годах подверглись аресту [\[198\]](#):

Начальник отдела внешних сношений НКО комкор А.И. Геккер.

Начальник 12-го отдела Разведупра РККА бригадный комиссар Д.И. Троицкий.

Начальник 9-го отдела Разведупра комбриг В.Н. Панюков.

Состоящие в распоряжении Разведупра бригадный комиссар М.П. Шнейдерман, бригадженер А.И. Гурвич, полковники Г.И. Баар и К.К. Звонарев.

Заместитель начальника 5-го отдела Разведупра полковник И.В. Давыдов.

Начальник сектора Разведупра полковник П.А. Литвинский.

Помощник начальника школы Разведупра РККА по политической части полковой комиссар К.Ш. Маркович.

Начальник отделения 2-го отдела Разведупра полковник К.М. Римм.

Начальники разведотделов военных округов: ОКДВА — полковник М.К. Покладок, СВО — полковник В.Е. Васильев, ЗакВО — полковник Х.Б. Мавлютов, УрВО — майор Ю.Г. Рубэн.

Заместитель начальника разведотдела КВО полковник В.А. Сулацкий.

Начальник отделения разведотдела ОКДВА полковник Н.П. Вишневецкий.

В те же годы подверглись репрессиям (увольнение из РККА, арест, тюрьма, лагерь, административная ссылка, ограничение в правах) многие кадровые военные разведчики. Среди них: дивизионный комиссар П.И. Колосов (Заика), комбриги Е.М. Коссовский, А.А. Ланговой, бригадные комиссары А.М. Витолин, М.С. Глускин, Н.Н. Гребенюк, Я.Г. Бронин, П.Н. Фигин, И.Е. Корнеев, М.Д. Король, А.И. Скорпилев, А.М. Арто, А.Г. Миловидов, Г.И. Семенов, полковники Х.А. Пунга, А.П. Аппен, А.А. Мазалов, А.И. Бенедиктов, П.И. Иванов, В.Т. Сухорукое, П.А. Еремин, А.И. Макаревич, Н.С. Строчук, И.Г. Герман, А.М. Иодловский, С.Л. Кинсбургский, Ф.Г. Кузюбердин, А.С. Немиров, И.А. Поверенное, Л.Я. Сокольский, В.Г. Терентьев, П.Х. Харкевич, Г.М. Цатуров, С.С. Волкенштейн, В.Е. Поляк, Я.П. Пуринь, С.Н. Смелков, Д.П. Соловьев, К.Я. Тикк, В.И. Федоров, полковые комиссары И.А. Львов-Иванов, К.М. Басов, Б.Я. Буков, Я.Х. Лундер, А.К. Мюллер, Л.А. Юревич, Н.М. Болдаев, П.Ф. Воропинов, военинженеры 1 -го ранга И.П. Тягунов, П.Ю. Орас, С.М. Браверман, И.П. Бурков, Д.И. Злыднев, Н.А. Наумов, Я.К. Нейланд, И.А. Телепнев, Б.П. Шей.

Сделаем некоторые обобщения из сказанного. Реальность такова: отчетливо просматривается противоречие, заключающееся в том, что во второй половине 30-х годов советское руководство, принимая энергичные меры по развитию военно-экономического потенциала страны и укреплению боевой мощи вооруженных сил, в то же время всемерно ослабляло их, проводя массовые репрессии против командно-начальствующего состава армии и флота. Исторические данные свидетельствуют о том, что руководство СССР в тот период сознавало угрозу войны со стороны Германии. А раз так, то вполне резонно звучит вопрос: «На каких фактах оно строило такой вывод?» Другими словами — располагал ли Сталин и его коллеги в Политбюро, в том числе и Ворошилов, необходимыми данными о подготовке Германии к войне против СССР? То есть знала ли советская военная разведка о таких планах, своевременно ли докладывала своему правительству материалы, касающиеся подготовки и сроков ее начала? Специалисты дают на этот вопрос положительный ответ, утверждая, что действительно внешняя разведка систематически информировала о нарастании военной опасности со стороны фашистской Германии.

Однако в угоду Сталину в ряде случаев руководство Разведупра РККА к разряду дезинформации стало относить донесения разведчиков, содержащие «неудобные» материалы. Например, накануне Великой Отечественной войны такому сомнению подверглись донесения Рихарда Зорге из Японии. К тому же НКВД в лице Ежова и Берия начиная с 1937 года и особенно после ареста Берзина и Урицкого все чаще стал грубо вмешиваться в работу Разведуправления Красной Армии.

Отметая огульное охаивание деятельности советской военной разведки в предвоенные годы и признавая огромный вред, нанесенный ей репрессиями, первый заместитель начальника Главного Разведывательного управления (ГРУ) Генштаба Вооруженных Сил Российской Федерации генерал-полковник А.Г. Павлов (он же председатель Совета ветеранов военной разведки) делает следующие выводы:

1. В результате репрессий 1937 — 1939 годов военная разведка была сильно ослаблена, а состав центрального и сохранившаяся часть зарубежного аппарата оказались недостаточно подготовленными к работе в условиях предвоенного и военного времени.

2. Источники информации и руководители зарубежных резидентур в это сложное время работали активно и самоотверженно, обеспечивая поступление в Разведупр достаточного количества необходимых данных о вероятных противниках, их планах, сообщая и другие сведения, позволяющие политическому и военному руководству страны объективно оценивать обстановку^{199}.

Важнейшими направлениями в деятельности советской военной разведки вообще и в 30-х годах в частности являлись: отслеживание складывающейся военно-политической обстановки и шагов потенциальных противников, представляющих угрозу СССР; анализ состояния и развития их армий, вооружения и группировок войск; добывание сведений о планах войны, переброски частей и соединений, оборудования театров военных действий и т.п.

И в основном военная разведка успешно справлялась с поставленными задачами. Следует особо отметить, что ее строительство велось с дальним прицелом, с тем чтобы обеспечить живучесть и работоспособность разведорганов и в военное время. С этой целью создавались нелегальные резидентуры в сопредельных с СССР странах и государствах — вероятных противников, отрабатывалась система их материально-технического и финансового обеспечения, а также система связи. Одновременно в крупных державах Европы и Азии расширяется аппарат военных атташе, укрепляется «крыша» для работников разведки в официальных советских учреждениях за рубежом. Вся эта работа, многотрудная и не известная широкой общественности, проводилась под руководством начальников Разведупра РККА — Я.К. Берзина и С.П. Урицкого, их ближайших помощников — А.Х. Артузова, А.М. Никонова, В.В. Давыдова. О.О. Штейнбркжа, Ф.Я. Карина, Я.А. Файвуша. Как результат, ко второй половине 30-х годов в странах, враждебно относившихся к СССР, советская военная разведка создала разветвленную разведывательную сеть, способную выполнять задания политического и военного руководства страны как в мирное, так и в военное время.

К сожалению, всю эту государственной важности работу завершить не удалось, так как в отношении репрессий военная разведка не являлась счастливым исключением. Жертвами провокаций и беззакония стали не только ее высшие руководители, но и многие сотрудники старшего и среднего звена. О масштабах подобных акций, которые не прекратились и после 1938 года, можно судить по докладу начальника Разведупра РККА генерал-лейтенанта авиации И.И. Проскурова (возглавлял военную разведку с апреля 1939 по июль 1940 г.), датированного 25 мая 1940 года:

«Последние два года были периодом чистки агентурных управлений и разведорганов... За эти годы органами НКВД арестовано свыше 200 человек, заменен весь руководящий состав до начальников отделов включительно. За время моего командования только из центрального аппарата и подчиненных ему частей отчислено по различным политическим причинам и деловым соображениям 365 человек. Принято вновь 326 человек, абсолютное большинство из которых без разведывательной подготовки»^{200}.

Репрессии крайне отрицательно сказались на настроении и деловых качествах уцелевших работников разведки. Будучи напуганы, а посему скованы в работе, они, опасаясь за свою жизнь, всячески избегали принимать самостоятельные и ответственные решения из-за опаски получить

обвинения во вредительстве и шпионаже. Самое же главное заключалось в том, что пострадало дело — в результате репрессий многое из того, что удалось подготовить за десятилетия кропотливой работы, оказалось сильно разрушенным, а намеченные к проведению мобилизационные и оперативные мероприятия почти перестали проводиться. Восстановление же утраченного и подготовка к работе в военное время, как известно, дело сложное, требующее высокого профессионализма и значительного времени. А его-то, этого времени, до начала войны оставалось совсем немного. К тому же пришедшие в разведку неопытные кадры на первых порах не умели делать самого необходимого, да еще в быстром темпе. Эти и другие обстоятельства послужили причиной ряда серьезных провалов в зарубежных организациях разведслужбы на начальном этапе Великой Отечественной войны.

Тюрьма — лагерь — ссылка

А как чувствовали и вели себя военачальники в тех самых ИТЛ (исправительно-трудовых лагерях), куда их отправляли по приговору Военной коллегии или Особого совещания на десятки лет? Что они там делали эти долгие годы, какую работу выполняли, какие должности им доверяло лагерное начальство, следуя строгим инструкциям ГУЛАГа?

Из воспоминаний бывшего заключенного, впоследствии генерала армии А.В. Горбатова: «...Наступило короткое колымское лето... А в это время происходил набор на рыбные промыслы — туда я и записался одним из первых. Через неделю, распрощавшись со своими приятелями, я оказался в поселке Ола, на берегу моря. Там я встретил своего товарища, бывшего командира 28-й кавдивизии Федорова (комбрига по воинскому званию, отца ныне всемирно известного офтальмолога академика С.Н. Федорова. — Н.Ч.), который работал, как когда-то его отец, кузнецом...

...Тяжело было расставаться с Федоровым и другими товарищами, остающимися в лагере (Горбатова вызывали в Москву для пересмотра его дела. — Н. Ч.). Все они проливали горькие слезы, лишь у меня одного слезы были горькие за них и радостные за себя. Все просили сказать в Москве, что они ни в чем не виноваты и тем более не враги своей родной власти...{201}

...В бухте Находка... мы покинули пароход и вступили, как говорили, на Большую землю, хотя для нас она была всего лишь деревянными бараками. В тот же день, придя за кипятком, я встретил К. Ушакова, бывшего командира 9-й кавдивизии. Его когда-то называли лучшим из командиров дивизий; здесь наш милый Ушаков был бригадиром, командовал девятью походными кухнями и считал себя счастливым, получив такую привилегированную должность.

Мы обнялись, крепко расцеловались. Ушаков не попал на Колыму по состоянию здоровья: старый вояка, он был ранен восемнадцать раз во время борьбы с басмачами в Средней Азии. За боевые заслуги имел четыре ордена.

За то время, пока мы жили в Находке, у Ушакова произошли перемены к худшему: его сняли с должности бригадира и назначили на тяжелые земляные работы. Начальство спохватилось, что осужденным по 58-й статье занимать такие должности не положено, когда под рукой есть «уркаганы» или «бытовики»...

Накануне отъезда из бухты Находка я нашел Костю Ушакова в канаве, которую он копал. Небольшого роста, худенький, он, обессиленный, сидел, склонив голову на лопату. Узнав, что я завтра уезжаю, он просил сказать там, в Москве, что он ни в чем не виноват и никогда не был «врагом народа».

Снова крепко обнялись, поцеловались и расстались навсегда. Конечно, я добросовестно выполнил его просьбу, все передал, где было возможно. Но вскоре после нашей встречи он умер...»[\[202\]](#)

Другой бывший зэк — Лев Разгон — писатель не без таланта, не потерявший и в неволе остроты восприятия людей и событий, во время нескольких «ходов в зону» неоднократно встречался с представителями различных категорий командно-начальствующего состава РККА, в том числе и его высшего эшелона. В документальной повести Разгона «Непридуманное» имеется специальная глава «Военные». Наблюдения автора представляют большой интерес как с исторической, так и с психологической точки зрения.

«...А еще расскажу о своем первом тюремном старосте — комдиве И.А. Онуфриеве. Его мужественном спокойствии, юморе, доброте с сокамерниками. В Устьвымлаге мне пришлось близко соприкоснуться с несколькими крупными военачальниками, они давали достаточно материала для размышлений о том, могут ли люди такого сорта выдержать испытание тюрьмой и лагерем...

...Среди военных были люди, чьи личности оставались значительными и интересными даже в униженно нивелирующих условиях лагеря. На первом лагпункте Устьвымлага было двое таких, мне все кажется, что такими были бы в лагере и мой Израиль (Израиль Борисович Разгон, корпусной комиссар, двоюродный брат Льва Разгона. — Н. Ч.), и Кожанов, и Петин, да и многие другие деятели Красной Армии, если бы их не убили, а только запрятали в глухие таежные лагеря.

Первым из них был Степан Николаевич Богомягков — бывший начальник штаба Особой Дальневосточной армии. Как и мой двоюродный брат, Степан Николаевич стал военным внезапно, в испытаниях войны. До первой мировой войны он окончил учительский институт, стал учителем гимназии, преподавал зоологию и ботанику — науки, к которым он сохранил любовь и пристрастие и в своей дальнейшей, не учительской жизни. В 1914 году пошел на войну, окончил скороспелые, воинские курсы, стал офицером, офицером талантливым и удачливым. К 17-му году он уже был подполковником и командовал полком. При мобилизации советским командованием бывших офицеров не уклонился от призыва, воевал так же удачно, как и при царе, закончил гражданскую войну начдивом, коммунистом, с двумя орденами Красного Знамени. Учился в Академии, стал штабным работником, дошел до второго по значению поста в командовании Дальневосточной армии — одного из самых крупных и важных военных округов страны. Богомягков был интеллигентом: знал языки, любил поэзию, музыку, мог часами увлеченно говорить о месте Тютчева в русской поэзии или точности научных прогнозов в естественных науках. Его легко было представить в прежнем звании, на прежнем посту. И в лагере он всегда оставался самим собой: полным достоинства, ироничным, воспитанным. Он внушал почтение к себе даже со стороны тупой вохры, всевозможных начальников, отпетой уголовной шоблы. Точил ли он пилы и топоры, был ли экономистом в плановой части — всюду он работал легко, без усердия, но и без лени. Правдами и неправдами доставал газеты, чтобы вместе со своим военным коллегой Николаем Васильевичем Лисовским узнавать о военных действиях в Европе и по карте, вырезанной из газеты, гадать о том, как они будут развиваться дальше»[\[203\]](#).

В степени достоверности большинства сведений о комкоре Богомяг-кове, сообщаемых Разгоном, сомневаться не приходится. Действительно, память в данном случае его подводит редко, а если такое и случается, то только по отдельным деталям, не играющим ключевой роли. В вышеприведенном отрывке это относится прежде всего к тому, что гражданскую войну С.Н. Богомягков закончил начштаба дивизии, а не начдивом, как утверждает автор. К тому же с одним орденом, а не с двумя. И еще одно уточнение — это то, что должность начальника штаба округа

не являлась второй по значению после командующего. Утверждение Разгона не соответствует действительности. В 30-е годы в Красной Армии, не в пример дню сегодняшнему, начальник штаба округа (армии, корпуса, дивизии) на служебной лестнице занимал примерно четвертую ступеньку. Второе же место формально принадлежало заместителю командующего (командира), а в действительности таковым лицом был член Военного совета (начальник политического управления, комиссар соединения). Но по добрым тонкостям писаной и неписаной армейской субординации Разгон мог и не знать, ибо в армии он никогда не служил, хотя армейскую среду знал довольно неплохо через общение со своим двоюродным братом И.Б. Разгоном, видным деятелем Военно-Морских Сил РККА.

Степан Богомялков, арестованный в середине февраля 1938 года, целых три года носил «почетное» звание подследственного. Что испытывал совершенно безвинный человек в недрах наркомата внутренних дел, пробыв там только несколько дней, достаточно полно освещено на страницах данной книги. А здесь три года!.. Одним словом, Богомялкову непредсказуемый жребий судьбы определил пройти не только полный курс тюремной академии, но и ее дополнительный цикл, чтобы получить квалификацию высшего разряда. И только в июле 1941 года он был осужден Военной коллегией к десяти годам ИТЛ.

За три бесконечно долгих года следствия Степан Николаевич побывал в руках доброго десятка следователей различного ранга — как столичных, так и местного значения, в целом особо не отличавшихся друг от друга, если не считать некоторого внешнего лоска московских чекистов. И то лишь на первых порах. У периферийных же работников НКВД так называемая подготовительная часть была сокращена до предела и сразу после нее наступал этап кулака, дубинки и кое-чего похлеще. В этом отношении Богомялкову запомнились на всю жизнь сотрудники особого отдела ОКДВА офицеры госбезопасности Л.М. Хорошилкин, С.Л. Шейнберг-Вышковский, сержант (затем младший лейтенант) Стрижков.

Будучи сами арестованными в 1938 — 1939 годах, эти злодеи, давая показания, признали, что дело на С.Н. Богомякова было ими сфальсифицировано. Так подсудимый Шейнберг-Вышковский в судебном заседании военного трибунала 2-й Отдельной Краснознаменной армии (4 -17 мая 1940 г.) показал, всячески стараясь при этом обелить себя: «По делам Ва-сенцовича и Покуса я заявлял Вулу (члену московской группы НКВД, прибывшей на Дальний Восток в середине 1938 года под руководством заместителя наркома комкора М.П. Фриновского. — Н.Ч.), что надо разобраться, т.к. сидят невинные люди, точно так же, как был посажен невинно Богомялков, дело которого Стрижков просто налипавал». Тогда же другой подсудимый — Хорошилкин — выразился еще более определенно: «По делу Богомякова мы фактически выполняли вражескую работу».

Что же касается дальнейшей судьбы Степана Николаевича Богомякова, то она особо не отличается от судьбы других бывших военачальников, попавших в лагеря и чудом оставшихся в живых: отбыв срок лишения свободы, он возвратился в родные места — в город Оса Пермской области, где проживали его сын и жена, работавшая учительницей. Там он, будучи персональным пенсионером союзного значения, и скончался в сентябре 1966 года, сохранив до последних дней жизни независимость суждений по многим вопросам общественного бытия, ясный и трезвый ум, доброжелательное отношение к окружающим его людям. Умер Богомялков в звании «комкор в отставке», так как к генеральскому званию Министерство обороны представлять его не захотело, а на звание «полковник» он сам не согласился, решив остаться до конца жизни при своих трех ромбах.

Но вернемся к воспоминаниям Л.Э. Разгона, а именно к тем страницам, где говорится о встречах за колючей проволокой с другим крупным военачальником Красной Армии — комкором Н.В. Лисовским.

«Николая Васильевича Лисовского я знал близко, много лет. Он был нормировщиком, моим помощником на Первом лагпункте. Я проводил с ним долгие часы в конторке, где работали, и в бараке, где вместе жили. Николай Васильевич был человеком из другого теста, нежели Богомяков. Подозреваю, что Лисовский в глубине души считал Богомякова в военном деле дилетантом и любителем. Ибо сам он ни о чем, кроме как о военном деле и войне, не мог думать и даже разговаривать. Был самым старым среди нас. Мне он казался просто стариком. Наверное, он и был им...»

Автор приводит краткую биографическую справку на Лисовского. Конечно, делал он ее по памяти, пользуясь сведениями, сообщенными ему самим Лисовским. Понятно, что у Разгона не было под рукой и личного дела комкора, а посему в данной справке имеется ряд существенных неточностей. А потому мы не будем ее здесь приводить. Сами же обратимся к тексту автобиографии, написанной рукой Н.В. Лисовского в декабре 1937 года, то есть незадолго до его ареста.

«Родился 14 декабря (нов. ст.) 1885 г. Отец был священником в селе Адаховщина Минской губернии, Новогрудского уезда (ныне на территории Польши). Отец умер в 1909 году, мать умерла в 1919 году... Учился я в Минском духовном училище и в Минской духовной семинарии. Последнюю не окончил. В 1905 году, в феврале месяце, уволен за организацию семинарского бунта. В это время я был в 5 классе, а курс среднего образования заканчивается 4 классом. Имея аттестат среднего образования, я не мог поступить ни в одно высшее учебное заведение, так как в аттестате в графе «поведение» вместо балла стояла черта. Все попытки попасть в университет ни к чему не привели. На службу никуда не принимали тоже. В военное училище тоже не приняли все по той же причине отсутствия балла по поведению. Адъютант Виленского военного училища мне сказал, что если я хочу попасть в училище, то надо поступить в какой-либо полк вольноопределяющимся и получить оттуда командировку в училище. Я поступил в августе 1905 года в 239 резервный пехотный полк в г. Минске, а через 5 дней был послан в Виленское военное училище, куда и был принят как рядовой из вольноопределяющихся, а не как семинарист. Училище окончил по 1 разряду в августе 1907 года и выпущен подпоручиком в 10 Сибирский стрелковый полк в г. Владивосток. В полку пробыл до июля 1912 года, когда уехал в Петербург держать экзамены в академию Генерального штаба. Экзамен выдержал и был принят слушателем...»[\[204\]](#)

Далее Лисовский пишет в автобиографии, что после окончания академии в 1914 году, совпавшего с началом Первой мировой войны, он был направлен на фронт в Галицию, где последовательно занимал должности младшего офицера роты, командира роты и батальона, участвуя во всех боях до марта 1915 года. За боевые подвиги удостоен нескольких орденов и медалей. Затем Лисовский переводится на штабную работу, исполняя обязанности старшего адъютанта по оперативной части 101-й пехотной дивизии, начальника штаба этой дивизии, начальника оперативного отделения штаба Юго-Западного фронта. Последний чин в старой армии — подполковник.

На службу в Красную Армию Н.В. Лисовский поступил в феврале 1918 года, заняв должность начальника оперативного управления штаба Беломорского военного округа. Затем в годы Гражданской войны он последовательно занимал посты начальника штаба и командующего войсками Котласского района, начальника 54-й стрелковой дивизии, начштаба 6-й армии

Северного фронта и 3-й армии Западного фронта. С октября 1920 года Лисовский командует войсками 12-й армии. За Гражданскую войну отмечен двумя орденами Красного Знамени.

После Гражданской войны — начштаба Заволжского военного округа, командующий Самаркандской группой войск (против басмачества), командир 13-го стрелкового корпуса, помощник начальника Главного управления всеобуча, заместитель начальника штаба Московского военного округа. Затем более восьми лет был начальником штаба Приволжского военного округа. С марта 1936 года и до момента своего ареста в феврале 1938 года Н.В. Лисовский — заместитель командующего войсками Забайкальского военного округа.

Из приведенных выше сведений видно, что Лисовский не учился в кадетском корпусе, не командовал полком, не работал в Штабе РККА начальником оперативного отдела и заместителем начальника Генштаба. Не был он в 1937 году и командующим Среднеазиатского военного округа, как пытается утверждать Л. Разгон. Такая документальная проверка показывает, что в памяти автора самым причудливым образом переплелись судьбы известных ему военных деятелей, встречавшихся на дорогах и тропах ГУЛАГа, а именно: комкоров С.Н. Богомякова (он был в начале 30-х годов заместителем начальника Генштаба — начальником отдела, а затем Управления боевой подготовки), Н.В. Лисовского, Л.Г. Петровского (тот непродолжительное время командовал войсками САВО) и некоторых других арестованных военачальников. Вот почему, не полагаясь на память Л. Разгона, мы обратились к личному делу Н.В. Лисовского. Но что касается лагерных страниц жизни комкора, то здесь большего авторитета, чем Л. Разгон, по нашему мнению, не существует.

Писатель недоумевает: «Почему его не расстреляли — непонятно. Может быть, потому, что военная профессиональная узость в нем была выражена необычайно сильно...» Действительно, ответить на этот вопрос — почему Лисовский не попал под расстрел? — весьма и весьма трудно, если не невозможно. Ведь не церемонилась же Военная коллегия с другими лицами его ранга, положения и образования, вынося ежедневно смертные приговоры. Ему же, как и С.Н. Богомякову, досталась иная доля — «10+5». Судьи поступили в отношении Лисовского «по-божески», не в пример другим лицам, носившим, как и он, перед арестом по три ромба в петлицах форменного кителя. Так начальник Управления высших военно-учебных заведений РККА, комкор А.И. Тодорский (более подробно о нем пойдет речь впереди) получил срок заключения в ИТЛ на пять лет больше («15+5»). Столько же получили начальник Военно-транспортной академии комкор С.А. Пугачев, начальник Ветеринарного управления РККА корветврач Н.М. Никольский. А начальники Управлений РККА: Химического — комкор М.О. Степанов и Продовольственного снабжения — коринтендант А.И. Жильцов получили по 20 лет заключения в ИТЛ плюс 5 лет поражения в политических правах. Но их всех «обошел» член Военного совета ЗакВО корпусной комиссар М.Я. Апсе, осужденный в сентябре 1939 года Военной коллегией на срок «25+5». Ни одному из названных военачальников, кроме Тодорского, Никольского и Лисовского, не суждено было дожидаться светлого дня освобождения из лагеря и ссылки: все они нашли свою смерть в различных лагерях НКВД в годы Великой Отечественной войны.

Лев Разгон удивляется — почему Лисовский остался в живых в годы большого террора? У нас есть возможность хотя бы частично ответить на данный вопрос, обратившись к текстам обвинительного заключения и приговора Военной коллегии по его делу. Вот они, эти страшные документы, каждая строка которых несет зловещую печать насилия и смерти.

«Утверждаю»

Начальник 3 Управления НКО СССР майор госбезопасности

(Михеев)

7 мая 1941 года

«Утверждаю» Ном. Главного военного

прокурора Красной Армии диввоенюрист

(Кузнецов) 17. V. 41

ОБВИНИТЕЛЬНОЕ ЗАКЛЮЧЕНИЕ

по следственному делу № 70 по обвинению ЛИСОВСКОГО НИКОЛАЯ В А СИЛЬЕВИЧА в совершении преступлений, предусмотренных ст. ст. 58 — 1 «б» и 58 — 11 УК РСФСР.

Особым отделом Забайкальского военного округа 22 февраля 1938 года был арестован как участник антисоветского военного заговора зам. командующего войсками ЗаБВО — Лисовский Н.В.

Произведенным расследованием установлено, что Лисовский, работавший в Приволжском военном округе с 1928 года в должности начальника штаба округа, был завербован в антисоветский военный заговор в 1935 году бывшим начальником боевой подготовки Красной Армии Седякиным.

На допросе от 21 февраля 1938 года Седякин показал:

«Вновь я встретился с Лисовским, как с близким приятелем, в том же Татищевском лагере летом 1935 года, когда инспектировал подготовку 12-го стрелкового корпуса. На этот раз я сам наталкивал его на рискованные разговоры... Теперь у меня созрело представление, что Лисовский — антисоветский человек. И я решил при случае его завербовать. Такой случай мне представился в конце... 1935 года.

...Лисовский в декабре был в Москве — кажется, предполагался его перевод из ПриВО... Лисовский пришел ко мне в УБП (Управление боевой подготовки. — И.Ч.) и мы разговорились на разнообразные темы... В разговоре я спросил Лисовского, в каких он отношениях с Тухачевским. Лисовский рассыпался в похвалах Тухачевскому и ответил, что он счастлив тем, что поддерживает с ним (Тухачевским) близкие дружеские отношения. Я спросил Лисовского, могу ли я ему доверить одну серьезную тайну, в которую я нахожу возможным его посвятить. Лисовский заверил меня, что на его скромность можно положиться. Я тогда нашел возможным рассказать Лисовскому откровенно о существовании в армии широкого заговора под руководством Тухачевского, Уборевича, Гамарника, Якира и что заговор имеет целью борьбу за власть. Лисовский воспринял мое сообщение с живым интересом и заявил мне, что он охотно примкнет к заговору, так как вполне доверяет названным мною руководителям. Возможно, что этот человек был завербован и до меня, ибо у него я не видел обычных в такой ответственный момент переживаний»[{205}](#).

... Вскоре после вербовки Седякиным Лисовского в антисоветский военный заговор он был направлен в ЗаБВО и назначен заместителем командующего войсками округа, где по приезде

связался по преступной работе с одним из руководителей антисоветского заговора, бывшим командующим войсками ЗабВО — Грязновым.

Один из активных участников антисоветского военного заговора Шес-таков на допросе 25 января 1938 года показал:

«Лисовский сразу по прибытии в ЗабВО завязал тесную связь с Грязновым. В беседе со мной Грязное отзывался о Лисовском как о «своем» человеке, расхваливал его, из этого и из практической подрывной работы Лисовского я понял, что он является участником нашей контрреволюционной организации, а позднее, перед отъездом из ЗабВО в 1937 году, Грязное сказал мне, что на Лисовского он возложил задачи по руководству нашей контрреволюционной организацией в ЗабВО».

...Допрошенный 25 января 1938 года Грязное показал:

«Из информации Горбачева (Б. С. Горбачев, впоследствии комкор, в 1933 году сдал Грязнову командование Забайкальской группой войск. — И. Ч.) и других названных выше лиц я постепенно узнал, что в состав антисоветского заговора в Забайкалье входит группа командиров...

Мне были названы (с частью из них я впоследствии лично связался) следующие лица: Лисовский — зам. комвойск округа, впоследствии прибыл в округ, сменив Давыдовского...

Я связал Великанова (командарм 2-го ранга М.Д. Великанов сменил Грязнова на посту комвойск ЗабВО. — Н. Ч.), как члена центра военно-эсеровской организации, с «активом» в ЗабВО и с членами военно-эсеровской организации в ЗабВО. Персонально с Шестаковым.... Лисовским — передав ему, Великанову, о всех наших мероприятиях по пораженчеству, террору, вредительству и шпионажу...»

...Заговорщик Великанов на допросе 21 — 23 декабря 1937 года показал: «Из названных мне Грязновым заговорщиков в ЗабВО я хорошо запомнил Лисовского Николая Васильевича — зам. командующего войсками».

Свои показания Великанов подтвердил на судебном заседании Военной коллегии Верховного Суда Союза ССР.

Участие Лисовского в антисоветском военном заговоре подтверждается показаниями Эльсис...

Допрошенный в качестве обвиняемого, Лисовский виновным себя признал и на допросе 28 февраля 1938 года показал:

«В антисоветский военный заговор я был завербован осенью 1935 года Уборевичем, бывшим командующим Белорусского военного округа. Моей вербовке в антисоветский военно-террористический заговор предшествовал ряд личных встреч с Уборевичем, которого я знаю еще с 1918 года по совместной службе на Северном фронте.

Осенью 1935 года, будучи начальником штаба ПриВО, я с группой командиров округа участвовал в полевой поездке и военной игре в Б ВО в районе Бобруйск, Слуцк, которой руководил лично Уборевич...

... Уборевич мне прямо сказал, что в армии и в стране существует крупная троцкистская организация, которая ставит своей целью свержение Советской власти и реставрацию

капитализма в стране. Продолжая разговор, Уборевич сказал мне, что во главе данной организации стоит почти все руководство в лице Тухачевского, Корка, Фельдмана...

В подтверждение своих слов Уборевич мне назвал, как участников организации... Сердич и Шахназарова. После этого Уборевич прямо предложил мне вступить в эту организацию, заявив: «Идите смело, не пожалеете, все будет прекрасно и вы получите гораздо больше, чем имеете сейчас... Я дал Уборевичу свое согласие...»[\[206\]](#)

Впоследствии от своих показаний Лисовский отказался.

Отказ Лисовского от своих показаний не заслуживает доверия, ибо указанные им в показаниях обстоятельства подтверждаются данными следствия.

Так, арестованный Мелик-Шахназаров, будучи допрошенным в качестве обвиняемого, показал, что в антисоветский военный заговор он действительно в 1935 году был завербован Уборевичем. Свои показания Мелик-Шахназаров подтвердил на заседании Военной коллегии Верховного Суда Союза ССР.

Участие Лисовского в антисоветском военном заговоре, кроме перечисленных выше заговорщиков, также подтверждается и показаниями осужденных участников заговора Егорова, Федько, Халепского и Тарасова.

На основании изложенного:

Лисовский Николай Васильевич, 1885 года рождения, уроженец гор. Ба-рановичи, русский, гр-н СССР, сын служителя религиозного культа — священника, ранее не судимый, бывший подполковник Генерального штаба царской армии, в РККА с 1918 года, состоял членом ВКП(б) с 1932 года, исключен в связи с арестом, до ареста — заместитель командующего войсками Забайкальского военного округа, — обвиняется в том, что являлся участником антисоветского военного заговора, т.е. в преступлениях, предусмотренных ст. ст. 58 — 1 п. «б» и 58 — 11 У К РСФСР.

В силу ст. 208 УПК РСФСР настоящее дело через Главную Военную Прокуратуру направить по подсудности.

Составлено в гор. Москве «» мая 1941 г.

Следователь 3 управления НКО СССР

мл. лейтенант гос. безопасности

(Чеворыкин)

«Согласен» Зам. нач. 3 Управления НКО СССР

майор гос. безопасности

(Осетров)

Справка: 1. Лисовский Николай Васильевич арестован 22 февраля 1938 года, содержится в Лефортовской тюрьме.

2. Вещественных доказательств по делу нет.

Следователь 3 Управления НКО СССР

мл. лейтенант гос. безопасности (Чеворыкин) {207}

Насколько пространным было обвинительное заключение по делу комкора Лисовского, настолько же кратким оказался приговор, вынесенный ему.

Копия

ПРИГОВОР

Именем Союза Советских Социалистических Республик

Военная Коллегия Верховного Суда СССР

в составе:

Председательствующего — диввоенюриста Орлова

Членов: военных юристов 1-го ранга Чепцова и Буканова

При секретаре военном юристе 1-го ранга — Рудаеве

В закрытом судебном заседании в гор. Москве 11-го июля 1941 года, рассмотрев дело по обвинению:

б. зам. командующего войсками Забайкальского военного округа, Лисовского Николая Васильевича, 1885 г.р., уроженца г. Барановичи, русского, несудимого, б. члена ВКП(б), в преступлениях, предусмотренных ст. ст. 58 — 1 «б» и 58 — 11 УК РСФСР.

Предварительным и судебным следствием установлено, что Лисовский с 1935 года являлся участником антисоветского военного заговора и по заданию руководителей этой организации проводил к-р деятельность.

Признавая Лисовского виновным в совершении преступлений, предусмотренных ст.ст. 58 — 1 «б» и 58 — 11. УК-РСФСР и руководствуясь ст.ст. 319 и . 320 УПК РСФСР, а также и 51 УК, Военная Коллегия Верховного Суда СССР

Приговорила:

Лисовского Николая Васильевича лишить военного звания «комкор» и подвергнуть лишению свободы в ИТЛ сроком на 10 лет, с поражением в правах на 5 лет и с конфискацией лично принадлежащего ему имущества.

Срок наказания Лисовскому исчислять с 22 февраля 1938 года.

Приговор окончательный и обжалованию не подлежит.

Подлинное за надлежащими подписями.

Верно: Зам.нач. 10 отд. 1 спецотдела НКВД СССР

капитан (Варламов)

31 августа 1945 г. {208}

И все же почему Лисовского не расстреляли? Ведь у него на первом месте в обвинительном заключении стоит статья 58 — 1 «б», то есть измена Родине, за наличие которой Военная коллегия приговаривала к ВМН десятки и сотни командиров рангом повыше и пониже Лисовского. Все подследственные это знали, как знал и Лисовский о последствиях данной «железной» расстрельной статьи. Выходит, все дело в тех самых статьях 319 и 320 Уголовно-процессуального кодекса РСФСР, а также статье 51 Уголовного кодекса, что указаны в приговоре.

Открыв на соответствующей странице УК РСФСР, действовавший накануне Великой Отечественной войны, находим статью 51. Она, в частности, гласит, что «в том случае, когда по исключительным обстоятельствам дела суд приходит к убеждению о необходимости определить меру социальной защиты ниже низшего предела, указанного соответствующей данному преступлению статьей или перейти к другой, менее тяжелой мере социальной защиты, в этой статье не обозначенной, он может допустить такое отступление, но не иначе, однако, как точно изложив в приговоре мотивы, вызвавшие это отступление».

Итак, судьи диввоенюрист А.М. Орлов, военные юристы 1-го ранга В.В. Буканов и А.А. Чепцов (последний вскоре после окончания Великой Отечественной войны сменил Ульриха на посту председателя Военной коллегии) при втором рассмотрении дела Лисовского сочли возможным в сложных и суровых условиях начавшейся войны применить к нему меру социальной защиты ниже минимальной, указанной в ст. 58 — 1 «б» и 58 — 11. Почему они пошли на такое решение? Казалось бы, наоборот, неудачное начало войны для СССР должно было толкнуть их на ужесточение приговора, сваливая все случившиеся беды и провалы в действиях Красной Армии на голову ее бывших командиров и политработников. Время для такого вывода подошло как нельзя более удачное.

Но подобного почему-то не произошло в случае с Лисовским. Видимо, сработали некие невидимые пружины в мозгу судей, одетых в такую же форму, какую совсем недавно носили Лисовский и его товарищи по тюремным камерам. Не зря ведь они сослались на статью 319 УПК, которая в определенной мере служила обоснованием их действий:

«Суд основывает свой приговор на имеющихся в деле данных, рассматриваемых в судебном заседании. Оценка имеющихся в деле доказательств производится судьями по их внутреннему убеждению, основанному на рассмотрении всех обстоятельств дела в их совокупности».

Выходит, что при рассмотрении дела Лисовского внутренние мотивы членов Военной коллегии сработали таким образом, что он получил 10 лет лагерей, в то время как убеждения других военных юристов — членов той же коллегии, судивших по тем же самым статьям комдива В.К. Васенцовича (начальника штаба ОКДВА), дивизионного комиссара И.П. Зыкунова (начальника политуправления авиации особого назначения) дали поправку в сторону увеличения срока заключения в ИТЛ на целых пять лет. А бывшего начальника Военно-транспортной академии комко-ра С.А. Пугачева Военная коллегия в своем заседании, исключив из обвинительного заключения статью 58 — 1 «б» и оставив только 58 — 7 и 58 — 11, тем не менее упекла его на 15 лет в ИТЛ. Хотя и в этом случае она под председательством того же диввоенюриста А.М. Орлова также ссылаясь на ст. 319 и 320 УПК РСФСР.

Напомним, что приведенный выше приговор Н.В. Лисовскому относится ко второму рассмотрению его дела Военной коллегией Верховного суда СССР. А в первый раз — 8 апреля 1940 года — было вынесено решение о направлении дела на дополнительное расследование. Одной из причин такого решения явилось заявление Лисовского от 27 июля 1939 года (из

Читинской тюрьмы) на имя наркома обороны Ворошилова, в котором он сообщил, что в процессе следствия к нему применялись незаконные методы допроса и что свои показания он дал в результате избиения.

Почти немыслимый в те годы случай: письму подследственного был дан ход. В результате появились объяснения следователей особого отдела ЗабВО Розанова и Васюка, упоминаемых в заявлении Лисовского. Например, лейтенант госбезопасности В.Н. Розанов, начальник 2-го отделения, принимавший участие в аресте и допросах Лисовского, писал в октябре 1939 года в своем объяснении на имя начальника особого отдела округа майора госбезопасности Клименко (вот он, взгляд изнутри):

«... В день ареста Лисовский для ведения следствия был передан оперуполномоченному Васюк (сержанту госбезопасности, — И. Ч.), а на следующий день Видякин (заместитель начальника особого отдела ЗабВО, старший лейтенант госбезопасности. — Н. Ч.) мне приказал включиться в это дело...

В день ареста Видякин приказал Лисовского, во избежание камерного разложения его, в камеру не спускать, а держать в кабинете, где давать ему 4-х, 5-ти часовой отдых.

Лисовский стал давать показания без каких-либо мер физического воздействия на 3-й или 4-й день после ареста и весь его первый протокол допроса проходил, вернее, писался в нормальной обстановке, вплоть до того, что Лисовскому приносились обеды по его выбору из оперативной столовой особого отдела, также как завтрак и ужин.

Кроме этого, Видякин приказал протокол Лисовскому на подпись до корректировки им — Видякшым и врагом народа Хорхориным (майор госбезопасности Г.С. Хорхорцн до ареста в 1938 году занимал должность начальника УНКВД по Читинской области. — Н.Ч.) не давать и задержка в подписании протокола длилась в течение около 3-х месяцев, так как ни Видякин, ни Хорхорин «не могли выбрать время для его корректировки». После моих настояний протокол Видякиным и Хорхориным был просмотрен, но каких-либо существенных коррективов они не внесли и он был предложен Лисовскому для подписания. В течение этого периода времени Лисовский почти не допрашивался и находился в камере, где вел открытые переговоры с остальными заключенными — Тарасовым, Чайковским (комдив А.И. Тарасов до ареста работал начальником штаба ЗабВО, а комкор К. А. Чайковский в 1935 -1936 годах командовал в этом округе 11-м механизированным корпусом. Накануне ареста исполнял обязанности заместителя начальника Управления боевой подготовки РККА. — Н.Ч.) и другими лицами из руководящего состава округа.

Когда было разрешено Видякиным и Хорхориным протокол дать Лисовскому на подпись, последний от его подписания отказался, но после 2-суточ-ного пребывания па допросе его подписал.

Видякин мне заявил, что этот протокол ни его, Видякина, ни Хорхорина не удовлетворяет, и приказал мне установить причастность Лисовского к так называемому «запасному центру», заявив, что об этом Видякин располагает вполне проверенными и серьезными, избличающими Лисовского, документами. Когда я попросил у Видякина эти документы, он мне заявил, что я их не получу, а должен добиться от Лисовского показаний по этому вопросу, тут лее добавив: «Я вам говорю по секрету — Лисовский является одним из руководителей этого запасного центра».

Когда я в процессе допроса Лисовского поставил перед ним этот вопрос впрямую, он вполне логично его разбил, заявив: «Не делайте надстройки организации над организацией. Меня, как

участника организации, знает почти весь состав организации округа, и, следовательно, если хоть один из участников организации будет арестован, он меня выдаст, а следовательно, будет провал и запасного центра. Я понимаю, что если бы меня знал очень ограниченный круг лиц, то, естественно, мне могли бы этот вопрос поставить и это было бы логично...»

Когда я Видякину доложил, что в причастности Лисовского к запасному центру я сомневаюсь и просил его показать те документы, которыми он располагает, он мне ответил: «Пойдете вместе с Лисовским в подвал», и больше с этим вопросом ко мне не обращался и допросов в этом направлении Лисовского не требовал. Спустя некоторое время Васюк мне передал, что Видякин его вызывал и приказал допрашивать Лисовского под углом вскрытия в ЗабВО, помимо антисоветского заговора, военно-эсеровской организации, участником которой якобы является Лисовский.

Васюк в этом направлении Лисовского допрашивал в мое отсутствие и никаких показаний от него не добился. Когда я вызвал Лисовского на допрос и стал допрашивать его в этом направлении, он также показаний не дал, а его доводы о его непричастности к эсеровской организации показались мне убедительными и я снова пошел к Видякину и доложил, что считаю допрос в этом направлении Лисовского бесцельным. Видякин вторично мне заявил, что «я от вас отберу всех арестованных и отправлю с Лисовским в подвал», но также после этого с эсеровской организацией ко мне не приставал.

Последующие допросы Лисовского вел оперуполномоченный Васюк под моим руководством... Он же добился показаний от Лисовского и о шпионской деятельности, которые я считаю вполне правдоподобными, так как, заходя во время допроса его, видел, как он вполне убедительно детализировал свои показания. Должен сказать, что эти показания были добыты от Лисовского оперуполномоченным Васюк путем применения мер физического воздействия, применения которых потребовали в категорической форме Видякин и Хорхорин. Лисовский допрашивался оперуполномоченными Васюк и Першиным непрерывно в течение 4 — 5 суток, он стоял, били его по физиономии и т.п.

Когда же он дал эти показания, а затем протокол был подписан, он внес свои коррективы, исправляя собственноручно, что можно видеть на этом протоколе. Подписал протокол Лисовский без каких-либо мер физического воздействия.

Был еще один протокол допроса, если мне не изменяет память, на полутора листах, который был «необходим» Хорхорину для его выступления на областной партийной конференции по вопросу о том, что враги народа вели свою подрывную работу... Этот протокол допроса был добыт Васюком, подписывался Лисовским при мне, и он в протоколе внес некоторые изменения уже после его подписания, которые Хорхориным были вырваны. Я этот протокол допроса, как не имеющий правдивости, приказал Васюку из дела Лисовского изъять, а поэтому где он в настоящее время, я не знаю.

В заявлении Лисовского (наркому обороны. — Н.Ч.) им указывается, что его били головой об стену. Это не соответствует действительности, таких мер к нему не применялось. Кроме этого он указывает, что в соседнем кабинете допрашивалась какая-то женщина с применением мер физического воздействия и ему, Лисовскому, якобы заявляли, что это допрашивается его жена. Это действительно соответствует. Действительно, какую-то женщину допрашивал, если мне не изменяет память, бывший нач. 7 отделения Потопейко, а Васюк, допрашивая Лисовского в

соседнем кабинете, как я уже позже узнал, он Лисовскому заявил, что это допрашивается его жена. Я об этом доложил Видякину, но он по отношению к Васюку никаких мер не принял.

В отношении самого дела на обвиняемого Лисовского, я считаю, что оно соответствует действительному положению вещей и убежден, что Лисовский враг»[\[209\]](#).

Комментировать сей документ нет никакой необходимости, ибо «кухня» работы следователей особого отдела видна здесь как на ладони. Из него также отчетливо усматривается стремление следователя Розанова всячески выгородить себя и представить свою деятельность в выгодном свете. Он старается показать себя более гуманным и человечным, нежели другие следователи и его начальники. Розанов даже пытается опровергнуть утверждения Лисовского о применении к нему мер физического насилия.

Теперь время послушать рассказ самого Н.В. Лисовского о тех же днях и событиях. Вот что он писал уже из Бутырской тюрьмы 1 июня 1940 года в заявлении на имя К.Е. Ворошилова: «...Третий год (27 месяцев) я в тюрьме, не совершив никакого преступления перед Партией, Советской властью и Родиной. Единственная моя вина, что, не выдержав нечеловеческих, не поддающихся описанию способов ведения следствия, я оговорил себя и других. Но я был доведен до такого физического состояния, что передо мной стояло или умереть с пятном позора и клеймом врага народа, или дачей ложных показаний сохранить возможность восстановить на суде свое честное звание большевика... командира РККА и гражданина СССР. Если я этим оговором себя и других совершил преступление, то я и наказан как ужасами и следствия и содержания в Читинской тюрьме, так и тем моральным гнетом, который лежит на мне за мои ложные показания...»

Характерно то, что в своих многочисленных жалобах и заявлениях Лисовский, сообщая всякий раз о нечеловеческих способах ведения следствия по его делу, не раскрывает при этом подробности каждого из них. Видимо, серьезно опасался, что описание таких зверств помешает жалобе дойти до адресата. А сделал он это в сентябре 1955 года, давая показания как свидетель при реабилитации комкора И.К. Грязнова и других руководителей ЗабВО, репрессированных в 1937 — 1938 годах.

«...Мне известно, что Грязнов, Супрун (комдив К.Х. Супрун — помощник командующего войсками ЗабВО по материальному обеспечению. — Н. Ч.), Тарасов (начальник штаба ЗабВО. — Н. Ч.) и Давыдов (здесь, видимо, налицо опечатка. По всей вероятности, речь идет о комдиве Я.Л. Давыдовском, исполнявшем несколько лет — до назначения на этот пост Н.В. Лисовского — обязанности заместителя комвойск ЗабВО. Перед арестом командовал 11-м мехкорпусом, сменив комкора К.А. Чайковского. — Н. Ч.) были арестованы в 1937 — 1938 гг. органами НКВД. Если эти лица в своих показаниях на следствии признали себя виновными в участии в военном заговоре и оговорили кроме себя других лиц, то эти их показания являются вымышленными и вынужденными применением чрезвычайно жестоких, незаконных методов следствия, что я испытал на самом себе. Помимо простого избиения кулаками, палками, Хорхорин, Видякин, Розанов, Васюк, Першин и др. применяли ряд пыток. По отношению лично ко мне особым зверством отличались Видякин, Розанов, Васюк и Першин. (Как видим, Розанов стоит у Лисовского среди извергов следователей на втором месте. А уж потом идет Васюк, за спину которого хотел бы спрятаться Розанов. — Н. Ч.) Излюбленные методы: «конвейер», когда выдерживают стоя 10 и более дней, вернее суток, без минуты сна и отдыха; холодный карцер, где зимой температура доходила до 20 — 25 градусов мороза; «тарабаган», когда человека при прямых ногах задвигали головой под стол и выдерживали по 8 часов; «турецкое кресло» — человека сажали на ножку перевернутой табуретки, этот прием особо мучителен; «табуретка» — посадка на край табуретки с

вытянутыми ногами; обливание водой зимой и постановка на сквозняк у открытой форточки или окна. Здесь я привел только наиболее характерные приемы, а каждый из помянутых выше следователей и другие изощрялись в изображении наиболее оскорбительных и причиняющих физическую боль приемах...»[\[210\]](#)

Обращаясь к страницам книги Л. Разгона, находим: «...Богомягков был дальневосточником, но Лисовский почти всю жизнь занимался нашей западной границей и возможным противником на Западе. Все, что происходило в 39-м и после, он воспринимал как нечто личное, происходящее о ним самим, был непоколебимо уверен в неизбежности войны с Германией, считал наши территориальные приобретения 39-го года несчастьем с военной точки зрения. Он долго и обстоятельно объяснял Бо-гомякову, что на бывших польских землях хорошо продолжать бой, но очень трудно принимать его... О теории «малой кровью, на чужой земле» он отзывался изысканным матом старого гвардейца.

22 июня 1941 года он встретил на нашем лагпункте в одиночестве — Богомякова к этому времени перевели на другой лагпункт...»

Здесь прервем повествование сочинителя. Как уже было сказано ранее, у нас имеется возможность проверить степень достоверности сведений, сообщаемых автором. Из вышеприведенного отрывка у читателя вполне может сложиться впечатление, что в лагерь Лисовский попал задолго до начала войны — чуть ли не в 1939 году. Между тем из приговора Военной коллегии видно, что начало войны он встретил в камере Бутырской тюрьмы, притом в ожидании суда, который состоялся только 11 июля 1941 года, то есть спустя три недели после нападения фашистской Германии на Советский Союз. Таким образом, в части хронологии событий у Разгона нередко наблюдается явная передержка.

Как реагировали на начало войны кадровые военные, не по своей воле оказавшиеся в «зоне», видно из заявления Н.В. Лисовского на имя секретаря Президиума Верховного Совета СССР А.Ф. Горкина, отправленного из поселка Вожаель Коми АССР: «...Я просил суд отправить меня на фронт, но в этом мне было отказано.

По прибытии в лагерь, еще на пересыльном пункте Устьвымлага НКВД, 27 июля 1941 года я подал заявление в Президиум Верховного Совета Союза с просьбой об отправке на фронт. Не получая на него ответа, я месяца через три вторично подал заявление через начальника культурно-воспитательной работы гр-на Смирнова с такой же просьбой отправить меня на фронт. Всю жизнь я был военным, преданным своей Родине, и свое неучастие в войне переживал крайне тяжело. Не получая ответа на свои заявления, я считал, что меня почему-то не считают достойным быть в рядах защитников Родины. В январе 1944 г. я снова подал заявление в Президиум Верховного Совета с ходатайством о пересмотре моего дела. Были затребованы на меня характеристики и автобиография. Прошло более года, в течение которого я еще несколько раз подавал заявления, и, наконец, в 1945 году было получено извещение, что моя просьба оставлена без удовлетворения.

...В лагерях работал и работаю честно, насколько раз премирован, два раза представлен на досрочное освобождение. В своих заявлениях я просил опросить хорошо знающих мою деятельность в Красной Армии маршалов Василевского, Конева, маршала авиации Астахова, генерала армии Соколовского, генералов Голикова, Цветаева В.Д., Ковалева М.П., Хозина М.С., Запороженко М.И., Дзенита Я.П., Чанышева Я.Д., Гагена и др. Я уверен, что они не откажут в даче справедливой обо мне оценки...»[\[211\]](#)

Упомянутые в заявлении Н.В. Лисовского советские маршалы и генералы в 20-е и 30-е годы более или менее длительное время являлись его подчиненными по службе, в основном в штабе Приволжского военного округа. Например, В.Д. Соколовский и Я.П. Дзенит были его заместителями, а мало кому еще известный тогда полковник А.М. Василевский руководил отделом боевой подготовки. М.С. Хозин и Я.Д. Чанышев в разное время командовали дивизиями в ПриВО, Ф.А. Астахов возглавлял ВВС округа. Хорошо знал Н.В. Лисовского Филипп Иванович Голиков, с 1927 по 1936 год сменивший в ПриВО несколько должностей различного профиля: начальника организационного отдела политуправления, военкома 32-й стрелковой дивизии, командира-комиссара 95-го стрелкового полка.

Справедливости ради необходимо отметить, что названные Лисовским его сослуживцы не отказались дать на него положительный отзыв. Особенно много усилий к освобождению Лисовского предпринимал Маршал Советского Союза А.М. Василевский, но даже и ему, занимавшему высокий пост начальника Генерального штаба Красной Армии, оказалось не под силу решение такой задачи. И это несмотря на то, что он часто встречался со Сталиным, Молотовым, Берия и другими лицами из высшего руководства страны. В том можно убедиться из содержания приводимых ниже документов. Первый из них датирован 28 марта 1946 года.

«Генеральному Прокурору СССР Действительному Государственному советнику юстиции тов. Горшенину К.П.

Согласно договоренности по телефону направляем Вам письмо бывшего комкора Лисовского Н.В, о пересмотре дела, поступившее к нам через Маршала Советского Союза Василевского А.М, Аналогичное заявление Лисовского было направлено Вам 4 августа 1945 года.

Приложение: на 3 п/л.

Отв. секретарь комиссии по рассмотрению заявлений о помиловании при Президиуме Верховного Совета СССР

(Васнев)»

Другой документ появился спустя три месяца — 19 июня 1946 года..

«Начальнику Севжелдорлага

МВД

Прошу объявить заключенному Лисовскому Николаю Васильевичу, 1885 г.р., что по его заявлению на имя Маршала Советского Союза > гов. Василевского было проверено его дело.

Оснований для пересмотра решения по его делу не имеется, жалоба оставлена без удовлетворения.

Зам. нач. отдела по спецделам

Прокуратуры СССР

Государственный советник юстиции 3 класса

(Белкин)»[\[212\]](#).

Подобных ответов-отписок на свои заявления как из лагеря, так и из ссылки Николай Васильевич Лисовский получил немало. Но он неумолимо продолжал «бомбить» высокие инстанции, в том числе и своих бывших сослуживцев Б.М. Шапошникова, А.М. Василевского, Ф.И. Голикова (на завершающем периоде войны тот занимал должность начальника Главного управления кадров НКО), о чем упоминает и Лев Разгон.

«...Было что-то чудовищное в том, что высокопрофессиональный работник, всю жизнь готовившийся к этой войне, сидит на зачуханном лагпункте и нормирует туфту в нарядах. А ведь в Генштабе сидел его бывший ученик и подчиненный Василевский! И Лисовский, кроме своих многочисленных заявлений с просьбой о посылке на фронт в любом качестве, писал одно за другим письма Василевскому и Шапошникову (в бытность Н.В. Лисовского начальником штаба ПриВО Б.М. Шапошников командовал войсками этого округа в 1931 — 1932 г. — Н. Ч.), перепуливая их мимо цензуры, через вольняшек... Не может быть, чтобы ни одно из его писем не дошло до адресата! Но Лисовский продолжал отбывать свой срок. Он его отбыл полностью, от звонка до звонка...»[\[213\]](#)

Разгон сообщает очень интересные подробности. Например, как, будучи в лагере, имея крайне скудную информацию о положении на фронтах Великой Отечественной войны, Лисовский тем не менее предсказал направление главных ударов германской армии. Весной 1942 года с почти абсолютной точностью он определил направление будущего удара немецких войск на юг и юго-восток. По словам солагерника, Лисовский предупреждал о колоссальных военных неудачах в начальный период войны. И в то же время бывший комкор нисколько не сомневался в ее конечном итоге в пользу Советского Союза, даже тогда, когда немцы были под Москвой и когда они вышли к Волге. Он только боялся, что не доживет до победного дня. Ему, как и всем остальным советским людям, очень хотелось узнать, что же будет с ними, со страной после окончания войны.

«Он все же узнал.

Это было в конце веселого и счастливого лета, полного надежд. Позади была весна XX съезда, а о том, что через полтора месяца начнется венгерское восстание, еще никто не подозревал. Мне передали, что меня разыскивает проживающий в Центральной гостинице Советской Армии Николай Васильевич Лисовский. Я сейчас же поехал туда...

Из огромного саркофагоподобного кресла с трудом (и не мудрено — Лисовскому шел 71-й год. — Н. Ч.) поднялся совершенно высохший человек, который показался мне вполтину меньше ростом, чем тот, которым отличался Лисовский. На новом генеральском кителе были неумело нашиты знаки комкоровского звания. Этот мешковатый китель, эти роскошные диагональные вислые галифе, спускающиеся к новеньким сапогам на худеньких ногах. Маленькая и такая же худенькая старушка помогла мне успокоить плачущего старика, в котором ничего уже не оставалось ни от заместителя начальника Генштаба, ни от нормировщика Первого лагпункта.

Жена Лисовского мне быстро рассказала стандартное окончание биографии комкора. После отбытия срока — переезд в маленький казахстанский город, где жила отбывшая свой срок его жена-чесеирка. Не успел осмотреться на новом месте — арест по новой, многомесячное пребывание в отвратительной областной тюрьме, затем ссылка «навечно» в отдаленный кусок необъятного Красноярского края. Туда же приехала жена, снова стали обживать и этот угол, через несколько лет — 53-й, с его радостями, надеждами, ожиданием...»[\[214\]](#)

К этому отрывку из воспоминаний Л. Разгона будет только два уточнения. Во-первых, после освобождения из лагеря Н.В. Лисовский выехал не в Казахстан, а в г. Бийск Алтайского края, где проживала его жена. Согласитесь, что это не одно и то же. Во-вторых, его жена — Лисовская Людмила Николаевна хотя и была арестована одновременно с мужем, однако за недоказанностью вины была освобождена из тюрьмы в апреле 1939 года, а посему она никак не могла «отбывать срок» (по Л. Разгону) в казахстанском городишке.

В подтверждение первого пункта приведем еще один документ.

«Утверждаю»

И. О. начальника УМГБ по Алткраю полковник (Чемисов) По делу № 4443 30 декабря 1949 г.

ОБВИНИТЕЛЬНОЕ ЗАКЛЮЧЕНИЕ

по обвинению Лисовского Николая Васильевича в преступлениях, преду см. ст.ст.58 — 1 «б» и 58 — 11 УК РСФСР

26 ноября 1949 года Управлением МТБ по Алтайскому краю за антисоветскую деятельность арестован Лисовский Николай Васильевич.

Произведенным по делу расследованием установлено, что Лисовский, находясь на службе в Советской Армии в должности начальника штаба Приволжского военного округа, в 1935 году был завербован в антисоветскую организацию, ставившую своей целью вооруженное свержение Советской власти и реставрацию капитализма в СССР.

Являясь участником антисоветской организации и работая заместителем командующего войсками ЗабВО, установил связь с другими участниками этой организации и по заданию ее руководства проводил антисоветскую деятельность, направленную на подрыв военной мощи Советской Армии.

За эти преступления 22 февраля 1938 года Особым отделом НКВД ЗабВО был арестован и 11 июля 1941 года Военной коллегией Верховного суда СССР осужден по ст.ст. 58 — 1 «б» и 58 — 11 УК РСФСР к 10 годам ИТЛ.

Наказание отбывал при Усть-Вымлаге МВД СССР. 22 февраля 1948 года по отбытию срока наказания из лагеря был освобожден и выехал на жительство в гор. Бийск Алтайского края.

В предъявленном обвинении Лисовский виновным себя не признал, но показал, что в 1938 году был арестован как участник а/с организации.

На основании материалов дела — обвиняется:

Лисовский Николай Васильевич, 1885 года рождения, урож. г. Барановичи, БССР, русский, гр-н СССР, сын бывш. служителя религиозн. культа, бывш. подполковник Генерального штаба царской армии, в 1938 году исключен из ВКП(б) в связи с арестом. До ареста проживал в гор. Бийске Алтайского края и работал заведующим складом краевой конторы «Росхмель»,

в том, что:

Находясь на службе в Советской Армии в должности нач-ка штаба Приволжского военного округа, в 1935 году был завербован в а/с организацию, ставившую своей целью воор. свержение Сов. власти и реставрацию капитализма в СССР.

Являясь участником а/с организации, установил связь с другими участниками орг-ции и по заданию ее руководства проводил а/с деятельность, направл. на подрыв военной мощи Советской Армии, т.е. в преступлениях, предусмотр. ст.ст. 58 — 1 «б» и 58 — 11 УК РСФСР.

На основании ст. 208 УПК РСФСР следственное дело № 4443 по обвинению Лисовского Николая Васильевича подлежит направлению военному прокурору войск МВДЗСО (Западно-Сибирской области. — И. Ч.) для утверждения обвинительного заключения и передачи дела по подсудности.

Обвиняемого Лисовского Н. В. с сего числа дальнейшим содержанием под стражей перечислить за военным прокурором войск МВД ЗСО.

Следователь 2 отд-я следотдела УМГБ по АК

лейтенант (Беляев)

«Согласен» Нач. 2 отд-я следотдела УМГБ по АК

майор (Лыхин)

И. О. начальника следотдела УМГБ по АК

подполковник (Шустов)

Обвинительное заключение составлено в соответствии ст. 297 УПК РСФСР 29 декабря 1949 года в гор. Барнауле Алтайского края.

Справка: обе. Лисовский Н.В. арестован 26 ноября 1949 года и содержится во внутр. тюрьме УМГБпо Алт. краю в г. Барнауле»[\[215\]](#).

Какое бесправие, какой беспредел!.. Пожалуй, ни в одной стране мира, мира, разумеется, цивилизованного, не было такого прецедента, чтобы за одно преступление человека судили несколько раз, абсолютно не считаясь с ранее отбытым за это наказанием. А вот в СССР такие факты в 30-е и 40-е годы имели место неоднократно, в том числе по отношению к членам семей репрессированных военачальников Красной Армии.

В вышеприведенном обвинительном заключении образца 1949 года не прибавилось ни одного нового факта или довода по сравнению с обвинительным заключением 1941 года. Те же самые «липовые» аргументы, и никаких конкретных фактов и вещественных доказательств. Однако «сверху» поступила команда — привлечь повторно к ответственности всех ранее осужденных по 58-й статье, даже «если они и отбыли полностью свой немалый срок. И работники министерства госбезопасности, как цепные псы, набросились на свои жертвы — ведь все они в местных управлениях и отделах МГБ были на строжайшем учете. К тому же следователям практически не дано было особо напрягаться — оставалось лишь добросовестно переписать старое заключение — и приказ выполнен! И ведь переписывали дословно, буква в букву, как это видно на примере дела Н.В. Лисовского.

Постановлением Особого совещания при МГБ СССР от 1 апреля 1950 года Н.В. Лисовский был сослан на поселение в город Енисейск Красноярского края. Из ссылки он освобожден в конце

августа 1954 года, а реабилитирован в апреле следующего года. Но пожить на свободе ком-кору в отставке Лисовскому довелось совсем немного, и он умер в Москве вскоре после реабилитации.

В воспоминаниях Льва Разгона есть упоминание о его встрече в лагере с прославленным героем «штурмовых ночей Спасска и волочаевских дней» — комдивом Я.З. Покусом. Здесь уже другой тип поведения, нежели у Лисовского или Богомягкова. «...На Втором лагпункте я познакомился с учетчиком конпарка Яковом Захаровичем Покусом. Расконвоированный маленький, сухонький старичок с папкой под мышкой, молчаливый, вздрагивающий не только от крепкого начальственного урагана, но и от веянья любого вертухаевского ветерка. Старичок был приятен своей тихостью, безответностью, глубоко спрятанной арестантской тоской. По сравнению с другими, он был в привилегированных условиях, не голодал, потому что на конпарке можно было вволю есть овсяный кисель и жареную печенку от павших лошадей.

Но Покус таял на наших глазах, он умирал тихо и безропотно — как жил. Он умер, и мы его жалели искренне, как можно жалеть о смерти хорошего, никогда ничем не обидевшего человека. Начальником лагпункта был Епаничников, и он — против правил — позволил нескольким «придуркам» проводить Покуса на арестантское кладбище. В столярке сделали ему настоящий гроб, одели на покойника хранившиеся в его вещах диагональные брюки и гимнастерку с дырочками от орденов и свезли на кладбище. Похоронили среди уже сгладившихся, сровнявшихся с землей бывших могильных холмиков, обложили его могилу дерном и поставили в головах обтесанный кол. Конечно, не с фамилией, а с тем номером, который был написан на бирке, привязанной к ноге покойника...»[\[216\]](#)

Жаль, что автор не приводит конкретной даты данного случая — до войны все это случилось или же в ходе ее. Попробуем сами ответить на интересующий нас вопрос. Ну конечно же все это происходило в ходе войны, а именно: в первый ее период — самый страшный и тяжелый. Такой вывод напрашивается потому, что Покус был осужден к 10 годам лишения свободы в середине июля 1941 года и, следовательно, в лагерь он попал уже после начала войны. Ну а что касается безответности заключенного Покуса, его постоянного страха перед лагерным начальством, то здесь нелишним будет напомнить читателю, что комдив и заслуженный орденосец арестовывался дважды и находился под следствием также дважды. Первый раз его мучения длились два года — с февраля 1938 по февраль 1940 года. Оправданный судом, после непродолжительного лечения, он получил должность преподавателя Военной академии имени М.В. Фрунзе, но через восемь месяцев снова подвергся аресту. Новое следствие заняло почти год и было ускорено ввиду начавшейся войны. Поэтому не стоит, видимо, сильно удивляться поведению Покуса и спешить бросать упреки в его адрес. И еще одна деталь — тихому и ветхому старичку Покусу к тому времени не исполнилось и пятидесяти лет (он родился в 1894 году).

Мы упоминали, как Лев Разгон очень тепло отзывается еще об одном военачальнике в неволе — комдиве И.А. Онуфриеве, подчеркивая его мужественное спокойствие и доброту. Приведем один фрагмент из повести:

«В апреле тридцать восьмого года меня из «собачника» внутренней тюрьмы на Лубянке привезли в Бутырки. После обычных процедур приемки арестованного и обыска меня повели по тюремным проспектам, улицам и переулкам, остановились перед камерой с номером «29» и открыли дверь. После светлого коридора ничего не было видно в сумраке открывшейся двери. Меня слегка толкнули в спину, и я очутился в большой камере, наполненной обросшими, странно одетыми людьми. Из них выделился высоченный человек с бритой головой, одетый в сносившиеся галифе и выгоревшую гимнастерку. Он взял меня за руку, отвел в глубину камеры и посадил на край нар.

— Я староста камеры, комдив Онуфриев, — сказал он. — Вы с воли или из другой камеры?

— С воли.

— Ну, посидите несколько минут молча, придите в себя. Теперь уже все позади, вам почти ничего больше не угрожает. Главное — теперь вы можете больше не бояться, что вас арестуют...

Онуфриев был мужественным и добрым человеком, полным достоинства.

Он много сделал, чтобы жители нашей камеры не оказались растерянными перед неведомым и наверняка страшным будущим. Он прямо из нашей камеры ушел на Военную коллегию и расстрел таким же бодрым и уверенным, каким встретил меня...»[{217}](#)

Справка: комдив Иван Андреевич Онуфриев накануне ареста занимал должность ответственного организатора Центрального Совета Осоавиа-хима СССР. В Гражданскую войну он был дважды удостоен ордена Красного Знамени. Арестован был в начале августа 1937 года и в конце апреля следующего года предстал перед Военной коллегией Верховного суда СССР, которая определила ему высшую меру наказания.

Кроме названных выше С.Н. Богомякова, Н.В. Лисовского, А.И. То-дорского, С.А. Пугачева, М.О. Степанова, А.И. Жильцова, М.Я. Апсе, И.А. Онуфриева, Я.З. Покуса, К.П. Ушакова, Н.Ф. Федорова, подобная им тяжкая участь (тюрьма — лагерь — ссылка) выпала достаточно большой группе высшего комначсостава Красной Армии. Многие из них, если не сказать большинство, так и остались там навечно, в мерзлой земле Колымы, Воркуты, Норильска, Тайшета. Интересующихся более подробно персоналиями в этом вопросе отсылаем к «Мартирологу», составленному О.Ф. Сувенировым. Вместе с тем отметим, что некоторым узникам ГУЛАГа, пройдя все его круги ада, все-таки удалось выжить и получить свободу после смерти Сталина. Из них мы перечислим здесь только тех, кто после освобождения проживал в Москве, имея до ареста воинское звание «комкор», «комдив» и им равное.

Коринженер Я.М. Фишман — начальник Военно-химического управления РККА, 1887 года рождения. Арестован в Москве в июне 1937 года, осужден в мае 1940 года по ст. 58 — 1 «б», 58 — 7, 58 — 11 УК РСФСР к 10 годам ИТЛ. В лагере работал по своей специальности химика. Представляют интерес строки из справки, составленной по делу Я.М. Фишмана в апреле 1940 года сотрудником Главной военной прокуратуры: «...1.7.37 года (через три недели после ареста. — Н. Ч.) подал заявление в НКВД, в котором просит «милости», чтобы ему дали возможность «искупить преступление перед Советской властью» — дали возможность реализовать свои открытия и изобретения в области военно-химического дела. Заявлению дали ход, и он был зачислен в Особое техническое бюро[{218}](#). По отбытии срока заключения в 1947 году был освобожден. В апреле 1949 года снова был подвергнут аресту и направлен в ссылку в Красноярский край. Реабилитирован в 1955 году. Умер в 1961 году в звании генерал-майора.

Корветврач Н.М. Никольский — начальник Ветеринарного управления РККА, 1883 года рождения. Арестован в Москве в конце сентября 1937 года. Осужден Военной коллегией в мае 1939 года по ст. 58 — 7, 17 — 58- 8, 58 — 11 УК РСФСР к 15 годам заключения в лагерь. Наказание отбывал от начала до конца в Воркутлаге, работая по своей специальности ветеринарного врача. Реабилитирован в июне 1955 года. Умер в 1970 году в возрасте 87 лет в звании «корветврач в отставке».

Корпусной комиссар Я.В. Волков — член Военного совета Тихоокеанского флота, 1898 года рождения. Арестован во Владивостоке в начале июля 1938 года. Осужден Военной коллегией в мае 1941 года по ст. 58 — 1 «б». 17 — 58 — 8,58 — 11 УК РСФСР к 10 годам ИТЛ. В лагере трудился сначала на общих работах, а в последние годы заключения — заведующим столовой. Реабилитирован в октябре 1954 года. Умер в 1963 году в звании «корпусной комиссар в отставке».

Корпусной комиссар Т.К. Говорухин — начальник политического управления Ленинградского военного округа, 1896 года рождения. Арестован в сентябре 1938 года в Ленинграде. Осужден Особым совещанием при НКВД СССР в декабре 1940 года по ст. 58 — 1 «б» и 58 — 11 УК РСФСР к 8 годам ИТЛ. Срок заключения отбыл полностью. В августе 1949 года по тому же делу был вторично арестован и постановлением ОСО в октябре 1949 года отправлен в ссылку в Красноярский край. Реабилитирован в марте 1955 года. Умер в 1966 году в звании «генерал-майор в отставке».

Корпусной комиссар С.И. Мрочковский — ответственный сотрудник Разведывательного управления РККА, 1885 года рождения. Является своего рода «рекордсменом» — следствие по его делу длилось девять лет. По приговору Военной коллегии получил 15 лет ИТЛ. Реабилитирован в июле 1953 года. Умер в 1967 году в звании «корпусной комиссар в отставке».

Комдив В.К. Васенцович — начальник штаба ОКДВА, 1898 года рождения. Арестован в 1938 году. Осужден Военной коллегией в июле 1941 года к 15 годам ИТЛ. Срок наказания отбыл полностью. Реабилитирован в 1956 году. Умер в ноябре 1961 года в звании «полковник в отставке».

Комдив Г.С. Иссерсон — начальник кафедры Академии Генерального штаба, 1898 года рождения. В заключении и ссылке пробыл в общей сложности 14 лет. Реабилитирован в 1955 году. Умер в 1976 году в звании «полковник в отставке».

Комдив Р.А. Якубов — начальник ВВС Среднеазиатского военного округа, 1898 года рождения. Арестован в январе 1938 года. Многие годы провел в заключении. Реабилитирован в 1955 году. Умер в 1957 году в звании «полковник в отставке».

Дивизионный комиссар И.П. Зыкунов — начальник политического управления авиации особого назначения (АОН), 1900 года рождения. Арестован в декабре 1937 года. Осужден Военной коллегией по ст. 58 — 1 «б» и 58 -11 УК РСФСР на срок 15 лет заключения в ИТЛ, по отбытии которого направлен на поселение.

Дивизионный комиссар П.И. Колосов (Заика) — начальник отдела Разведывательного управления РККА, 1898 года рождения. Уволен из рядов армии в декабре 1938 года. Арестован в Москве в январе 1939 года. Осужден Военной коллегией к 15 годам ИТЛ. Срок наказания отбыл полностью. Реабилитирован в 1955 году. Умер в 1978 году в звании «генерал-майор в отставке».

Дивизионный комиссар И.И. Кропачев — начальник политического управления ОКДВА, 1892 года рождения. Арестован в апреле 1938 года в Хабаровске. Осужден Военной коллегией в июле 1941 года к 10 годам ИТЛ. Срок отбыл полностью. Реабилитирован.

Дивизионный комиссар И.Н. Нестеренко — начальник политического отдела 2-й Белорусской стрелковой дивизии, 1901 года рождения. Уволен из РККА в феврале 1938 года. В том же месяце был арестован. Осужден военным трибуналом Белорусского военного округа в декабре 1939 года. До ноября 1947 года находился в заключении. Реабилитирован в 1956 году. Умер в 1981 году в звании «дивизионный комиссар в отставке».

Дивизионный комиссар М.Л. Славин — помощник начальника Военной академии химической защиты по политической части, 1899 года рождения. Уволен из РККА в декабре 1938 года. Осужден Военной коллегией в мае 1939 года к 20 годам ИТЛ. Реабилитирован в 1955 году. Умер в 1977 году в звании «дивизионный комиссар в отставке».

Дивизионный комиссар С.С. Стельмашко — военный комиссар 57-го стрелкового корпуса, 1901 года рождения. Осужден к длительному сроку заключения в ИТЛ. Реабилитирован. Умер в 1956 году в звании «дивизионный комиссар в отставке».

[Дальше](#)

Как реагировали в СССР и за рубежом на репрессии в Красной Армии

Соответствующие спецслужбы на Западе внимательно отслеживали все события (политические, экономические, военные) в Советском Союзе. Конечно, не остались вне их поля зрения и материалы февральско-мартовского пленума ЦК ВКП(б), а также последующие за ним большие кадровые изменения, в том числе и в Красной Армии. Особый интерес на Западе вызвало внезапное смещение со своего поста заместителя наркома обороны Маршала Советского Союза М.Н. Тухачевского в начале мая 1937 года, рассматриваемого там в качестве первого кандидата на место Ворошилова. По этому поводу в соответствующих штабах и службах строили самые различные версии и делали разнообразные выводы, в основном верные по существу.

Например, в секретном обзоре внешних политических событий за период с 23 апреля по 12 мая 1937 года, подготовленном в штабе вермахта, отмечалось: «Действительные причины падения маршала Тухачевского пока не ясны: следует предполагать, что его большое честолюбие привело к противоречиям между ним и спокойным, рассудительным и четко мыслящим Ворошиловым, который целиком предан Сталину. Падение Тухачевского имеет решающее значение. Оно показывает со всей определенностью, что Сталин крепко держит в руках Красную Армию»[\[219\]](#).

Да, действительно Сталин к 1937 году крепко зажал в своем кулаке Рабоче-Крестьянскую Красную Армию, как, впрочем, и другие силовые структуры государства. Соответствует истине и утверждение о безграничной преданности Ворошилова Сталину. Верно и то, что между Тухачевским и Ворошиловым многие годы существовали серьезные трения по многим вопросам военного строительства, военной доктрины, системы боевой подготовки войск, их технического переоснащения. Во всем этом германские разведслужбы не ошибались. Неясным остается только одно: если документы по обвинению М.Н. Тухачевского в шпионаже в пользу Германии были изготовлены в их недрах, как утверждают некоторые исследователи жизни и деятельности маршала, то почему же тогда эти самые спецслужбы задают вопрос о причинах его падения? Ведь им-то в первую очередь должны быть известны действительные, а не мнимые мотивы событий в РККА.

Особо отметим, что одновременно со смещением Тухачевского произошла значительная перетряска верхнего эшелона комначсостава РККА, о чем мы упоминали в предыдущих главах нашего повествования. И опять нам небезынтересно знать мнение опытных специалистов из страны, которая не без оснований к тому времени считалась главным из вероятных противников СССР. Речь, безусловно, идет о фашистской Германии. С этой целью обратимся к статье «Новое лицо Красной Армии», опубликованной в журнале «Верфронт» в 1937 году, вскоре после описываемых нами событий. Предварим статью только одним примечанием: в Германии определенные круги тогда стали считать, что в РККА действительно существовал заговор во главе

с Тухачевским и что в результате уничтожения заговорщиков боевая мощь Красной Армии уменьшилась — не в пример руководителям военного ведомства Ворошилову и Гамарнику, которые на февральско-мартовском пленуме ЦК ВКП(б) утверждали обратное.

«...Весной 1937 г. фактически все высшие командные должности в Красной Армии (за исключением Народного Комиссара Обороны) были заняты специалистами и уровень образования офицеров был значительно поднят. Один Ворошилов остался во главе армии в качестве «парадного генерала».

Это сознательное выхолащивание политики из армии в пользу военной квалификации в руководстве должно было (как этого небезосновательно опасались руководящие круги) натолкнуться на сопротивление радикальных элементов, а также на сопротивление тех, которые в переходе к строго дисциплинированной армии усматривали признак контрреволюции по образцу Наполеона. Во главе этих лиц еще в 1935 г. встал Лазарь Каганович, и этим была предопределена судьба армии и ее руководства. Этому человеку, огромное влияние которого на Сталина всем известно и которому Сталин беспредельно доверяет, удалось понемногу убедить диктатора, что такая небольшевистская армия представляет огромную опасность для большевизма.

Когда после этого новый руководитель ОГПУ Ежов сообщил о раскрытии широкоразветвленной контрреволюционной организации с наиболее способными руководителями во главе, Сталин был окончательно убежден и завоеван. После суда, состоявшегося 11 июня, Сталин распорядился на следующий день расстрелять восемь лучших командиров. Так закончился краткий период реорганизации военного командования Красной Армии.

...Военная квалификация была принесена в жертву политике и безопасности большевистской системы. Пост расстрелянного маршала Тухачевского занял бывший до этого времени начальник Генштаба Красной Армии Егоров, бесцветная личность. Сын крестьянина, он упорным трудом выдвинулся вперед, но даже в отдаленной степени он не может заменить Тухачевского, хотя наряду с Шапошниковым он бесспорно является самым способным в военном руководстве РККА. Б.М. Шапошников... занял место Егорова в качестве начальника Генштаба Красной Армии. (Шапошников уже исполнял эту должность в 1928 — 1931 годах, т.е. был предшественником Егорова. — Н.Ч.). Шапошников еще в довоенное время считался посредственностью, и он ни в какой мере не выдвинулся и во время войны... Начальником Политического управления Красной Армии на место застрелившегося перед своим арестом Гамарника был назначен Смирнов, который, по-видимому, после больших надежд, возлагавшихся на него сначала, после нескольких недель впал в немилость...

'Также и третий заместитель Ворошилова (по должности начальника Морских Сил РККА. — Н.Ч.) флагман 1-го ранга (правильно: флагман флота 1-го ранга. — Н.Ч.) Орлов был смещен со своего поста. Новым командующим Красным Флотом назначен флагман Михаил Владимирович Викторов, который до этого времени командовал морскими силами на Дальнем Востоке... Командующий ВВС Алкснис, наряду с Шапошниковым и Егоровым, считается одним из самых способных красных командиров... Особенно катастрофичным оказалось назначение новых командующих военными округами... После расстрела 12 июня фактически не осталось руководителей.

Ленинградский военный округ, также относящийся к наиболее важным округам, получил пресловутый матрос Павел Ефимович Дыбенко, также один из героев Гражданской войны,

особенно известный в то время своими беспощадными грабежами, с военной точки зрения совершенный нуль, но с политической точки зрения считающийся особенно надежным.

...Киевский военный округ принял бывший столяр Иван Федорович Федь-ко, командарм 2-го ранга. Он также считается одним из наименее интеллигентных, но наиболее надежных военных руководителей... Белорусский военный округ, которым командовал весьма одаренный Уборевич, также расстрелянный 12 июня, получил бывший рабочий Иван Панфилович Белов. Наконец, говорят, что кроме Орлова исчез в забвении командующий Балтийским флотом Муклевич (здесь неточность: Р.А. Муклевич с 1934 года состоял в резерве РККА, работая в оборонной промышленности. — Н.Ч.)... Таким образом, руководство Красной Армии получило совершенно новое лицо. В противовес краткой эре Тухачевского снова выступили на первый план парадные генералы и герои гражданской войны. Вместе с этим путем восстановления военных советов и значительного усиления политического аппарата восстановлен дуализм, устраненный в интересах боеспособности армии расстрелянным маршалом Тухачевским»[\[220\]](#).

По всему чувствуется, что эту статью готовили люди, в течение ряда лет специализировавшиеся на анализе процессов и явлений, происходивших в Красной Армии. Заметно, что личностные характеристики видных военных деятелей РККА являются достаточно устоявшимися. Общее впечатление от чтения статьи тягостное: невысоко же оценивали в Берлине вооруженные силы СССР, военный, научный и творческий потенциал полководцев.

Чего только стоит: первый заместитель наркома маршал Александр Егоров — бесцветная личность!.. Начальник Генерального штаба командарм Борис Шапошников — посредственность!.. И это о военачальнике, написавшем капитальный многотомный труд «Мозг армии», во многих положениях не потерявший своей актуальности и в современный период строительства вооруженных сил, высоко оцененный ведущими специалистами Европы и Америки. Ошибаются авторы и в отношении нового начальника ПУРККА Петра Смирнова. В немилость он непременно попадет, но будет это гораздо позже, как мы уже знаем — в середине 1938 года, а пока что Петр Александрович у вождя народов в явном фаворе, получая очередные воинские звания и новые должности. Какая же тут немилость!..

А вот насчет скоропалительности назначения новых командующих войсками военных округов — здесь немецкие специалисты совершенно правы. Некоторые факты на этот счет уже были приведены (назначение П.Е. Дыбенко сначала в Сибирский, а затем в Ленинградский военные округа). О какой устойчивой боевой и политической подготовке в войсках недавно созданного (в середине 1935 года) Уральского военного округа можно было говорить, если его командующие менялись в 1937 году через два-три месяца после своего назначения. Так пришедший на смену комкору И.И. Гарькавому, арестованному, как мы упоминали, в марте 1937 года, комкор Б.С. Горбачев «продержался» всего лишь два месяца — в начале мая он уже сидел в Свердловской тюрьме, где майор госбезопасности А.Р. Стромин усердно выколачивал из него признание о его участии в военном заговоре.

На освободившееся после ареста Б.С. Горбачева место прибыл из Сиб-ВО комкор Я.П. Гайлит, который покомандовал на месяц больше своего предшественника — в середине августа он также был арестован. Эта совершенно немыслимая для нормальной обстановки череда арестов и увольнений командования УрВО несколько остановилась после назначения в августе 1937 года командующим комдива Г.П. Софронова, успевшего до этого побыть всего лишь два месяца в должности командира 17-го стрелкового корпуса.

Примерно такую же ситуацию во второй половине 1937 года можно было наблюдать и в Среднеазиатском, Закавказском, Харьковском, Северо-Кавказском, Забайкальском военных округах, где за полгода сменилось по 3 — 4 командующих, члена Военного совета и начальника штаба. Покажем это на примере САВО: им до 5 июня командовал комкор М.Д. Великанов, с 5 июня — комкор И.К. Грязное, с 11 августа — комкор А.Д. Локтионов, с 28 ноября — комкор Л.Г. Петровский, с 25 февраля 1938 года — комкор И.Р. Апанасенко. Несколько слов о Леониде Петровском: будучи командиром 1-й Московской Пролетарской стрелковой дивизии, он в середине мая 1937 года получает под свое начало 5-й стрелковый корпус в Белоруссии, а в конце ноября того же года — Среднеазиатский военный округ с одновременным присвоением очередного звания «комкор». Такой-же стремительный взлет у начальника штаба ОКДВА комдива В.К. Васенцовича: он в июле 1937 года, после непродолжительного пребывания в должности командира 40-й стрелковой дивизии, назначается командовать 18-м стрелковым корпусом, а еще через месяц получает новый пост — начальника штаба ОКДВА. Сходная картина наблюдалась в те месяцы и в Киевском военном округе.

Волна обвальных арестов среди вьющего комначсостава РККА еще в ходе следствия по делу Тухачевского и особенно после осуждения и расстрела «восьмерки» очень сильно задела в первую очередь именно названные выше основные категории командно-политического состава округов. Вот только несколько фактов: за три месяца (июнь — август 1937 г.), прошедшие после суда над Тухачевским, были освобождены от занимаемой должности, уволены из РККА и арестованы (такая последовательность действий со стороны наркомата обороны и органов НКВД применялась наиболее часто, хотя на практике неединичными были случаи иного расклада по времени — сначала арест, а затем уже увольнение. Притом нередко в случае последнего варианта в приказе наркома применялась формулировка «уволить вовсе из рядов РККА», что следовало понимать как безвозвратно, без всякой надежды на возвращение обратно)[\[221\]](#):

Командующие войсками округов: командарм 2-го ранга И.Н. Дубовой (ХВО) — арестован 20 августа; командарм 2-го ранга Н.Д. Каширин (бывш. комвойсками СКВО) — арестован 20 августа; комкор Я.П. Гайлит (УрВО) — уволен 11 августа, арестован 15 августа; комкор И.К. Грязнов (САВО) — уволен 11 августа, арестован 15 августа.

Заместители командующих: комкор И.С. Кутяков (ПриВО) — арестован 15 мая, уволен 31 мая; комкор М.В. Сангурский (СВДВА) — уволен 31 мая, арестован 1 июня; комкор М.Я. Германович (ЛВО) — уволен 31 мая, арестован 7 августа; комкор Д.С. Фесенко (КВО) — уволен 14 июля, арестован 18 июля.

Члены Военных советов: армейский комиссар 2-го ранга М.П. Амелин (КВО) — арестован 19 июня, уволен 29 июня; армейский комиссар 2-го ранга С.Н. Кожевников (бывш. начальник политуправления ХВО) — уволен 9 июля, арестован 7 сентября; армейский комиссар 2-го ранга Б.М. Ип-по (САВО) — уволен 13 июля, арестован 30 июля; армейский комиссар 2-го ранга Г.И. Векличев (СКВО) — уволен 7 июня, арестован в тот же день; армейский комиссар 2-го ранга Г.И. Гугин (ЧФ) — арестован 30 августа; корпусной комиссар В.Н. Шестаков (ЗабВО) — уволен 7 июля, арестован в тот же день.

Начальники штабов: комдив А.Ф. Балакирев (Приморская группа войск ОКДВА) — арестован 11 июня, уволен 27 июня; комдив Б.И. Бобров (БВО) — уволен 31 мая; комдив П.Л. Соколов-Соколовский (ХВО) — уволен 23 июня, арестован 30 июня; комдив Я.Г. Рубинов (ЗабВО) — арестован 3 июля, уволен 5 июля; комбриг Н.И. Подчуфаров (КВО) — уволен 22 июля.

В публикациях на тему о «заговоре в Красной Армии» много внимания уделяется личности президента Чехословакии Эдуарда Бенеша и его «вклада» в разоблачение «главного заговорщика» — маршала Тухачевского. Приводимая ниже выдержка из беседы с Бенешем советского посла в Праге С.С. Александровского, состоявшейся 4 июля 1937 года, показывает, что в странах ближнего зарубежья с большим вниманием следили за развитием событий в Советском Союзе, делая из этого соответствующие прогнозы о путях дальнейшего продвижения отношений между своей страной и СССР с известной поправкой на особенности сталинского режима.

«Бенеш... все время говорил сам почти исключительно на тему о внутренних процессах, происходящих в СССР. Он начал разговор вопросом, что я думаю о значении процесса над Тухачевским и компанией, но после нескольких довольно общих фраз с моей стороны прервал заявлением, что он хочет обстоятельно изложить мне свое понимание, для того чтобы мне было ясно, какими мотивами он руководится в своей политике по отношению к СССР.

В качестве первой предпосылки ко всему дальнейшему разговору Бенеш выставил утверждение, что так называемые события в СССР ничуть его не удивили и совершенно не испугали, ибо он давно их ожидал. Он почти не сомневался и в том, что победителем окажется «режим Сталина»... Он приветствует эту победу и расценивает ее как укрепление мощи СССР...»

Далее Бенеш заявил, что он мыслит себе опору именно на СССР сталинского типа, а не на демократическую Россию, как в этом его подозревали в Москве. И что он начиная с 1932 года внимательно следит за решительной схваткой между сталинской линией и линией «радикальных революционеров», а посему для него не явились неожиданностью последние московские процессы, включая и процесс Тухачевского. Президент Чехословакии особо подчеркнул, что, по его убеждению, в этих процессах, особенно в процессе Тухачевского, дело шло вовсе не о шпионах и диверсиях, а о прямой и ясной заговорщической деятельности с целью ниспровержения существующего строя. Он убежден, что Тухачевский, Якир и Путна (Бенеш почему-то все время называл только этих трех военачальников) не являлись шпионами, но что они являлись заговорщиками, он в том не сомневался.

Итак, Бенеш был уверен в победе сталинского режима. Такая его уверенность базировалась на том, что «...этот режим не потерял морали, в то время как крикуны о перманентной революции явно не были на моральной высоте. В Москве расстреливают изменников и т.н. европейский свет приходит в ужас. Это лицемерие Бенеш не только отлично понимает, но и прямо одобряет московский образ действий...»[\[222\]](#)

Данная беседа, выдержанная в духе дипломатического протокола, тем не менее проясняет позиции руководства некоторых сопредельных с СССР стран. Во-первых, не во всех европейских государствах отнеслись однозначно к московским процессам 1936 — 1937 годов. Во-вторых, видно явное заигрывание Бенеша с Москвой перед лицом растущей угрозы со стороны гитлеровской Германии, что выражается в заверениях о полной поддержке и симпатиях к существующему сталинскому режиму. Налицо боязнь дальнейшего укрепления советско-германского военного сотрудничества в ущерб национальным интересам Чехословакии.

В частности, Бенеш задавался и таким вопросом: «Что произошло бы, если бы в Москве победил не Сталин, а Тухачевский?» И отвечал на него: «Тогда Чехословакия была бы вынуждена оставаться в дружбе с Россией Тухачевского. Но Чехословакия тогда была бы вынуждена достигнуть соглашения с Германией, а это опять-таки было бы началом зависимости либо от России, либо от Германии. Вернее всего от Германии, ибо Россия Тухачевских не постеснялась бы

заплатить Германии Чехословакией». Бенеш же потому и ценит так высоко сталинский режим, что он не предъявляет претензий на Чехословакию и ее свободы...[{223}](#)

Многие влиятельные круги и лица на Западе действительно считали в 20-х и 30-х годах М.Н. Тухачевского, а не Ворошилова создателем Красной Армии. И говорили они об этом не только в период пребывания Тухачевского в зените славы и на вершине власти, но и после его трагического конца. Вот что писала газета «Дейче Вер» в номере от 24 июня 1937 года, то есть спустя двенадцать дней после гибели маршала:

«Его вошедшее в поговорку счастье в гражданской войне (он разбил, между прочим, наголову Деникина), его молниеносное наступление на Польшу и успешное жестокое подавление большого крестьянского восстания в Центральной России в 1921 году — все это уже тогда дало ему прозвище «Красного Наполеона»... Хотя полковник Каменев, как правая рука Троцкого (Сергей Сергеевич Каменев в 1919 — 1924 годах был главнокомандующим вооруженными силами Советской Республики. — Н. Ч.) и заложил фундамент Красной Армии, тем не менее Михаила Николаевича Тухачевского следует признать единственным создателем Красной Армии в ее теперешней форме. Тем, что она является теперь такой, Сталин обязан одному лишь Тухачевскому...

...В первых числах мая были собраны «доказательства» о мнимой подготовке переворота силами Красной Армии. Обвинения против Тухачевского были собраны полностью и объявлены в присутствии всех Народным комиссаром: Тухачевский готовил переворот для того, чтобы объявить национальную военную диктатуру во главе с самим собой...

Тухачевский, бесспорно, был самым выдающимся из всех красных командиров, и его нельзя заменить. История когда-нибудь скажет нам, какую роль он играл в действительности в деле строительства этой армии... Ни один человек никогда не узнает, что происходило на процессе... Тухачевский хотел быть «русским Наполеоном», который, однако, слишком рано раскрыл карты, либо же, как всегда, его предали в последний момент. Каганович — Сталин являются снова господами в стране...»[{224}](#)

При чтении этой статьи бросается в глаза следующее. Прежде всего, ее доброжелательный тон в отношении личности М.Н. Тухачевского, несколько преувеличенная, но в целом объективная оценка его полководческого таланта. Во-вторых, в Германии все же находились люди, которые не верили в реальность существования военного заговора и возможность военного переворота в СССР. Об этом свидетельствует весь тон данной статьи. А что касается того, что ни один человек никогда не узнает деталей суда над Тухачевским и его товарищами, то мы уже в соответствующих местах уделили этому определенное внимание, несколько приоткрыв и прочитав одну из потаенных страниц советской военной истории.

Мы вели речь о том, какой отзвук и какую реакцию вызвал в странах Западной Европы процесс Тухачевского, положивший начало лавины репрессий против кадров Красной Армии. А как же реагировали в самой РККА на арест и осуждение одного из Маршалов Советского Союза и его «сообщников», на развертывание массовой травли командно-начальствующего состава армии и флота? Бесспорно, что никто лучше, чем современник, не сможет передать всю гамму настроений, чувств, переживаний, охвативших командный состав РККА летом 1937 года. А потому предоставим ему слово.

Комбриг А.В. Горбатов, командовавший в то время в Киевском военном округе 2-й кавалерийской дивизией, вспоминает: «В один из весенних дней 1937 года, развернув газету, я прочитал, что органы государственной безопасности «вскрыли военно-фашистский заговор». Среди имен заговорщиков назывались крупные советские военачальники, в их числе Маршал Советского Союза М.Н. Тухачевский.

Это известие меня прямо-таки ошеломило. «Как могло случиться, — думал я, — чтобы люди, игравшие видную роль в разгроме иностранных интервентов и внутренней контрреволюции, так много сделавшие для совершенствования нашей армии, испытанные в дни невзгод коммунисты, могли стать врагами народа?» В конце концов, перебрав различные объяснения, я остановился на самом ходком в то время: «Как волка ни корми, он все в лес смотрит». Этот вывод имел кажущееся основание в том, что М.Н. Тухачевский и некоторые другие лица, вместе с ним арестованные, происходили из состоятельных семей, были офицерами царской армии...» «Очевидно, — говорили тогда многие, строя догадки, — во время поездок за границу в командировки или на лечение они попали в сети иностранных разведок».

На Киевской окружной партийной конференции мы, делегаты, заметили, что И.Э. Якир, всегда веселый и жизнерадостный, выглядел за столом президиума сосредоточенным и угрюмым. Мы объяснили себе эту мрачность тем, что, по слухам, его переводили командующим в Ленинградский военный округ, меньший, чем Киевский.

А через несколько дней нам стало известно, что в поезде, где-то под Москвой, Якир был арестован как участник «заговорщической группы Тухачевского». Для меня это был ужасный удар. Якира я знал лично и уважал его. Правда, в глубине души еще теплилась надежда, что это — ошибка, что «разберутся и освободят». Но об этом говорили между собой только очень близкие люди.

Вскоре в Киевский военный округ прибыло новое руководство. Член Военного совета Щаденко с первых же шагов стал подозрительно относиться к работникам штаба. Приглядывался, даже не скрывая этого, к людям, а вскоре развернул весьма активную деятельность по компрометации командного и политического состава, которая сопровождалась массовыми арестами кадров. Чем больше было арестованных, тем труднее верилось в предательство, вредительство, измену. Но в то же время как этому было и не верить? Печать изо дня в день писала о все новых и новых фактах вредительства, диверсий, шпионажа...»[\[225\]](#)

Арестованный в октябре 1938 года, комбриг А.В. Горбатов оказался крепким орешком даже для опытных следователей Лубянки и Лефортова. Пройдя все круги ада в застенках НКВД и не признав себя виновным в несовершенных им преступлениях, он тем не менее получил «15+5». Судьба сравнительно благосклонно отнеслась к комбригу из крестьян — в 1940 году в числе немногих счастливых его дело было пересмотрено и Горбатова восстанавливают в кадрах Красной Армии. Великую Отечественную войну он закончил командармом, Героем Советского Союза в звании генерал-полковника. Умер Александр Васильевич в Москве в 1973 году в звании генерала армии.

К процитированному отрывку из мемуаров генерала Горбатова необходимы некоторые комментарии. Прежде всего, память немного подводит ветерана Вооруженных Сил — сообщение о «раскрытии военно-фашистского заговора в Красной Армии» появилось в центральных газетах только 12 июня. Этот месяц, конечно, теплый, но никак не весенний. Во-вторых, действительно, многие люди, в том числе и кадровые военные, давно знавшие арестованных не только по службе, но и в быту, с некоторой долей сомнения, но все же принимали на веру сообщения о все

новых и новых «врагах народа». Как и Горбатов, они рассуждали примерно так: «Дыма без огня не бывает». Широко растиражированные материалы политических процессов 1936 и 1937 годов сделали свое черное дело, подготовив необходимую почву для восприятия как активного, так и пассивного — последующих массовых репрессий в сознании советского народа.

Относительно характеристики личности Ефима Щаденко, которого недобро упоминает А.В. Горбатов. С подобной оценкой солидарны многие очевидцы и свидетели тех лет и событий. Этот сподвижник наркома по Гражданской войне (он на завершающем ее этапе входил в состав РВС 1-й Конной армии), не отличаясь выдающимися способностями и не блистая многочисленными талантами, тем не менее обладал важными качествами, высоко ценившимися во все времена, — личной преданностью вождям партии и Красной Армии (соответственно Сталину и Ворошилову), не рассуждающей исполнительностью при проведении в жизнь генеральной линии РКП(б) — ВКП(б). И несмотря на это, Щаденко длительное время после окончания Гражданской войны находился на малозначительных политических должностях, вроде помполита Военной академии имени М.В. Фрунзе, представляя как бы второй эшелон политработников высшего звена РККА. Так продолжалось полтора десятка лет, до конца 1936 года, когда пришло время Щаденко и ему подобных. Сделав стремительный рывок, Ефим Афанасьевич, недолго задерживаясь на должностях начальника политуправления и члена Военного совета Харьковского и Киевского военных округов, уже в середине 1938 года прочно закрепился в кресле заместителя наркома обороны по кадрам.

Горбатова дополняет представитель соседнего с Киевским Белорусского военного округа. Свидетель авторитетный и знающий — Маршал Советского Союза Г.К. Жуков, прослуживший в указанном округе около десяти лет и хорошо знавший его кадры, пройдя там путь от командира эскадрона до заместителя командующего.

«...Советские люди от мала до велика не понимали, что происходит, почему так широко распространились среди нашего народа аресты. И не только члены партии, но и беспартийные люди с недоумением и внутренним страхом смотрели на все выше поднимающуюся волну арестов и, конечно, никто не мог открыто высказать свое недоумение, свое неверие в то, что арестовывают действительных врагов народа и что арестованные действительно занимались какой-либо антисоветской деятельностью или состояли в контрреволюционной организации. Каждый честный советский человек, ложась спать, не мог твердо надеяться на то, что его не заберут этой ночью по какому-нибудь клеветническому доносу»[\[226\]](#).

Другим свидетельством являются воспоминания генерал-лейтенанта С.А. Калинина, ветерана Красной Армии и ее активного строителя, занимавшего в 20-е и 30-е годы ряд крупных командных и штабных должностей в Приволжском, Украинском, Московском и Сибирском военных округах — от командира дивизии до командующего войсками.

В своих мемуарах «Размышляя о минувшем» он пишет: «Советским людям старшего и среднего возраста (книга издана в 1963 г. — Н.Ч.), безусловно, памятливы полные созидательного пафоса и в то же время трагических событий предвоенные годы.

Все мы радовались успехам в развитии народного хозяйства страны. Но чувствовалась какая-то нервозность, неуверенность и в гражданских организациях и в войсках. Объяснялось это тем, что насаждавшиеся Сталиным нарушения революционной законности становились чуть ли не нормой поведения некоторых работников. В результате были репрессированы и погибли многие преданнейшие делу партии руководители партийных организаций. Массовые репрессии нанесли

серьезный ущерб и Вооруженным Силам... Этот удар обрушился на Вооруженные Вилы СССР как гром среди ясного неба. Командиры и политработники, особенно те, которые лично знали подвергшихся репрессиям, терялись в догадках: неужели в самом деле это враги Советской власти?»[\[227\]](#)

Летом 1938 года Степан Андрианович Калинин был назначен командующим войсками Сибирского военного округа.

«...И вот опять мерно постукивают на стыках рельс колеса мягкого вагона дальневосточного поезда. Третий раз еду в Сибирь!

За то время, пока я находился в Киеве, в штабе Сибирского военного округа произошли большие изменения. На вокзале меня встретил капитан, представившийся временно исполняющим обязанности командующего войсками. Это показалось невероятным: капитан — командующий округом, пусть даже временно!

«Опять аресты, — подумал я. — Неужели положение так серьезно, что потребовалось на командира батальона возлагать обязанности командующего?»

— Многие должности остаются вакантными, — сказал капитан. — Ждем людей.

В течение нескольких недель штаб лихорадило. Пришлось потратить немало времени и энергии, чтобы с помощью партийной организации, члена Военного совета дивизионного комиссара П.С. Смирнова и начальника политического управления бригадного комиссара В.Н. Богаткина поставить все на свои места...»[\[228\]](#)

Сам Калинин в 1937 — 1938 годах остался на свободе и в кадрах РККА, можно сказать, чудом: в соответствующих отделах НКВД на него уже был собран «компромат», арестованные сослуживцы к тому времени успели дать показания, необходимые для его изоляции. Однако тогда беда прошла стороной, до поры до времени органы НКВД вроде бы о нем забыли. Но наступил 1944 год, когда Калинин с поста командующего войсками Харьковского военного округа был снят и арестован якобы за антисоветскую агитацию. К ней отнесли все критические замечания, высказанные им в отношении недостатков, имевших место в стране, обществе и армии. Был дан ход и старым показаниям на него (образца 1937 — 1938 г.) — этой мины замедленного действия.

Система политических донесений и политсводок, хорошо налаженная в политорганах и партийных организациях РККА в 30-е годы, позволяет нам сегодня представить достаточно полную картину о морально-психологическом климате в частях, учреждениях и военно-учебных заведениях Красной Армии. В качестве примера обратимся к политсводке, подписанной секретарем партбюро Управления военно-учебных заведений РККА Грановским. Вскоре после самоубийства Я.Б. Гамарника, суда над группой Тухачевского и ее расстрела Грановский сообщал в Политуправление РККА:

«События последних дней всколыхнули всю общественность УВУЗа. Каждый член нашего коллектива выражал свое негодование по адресу бандитов-изменников Родины и полное удовлетворение приговором над шайкой предателей.

Из настроений особо отмечается трещина, надрыв в части доверия к т. Славину (начальнику УВУЗа, армейскому комиссару 2-го ранга. — Н. Ч.) Такое недоверие является естественным

результатом тех взаимоотношений, которые имели место между т. Славиним и врагом народа Гамарником.

...Отдельные т.т. (товарищи. — Н. Ч.), в частности т. Семашко, выражает свое убеждение в том, что т. Славин чист, т.е. непричастен к происходящим событиям. Беспартийные т.т. не высказываются, хотя известно, что и они в курсе того, что т. Славин был в близких отношениях с изменником Гамарником... В основном весь коллектив вполне правильно реагирует на прошедшие события и дает им правильную, большевистскую оценку»{229}.

Нелишним представляется обратиться к мнению на этот счет еще одного современника Тухачевского, представителя Военно-морского флота. Как воспринимали события лета 1937 года люди, только что вернувшиеся из длительной командировки в Испанию? Их свежий взгляд замечал многое такое, что «невыездным» уже было не в новинку. Одним из таких командиров-добровольцев являлся капитан 1-го ранга Н.Г. Кузнецов, возвратившийся на Родину в июле 1937 года. В Испании он исполнял обязанности главного военно-морского советника и военно-морского атташе при посольстве СССР.

По словам Кузнецова, он планировал снова вернуться в полюбившуюся ему страну за Пиренеями, однако этого в наркомате ему сделать не позволили, ибо, как заявил на беседе с ним нарком Ворошилов, «нам теперь здесь нужны люди». Еще бы не нужны! Ведь корабль репрессий на всех парах набирал ход, давление в его котлах неуклонно росло и двигалось к высшей отметке, а экипаж постоянно подвергался жесточайшей чистке на предмет лояльности к партии и советской власти.

«...В Москве я узнал о новых арестах. В первый день еще по дороге в наркомат я встретился на Гоголевском бульваре с К. А. Мерецковым, который до этого также был в Испании, где мы познакомились с ним. Прежде всего он спросил, куда я иду, и, узнав, что хочу доложить начальнику Военно-Морских Сил В.М. Орлову, посоветовал не ходить, доверительно поделившись, что «он сегодня ночью арестован»...

Я сперва не поверил Кириллу Афанасьевичу. Но такими вещами не шутят. Весть подтвердили другие, и все равно она не укладывалась в голове. Мы, молодые командиры, знали об Орлове много положительного из его деятельности в годы революции и считали его революционером из старых гардемарин-разночинцев... Я вспоминал беседы с Владимиром Митрофановичем, все, что знал о нем. Были у него свои слабости, недостатки, но чтобы такой человек изменил Родине?! Сообщение К.А. Мерецкова вызвало у меня удивление, что такой большой руководитель флота также замешан в предательстве.

А товарищи рассказывали о все новых арестах... Я считал их честными советскими командирами, все силы отдававшими флоту. В них я до сих пор не сомневался. Как же так?..»

После отпуска Кузнецов назначается заместителем командующего Тихоокеанским флотом. Прибыв в середине октября 1937 года во Владивосток, он попадает, по его словам, в самый разгар «изъятия» органами НКВД лиц из числа руководящего состава флота.

«Это были месяцы, когда у меня возникли первые сомнения в правильности арестов. В основном я тогда еще думал, что арестованные действительно виновны. Сомневался я вначале только относительно отдельных хорошо известных мне людей... В ноябре 1937 года командующий флотом Г.П. Киреев был вызван в Москву... Давая мне указания, он был несколько рассеян и взволнован. А когда собрались в его вагоне, он показался мне даже печальным... До Киреева

также уехали М.В. Викторов (до Киреева командовал флотом) и Г.С. Окунев (член Военного совета ТОФ) и... не вернулись. Предчувствие не обмануло Киреева. Вскоре до меня дошли слухи, что он арестован.

Я ожидал нового командующего, считая себя еще недостаточно опытным для такого огромного морского театра. В конце декабря получи телеграмму, в которой сообщалось о моем назначении командующие присвоением очередного звания...

По мере того как я вникал в обязанности командующего флотом, во никали все новые и новые проблемы. Хлопот и беспокойства было мне го... Однако трудности, связанные с быстрым ростом морских сил, с необходимостью надежно укрепить рубежи страны, осложнялись и усугублялись ударами, которые мы получали, казалось бы, с совсем неожиданной стороны, — арестами командных кадров. Я впервые столкнулся с репрессиями против подчиненных мне людей. Хотя всех я их еще близко не знал, все равно происходящее вызывало недоумение и тревогу...»[\[230\]](#)

Кузнецов пишет, что на первых порах он ответы на все возникавшие у него по поводу репрессий вопросы искал и находил в формуле: «Если ошибка — разберутся». Она, эта формула, позволяла, глубоко не задумываясь над происходящим, удобно объяснять факты арестов незнакомых или малознакомых людей. «Но теперь, во Владивостоке, когда арестовали людей, мне подчиненных, за которых я отвечал, успокаивать себя тем, что где-то разберутся, я уже не мог...»

Двадцать лет спустя опальный флотоводец, Адмирал Флота Советского Союза Н.Г. Кузнецов, подвергавшийся несколько раз несправедливому снижению в должности и воинском звании на несколько ступеней, пытается ответить на мучившие его вопросы, сидевшие занозой с конца 30-х годов. «Вновь и вновь возвращаюсь к тому, как мы воспринимали эти репрессии в свое время. Проще всего сказать: «Я ничего не знал, полностью верил высокому начальству». Так и было в первое время. Но чем больше становилось жертв, тем сильнее мучили сомнения. Вера в непогрешимость органов, которым Сталин так доверял, да и вера в непогрешимость самого Сталина постепенно пропадала...»[\[231\]](#)

Мы показали трагические события 1937 — 1938 годов через восприятие отдельных индивидуумов, занимавших довольно крупные посты в армии и на флоте. А как все это отражалось в массовом сознании, в психологии коллектива? Что творилось в те дни на улицах, площадях и стадионах городов, на заводах, фабриках и воинских частях? Если полистать областные, республиканские и центральные газеты того времени, то можно убедиться в том, что митинги и собрания рабочих и служащих, партийного и комсомольского актива, состоявшиеся в июне и в последующие месяцы 1937 года, не идут ни в какое сравнение с подобными мероприятиями 1936 года, когда проходил процесс над Зиновьевым, Камеевым и другими бывшими оппозиционерами.

В 1937 году накал страстей оказался намного выше. И все это происходило не стихийно, как может показаться на первый взгляд, не «по-партизански», а строго организованно и целеустремленно, ибо управлял этим «действием» опытный дирижер. Так в день суда над Тухачевским в республике, края и области было направлено следующее указание:

«Нац. ЦК, крайкомам, обкомам. В связи с происходящим судом над шпионами и предателями Тухачевским, Якиром, Уборевичем и другими, ЦК предлагает вам организовать митинги рабочих, а где возможно и крестьян, а также митинги красноармейских частей и выносить резолюцию о

необходимости применения высшей меры репрессии. Суд, должно быть, будет окончен сегодня ночью. Сообщение о приговоре будет опубликовано завтра, т.е. двенадцатого июня.

11.VI. 1937 г. Секретарь ЦК Сталин»[\[232\]](#).

Центральная пресса, в первую очередь «Правда», была буквально заполнена материалами с мест «единодушного» осуждения трудящимися массами и воинами Красной Армии «подлых заговорщиков, наймитов и изменников». О направленности и содержании многочисленных и многотысячных митингов и собраний говорят сами за себя заголовки этих статей и заметок, а также призывы, открывающие первые страницы газет. Вот только некоторые из них: «Всегда будем помнить о капиталистическом окружении!», «Наше красноармейское слово — уничтожить шпионскую гадину», «Единственно справедливый приговор», «И впредь будем уничтожать изменников!», «Подлая банда шпионов получила по заслугам», «Изменники Родины будут стерты с лица земли!», «Раздавить гадов!», «Проклятье презренному фашистскому отребью», «Собакам — собачья смерть!», «Никакой пощады изменникам Родины!», «Карающий меч пролетарской диктатуры не заржавел», «Пусть трепещут все шпионы и диверсанты», «Требования народа единодушны — предателей расстрелять»...

Все это настойчиво формировало нужное верхам определенное общественное мнение. Сообщения о приговоре над группой Тухачевского и приведении его в исполнение были опубликованы во всех газетах и объявлены в приказе наркома обороны. То был четкий курс на дезинформацию партийных и советских органов, военных организаций и широкой общественности о положении дел в Красной Армии, курс на всемерное возвеличивание роли и значения НКВД в структуре и жизни государства.

Одно из собраний состоялось в Военной академии имени М.В. Фрунзе — основной кузнице военных кадров высшей квалификации. На нем присутствовали слушатели-и профессорско-преподавательский состав академии. Резолюция этого собрания заслуживает особого внимания по следующим обстоятельствам. Во-первых, профессорско-преподавательский состав данного военно-учебного заведения представлял собой цвет советской военной науки и реакция генералитета на репрессии против своих вчерашних единомышленников и оппонентов может нам о многом сказать. Во-вторых, основную массу присутствовавших составляли не малограмотные красноармейцы из какого-нибудь захолустного дальневосточного или забайкальского гарнизона. Нет, все это происходило в столице страны, а обучались в академии люди, уже получившие значительный жизненный и боевой опыт, руководившие по несколько лет подразделениями и частями, а учившиеся на Особом факультете — даже соединениями. И наконец, в-третьих, все участники собрания знали, что среди осужденных и расстрелянных находились три бывших начальника академии: М.Н. Тухачевский, Р.П. Эйдемман и А.И. Корг. Вот почему нас так интересует содержание резолюции, за принятие которой они голосовали.

«Узнав о разоблачении в рядах армии подлой банды врагов народа — Тухачевского, Якира, Уборевича, Эйдеммана, Корка, Фельдмана, Примакова и Путна, мы возмущены до глубины души их чудовищным предательством. Нет предела нашему негодованию, нашему презрению и нашему проклятию по адресу этой нечисти и сволочи.

Ничтожная кучка военно-фашистских заговорщиков мечтала своим неслыханным предательством подготовить поражение СССР и руками германских фашистов и японских империалистов потопить в крови наши великие социалистические завоевания.

Эти господа мечтали о фашистском государстве под эгидой Гитлера.

Пусть знают все наши враги, что могучая социалистическая Родина с ее великим героическим народом, сплоченным гранитной стеной вокруг большевистской партии, под руководством нашего любимого, дорогого товарища Сталина, раздавит предателей и победоносно пойдет вперед — к коммунизму.

РККА под руководством железного маршала — большевика К.Е. Ворошилова готова в любой момент раздавить врага, откуда бы он ни пришел, и полностью уничтожить его на его же территории.

Мы требуем от советского суда беспощадной расправы над бандой фашистских шпионов.

Стереть с лица советской земли этих гадов!

Мы обещаем партии и правительству в кратчайший срок ликвидировать в своей Академии последствия вредительской работы шпиона Корка и обеспечить выпуск из Академии высококвалифицированных и безгранично преданных партии и народу командиров-большевиков...»[\[233\]](#)

Торжественно данное обещание в кратчайший срок очиститься от последствий вредительской деятельности «шпиона и вредителя» Корка вскоре было выполнено с помощью органов НКВД. В ближайšie после названного собрания месяцы в академии были уволены из рядов РККА и арестованы: профессор, он же бывший Главком командарм 2-го ранга И.И. Вацетис; военком Академии, корпусной комиссар И.Г. Неронов; начальники кафедр комбриги В. А. Дьяков, М.С. Свечников и другие.

Анализируя содержание прессы летом 1937 года, делаешь вывод, что, оказывается, совсем не случайно накануне суда над Тухачевским и его товарищами по несчастью «Правда» в нескольких своих номерах (с продолжением) опубликовала подвальную статью «Разведка и контрразведка» американского журналиста Р. Роуан (как будто своих специалистов по этой проблеме не нашлось!). Редакция предварила статью следующим небольшим комментарием: «Редакция надеется, что этим она в известной мере поможет своим читателям — партийным и непартийным большевикам ознакомиться «с целями и задачами, с практикой и техникой вредительско-диверсионной и шпионской работы иностранных разведывательных органов» (И. Сталин).

Выдвиженцы

Подводя итоги боевой подготовки Красной Армии за 1937 год, нарком обороны СССР К.Е. Ворошилов в приказе № 0109 поспешил заявить, что «выдвижение новых молодых кадров, проверенных и преданных делу Ленина — Сталина и нашей Родине, на командную и политическую работу уже дает самые положительные результаты и в ближайшее время скажется невиданными успехами во всех областях нашей работы». Хотя, противореча самому себе, несколькими пунктами ниже он вынужден был признать, что «несмотря на рост РККА во всех областях боевой подготовки, все же поставленные задачи на 1937 год не выполнены».

В данном приказе, ставя задачи на 1938 год в области политической работы, Ворошилов не обошел вниманием и проблему воспитания этих самых выдвиженцев. Он особо подчеркнул, что «на обязанности всех начальников лежит еще более смелое выдвижение молодых, способных, непоколебимо преданных Родине и нашей партии людей, повседневная забота о воспитании

стойких, волевых командиров и начальников, способных по-большевистски бороться с врагами народа, преодолевать трудности, не боящихся принимать и проводить в жизнь ответственные решения».

В 1937 — 1938 годах заделывать образовавшиеся бреши в комначсоставе приходилось самыми различными способами, в том числе досрочным выпуском курсантов училищ и слушателей академий. Об этом, в частности, упоминают в своих мемуарах Маршал Советского Союза М.В. Захаров и генерал армии М.И. Казаков — слушатели первого набора (1936) Академии Генерального штаба. По их собственным словам, учились они с большим желанием и упорством.

Матвей Васильевич Захаров с сожалением отмечает: «...Однако многим, в том числе и мне, не удалось завершить обучение. Летом 1937 года 30 слушателей были назначены на высокие командные и штабные должности, в частности: полковник А.М. Василевский — в Генеральный штаб, полковник А.И. Антонов — начальником штаба МВО, полковник Н.Ф. Ватутин — заместителем начальника (а вскоре и начальником) штаба Киевского военного округа, полковник Л.М. Сандалов — начальником оперативного отдела штаба Белорусского военного округа.

15 июля 1937 года меня срочно вызвали к Наркому обороны К.Е. Ворошилову. Я был очень взволнован необычным порядком вызова непосредственно к высокому должностному лицу... Мне было предложено принять штаб Ленинградского военного округа.

...Но работать в Ленинграде пришлось недолго. В конце мая 1938 года я был назначен на должность помощника начальника Генерального штаба.

14 августа 1938 года я присутствовал на церемонии первого выпуска слушателей Академии Генерального штаба. Их до окончания полного курса осталось примерно третья часть. Однако в приказе наркома указывалось, что и тех, кто был досрочно направлен в войска или назначен преподавателями академий, считать окончившими академию...»[\[234\]](#)

Справка. М.В. Захаров до зачисления в Академию Генштаба несколько лет работал у Уборевича в Белорусском военном округе начальником 1-го (оперативного) отдела штаба БВО.

Предоставим слово другому выдвиженцу — М.И. Казакову, однокашнику М.В. Захарова, поступившему в академию с должности командира 29-го кавалерийского полка. Если в случае с Захаровым при назначении его на должность начштаба ЛВО состоялась беседа с самим наркомом обороны, то здесь события развивались по другому сценарию. Судите сами.

«Пришла пора зачетов и экзаменов за первый курс. К июню у меня лично оставался несданным всего один зачет — по истории военного искусства. Я сидел над схемами по русско-японской войне, когда зашел ко мне Матвей Васильевич Захаров.

— Что ты все корпишь над русско-японской войной? — заговорил он полушутя-полусерьезно. — Бросай это дело! Надо в войска ехать. Я ответил в тон ему:

— Если тебя назначили, то надо, конечно, ехать. Но при чем тут я?

— Мы назначены одним приказом, — объявил вдруг Матвей Васильевич. — Я — начальником штаба в Ленинградский военный округ, а ты — заместителем начальника штаба в Средне-Азиатский.

Яне сразу поверил Матвею Васильевичу. Подумалось, что он просто разыгрывает меня... Если Матвей Васильевич не шутил, то как же все это понимать? Ведь наша учеба далеко еще не закончена...

Мы получили свои высокие назначения, чтобы заполнить образовавшуюся брешь. И пожалуй, каждым из нас владели тогда смешанные чувства: с одной стороны, как-то поднимало дух оказанное доверие, с другой — было очень грустно сознавать, чем твое назначение вызвано. Не особенно хотелось и прекращать так хорошо начатую учебу»[\[235\]](#).

Справка. М.И. Казаков успешно оправдывал оказанное ему доверие — в мае 1938 года он назначается начальником штаба САВО, которым руководит до конца 1941 года. В годы Великой Отечественной войны — начальник штаба Брянского и Воронежского фронтов, командующий войсками ряда армий.

Однако не всем слушателям первого набора Академии Генерального штаба так крупно повезло, как А.И. Антонову, И.Х. Баграмяну, А.М. Василевскому, Н.Ф. Ватутину, М.В. Захарову, М.И. Казакову... Значительная их часть подверглась репрессиям и была физически уничтожена. К их числу относятся комбриги: А.И. Швачко — бывш. начальник противовоздушной обороны Киевского военного округа, П.В. Емельянов — бывш. начальник штаба 17-го стрелкового корпуса, Б.В. Петрусевич — бывш. заместитель начальника штаба Закавказского военного округа, Г.И. Соколов — бывш. начальник штаба 7-го кавалерийского корпуса, С.С. Смирнов — бывш. заместитель начальника Инженерного управления РККА, И.Г. Бебрис — бывш. начальник штаба 83-й горнострелковой дивизии, Л.М. Агладзе — бывш. командир 47-й Грузинской дивизии, А.Г. Добролеж — бывш. командир 28-й тяжелобомбардировочной авиабригады; полковники: А.А. Ваганов — бывш. начальник штаба 7-го механизированного корпуса, Н.Н. Жанколя — бывш. начальник артиллерии САВО, С.С. Павловский — бывш. начальник оперативного отдела штаба СКВО и другие.

Справка. К 1 ноября 1937 года из 138 человек первого набора на втором курсе продолжали обучение только 68, то есть 50 процентов от его первоначального состава[\[236\]](#).

Другой действенный канал заполнения вакансий старшего и высшего комначсостава РККА — это добровольцы из числа военнослужащих, прибывшие из Испании после выполнения своей миссии. «Испанцам» немедленно давали «зеленый свет» во всех родах войск — в стрелковых и танковых частях (соединениях), в авиации, артиллерии, Военно-морском флоте. Исключением разве что была кавалерия, развитию которой в Испании не придавали такого большого значения, как в СССР, а посему там и не потребовались военные советники подобной специализации. Особым же расположением у руководства страны и лично у Сталина пользовались летчики, побывавшие в стране за Пиренеями. Среди них был и самый большой процент награжденных орденами и удостоенных звания Героя Советского Союза. Достаточно сказать, что в самом первом указе о награждении «испанцев» (декабрь 1936 г.) из 17 человек, получивших это высокое звание, 11 являлись авиаторами.

Приведем несколько конкретных примеров стремительного взлета «испанцев» в 1937 — 1938 годах, когда они и в должности, и в воинском звании перескакивали сразу через две-три ступеньки, что в нормальных условиях обстановки совершенно исключалось. К чему все это приводило, какие результаты давало в повседневной деятельности по обучению и воспитанию войск — все это и является предметом нашего анализа.

Напомним, что раньше (до 1937 г.) последовательность в прохождении службы комначсостава РККА соответствующими кадровыми органами соблюдалась неукоснительно. Так командир батальона знал свою ближайшую перспективу — начальник штаба или заместитель командира полка. То же самое и в отношении командира полка — каждый из них точно знал, что при положительной аттестации он может в свое время законно претендовать на должность замкомдива или начальника штаба дивизии. И только в единичных случаях командир полка ставился сразу на дивизию.

Немного порассуждаем о возможных вариантах прохождения дальнейшей службы в мирное время начальника 1-й Ленинградской артиллерийской школы комбрига Н.Н. Воронова, назначенного на эту должность в 1934 году с поста начальника артиллерии Московской Пролетарской стрелковой дивизии. Выбор здесь не так уж и велик: во-первых, начальник артиллерии округа, во-вторых, начальник соответствующей кафедры в одной из военных академий, в-третьих, начальник отдела в Артиллерийском управлении или аппарате начальника артиллерии Красной Армии. Однако это все могло быть только в условиях стабильной кадровой политики в стране и армии. В другой же ситуации привычная доселе форма претерпевала существенные изменения, порой самые непредсказуемые.

Упомянутый выше Воронов, пробыв чуть менее года советником командующего артиллерией в республиканской Испании, летом 1937 года прибыл в Москву. В своей книге «На службе военной» он пишет: «Мы получили новые, воинские звания, но не очередные, а через одну ступень. Мне, в частности, было присвоено звание «комкор».

Затем пошла речь о новых назначениях. Павлов (комбриг Д.Г. Павлов до направления в Испанию в конце 1936 года командовал механизированной бригадой в БВО. — Н.Ч.) утвержден заместителем начальника Бронетанкового управления Красной Армии, Смушкевич (комбриг Я.В. Смушкевич также до поездки в Испанию командовал в БВО бригадой. Только не танковой, а авиационной. — Н.Ч.) - заместителем начальника Военно-Воздушных Сил. А я — начальником артиллерии Красной Армии.

Должно быть, у всех нас был очень удивленный и растерянный вид. Члены Политбюро подходили к нам, жали руки, отечески напутствовали, ободряли...

...Раздумья о судьбах нашей артиллерии, о ее дальнейшем совершенствовании захватили меня. Я еще не знал ни объема своей новой работы, ни обстановки в наркомате. Все казалось загадочным и сложным. Как вести новые дела, за что прежде всего взяться? Об этом думалось непрерывно...»[\[237\]](#)

Вот так: был рядовым комбригом, обычным начальником военной школы — и вдруг в одночасье такой взлет! Ведь начальник артиллерии Красной Армии — это уже величина не гарнизонного и даже не окружного масштаба, а крупный патрон в обойме аппарата наркомата обороны. Ее, эту должность, в русской армии занимал, как правило, один из выдающихся артиллеристов страны. Однако не будем забывать, что назначение Воронова начальником артиллерии РККА было оформлено соответствующим приказом НКО от 21 июня 1937 года, то есть спустя десять дней после процесса Тухачевского.

Мы подчеркивали, что назначение командира полка сразу командиром дивизии в первой половине 30-х годов было явлением крайне редким в Красной Армии, их вряд ли наберется за все это время более десятка. А вот в 1937 году подобные факты становятся уже не исключением, а

скорее правилом. Например, в августе этого года только что прибывший из Испании полковник П.И. Батов получает звание «комбриг» и назначается командиром 10-го стрелкового корпуса, перескочив при таком раскладе по крайней мере через две ступеньки служебной лестницы — начальника штаба (замкомдива) и командира дивизии.

Сам П.И. Батов не скрывает своего большого удивления по этому поводу и спустя тридцать лет. В воспоминаниях он пишет: «...Г.М. Штерн (главный военный советник в республиканской Испании. — Н.Ч.) докладывал о деятельности наших добровольцев; правительство и общественность Испанской Республики писали, что они высоко оценивают роль советских добровольцев в организации вооруженной борьбы против фашистской интервенции, и лестно характеризовали многих товарищей, была названа и фамилия автора этих строк. И.В. Сталин прервал докладчика: «Вы жалуетесь мне, что нет военных кадров. Вот вам кадры!..»

Михаил Иванович (Калинин. — Н.Ч.) вызывал награжденных, вот раздался его голос: «Орденами Ленина и Красного Знамени награждается комбриг Батов...» Меня в тот момент потрясло не обилие наград, в голове бился один вопрос: «Почему комбриг? Откуда комбриг? Был рядовой командир полка в родной Московской Пролетарской дивизии и вдруг...» Конечно, участие в вооруженной борьбе испанского народа за республику, где мне был доверен пост советника славной 12-й интербригады, а потом советника Теруэльского фронта, обогатило определенным опытом. Но долго жило тревожное ощущение, что, как говорят, хомут не по плечу...»[\[238\]](#)

Ну ладно, Батов до Испании был полковником и командиром полка в «придворной» Пролетарской дивизии. А вот случай гораздо более удивительный. Майор М.П. Петров, до Испании — командир батальона, далеко «переплюнул» Павла Ивановича Батова — он становится сразу командиром 8-го механизированного корпуса, миновав пять служебных категорий. При этом надо помнить, что до известных событий 1937 года механизированными корпусами в РККА командовали известные военачальники в звании «комдив» и даже «комкор». Если Батов сильно удивился, всего-навсего получив досрочно очередное воинское звание, то в случае с Петровым личных эмоций, видимо, было во много раз больше, ибо он из майоров шагнул прямо в комдивы, сменив две прежние «шпалы» на петлицах на два «генеральских» ромба.

Приведенные выше примеры относятся к сухопутным войскам. Подобные им наблюдались и в военно-учебных заведениях. Так, в ноябре 1937 года командир курсантского батальона школы имени ВЦИК капитан А.Д. Румянцев получает под свое начало Тамбовское пехотное училище. Все это очень удивляет и настораживает. Но более всего поражает, когда знакомишься с содержанием приказа НКО по личному составу армии от 2 октября 1937 года о назначении командира 201-го стрелкового полка полковника Шлемина Ивана Тимофеевича исполняющим обязанности начальника Академии Генерального штаба (вместо арестованного комдива Д.А. Кучинского).

Обратимся к предыстории создания этого уникального военно-учебного заведения. К середине 30-х годов стало очевидно, что основная кузница военных кадров — Военная академия имени М.В. Фрунзе, успешно выполняя задачу по подготовке квалифицированных кадров в звене полк-дивизия и развитию теории тактики родов войск, вместе с тем оказалась не в состоянии качественно и в необходимом количестве готовить старший и высший командный состав, вести разработку актуальных вопросов теории стратегии и оперативного искусства. В силу данных обстоятельств ЦК ВКП(б) и советское правительство 2 апреля 1936 года, рассмотрев ходатайство наркомата обороны, приняли решение о создании в Москве Академии Генерального штаба [\[239\]](#).

В Положении о ней, утвержденном наркомом обороны 11 апреля 1936 года, говорилось, что она является высшим военно-учебным заведением, предназначенным готовить высококвалифицированных командиров не только на командные должности, но и для несения службы Генерального штаба в крупных общевойсковых штабах и органах высшего командования. Ей предстояло готовить кадры с широким оперативным кругозором, способные разрабатывать и осуществлять на практике армейские, фронтовые и более крупные операции. В качестве важнейшего направления в деятельности академии предусматривалась разработка вопросов теории стратегии и оперативного искусства^[240].

Возложение руководства решением таких сложнейших задач на рядового, ничем не примечательного командира полка особенно поражает своим явным несоответствием. Ведь до какого же предела надо было дойти в избиении кадров армии, чтобы искать претендента на замещение должности начальника этого особого военно-учебного заведения среди командиров полков. Ничего не имея против личности И.Т. Шлемина, подчеркнем, что здесь важен сам факт подбора руководителя обучения и воспитания будущих командармов и командующих фронтами среди командиров полков — майоров, в лучшем случае полковников, вчерашних выпускников Военной академии имени М.В. Фрунзе.

И еще немного о полковнике И.Т. Шлемине. Он руководил академией почти три года, в меру своих сил и способностей стремясь совершенствовать учебный процесс и военно-научную работу. Однако всем было ясно, что это была далеко не равнозначная замена предыдущему ее начальнику — комдиву Д.А. Кучинскому. В июне 1940 года генерал-майор Шлемин назначается начальником штаба 11-й армии, входившей в состав Прибалтийского Особого военного округа. В годы Великой Отечественной войны он успешно командовал рядом армий, заслужив звание Героя Советского Союза.

Одним из фаворитов Сталина являлся Иван Терентьевич Пересыпкин. В конце мая 1937 года он, тогда старший лейтенант, только что окончивший Военную электротехническую академию, назначается военным комиссаром НИИ связи Красной Армии. Через полгода Пересыпкин — военком Управления связи РККА, а затем — заместитель начальника этого управления. В мае 1939 года он назначается народным комиссаром связи СССР, пройдя, таким образом, путь от старшего лейтенанта, слушателя академии, до наркома — члена правительства страны всего за два года. В 1943 году И.Т. Пересыпкин станет первым в Красной Армии маршалом войск связи^[241].

Говоря о сухопутных войсках, никак нельзя обойти вниманием такую ключевую фигуру, как командующий войсками округа. Кто занял место арестованных и расстрелянных Уборевича, Якира, Белова, Велика-нова, Дубового, Левандовского, кто пришел к руководству войсками в округах во второй половине 1937 года и в 1938 году, что это за люди — об этом и пойдет наш разговор. В основной своей массе то были вчерашние командиры дивизий, побывшие несколько месяцев в роли командира корпуса и чуть больше — в должности заместителя командующего войсками округа. Только у отдельных из них суммарный срок пребывания на двух указанных должностях переваливал за год, у остальных же он составлял менее двенадцати месяцев.

Так комдив И.К. Смирнов, сдав в июне 1937 года 43-ю стрелковую дивизию, полгода командует 2-м стрелковым корпусом и три месяца исполняет обязанности члена Военного совета Киевского военного округа. В начале апреля 1938 года он получает под свое начало Харьковский военный округ. Итак, от командира дивизии до комвойск округа — всего за неполных десять месяцев.

Комдив В.Я. Качалов, командир 22-й стрелковой дивизии. В середине июня 1937 года был назначен на 9-й стрелковый корпус, которым руководил полгода. Затем он становится на три месяца заместителем командующего войсками СКВО, чтобы затем принять его в начале апреля 1938 года, в итоге те же неполные десять месяцев, что и у И.К. Смирнова, заняли у Качалова путь от командира дивизии до командующего войсками округа. На три месяца больше этот срок у комдива С. А. Калинина, бывшего командира 73-й стрелковой дивизии, принявшего в июле 1938 года Сибирский военный округ.

Рекордсменами же на этой дистанции следует, видимо, считать комбригов Ф.А. Ершакова и И.В. Болдина. Первый из них в ноябре 1937 года командовал 29-й стрелковой дивизией, а с июля 1938 года — Уральским военным округом. Восемь месяцев между этими двумя датами были заняты исполнением обязанностей командира 5-го стрелкового корпуса (два месяца) и заместителя командующего ХВО (шесть месяцев). Комбриг Болдин, командир 18-й стрелковой дивизии, после полугодового руководства 17-м стрелковым корпусом, принял в августе 1938 года Калининский военный округ. С учетом месячного пребывания его в распоряжении Управления по командному и начальствующему составу РККА такой «марафон» занял у него всего семь месяцев.

Как уже упоминалось, наибольшее число случаев стремительного взлета служебной карьеры в описываемые годы было в Военно-Воздушных Силах РККА. К чему это приводило, какие давало результаты — тема специального исследования. Дело в том, что в ВВС, как, впрочем, и во всей Красной Армии, до событий на Халхин-Голе включительно, сделали ставку на «испанцев» и испанский опыт, хотя он не всегда и не во всем отказывался оправданным. Наша же задача более скромная — проследить судьбу отдельных представителей когорты выдвиженцев 1937 — 1938 годов. При этом невольно приходят на память строки из романа К. Симонова «Живые и мертвые», посвященные одному из его героев — «испанцу» летчику Козыреву. Сам писатель, неоднократно отвечая на вопросы журналистов и письма читателей, настойчиво заявлял, что Козырев — образ собирательный, что конкретного прототипа у него в жизни нет и что он вобрал в себя некоторые черты характера, этапы служебной карьеры и повороты судьбы участников боев в Испании. В частности, И.И. Копца, С.П. Денисова, И.И. Проскурова, П.В. Рычагова, К.М. Гусева, А.С. Сенаторова и других летчиков, выдвинувшихся в первый эшелон авиационной элиты после своего возвращения из республиканской Испании в 1937 — 1938 годах.

Например, К.М. Гусев, шагнувший в одночасье, как и М.П. Петров, из майоров сразу в комдивы, в июне 1937 года назначается командующим ВВС Белорусского военного округа. На такую же должность в Московском округе в июле 1938 года получает назначение полковник И.Т. Еременко, до Испании в звании капитана служивший всего лишь командиром отряда. Звание Героя Советского Союза он получил в октябре 1937 года за подвиги в Испании. Или другой случай — командир отряда 89-й тяжелобомбардировочной эскадрильи майор (в Испанию поехал старшим лейтенантом) И.И. Проскуров в июле 1937 года назначается командиром 54-й авиабригады, а через десять месяцев он в звании комбрига получает 2-ю армию особого назначения. И таких примеров можно привести еще немало.

Но вернемся к роману Константина Симонова. Описывая последние минуты жизни сбитого в бою Козырева, писатель очень близко к реальности передает его страдания и переживания. При этом Симонов, бесспорно, вкладывает в уста летчика многие свои мысли, а также впечатления современников, истинность которых подтвердилась затем неоднократно. «...Он считал, что лежит на территории, занятой немцами, и со злобой думал о том, что фашисты будут стоять над ним и радоваться, что он мертвый валяется у их ног, он, человек, о котором, начиная с тридцать

седьмого года, с Испании, десятки раз писали газеты! До сих пор он гордился, а порой и тщеславился этим. Но сейчас был бы рад, если бы о нем никогда и ничего не писали, если бы фашисты, придя сюда, нашли тело никому не известного старшего лейтенанта, который четыре года назад сбил свой первый «фоккер» над Мадридом, а не тело генерал-лейтенанта Козырева...

Он впервые в жизни проклинал тот день и час, которым раньше гордился, когда после Халхин-Гола его вызвал сам Сталин и, произведя из полковников прямо в генерал-лейтенанты, назначил командовать истребительной авиацией целого округа.

Сейчас, перед лицом смерти, ему некому было лгать: он не умел командовать никем, кроме самого себя, и стал генералом, в сущности оставаясь старшим лейтенантом. Это подтвердилось с первого же дня войны самым ужасным образом, и не только с ним одним. Причиной таких молниеносных возвышений, как его, были безупречная храбрость и кровью заработанные ордена. Но генеральские звезды не принесли ему умения командовать тысячами людей и сотнями самолетов.

Полумертвый, изломанный, лежа на земле, не в силах двинуться с места, он сейчас впервые за последние, кружившие ему голову годы чувствовал весь трагизм происшедшего с ним и всю меру своей невольной вины человека, бегом, без оглядки взлетевшего на верхушку длинной лестницы военной службы. Он вспоминал о том, с какой беспечностью относился к тому, что вот-вот начнется война, и как плохо командовал, когда она началась. Он вспоминал свои аэродромы, где половина самолетов оказалась не в боевой готовности, свои сожженные на земле машины, своих летчиков, отчаянно взлетающих под бомбами и гибнущих, не успев набрать высоту. Он вспоминал свои собственные противоречивые приказания, которые он, подавленный и оглушенный, отдавал в первые дни, мечась на истребителе, каждый час рискуя жизнью и все-таки почти ничего не успевая спасти»[\[242\]](#).

«Стал генералом, в сущности оставаясь старшим лейтенантом!..» В этой формуле, оказывается, и заложены многие ответы, объясняющие причины крупных неудач Красной Армии в начальном периоде войны.

Поправлять классиков как-то не принято, однако к приведенному выше отрывку из самого крупного романа К. Симонова требуется одно пояснение, впрочем не носящее принципиального характера. Речь идет о фразе, где говорится, что после окончания событий на Халхин-Голе Козырев получил, неожиданно для себя, звание генерал-лейтенанта. Это не совсем так, если только не понимать слова «после Халхин-Гола» в широком смысле, то есть после окончания боевых действий против японцев. А как понимать это «после» в более узком, конкретном смысле — через неделю или месяц, полгода или год? Если через неделю или месяц, то такого события вообще не могло произойти только из-за того, что до введения генеральских воинских званий высшему командному составу Красной Армии оставался еще целый год и в 1939 году подобный случай просто не мог иметь места. А если же понимать это «после» более расширительно, то надо помнить и то, что до введения персональных генеральских и адмиральских званий была советско-финская кампания, более драматичная по своему содержанию и более длительная по времени, нежели бои на реке Халхин-Гол. О чем не мог не знать командир такого ранга, как Козырев.

Учитывая, что предмет нашего разговора — кадры Красной Армии в 1937 — 1938 годах, и возвращаясь к роману К. Симонова и его герою Козыреву, заметим, что многие исследователи творчества Константина Михайловича все же склонны считать, что автор в основном списал его с «испанца» Ивана Ивановича Копца. При этом основным аргументом «за» здесь выступает тот

факт, что в начале войны генерал-майор авиации Ко-пец исполнял обязанности командующего ВВС Западного фронта. А также и то, что он покончил жизнь самоубийством на второй день войны.

Предысторию этого печального происшествия можно узнать из воспоминаний Маршала Советского Союза К.А. Мерецкова, занимавшего накануне Великой Отечественной войны пост заместителя наркома обороны.

«... В Москве вместе с С.К. Тимошенко (народным комиссаром обороны, Маршалом Советского Союза. — Н. Ч.) я побывал у И.В. Сталина... Оба они отнеслись к докладу очень внимательно. В частности, мне было приказано дополнительно проверить состояние авиации, а если удастся — провести боевую тревогу. Я немедленно вылетел в Западный Особый военный округ.

Шло последнее предвоенное воскресенье. Выслушав утром доклады подчиненных, я объявил во второй половине дня тревогу авиации. Прошел какой-нибудь час, учение было в разгаре, как вдруг на аэродром, где мы находились, приземлился немецкий самолет. Все происходившее на аэродроме стало полем наблюдения для его экипажа.

Не веря своими глазами, я обратился к командующему округом Д. Г. Павлову. Тот ответил, что по распоряжению начальника Гражданской авиации СССР на этом аэродроме велено принимать немецкие пассажирские самолеты. Это меня возмутило. Я приказал подготовить телеграмму на имя И. В. Сталина о неправильных действиях гражданского начальства и крепко поругал Павлова за то, что он о подобных распоряжениях не информировал наркома обороны. Затем я обратился к начальнику авиации округа Герою Советского Союза И. И. Копцу:

— Что у/се это у вас творится? Если начнется война и авиация округа не сумеет выйти из-под удара противника, что тогда будете делать? Копец совершенно спокойно ответил:

— Тогда буду стреляться!

Я хорошо помню нашу взволнованную беседу с ним. Разговор шел о долге перед Родиной. В конце концов он признал., что сказал глупость. Но скоро выяснилось, что беседа не оказала должного воздействия. И дело тут не в беседе. Приходится констатировать наши промахи и в том, что мы слабо знали наши кадры. Копец был замечательным летчиком, но оказался неспособным руководить окружной авиацией на должном уровне. Как только началась война, фашисты действительно в первый же день разгромили на этом аэродроме почти всю авиацию, а Копец покончил с собой»[\[243\]](#).

А начиналось все совсем неплохо. Родился Иван Копец в 1908 году в семье рабочего. Окончил неполную среднюю школу и затем работал секретарем окружного суда. В 1928 году окончил Ленинградскую военно-теоретическую школу летчиков, а через год — Качинскую авиашколу. В числе первых летчиков-добровольцев И.И. Копец в конце 1936 года убывает в Испанию. Там он, командуя авиационной группой, зарекомендовал себя храбрым, отважным пилотом. За мужество и проявленный героизм, за несколько сбитых самолетов противника И.И. Копец 21 июня 1937 года удостоивается звания Героя Советского Союза. После возвращения из Испании на него обрушивается шквал наград, почестей и назначений. Например, из старшего лейтенанта Копец в июне 1937 года превращается в полковника, миновав промежуточные звания «капитан» и «майор». Одновременно следуют и перемещения в должности: командир 70-го отдельного авиационного отряда Копец назначается заместителем командующего ВВС Ленинградского военного округа, перескочив таким образом сразу через несколько служебных ступенек и миновав черновую работу в эскадрилье и бригаде.

И.И. Копец — участник советско-финляндской войны, где возглавлял ВВС 8-й армии. После ее окончания был назначен командующим ВВС Западного Особого военного округа^[244].

Итак, «испанцы» росли как на дрожжах: командир истребительной эскадрильи полковник (в Испании чуть более года назад был старшим лейтенантом) П.В. Рычагов в апреле 1938 года назначается командующим ВВС Московского военного округа. Другой старший лейтенант (в Испании) — И.И. Евсевьев в октябре 1937 года, минуя капитана и майора, становится сразу полковником и получает назначение на высокую должность. Подобное произошло и со старшим лейтенантом А.С. Сенаторовым, который в апреле 1938 года, получив звание полковника, был назначен заместителем командующего ВВС ОКДВА. Точно такую же должность получил и С. А. Черных. Ходивший в начале 1937 года в лейтенантах, он в апреле 1938 года в звании полковника также назначается заместителем командующего ВВС ОКДВА.

Мы упомянули о летчике- «испанце» С.П. Денисове. В народе есть меткое определение в отношении людей, страдающих излишним самомнением: «Много амбиции, да мало амуниции». Эти слова в значительной мере могут быть отнесены и в адрес Сергея Прокофьевича Денисова, дважды Героя Советского Союза, генерал-лейтенанта авиации.

Небольшая биографическая справка о нем. Родился в 1909 году в рабочей семье на воронежской земле. В Красную Армию вступил в 1929 году. После окончания в 1931 году авиационной школы проходил службу в должности младшего и старшего летчика, командира звена. Первый шаг «к звездам» Денисовым был сделан в апреле 1937 года, когда он, доселе мало кому известный летчик, после возвращения из Испании за неполные четыре месяца вырос от старшего лейтенанта до полковника. При этом, в отличие от своего соратника по Испании И.И. Копца, последовательно побывал во всех званиях. Но как побывал! Например, капитаном он ходил два с половиной месяца, майором и того меньше — всего лишь месяц. За указанное время Денисов с поста командира отряда переместился на должность командира 142-й истребительной авиабригады, успев при этом отметить на эскадрилье и полку.

Звание Героя Денисов получил вскоре после возвращения из Испании (4 июня 1937 года). Затем он избирается депутатом Верховного Совета СССР первого созыва. В 1938 году командует 2-й авиационной армией особого назначения. В звании «комбриг» участвует в боях с японскими летчиками в районе реки Халхин-Гол, а в звании «комдив» принимает участие в советско-финляндской войне, командуя ВВС 7-й армии. За умелое руководство их боевыми действиями при прорыве линии Маннергейма награждается в марте 1940 года второй медалью «Золотая Звезда», став таким образом одним из пяти довоенных дважды Героев Советского Союза. Всего во время боев в Испании, на Халхин-Голе и в ходе финской кампании Денисов лично сбил 13 и в группе 6 самолетов противника. С апреля 1940 года он командует ВВС Закавказского военного округа, а с августа 1941 года — Качинским авиационным училищем, возглавлять которое всегда считалось в ВВС престижным.

Вполне закономерно, что такой молниеносный служебный взлет вскружил Денисову голову.. А тут еще всеобщие почести, приглашения в президиумы разнообразных собраний и совещаний. Он слывет заслуженным асом авиации. А как же иначе: побывал в Испании и Монголии, отмечен званием Героя Советского Союза. В конце концов Денисов и сам уверовал в свои исключительные качества и способности, перестав критически относиться к личным промахам и ошибкам. Одним словом, звездная болезнь во всех ее проявлениях была налицо. В мае 1940 года С.П. Денисов получает воинское звание генерал-лейтенанта авиации. Ему в то время исполнился только 31 год!..

Перед войной Сергей Прокофьевич долгое время ходил в любимчиках у Сталина и Ворошилова, с ним считались, к его советам прислушивались в наркоматах обороны и авиационной промышленности. Например, неплохо о нем отзывается в своих мемуарах выдающийся авиаконструктор А.С. Яковлев:

«Летом, в конце июля 1939 года, позвонил Сталин, поинтересовался, как идут дела с истребителем.

— У меня сейчас летчик Денисов, воевал в Испании и в Монголии, мажет дать полезные советы по вашей машине. Повидайтесь с ним.

Через полчаса в мой кабинет уже входил высокий, стройный брюнет в кителе с петлицами комбрига и Золотой Звездой Героя Советского Союза на груди.

Встреча с командиром группы истребителей И-16 в Испании Сергеем Прокофьевичем Денисовым оказалась действительно весьма интересной и полезной для меня, конструктора, не только потому, что он рассказал много интересного как очевидец и участник воздушных боев с немецкими и японскими летчиками, но также и потому, что он с исключительным знанием дела посвятил меня в сущность современной воздушной войны.

Мы долго с ним беседовали. Обсуждали сравнительные преимущества и недостатки немецких, японских и советских истребительных самолетов. Денисов высказал свой взгляд паролем авиации бомбардировочной и истребительной не только сегодня, но и завтра, если придется воевать. Говоря о тактике истребительной авиации, он отметил, что на И-16 мало сбивали истребителей противника из-за малого калибра и разноса установленных в крыльях пулеметов.

...Денисов еще в 1937 году, учитывая опыт первого периода гражданской войны в Испании, по личной инициативе написал докладную записку руководителям Военно-Воздушных Сил и авиапромышленности, но записку оставили без внимания, никаких мер принято не было, и спустя два года в боях на Халхин-Голе недостатки наших И-16 и «Чаяк» оставались прежними, в чем еще раз убедился Денисов. Тогда-то, вернувшись из Монголии, Сергей Прокофьевич и обратился к Сталину, который сразу же вызвал его к себе. Сталин очень рассердился, узнав от Денисова, что по его первой записке не было принято никаких мер. Он с большим вниманием выслушал Денисова и предложил все замечания изложить письменно и материал прислать ему.

Такую записку Денисов написал и вновь был принят Сталиным. На этот раз Сталин вызвал также наркома авиапромышленности М. М. Кагановича и дал нагоняй за равнодушное отношение к первым, двухгодичной давности, сигналам Денисова.

Каганович оправдывался, но спорить по специальным вопросам с таким знатоком, как Денисов, ему было не под силу...

Сущность критических замечаний Денисова заключалась в следующем:

Концепция деления истребителей на маневренные и скоростные порочна.

У наших истребителей должна быть радиосвязь.

Стрелковое вооружение, как по калибру, так и по размещению на самолете, неудовлетворительно.

Немецкие истребители превосходят советские как по скорости полета, так и по стрелково-пушечному вооружению.

В максимальной степени я постарался учесть замечания Денисова при работе над нашим первым истребителем»[\[245\]](#).

Начавшаяся война прервала восхождение, а точнее — вознесение Денисова к вершинам власти. Она оказалась весьма отличной от событий на Халхин-Голе и финской кампании, а потому Денисов никак не мог найти в ней своего места. К тому же он сильно пристрастился к выпивке в ущерб служебным обязанностям, постепенно теряя свой багаж классного летчика и авторитет командира-единоначальника. Об этом свидетельствуют строки аттестации за 1942 год. В ней непосредственный начальник Денисова — заместитель командующего ВВС Приволжского военного округа генерал-майор авиации Игнатов в числе крупных служебных недостатков отмечает невыполнение Качинским училищем плана подготовки пилотов, наличие в ней большого количества летных происшествий. В качестве причин недобора плановых показателей назывались: отсутствие четкой организации летной работы, низкий процент выхода на полеты запланированной материальной части (в среднем 65 — 70%), отсутствие необходимого количества горюче-смазочных материалов, несвоевременное поступление новой материальной части.

Вполне понятно, что многое здесь не зависело от личности начальника училища, особенно в плане своевременного поступления новой материальной части и горюче-смазочных материалов. Что же касается летных происшествий, то они были обусловлены прежде всего плохой организацией полетов и предполетной подготовки, слабым знанием соответствующих инструкций и наставлений по эксплуатации техники постоянным и переменным составом, отсутствием постоянной жесткой требовательности начальников к подчиненным, формальным проведением методических занятий. Устранение, притом в кратчайший срок, перечисленных негативных моментов вполне было по силам волевому начальнику училища. У Денисова же этого не случилось.

Неоднократные сигналы о неблагополучном состоянии летной работы в Качинской авиашколе вынудили руководство ВВС ПриВО летом и осенью 1942 года создать две специальные комиссии для ее комплексного обследования. Все недостатки, к сожалению, подтвердились, и начальник училища получил следующую оценку своей деятельности (не в пример предыдущим характеристикам):

«За период командования школой тов. Денисов показал себя недостаточно твердым и волевым командиром. В отдельных случаях проявлял малодушие и неумение решительно устранять недочеты в работе... Авторитетом как начальник школы пользовался мало. Лично летал редко и преимущественно на учебных самолетах старого типа. Злоупотребляет спиртными напитками, в силу чего по 2 — 3 дня не бывает на службе...»

По материалам названных комиссий командующий ВВС Красной Армии генерал А.А. Новиков 20 ноября 1942 года подписал приказ об освобождении С.П. Денисова от должности начальника училища, как не справившегося. Такая суровая встряска, по-видимому, нужна была ему. И она подействовала на дважды Героя отрезвляющим образом, заставив его определенным образом подтянуться, пересмотреть некоторые свои жизненные и военные установки. Хотя, надо и это признать, он так и не нашел сил избавиться от отдельных своих вредных привычек.

Несколько месяцев Сергей Прокофьевич находился в распоряжении Управления кадров ВВС Красной Армии. В феврале 1943 года, после его настойчивых просьб о направлении в действующую армию, Денисов назначается командиром 283-й истребительной авиационной дивизии, входившей в состав 16-й воздушной армии. Этой дивизией он командует ровно год. На первых порах Денисов старательно исполнял свои обязанности, организуя работу полков, внедряя новые тактические приемы воздушного боя. Под его руководством части дивизии в сражении под Орлом и Курском произвели 1400 боевых вылетов, провели 67 воздушных боев, сбив при этом 73 самолета противника, потеряв своих только 16 (соотношение 4:1).

За высокую боевую выучку и достигнутые боевые результаты один из полков дивизии получил звание гвардейского, а второй был награжден орденом Красного Знамени. Командарм генерал-лейтенант авиации О.И. Руденко, отмечая в боевой характеристике на Денисова все сказанное выше и констатируя его соответствие занимаемой должности, вместе с тем не скрыл и имеющихся недостатков, повторяющихся из года в год: чрезмерного увлечения спиртными напитками и отсутствия желания осваивать современные истребители.

Многие считают, что правду в стране стали говорить, да и то не в полной мере, только после XX съезда Коммунистической партии. Тем более писать ее в официальных документах: характеристиках, аттестациях и т.п. Это мнение является не совсем верным, слишком упрощенным и одномерным. А ведь реальная жизнь гораздо богаче всяких штампов. И богаче она прежде всего своими оттенками, полутонами, чередованием, а то и переплетением черного и белого. Известно, что даже сыну Иосифа Сталина — полковнику, а затем и генералу Василию Сталину некоторые из его начальников имели мужество в аттестациях и боевых характеристиках указывать на наличие крупных недостатков.

Денисов, не по своей воле, а по прихоти вождей вознесенный высоко, имел, как и любой другой военачальник, свои плюсы и минусы. В его личном деле находится много различных характеристик и аттестаций, причем некоторые из них весьма необъективны. Сразу бросается в глаза, что составлены они на потребу дня, ибо в них четко просматривается заданность, заказной характер. Большинство таких документов относится к периоду, когда Денисов был в фаворе у сильных мира сего — Сталина, Ворошилова и других руководителей. Вместе с тем в деле имеются и вполне объективные, правдивые аттестации, относящиеся к периоду, когда лимит доверия к нему иссяк, а его обещания устранить имеющиеся недостатки не подкреплялись практическими делами.

Один из таких документов, в аккумулятивном виде подводивший итоги служебной и боевой деятельности С.П. Денисова в годы войны, исполнен в конце апреля 1945 года. Читая его, еще раз невольно обращаешь к судьбе симоновского Козырева и его головокружительной карьере. На наш взгляд, данная аттестация, написанная начальником Управления формирования и военной подготовки ВВС Красной Армии генерал-майором авиации Волковым, является наиболее объективной из всех имеющихся в личном деле С.П. Денисова. Заметим только, что в данном управлении он работал с февраля 1944 года, занимая должность старшего помощника начальника 4-го отдела по тактической подготовке, что для генерал-лейтенанта и дважды Героя, вчерашнего начальника училища и командира дивизии, являлось значительным понижением. Однако все это стало закономерным следствием неизжитого пристрастия его к спиртному, за что от партийной комиссии 16-й воздушной армии он в 1943 году получил строгий выговор.

Приведем (с незначительными купюрами) сей интересный документ, дающий ответы на многие вопросы, возникающие при ознакомлении с судьбой одного из первых дважды Героев Советского Союза.

«Генерал-лейтенант авиации Денисов за время службы в ВВС Красной Армии работал, совершенствовался и рос как офицер с 1931 г, по 1938 г., когда он был курсантом летной школы, младшим и старшим летчиком, командиром звена и командиром эскадрильи. В тот период времени он работал хорошо и правдиво получал положительные аттестации и характеристики.

Прибытие Денисова из Испании было увенчано дачей ему непосильного по его подготовке и развитию большого военного звания и должностного поста.

При отсутствии у Денисова достаточной силы воли и при его слабых характеристиках, столь большое возвышение вскружило ему голову, он начал пьянствовать, несерьезно относиться к своим служебным обязанностям и личному усовершенствованию.

Необъективные аттестации и характеристики... позволили Денисову не работая получать повышения в должностях и звании. Это еще больше мутило голову Денисова и он, будучи на больших должностях, продолжал не лично работать и руководить, а «влиять» на нее большими своими званиями и созданным для него авторитетом. Вследствие этого тов. Денисов, не совершенствуясь лично, оказался с развитием и фактическим опытом командира эскадрильи в столь большом звании.

Генерал-лейтенант Денисов за бездеятельность и неспособность работать неоднократно снимался с занимаемых должностей, но каждый раз после этого Денисов обещал не пить и что он оправдает доверие. Учитывая это, тов. Денисову верили и снова давали ему ту или иную работу. Но проходило немного времени, как... Денисов снова повторял пьянки и не брался за работу и за учебу.

Генерал-лейтенант Денисов в Управлении формирования и боевой подготовки работал мало и без желаний, самостоятельно разрабатывать документы не умеет и желаний учиться этому делу не проявил. Периодически и в среднем раз в месяц запивал на срок от 3 до 5 дней.

Работой в Управлении тяготеет. Считает себя обязанным (видимо, это следует понимать как обделенным, обойденным вниманием. — Н. Ч.). Авторитетом среди офицеров Управления не пользуется. В партийной жизни пассивен. Партсобрания старается не посещать.

Вывод: 1. На работе в Управлении формирования и боевой подготовки оставлять нецелесообразно.

2. Еще раз и последний сделать попытку назначить в строй с предварительным вызовом на Военный совет»[\[246\]](#).

Вышестоящий авиационный начальник, не имея возражений против содержания этой аттестации, добавил от себя: «С выводом согласен. Тов. Денисов почти потерял волю над собой. Работать не хочет (в Управлении), не умеет думать, по-видимому, и не хочет думать и учиться...»[\[247\]](#)

Надо отдать должное наблюдательности и проницательности Константина Симонова, его исключительной способности из частных случаев делать широкие обобщения. Заболевший «испанской» темой еще до Великой Отечественной войны, он лично знал многих «испанцев» и неоднократно слушал их рассказы о далекой и жаркой стране. Будучи военным корреспондентом

на Халхин-Голе, Симонов имел возможность видеть их в боевой работе. Видимо, поэтому страницы его книг, посвященные «испанцам» и их делам, до сего времени читаются с неослабевающим вниманием.

Интерес Симонова к «испанской» теме объясняется еще и некоторыми его личными обстоятельствами. Дело в том, что накануне войны и в первые ее годы писательские и артистические круги столицы в своих кулуарах оживленно обсуждали перипетии любовных отношений между двумя восходящими «звездами» — поэтом и журналистом Симоновым и молодой, но уже знаменитой артисткой театра и кино Валентиной Серовой. Это ей Симонов посвятил многие свои фронтовые стихи, в том числе и широко известное стихотворение «Жди меня».

Валентина Серова являлась вдовой разбившегося в 1939 году начальника Главной летной инспекции ВВС РККА комбрига А.К. Серова, который так же, как и С.П. Денисов, очень быстро выдвинулся после возвращения из Испании. На должность главного инспектора ВВС он был назначен в июле 1938 года. До поездки в Испанию он служил командиром звена в отдельном истребительном авиаотряде НИИ ВВС Красной Армии. Уехав туда старшим лейтенантом, Серов после возвращения получает звание полковника, а еще через несколько месяцев — комбрига. Разбился Герой Советского Союза А.К. Серов (это звание он получил еще будучи в Испании) одновременно с другим Героем — майором Полиной Осипенко. Их и похоронили рядом в кремлевской стене.

То была мгновенная смерть, смерть в полете. А вот Сергей Прокофьевич Денисов умирал (как морально, так и физически) мучительно долго, причем моральная смерть наступила гораздо ранее физической. Блестяще начавшаяся его карьера по названным выше причинам так и не смогла наладиться должным образом. В нелюбимом им Управлении формирования Денисов находился до конца 1946 года, когда хорошо знавший его по предыдущей службе Главком ВВС маршал авиации К.А. Вершинин сделал еще одну попытку вернуть бывшего аса к активной работе в войсках. По его указанию на Денисова подготовили все необходимые документы для утверждения в ЦК ВКП(б) на должность командира 16-й гвардейской истребительной авиадивизии.

Однако назначение не состоялось. Видимо, это не позволили сделать сильно подмоченная репутация Денисова, а также его расстроенное здоровье. К тому же было достаточно и других претендентов на чисто генеральскую должность из числа более молодых и честолюбивых летчиков с блестящими аттестациями. Вместо дивизии Денисов попадает на авиационное отделение Академии Генерального штаба, где проучился всего лишь полгода. В ноябре 1947 года он в возрасте 38 лет по болезни увольняется в запас. Так несладко закончилась летная жизнь еще одного «испанца», выдвигенца 1937 — 1938 годов, покореженная жарким пламенем предвоенных лет. Как знать, ведь могла по-иному сложиться судьба этого, в общем-то незаурядного, человека и летчика, не окажись она причастной к событиям 1937 года — года излома советского общества сталинского типа.

Закончим тему о выдвигенцах 1937 — 1938 годов примерами из числа политработников — второй по величине (после командиров) категории командно-начальствующего состава РККА. Мы уже упоминали о непроизвольной реакции Ворошилова на совещании высшего политсостава (см. воспоминания А. А. Лобачева). И это удивлялся человек, который по долгу службы подписывал приказы о новых назначениях высшего эшелона армии и флота, кто лучше других должен был знать положение дел с кадрами в подчиненном ему ведомстве.

И в то же время было бы удивительно, если бы нарком не поразился. Еще бы — вчерашние помполиты полков становятся военкомаами корпусов. К примеру, батальонный комиссар А.Я. Фоминых идет с полка на 6-й кавалерийский корпус в июне 1938 года. А через четыре месяца он уже бригадный комиссар и член Военного совета Приволжского военного округа. Подобное произошло и с батальонным комиссаром И.З. Сусайковым — он летом 1938 года назначается членом Военного совета Орловского военного округа с одновременным присвоением звания «бригадный комиссар».

Батальонный комиссар (по современным понятиям — майор) А.С. Николаев после непродолжительного исполнения обязанностей начальника политотдела Академии Генерального штаба в июле 1938 года возглавил политическое управление 1-й Отдельной Краснознаменной армии, а спустя четыре месяца стал членом Военного совета крупнейшего в РККА Киевского военного округа, получив при этом соответственно воинское звание «дивизионный комиссар».

Если помполит полка становился военкомом корпуса, то вполне закономерно, что его командир мог претендовать на такой же уровень, то есть на корпус. И поднимались до него, причем в достаточном количестве. Так комбриг М.Т. Попов во второй половине 1937 года имел следующий послужной список: до середины июня — командир 31-го стрелкового полка, в конце сентября — командир 20-го стрелкового корпуса. Между этими двумя назначениями было еще трехмесячное командование 11-й стрелковой дивизией. Даже абсолютно несведущему в военном деле человеку становится понятно, что за три месяца новый командир дивизии в лучшем случае сможет только ознакомиться (более или менее детально) с подчиненными ему частями. А если учитывать несколько суток на прием должности, а затем на ее передачу, а также многочасовые сидения на различных совещаниях, собраниях, съездах и конференциях, то «учиться военному делу настоящим образом» было просто некогда такому командиру дивизии...

Назовем еще несколько выдвиженцев. Комбриг И.В. Простяков до середины июня 1937 года командовал 15-м стрелковым полком, затем полгода — 43-й стрелковой дивизией, а с декабря 1937 года он командир 9-го стрелкового корпуса. Не менее блестящую карьеру сделал и полковник В.З. Романовский, за десять месяцев (июнь 1937 — апрель 1938 г.) превратившись из командира 214-го стрелкового полка в заместителя командующего войсками ОКДВА — одного из крупных объединений Красной Армии.

Особо следует отметить, что все вышеперечисленные выдвиженцы от репрессий не пострадали, за исключением К.М. Гусева, И.И. Проскурова, Д.Г. Павлова, П.В. Рычагова и Я.В. Смушкевича, арестованных незадолго до начала и в первые месяцы войны с Германией. Все остальные продолжали службу в РККА на различных должностях. Об эффективности командования некоторыми из них мы смогли убедиться на примере С.П. Денисова. Вместе с тем было бы несправедливо обвинять всех выдвиженцев в неграмотном руководстве войсками. Мы уже отмечали успешное командование рядом армий генералом И.Т. Шлеминым. Такую же высокую оценку заслужили и другие командармы: генерал-полковники П.И. Батов, И.В. Болдин, М.И. Казаков, В.З. Романовский. Умело руководил штабами фронтов генерал-полковник М.В. Захаров, а генерал армии А.И. Антонов на завершающем периоде войны возглавлял Генеральный штаб Красной Армии.

Однако их становление как полководцев было бы гораздо более эффективным, если бы в 1937 — 1938 годах не нарушился нормальный процесс командирской учебы и планомерной кадровой подвижки, о чем достаточно подробно поведано выше.

Легенды и быль

Всесокрушающий каток репрессий неумолимо подминал под себя все новые и новые порции командно-начальствующего состава Красной Армии. В печати об этом, естественно, ничего не сообщалось, если не считать тщательно отредактированных материалов открытых судебных процессов да кратких отдельных заметок в разделе хроники под заголовком «В Прокуратуре СССР». Постепенно исчезали люди, известные всей стране, герои Гражданской войны, а также отличившиеся в боях на КВЖД, Хасане и Халхин-Голе. Не составляли исключения и герои-интернационалисты, побывавшие начиная с 1936 года в сражениях за Пиренеями — в республиканской Испании.

«Народ и армия — едины!» Этот лозунг-призыв не высосан из пальца, как это пытались представить некоторые средства массовой информации, разворачивая в конце 80-х и начале 90-х годов широкую антиармейскую кампанию, весьма уродливую по форме и злобную по содержанию. Что бы там ни говорили, но как в 30-е годы, так и в другие десятилетия жизни СССР армия являлась родным детищем советского народа. Народ действительно любил свою армию, он искренне гордился ее успехами в механизации и моторизации войск, в обучении и воспитании личного состава. Хотя, надо признать, определенная лакировка в освещении дел в Красной Армии советской печатью действительно имела место, но не секрет и то, что западные военные специалисты, отнюдь не пылавшие любовью к СССР и его Вооруженным Силам, тем не менее вынуждены, часто сквозь зубы, признавать наличие высокой боевой выучки родов войск РККА, крепкое морально-политическое единство ее личного состава.

Советский народ в самом деле любил свою армию! И это не удивительно, ибо в ее рядах проходили службу, учебу его родные сыны, молодежь — опора и надежда страны, тот человеческий материал, моральный и физический потенциал которого во много раз повышался за период своего пребывания в рядах РККА.

В поле особого внимания были люди, награжденные немногочисленными тогда орденами СССР, в первую очередь командиры и политработники, удостоенные ордена Красного Знамени. Среди них были такие, кто имел по два, три и даже четыре знака этого первого для Советской России ордена.

Представляют несомненный интерес наблюдения и размышления одного из типичных представителей советской интеллигенции двадцатых — тридцатых годов. «...Для моего поколения (я, конечно, говорю о том слое, представителем которого я был) такими живыми «богами» были... те, кто именовались героями гражданской войны. Удивительно, что, несмотря на наш искренний демократизм, мы никогда не подозревали в героизме рядовых участников гражданской войны. Нет, в героях у нас ходили только военачальники! Конечно, наше восхищение вызывал любой человек, у которого на гимнастерке, френче, толстовке, пиджаке был приколот орден Красного Знамени — очень редкая тогда награда. Но, вспоминая сейчас прошлое, я отчетливо понимаю, что в разряд героев у нас входили люди только от комбрига и выше. (То есть военные, на петлицах которых имелись знаки различия в виде разного количества ромбов. Комбриг носил на своих петлицах по одному ромбу. — Н. Ч.) Признание нами их божественной сущности было искренним...»[\[248\]](#)

О героях Гражданской войны слагали песни, снимали фильмы, писали книги. Стоит только вспомнить такие произведения, как «Чапаев» Дмитрия Фурманова, «Железный поток» Александра Серафимовича, «Конармия» Исаака Бабеля, «Марш Буденного» Дмитрия Покрасса...

Но «...почему они дали себя убить, не делая никакой попытки сопротивляться, просто сбежать, элементарно спасти свою жизнь? Неужели они не понимали, что их ждет? Конечно, известно, что существует обессиливающая атмосфера массового террора... Из всех легендарных героев, которых арестовывали молодчики, всегда имевшие дело с безоружными, охваченными отчаянием людьми, только у Гая взбрыкнул его армянский темперамент. Когда его, арестованного, везли в обычном поезде, он малость придушил одного конвойного и выпрыгнул из поезда. Конечно, его нашли со сломанной ногой и после быстрых традиционных процедур застрелили. Но все же он погиб не как овца, а как солдат»[\[249\]](#).

Спрашивается, а почему тогда не взбрыкивал этот самый неповторимый южный темперамент у других армян: армейского комиссара 2-го ранга Г.А. Осепяна, комкоров Г.Д. Хаханьяна, Г.К. Восканова, комдива А.Т. Атояна и других? Возможно, что времена настали другие: Гай был арестован в 1935 году, а тогда порядки в НКВД были намного проще, нежели два-три года спустя.

Действительно, почему же они не сопротивлялись? Почему так покорно шли в клетку на заклатие, уже имея достаточно полную картину судьбы их сослуживцев и предшественников по должности, арестованных органами НКВД несколько ранее? Неужели так и не находилось в среде военачальников лиц, способных к сопротивлению злу, к активному отстаиванию своей правоты и свободы? Конечно же были такие люди и среди высшего комначсостава. Были!.. И приведенный выше пример с поведением Гая (Г.Д. Бжишкянца) лишний раз подтверждает этот примечательный факт. Хотя надо отметить, что многие сведения о подобных случаях шли не из официальных источников и служебных инстанций, а из сферы народных легенд и лагерных баек. Так, например, среди новичков московских тюрем широкое хождение получил рассказ их старожил о мужественном поступке комдива Николая Ракитина, бывшего инспектора (начальника) физподготовки и спорта РККА, а до этого — командира 5-го мехкорпуса, который, не стерпев оскорблений со стороны следователя, так долбанул его не то пепельницей, не то кулаком, что представителю «лучшего в мире» правосудия пришлось в срочном порядке обращаться к врачебной помощи.

Из лагеря в лагерь, от этапа к этапу передавали, как эстафету, рассказы о мужестве непокоренных, не сломленных следователями особых отделов арестованных военачальников Красной Армии, готовых лучше принять смерть, нежели оклеветать себя и своих товарищей. В изложении бывшего зэка Н.И. Тохнира легенда о комкоре Е.И. Ковтюхе звучит следующим образом: «...Еще Ковтюх был, которого Серафимович в «Железном потоке» как Кожуха описал. Мне показали его на пересылке под Владивостоком. Он лежал, отказывался есть, ни с кем не разговаривал, гордый такой, видно, перестал хотеть жить...»[\[250\]](#)

Что касается чувства гордости и собственного достоинства, то тут, пожалуй, Тохнир прав: Ковтюху в этом не было равных в РККА, таких качеств ему не приходилось занимать. А еще сильной воли, способной противостоять мощи репрессивного аппарата НКВД. Епифан Ковтюх — один из немногих военачальников, которые, пройдя все круги ада допросов в Лефортовской тюрьме, так и не признали своей вины. Из комкоров в это число, помимо Ковтюха, входили еще Г.Д. Базилевич — секретарь комитета обороны при СНК СССР и И.И. Смолин — начальник Военно-инженерной академии имени В.В. Куйбышева.

Почти год ломали Ковтюха такие матерые специалисты пыточных дел, как Н.Г. Николаев, М.С. Ямницкий, В.М. Казакевич, но все их усилия были тщетны: «царицы доказательств» — написанного собственной рукой признания вины так и не появилось. Видимо, именно такая стойкость и мужество и породили в народной молве легенду, о которой выше шла речь. В одном

только бывший узник ГУЛАГа Тохнир ошибается — не мог Ковтюх быть на пересылке под Владивостоком. Чтобы такое случилось, надо было иметь от Военной коллегии или Особого совещания конкретный лагерный срок. Однако подобного снисхождения строптивому комкору высший орган советского военного правосудия, то есть Военная коллегия, дать не мог и он 29 июля 1938 года получил высшую меру наказания — расстрел. А посему абсолютно исключено его пребывание на берегу Тихого океана под Владивостоком. В частности, Ковтюха приговорили к смерти в один день с командармами И.П. Беловым, П.Е. Дыбенко, М.К. Левандовским, И.А. Халепским, А.И. Седякиным, комкорами М.Д. Великановым, И.К. Грязновым, С.Е. Грибовым, В.К. Лавровым, И.Ф. Ткачевым, В.В. Хрипиным. Для команды Ульриха это было очередное «списочное» дело, участь обвиняемых была решена заранее Сталиным и его окружением.

О том, что пришлось испытать Епифану Иовичу Ковтюху в ходе следствия, свидетельствуют бывший оперуполномоченный Особого отдела НКВД СССР Степанцев и начальник санитарной части Лефортовской тюрьмы А.А. Розенблюк. А допросов было много... О фальсификации материалов по делу Ковтюха говорит хотя бы такой факт: на допросы в Лефортовской тюрьме он следователями вызывался 69 раз, между тем как протоколов допросов в деле имеется только четыре.

Из заявления полковника запаса Степанцева, направленного в июле 1956 года в Главную военную прокуратуру:

«...Особенно потрясающе на меня подействовал следующий случай. Однажды, проходя по коридору Лефортовской тюрьмы, я около одной двери услышал страшный крик, там кого-то избивали. Когда я у дежурного поинтересовался, кто это, то под большим секретом мне сказали, что это допрашивают комкора Ковтюха. Я стал маячить по коридору и через некоторое время увидел, как из кабинета вывели всего избитого героя гражданской войны Ковтюха.

Видя его могучую и мужественную фигуру, зная его по документам истории гражданской войны и роману «Железный поток», я никак не мог допустить, чтобы он, Ковтюх, мог встать на путь измены своему народу, своей Родине...»[\[251\]](#)

В архивах бывшего КГБ СССР сохранилось письмо Е.И. Ковтюха, написанное им в Лефортовской тюрьме на имя Председателя ВЦИК М.И. Калинина. Оно лишний раз свидетельствует о том, что и могучий организм комкора имел свой запас прочности.

«...Обращаюсь к Вам как член ВЦИК и прошу на Президиуме разобрать мое катастрофическое, угрожающее моей жизни положение. Я — Ковтюх Е.И. — рабочий, коммунист с 1918 года (восемнадцатого), член ВВДК, член Военного совета, 20-й год добровольно служу в Красной Армии, комкор, награжден тремя орденами Красного Знамени, не судился, взысканий нет. Вот скоро 2 месяца я с больным сердцем, желудком и крайне психически расстроен, нахожусь в одиночке Лефортовской тюрьмы. За что погибаю и зачем такая жестокая расправа со мной — не знаю. Мне предъявили несколько необоснованных обвинений, фактов не сообщили, потому что их нет и не может быть. Я перед советской властью честно заявляю, что никогда не был и не буду преступником... Видимо, враги на меня наклеветали, им выгодно клеветать на меня, чтобы загубить жизнь нужного человека для Красной Армии... Мои боевые дела, как я дрался за советскую власть, Вам хорошо известны, о них знает весь народ нашей социалистической Родины. Я командарм того славного похода, который правдиво описал в своем «Железном потоке» А. Серафимович. Я тот Кожух, который с 60-ю тысячной массой бойцов, беженцев, их жен и детей, полураздетыми, полуголодными, недостаточно вооруженными совершили пятисотверстный

поход, перевалив через Кавказский хребет и вывел эту армию из вражеского окружения... Я хорошо представлял будущую войну Красной Армии с мировым фашизмом... К этой войне я серьезно готовился. Я имею боевой опыт двух войн, большой опыт боевой подготовки мирного времени, имею военно-научные и исторические труды... Поэтому прошу не верить клевете врагов на меня и не губить мою честную, до конца преданную компартии и советской власти жизнь. Повторяю, моя жизнь нужна для Красной Армии, для защиты нашего социалистического отечества от мирового фашизма. Мое здоровье, находясь в одиночке, о каждым часом ухудшается, болит сердце и желудок. Прошу принять соответствующее решение и освободить меня от незаслуженного тюремного заключения. Прошу передать мой искренний привет т. т. (товарищам. — Н.Ч.) Сталину, Ворошилову... Я со слезами заканчиваю и надеюсь, что Вы спасете мою жизнь.

Член ВЦИК Ковтюх Е. И.

Прошу прислать бумаги»[{252}](#).

Вот такое письмо, оно же и жалоба, оно же и заявление. В нем Ковтюх не проставил дату, но исходя из того, что в Лефортовскую тюрьму его поместили 16 августа 1937 года, можно уверенно датировать его октябрем-ноябрем того же года. Многое испытал Епифан Ковтюх в этой зловеще знаменитой тюрьме — и «удар зубодробительный», и «удар скуловорот», однако так и не признал себя виновным ни на предварительном следствии, ни тем более «а судебном заседании Военной коллегии. Так и ушел он, один из немногих советских военачальников высшего звена, из жизни непокоренным, с гордо поднятой головой.

Не мог народ мириться и с тем, что боевые командиры безропотно давали себя арестовывать, обыскивать, этапировать, оскорблять... В массовом сознании это было просто невыносимое преступление, кощунство, ибо герои народа несомненно обязаны яростно сопротивляться своему аресту, притом обязательно с оружием в руках. Видимо, именно на такой почве рождались легенды о мужестве и отваге героев Гражданской войны в борьбе с опричниками Ежова — Берия.

Подтверждением тому служит легенда, получившая хождение в бараках Устьвымлага. Там один ээк рассказывал, как при нем арестовывали комкора И.С. Кутякова, который в 1937 году, по словам рассказчика, командовал Приволжским военным округом (неточно — он был заместителем командующего этим округом. — Я. Ч.), а рассказчик в то время работал военным комендантом на маленькой станции. В изложении ээка события развивались следующим образом. Получив телеграмму о том, что с таким-то поездом едет в Москву командующий округом, комендант посмотрел расписание и увидел, что поезд приходит в час ночи и стоит три минуты. Но мало ли что! Вдруг командующий посмотрит в окно, выйдет на платформу?.. Старый служака вздохнул и решил остаться на ночь в своей конторке, окна которой выходили на перрон.

В поздний ночной час подошел поезд, комендант с удовольствием удостоверился, что в последнем вагоне — полубронированном вагоне командующего — темно, все спят и можно спокойно возвращаться. И в это время увидел, как к вагону подошла группа людей и сцепщик стал отцеплять последний вагон.

— Что, командующий здесь остается? — оторопело спросил комендант, подойдя к этим людям.

— А ну, пошел ты отсюда туда и туда, — вразумительно ответили ему.

И комендант сразу же понял, что происходит, ибо это было лето 37-го года и первичные основы грамотности уже спускались ниже наркомов, членов ЦК, командармов и комкоров. Военный комендант убежал в свою пристанционную комнатуху и стал из окна смотреть на дальнейшее.

Вагон отцепили, поезд тихонько свистнул и ушел. Группа людей, обвитых портупелями, обвешанных кобурами, поднялась по вагонной лесенке и начала стучаться. В вагоне зажегся свет, дверь открылась, и они зашли. Через некоторое время из вагона раздались общеупотребляемые крики гнева и возмущения, затем дверь открылась и ночные гости стали один за другим выпадать из вагона, подгоняемые пинками босой ноги. После того как мордой о перрон шлепнулся последний энкавэдэшник, в освещенном проеме показался командующий округом в подштанниках, с шашкой в руке. Потом дверь вагона захлопнулась...

«Проводившие операцию» отряхнулись и побежали на вокзал. Освещенный вагон стоял на главном пути, загораживая движение. Через какое-то время маневровый паровозик стал подходить к вагону, явно для того, чтобы увести его на дальние пристанционные пути. Но не успел он приблизиться к преступному вагону, как по нему раздалась пулеметная очередь. Вагон командующего был изготовлен для поездок на фронт, он был полубронирован, его площадки были полностью бронированы и имели пулеметы с боевым запасом... Не удалась попытка приблизиться к отстреливающемуся вагону и с другой стороны. Уже шел второй час неудачной «операции», движение по важной железнодорожной магистрали было приостановлено.

Комендант увидел новую попытку. Теперь к вагону шел только один человек. На нем отсутствовали кобура и ремни, в поднятой руке он нес белый платок — не было сомнений, что это парламентар. В вагон он был пущен. Через десять минут он вышел из вагона и почти бегом пошел к своим товарищам, ожидавшим его у входа в вокзал. Дальше случилось нечто совершенно неожиданное для военного коменданта: «они» все бросились в его контору.

— Давай, иди к командующему!

— Да я, да разве он меня...

— Давай, тебе говорят! Он тебя требует. Иди как положено!

Спорить не приходилось. Оцепеневший от страха комендант поправил гимнастерку и фуражку, принял уставно-молодцеватый вид и направился к вагону. Дверь в нем открылась, и он увидел Кутякова. Уже одетого, с прицепленной шашкой, с маузером в руке.

— Товарищ комкор, военный комендант станции по вашему приказанию прибыл. Докладываю...

— Ладно, ладно, давай без этих. Ты военный или же из этих б...?

— Я с восемнадцатого года, товарищ комкор...

— Где служил? В каких частях? В каких сражениях участвовал? Кто был командиром вашей армии и дивизии?

После того как Кутяков уверился, что комендант не «из этих», он ему сказал, чтобы он пошел на телеграф и по прямому проводу вызвал к аппарату Ворошилова... И чтобы задал ему сначала три вопроса. А затем доложил ситуацию и просил дальнейших указаний. Не дав ему задать вопрос, Кутяков устало сказал:

— Иди, иди — это они все сделают, вызовут... Твое дело задать вопросы и получить ответ. Ленту принесешь сюда.

«В три или четыре часа ночи к аппарату подошел народный комиссар и маршал. Не помню все три вопроса, которые мне пересказал бывший комендант. Помню только один: «Кто жена тетки?». Очевидно, Кутяков был лично дружен с Ворошиловым, у них были общие друзья, со своими домашними кличками, и на вопросы Кутякова мог ответить только сам Ворошилов. Друг Кутякова ответил на все три вопроса и дальше передал: «Приказываю сдаваться и ехать в Москву, где я во всем сам разберусь...»

— Пришел в вагон, отдал ему ленту, он одним духом ее прочитал и аж глаза закрыл... Тут я повернулся и убежал, даже не смог уйти, как положено по уставу... — закончил свой рассказ бывший комендант: немолодой, с дистрофически пухлым лицом, заросшим грязной, седой шерстью. Смерть уже витала над ним [{253}](#)...

Что можно сказать о содержании описанного эпизода? Прежде всего то, что Иван Семенович Кутяков здесь представлен в весьма окарикатуренном виде, таким сценическим героем, наподобие военных персонажей из конармейского цикла пьес И. Бабеля. В действительности же комкор Кутяков несколько не походил на портрет, нарисованный военным комендантом. Крестьянин по происхождению, он был достаточно тонкой натурой, начитанным и грамотным командиром РККА, не чуждым литературы и искусства. Несмотря на чрезвычайно хлопотную жизнь командира дивизии и корпуса, Кутяков все же смог найти время и написать несколько документально-художественных книг, получивших положительную оценку специалистов и массового читателя. Большинство из них так или иначе были связаны с именем В.И. Чапаева — его предшественника на посту начальника 25-й стрелковой дивизии в годы Гражданской войны.

Что же касается личной дружбы Кутякова с наркомом Ворошиловым, то это чистой воды вымысел. Хотя военная судьба весьма капризная дама, но и она за все годы Гражданской войны так и не свела близко этих двух людей. И это несмотря на то, что 25-я Чапаевская дивизия и 1-я Конная армия, где служил Ворошилов, длительное время соседствовали в боях с белополяками. Затем Кутяков становится слушателем Военной академии РККА, а Ворошилов — народным комиссаром и Председателем Реввоенсовета СССР. А это уже дистанция огромного размера, и поэтому никакой речи о личной дружбе не могло и быть. Познакомились же они, когда Кутяков после окончания академии стал командовать в БВО сначала дивизией, а затем корпусом на весьма редких тогда учениях и маневрах. И только приняв столичный 2-й стрелковый корпус, Иван Семенович по долгу службы стал более часто общаться с наркомом и его окружением.

Все современники Кутякова были единодушны в том, что по уровню своей подготовки и командирской зрелости он был вполне подготовлен к руководству войсками округа. Однако, как он не раз справедливо высказывался в частных беседах, нарком его «затирал», держал в черном теле на вторых ролях. Вот тебе и «друг»! Вот тебе и знание секретных домашних кличек!

Сюда надо добавить и еще одно важное обстоятельство. Из материалов реабилитации И.С. Кутякова известно, что при его аресте 15 мая 1937 года у него, наряду с другими документами и наградами, был изъят личный дневник, который он вел в течение нескольких лет. В нем Кутяков неоднократно допускал резкие выпады против вождей партии и правительства, руководства Красной Армии и лично против наркома К.Е. Ворошилова. В этом дневнике также нашли отражение мысли и мнения Кутякова, часто негативного плана, которые он поведал бумаге после заседаний Военного совета при наркоме обороны, а также после сессий ВЦИК, членом которых он

состоял до дня своего ареста. Его резкие выступления в этих органах, принципиальная критика имеющихся недостатков не раз вызывали недовольство у Ворошилова, являясь поводом для ответной критики и соответствующих «оргвыводов».

«Затирали» не одного только Кутякова. Были недовольны своим прохождением службы также комкоры М.Д. Великанов, Е.И. Ковтюх, В.М. Примаков, Л.Я. Угрюмов, К.А. Чайковский, комдив М.Г. Ефремов и другие. Свидетельствует комдив М.М. Ольшанский, заместитель начальника Автобронетанкового управления РККА: «Помню, во время пленума РВС СССР в 1934 году Кутяков, Ефремов (командир XII корпуса) и Ковтюх — армейский инспектор БВО (неточно — Ковтюх в это время был командиром XI стрелкового корпуса в том же округе. — Н. Ч.), сидя в кулуарах, вели какой-то разговор. Проходя мимо, я спросил: «Что это вы тут устроили особую фракцию?», на что Кутяков ответил: «Знаешь, мы, старые боевые командиры, теперь не в почете...»

Сказанное выше дополним еще несколькими штрихами, существенно дополняющими характеристику взаимоотношений Кутякова с Ворошиловым и Сталиным. Как отмечалось ранее, Кутяков был не лишен писательского дара. Помимо книг о Чапаеве и чапаевцах, он в 1935 году написал еще одну, озаглавив ее «Киевские Канны», где, разбирая достаточно подробно операции Юго-Западного фронта против белополяков, вскрыл существенные недостатки в управлении войсками со стороны командования фронта и 1-й Конной армии, то есть со стороны Сталина, А.И. Егорова, Ворошилова, Буденного. В книге Кутяковым дана объективная оценка боевых действий этого фронта, за что он не замедлил подвергнуться очередной травле.

Как оценил эту книгу Сталин, известно из его выступления на заседании Военного совета при наркомате обороны в начале июня 1937 года. Он, зная об аресте автора, подверг ее жесточайшей критике, сославшись при этом на мнение военных ученых. А вспомнил Сталин о Кутякове тогда, когда заговорил о необходимости усиления контроля за военной прессой.

«...Не обращалось также должного внимания на органы печати Военведа. Я кое-какие журналы читаю, появляются иногда очень сомнительные такие штуки. Имейте в виду, что молодежь наша военная читает журналы и по серьезному понимает. Для нас, может быть, это не совсем серьезная вещь — журналы, а молодежь смотрит на это дело свято, она читает и хочет учиться...»

Вот такой инцидент, такой случай был. Прислал Кутяков свою брошюру, не печатают. Я на основании своего опыта и прочего и прочего знаю, что раз человек пишет, командир, бывший партизан, нужно обратить на него внимание. Я не знаю, хороший ли он или плохой, но что он путаный, это я знал. Я ему написал, что это дело не выйдет, не годится... Объяснили ему очень спокойно, он доволен остался. Затем второе письмо — затирают меня. Книгу я написал насчет опыта советско-польской войны... «Киевские Канны» о 1920 годе. И они не печатают. Прочти. Я очень занят, спросил военных. Говорят, дрянная. Клима спросил — дрянная штука. Прочитал все-таки. Действительно дрянная штука. Воспеваает чрезвычайно польское командование, чернит чрезмерно наше общее командование. И я вижу, что весь прицел в брошюре состоит в том, чтобы разоблачить конную армию, которая там решала дело тогда... Печатается брошюра, где запятнали наших командиров, до небес возвели командование Польши. Цель брошюры развенчать конную армию. Я знаю, что без нее ни один серьезный вопрос не разрешался на Юго-Западном фронте. Что он свою 25-ю дивизию восхвалял, ну, бог с ним, это простительно, но что польское командование возводил до небес незаслуженно, что он в грязь растоптал наше командование, что он конную армию хочет развенчать — это неправильно...»[\[254\]](#)

Защитить как свое честное имя, так и родное детище, критикуемое Сталиным в самой оскорбительной форме, Иван Кутяков не мог по не зависящим от него обстоятельствам: в середине мая 1937 года он был арестован в Куйбышеве и препровожден там же в тюрьму. Предчувствие надвигающейся расправы над ним не покидало Кутякова с 1936 года. Так он помечал в своем дневнике:

«26 октября 1936 г. Самара. Мои «Канны 1920 г.» есть петля на моей шее, они загубят при первом удобном случае. Значит, к этому нужно быть готовым...

15 марта 1937 г. Куйбышев. Пока «железный» (т.е. Ворошилов. — Н.Ч.)' будет стоять во главе, до тех пор будет бестолковщина, подхалимство и все тупое будет в почете, все умное будет унижаться. «Канны» написаны моей кровью, потом и всем сердцем, несмотря на это, они мне как в прошлом, так и теперь, кроме страшного несчастья, ничего не дали и не дают. Одно меня успокаивает, это то, что в будущем, может быть даже далеко, они увековечат мое доброе имя»[\[255\]](#).

Напомним, что последние строки были написаны Кутяковым ровно за два месяца до его ареста. Предчувствия, как видно, не обманули опального комкора. Поплатился за свою положительную рецензию на «Киевские Канны» (в виде предисловия) и другой видный советский военачальник — командарм 2-го ранга А.И. Седякин. Он высоко оценил книгу Кутякова, назвав ее правдивой и поучительной, чем вызвал большой гнев Сталина. В своем выступлении 2 июня тот поспешил объявить это предисловие сомнительным и даже подозрительным, а его автора, то есть Седякина, — близоруким в политическом и военном отношении.

Возвращаясь к рассказу военного коменданта об аресте комкора Кутякова, добавим, что не мог он и вызывать Ворошилова к прямому проводу в три-четыре часа ночи. Такое совершенно исключено даже по чисто техническим причинам. А также не мог он и разъезжать в вагоне с пушками и пулеметами по центральной железнодорожной магистрали в 1937 году, когда энкавэдэшники усиленно выискивали в стране (и в армии тоже) шпионов, вредителей, диверсантов и террористов. Не будем забывать и того, что Кутяков был арестован в Куйбышеве, а не в каком-то ином месте, а также и того, что все описанное происходило после знаменитого открытого процесса над зиновьевцами. Одним словом, в уста заключенного, бывшего военного коменданта небольшой станции в Поволжье, народная молва вложила все то, о чем, видимо, не единожды говорилось в тесных и темных бараках в короткие минуты отдыха, особенно когда производ лагерной администрации доходил до предела, а конец срока заключения был далеко за горизонтом. Нередко все это распространялось шепотом, с опаской, но с большой жадой увидеть претворение желаемого в реальную действительность. Говорилось о том не только в лагерях, за колючей проволокой, но и на воле, если действительность тех лет можно называть свободой.

И еще одна легенда, исключительно яркая по своей правдоподобности и трагизму. Речь идет об истории, изложенной писателем Г. Шелестом в его рассказе «Колымские самородки». И касается она личности бывшего командующего Северным флотом флагмана 1-го ранга Душенова Константина Ивановича. Рассказ начинается так:

«На Колыме мы звеньями мыли золото. За сто процентов добычи давали восемьсот граммов хлеба, три раза затируху и раз овсяную кашу. День ото дня мы тоньшили так, что кости выпирали, но добывать это проклятущее золото было надо...

В звене нас было четверо: Костя Душенов, Самуил Гендаль, Ефим Голубев и я. Все мы были коммунистами, и сорок второй год давил нас своей безысходностью. Немцы стояли под Москвой, и мы со страхом гадали: возьмут или не возьмут ее и, если возьмут, что тогда будет с нами?..»

Далее все происходило следующим образом. Промывая на лотке мерзлый колымский грунт, бригада совершенно неожиданно для себя нашла крупный самородок золота. Стали решать — что же делать с ним. Дело в том, что подобные бригады заключенных в пределах зоны работали на значительном расстоянии друг от друга и достаточно далеко от конвоя.

« — Килограмма полтора! Что будем делать дальше? Сдавать? — спросил Душенов.

Мы задумались.

Что же все-таки делать с этим самородком? Сдавать или не сдавать? Запрятать, — а мы умели прятать так, что сам сатана не найдет, — и ежедневно делать только норму? Появится хлеб, махорка, можно даже достать чаю, газету трехмесячной давности, мыло. А на работе волынить. Соблазнительно! Если с умом все делать, можно легко прожить.

— Чего молчите? — спрашивает Душенов и тихо продолжает: — Может быть, мое мнение пойдет вразрез с вашим, но, по-моему, самородок надо сдать. Сдать! И вот почему. Я коммунист, коммунистами считаете и вы себя. Ильич говорил: марксист должен учитывать живую жизнь, точные факты действительности. Понимаете, что это значит? Учитывать точные факты действительности. Там идет война. Чьей-то злой волей нас обвинили, оболгали и запрятали сюда искать самородки! Но там война! Надо помогать. Что бы с нами ни было...

Горел костер, пожирая сухие сосновые и еловые сучья, потрескивая и искря.

Привезли обед. Душенов и Голубев сходили за баландой и кашей. Мы пообедали.

Самородок лежал на синей тряпице, и мы старались на него не глядеть. Первым зафилософствовал Голубев:

— Вроде камень, а смотри, какое через него напряжение у нас...

Гендаль сморщился:

— Я за то, чтобы сдать. Из-за войны только. А если бы ее не было, был бы против. Давай неси его к начальству!

— А вы как? — спросил Душенов у меня и Голубева.

— Сдать, — сказал я.

А Голубев добавил:

— Нехай им Гитлер подавится. Жили без самородков, проживем еще...

Душенов встал и снял шапку. Белая голова, словно припорошенная пеплом, склонилась над нами.

— Как член Общества старых большевиков, от имени партии благодарю вас, товарищи, за помощь советскому народу в трудные дни.

Гендаль что-то хотел сказать, но только разинул рот и ничего не сказал.

— Объявляй, в час добрый... — проговорил Голубев. — Может, придет время — поблагодарят нас...»

За найденный и сданный в фонд обороны самородок лагерное начальство поощрило членов бригады Душенова следующим образом: они получили сытный обед из столовой вольнонаемного состава и по две осьмушки махорки на каждого. А спустя неделю, по свидетельству Г. Шелеста, К.И. Душенов умер от физического истощения в лагерном лазарете.

Вполне допускаем, что на бескрайних снежных просторах Колымы зимой 1942 года в действительности и произошла такая история с кем-то из заключенных, обвиненных и осужденных на длительный срок по печально известной 58-й статье. Также возможно, что подобное повторилось не единожды. В каких-то отдельных проявлениях данная история могла иметь различия, но несомненно одно, что степень ее достоверности достаточно велика. Автор верно ухватил главное в психологии истинных большевиков-ленинцев: их полную самоотдачу, бескорыстное самопожертвование во имя того дела, которому они присягнули. Но к флагману Душенову описанный выше случай не имеет ровно никакого отношения, ибо он на Колыме никогда не был и золото там нигде не копал. Он даже не дожил до начала войны.

Исследователь П. Галков, изучавший жизнь и деятельность К.И. Душенова, отвечая автору этих строк по поводу приведенного выше эпизода, сообщил: «У Шелеста есть два рассказа о К.И. Душенове, но... оба они вымысел писателя»[\[256\]](#).

Будучи арестован в мае 1938 года, Душенов после двух лет следствия был осужден 3 февраля 1940 года Военной коллегией к расстрелу. На следующий день после суда приговор был приведен в исполнение. Относительно же того, как поступил бы реальный Душенов в изложенной ситуации, можно не сомневаться, что он действовал бы точно так, как и герой рассказа Г. Шелеста, носивший ту же фамилию.

Легенда легенде рознь... Рассказанные выше рождались и курсировали в особой лагерной среде, вызывая у одних эков зависть и восхищение, у других — злобу и ненависть. И речь в них шла о лицах, арестованных органами НКВД, осужденных советским правосудием к высшей мере наказания или же к длительному лишению свободы. Словом, разговор шел о своем брате-арестанте, подследственном, то есть о з/к. Вместе с тем существовала легенда и несколько другого плана — о попытке ареста С.М. Буденного. Эта «байка» родилась и тиражировалась в совершенно ином общественном слое — в кругу высшего армейского света, в среде жен московской военной элиты. О ней поведала Лариса Васильева в своей книге «Кремлевские жены».

Теперь известно, что и над головой Буденного в 1937 — 1938 годах сгущались темные тучи, несмотря на многолетнюю симпатию к нему со стороны Сталина. Ареста в те годы ему можно было ожидать (и он ожидал) практически в любой день, ибо следователи Особого отдела ГУГБ сумели выбить показания на него, как на активного участника военно-фашистского заговора, от доброго десятка арестованных в разное время командиров и политработников Красной Армии.

Итак, что же случилось с Буденным? Легенда гласит, что, когда сотрудники НКВД прибыли на подмосковную дачу его арестовывать, Семен Михайлович, заметив непрошенных гостей, огнем из пулемета, установленного в окне дачи, не допустил их в дом, заставив сначала залечь, а затем и отступить. Воспользовавшись наступившей паузой, Буденный бросился к телефону и позвонил Сталину. У них якобы состоялся такой разговор:

— Иосиф Виссарионович! Контрреволюция! Меня брать пришли! Живым не сдамся!

Сталин в ответ расхохотался и приказал Ежову (или Берия):

— Оставьте этого дурака в покое, он не опасен^[257].

Вот такую историю рассказывали где шепотом, а где и громко в околосмоленских кругах в конце 30-х и 40-х годов. Конечно, ничего подобного на самом деле не было и в помине, однако кому-то показалось выгодным представить маршала, случайно оставшегося в живых после кровавых событий 1937 — 1938 годов, таким вот недотепой, полуграмотным недоумком, совершенно не соответствующим его высокому воинскому званию. Известно, что часть подобных пасквилей исходила от родственников осужденных военачальников, которым было горестно и обидно носить позорное клеймо членов семьи изменника Родины, в то время как другой такой же военачальник был жив и невредим, получая все блага от государства. Видимо, присутствовала здесь и прямая зависть: «Почему он на свободе, а мой (муж, отец, брат) в тюрьме (лагере)?» Хотя, как мы уже показывали, шансы попасть в тюрьму в качестве участника военного заговора у Буденного были точно такие же, как и у других военачальников Красной Армии.

Заговорщики в Кремле

В длинном ряду политических процессов в СССР двадцатых и тридцатых годов «кремлевское дело» занимает достаточно скромное место. Оно далеко не чета таким нашумевшим на весь Союз, как «Шахтинское» или дело Промпартии, не говоря уже о получивших широкий резонанс в мире — «Объединенном троцкистско-зиновьевском центре» (1936), «Параллельном антисоветском троцкистском центре» (1937) и «Правотроцкистском блоке» (1938). Даже по «калибру» должностей обвиняемых это дело разительно отличается от всех предыдущих и последующих — там слишком много рядовых сотрудников типа телефонистки, уборщицы, швейцара, библиотекаря и совсем мало видных деятелей партии, правительства и государства. И тем не менее оно занимает свое прочное место в обиходе политического насилия в стране в эпоху безудержного насаждения культа личности Сталина, являясь дополнительным свидетельством разгула репрессий со стороны ВКП(б) и подвластных ей карательных органов (ОГПУ, НКВД).

Так называемое «кремлевское дело» возникло в начале 1935 года как прямое продолжение сталинской политики репрессий после убийства С.М. Кирова. Поводом же для его возникновения послужило «разоблачение» якобы существовавшего в Кремле заговора ряда служащих и работников его комендатуры, которые, по данным НКВД, готовили покушение на Сталина.

В этой связи на июльском (1935) Пленуме ЦК ВКП(б) был заслушан доклад секретаря ЦК Н.И. Ежова «О служебном аппарате Секретариата ЦИК Союза ССР и товарище А. Енукидзе». Ежов, куратор правоохранительных органов, сообщил ошеломленным членам Центрального Комитета партии о раскрытии заговора сотрудников кремлевских учреждений. Он безапелляционно заявил, что из-за халатного отношения к работе секретаря ЦИК СССР Авеля Енукидзе, в ведении которого находился аппарат Кремля, на его территории была создана целая сеть террористических групп. Ежов (а он, разумеется, пел с голоса Сталина) обвинил Енукидзе в «преступном попустительстве» заговорщикам, а также в политическом и бытовом разложении.

В качестве главного организатора, террористической сети на территории Кремля объявлялся Л.Б. Каменев, к тому времени отбывавший наказание в связи с осуждением его в январе 1935 года по делу «Московского центра». С целью придания «кремлевскому делу» ярко выраженной политической окраски оно ведомством Ягоды увязывается с именами Троцкого, Зиновьева, с

меньшевиками, монархистами, белогвардейцами, русскими эмигрантами и иностранными разведками. Но сделано это было довольно грубо. По первоначальному замыслу это дело планировалось подать более крупно, нежели оно получилось в финале^[258].

В ходе расследования состав группы обвиняемых быстро расширяется. В сетях НКВД оказываются родственники, друзья, знакомые арестованных и даже совершенно случайные лица, имевшие несчастье когда-то встретиться с ними. Сотни человек прошли через камеры предварительного заключения, из них 110 остались там в качестве обвиняемых. В их число в первую очередь были включены военнослужащие — работники комендатуры Кремля и сотрудники Разведуправления РККА, а также слушатели военных академий. Затем шли конструкторы закрытых НИИ, редакторы периодических изданий и сотрудники правительственной библиотеки. Наряду с ними участниками заговора объявлялись также многочисленные сотрудники обслуживающего персонала Московского Кремля — кладовщики и снабженцы, телефонистки и плотники, закройщики и швейцары.

Каких-либо существенных фактов о наличии такой «преступной сети» на территории Кремля и причастности к ее существованию А.С. Енукидзе, Л.Б. Каменева и других лидеров оппозиции, кроме нескольких противоречивых и бездоказательных выдержек из показаний арестованных по этому делу лиц, на пленуме ЦК приведено не было. Однако, несмотря на явную абсурдность обвинений, пленум постановил вывести А.С. Енукидзе из состава ЦК ВКП(б) с исключением его из рядов партии^[259].

Авель Енукидзе, член партии с 1898 года, еще совсем недавно связанный личными дружескими отношениями со Сталиным, был одним из весьма немногих в высшем эшелоне власти, кто в те времена осмеливался, пользуясь своим служебным положением, оказывать протекцию лицам непролетарского происхождения. С его ведома и согласия в некоторых кремлевских учреждениях работали специалисты, в том числе и несколько женщин, являвшиеся выходцами из дворян. Обвинение его в бытовом разложении подразумевало ни много ни мало, как повышенное внимание к молоденьким артисткам балета. И обвинять в этом закоренелого холостяка Енукидзе было по крайней мере ханжеством и лицемерием.

На освободившуюся после Авеля Енукидзе должность вскоре был избран Иван Акулов, работавший до того Прокурором СССР. Последнюю же занял человек, известный в советской юстиции, — Андрей Вышинский, которому суждено войти в историю как талантливому пособнику фальсификаторов следственных материалов и организаторов показательных процессов второй половины 30-х годов. Его имя еще не раз прозвучит по ходу нашего повествования и каждый раз в негативном плане.

Как отмечалось, в состав названной выше контрреволюционной террористической организации входили и несколько работников комендатуры Московского Кремля. В их числе секретарь для поручений А.И. Синелобов, два дежурных помощника коменданта, а также комендант Большого Кремлевского дворца и начальник административно-хозяйственного отдела. В частности, Синелобов якобы должен был обеспечить оружием Н.А. Розенфельд (бывшую жену брата Л.Б. Каменева, старшего библиотекаря кремлевской библиотеки) для совершения теракта. Он же, Синелобов, намечался как один из исполнителей убийства Сталина. Военная коллегия Верховного суда СССР 27 июля 1935 года из 110 человек, обвиняемых к смертной казни, приговорила только двух человек — А.И. Синелобова и М.К. Чернявского, бывшего начальника одного из отделений Разведуправления РККА. Остальные получили различные сроки лишения свободы — от двух до десяти лет. Несколько человек были направлены в ссылку^[260].

После таких тяжких обвинений в адрес комендатуры Кремля, ареста и заключения в тюрьму части ее работников коменданту Кремля Р. А. Петерсону далее оставаться в этой должности было просто невозможно. Данный пост Рудольф Августович занимал ровно пятнадцать лет, начав службу в РККА в качестве начальника связи, командира сводного отряда и начальника специального поезда Председателя Реввоенсовета Л.Д- Троцкого, Теперь же с Кремлем приходилось расставаться и расставаться безвозвратно. Хорошо еще, что из армии не уволили, что в число обвиняемых не попал и вообще легко отделался — только выговором по партийной линии («за притупление классово-бдительности») и освобождением от должности. Произошло это в апреле 1935 года. В проекте приказа по личному составу армии № 1164 от 10 апреля 1935 года предусматривалось направление Р. А. Петерсона слушателем Особого факультета Военной академии имени М.В. Фрунзе, однако рукой наркома эта формулировка была изменена — Ворошилов зачислил его в свое распоряжение.

А ведь ничего, казалось бы, не предвещало подобной развязки. В этом убеждаешься, знакомясь с личным делом Петерсона, читая находящиеся там аттестационные материалы. Вот, например, что отмечает командующий войсками Московского военного округа Г.Д. Базилевич в аттестации за 1926 год: «Сложнейшие задачи, лежащие на коменданте Кремля по охране правительства, наблюдению за боеспособностью школы ВЦИК, и руководство всей хозяйственной жизнью Кремля требуют исключительного напряжения всех сил, громадных практических навыков, знания жизни и умения быстро и четко разрешать целый ряд сложных вопросов и требований. Работа т. Петерсона отмечается всеми, сталкивающимися с ним в деловой обстановке, как безупречная...В своей работе незаменим»[\[261\]](#).

Последние слова следовало бы сделать выводом из всего содержания аттестации. Хотя в подлиннике записаны слова гораздо более скромные: «Занимаемой должности вполне соответствует».

Примерно такую же оценку Петерсону дает руководство столичного военного округа и в последующие годы. Так в аттестации за 1931 год командующий А.И. Корк и член РВС Г.И. Векличев сочли возможным отметить следующее: «Организация и выполнение охраны Кремля находятся в отличном состоянии. Служба по охране съездов, проводимых в Большом театре, также протекает хорошо. Надлежащая постановка этого дела является заслугой тов. Петерсона. В своей работе проявляет много предусмотрительности, вдумчивости, инициативы и энергии...»[\[262\]](#)

Нам интересно, о чем гласит последняя аттестация (1934): «Тов. Петерсон по-прежнему отлично справляется со своей работой. Охрана Кремля в порядке. Выполнил огромную работу по перестройке Кремлевского дворца; эта работа правительством оценена — тов. Петерсон награжден орденом Ленина. Все задачи, которые ложились на тов. Петерсона в связи с воинскими парадами и демонстрациями, выполнял исключительно аккуратно и с большой предусмотрительностью до мельчайших деталей...»[\[263\]](#)

Видимо, Петерсон не раз просил свое начальство отпустить его на работу в войска. А оно, считая Рудольфа Августовича хорошим хозяйственником, сделало соответствующий вывод: «По войсковой линии может быть назначен на должность помощника комвойск округа по материальному обеспечению».

Людей Кремля, в одночасье попавших в опалу, на местах под различными предложениями на ответственные посты старались не брать. И Петерсон посчитал везением, когда командующий войсками Киевского военного округа командарм И.Э.Якир дал согласие взять его к себе

помощником по материальному обеспечению, что вполне можно считать реализацией вывода последней аттестации. Осенью того же года Петерсон получит наряду с другими воинское звание «дивинтендант».

Арестовали Петерсона в 1937 году одним из первых в руководстве округа — 27 апреля. Видимо, показаний на него со стороны участников различных «блоков» и «центров» оказалось предостаточно — уже через четыре месяца (21 августа) Военная коллегия приговаривает его к расстрелу.

Встал вопрос о подборе достойной замены Р.А. Петерсону. Учитывая ключевое значение должности коменданта Кремля, за нее в 1935 году упорно боролись два могущественных ведомства — наркомат обороны и НКВД — каждое из них хотело видеть в этом кресле только своего представителя. Вопрос решался на самом высшем уровне. Ворошилов, опытный царедворец, употребил все свое влияние члена Политбюро, чтобы протолкнуть своего кандидата. А такой человек у него был — военный комендант Москвы Петр Пахомович Ткалун, неплохо руководивший этим беспокойным хозяйством с 1926 года. Образцовый порядок в столице во время проведения массовых политических мероприятий (манifestации в честь съездов ВКП(б) и Советов, военные парады, похороны С.М. Кирова, встреча челюскинцев и т.д.) снискали ему славу опытного организатора, получившего одобрение со стороны высшего военного и политического руководства, в том числе Сталина. За эти заслуги на груди у Ткалуна к ордену Красного Знамени прибавляется еще один — Красной Звезды.

Итак, усилия наркома НКВД Г.Г. Ягоды не принесли ему успеха и комендантом Кремля решено было назначить П.П. Ткалуна. А чтобы хоть как-то снять напряжение, возникшее между двумя наркомами, пошли на компромисс: заместителем к Петру Пахомовичу пошел С.И. Кондратьев, чекист с большим стажем, до того командовавший дивизией особого назначения имени Ф.Э. Дзержинского.

Обратимся к послужному списку комдива П.П. Ткалуна. Из него видно, что вся его предыдущая деятельность (трудовая, командная и партийно-политическая) как нельзя лучше способствовала формированию качеств, необходимых для исполнения обязанностей главного стража высшего руководства партии и государства. Единственное, что его всегда смущало при заполнении различных партийных и служебных анкет, это то, что родился он в семье жандарма. Правда, жандарма железнодорожного, к тому же умершего, когда сыну едва исполнилось десять лет.

Окончив двухклассное железнодорожное училище на станции Ромодан, что недалеко от Полтавы, Петр Ткалун поступил в Сорочинскую учительскую семинарию. После нее он около года работает народным учителем. Вскоре его призывают в царскую армию и, как имеющего законченное среднее образование, направляют на учебу в Виленское военное училище. Ускоренный выпуск (учились всего полгода) состоялся в декабре 1916 года. Далее прапорщик Ткалун служит на офицерских должностях: командиром взвода 202-го пехотного запасного (г. Кострома) и 287-го армейского полка Юго-Западного фронта, где он избирается председателем солдатского комитета. Октябрьскую революцию встретил в Москве, где его вскоре назначили комендантом бывших дворянских учреждений и заместителем комиссара по ликвидации этих учреждений.

Служба в Красной Армии:

Август 1918г. — январь 1919г. — заместитель военкома и военком управления военных сообщений (ВОСО) Южного фронта.

Январь — апрель 1919 г. — военком управления ВОСО и заместитель начальника политуправления Украинского фронта.

Апрель — август 1919г. — член РВС 1-й Украинской советской армии Украинского фронта.

Август 1919г. — март 1920 г. — военком 44-й стрелковой дивизии, командир 2-й бригады 58-й стрелковой дивизии.

Март — май 1920 г. — председатель военно-политической комиссии 12-й армии, военком 2-й галицийской бригады, в плену у галичан и поляков.

Май — сентябрь 1920 г. — военком 25-й Чапаевской стрелковой дивизии.

Сентябрь 1920 г. — январь 1921 г. — военком штаба, член РВС 12-й армии.

Январь — июнь 1921 г. — военком штаба, заместитель начальника политуправления Киевского военного округа.

Июнь — декабрь 1921 г. — начальник и военком Киевской школы червонных старшин.

Декабрь 1921 г. — сентябрь 1924 г. — начальник и военком Харьковской школы червонных старшин.

Сентябрь 1924 г. — декабрь 1926 г. — начальник и военком Объединенной школы красных коммунаров.

Декабрь 1926 г. — ноябрь 1929 г. — комендант г. Москвы.

Ноябрь 1929 г. — октябрь 1930 г. — председатель оружейно-арсенального треста ВСНХ.

Октябрь 1930 г. — апрель 1935 г. — комендант г. Москвы.

Апрель 1935. г. — сентябрь 1937г. — комендант Московского Кремля^[264].

Арестовали Ткалуна 8 января 1938 года. После процесса Тухачевского (от члена Специального судебного присутствия командарма 1-го ранга И.П. Белова Ткалун знал о содержании показаний, прозвучавших там) прошло почти шесть месяцев и за это страшное время, ежедневно теряя боевых друзей и старых сослуживцев, Петр Пахомович не раз имел возможность поразмышлять о многом. В том числе и о собственной участи, о линии своего поведения в случае ареста и предъявления политических обвинений. Так это было или нет, но остается фактом — на другой день после ареста из-под его пера выходит содержательный документ, сильно смахивающий на обвинительное заключение, написанное в стиле сотрудников ГУГБ.

«Народному Комиссару Внутренних. Дел Генеральному Комиссару Государственной Безопасности Н.И. Ежову Арестованного П. П. Ткалуна

Заявление

Приступая к изложению своего участия в антисоветском военном заговоре, я хочу сказать Вам, что ничего от следствия не буду утаивать и искренне раскаиваюсь в своих тяжчайших преступлениях перед Советской властью и перед Родиной.

В антисоветский военный заговор меня завербовал Якир в 1933 году во время моего нахождения вместе с ним на курорте в Кисловодске.

В Москве после этого я был связан по заговору с Гамарником, от которого я и получал все установки.

К Гамарнику я явился по указанию Якира. Гамарником на меня возложена была, как он выразился тогда, особо ответственная задача по участию в подготовке совершения переворота в Москве, поскольку я в то время был комендантом города Москвы.

За время моего участия в заговоре Гамарник назвал мне, как заговорщиков, следующих лиц: Осепяна, Бунина, Векличева, Тухачевского, Халепского, Эйдемана, Корка, Петерсона, Фельдмана Б. М., Урицкого, Неронова, Левичева, Седякина, Уборевича, Алксниса, Хрипина, Орлова В.М., Авиновицкого, Ефимова Н.А., Смолина И. И., Германовича и других руководящих заговорщиков как центрального аппарата, так и округов.

Гамарник, мне казалось, полностью информировал меня о наиболее ответственных заговорщиках, потому что он мне неоднократно говорил, что я, как комендант города, на случай переворота или других важных событий должен знать основных участников заговора.

Гамарник, информируя меня о существовании заговора, назвал мне некоторых лиц — участников правотроцкистского блока: Бухарина, Ягodu, Енукидзе, Уханова, Сулимова, Бубнова, Акулова, Пятакова, Лифшица и других.

В связи с моим назначением Комендантом Кремля Гамарник сказал мне, что моя роль в заговоре еще больше усиливается и мне лично от имени антисоветского центра поручается задача ареста членов Политбюро, ЦК ВКП(б), когда об этом получу сигнал от него или Ягоды.

Гамарник сказал мне, что о моей роли в заговоре знает Ягода и Фельдман Б.М., причем в экстренных случаях во время отсутствия Гамарника я могу обращаться к Фельдману.

Во время моей работы в Кремле Ягода неоднократно давал мне указания о моем сближении по работе с Паукером и Гулько, причем последнего он хотел одно время назначить ко мне заместителем. Эти указания Ягоды я понимал как директиву сближения с заговорщиками — чекистами Паукером и Гулько.

Рассказывая Гамарнику об этой директиве Ягоды, он мне подтвердил, что Паукер имеет от Ягоды такую же задачу по Кремлю, как и я.

Заканчивая настоящее свое заявление, я хочу сейчас же довести до Вашего сведения об известных мне заговорщиках, находящихся на свободе. Гамарник называл мне, как заговорщиков, К.А. Мерецкова, Симонова (Адм.-мобилизац. Управление — АМУРККА), Великанова — командующего Забайкальского военного округа. Со слов Фельдмана мне известно об участии в заговоре его заместителя Хорошилова И. Я.

Сигнализирую Вам в отношении заместителя Коменданта Кремля Кондратьева, что Ягода и особенно Буланов неоднократно давали мне чувствовать об их близости к нему. Хотя Ягода и Буланов прямо не говорили мне, что Кондратьев заговорщик, но у меня осталось твердое убеждение, что это именно так.

П. Ткалун

9 января 1938 г.»[\[265\]](#)

Действительно, это очень интересный документ, открывающий первую страницу «романа», написанного комдивом П.П. Ткалуном в «творческом содружестве» с комиссаром госбезопасности Н.Г. Николаевым-Журидом и его помощником майором З.М. Ушаковым. Последний, как известно, успешно «ломал» таких крупных военачальников, как М.Н. Тухачевский, В.М. Орлов, Н.Д. Каширин, И.Э. Якир, Р.П. Эйдеман. Это первое такого рода со стороны Ткалуна заявление заставляет задуматься: какими же мотивами, собственно говоря, руководствовался при этом вчерашний комендант Московского Кремля? И что здесь написано под диктовку следователя, а что он добавил непосредственно от себя? И хотя тут многое ясно с первого взгляда, но вместе с тем возникает и масса всяких вопросов.

Первый из них — написал ли Ткалун данное заявление после побоев или же, взвесив все известные ему «за» и «против» и поверив посулам высокого чекистского начальства, решил не подвергать себя истязаниям, давая согласие подписывать все, что потребует от него следователь? Второе — почему в качестве заговорщиков им названы именно указанные лица, а не другие? Каков был при этом критерий отбора со стороны руководства Особого отдела ГУГБ и самого арестованного? Третье — зачем понадобилось ему (или им?) в качестве куратора заговора в Кремле выводить второстепенное лицо — Бориса Фельдмана, начальника Управления по командному и начальствующему составу РККА, к тому же уже полгода как расстрелянного в подвале Лубянки? Четвертое — сообщаемые Ткалуном фамилии якобы известных ему заговорщиков, находящихся на свободе, выглядят, по крайней мере, бессистемным набором людей, слабо связанных с его предыдущей работой на посту коменданта Кремля. И, наконец, пятое — зачем он «топит» своего заместителя комбрига С.И. Кондратьева? Только ли из-за личной неприязни между ними или же с целью дополнительного штриха в цепи обвинений Генриха Ягоды, выводимого на открытый процесс вместе с Н.И. Бухариным и А.И. Рыковым?

Попытаемся ответить на некоторые из них, базируясь на документах архивно-следственного дела № 967528 (Р-23564). На первый вопрос с достаточной уверенностью можно утверждать, что побоев, по крайней мере сильных, Петру Пахомовичу в начале следствия удалось избежать. Нам неизвестно, какими силами это было сделано, но напрашивается один вывод — только добровольным признанием своего участия в военном заговоре и обещанием назвать известных ему других заговорщиков. Подтверждением такого вывода является то, что ни в одном протоколе допроса или заявлении в различные инстанции Ткалун, в отличие от других арестованных военачальников, ни разу не упоминает о фактах его избия следователями НКВД.

Относительно второго вопроса — почему в качестве заговорщиков он называет Осепяна, Булина и других? И здесь ответ достаточно прост — эти люди уже находились в тюрьме по обвинению в причастности к военному заговору, и Ткалун, пользуясь служебной информацией и просто личным знакомством с руководством ГУГБ, имел о том достоверные сведения. К тому же об аресте и суде над Тухачевским, Фельдманом, Эйдеманом, Якиром сообщали все центральные газеты, и Ткалуну можно смело было зачислять этих людей в заговорщики. Что же касается других названных им лиц, то ни один из них не находился на свободе к моменту ареста Ткалуна. Пик репрессий среди них пришелся на июль и ноябрь 1937 года. Все они в момент ареста работали в Москве, за исключением Векличева (Ростов-на-Дону), Германовича (Ленинград) и Петерсона (Киев).

Читая строки заявления Ткалуна на имя наркома Ежова, испытываешь двоякое чувство. С одной стороны, ему делает честь то, что он, согласившись давать признательные показания, делает это за счет тех лиц, которым такие признания уже никак не могли повредить или повлиять на их

дальнейшую судьбу (Тухачевский со товарищи) или же мало что добавляли к уже имеющимся в их делах материалам (все остальные, Ткалуном названные). С другой стороны, не покидает чувство досады и недоумения — с упомянутым выше К.А. Мерецковым служебные пути Ткалуна уже несколько лет не пересекались. Если до 1935 года, в бытность комендантом Москвы, он еще каким-то образом контактировал с начальником штаба столичного округа Мерецковым, то после отъезда последнего на равнозначную должность в Белорусский округ и ОҚДВА, а затем советником начальника Генштаба в Испанию подобные встречи и разговоры представляются весьма проблематичными.

Безусловно, Гамарник Ткалуну никогда ни этих, ни каких-либо других фамилий в качестве участников военного заговора не называл. И называть не мог по причине отсутствия у него каких-либо данных на сей счет. А появились они из-под пера Петра Пахомовича скорее всего по подсказке или даже по настоянию следователя Ушакова. Видимо, руководству Особого отдела ГУГБ очень хотелось подобраться к заместителю начальника Генштаба РККА комкору К.А. Мерецкову, чтобы показать свои «титанические усилия» по вскрытию очередной партии заговорщиков в высшем эшелоне наркомата обороны, на сей раз из заместительского звена. Потому-то, видимо, и попадает в этот список заместитель начальника Административно-мобилизационного управления (АМУ) дивизионный комиссар М.Е. Симонов и заместитель начальника Управления по командному составу РККА комдив И.Я. Хорошилов. А вот как там оказался командарм 2-го ранга М.Д. Великанов, один из немногих старых командующих войсками округов, остававшихся пока на свободе, остается только гадать. Хотя, впрочем, и здесь требуется поправка — к моменту написания Ткалуном данного заявления Великанов уже полмесяца как находился в тюрьме, чего отстраненный от дел бывший комендант Кремля, разумеется, мог и не знать. В чем уверенно можно не сомневаться, так это в том, что названные выше фамилии придуманы не самим Ткалуном, а подсказаны, вернее навязаны, ему следователем.

Относительно С.И. Кондратьева: несмотря на определенную натянутость во взаимоотношениях между комендантом Кремля и его заместителем (все-таки они, как ни крути, представляли интересы двух разных ведомств), Петр Пахомович дойти до того, чтобы, желая досадить Кондратьеву, зачислить его в заговорщики по собственной инициативе тоже не мог. Остается предположить — Николаев и Ушаков в обязательном порядке потребовали от него назвать в числе заговорщиков и сотрудников комендатуры Кремля, желательнее чином покрупнее. Что и было выполнено. Несомненным остается и тот факт, что первоначальный текст заявления Ткалуна подвергся значительной правке со стороны Ушакова и Николаева.

Заявлением от 9 января 1938 года было положено начало многодневной тюремной эпопее Ткалуна по сочинению его «романа». Во втором томе архивно-следственного дела № 967528 сохранились многостраничные собственноручные показания Петра Пахомовича, помеченные разными днями января, февраля, апреля и мая 1938 года. Например, записи от 10, 13 и 20 января. Зачастую написанные карандашом с обеих сторон каждого листа бумаги, они имеют различного рода исправления и дополнения, сделанные на полях рукой Ткалуна. Все без исключения показания представляют собой ответы на вопросы, предварительно поставленные (вероятно, в письменном виде) следователем. Нередко последующие показания объединяли несколько предыдущих, конкретизируя их в отдельных деталях. Затем уже, исходя из содержания показаний, рождались протоколы допросов.

При допросах Ткалуна следователей Особого отдела ГУГБ интересовал широкий круг вопросов. В этом, например, можно убедиться, прочитав его собственноручные показания, написанные в

течение пяти суток (20 — 24 февраля) и вобравшие в себя материал ряда предыдущих (от 10, 13 и 20 января 1938 г.), а также составленный на основе этих показаний так называемый протокол допроса от 20 февраля. Чтобы еще раз подчеркнуть трудности в работе следователей, день и ночь бьющихся над добыванием «достоверных» данных о заговоре в Красной Армии, в первых строках нескольких протоколов допроса непременно фиксируется якобы имевшая место борьба по слову сопротивления арестованного. Так и в случае с Ткалуном — один из первых протоколов его допроса открывается вопросом следователя, содержащим констатацию факта будто бы полной капитуляции подсудимого: «После долгого и упорного запирательства на следствии, под давлением неопровержимых фактов, уличающих Вас как шпиона и заговорщика, Вы, заклятый враг народа, наконец признали предъявленные Вам обвинения...»[\[266\]](#)

Итак, ко второй половине февраля 1938 года главный страж кремлевских кабинетов комдив Ткалун превратился в матерого шпиона и опытного заговорщика, а значит, в заклятого врага трудового народа. И всю эту чушь он якобы безоговорочно признал. Если же это так, тогда оставалось самое малое — всего лишь надлежащее оформление материалов дела и передача его в Военную коллегию. Протокол допроса от 20 февраля вроде бы полностью подтверждает такое предположение — там имеются подробные признания в шпионаже в пользу Польши, показания об участии в украинской националистической организации и о подготовке военного переворота. Всего этого следователю Зиновию Ушакову было вполне достаточно, чтобы считать свой долг исполненным до конца. Однако его все же что-то смущало в деле Ткалуна. Он, видимо, сильно опасался, что оно развалится при мало-мальски серьезной проверке. Этим, по всей видимости, следует объяснить вынесение им постановления от 8 марта 1938 года, в котором, в частности, говорится:

«Показаниями ряда участников антисоветского военного заговора и личным признанием Ткалуна последний изобличен как активный участник этого заговора. Но ввиду того, что полностью еще не вскрыта вся антисоветская деятельность Ткалуна и требуются дальнейшие следственные действия...»[\[267\]](#)

Здесь же Ушаков возбуждает ходатайство о продлении следствия по делу и содержания под стражей арестованного сроком на два месяца. Шеф 5-го отдела ГУГБ Николаев-Журид поддерживает просьбу своего помощника.

Стандартная фраза о том, что «...полностью еще не вскрыта вся антисоветская деятельность (называется фамилия арестованного)» фигурирует во всех постановлениях о продлении сроков следствия и содержания под стражей. И совершенно неважно при этом — сознался подсудимый или нет, — все равно формальная сторона в НКВД соблюдается неукоснительно и подобных постановлений можно приводить десятками.

В протоколе допроса от 20 февраля можно найти и некое обоснование «долгого и упорного сопротивления» со стороны бывшего коменданта Москвы и Кремля:

«.Вопрос. Почему Вы так нагло и упорно заперались на следствии?»

Ответ: Я не хотел сознаться в своих преступлениях потому, что был как-то уверен, что мои сообщники (Любченко, Гамарник, Якир, Дубовой, Савицкий, Капуловский, Фельдман и др.) не выдали меня следствию, ибо одни из них расстреляны (Якир, Фельдман), другие покончили жизнь самоубийством (Любченко, Гамарник), а третьи были очень давно арестованы.

Поскольку вслед за ними меня не арестовали, я полагал, что они меня сохранили и в распоряжении следствия никаких материалов против меня нет.

Особенно упорно я не хотел сознаться в своем участии в украинской военно-фашистской организации...»[\[268\]](#)

Анализ содержания первых протоколов допроса и собственноручных признательных показаний Ткалуна свидетельствует о том, что к главному вопросу — о подготовке террористических акций на территории Кремля — следствие подступило сразу. Хотя в протоколах от февраля и марта сначала подробно говорится об участии Ткалуна в националистической организации (украинской) и только потом — о планах переворота в Кремле. Однако чем меньше остается времени до завершения следствия, тем больше этот вопрос выходит в стержневые. Так, уже в апреле все допросы и собственноручные показания Петра Пахомовича посвящены только ему.

Ткалун еще гулял на свободе, а на него в ГУГБ уже готовилось досье. Одним из первых на Петра Пахомовича, как на активного участника подготовки военного переворота в Кремле, показал бывший нарком финансов СССР Г.Ф. Гринько, в прошлом входивший в состав руководящего ядра украинской партии боротьбистов. На допросе 22 октября 1937 года он показал: «... Мне известно от Гамарника и Бубнова, что военные заговорщики готовили ввод вооруженного отряда в Кремль для ареста руководителей партии, причем с их же слов знаю, что шла успешная работа по вербовке для этого дела Ткалуна»[\[269\]](#).

Заговор в Кремле... Сколько уже опубликовано книг и статей на эту заманчивую тему и сколько еще будет написано, в чем можно не сомневаться, ибо читательский интерес к ней не убывает, а скорее наоборот. При этом усиленно эксплуатируется тезис о наличии заговора (и не единственного) против Сталина в 30-е годы. Как особенность отметим, что наибольшую активность здесь проявляют некоторые бывшие сотрудники органов государственной безопасности. Так, не единожды в центральных газетах, а также в ряде изданных под собственным именем брошюр растиражирована версия бывшего сотрудника личной охраны Сталина Алексея Рыбина «Был ли заговор против Сталина?»[\[270\]](#). Там отставной майор НКВД-МГБ-КГБ настойчиво утверждает о действительном существовании такого заговора в середине 30-х годов. В качестве главных организаторов заговора, по Рыбину, выступали наркомвнудел СССР Генрих Ягода со своим ближайшим помощником Аграновым.

В проблемах кремлевских заговоров Рыбин прослыл таким знатоком, что на него ссылаются даже такое высокое должностное лицо, как министр юстиции Российской Федерации В. Ковалев. В своей книге «Два сталинских наркома» он несколько раз цитирует фрагменты из воспоминаний ветерана НКВД. Например, о некоторых деталях подготовки заговора силами курсантов школы НКВД, которые стали известны Рыбину со слов бывшего питомца этой школы И. Орловского: «В начале 1936 года Ягода, Соринсон (так у Рыбина именуется Яков Агранов, заместитель Ягоды. — Н. Ч.), Паукер, Волович сформировали из курсантов школы ОГПУ особую роту боевиков... Ежедневно были занятия по самбо, ближнему штыковому бою, преодолению трудных препятствий. Нас хорошо обмундировали и вооружили... После этого Ягода, Соринсон, Паукер, Волович и другие устроили смотр нашей боевой готовности во дворе здания НКВД. Они нашли, что мы те самые парни, которые готовы на любой разбой ради замыслов верхушки НКВД. Позднее мы узнали, что нам предстояло при содействии коменданта Кремля комиссара Ткалуна войти в Кремль и арестовать Сталина. Но заговор был раскрыт. Нас быстро расформировали по разным воинским частям».

О последующих за этим событиях сообщает уже сам Рыбин: «Далее все аресты участников заговора проходили на моих глазах. Были арестованы Ягода, Соринсон, Паукер, Волович, Гулько, Даген (правильно — Дагин. — Н. Ч.). Курский и Ткалун застрелились...»[\[271\]](#)

Зададимся вопросом: из каких источников почерпнул упомянутые сведения А. Рыбин. Можно не сомневаться, что в закрытых архивах ему работать не довелось, да и нет там подобранных сведений (специальной или какой-то иной папки) на затронутую тему. Сам он, не будучи следователем по особо важным делам, а выполняя всего лишь функции рядового охранника, расследованием подобных дел не занимался, а посему не мог знать каких-либо подробностей заговора (действительного или мнимого). Значит, все рассказы Рыбина базируются на зыбкой почве устного творчества сотрудников НКВД-МГБ и других не внушающих доверия источниках. Вполне объяснимо, что сотрудники охраны членов правительства знали, кто является комендантом Кремля. Поэтому Алексей Рыбин, тогда молодой работник НКВД, крепко запомнил его фамилию — память у него была отменной, и все, что касалось охраны руководства ВКП(б) и лично Сталина, намертво оседало в его голове.

В своих рассказах охранник Рыбин почему-то именуется коменданта Кремля П.П. Ткалуна комиссаром. И непонятно при этом, то ли он хочет показать его принадлежность к органам госбезопасности (а это не так, ибо он с 1918 года находился в кадрах РККА и имел воинское звание «комдив»), то ли относит Ткалуна к политическому составу, что также является неправомерным. Вторая неточность заключается в том, что Ткалун не застрелился, боясь разоблачения, как утверждает Рыбин, а был расстрелян по приговору Военной коллегии спустя полгода после ареста. Видимо, Рыбин слышал «звон» (о самоубийстве Рогова, преемнике Ткалуна в должности коменданта Московского Кремля), но не знает, откуда он, и относит все это к Петру Пахомовичу. И подобной путаницы в «трудах» отставного майора набирается немало.

Вызвавшие значительный интерес читателей уже самой постановкой вопроса, приведенные Рыбиным данные при более внимательном их изучении предстают в виде надерганных из различных источников сведений, нередко противоречащих одно другому. И основаны они, как правило, на слухах и легендах, ходивших в народе после судебных процессов второй половины 30-х годов.

Итак, ударной группой заговора 1937 года, по утверждению А. Рыбина, должна была выступить рота боевиков, сформированная из курсантов школы ОГПУ. Этому подразделению предстояло при активном содействии коменданта Кремля П.П. Ткалуна войти внутрь Кремля и арестовать Сталина и других членов Политбюро ЦК ВКП(б).

Так картина выглядит по версии А. Рыбина. Обратившись к материалам следственного дела Ткалуна, видим, что личной фантазии майора НКВД далеко не угнаться за коллективными усилиями его коллег из Особого отдела ГУГБ, хотя в отдельных деталях они и совпадают. Вложив в уста Ткалуна свой собственный сценарий, особицы достаточно подробно расписали все акты спектакля под названием «Переворот в Кремле», определив и его главных исполнителей. Уже из содержания заявления Ткалуна на имя Ежова от 9 января видно, что его с самого первого дня пребывания в тюрьме стали готовить к роли заговорщика, которому поручалась организация ареста членов Политбюро. Эту задачу ему якобы поставил лично Гамарник в апреле 1935 года, буквально на другой день после его назначения комендантом Кремля.

А еще раньше, когда Ткалун исполнял должность военного коменданта Москвы, его задачи по перевороту были несколько иными. В протоколе допроса от 20 февраля 1938 года они сформулированы следующим образом:

«Вопрос: Говорите точнее, какие это особо важные предательские задания давал Вам Гамарник?»

Ответ: Как основную задачу Гамарник поставил передо мною — обеспечить совместное с названными им начальниками центральных управлений наркомата обороны совершение государственного переворота в Кремле.

Вопрос: Изложите план подготовлявшегося переворота.

Ответ: Общий план переворота мне неизвестен, так как Гамарник говорил со мной только о той части, которая будет касаться меня.

По этому плану я должен был во время переворота:

- 1) закрыть все входы в Москву и выходы из нее;
- 2) обеспечить захват наиболее важных объектов Москвы, кроме Кремля. Выполнение этой задачи в основном лежало на соответствующих командирах гарнизона (по плану Корка), которые должны были контактировать свои действия со мной;
- 3) наметить мероприятия по ослаблению охраны военных складов и других военных объектов на случай, если возникнет необходимость совершения диверсионных актов. Таким путем предполагалось создать панику в городе.

В плане переворота Гамарник особенно большое значение придавал Управлению коменданта города Москвы, как связанному с воинскими частями гарнизона. Он настоятельно требовал от меня, чтобы я сделал начсостав Управления своим, однако не вербуя его в заговор...»[\[272\]](#)

В конце следствия от Ткалуна требовали уже только расширенных показаний о террористической группе в комендатуре Кремля, в составе и планах работы по ликвидации руководства партии и государства. Не удовлетворившись материалами допросов, его заставили написать на эту тему подробные собственноручные показания. И Петр Пахомович в течение двух суток (13 — 14 апреля) мучительно выдумывает различные детали деятельности заговорщической организации в Кремле, которую он якобы возглавлял:

«В Кремле мною создана была заговорщическая группа, в состав коей входили:

1. Брюханов П.Н. — комендант здания Рабоче-Крестьянского правительства;
2. Таболин Н.Н. — начальник части боевой подготовки Управления коменданта Кремля;
3. Кушлис — комендант здания Управления коменданта Кремля;
4. Колмаков — начальник финансового отдела УКМК;
5. Ганжерли — дежурный помощник коменданта Кремля;
6. Хурцев — дежурный помощник коменданта Кремля;
7. Дергачев — начальник полковой школы Кремля;

8. Янсон — комендант Мавзолея и заведующий Особым кино;

9. Цвирко — комендант Большого Кремлевского Дворца.

Кроме того, как я уже показал, заговорщиком являлся и мой заместитель С.И. Кондратьев, присланный в Кремль на эту должность в 1936 году Ягодой Г.Г.»[\[273\]](#)

Ткалун показал, что из состава названной группы «заговорщиков» им до сего момента был назван только один Таболин, остальных же он скрывал, ограничившись на предыдущих допросах ссылкой на то, что этих людей он подготовил к вербовке как антисоветски настроенных. А еще он скрыл означенных командиров потому, что «...когда я был арестован, то эти люди-заговорщики были вне подозрений и могли бы под руководством С.И. Кондратьева продолжать и после моего ареста заговорщическую террористическую работу в Кремле, т.е. совершить теракт над Сталиным...»[\[274\]](#)

Послужные списки кремлевских заговорщиков, перечисленных Ткалуном, не очень сильно отличаются друг от друга. Названный первым, Павел Николаевич Брюханов, 1894 года рождения, в РККА состоял с 1918 года. В Управление коменданта Московского Кремля прибыл в мае 1935 года (практически одновременно с Ткалуном) из комендатуры Московского гарнизона. В марте 1938 года был отстранен от должности и уволен в запас. Арест его последовал спустя семь месяцев — в октябре 1938 года. На первых допросах (17 и 21 октября) он категорически отвергал все предъявленные ему обвинения, заявляя, что с Ткалуном у него были только служебные отношения и ничего более. Затем, не выдержав серии избиений, Брюханов показал о вербовке его Ткалуном в 1936 году в антисоветский заговор, о подготовке террористического акта в отношении Сталина. Показал он также и о том, что по совету Ткалуна женился на Александре Виноградовой — сотруднице Особого сектора ЦК ВКП(б), возглавляемого А.Н. Поскребышевым, личным секретарем И.В. Сталина. При рассмотрении дела в суде Брюханов заявил о применении к нему на предварительном следствии мер физического воздействия. Например, когда он сделал попытку отказаться от своих ложных показаний, следователь В.М. Казакевич стал сильно избивать его.

В следственном деле Ткалуна все эти обстоятельства выглядят в следующем виде. В протоколе допроса от 20 февраля на вопрос следователя о последовательности осуществления изменнических указаний Гамарника Ткалуном подробно раскрыта система «подготовки» заговора:

«Первым долгом я решил подобрать себе необходимых людей, на которых я мог бы положиться, как на самого себя.

С назначением меня в Кремль... через заговорщика Фельдмана я перевел к себе в Кремль из комендатуры города Москвы Таболина Н.Н. и Брюханова П.Н.

Первоначально Таболин был назначен начальником хозотдела Кремля. С освобождением же в конце 1936 года должности коменданта здания Рабоче-крестьянского правительства я хотел назначить на эту должность заговорщика Таболина, но это не вышло, так как отдел кадров НКВД не утвердил его кандидатуру, как бывшего офицера. В 1937 году я перевел его на должность начальника части боевой подготовки Управления коменданта Кремля и одновременно он являлся начальником штаба ПВО Кремля. Таким образом я его максимально приблизил к руководству службой охраны Кремля.

Таболину я поручил вновь пересоставить план ПВО по моим вредительским указаниям. Вообще, я должен сказать, что дело ПВО в Кремле находится в неблагоприятном состоянии, хотя там и есть план, но он бумажный, нереальный; я умышленно все время занимался переделкой плана ПВО вместо того, чтобы реально поставить это дело в Кремле...

Каких-либо других предательских указаний я тогда Таболину не давал, сохраняя его для выполнения главной нашей заговорщической задачи по Кремлю — ареста членов Политбюро ЦК ВКП(б). Однако об этом я с ним не говорил, хотя и рассчитывал на него. С этой же целью я перевел Таболина из города на жительство в Кремль.

Брюханова я назначил сначала дежурным помощником коменданта Кремля, а в 1937 году — комендантом здания Рабоче-Крестьянского правительства. Брюханова, как и Таболина, я всячески поощрял, брал его с собой на курорт в Сочи в 1936 году и сделал из него исключительно преданного мне человека. Я имел в виду в нужный момент открыто переговорить с Брюхановым о заговоре, надеясь на его согласие и конкретную помощь. К тому времени у меня зародился еще и другой план...»[\[275\]](#)

Продолжая «раскручивать» Ткалуна, особисты не могли пройти мимо такой должностной категории в Кремле, как заместитель коменданта — ведь он «тянул» на себе значительный груз обязанностей, а в случае отпуска или болезни шефа исполнял его обязанности в полном объеме. С апреля 1936 года этот пост занимал комбриг Кондратьев Сергей Игнатьевич, назначенный в Кремль с должности командира дивизии имени Ф.Э. Дзержинского. Эта дивизия была первым войсковым соединением в системе ОГПУ-НКВД и предназначалась для выполнения ряда специальных задач, как то: охрана важных объектов и учреждений, участие в поимке бандитов и террористов, поддержание общественного порядка в столице и т.д.[\[276\]](#)

Из многолетней практики известно, что очень редко случается ситуация, когда командир со своим заместителем живут душа в душу. Чаще всего бывает наоборот, когда между ними постоянные трения, порой весьма серьезные. При этом командир почему-то считает, что заместитель во многом недорабатывает и подсиживает его, а тот в свою очередь, понимая ситуацию по-своему, полагает, что может выполнить то или иное дело значительно лучше, более качественно, нежели начальник. Примерно такая картина проглядывает из анализа взаимоотношений между Ткалуном и Кондратьевым.

Службы НКВД стремились «прибрать к рукам» Управление коменданта Московского Кремля не только, так сказать, в строевом отношении, но и в партийно-политическом. Пользуясь тем, что позиции наркома обороны Ворошилова в Политбюро ЦК ВКП(б) в 1937 году сильно пошатнулись, а степень его влияния на Сталина заметно снизилась, тогда как вождь НКВД Ежов приобретал все большую власть, им удалось поставить во главе политотдела Управления своего выдвиженца Трофимова, политработника из пограничных войск. Тот сменил на этом посту представителя РККА дивизионного комиссара М.А. Имянинникова, попросившегося на политработу в войска[\[277\]](#).

Представляет интерес «механика» назначения должностных лиц в комендатуру Московского Кремля. Из протокола допроса Кондратьева от 27 апреля 1938 года (арестован он был неделей раньше) узнаем следующие сведения, которые, если выкинуть оттуда упоминание о заговорщической деятельности и заговорщиках, вполне можно считать за достоверные.

«Вопрос: Когда и как Вы очутились на работе в комендатуре Кремля?

Ответ: В феврале 1936г. меня вызвал к себе Буланов (секретарь Г.Г. Ягоды. — Н. Ч.) и заявил, что Ягода ставит вопрос о переводе меня на работу в Кремль заместителем коменданта Кремля. Буланов тогда же сообщил мне о том, что в Кремле есть антисоветская группа, связанная с заговорщиками из Штаба РККА, и назвал мне состав этой группы: Ткалун П.П. — комендант Кремля; Имянинников — начальник политотдела Управления коменданта Кремля; полковник Васильев — начальник отряда специального назначения и майор Азаркин — командир полка специального назначения.

В первых числах апреля 1936 г. я был снова вызван Булановым, и он сообщил мне, что вопрос о моем назначении в Кремль решен и на днях я получу распоряжение о сдаче командования дивизией.

Буланов сказал мне, что Ягода хочет в моем лице иметь в Кремле представителя заговорщической организации НКВД в гарнизоне Кремля.

Дело в том, что Ткалун, являясь ставленником заговорщической организации в РККА, не представлял собой человека, на которого Ягода мог целиком надеяться. Внутренние противоречия в среде участников заговора существовали все время. Существовало также и взаимное недоверие. Именно в силу этого Ягода хотел в моем лице иметь в комендатуре Кремля «своего» человека...

Буланов направил меня к Паукеру (начальнику оперативного отдела ГУГБ НКВД СССР. — Н. Ч.) за конкретными инструкциями.

Паукер заявил мне, что он знает все указания, которые мне дал Буланов по заговорщической работе, поэтому он считает, что задача мне ясна. Паукер, однако, предупредил меня, что Ягода не верит Ткалуну, поэтому принимают меры к тому, чтобы в войсках гарнизона Кремля был преданный ему человек. Таким человеком Ягода выбрал меня...»[\[278\]](#)

Какие же функции по заговору должен был выполнять С.И. Кондратьев? Кто и какие задачи ему ставил? Снова обратимся к материалу, имеющему касательство как к Кондратьеву, так и к Ткалуну. В упомянутом выше протоколе допроса от 27 апреля 1938 года Кондратьев, отвечая на вопрос следователя о своих первых шагах в должности заместителя коменданта Кремля, показал: «Первой задачей явилось установить связь с Ткалуном и нащупать его заговорщические силы в Кремле. Представляясь Ткалуну, я заявил ему, что имел разговор с Булановым, знаю, что он (Ткалун) состоит в антисоветской организации и связан с заговорщиками из Штаба РККА.

Ткалун ответил, что знает и обо мне. Тогда же, в порядке введения меня в курс заговорщических дел. Ткалун сообщил мне, что в состав его заговорщической группы в комендатуре Кремля входят:

1. Начальник политотдела Управления коменданта Кремля Имянинников.
2. Начальник отряда спецназначения Управления коменданта Кремля Васильев.
3. Командир полка спецназначения Управления коменданта Кремля Азаркин.
4. Комендант Большого Кремлевского дворца Тренин.
5. Дежурный помощник коменданта Кремля Крысь.
6. Помощник начальника отдела связи Никитин.

7. Начальник сантехотделения Травкин.
8. Начальник спецотделения Меньшиков.

В числе близких к нему людей Ткалун назвал мне:

1. Дежурного помощника коменданта Кремля Брюханова.
2. Начальника хозяйственного отдела Таболина.
3. Начальника эксплуатационно-технического отдела Колмакова^{279}.

Сравним два документа — собственноручные показания Ткалуна от 13 — 34 апреля 1938 года и протокол допроса Кондратьева, исполненный двумя неделями позже. Зная процедуру прохождения такого документа, как протокол допроса, можно утверждать, что по одному и тому же вопросу (о заговоре в Кремле) Ткалуна и Кондратьева допрашивали фактически одновременно. Возможно, что даже в соседних кабинетах.

Посмотрев на два списка заговорщиков, видим, что они существенно отличаются друг от друга — и по количеству участников, и по персональному составу. А точнее, они совсем не совпадают. Если у Кондратьева фигурируют лица, так сказать, первой шеренги (Имянинников, Васильев, Азаркин), то у Ткалуна этот перечень состоит из «воинов» второго ряда (комендантов зданий, дежурных помощников коменданта и т.п.). Отсюда вывод — до поры до времени два следователя, допрашивавшие Ткалуна и Кондратьева, не согласовывали между собой свои действия и не сверяли показания своих подопечных.

Кондратьев же, продолжая давать показания, пояснил, что его первой задачей являлось ознакомление с существующей заговорщической группой в Кремле. «Эту задачу я выполнил, связавшись с Ткалуном и его людьми.

Наряду с этим я, по установке Ягоды, должен был стремиться к тому, чтобы захватить под свое влияние гарнизон Кремля. В этих целях я настоял перед Ткалуном о подчинении мне отряда спецназначения (он комплектовался командирами охраны) и полка спецназначения.

Обе эти войсковые части несли охранную службу как наружных постов (по охране въездов и входов в Кремль), так и внутренних постов (охрана правительственных и партийных учреждений, расположенных в Кремле, и квартир членов правительства в Кремле).

Ткалун против этого особенно не возражал, и, таким образом, с первых же дней работы в Кремле я получил возможность сосредоточить все средства охраны Кремля в своих руках...»^{280}

Сергей Игнатьевич Кондратьев после освобождения Ткалуна от занимаемой им должности (в конце сентября 1937 года) еще почти семь месяцев работал на прежнем месте. Комендантом Кремля его так и не утвердили, хотя и Рогов, пришедший на смену Ткалуну, не блистал особыми талантами. Затем Рогов застрелился, а Кондратьева арестовали 12 апреля 1938 года. Следствие длилось четыре с половиной месяца. После оглашения приговора Военной коллегии 26 августа 1938 года его в тот же день расстреляли.

Итак, главная задача Ткалуна в Кремле — это организация ареста руководящей верхушки партийной и правительственной элиты. Как это практически планировалось, тоже просматривается в материалах его архивно-следственного дела. Справедливости ради следует

отметить, что для Ткалуна выполнение такой задачи не представляло особой трудности, ибо вся охрана Кремля находилась в его руках. Об этом он откровенно говорил своему следователю в январе — феврале 1938 года. Если бы заговор действительно имел место, то операция по аресту членов Политбюро ЦК ВКП(б) была бы проведена без особых усилий. Повторяем, в случае действительного наличия заговорщиков в Кремле.

Однако на практике ничего подобного не существовало. В бумажном же варианте (см. протокол допроса от 20 февраля) такой поворот событий выглядит так. На вопрос следователя: «Как же Вы практически намечали осуществить арест членов Политбюро ЦК ВКП(б)?», Ткалун изложил два варианта этой «операции»:

«Я полагаю, что мне не нужно объяснять следствию то, что в Кремле, по существу, все было в моих руках. Недаром центр военно-фашистского заговора избрал меня главным исполнителем этого чудовищного преступления перед советским народом... Арест членов Политбюро ЦК ВКП(б) я мыслил себе осуществить следующим образом: расставив надежных и решительных заговорщиков внутри соответствующих подъездов квартир, занимаемых членами Политбюро (в Кремле. — Н. Ч.), а также в подъездах № 2 и 3 здания Рабоче-крестьянского правительства, по сигналу Гамарника или Ягоды арестовать их при выходе из квартир или здания правительства...»[\[281\]](#)

Прервем на время эту невероятную чушь, изготовленную усилиями воспаленных извилин мозга подследственного Петра Ткалуна и его следователя Зиновия Ушакова. Какая громоздкая конструкция, какое нелепое нагромождение всяких несуразностей. И все ради одной-единственной задачи, давным-давно до мельчайших деталей отработанной в НКВД, — ареста десятка номенклатурных работников, пусть даже самого высшего ранга. Из приводимых в деле протоколов допросов усматривается что подобное представлялось огромной сложности задачей, в то время как к середине 1938 года (моменту изоляции Ткалуна) органы НКВД уже многократно «обкатали» практику ареста кандидатов и членов Политбюро ЦК ВКП(б). Не говоря уже о наркомах — членах правительства СССР.

Продолжая раскрывать подробности плана по аресту верхушки партии и правительства, Ткалун дальше показывает: «Другой вариант ареста членов Политбюро ЦК ВКП(б) сводился к тому, чтобы одновременно захватить их в момент нахождения на квартирах в Кремле, что обычно бывало накануне 1 Мая и 7 ноября.

Эти варианты мною были доложены как Гамарнику, так и Любчен-ко (отдельно каждому).

Гамарник принял второй вариант — арест по квартирам, как он говорил, это спокойнее и без шума»[\[282\]](#).

Но и это еще не все. Оказывается, у заговорщиков существовал дополнительный вариант действий по устранению Сталина. По настоянию следователя Ткалун стал утверждать, что будто бы он посоветовал Павлу Бруханову жениться на официантке Александре Виноградовой, которая обслуживала кремлевскую квартиру Сталина. А добивался он этого брачного союза потому, что якобы решил лично покончить с «вождем народов» путем отравления его пищей, которую подавала Виноградова. И избрал Ткалун такой путь только потому, что дело с арестом членов Политбюро непомерно затягивалось. В протоколе допроса данный эпизод выглядит следующим образом: Помните его слова: «К тому времени у меня зародился еще и другой план...»

— Какой еще гнусный план Вы наметили?

— Я посоветовал Брюханову жениться на Шуре Виноградской, которая обслуживает лично Сталина, что он и сделал.

— С какой целью Вы посоветовали Брюханову жениться на Виноградской?

— Видя, что дело с арестом членов Политбюро затягивается, я лично решил покончить со Сталиным путем отравления его пищей, которую обычно подает Виноградова. Я это мыслил совершить лично или через Брюханова, но во всяком случае без участия самой Виноградской, которой я бы побоялся открыться, поскольку она около 15 лет преданно и добросовестно работает в Особом секторе ЦК ВКП(б). Однако Виноградова нужна мне была для осуществления моего плана и я полагал, что, если она будет женой ближайшего мне человека, мне это возможно легче будет осуществить...[\[283\]](#)

К данной теме — женитьбе Павла Брюханова на Шуре Виноградской в целях использования ее положения для лишения жизни Сталина — Ткалун вернулся, хотя и кратко, в собственноручных показаниях от 13 апреля 1938 года. Ничего здесь нового он не сообщил, за исключением разве одной детали. Правда, детали немаловажной, серьезно отягощающей вину бывшего коменданта Московского Кремля. Так, говоря о своих стараниях по устройству этого брачного союза, он еще раз подчеркнул, что тогда руководствовался одной целью: «...через Брюханова в случае необходимости отравить пищу Сталину, подаваемую А. Виноградской. Однако об этой цели я Брюханову не говорил, считая, что скажу это, когда придет время, тем более что отравление пищи Сталина я мог произвести и лично сам, без других участников — свидетелей этого...»[\[284\]](#)

Стараясь по возможности выгородить названного им среди участников заговора Павла Брюханова и уменьшить степень его вины, Тка-лун тем самым одновременно отягощает свою. Что и видно из приведенного выше отрывка — ведь одно дело отравить Сталина руками других людей и совершенно иное, когда это же самое он соглашается сделать сам. Как говаривал небезызвестный персонаж поэмы Грибоедова, здесь дистанция огромного размера. И Ткалун, безусловно, хорошо понимал эту разницу.

Возможен вопрос: «Если сам Ткалун многократно имел, по его словам, возможность лично отравить Сталина и мог это сделать через Александру Виноградову, то почему же такой случай ни разу не был использован им за два с лишним года пребывания на посту коменданта Кремля?». Ответ архипростой: никогда у верного партийца Ткалуна, не замеченного в симпатиях ни к каким группировкам и оппозициям, не возникало подобных заговорщических и тем более террористических планов. И все то, что писал он в собственноручных показаниях, столь высоко ценившихся в кабинетах НКВД, и в протоколах допросов (продукте их совместной со следователем деятельности) — все это ложь и клевета с самой первой буквы и до последней. Этот факт вынужден подтвердить и следователь-садист Зиновий Ушаков. Арестованный в сентябре 1938 года за фальсификацию следственных материалов и другие преступления, он в ходе следствия дал подробные показания о применении к арестованным, в том числе и к Ткалуну, незаконных методов допроса. По признанию Ежова и Фриновского, Ушаков использовался ими как следователь, умеющий «добывать» от арестованных нужные показания.

Да, недовольство порядками в стране и в армии проявлялось у Ткалуна не единожды, как, впрочем, у многих других командиров РККА. Не секрет, что критика в адрес руководства Красной Армии, и прежде всего наркома Ворошилова, была весьма и весьма нелицеприятной. Отзвуки ее мы находим в многочисленных и многотомных уголовно-следственных делах по обвинению высшего комполитсостава. Делая поправку на степень корректировки и доработки этих

материалов в соответствующих кабинетах ГУГБ НКВД, тем не менее уверенно можно утверждать, что такая критика на самом деле существовала. Чаще всего она звучала в частных беседах, в кругу боевых друзей и единомышленников. Звучала в надежде, что рядом нет доносчиков, и резкость выражений от этого порой становилась чрезвычайно острой.

Ткалун в этом плане не являлся исключением. Чего только стоят его слова, характеризующие Ворошилова и наркомовское окружение. Бывший его заместитель по комендатуре Московского гарнизона А.А. Петухов, арестованный в мае 1937 года, показал на допросе от 4 сентября 1937 года (через двадцать дней после этого допроса Ткалун будет освобожден от должности коменданта Кремля): «...В разговорах со мной Ткалун часто высказывал ненависть по отношению к руководству Красной Армией. Он обвинял наркома обороны Ворошилова в неумении подбирать кадры ближайших работников, имея в виду Булина, Шапошникова, Белова. Особенно издевательски он отзывался о С.М. Буденном, при этом всегда заявлял: «Единственно сильный из командующих — это Якир, вот кого следовало бы назначить на Московский военный округ, или Уборевич — энергичный человек, со специальным военным образованием...»[\[285\]](#)

В нашем повествовании уже упоминались различные так называемые националистические контрреволюционные организации — латышская, татарская, польская и т.п. Теперь очередь дошла до самой крупной из них (по мнению теоретиков и экспертов из НКВД) — украинской. Согласно Большой Советской Энциклопедии национализм — это буржуазная и мелкобуржуазная идеология и политика, а также психология в национальном вопросе. Он трактуется нацию как высшую внеисторическую и надклассовую форму общественного единства, причем за общенациональные интересы выдаются устремления класса или социальной группы, выступающих в данных конкретно-исторических условиях носителем и проводником националистической идеологии и политики буржуазии (мелкой буржуазии).

Советские специалисты по национальному вопросу проводили различие между национализмом угнетающей и национализмом угнетенной нации. В последнем они видели общедемократическое содержание, направленное против угнетения, всячески поддерживая его, считая исторически оправданным на определенном этапе. В собственной же среде коммунисты к националистическим шатаниям относились с особой непримиримостью, считая его результатом воздействия мелкобуржуазных сил и империалистической агентуры. Эти шатания выражались в проявлениях национальной ограниченности и эгоизма, в отступлениях от принципов интернационализма и классовой солидарности, в раздувании и преувеличении национальных особенностей[\[286\]](#).

Не в пример другим регионам на Украине местный национализм действительно имел широкое распространение. Провозглашение «Украинской державы» после крушения российской империи, Директория, Центральная Рада, гетман Павел Скоропадский и Симон Петлюра, галицийские сепаратисты, ~- все это звенья одной цепи под названием «украинский национализм». И после образования СССР в среде украинской интеллигенции в первую очередь продолжали проявляться ростки этого глубинного течения, подвергаясь при этом жесточайшим преследованиям со стороны РКП(б)-ВКП(б) и органов госбезопасности. Под маркой борьбы с местным национализмом Сталин и его клевреты умело расправлялись с неугодными им партийными и советскими деятелями.

Очередной всплеск этих репрессий на Украине наблюдается в начале 30-х годов, когда из-за трудностей, связанных с насильственной коллективизацией в деревне и наступившим голодом, возникли серьезные брожения в различных слоях украинского населения. Одним из лидеров украинских националистов тогда был объявлен Николай Скрыпник, член большевистской партии с

1897 года. Пройдя через многочисленные аресты, суды и места лишения свободы в России, эмиграцию, Скрыпник получил крепкую партийную закалку. До 1917 года он работал в партийных организациях Царицына, Самары, Екатеринослава, Ярославля, Одессы, Петербурга, Риги, Красноярска, Москвы, входил в состав редакции газеты «Правда». После Октябрьской революции был председателем правительства Украины, затем в нем последовательно исполнял обязанности наркома иностранных дел, госконтроля, внутренних дел, юстиции и просвещения, возглавлял Госплан УССР. Скрыпник — один из организаторов компартии Украины. В 1919 — 1924 гг., будучи членом Реввоенсовета 1-й Украинской и 12-й армий, военкомом штаба Киевского военного округа и начальником Харьковской школы червонных старшин, Ткалун много раз встречался со Скрыпником на различных съездах, конференциях, пленумах и совещаниях. Не выдержав травли, организованной против него в средствах массовой информации и в партийных инстанциях, Скрыпник в июле 1933 года покончил жизнь самоубийством.

«Свято место пусто не бывает» — и взамен Скрыпника в планах ВКП(б)-ОГПУ-НКВД появляется председатель СНК Украины Панас Люб-ченко. Почему именно ему отвели такое место, а не генсеку КП(б)У Станиславу Косиору или, на худой конец, председателю ВУЦИК Григорию Петровскому, тому есть особые причины. Оказывается, у Любченко в прошлом были серьезные грешки — он в свое время переболел болезнью национализма, длительное время являясь одним из руководителей украинской мелкобуржуазной партии левых эсеров или, как ее часто называли, партии боротьбистов. Возникла эта партия в мае 1918 года в результате раскола партии украинских социалистов-революционеров и организационного оформления ее левого крыла. Свое название она получила по имени центрального органа партии — газеты «Боротьба». Социальной базой боротьбистов служила мелкая буржуазия и националистически настроенная интеллигенция. Наряду с Любченко в состав руководства партии входили Г. Гринько (перед арестом в начале 1937 года — нарком финансов СССР), А. Шумский, В. Елланский (поэт Василь Блакитный) и др.

Политическая платформа боротьбистов претерпевала эволюцию, которая, однако, не меняла их националистической основы. Главным направлением их деятельности была борьба против компартии за политическую гегемонию на Украине. В связи с тем, что в конце 1918 — начале 1919 года трудящиеся Украины решительно выступили за советскую власть, боротьбисты вынуждены были, учитывая такое настроение масс, принять советскую платформу. В мае 1919 года представители боротьбистов вошли в состав правительства Советской Украины. Полесская конференция партии боротьбистов выдвинула лозунг создания отдельной украинской республики, однако крестьянством этот националистический призыв не был поддержан. Не получила также широкой поддержки идея создания на Украине сепаратных воинских формирований. В декабре 1919 года В.И. Ленин писал, что своей пропагандой разделения военных сил боротьбисты «...играют прямо на руку белым и международному империализму»[\[287\]](#).

Многие из боротьбистов, видя, что их партия становится центром притяжения антисоветских сил, стали выступать за ее ликвидацию и слияние с КП(б)У. На основании достигнутого, между ЦК боротьбистов и ЦК КП(б)У соглашения партия украинских левых эсеров распускалась, а ее члены в индивидуальном порядке принимались в компартию Украины. Всеукраинская конференция боротьбистов приняла 20 марта 1920 года решение о самороспуске[\[288\]](#).

Панас Любченко, принятый в КП(б)У с зачетом стажа пребывания в партии боротьбистов, после Гражданской войны работал председателем Черниговского и Киевского губисполкомов, секретарем ЦК КП(б)У, возглавлял правление сельхозкооперации республики. Обязанности

председателя Совета Народных Комиссаров УССР он исполнял с 1934 года. Делегат 15 — 17 съездов ВКП(б), член ЦИК СССР. Награжден орденом Ленина. Любченко повторил судьбу Скрыпника — не желая больше терпеть наветы на себя и ничем не обоснованные обвинения и зная, что его ожидает в дальнейшем, Панас Петрович в конце августа 1937 года нажал на спусковой курок, разом покончив все политические и житейские проблемы. В центральных газетах по этому поводу появилась заметка. Такая же краткая, как и в случае с Гамарником: «Запутавшись в своих антисоветских связях и, очевидно, боясь ответственности перед украинским народом за предательство интересов Украины, 30 августа бывший председатель СНК УКРАИНЫ Любченко покончил жизнь самоубийством»[\[289\]](#).

Как и в отношении Гамарника, здесь все, за исключением самого факта самоубийства, является ложью. Ложью, тонко рассчитанной и точно нацеленной, наполненной ядом недоверия. В действительности же, обстоятельства смерти Панаса Любченко вполне укладываются в русло проводившейся тогда политики избияния старой партийной гвардии. Из материалов проверки по делу П.П. Любченко усматривается, что он наложил на себя руки в результате обвинения его в антисоветской деятельности на пленуме ЦК КП(б)У. Из стенограммы этого пленума, состоявшегося 29 — 30 августа 1937 года, видно, что его участники, в том числе и Израиль Леплевский, недавно назначенный наркомом внутренних дел республики, обвиняли Любченко в буржуазно-националистической ориентации, ссылаясь при этом на показания арестованных «заговорщиков».

Любченко категорически отвергал предъявленные ему обвинения. Но все было тщетно. 30 августа он исключается из состава Политбюро и членов ЦК КП(б)У, смещается с поста председателя СНК УССР. В создавшейся обстановке Панас Петрович не нашел ничего другого, как пойти на самые крайние меры.

Бывший охранник П.П. Любченко — Д.В. Коновалов (сотрудник НКВД УССР), будучи допрошенным в июле 1956 года, показал, что на следующий день после смерти своего подопечного он в два часа ночи был вызван в приемную наркома Леплевского, где был обезоружен и арестован. В последующем с применением жестоких пыток от него добились показаний о том, что жена Любченко — Мария Николаевна якобы однажды под большим секретом передала ему (Коновалову) о роли мужа в руководстве подпольной украинской националистической организации[\[290\]](#).

Подследственный Ткалун показал, что украинским национализмом он заразился с самого раннего детства. Еще в начальной школе учителя Рвач и Щербина якобы воспитывали его в национально-шовинистическом духе. Затем этот процесс продолжился в Сорочинской учительской семинарии. С Панасом Любченко, будущим председателем правительства Советской Украины, Петр Ткалун познакомился еще в 1910 году, приехав поступать в Киевскую военно-фельдшерскую школу, где тот уже учился на старшем курсе. По состоянию здоровья Ткалун в школу принят не был, однако знакомство с Любченко состоялось, чтобы затем продолжаться в течение нескольких десятков лет.

Наговаривая на себя и на Любченко, Ткалун в феврале 1938 года давал объяснения событиям двадцатилетней давности. На вопрос следователя: «А как Вы вступили в Коммунистическую партию? С какой целью?», он ответил: «В партию я вступил по прямому заданию Любченко... Когда я уезжал в Москву (в конце 1917г. — Н. Ч.), он на прощание, в виде наказа, сказал мне: «Обстановка может сложиться так, что мы долго не сможем повидаться. Запомни — главное это уметь вовремя сманеврировать, замаскировать себя, не показывать своего лица. Придет еще время, когда мы — националисты, будем действовать. Государственной партией стала партия большевиков. Если это понадобится, мы сможем и ее использовать в наших интересах,

пробравшись в ряды партии и, таким образом, сохранив себя. Обман не должен тебя смутить. Цель оправдывает средства. Я так и сделал...»[\[291\]](#)

Особенностью всех «романов», написанных подследственными в самых различных тюрьмах и следственных изоляторах Советского Союза, является то, что в них самым невероятным образом перемешаны 99% лжи с одним процентом правды. Причем этот единственный процент правды относится не к содержанию тех или иных бесед и переговоров (они сплошь и рядом сфальсифицированы), а к самому факту этих встреч в служебной обстановке или вне ее. Процеживая сквозь мелкое сито подобные материалы, узнаешь много такого, что не вошло ни в один труд по истории СССР в целом и республик, в него входивших, — в частности. Проиллюстрировать это можно и на следственном деле П.П. Ткалуна.

Исполнилось четыре месяца тюремному стажу, и ранее послушный Ткалун стал «взбрыкивать», что выразилось в частичном отказе от ранее данных им показаний. Это случилось в конце мая 1938 года, когда он «созрел» для такого очень важного для него шага.

«Майором Ушаковым мне было сказано, что Дубовый и Капуловский дали показания на меня, как на украинского националиста. В связи с этим в своем показании об участии в украинском националистическом заговоре я и привел вымышленные, выдуманные мною антисоветские связи и встречи с Дубовым и Капуловским, чего на самом деле никогда не было.

Поскольку я должен был на этих встречах с Дубовым и Капуловским слышать от них о других участниках украинского заговора и на чем настаивал майор Ушаков, я и указал в своем показании четыре фамилии, якобы названные мне Дубовым, чего на самом деле не было.

Эти фамилии были взяты мною лишь потому (Квятек, Криворучко, Антонюк и Погребной), что я знал их за близких людей издавна, со времен Гражданской войны, к Дубовому. О Квятеке я знал, будучи еще на свободе, что он арестован, о Криворучко еще на свободе я слышал от Щаденко, что на него есть показания, как на заговорщика; об Антонюке же и Погребном, как о заговорщиках я ни от кого не слышал»[\[292\]](#).

Как видим, поначалу Ткалун берет свои слова обратно в отношении только четырех хорошо знакомых ему командиров РККА — Казимира Квятека, Николая Криворучко, Максима Антонюка и Василия Погребного. Попутно он частично реабилитирует командарма Дубового и комдива Капуловского, утверждая, что на самом деле никаких антисоветских связей и встреч с ними у него никогда не было. А это означало, что достаточно стройная структура украинской националистической организации, выстроенная усилиями сотрудников НКВД, зашаталась и стала давать трещины. Потом Петр Пахомович пошел еще дальше, став к заседанию Военной коллегии по его делу уже полным «отказником».

Поступок Ткалуна вызывает уважение к нему. Тем более что за такие заявления в НКВД по головке не гладили — за них арестованных наказывали и притом очень жестоко. И точно, получив это заявление, начальник 5-го отдела 2-го Управления НКВД СССР майор В.С. Агас, по чекистским качествам и хватке нисколько не уступавший Ушакову, в тот же день вызвал Петра Пахомовича «для разбирательства». Протокол допроса от 22 мая 1938 года лишь в малой мере отражает ту степень напряжения, которая существовала в разговоре двух собеседников:

— Почему Вы оговорили Антонюка?

— Во время следствия по моему делу мне было объявлено, что арестованные Дубовой и Капуловский дали показания о моей антисоветской деятельности. От меня потребовали конкретных показаний о моей связи с Дубовым и Калуловским. Об их участии в украинской националистической организации я знал, но, хотя связан с ними не был, решил все же показать об этом для того, чтобы попытаться этим самым внушить к себе доверие со стороны следствия. После того как я показал о своей связи с Дубовым и Капуловским, следствие предложило назвать участников организации, названных мне Дубовым и Капуловским. Став на путь ложных показаний о моей личной с ними связи, я вынужден был лгать и дальше и назвал четыре фамилии, о которых мне якобы сообщил Дубовой, как участник организации, в том числе и Антонюка.

— Почему Вы назвали именно Антонюка?

— Я при этом исходил из следующих соображений: мне было известно об очень близких дружеских взаимоотношениях Антонюка и Дубового еще с 1919 года, причем я знал, что их дружба продолжалась до последнего времени. Об этих тесных взаимоотношениях между Антонюком и Дубовым знали многие. Таким образом, называя Антонюка как участника организации со слов Дубового, я не вызывал никаких подозрений в отношении своих показаний об Антонюке.

— В тех же показаниях от 20 февраля Вы рассказали, что Антонюка Вы знаете как участника украинской националистической организации со слов Любченко. Эти Ваши показания правильны?

— И это мое показание вымышленно. В данном случае верно лишь то, что я был связан с Любченко по антисоветской работе, но он никогда не говорил мне об Антонюке вообще...

— Зачем же Вы показали об Антонюке как участнике организации, известном Вам со слов Любченко?

— Я не могу даже объяснить этого. Еще раз повторяю, что с Любченко у меня никаких разговоров об Антонюке не было.

— Что Вам известно об антисоветской деятельности Антонюка?

— Об антисоветской деятельности Антонюка я ничего не знаю^[293].

«Слово — не воробей, вылетит — не поймаешь» — гласит народная пословица. Так оно и получилось в ситуации с Антонюком. Хотя Ткалун, как видно из материалов его дела, решительно опровергает свои показания в отношении последнего, однако «поезд уже ушел». Аргумент «на Вас имеются показания» и в данном случае сработал безотказно — комкора М.А. Антонюка освобождают от должности командующего войсками Сибирского военного округа и направляют в распоряжение Управления по командному составу. Его участь усугублялась еще и тем, что его младший брат, капитан, тоже был арестован и находился под следствием.

— С большим трудом Максиму Антоновичу удалось обелить себя и получить назначение преподавателем кафедры тактики Военной академии имени М.В. Фрунзе. Все обвинения в его адрес были признаны несостоятельными, и в 1940 году Максим Антонюк — инспектор пехоты РККА в звании генерал-лейтенанта. То есть буря прошла совсем рядом, лишь слегка задев его и не причинив особого вреда. Есть устные свидетельства того, что Антонюк гневно клеймил всех тех, кто на него показал, в том числе и Ткалуна, которого он знал с 1919 года. Тогда в 44-й стрелковой дивизии, где начдивом был И.Н. Дубовой, а комиссаром Ткалун, Антонюк командовал одной из ее

бригад. Упомянутый в протоколе допроса от 22 мая 1938 года К.Ф. Квятек командовал в той же дивизии головной бригадой — Богунской. В 1937 году он в звании «комдив» исполнял обязанности заместителя у И.Н. Дубового в Харьковском военном округе. Его арест последовал в середине декабря 1937 года.

Ткалуна уже четыре месяца как не было в живых, а его имя все продолжали трепать и тема заговора в Кремле все так же горячо волновала умы следователей ГУГБ. Комбриг Н.Н. Федоров, сменивший Н.Г. Николаева-Журида в 1938, году, вместе со своим подчиненным В.М. Казакевичем продвинулись дальше своих предшественников. Не удовлетворившись вариациями террористических актов, изложенных в показаниях Ткалуна (убийство членов Политбюро ЦК ВКП(б) и лично И.В. Сталина на их квартирах специально подобранными людьми, а также отравление их пищей), Федоров и Казакевич вынудили бывшего заместителя Ткалуна по хозяйству М.С. Ревзина придумать еще один вариант ликвидации руководства ВКП(б) и СССР.

Арестованный в начале ноября 1938 года бригадир Ревзин в ходе многосуточных допросов дал Казакевичу следующие показания (так они записаны в протоколе допроса от 15 — 22 ноября 1938 г.). Отвечая на вопрос о содержании беседы между ним и Ткалуном летом 1936 года, Ревзин показал: «Ткалун мне в этой беседе рассказал о существовании антисоветской военной организации. Он сказал следующее: «Существует большая военная организация, ставящая своей целью совершить дворцовый переворот... Перед Вами ставится задача при первом сигнале от меня произвести отравление воды в Кремле и отравить находящихся в Кремле».

Я ответил Ткалуну: «Хорошо, будет выполнено».

Дальнейший разговор следователя с Ревзиным выглядит в виде такого диалога:

— Как Вы практически должны были произвести отравление живущих в Кремле?

— Начальником санитарно-технического отделения Кремля был тогда Травкин (арестованный в 1937 г.). Он ведал, в частности, всей водопроводной сетью Кремля. Ткалун предложил мне установить антисоветскую связь с Травкиным, от его имени и через него действовать. Травкин, заявил Ткалун, будет предупрежден об этом.

Я с Травкиным через день связался, и мы остановились на следующем, им предложенном плане. В Кремле есть станция подкачки, и вся вода, поступающая из города в Кремль, проходит через эту станцию. Достаточно будет бросить или влить яды в трубу возле моторов, и отравленная вода разойдется по всей водопроводной сети Кремля. Яды должен был дать Ткалун, и он же должен был дать сигнал, когда произвести отравление.

Я доложил Ткалуну о своих переговорах с Травкиным. Ткалун заявил: «А вот Меньшиков считает, что отравление надо произвести непосредственно на квартирах членов Политбюро». При этом Ткалун рассказал, что Меньшиков — тоже участник организации (работал тогда Меньшиков начальником отделения по обслуживанию квартир членов правительства). Я ответил Ткалуну, что для перестраховки полезно одновременно произвести отравление и на квартирах».

Однако, по словам Ревзина, отношения у него с Меньшиковым никак не складывались, и он поставил перед Ткалуном вопрос о переводе того на другую работу. Ткалун якобы дал на это свое согласие только после того, как Ревзин вовлек в их заговорщическую организацию работников комендатуры Кремля Леликова и Захарова, обслуживающих «ответственные квартиры», то есть квартиры членов Политбюро.

— Какие задания Вы дали Леликову и Захарову?

— Леликов и Захаров обслуживают квартиры Молотова, Ворошилова и Микояна. Вхожи они во все квартиры членов Политбюро, кроме квартиры Сталина. Я сказал Леликову и Захарову, чтобы они самостоятельно ничего не делали, а в нужный момент они отравят воду членов правительства.

Технически они должны были по моему указанию предупредить в соответствующий момент, что прекращается на время подача воды (под видом ремонта), заполнить все сосуды в квартире водой и эту воду отравить. Леликов и Захаров дали свое согласие на участие в этих террористических актах...»[\[294\]](#)

Всю эту ахиною, составленную под руководством начальника отделения Особого отдела ГУГБ старшего лейтенанта госбезопасности В.М. Казакевича (о нем уже упоминалось в первой книге), арестованный Рев-зин подпишет после испытаний длительными допросами с пристрастием. Перед Военной коллегией он предстанет 20 февраля 1939 года и получит от нее ВМН по трем расхожим пунктам обвинения (59 — 1 «б», 58 — 8 и 58 — ПУК РСФСР).

Краткие сведения о «заговорщиках» Леликове и Захарове автору удалось найти в расстрельных списках, хранящихся в музее российского общества «Мемориал»:

«Леликов Максим Исаевич, 1907 года рождения, уроженец деревни Во-лобуево, русский, член ВКП(б) с 1931 года, командир для поручений при правительственных квартирах в Кремле, техник-интендант 2-го ранга. Военной коллегией 22 февраля 1939 года по обвинению в участии в террористической организации, в подготовке терактов приговорен к расстрелу. Приговор приведен в исполнение 23 февраля 1939 года. Реабилитирован Военной коллегией 4 февраля 1956 года.

Захаров Николай Никитович, 1910 года рождения, уроженец села Захарова Курской области, русский, из крестьян-середняков, член ВКП(б) с 1932 года, командир для поручений при правительственных квартирах в Кремле, техник-интендант 2-го ранга. Военной коллегией 22 февраля 1939 года по обвинению в участии в террористической организации в Кремле, в подготовке терактов приговорен к расстрелу. Приговор приведен в исполнение 23 февраля 1939 года. Реабилитирован Военной коллегией 4 февраля 1956 года».

Уже отмечалось, что Рогов, сменивший Ткалуна (он был из системы НКВД), вскоре покончил жизнь самоубийством. Это немедленно послужило поводом для очередного разбирательства с охраной Кремля и новой волны арестов среди ее сотрудников. Рассказывает активный участник тех событий полковник В.М. Казакевич:

«Я помню, что в 1938 г. в Кремле застрелился бывший комендант Кремля Рогов... В ночь самоубийства Рогова в Кремле лично Берия, Кобулов, Меркулов и другие лица из их окружения, а также бывший нарком внутренних дел Ежов арестовали ряд работников охраны Кремля. На следующий день меня, Ненахова, Рухадзе... вызвали Меркулов или Кобулов (точно не помню) и создали следственную группу во главе с Ненаховым, как заместителем начальника ОО (Особого отдела. — Н. Ч.) НКВД СССР. Нас всех предупредили при этом, что все арестованные являются заговорщиками и террористами и что необходимо добиться выявления всех их преступлений и связей. В ближайшие 2 — 3 дня после этого Кобулов, Рухадзе и другие лица из Грузии жестоко стали избивать арестованных, в частности я лично видел, как арестованных избивали Кобулов и Рухадзе. Били при этом резиновой дубинкой по пяткам. Я лично никаких подобных мер к

арестованным не применял, и нужды в этом не было, так как после избияния арестованных Кобуловым, Рухадзе и другими они стали давать признательные показания. Помню, что некоторые арестованные отказались от своих показаний на допросах, но их тут же Рухадзе (главным образом) вновь подвергал избияниям, после чего они вновь подтверждали свои показания...

...Следствие по делу Ревзина вел я. В начале следствия он не признавал себя виновным... Затем при приходе на допрос Кобулова и Рухадзе последние избияли Ревзина на моих глазах. После этого он начал признавать себя виновным...»

Проследим последние дни и часы жизни Петра Пахомовича Ткалуна. Его дело рассматривалось 29 июля 1938 года на заседании Военной коллегии под председательством зловеще знаменитого Василия Ульриха. На вопрос председательствующего, признает ли он себя виновным, Ткалун ответил отрицательно. Бывший комендант Кремля решительно отказался от своих показаний, данных им на предварительном следствии, заявив, что они не соответствуют действительности. Он сказал, что те показания даны им вследствие полного отчаяния и безразличия к дальнейшей своей судьбе ввиду физического и морального истязания и что упомянутые в материалах следствия люди им оговорены. Ткалун утверждал, что никакого военно-фашистского заговора в РККА не существовало.

Пользуясь предоставленным ему последним словом, Петр Пахомович заявил, что считает виновным себя только в том, что дал ложные показания следствию, которыми оговорил себя и знакомых ему лиц. Однако все эти доводы не подействовали на членов суда, и Ткалун, как и сотни его боевых товарищей, пошел под расстрел, — все было предрешено заранее.

Плоды тайного сотрудничества

Изучая материалы следственных дел на военачальников РККА, арестованных в 1937 — 1938 годах, в первую очередь те из них, которые являются итоговыми, как то: приговор и обвинительное заключение, видишь, что абсолютное большинство высшего комначсостава, за небольшим исключением, обвинялось в шпионаже в пользу иностранных разведок. Так «появились» в РККА польские, литовские и латышские шпионы. Это и не удивительно — ведь то были сопредельные с СССР государства, к тому же бывшие территории царской России, так называемые «лимитрофы». В недрах НКВД тем временем под ударами кулаков и резиновых дубинок, в ходе многосуточных «конвейеров» и «стоек» рождались все новые и новые шпионы, теперь уже и стран дальнего зарубежья — французские, английские, итальянские, японские. Но чаще всего следователи от физически и морально измученных подследственных требовали признания работы в пользу Германии. Почему именно так, а не иначе был поставлен вопрос, мы и попытаемся ответить в данной главе.

В чем первопричина таких обвинений в адрес высшего генералитета РККА? Имелась ли почва для подобных обвинений, была ли хоть какая зацепка для такой чудовищной лжи у «компетентных» органов? Ответив на этот вопрос, мы получим ключ к познанию «кухни» следственных органов НКВД, их повседневной тактики действий и стратегических планов. Но сначала дадим небольшую таблицу, показывающую, в пользу каких стран «шпионили» (по утверждению следственных органов НКВД) видные советские военачальники. Вот эти данные:

Маршалы Советского Союза: Блюхер В.К. (Германия, Япония), Егоров А.И. (Германия, Польша), Тухачевский М.Н. (Германия).

Командармы 1-го ранга: Белов И.П. (Германия, Англия); Уборевич И.П. (Германия); Федько И.Ф. (Япония); Якир Н.Э. (Германия).

Командармы 2-го ранга: Алкснис Я.И. (Латвия); Вацетис И.И. (Германия, Латвия); Великанов М.Д. (Германия); Дыбенко П.Е. (Германия, САСШ); Каширин Н.Д. (Германия, Япония); Корк А.И. (Германия); Левандовский М.К. (Германия); Седякин А.И. (Германия); Халепский И.А. (Германия, САСШ).

Армейские комиссары 2-го ранга: Аронштам Л.Н. (Польша, Япония); Булин А.С. (Германия); Мезис А.И. (Латвия); Окунев Г.С. (Япония).

Комкоры: Аппога Э.Ф. (Германия); Алафузо М.И. (Франция, Польша); Баторский М.А. (Германия); Геккер А.И. (Германия, Япония); Богомяков С.Н. (Германия, Япония); Гиттис В.М. (Чехословакия, Латвия); Гайлия Я.П. (Германия, Латвия); Зонберг Ж.Ф. (Латвия); Куйбышев Н.В. (Германия, Япония, Польша, Литва); Калмыков М.В. (Япония); Левичев В.Н. (Германия); Лонгва Р.В. (Польша); Лепин Э.Д. (Англия, Япония); Левандовский М.К. (Германия); Меженинов С.А. (Германия); Ткачев И.Ф. (Германия); Урицкий С.П. (Германия, САСШ, Франция); Чайковский К.А. (Япония).

Как тут не поразиться гражданину страны, рядовому обывателю: вся верхушка РККА — предатели и изменники, действовавшие по указке Берлина, Лондона, Варшавы и Токио. Да за это не то что расстрел полагается, за такие дела всех их четвертовать надо... Беспощадно!.. Без всякой жалости!.. Смерть шпионам и изменникам, смерть предателям! — вот такие и даже более жесткие резолюции принимали многотысячные митинги на заводах, фабриках, в воинских частях и учреждениях.

Как видно из приведенной выше таблицы-справки, чаще всего высшему командно-начальствующему составу Красной Армии, за единичным исключением, вменялся шпионаж в пользу Германии. В частности, среди Маршалов Советского Союза, командармов 1-го и 2-го ранга подобного обвинения избежали только И.Н. Дубовой, И.Ф. Федько и Я.И. Алкснис.

В народе говорят, что дыма без огня не бывает. Значит, были какие-то контакты с представителями Германии, стояла какая-то связь (служебная или личная) между ними? Да, действительно, в данном случае такая связь имела место, притом в течение многих лет. А первооснова обвинений заключалась в том, что все перечисленные советские военачальники в разные годы действительно посещали Германию, а некоторые из них сделали это даже несколько раз. Но совершили они такие визиты не тайно от своего командования и не для передачи немецкой разведке сведений об РККА, как это стремились преподнести следователи-особисты, а на вполне законной основе, в силу договоренности между наркоматом по военным и морским делам СССР и руководством рейхсвера Германии.

Выезжали они туда для участия в учениях и маневрах, для пополнения знаний в военно-учебных заведениях. Все это происходило в рамках сотрудничества СССР и Германии в военной области, начало которому положил договор в Рапалло, подписанный в апреле 1922 года. Хотя некоторые контакты были и ранее — еще в 1921 году.

Дадим краткую справку об этом сотрудничестве, бывшем до недавнего времени строго засекреченной страницей советской военной истории. Известно, что в начале 1922 года советское и германское правительства получили приглашение участвовать в международной конференции в Генуе. По замыслу английского лидера Ллойд Джорджа она была призвана способствовать возобновлению связей европейских государств с Германией и Советской Россией, нарушенных в

результате Первой мировой войны и революции в России. Однако конференция не достигла первоначально поставленных целей из-за противодействия Франции, а также потому, что Англия и Советская Россия (глава делегации — нарком по иностранным делам Г.В. Чичерин) не смогли договориться относительно долгов и обязательств.

После того как советской делегации не удалось в Генуе добиться от западных политиков и дипломатов положительных для себя результатов, она достигла соглашения с германской делегацией, подписав его в местечке Рапалло 16 апреля 1922 года, что западной дипломатией было воспринято весьма болезненно. Один из инициаторов Генуэзской конференции премьер-министр Англии Ллойд Джордж писал по этому поводу: «Величайшая опасность в данный момент заключается, по моему мнению, в том, что Германия может связать свою судьбу с большевиками и поставить все свои материальные и интеллектуальные ресурсы, весь свой огромный организаторский талант на службу революционным фанатикам, чьей мечтой является завоевание мира для большевизма силой оружия. Такая опасность — не химера».

Был ли другой выбор в Генуе? Все документы и факты свидетельствуют о том, что у немцев другого выбора, как подписать данное соглашение, не было. У России же рамки выбора были немного пошире: она могла бы заключить договор и с Западом, но только ценой больших уступок. В результате предпочтение было отдано договору с Германией.

Несколько месяцев спустя (11 августа 1922 года) было заключено временное соглашение о сотрудничестве рейхсвера и Красной Армии. Рейхсвер получил право создать на советской территории военные объекты для проведения испытаний техники, накопления тактического опыта и обучения личного состава тех родов войск, которые были запрещены Германией Версальским договором. Советская же сторона получала ежегодное материальное «вознаграждение» за использование этих объектов немцами и право участия в военно-промышленных испытаниях и разработках.

Обратимся к секретному докладу начальника IV (Разведывательного) Управления Штаба РККА Я.К. Берзина от 24 декабря 1928 года «О сотрудничестве РККА и рейхсвера». «...Переговоры в то время велись членом РВС Союза тов. Розенгольцем и после длительного обмена мнениями осенью 1923 года приняли конкретную форму договоров:

а) с фирмой «Юнкерс» о поставке самолетов и постройке на территории СССР авиазавода;

б) с командованием рейхсвера о совместной постройке завода по выделке иприта (акционерные общества «ВИКО», «Метакхим», «Берсоль»). Далее в 1924 г. через фирму «Метакхим» был принят нашей промышленностью от рейхсвера заказ на 400 000 снарядов для полевых трехдюймовых орудий»[\[295\]](#).

В 1926 году снаряды были переданы немцам. Однако эта акция нанесла Советскому Союзу большой политический ущерб, так как факт изготовления боеприпасов для Германии, по вине германской стороны, стал известен немецким социал-демократам, и они подняли против СССР большую кампанию в прессе. Не дало положительных результатов и сотрудничество с фирмой «Юнкере», которая не исполнила взятые на себя обязательства по поставке в СССР металлических самолетов и не построила запланированного авиазавода. Договор о совместной постройке ипритного завода в 1927 году также был расторгнут из-за невыполнения немцами его условий. Таким образом, первый, трехлетний, период сотрудничества с рейхсвером никакого существенного вклада в совершенствование РККА не внес.

Начиная с 1925 года, когда уже ясно определились неудачи с фирмой «Юнкере» и ипритным заводом, сотрудничество переводится на другие рельсы. Если договорами 1923 года немцы стремились стать поставщиками для СССР в области авиации и химии и тем самым обеспечить за собой влияние на соответствующие отрасли советской промышленности, то с этого времени они более всего были заинтересованы в том, чтобы вскоре приобрести возможно большее влияние на русскую армию и ее виды войск. То есть речь шла о расширении немецкого влияния на организацию и тактическую подготовку Красной Армии.

Сотрудничество в этом направлении принимает более разнообразные формы: взаимное ознакомление с состоянием и методами подготовки обеих армий путем направления командного состава на маневры, полевые учения, академические курсы; совместные химические опыты; организация танковой и авиационной школ; командирование в Германию представителей различных родов войск и специальных управлений (Артиллерийского, Химического, Санитарного и др.) для изучения конкретных вопросов.

Еще в 1925 году немцы согласились допустить (на взаимных началах) пять командиров РККА на свои тактические учения и маневры. В 1926 году, удовлетворенные успешным началом, они ставят вопрос о совместном совещании по оперативным вопросам с целью выработки единства оперативных взглядов. В том же, 1926 году впервые два представителя РККА — М.С. Свечников и А.В. Красильников — допускаются в качестве слушателей последнего курса германской военной академии (академических курсов).

Особо следует сказать о взаимодействии РККА и рейхсвера в трех центрах с кодовыми названиями «Липецк», «Кама» и «Томка». Здесь прошли обучение многие военнослужащие рейхсвера.

В 1924 году на базе Высшей школы летчиков в Липецке началось создание авиационного центра рейхсвера, просуществовавшего почти десять лет под видом 4-го авиационного отряда ВВС РККА. Самолеты сюда доставлялись из Германии под маркой различных технических грузов. По информации начальника Разведуправления РККА Я.К. Берзина, в 1928 году здесь прошли обучение 20 летчиков и 29 летчиков-наблюдателей, а в 1931 году — 21 летчик. В школе не только готовился летный и технический состав, но также проводилась опытно-исследовательская работа, к которой частично привлекались и советские специалисты.

Какое количество немецких летчиков получили подготовку за все время существования липецкой школы? Точных данных на сей счет в отечественных архивах обнаружить пока не удалось. Обращение к немецким источникам дает несколько цифр, отличающихся друг от друга. Так бывший военный атташе Германии в СССР генерал Кестринг в своих мемуарах утверждает, что до закрытия объекта «Липецк» осенью 1933 года здесь было подготовлено не более 300 авиаторов. По свидетельству же бывшего представителя рейхсвера в «Липецке» Х. Шпейделя, этот учебный центр дал германским люфтваффе около 450 летчиков и летчиков-наблюдателей, не говоря уже о достаточно большом количестве хорошо подготовленного наземно-технического персонала^[296]. Есть все основания предполагать, что многие немецкие летчики, ставшие позднее известными, учились именно в Липецке. Повторяем, точных данных на этот счет не имеется, ибо в целях полной секретности данного предприятия рейхсвер увольнял с действительной службы командируемых в Липецк летчиков и механиков на срок их пребывания в СССР и переводил их в статус служащих частных предприятий. В СССР они носили гражданскую одежду, имели паспорта на другую фамилию с указанием вымышленной профессии. Им категорически запрещалось

рассказывать обо всем, что они делали и где были, поэтому их контакты с советскими людьми были крайне ограничены.

Однако, на наш взгляд, вполне можно верить генералу Х. Шпейделю, который со знанием дела утверждает, что именно воспитанники этой школы составили высококвалифицированный костяк офицеров штаба люфтваффе. Некоторые из них, включая и самого Шпейделя, стали генералами ВВС, заняв в них руководящие должности: Штудент, Виммер, Ешонек... Например, Ганс Ешонек вырос до генерал-полковника и начальника штаба у рейхмаршала Геринга. Курт Штудент командовал авиационным корпусом.

По Версальскому договору Германии запрещалось иметь танки, и рейхсвер должен был обходиться без них. Однако, понимая большую будущность танковых войск, немцы с 1926 года приступили к организации танковой школы «Кама» в Казани. Учебные танки доставлялись, как и самолеты, из Германии, их первая партия поступила в марте 1929 года. В школе одновременно обучалось не более 12 человек. Как считают немецкие историки, подготовленная в «Каме» группа танкистов, среди которых было 30 офицеров, послужила основой для создания германских танковых войск. В этой школе учился и будущий генерал вермахта Г. Гудериан, в 1941 году командовавший танковой армией на советско-германском фронте, автор известных трудов о применении танковых войск.

Обучение немецких офицеров в СССР велось не только в Липецке и Казани. Так в 1931 году в Москве проходили дополнительную подготовку будущие военачальники фашистской Германии периода Второй мировой войны: Модель, Горн, Крузе, Файге, Браухич, Кейтель, Манштейн, Кречмер и другие. Например, фон Браухич впоследствии станет главнокомандующим сухопутными войсками вермахта, одним из авторов плана нападения на СССР.

Наиболее засекреченным объектом рейхсвера в СССР являлась «Томка» — химический полигон (школа). С 1926 года химические опыты начались в районе местечка Подосинки, а затем в «Томке», близ г. Вольска. Научно-исследовательские работы в «Томке» велись с условием, что советской стороне будут передаваться новые средства химической борьбы (отравляющие вещества, приборы). На этом химическом полигоне испытывались методы применения отравляющих веществ в артиллерии, авиации, а также средства и способы дегазации зараженной местности.

Важным направлением сотрудничества РККА с рейхсвером стали командировки комсостава в Германию для совершенствования военных знаний. Обратимся еще раз к упомянутому докладу Я.К. Берзина:

«...Переходя к оценке отдельных видов сотрудничества, необходимо сказать, что наиболее ощутимые результаты нам дают поездки нашего комсостава на маневры, полевые поездки и академические курсы Германии. Путем изучения организации отдельных родов войск и постановки штабной работы, методов обучения и подготовки, а также течения военной мысли наши командиры не только приобретают ряд полезных знаний, расширяют свой кругозор, но и получают известный толчок к изучению отдельных вопросов и самостоятельного решения их применительно к нашим условиям. Короче говоря, наши командиры, углубляя свои познания, приобретают так называемую «военную культуру». Пока для нас недоступны другие западноевропейские армии, эту возможность совершенствования ряда наших командиров целесообразно и необходимо сохранить»[\[297\]](#).

Как уже отмечалось, первая поездка советских командиров в Германию на маневры состоялась в 1925 году. В последующие годы такие выезды осуществлялись планомерно и систематически. В организационном плане данным вопросом занимались Управление по командному и начальствующему составу РККА и IV (Разведывательное) Управление Штаба Красной Армии. Наибольшая интенсивность подобных командировок приходится на 1929 и 1930 годы. Документы этих лет убедительно показывают напряженную работу названных управлений.

«Начальнику IV Управления Штаба РККА

В связи с тем, что командировки начсостава РККА за границу с учебной целью начинают принимать планомерный характер и в соответствии с постановлением РВС СССР должен быть расширен в отношении специалистов: артиллеристов, инженеров и пр., — полагал бы необходимым установить определенный нормальный порядок отбора и утверждения кандидатов и реализации командования, дабы избежать случаев подбора кандидатов без достаточной увязки с аттестационными данными и предназначениями...

Начальник Командного управления ГУ РККА

Гарькавый

2 апреля 1929 г.»[{298}](#)

«Начальнику Управления по комсоставу

тов. Гарькавому

Сообщаю, что по вопросу о подборе кандидатов при командировании работников РККА за границу с учебной целью я целиком согласен с предлагаемым Вами порядком подбора и согласования кандидатур.

Практика в прошлом показала, что определение количества лиц, предназначаемых к командированию, устанавливалось в процессе нашего сотрудничества с немцами на основах взаимности и цифра эта потом докладывалась непосредственно наркому, который и давал указание о подборе кандидатов штабу РККА, утверждая персонально каждого кандидата...

Начальник IV Управления Штаба РККА

Берзин

13 апреля 1929 г.»[{299}](#)

«Командующему войсками БВО

В учебную командировку в Германию наркомом утвержден стажирующийся по должности командира 15-го стрелкового полка т. Венцов.

Прошу Вашего распоряжения о командировании его в распоряжение начальника IV Управления Штаба РККА к 25 мая с.г. с соблюдением необходимой конспирации командировки.

Тов. Венцов должен иметь при себе военный костюм (плащ, фуражка, сапоги, гимнастерка из коричневой саржи и бриджи из мериноса); штатский костюм и комплект снаряжения он получит в IV Управлении Штаба РККА.

Назначение командира 15-го стрелкового полка последует в ближайшее время.

Начальник Командного управления

Гарькавый

7 мая 1929 г.»[300](#)

«Командующему войсками БВО, члену РВС СССР Егорову Александру Ильичу

Для продолжения изучения нами рейхсвера и в связи с прохождением Вами 3 курса Германской военной академии, на зиму текущего года, до 1 мая 1930 г. Вам предстоит командировка в Германию.

Предлагаю, сдав должность своему заместителю, немедленно прибыть в Москву для убытия в командировку.

Оформление Вашего отъезда — через IV Управление Штаба РККА.

Нарком по Военным и Морским Делах и

Председатель РВС СССР

ноябрь 1930 г.»[301](#)

Аналогичного содержания телеграммы в ноябре 1930 года были направлены в адрес командующих войсками военных округов К. А. Авксентьевского (ККА), П.Е. Дыбенко (САВО).

А вот как было сформулировано на осень 1929 года задание командирам РККА, выезжающим в Германию:

I. Основная задача:

Изучить ряд организационных и технических проблем:

а) Постановка дела подготовки работников военных сообщений, в частности изучение вопросов о методике планирования и выполнения военных перевозок и организации военных игр с ВОСистемами.

Знакомство с подготовкой безрельсового шоссейного строительства.

б) Организация управления войсковым и армейским тылом. Войсковое управление.

в) Организация и возведение долговременных оборонительных сооружений (главным образом организация и техника бетонных работ).

г) Ознакомление с военной промышленностью.

II. Дополнительная задача:

В соответствии с ранее ставившимися задачами продолжать изучать постановку подготовки офицеров и общее состояние рейхсвера.

III. Состав командиремых:

Исходя из ставящихся задач, необходимо и соответственно подобрать группу командиремых...

Все подгруппы должны быть в известной мере самостоятельны в своей работе и через IV Управление быть непосредственно связаны с соответствующими управлениями.

IV. Задания:

Выработка конкретных заданий могла бы быть поручена непосредственно соответствующим управлениям и ими же намечены, по согласованию с Командным управлением, соответствующие кандидатуры^{302}.

В Российском государственном военном архиве (фонд ГУК) имеются различные материалы о командировках командного состава РККА в Германию в 20-е и 30-е годы. Приведем один документ, имеющий непосредственное отношение к теме нашего исследования.

СПИСОК

начальствующего состава РККА, бывшего в заграничных учебных командировках^{303}

1926 год

1. Вакулич П.И. — пом. нач. 1 Управл. Штаба РККА (2 мес.)
2. Косогов И.Д. — пом. инспектора кавалерии РККА (2 мес.)
3. Петровский Л.Г. — нач. штаба 74 сд (2 мес.)
4. Филиппов — нач. штаба 6 сд (2 мес.)
5. Иссерсон Г.С. — нач. штаба 10 стр. корпуса (2 мес.)
6. Малиновский — в распоряж. РВС СССР (2 мес.).
7. Туровский С.А. — командир 11 сд (2 мес.)
8. Рубин И.Г. — на стажировке в должн. комполка (2 мес.)
9. Мироевский М.Е. — нач. артиллер. школы (2 мес.)
10. Муев Д.Д. — нач. Киевской арт. школы (2 мес.)

1927 год

1. Федько И.Ф. — нач. штаба СКВО (2 мес.)
2. Бобров Б.И. — зам. нач. штаба БВО (2 мес.)
3. Дубовой И.Н. — командир 14 стр. корпуса (2 мес.)
4. Куйбышев Н.В. — комвойск СибВО (2 мес.)
5. Триандафилов В.К. — зам. нач. Штаба РККА (2 мес.)
6. Нечаев — командир арт. полка (2 мес.)
7. Жигур Я.М. — зам. нач. 3 отдела IV Упр. Штаба РККА (2 мес.)

8. Зуев — пом. нач. 4 отдела 1 Упр. Штаба РККА (2 мес.)

9. Фельдман Б.М. — нач. штаба ЛВО (2 мес.)

10. Голубев К.Д. — нач. штаба 20 сд (2 мес.)

11. Трифонов А.П. — нач. штаба 18 стр. корпуса (2 мес.)

12. Баторский М.А. — командир 4 кавал. корпуса (2 мес.)

1928 год

1. Федько И.Ф. — нач. штаба СКВО (2 мес.)

2. Бобров Б.И. — зам. нач. штаба БВО (2 мес.)

3. Серпокрылов М.С. — на стажировке в должн. комполка (2 мес.)

4. Якир И.Э. — комвойск УВО (2 мес.)

5. Эйдеман Р.П. — начальник Военной акад. им. М.В. Фрунзе (2 мес.)

6. Тодорский А.И. — пом. комвойск БВО (2 мес.)

7. Бобров Н.М. — нач. артиллерии УВО (2 мес.)

1928 год

1. Уборевич И.П. — 13 месяцев

2. Эйдеман Р.П. — 4 месяца

3. Аппога Э.Ф. — 4 месяца

1929 год

1. Якир Н.Э. — комвойск УВО (1 год)

2. Зонберг Ж.Ф. — командир 6 стр. корпуса (1 год)

3. Степанов В.А. — нач. отдела 1 Упр. Штаба РККА (1 год)

4. Лацис Я.Я. — командир 16 стр. корп. (6 мес.)

5. Лонгва Р.В. — командир. 43 стр. див. (6 мес.)

1929 год (июль)

1. Данненберг Е.Е. — командир 24 сд (3,5 мес.)

2. Катков А.В. — командир 40 стр. полка (3,5 мес.)

3. Калмыков М.В. — командир 1 стр. корпуса (3,5 мес.)

4. Меженинов С. А. — пом. нач. Упр. ВВС РККА (3,5 мес.)

5. Розынко А.Ф. — нач. артиллерии МВО (3,5 мес.)

6. Венцов С.И. — нач. II Упр. Штаба РККА (3,5 мес.)
7. Федотов А.В. — нач. Ленинградской арт. школы (3,5 мес.)
8. Зюзь-Яковенко Я.И. — пом. нач. Упр. В/уч. завед. РККА (3,5 мес.)

1930 год (январь)

1. Лепин Э.Д. — командир 13 стр. корпуса (1,5 мес.)
2. Админ — адъютант Воен. акад. им. Фрунзе (1,5 мес.)
3. Дрейер А.И. — инженер Военно-строит. упр. (1,5 мес.)
4. Дубов А.Г. — инженер Военно-строит. упр. (1,5 мес.)
5. Чернобровкин С.А. — командир 5 авиабригады (1,5 мес.)
6. Малошицкий — нач. штаба 95 артполка (1,5 мес.)

1930 год (1 апреля)

1. Германович М.Я. — пом. комвойск САВО (6 мес.)
2. Великанов М.Д. — пом. комвойск СибВО (6 мес.)
3. Кит-Вийтенко И.П. — адъютант Воен. акад. им. М.В. Фрунзе (6 мес.)
4. Беляков С.Я. — командир артполка 2 Кавказской сд (6 мес.)

1930 год (март)

1. Железняков Я.М. — член НТК Артиллер. упр. РККА (в САСШ)
2. Заходер В.Н. — член НТК Артиллер. упр. РККА
3. Красильников — гидрограф-геодезист Управл. ВМС

1930 год (май)

1. Белов И.П. — комвойск СКВО
2. Котов Н.Я. — пом. нач. Воен. акад. им. М.В. Фрунзе
3. Капуловский И.Д. — пом. нач. Командного упр. ГУРККА
4. Михайловский Г.Д. — командир МПСД
5. Магер М.П. г — командир 11-й Северо-Кавказской кд
6. Картаев Л.И. — нач. отдела 3 Упр. Штаба РККА
7. Кокадеев — адъютант В/технич. акад. РККА

1931 год (январь)

1. Егоров А.И. — комвойск БВО (5 мес.)

2. Авксентьевский К.А. — комвойск ККА (5 мес.)
3. Кручинкин Н.К. — представитель ОГПУ (5 мес.)
4. Дыбенко П.Е. — комвойск САВО (5 мес.)

Представленный список является далеко не полным, в частности за 1931 год. Так, кроме названных в нем лиц, в этом же году Германию посетили на срок от двух до четырех месяцев и другие представители высшего и старшего состава РККА: заместитель начальника вооружений Красной Армии Н.А. Ефимов, начальник Военно-технического управления Н.М. Синявский, начальник 3-го Управления Штаба РККА Э.Ф. Аппога, начальник 7-го (Топографического) Управления Штаба РККА И.Ф. Максимов, начальник Управления военно-конных заводов Г.В. Александров, начальники штабов военных округов: Московского — К.А. Мерецков, Белорусского — С.И. Венцов, Северо-Кавказского — С.М. Белицкий, Ленинградского — В.П. Добровольский, Украинского — Д.А. Кучинский и другие. Некоторые из них, наряду с основным заданием, имели и специальные поручения разведывательного характера.

Помимо этих лиц в 1931 году в Германию было также командировано большое количество различных специалистов для изучения военно-технических, оперативно-тактических вопросов и несколько переводчиков из числа слушателей Военной академии имени М.В. Фрунзе. Все они после окончания командировки представили подробные доклады и материалы, которые в соответствующих управлениях были признаны весьма ценными.

Организацию штабной службы в рейхсвере изучали В.К. Путна, Б.М. Фельдман и Г.М. Штерн; методику организации авиации — Я.И. Алкснис и С. А. Меженинов. Для ознакомления с германскими военными заводами выезжали И.П. Уборевич, В.К. Триандафилов, Я.К. Берзин (1930 г.). Для той же цели, а также для посещения маневров в Германию в 1932 году ездили заместитель наркома по военным и морским делам М.Н. Тухачевский и начальник Главного Управления РККА Б.М. Фельдман.

В последующие годы, включая и 1933-й, когда к власти в Германии пришли фашисты, там побывали командующий войсками СибВО М.К. Леван-довский, помощники командующих войсками военных округов: Украинского — И.Н. Дубовой (1933 г.), Северо-Кавказского — В.М. Примаков.

Политбюро ЦК ВКП(б) и лично И.В. Сталин были в курсе всех событий, касающихся взаимоотношений РККА и рейхсвера. О том, что это действительно так, свидетельствуют приводимые ниже документы, относящиеся к 1928 — 1929 годам.

«Ворошилов — Сталину 28 декабря 1928 г. Совершенно секретно

Прошу поставить на ближайшем заседании Политбюро следующие вопросы:

1. О приезде в СССР полковника Миттельбергера, ближайшего сотрудника начальника рейхсвера генерала Хайе по русским вопросам.
2. О взаимной командировке командиров РККА и рейхсвера в Германию и СССР на военные занятия и маневры в 1928 г.

По существу этих вопросов сообщая:

Рейхсвер желает командировать полковника. Миттельбергера в СССР для ознакомления с имеющимися у нас немецкими учреждениями в Липецке и Казани и некоторыми учебными заведениями РККА.

Полагаю, что поскольку немцы дали возможность прибыть в Германию на учебу соответствующим работникам РККА — т.т. Уборевичу, Эйдема-ну, Аппоге, — мы не имеем формального повода не удовлетворить просьбу немцев.

Вопрос о взаимном обмене командирами для участия на полевых занятиях и маневрах РККА и рейхсвера поднят одновременно немцами и нами. Опыт прошлого года (на наших маневрах и тактических занятиях участвовало 7 офицеров рейхсвера и нами было командировано в Германию для этой же цели 11 командиров РККА) — дал для РККА весьма ценные результаты.

Полагал бы целесообразным и в этом году организовать взаимную поездку командиров в размере 1927 года.

С коммунистическим приветом.

Ворошилов»[\[304\]](#)

Оценку важности налаживания взаимоотношений между рейхсвером и РККА можно увидеть в докладе И.П. Уборевича, находившегося в Германии дольше других советских военачальников: за годичный срок он всесторонне ознакомился с ее вооруженными силами. Вот некоторые его наблюдения и выводы, относящиеся к январю 1929 года:

«...Использование 13-месячного моего пребывания в Германии свелось к работе по следующим периодам:

1. Зимний период — Военная Академия (3 курс), военные училища, архив, изучение отдельных вопросов со специалистами рейхсвера и военные игры.
2. Летний период — четыре полевые поездки: одна — Генерального штаба — оперативно-тактическая, другая — авиационная, третья — по службе снабжения тыла и четвертая — с преподавателями тактики.
3. Следующий период был — пребывание во всевозможных родах войск: артиллерия, пехота, кавалерия, саперно-понтонные части, связь, зенитный сбор и заключительный период — пребывание на четырех маневрах рейхсвера (маневры 15 полка, маневры усиленной 2 дивизии, маневры усиленной 3 дивизии и большие маневры).

Задачей своей работы за все истекшие периоды я поставил не только личное усовершенствование по тем или иным вопросам, но и общее изучение оперативных, тактических, организационных, технических взглядов немцев о современной армии, методики подготовки войск и постановки образования и службы Генштаба.

Нагрузка была большая, так, например, в одних разъездах пришлось пробыть 7 с половиной месяцев...

... Мое мнение по этому вопросу — связи и сотрудничество таково, что немцы являются для нас единственной пока отдушиной, через которую мы можем изучать достижения в военном деле за границей, притом у армии, в целом ряде вопросов имеющей весьма интересные достижения... В

итоге пребывания удалось установить методику подготовки генштабистов, методику проведения полевых поездок, методику обучения войск в проведении маневров, так сказать, все основные вопросы подготовки армии мирного времени. В этом отношении нужно сказать, что очень многому удалось поучиться и многое еще остается нам у себя доделать, чтобы перейти на более совершенные способы боевой подготовки армии... Сейчас центр тяжести нам необходимо перенести на использование технических достижений немцев...

...Немецкие специалисты, в том числе и военного дела, стоят неизмеримо выше нас... Во всяком случае, у них многому можно научиться...»[\[305\]](#)

О чем еще писали в своих регулярных отчетах, докладных записках эти будущие «немецкие шпионы»? Что они докладывали в Москву, ознакомившись с положением дел в соответствующих частях, учреждениях, военно-учебных заведениях рейхсвера? Не будем цитировать докладов военных атташе в Германии (Корк, Левичев), обратимся к другим документам, подготовленным командированными в Германию, в частности к их письмам в адрес Ворошилова.

Из письма Ивана Панфиловича Белова, командующего войсками СКВО, посетившего военно-учебные заведения рейхсвера. Письмо датировано 7 октября 1930 года. «...Дрезденская и другие школы рейхсвера, несомненно, являются средоточием учебного опыта германской армии. Полезно было бы для нас добиться у немцев, чтобы они некоторых наших командиров допустили на длительное пребывание в школах...

Когда смотришь, как зверски работают над собой немецкие офицеры от подпоручика до генерала, как работают над подготовкой частей, каких добиваются результатов, болит нутро от сознания нашей слабости. Хочется кричать благим матом о необходимости самой напряженной учебы — решительной переделки всех слабых командиров в возможно короткие сроки...

Мы имеем прекрасный человеческий материал в лице нашего красноармейца; у нас неплохие перспективы с оснащением армии техникой. Нужны грамотные в военно-техническом отношении командиры, мы должны их сделать... В немецком рейхсвере неисполнения приказа нет»[\[306\]](#).

Помимо сказанного, Белоз в данном письме отмечает также значительные преимущества в обучении германских солдат по сравнению с бойцами РККА на примере Дрезденской школы. При этом он подчеркивает безграмотность некоторых командиров РККА и делает следующий «убийственный» вывод: «Кто не учится и занимает должность, тот преступник перед революцией».

Интересно мнение очевидца событий, предшествующих приходу Гитлера и его партии к власти и последующего периода. Такие наблюдения находим в письме командующего войсками СибВО М.К. Левандовского наркомму Ворошилову от 28 февраля 1933 года. «...Местное внутривнутриполитическое положение к сегодняшнему дню рисуется в следующем виде: наци в своей предвыборном рвении, за последние 8 — 10 дней, помимо зверских репрессий по отношению к компартии, самым наглым образом и систематически занимаются травлей Советского Союза и, конечно, не только с ведома, но и при явном попустительстве и прямом покровительстве со стороны правительства...»[\[307\]](#)

Обращает на себя внимание следующий факт: командующие войсками округов А.И. Егоров (БВО) и М.К. Левандовский (СибВО) — с наркомом на «ты», что говорит о значительном демократизме отношений в среде высшего командного состава РККА в те годы. Добавим только, что в 1937 году от

прежних взаимоотношений между названными лицами не останется и следа: подобного Ворошилов допустить уже не мог — другие настали времена.

Все командиры РККА, побывавшие в Германии во второй половине 20-х годов, в один голос утверждали об усилении реваншизма в этой стране и в ее армии. О том, в частности, писали в своем докладе «пионеры» укрепления взаимоотношений рейхсвера и РККА, преподаватели Военной академии имени М.В. Фрунзе М.С. Свечников и А.В. Красильников еще в начале 1927 года.

«Из вынесенных нами впечатлений и частных разговоров с отдельными представителями Генерального штаба, близкими к политической жизни Германии, можно заключить, что рейхсвер вообще, и Генеральный штаб в частности крайне отрицательно относятся к существующему демократическо-парламентскому строю, руководимому социал-демократической партией... Целый ряд унижающих достоинство Германии фактов со стороны союзнической комиссии разжигают еще больше шовинистические настроения не только рейхсвера, но и в широких мелкобуржуазных слоях.

Неизбежность реванша очевидна. Во всем сквозит, что реванш есть мечта германского Генерального штаба, встречающего поддержку в крайних правых фашистских группировках Германии. Необходимой предпосылкой успешного ведения войны считается установление диктатуры и сведение парламентского строя на нет...»[{308}](#)

Заметим, что данные строки были написаны ровно за шесть лет до прихода Гитлера к власти и за двенадцать с лишним лет до начала Второй мировой, войны. О том же докладывал и заместитель наркома — начальник вооружений РККА И.П. Уборевич в январе 1929 года: «...Большинство думают, что условия Версальского договора будут вернее всего разрублены новой войной военным путем, к чему и надо как следует готовиться...»[{309}](#)

Ему вторит Левандовский в письме «О некоторых политических на-строениях в германском рейхсвере и некоторых моментах политрабты за время нашего пребывания в Германии», датированном 19 июля 1933 года:

«...Рейхсвер не выступит против фашизма, а, наоборот, борьба против Версаля, против марксизма его объединит с наци... Каковы перспективы офицерства рейхсвера? На это может быть дан короткий ответ: или перейти к наци окончательно, или быть вычищенными. Конечно, большинство из этого офицерства будут у наци, и сегодня они явятся тем костяком, на котором и развернется массовая фашистская армия...»[{310}](#)

В данном письме Левандовский сравнивает РККА и рейхсвер в политическом и военно-техническом отношении и делает из этого вполне определенные выводы. Есть там и преувеличения в оценках, элементы шапкозакидательства, и нотки подхалимажа перед наркомом, и некоторое расхождение с мнением других военачальников, бывших вместе с ним в Германии. Судите сами. «...Сравнение (с германской армией) необходимо главным образом для того, чтобы еще лишний раз показать, какие колоссальные успехи в боевой подготовке Красная Армия имеет под Вашим руководством и как она уже на сегодняшнем этапе в области размаха практической теории и научной установки в вопросах высшего тактического и оперативного искусства стала обгонять некоторые капиталистические армии, хотя бы для примера — германскую...

...Наша страна под руководством партии создала и вырастила именно такую армию, которая, имея у себя все современные технические средства борьбы, на сегодняшнем этапе своей учебы не только догоняет, но и начинает перегонять в области военно-научной мысли германскую армию.

Германская армия лишена современной техники, на сегодняшний день не может гарантировать страну от различных случайностей. Германская армия, не будучи обеспеченной новейшими средствами борьбы, является армией уже устаревшей на сегодняшнем этапе и отсталой от передовых в военно-техническом отношении других армий и, конечно, Красной Армии.

Глубокой операции и глубокого боя они не проигрывают, не изучают, и на основании многочисленных частных бесед можно сделать вывод, что они этих принципов не знают... Решающим фактором, определяющим методику в подготовке командира, имеет его общеобразовательный и культурный уровень до поступления в армию. У нас в этом отношении резко бросается в глаза низкий уровень общеобразовательной подготовки командира...

Об авиадесантах нигде ни разу не упоминалось и совершенно ни одного слова не говорилось. В частных неоднократных беседах довольно большая руководящая часть офицерства называет авиадесанты «утопией».

У нас. Моторизованные части в условиях нашей обстановки и учебы являются средством широкого, большого и решающего маневра. Моторизованные соединения, соединенные живой силой, дают возможность концентрированного массового мощного удара живой силой в необходимом месте и в нужное время.

У них. Разницы в использовании моторизованных частей между нашими установками и немецкими нет. Наличие в стране большого количества автомобилей позволяет немцам свободно использовать этот транспорт для широкого маневра, тем более, что условие дорог (шоссе) этому благоприятствует. Широкая сеть железных дорог позволяет широко применять комбинированный маневр железных дорог и моторизованного транспорта.

Выводы. Наглядная картина из сопоставления учебы нашей армии с германской заставляет сделать следующий вывод:

1. В условиях технически оснащенной армии, многогранности самой оперативной и тактической учебы, глубины содержания задач — наша Красная Армия стоит выше германской.
2. Германская армия на сегодняшнем ее этапе не является показательной для нашего командира»[{311}](#).

Письмо М.К. Левандовского по своему содержанию несколько противоречиво. Основная его нестыковка в том, что оно в главном своем выводе (под номером 1) расходится с положениями другого письма, написанного им же в апреле 1933 года совместно с В.Н. Левичевым (военным атташе СССР в Германии), И.Н. Дубовым, В.М. Примаковым и С.П. Урицким после посещения ими военных школ: пехотной — в Дрездене, артиллерийской — в Ютеборге, саперной — в Мюнхене и кавалерийской — в Ганновере.

«...Нам думается, что в области моторизации, артиллерийского оружия и средств связи немцы стоят гораздо выше, чем это нам показывают. Убеждает нас в этом то, что Германия стоит на весьма высоком уровне моторизации, машиностроения и электротехники... Наши вузы являются кузницей массового производства, у них — поштучного — строго по заказу; и наши школы стоят

ближе к условиям военного времени, чем немецкие. Политическое воспитание в общей учебной программе их не занимает столько времени, сколько должно занимать в Армии пролетарского государства... У нас в школах есть тенденция самоподготовку превращать в коллективную, в бригадную подготовку. Для командира же совершенно необходимо воспитать навыки к самостоятельной работе. В немецкой школе на это делается большой упор, и действительно получают в результате вполне самостоятельных командиров»[\[312\]](#).

Оценивая политическую роль рейхсвера и его позиции в конце 20-х и начале 30-х годов, некоторые советские военачальники делали весьма важные выводы о его сотрудничестве с РККА. Так, в письме Ворошилову от 13 июля 1930 года Уборевич писал: «...Рейхсвер в своих отношениях с нами стоит сейчас в известной мере на перепутье. От нас отчасти зависит, в какую сторону эти отношения будут развиваться...»[\[313\]](#)

Анализ, проведенный командирами РККА, неплохо изучившими положение дел в рейхсвере и в Германии, оказался достаточно глубоким и дальновидным, что положительно характеризует их не только как крупных военачальников. Он лишней раз подчеркивает наличие государственного подхода к важной проблеме, их острый ум, свежий взгляд на вещи, явления и события, доказывает, что кадровая политика ВКП(б) в военном строительстве имела значительные успехи. Фактом остается и то, что руководители такого высокого ранга подбирались не только с позиций лояльности к существующей власти и личной преданности наркому Ворошилову, но прежде всего по деловым качествам, организаторским способностям, умению мыслить по-государственному.

Опытные военачальники Красной Армии, приезжавшие под вымышленными именами в Германию по различным вопросам советско-германского сотрудничества, прекрасно понимали, что разведорганы рейхсвера не оставят их без пристального внимания. Более того, в отчетах, доклад: ных записках и письмах они неоднократно отмечали, что в своей работе по изучению интересующих их сторон жизни и деятельности рейхсвера им постоянно приходится контактировать с начальником русского сектора разведотдела германского генерального штаба майором Шпальке. Это имя впоследствии будет часто встречаться в следственных материалах по обвинению М.Н. Тухачевского и его группы. А несколько позже оно появится в подобных же документах по обвинению лиц, входивших в состав Специального судебного присутствия, которые в разные годы по разнарядке Штаба РККА побывали в Германии.

Не только военачальники, но и специалисты различного профиля не раз докладывали в соответствующие инстанции о том, что прикомандированные к ним немецкие переводчики по всем параметрам являются штатными сотрудниками разведорганов Германии. В числе таких переводчиков называлось, например, имя Гартмана, впоследствии военного атташе при германском посольстве в СССР. В 1937 — 1938 годах оно, это имя, всплывет в следственных делах некоторых командиров РККА как лицо, проводившее их вербовку в шпионы.

На предварительном следствии от Тухачевского, Якира, Путны, Фельдмана и других лиц, проходивших по этому групповому делу, были получены показания о том, что они занимались шпионажем в пользу иностранных государств, передавая им секретные сведения военного характера. Например, Тухачевский показал, что еще в 1925 году он передал польскому шпиону Домбалью данные о состоянии частей РККА и сведения о железнодорожных перевозках. При рассмотрении же дела в суде Тухачевский от этих показаний отказался и заявил, что он знал Домбалью не как шпиона, а как члена ЦК Компартии Польши и честного человека.

Из материалов дела Тухачевского видно, что особое место в показаниях арестованных военачальников занимает утверждение о том, что они в течение ряда лет поддерживали шпионские связи с представителями германского генерального штаба. Так, Тухачевский показал» что в 1931 году он установил тесную связь с начальником генерального штаба рейхсвера генералом Адамом и офицером этого штаба Нидермайером, который «усиленно его обрабатывал».

Незаурядная личность Нидермайера, его деятельность в качестве разведчика на Ближнем Востоке и в СССР заслуживают отдельного повествования. Оно получилось бы не менее захватывающим и интригующим, нежели приключения небезызвестных Лоуренса Аравийского или Сиднея Рейли. Мы же вынуждены ограничиться здесь только короткой информацией.

Справка. Оскар Фон Нидермайер, 1885 года рождения, уроженец города Фрайсинг (Бавария), сын архитектора. Службу в германской армии начал в 1905 году в артиллерии. Окончив военную школу, с 1912 по 1914 г. в составе экспедиций в Персию, Индию, Египет, Палестину, Сирию выполнял, помимо научных задач, и задания разведывательного характера. Перед началом Первой мировой войны был в секретной командировке во Франции. С началом боевых действий был направлен генеральным штабом на Ближний Восток, где пытался склонить руководство Афганистана к вступлению в войну на стороне Германии, а также предпринял действия по организации повстанческого движения против англичан в Иране, Индии. По возвращении из этой опасной командировки в 1916 году Нидермайер был с почетом принят кайзером Вильгельмом. Он представляется к высшему ордену государства и зачисляется на службу в Генеральный штаб.

Владея шестью иностранными языками, Нидермайер был чрезвычайно ценным сотрудником спецслужб Германии. Хорошее знание русского языка, широкий кругозор, умение разбираться в сложных военно-политических вопросах, богатый опыт разведчика предопределили дальнейшую его специализацию. Не успев окончить курса наук в Мюнхенском университете, капитан Нидермайер, после короткого пребывания в должности адъютанта военного министра, в конце 1920 года назначается руководителем специального подразделения по германо-советскому сотрудничеству при главнокомандующем сухопутными войсками генерале фон Секте.

Впервые Нидермайер появился в Советской России в 1921 году, когда для взаимодействия с РККА в министерстве вооруженных сил Германии (рейхсвере) была создана специальная группа и ее представитель (Нидермайер) вместе с военной миссией прибыл в Москву для соответствующей «рекогносцировки». В конце 1923 — начале 1924 года в Москве появилось представительство этой группы под названием «Московский центр». Возглавил центр полковник Нидермайер. В марте 1924 года начался обмен мнениями на секретных переговорах о строительстве в СССР самолетов, подводных лодок, боеприпасов для Германии.

Нидермайер в течение десяти лет (до конца 1931 года) курировал все общие вопросы военного сотрудничества РККА и рейхсвера. Хорошо изучив за эти годы Красную Армию, он в начале 30-х годов загорелся желанием написать о ней книгу, намереваясь издать ее в Германии. Изменившаяся обстановка в стране, вызванная приходом Гитлера к власти, нарушила, видимо, творческие планы Нидермайера, и книга о Красной Армии (в популярном изложении) так и не вышла в свет.

В ходе реабилитации М.Н. Тухачевского было отмечено, что Нидермайер в указанный им (Тухачевским) период времени являлся специальным представителем рейхсвера в СССР и в силу имевшихся тогда соглашений осуществлял его связь не только с командованием РККА, но и с

органами НКВД. Об этом прекрасно были осведомлены соответствующие отделы контрразведки СССР. Кроме того, по информации Разведывательного управления Штаба РККА, Нидермайер относился к числу противников гитлеризма и к сторонникам дружбы Германии и СССР на взаимовыгодных условиях. Имеются сведения о том, что в 1936 году по линии разведки от Нидермайера была получена ценная информация.

Под углом зрения проводившихся в СССР и РККА репрессий представляет, на наш взгляд, интерес последующая судьба этого кадрового германского разведчика. После возвращения из СССР он перешел на преподавательскую работу при кафедре военных наук Берлинского университета. С мая 1941 года служил в вермахте, готовил командные кадры и командовал дивизией. В 1944 году был назначен командующим так называемыми «добровольческими» формированиями вермахта, созданными в основном из советских военнопленных, изъявивших желание служить «великой Германии». В сентябре того же года Нидермайер по доносу был арестован гестапо и до апреля 1945 года сидел в тюрьме Торгау. При эвакуации тюрьмы бежал в англо-американскую зону. Оттуда он был передан представителям Красной Армии.

Будучи арестован в мае 1945 года советской контрразведкой, Нидермайер в ходе следствия дал следующие показания о своей работе в СССР в 20-е годы: «На банкетах и приемах я познакомился и имел беседы со следующими лицами: Тухачевским, Уборевичем, Якиром, Корком, Блюхером... Признаю, что, находясь в Советском Союзе, я с 1924 по 1927 г. занимался разведывательной деятельностью в пользу Германии... Однако я утверждаю, что кроме Готфрида я других агентов не имел... В 1927 г. я получил приказ... о прекращении разведывательной работы в СССР...»[\[314\]](#)

Следствие длилось долгих три года. В 1948 году Нидермайер постановлением Особого совещания при МГБ СССР был осужден на 25 лет лишения свободы. После приговора его следы теряются в недрах ГУЛАГа. Видимо, как и многие другие лица из числа военнопленных, он, отбывая наказание, умер, поскольку к тому времени имел открытую форму туберкулеза[\[315\]](#).

Из показаний большинства обвиняемых по делу Тухачевского видно, что они поддерживали связь с германским военным атташе в Москве полковником Кестрингом (вскоре он станет генералом), которому якобы передавали секретные сведения, используя в этих целях главным образом встречи во время официальных дипломатических приемов.

Абсурдность таких обвинений подтверждают сами немецкие военные разведчики. Так, в ходе дополнительной проверки дела Тухачевского и его товарищей в Главной военной прокуратуре были изучены материалы архивно-следственного дела по обвинению бывшего генерал-майора вермахта К.А. Шпальке, о котором мы упоминали, арестованного в 1947 году сотрудниками Министерства госбезопасности (МГБ) СССР. Эти материалы свидетельствуют о том, что Шпальке действительно с 1925 по 1937 год служил в разведорганах рейхсвера и вермахта, специализируясь на сборе данных о Советском Союзе и его вооруженных силах. На следствии в МГБ он показал, что в 1926 году был прикреплен, как представитель германского генштаба, к командирам Красной Армии, приезжавшим к ним в страну для участия в маневрах и на учебу. В числе таких лиц Шпальке назвал Якира, Примакова, Путну и других, однако, по его настойчивому утверждению, никаких данных разведывательного характера он от них не получал.

Являясь руководителем отдела, ведающего разведкой против СССР и Красной Армии, Шпальке, как это видно из его следственного дела, был близко связан с Кестрингом. И тем не менее Шпальке на следствии упорно доказывал, что от Кестринга никаких агентурных материалов не

поступало и вся его информация основывалась на официальных сведениях и сообщениях немецких офицеров, приезжавших в СССР для участия в маневрах и учениях.

Шпальке также показал, что когда германскому генеральному штабу стало известно о том, что Кестринг фигурирует в материалах процесса Тухачевского как «фашистский генерал в Москве», имеющий преступную связь с «заговорщиками», тому порекомендовали написать опровержение в наркомат иностранных дел СССР. Что Кестринг и сделал незамедлительно. В этом документе он всячески пытался доказать свою непричастность к делу о военном заговоре. По свидетельству генерала Шпальке, Кестринг возмущался выдвинутыми против него обвинениями и утверждал, что никаких связей агентурного плана среди командного состава Красной Армии у него нет и никогда не было. Конечно, полных показаний подсудимых германское посольство не имело, ибо процесс над группой Тухачевского был закрытым и их сведения о нем носили преимущественно общий характер. Иначе Кестрингу пришлось возмущаться бы еще больше. Ну хотя бы такими показаниями Бориса Фельдмана, данными им на допросе 9 июня 1937 года (за два дня до суда):

«...Мне стало в 1935 г. известно, что Тухачевский передает генералу Кестрингу сведения о состоянии вооружения РККА и другие данные. Подтверждаю, что я сам лично сообщил Кестрингу сведения о состоянии подготовки начсостава запаса и системе приписки...»[\[316\]](#)

Итак, Тухачевского обвиняли в том, что он в свое время установил тесную связь с начальником Генерального штаба рейхсвера генералом Адамом. Но тогда ведь точно такого же обвинения заслуживает и «шеф» Тухачевского — нарком Ворошилов, ибо они оба в конце 1931 года встречались и беседовали с Адамом, обсуждая многие вопросы сотрудничества между двумя армиями. Более того, генерал Адам прибыл в СССР не по собственной инициативе, а по официальному приглашению руководителя советского военного ведомства. Поэтому тут и речи быть не может о какой-то тайной связи между Адамом и Тухачевским.

Безусловно, Тухачевский очень интересовал немецкую сторону в силу своей должности начальника вооружений РККА и заместителя наркомвоенмора. О том свидетельствуют приводимые ниже фрагменты из недавно рассекреченных документов. Они же, эти документы, убедительно показывают, что о контактах (служебных, официальных и неофициальных) Тухачевского с представителями рейхсвера были хорошо осведомлены Сталин, Ворошилов и сотрудники Особого отдела ОГПУ-НКВД. Так почему же Сталин, выступая 2 июня 1937 года на заседании Военного совета при наркоме обороны, бросил тяжкое обвинение в шпионаже в пользу Германии арестованным военачальникам? И сделал он это, используя подтасовку фактов и смещение акцентов. У непосвященного читателя вполне может сложиться впечатление, что Сталин ничего не знал о существовавших контактах между РККА и рейхсвером в 20-х и начале 30-х годов. Приводимые документы начисто опровергают такой вывод. Они показывают, что Сталин, выступая 2 июня перед участниками Военного совета, нагло врал, сознательно обманывая людей, ибо в действительности он все знал об этих контактах. Более того, без его ведома и согласия Ворошилов не принимал никаких важных решений в своем наркомате, тем более в области внешних сношений.

Из личного письма посла Германии в СССР Г. фон Дирксена своему другу фон Бюлову в Берлин (17 октября 1931 г.): «...Неделю тому назад сюда прибыл генерал Адам с двумя лицами из Министерства рейхсвера и, таким образом, после ряда предварительных осложнений, это посещение в настоящее время состоялось. К счастью, это посещение до сих пор оправдывает те надежды, которые на него возлагались. Между Адамом и Народным комиссаром по военным делам Ворошиловым состоялась беседа, продолжавшаяся свыше трех часов...

...Ворошилов самым категорическим образом подчеркивает неизменное чувство дружбы, питаемое здесь к Германии. По его словам, как переговоры с Францией, так и переговоры с Польшей, представляют из себя явления чисто политического и тактического характера, которые диктуются разумом. В особенности же ясно отдают себе здесь отчет об отсутствии внутренней ценности договора о ненападении с Польшей...

Я беседовал особенно много с Тухачевским, который имеет решающее значение (видимо, в силу поста начальника вооружений РККА. — Н. Ч.) в деле сотрудничества с «Рейнметаллом»... Он далеко не является тем прямолинейным и симпатичным человеком, столь открыто выступавшим в пользу германской ориентации, каковым являлся Уборевич. Он — скорее замкнут, умен, сдержан. Надеюсь, что и он будет сотрудничать лояльно, когда он убедится в необходимости и выгоды этого сотрудничества...»[\[317\]](#)

И еще один документ в подтверждение всего вышеизложенного. Это препроводительная записка Ворошилова к стенограмме его разговора с Адамом. Она адресована Сталину и датирована 11 ноября 1931 года.

«Дорогой Коба!

Направляю запись разговора с Адамом. Все сказанное Адамом застенографировано. Свои слова записал с возможной потребностью. Личные впечатления сообщу при встрече.

Привет.

Ворошилов»[\[318\]](#)

Военные руководители в СССР, в первую очередь Ворошилов, Тухачевский, Егоров, безусловно, не обольщались сладкоречивыми словами генералов рейхсвера. Они, понимая всю пользу сотрудничества с ним, в то же время знали и истинную цену германской военщины. О чем свидетельствует письмо Ворошилова советскому послу в Берлине Л.М. Хинчуку от 12 марта 1932 года: «...Учитывая в достаточной степени политическое значение рейхсвера и его руководящих кругов для Германии, мы, идя на материальные жертвы, сделали много для того, чтобы иметь хорошие отношения с рейхсвером. Однако при этом мы никогда не забывали, что рейхсвер с нами «дружит» (в душе ненавидя нас) лишь в силу создавшихся условий, в силу необходимости иметь «отдушину» на востоке, иметь хоть какой-нибудь козырь, чем пугать Европу. Вся «дружба» и сотрудничество рейхсвера шли по линии стремления дать нам поменьше и похуже, но использовать нас возможно полнее...»[\[319\]](#)

Неоднократно уже упомянутый в повествовании военный атташе Германии в СССР Кестринг находился в этой должности дважды: с 1931 до января 1933 года (с приходом к власти Гитлер заменил многих послов и военных атташе) и во второй половине 30-х годов (до начала войны). В январе 1933 года вместо Кестринга прибыл полковник Гартман, кадровый офицер старой императорской армии. В 1932 году он был прикомандирован к разведотделу рейхсвера с целью изучения СССР и РККА. На маневрах рейхсвера в 1932 году сопровождал группу командиров РККА во главе с заместителем командующего войсками Ленинградского военного округа И.И. Гарькавым.

И еще один важный документ, лишний раз подтверждающий тот факт, что связи с германскими военными деятелями, фигурировавшие в обвинительных заключениях по делам М.Н. Тухачевского, А.И. Егорова и других военачальников Красной Армии, были вполне официальными,

проходившими в рамках протокола. И более того — «высочайше» одобренными со стороны Сталина и Ворошилова.

«В связи с назначением военного атташе Гартмана, представитель рейхсвера полковник Кестринг по случаю отъезда из СССР 23 января 1933 г. У себя на квартире устраивал прощальный обед. После согласования (19.1.33 г.) этого вопроса Берзиным с Ворошиловым на обеде присутствовали: зам. Наркомвоенмора и председателя РВС СССР Тухачевский М.Н. с женой, начальник Штаба РККА Егоров А.М. с женой, начальник Отдела внешних сношений — Сухоруков, помощник начальника Отдела внешних сношений — Смолин и Т. Т. Трот»[\[320\]](#)

Конечно, Кестринг был кадровым германским разведчиком со всеми вытекающими отсюда последствиями. И советская сторона, разумеется, знала это. Как знала и то, что, по аналогии с советской разведкой, Кестринг после завершения своей миссии обязательно представит своему руководству в Берлине подробный доклад о состоянии Красной Армии и ее командно-политического состава. У нас есть возможность обратиться к этим материалам. Так что же сообщала германская разведка в начале 1933 года?

«Общая оценка армии. Значение армии в общем поднялось до такой степени, что она в состоянии вести оборонительную войну против любого противника. При нападении на Красную Армию современных европейских армий великих держав возможная победа их на сегодня может быть поставлена под вопросом. При своем численном превосходстве Красная Армия в состоянии вести победоносную наступательную войну против своих непосредственных соседей на Западе (Польша, Румыния)...

...В основном строительство вооруженных сил закончено. Теперь, очевидно, настало время по созданию инициативного и волевого командира всех степеней. Однако... налицо опасность, что это не удастся своевременно провести и что средний командный состав застынет на схеме и букве устава. До сих пор армия страдает тем, что, начиная от командира взвода и кончая командиром полка, командир не является еще полноценным. В своей массе они способны лишь решать задачи унтер-офицера. Несмотря на все мероприятия, проблема о командире Красной Армии еще не разрешена...»[\[321\]](#)

Вполне естественно, что арестованные командиры РККА решительно отвергали чудовищную ложь о шпионаже в пользу Германии, тем более о передаче ими германской стороне сведений, составляющих военную тайну. Они утверждали, что многие из названных в деле сведений, в сущности, являлись несекретными, доступными многим материалами. Например, до 1932 года дислокация стрелковых и кавалерийских частей не составляла никакого секрета. В окружных газетах, в «Красной звезде», то есть в открытой печати, ежедневно публиковалось множество заметок из войск с указанием не условного, а действительного наименования полков и дивизий, фамилии их командиров и политработников, мест дислокации, учений, маневров.

По немецким оценкам, «кадровый состав РККА к весне 1932 года составлял 600 000 человек... Всего имелся: 21 стрелковый корпус, 71 стрелковая дивизия, из них 43 территориальных и 1 стрелковая бригада (Узбекская), 4 кавалерийских корпуса, 13 кавалерийских дивизий, 3 кавалерийские бригады... Всего самолетов — свыше 2000. Во флоте всего 211 вымпелов».

Комментируя данную справку, начальник Разведуправления РККА Я.К. Берзин в феврале 1933 года заключил: «Дислокация стрелковых частей и конницы, являющейся до 1932 г. несекретной,

отражает полностью в этом отношении наши легальные, а равно и официальные сведения, сообщаемые иногда иностранным военным представителям, находящимся в СССР...»[\[322\]](#)

Сотрудничество между рейхсвером и РККА, как мы уже могли убедиться, не раз получало положительную оценку и со стороны советского военного командования, и со стороны руководства вооруженных сил Германии. Причем немецкие военачальники не без основания считали успехи, достигнутые Красной Армией в 30-е годы, плодом взаимных усилий. Так, полковник Кестринг летом 1931 года писал главе рейхсвера генералу фон Секту, что последствия военной поддержки, оказываемой Германией Советскому Союзу, видны во всей Красной Армии: «Наши взгляды и методы красной нитью проходят через все их военные положения». Еще через несколько лет, уже при режиме Гитлера, тот же Кестринг после окончания Киевских маневров, когда зарубежные военные делегации (Франции, Италии, Чехословакии) дали им высокую оценку, заметил с гордостью: «Мы можем быть довольны этой похвалой. Все-таки эти командиры и начальники — наши ученики».

Определенная доля правды в словах Кестринга имеется. Но только лишь доля и не более! А в остальном какая же все-таки наглость! И это у чопорных кадровых немецких военных! Зачислить в свои ученики талантливых советских военачальников Якира, Дубового, Туровского, игравших главные роли на Киевских маневрах 1935 года, только потому, что они несколько месяцев находились в командировке в Германии с целью ознакомления с системой подготовки войск и участия в маневрах, — это, согласитесь, уже слишком. Несмотря на многое полезное, что вынесли командиры РККА из поездок в войска и учреждения рейхсвера, все-таки нельзя делать такого обобщающего вывода, как это сделал Кестринг. Тем более что в процентном отношении количество помощи Германии со стороны СССР было значительно больше, нежели в обратном направлении.

Приходится констатировать и тот факт, что опыт и знания, приобретенные советскими и германскими командирами, оказались востребованными только наполовину, а именно: лишь германской стороной. Что же касается советских военачальников, проходивших стажировку и учебу в войсках и учреждениях рейхсвера, то почти всех их постигла ужасная участь сталинских репрессий, мучительные пытки и страдания в застенках НКВД, скорый и неправый суд. И немедленный расстрел после оглашения приговора. Из лиц, перечисленных в справке-таблице, помещенной в начале данной главы (а это около 60 человек), ко времени нападения Германии на Советский Союз репрессий избежали только К.Д. Голубев (будущий командарм Великой Отечественной, генерал-лейтенант) и А.В. Катков (в годы войны он будет командовать войсками Уральского военного округа в звании генерал-лейтенанта). И все!!! Только два человека остались в строю РККА, чудом избежав ареста и суда. Остальные же были или физически уничтожены, или долгие десятилетия гнили в лагерях и ссылке (комкор Тодорский, комдив Иссерсон, комбриги Мироевский, Кит-Вийтенко и др.). Таким вот высоким был «к.п.д.» сталинской машины уничтожения военных кадров страны. В то время как знания и опыт, приобретенные германскими специалистами в СССР, не пропали даром: они в полной мере нашли себе применение в ожесточенном противоборстве с Красной Армией в годы Великой Отечественной войны.

Правда, был и третий человек из указанного списка — комкор Л.Г. Петровский, встретивший войну на свободе в должности командира 63-го стрелкового корпуса. Однако этому предшествовали исключение из партии и увольнение из армии в 1938 году, почти двухлетнее пребывание вне ее. К счастью, Петровский оказался в числе тех немногих, которым удалось вернуться в кадры РККА. В

августе 1941 года Л.Г. Петровский, выводя войска из окружения, был смертельно ранен под г. Жлобин Гомельской области.

Комиссары и помполиты

Мы уже отмечали, что политический состав в РККА представлял собой вторую по численности группу военнослужащих, подпавшую под гонения и чистки в годы большого террора. Комиссары, помполиты, политруки — все они занимали соответствующее место в системе организационно-штатной структуры частей, соединений и учреждений Красной Армии. Еще В.И. Ленин точно и метко определил роль политсостава в РККА и проводимой им партийно-политической работы. Он писал, что там «...где наиболее заботливо проводится политработа в войсках и работа комиссаров, — ...там нет расхлябанности в армии, там лучше ее строй и ее дух, там больше побед»[\[323\]](#).

В структуре политсостава Красной Армии особое место занимали военные комиссары — должностные лица, облеченные большими полномочиями со стороны правящей партии. В РККА институт военных комиссаров был введен весной 1918 года в связи с массовым привлечением в армию и на флот военных специалистов — бывших генералов и офицеров старой армии, а также необходимостью усиления политического воспитания многочисленной красноармейской массы. Важнейшими задачами военных комиссаров в годы Гражданской войны и некоторое время после нее были: проведение в армии и на флоте политики партии большевиков и советского правительства; политическое воспитание личного состава; руководство работой партийных ячеек; участие в решении всех оперативных вопросов боевой деятельности войск. Ни один приказ без подписи военкома не подлежал исполнению.

И военные комиссары добросовестно выполняли свои нелегкие обязанности. Это о них говорилось в резолюции 8-го съезда РКП(б) по военному вопросу: «Комиссары в армии являются не только прямыми и непосредственными представителями советской власти, но и прежде всего носителями духа нашей партии, ее дисциплины, ее твердости и мужества в борьбе за осуществление поставленной цели. Партия может с полным удовлетворением оглянуться на героическую работу своих комиссаров, которые, рука об руку с лучшими элементами командного состава, в короткий срок создали боеспособную армию»[\[324\]](#).

В межвоенный период институт военных комиссаров несколько раз отменялся (в 1925 и 1940 гг.) и вновь вводился (постановление ЦИК и СНК СССР от 10 мая 1937 г.). На посты военкомов, соединений и частей подбирались, как правило, наиболее подготовленные в политическом и военном отношении люди, на деле показавшие свою преданность и верность генеральной линии партии, всецело поддерживающие политику руководства РКП(б) — ВКП(б) и советского правительства. И вот теперь этих людей, которыми по праву гордились армия и страна, сотнями и тысячами отдавали на заклятие органам НКВД, превращая их в прах и лагерную пыль.

К началу июня 1937 года армейского комиссара 2-го ранга Славина (Бас) Иосифа Еремеевича, начальника Управления военно-учебных заведений РККА, а в недавнем прошлом начальника политуправления Ленинградского военного округа, обложили со всех сторон. В течение последних двух месяцев (апрель — май) он только и делал, что отбивался от разного рода пасквилей, как из рога изобилия посыпавшихся на него после окончания работы февральско-мартовского пленума ЦК ВКП(б). На примере Славина наглядно можно показать, как один из ответственных работников наркомата обороны в 1937 году ровно полгода (апрель — сентябрь) был фактически оторван от своих прямых обязанностей, потратив все это время на всякие

разбирательства (партийные и служебные), на подготовку объяснительных записок, опровергающих клеветнические утверждения своих сослуживцев (бывших и настоящих).

Одним из первых на него поступило заявление члена Комиссии Советского Контроля Кисиса, написанное в начале апреля на имя наркома обороны маршала Ворошилова. Ознакомление с этим заявлением приводит к некоторым весьма примечательным выводам. Оно, как, вероятно, и другие «сигналы» с мест, валом повалившие в центр после пленума, страдает неконкретностью обвинения, расплывчатостью формулировок. Автор, стараясь отличиться и, так сказать, «не отстать от поезда», натужно силится припомнить подробности событий пятнадцатилетней давности, но у него это не совсем получается. Хотя уже само по себе обвинение оппонента в приверженности к троцкизму, пусть даже это случилось полтора десятка лет назад, в апреле 1937 года было чревато для последнего весьма большими последствиями. Последствиями, разумеется, неприятными, что вскоре и случилось. Приведем этот документ, как образец слеппленумовских доносов.

Лично

Наркому обороны СССР

тов. Ворошилову К.Е.

Начальником Главного Управления Высших Военно-учебных учреждений РККА работает тов. Славин.

Сообщаю Вам, что тов. Славин в 23 — 24 г. в период ХШ-й партконференции стоял на троцкистских позициях. В то время тов. Славин работал на Дальнем Востоке, а я был секретарем Енисейского губкома партии.

Я встретил тов. Славина... по дороге в Москву на ХШ-ю партконференцию. В поезде, среди делегатов, едущих на партконференцию, шла дискуссия вокруг тогдашних споров с-оппозицией и в этой дискуссии тов. Славин защищал троцкистов.

Сообщаю Вам об этом для проверки, не скрывает ли тов. Славин этих своих троцкистских ошибок от партии.

ЧленКСК(Кисис)

7.IV.37 г. г. Москва [325](#)

Итак, обвинять Славина начали издалека, использовав троцкизм как наживку на крючок опытного рыболова. Хотя заявление Кисиса и страдало отсутствием всякой конкретики, однако и по нему Славину пришлось отбиваться, ибо из партийной комиссии Политуправления РККА от него затребовали объяснений. Бросается в глаза деталь — насколько малым по объему было заявление Кисиса и как пространно Славину пришлось опровергать эту напраслину на него. Хорошо еще, что во главе Парткомиссии ПУРККА стоял не ограниченно упертый Ефим Щаденко, а Константин Сидоров, умный и вдумчивый политработник, знавший Славина не один год и пытавшийся на первых порах доносительского вала во всем детально разобраться, отделить, насколько это было возможно, зерна от плевел. Однако затем, когда волна доносов и репрессий по ним приобрели масштабы «девятого вала», даже и Сидорову оказалось не под силу во всех персональных партийных делах соблюсти сугубую объективность, не поддаться эйфории обличительства.

Кстати, о Константине Григорьевиче Сидорове очень тепло отзывается Евгения Гинзбург, автор бестселлера «Крутой маршрут». Заведующая отделом культуры газеты «Красная Татария», она еще в 1935 году была обвинена в пособничестве троцкистам, получив за это строгий выговор. Не примирившись с несправедливым решением, Гинзбург подает апелляцию в высшие партийные органы, а затем сама едет в Москву и обращается в поисках правды в Комиссию Партийного Контроля (КПК). Там она и встретилась с корпусным комиссаром Сидоровым, который по занимаемой им должности ответственного секретаря Парткомиссии ПУРККА являлся членом партколлегии КПК.

Обивая пороги различных кабинетов КПК, побывав у нескольких партследователей, почти отчаявшись найти эту неуловимую правду, Евгения Семеновна в один из таких критических для нее моментов повстречалась с Сидоровым.

«В какой-то момент показалось, что мне немного повезло на Ильинке (там размещалась КПК. — Н. Ч.). Член партколлегии Сидоров, работник ПУРа, проявил ко мне внимание и сочувствие. Он возмущился формулировкой... решения, в котором говорилось, между прочим: «запретить пропаганду марксизма-ленинизма».

— Черт знает что! Запретить коммунисту пропаганду марксизма! Ни в какие ворота не лезет! Усердие не по разуму.

Он обнадежил меня, что взыскание будет уменьшено. И действительно, к ноябрю я получила выписку, в которой «во изменение решения партколлегии по Татарии» строгий с предупреждением заменялся строгим. Пункт о запрещении преподавания и пропагандистской работы был совсем снят, а мотивировка «за примиренчество к враждебным партии элементам» была заменена более мягкой — «за притупление политической бдительности».

Сидоров, как и многие другие ответственные московские партийные работники, никак не предполагал дальнейшего разгула репрессий в партии и стране. Наоборот, по словам Е. Гинзбург, он надеялся на улучшение политического климата в партии, о чем и не преминул ей сказать.

А затихнет немного обстановка, подадите через годик на снятие, — сочувственно напутствовал меня Сидоров и по искреннему выражению его лица видно было, что этот серьезный человек с большим партийным прошлым действительно надеется на возможность «затихания» обстановки.

Да, масштабов предстоящих событий не могли предвидеть даже такие умудренные опытом партийцы...»[\[326\]](#)

2 мая 1937 года Славин посылает на имя К.Г. Сидорова объяснительную записку, в которой утверждает, что «ни в 1923, ни в 1924 гг., о которых пишет тов. Кисис, я к троцкистской оппозиции не принадлежал, а стоял на позиции партии». Он также сообщает, что самого Кисиса хорошо знал по совместной работе в Екатеринославе в 1922 — 1923 гг. А что касается совместной поездки в Москву на XIII партконференцию, то «в беседе с ним и некоторыми другими партийными работниками (точно не припомню), ехавшими с нами в одном вагоне на конференцию, я говорил о том, что, как мне казалось, дискуссия началась слишком обостренно и могла бы проходить в менее резких формах... Нигде, ни на одном собрании я этого не высказывал, так как колебаний в правильности политики партии у меня не было.

На XIII Всесоюзной партийной конференции (декабрь 1923 г.) я голосовал вместе с партией. Как известно, на этой конференции только два начпуокра — Московский и Закавказский —

голосовали с троцкистской оппозицией. На XIII съезде партии (май 1924 г.), на котором я тоже был делегатом, я голосовал с партией»[\[327\]](#).

Здесь же Славин сослался на то, что его приверженность генеральной линии партии в означенный период могут подтвердить ответственные работники наркомата обороны (комдив И.Я. Хорошилов, дивинженер А.М. Аксенов) и ПУРККА (корпусной комиссар Н.И. Ильин, бригадный комиссар И.Г. Шубин), а также член Военного совета ЗабВО корпусной комиссар В.Н. Тестаков. В доказательство своих слов Славин приложил к объяснительной записке ряд документов: резолюцию партконференции 5-й армии; характеристику, данную ему парторганизацией Ташкентской военной школы; отзывы о его работе, выданные Киевским и Екатеринославским губкомами партии. Все перечисленные документы характеризовали Славина только с положительной стороны[\[328\]](#).

Примечательно, что в персональном партийном деле Славина показаний названных им в объяснительной записке лиц почему-то нет. Зато имеются показания (со знаком минус) других людей, тоже когда-то встречавшихся с ним в эти злополучные 1923 — 1924 годы. К тому же дело по обвинению Иосифа Еремеевича в троцкизме уже вышло за рамки ПУРККА, оно стало предметом внимания и партколлегии КПК при ЦК ВКП(б).

Именно туда поступило в конце июня заявление бывшего секретаря Даль-бюро ЦК ВКП(б) А.М. Буйко, в котором, в частности, говорилось: «Члены ВКП(б) Седякин и Славин, работавшие на Дальнем Востоке в 1924 г. — первый командармом, а второй начальником политического управления армии — в период острой борьбы партии с троцкистами не боролись за линию партии (не выступали на собраниях против троцкистов, отмалчивались). Уход с работы (с Дальнего Востока) названных лиц имел прямую связь с их непартийным поведением в то время...»[\[329\]](#)

Утверждение А.М. Буйко о переводе А.И. Седякина и И.Е. Славина с Дальнего Востока можно понять как их отстранение от занимаемых должностей. В подобных ситуациях, как правило, следовало или понижение в должности или, в лучшем варианте, назначение на равнозначный пост, но только во внутренних округах. Однако в данном случае, если следовать словам и логике Буйко, концы с концами не сходятся. Ни о каком отстранении, не говоря уже о понижении, не идет и речи: Седякин после 5-й армии получил под свое начало Приволжский военный округ, а Славин стал членом РВС Туркестанского фронта, а затем несколько лет работал заместителем начальника ПУРККА. Так что неувязочка вышла, товарищ Буйко!

Снежный ком, пущенный Кисисом по косогору, стремительно набирал скорость, превращаясь в могучую лавину, все сметающую на своем пути. К уже имеющимся материалам вскоре добавились новые: следователи Парткомиссии ПУРККА направили ряд запросов лицам, работавшим в 1923 — 1924 годах в пуарме-5. Те не замедлили откликнуться и в августе 1937 года в кабинетах ПУРККА скопилось около десятка таких ответов. Среди них несколько было от гражданских лиц, но большинство принадлежало людям, продолжавшим службу в Красной Армии.

Несомненный интерес представляют слова начальника кафедры истории ВКП(б) Военной академии имени М.В. Фрунзе бригадного комиссара Г.Л. Баранцева, бывшего заместителя Славина в политуправлении 5-й армии. В заявлении, написанном по собственной инициативе в середине августа 1937 года, Баранцев писал: «Считаю необходимым сообщить ряд фактов об антипартийном поведении т. Славина И.Е. в 1923 — 24 гг....

Тов. Славин был в конце 1923 г. назначен нач. пуарм-5, я ему сдавал должность, а затем остался при нем заместителем. Вскоре после прибытия т. Славина по его инициативе были назначены в пуарм Шмидт [{*1}](#), Березкин [{*2}](#) и Липелис... Шмидт, назначенный нач. орготдела пуарма, был одним из троцкистских лидеров в Чите, вплоть до выступления троцкистским содокладчиком на общегородском партсобрании. Березкин и Липелис с ним солидаризировались... Славин держался двурушнической позиции, не выступая прямо за троцкизм, но и не критикуя его...» [{330}](#)

Все обличения в адрес Славина, поступившие в различные инстанции весной и летом 1937 года, можно подразделить на три неравные по количеству заявлений группы, соответствующие трем основным этапам его деятельности после Гражданской войны. Первая из них, самая обширная, касается поведения Славина в бытность его начальником политуправления 5-й Краснознаменной армии. Вторая, сравнительно малая по количеству доносов, относится к периоду его работы начальником политуправления Ленинградского военного округа. И, наконец, третья группа доносов (будем называть вещи своими именами) содержит критику и обвинения начальника УВУЗа РККА.

Первую группу мы уже частично рассмотрели. Как было сказано, некоторые из заявлений, по сути, являлись голословными, в них отсутствовала необходимая аргументация тех или иных утверждений автора. Другие же, наоборот, грешили излишней детализацией описываемого события, приводя множество бытовых подробностей, чаще всего совершенно не относящихся к политической подоплеке данного вопроса. Примером такого «творчества» является заявление члена ВКП(б) М.Р. Подчасовой, написанное ею в начале июня 1937 года на имя Ворошилова. Голосовавшая в 1923 году за троцкистскую резолюцию, Мария Подчасова, страстно желая загладить эту свою вину, решительно разоблачает всех знакомых ей бывших троцкистов. К их числу она относит и Иосифа Славина. «В 1923 — 24 гг. я училась в Свердловском университете, в общежитии со мной жила Кацнельсон Ф., активная троцкистка, к которой приходил Славин, когда приезжал в Москву из Читы.

Славин полностью разделял троцкистскую оппозицию, он не разоблачал враждебность троцкизма...

Мне это понятно потому, что я лично в 1923 г. совершила тяжкое преступление перед партией, голосовала за резолюцию врага, предателя. Славин же относился к нам сочувственно, и это был единственный человек из приходивших к нам в общежитие делегатов 13 партсъезда, который не ругал и не позорил нас за сделанное преступление перед партией...

Славин был делегатом на 13 партсъезде, в день голосования резолюции по отчету ЦК ВКП(б) пришел в общежитие удрученным, и когда его спросила Кацнельсон, за кого он голосовал, он ответил: «Ни за кого, я вышел и просидел в уборной в период голосования резолюции». Такой ответ вызвал бурю негодования Кацнельсон, она назвала его «гнилым интеллигентом»... Славин на это ей ответил: «Так выгоднее и полезнее, никто не придерется, ведь мог же у меня заболеть живот, а вот вас всех, видно, разгонят за то, что вы голосовали против ЦК».

Такова двурушническая позиция была у Славина во время 13 партсъезда, скрывавшего свою враждебно-троцкистскую идеологию от партии» [{331}](#).

Баранцеву и Подчасовой вторит дивизионный комиссар Л.Г. Якубовский, помполит 18-го стрелкового корпуса (ОКДВА). В своем письме на имя маршала Блюхера он сообщал: «...1923 г. явился более серьезным испытанием для меня... В пуарме-5 свирепствовал Шмидт (зам. нач.

пуарма), который, пользуясь гробовым молчанием тогдашнего начпуарма тов. Славина, немало сделал для разложения армейской парторганизации...»[\[332\]](#)

Заявления, подобные вышеприведенным, с обвинениями Славина в пособничестве троцкизму, в 1937 году в различные партийные инстанции поступили также от военкома Сумского артиллерийского училища полкового комиссара Жлобницкого, помощника командующего войсками Харьковского военного округа по материальному обеспечению дивинтенданта О.П. Латсон-Крашинского, от члена партии Тулупчука (г. Севастополь) и еще нескольких человек.

Здесь, видимо, следует сделать остановку в цитировании обличительного материала на Славина и задать вполне резонный вопрос: «Ну а сам он где-либо, когда-нибудь говорил или писал (например, в анкетах) о своем отношении к Троцкому и троцкизму?». Да, говорил и писал. Обратившись к его личному партийному делу, находим там выписку из протокола открытого собрания ячейки ВКП(б) курсов марксизма-ленинизма при ЦК партии. Дело происходило в 1929 году, в период очередной чистки партийных рядов. В протоколе относительно Славина говорится, что в 1921 году он активно защищал линию Троцкого о профсоюзах, однако после статьи В.И. Ленина «О продналоге» понял свою ошибку и отошел от троцкизма. На вопрос одного из присутствующих на собрании: «Вы где-нибудь официально отказались от троцкистских взглядов?», Славин ответил: «Конечно, я был начпуарма и зам. нач. ПУРа, и у меня ничего не осталось от моих взглядов». Окончательное решение данного собрания: «Проверен. Стаж с 1917 года».

Таким образом, Славин свои прошлые грехи и не думал скрывать от партии и ее организаций, о них есть сведения в его партийных документах, о них знали его товарищи. Хотя надо понять и другое: это было темное пятно в его партийной биографии и, вполне естественно, Иосиф Еремеевич не горел желанием на всех углах и перекрестках кричать о своей ошибке молодости и посыпать голову пеплом.

Славина, разумеется, волновал вопрос — а как же реагирует ПУРК-КА и нарком обороны на обвинения в его адрес? Как намерены там поступить с клеветниками (и с ним самим)? В подобном неведении для него проходили недели, месяц за месяцем. А между тем и Константин Сидоров тоже не терял времени даром: 9 июня (за два дня до суда над Тухачевским и спустя десять дней после самоубийства Гамарника) он подготовил обобщенный доклад по материалам на Славина и направил его Ворошилову. В этом докладе Сидоров отмечал: «...Познакомившись с материалами и опросив т.т. Кубяк, Караваева, Ильина, Булина, Латсона, Подчасову, установил:

т. Славин не отрицает спора с Кисисом о резкой форме борьбы с троцкизмом в 1923 — 24 гг., но отрицает колебания и принадлежность к троцкистской оппозиции.

Опрошенный т. Кубяк подтвердил в категорической форме троцкистские настроения Славина.

т.т. Караваев, Ильин, Якубовский, Булин заявили, что они не слышали в тот период выступлений т. Славина за линию партии в борьбе с троцкизмом.

Со своей стороны считаю, что т. Славин, будучи троцкистом в 1920 г., в 1923 — 24 гг. формально стоял за линию партина по существу оставался троцкистом. Только этим можно объяснить «гробовое молчание» т. Славина в бытность его нач. пуарма 5 в то время, как его заместитель — троцкист Шмидт вел активную троцкистскую борьбу против партии...

В бытность начальником политуправления ЛВО, Славин покрывал троцкистов — врагов народа Зюк и Гарькавого...

Также ему были известны отзывы Гарькавого о методах работы ОО (особых отделов НКВД. — Н.Ч.) как о жандармских, но он их покрывал и дезориентировал парторганизацию, заявляя: «Разве вы не знаете Гарькавого и Зюк?»

Поэтому не случайно, что Славин был не в ладу с быв. командующим войсками ЛВО т. Беловым и, наоборот, «дружно» работал с врагами народа Примаковым и Гарькавым...

Все эти факты приводят меня к убеждению, что Славин по настоящее время остался троцкистом.

Докладывая об изложенном, считал бы освободить т. Славина от занимаемой должности начальника Управления военно-учебных заведений РККА. Вопрос о его партийной принадлежности рассмотреть на Парткомиссии ПУРККА»[\[333\]](#).

Вот, оказывается, какими делами занималась Парткомиссия ПУРККА — кто сказал те или иные слова пятнадцать лет тому назад, в какую форму их облек; кто выступал тогда на собрании, а кто не удосужился это сделать и промолчал. Причины такого молчания произвольно домысливались и, конечно, не в пользу «молчунов». Что и видно на примере со Славиним. Ему уже несколько месяцев было известно, что на него «есть показания», он знал, что такие вещи просто так не кончаются и уже не ждал для себя ничего хорошего. Тем более что вокруг шли аресты командиров и политработников, безупречно чистых в отношении троцкизма. Не то что он!

А что касается покровительства комбригу М.О. Зюку, бывшему командиру 4-й стрелковой дивизии, а также «либерального» отношения члена РВС ЛВО Славина к словам и поступкам бывших заместителей командующего ЛВО комкоров И.И. Гарькавого и В.М. Примакова, совместной и дружной работы с ними, то здесь обвинения строились на заявлениях недавних подчиненных Иосифа Еремеевича — начальников политотделов дивизий: 16-й стрелковой — бригадного комиссара Л.И. Идельсона, 67-й стрелковой — бригадного комиссара Ф.Н. Муромцева, помполита Артиллерийского НИИ бригадного комиссара А.И. Мошкина, бывшего заместителя Славина в политуправлении ЛВО корпусного комиссара И.Ф. Немерзелли, а также начальника санитарной службы округа брига-врача Звоницкого.

В чем же обвинял Славина начподив 16 Идельсон? Да в том, что тот «плохо» реагировал на сигналы с мест. Например, на заявление командира 12-го стрелкового полка Попова, который, посетив однажды в 1935 году квартиру командира своей дивизии М.О. Зюка, увидел там одного из участников убийства С.М. Кирова (именно так и формулирует свои выводы бригадный комиссар Идельсон. — Н. Ч.) - некоего Левина. Идельсон пишет: «Я предложил написать об этом... начпуокра тов. Славину. Это заявление тов. Поповым было написано и передано т. Славину. Несмотря на такой серьезный факт, как связь Зюка с убийцами т. Кирова и ряд других сигналов, доходящих до высказывания им открыто троцкистских взглядов и антисоветских анекдотов, Зюк был послан на должность командира дивизии на Дальний Восток, а затем на Украину»[\[334\]](#).

Далее Идельсон, закончив историю с Зюком, переходит к «разоблачению» Ильи Ивановича Гарькавого: «Зам. командующего войсками Гарькавый при обходе расположения частей лагеря в часы массовой работы выразил недовольство тем, что во всех подразделениях проходили партсобрания. Он заявил командиру дивизии т. Князеву следующее: «Чего вы «мудой» занимаетесь?». Я, услышав эту фразу, заявил ему — идут партсобрания. Он вторично заявил

примерно следующее: «Что нужно делом заниматься, а не трепотней». Я об этом факте доложил тов. Славину. О недооценке политработы Гарькавым было известно и по другим делам.

Я решил об этих серьезных фактах доложить Вам (заявление Идельсона адресовано члену Военного совета ЛВО армейскому комиссару 2-го ранга П.А. Смирнову. — Н. Ч.). Я глубоко сомневаюсь, что эти серьезные сигналы, особенно в отношении Зюка, были доведены до сведения Наркома тов. Ворошилова и ЦК ВКП(б) тов. Славиним, ибо если они были известны, то Зюк не получил бы новое назначение на Восток и после его провала там, в 25 дивизию»[\[335\]](#). Примерно такого же содержания были и заявления Мошкина, Муромцева и Звоницкого.

Лев Исаакович Идельсон напрямую о том не говорит, но, по существу, он обвиняет Славина в явном пособничестве и укрывательстве троцкиста Зюка, выражая тем самым своему бывшему начальнику политическое недоверие. То есть он стремится отмежеваться от Славина и показать, что у него с ним нет ничего общего. А в то же самое время, только месяцем раньше, другой бригадный комиссар — начподив 67 Муромцев утверждает совершенно обратное: Идельсон входил в число любимчиков Славина и пользовался его полным доверием наряду с еще несколькими начподивами и помполитами. «Славин всюду подчеркивал, что это лучшие начподивы, не критиковал их работу, короче — Арш, Цейтлин, Серпуховитин и еще Идельсон... — самые приближенные и близкие... Пользовались всячески его покровительством, он их награждал (Цейтлина 1000 рублями), не взыскивал за грубые ошибки и упущения в работе...»[\[336\]](#)

Как отмечалось, третья группа обвинений касалась деятельности Славина на посту начальника Управления военно-учебных заведений РККА. И здесь более всего преуспел, опередив всех как по количеству доносов, так и по их листовому объему, бывший секретарь парторганизации этого Управления полковник И.Ф. Нефтерев. Он уже в марте 1937 года охотно откликнулся (и был, так сказать, первой ласточкой в УВУЗе) на призыв пленума ЦК резко активизировать поиск врагов народа. А таких в УВУЗе, по его мнению, было предостаточно. Текст этого письма-доноса заслуживает того, чтобы его воспроизвести, ибо помыслы доносчика здесь видны как на ладони. Во-первых, это своего рода месть, и Нефтерев хочет получить удовлетворение за нанесенную ему обиду (снятие с должности начальника отдела). Во-вторых, желание лично себя обезопасить, показав, насколько велика дистанция между ним и троцкиста из УВУЗа. В-третьих, это попытка расчистить поле для восстановления утраченных позиций и продвижения по службе — Нефтерев всегда считал себя незаслуженно обойденным. Кстати, довольно неуклюже выглядит попытка Нефтерева увязать между собой события, разделенные по времени в полгода (критика троцкистов в УВУЗе в марте 1937 года и его отстранение от должности в ноябре 1936 года).

Вождь партии на февральско-мартовском пленуме ЦК обратился к коммунистам и беспартийным с просьбой немедленно сигнализировать о врагах народа, о своих подозрениях к ним, разрешив при этом обращаться в любую инстанцию, будь то партийная или советская. Иван Нефтерев не замедлил воспользоваться предоставленным правом, обратившись сразу к наркому обороны, почему-то проигнорировав, как парторг, своего куратора — Политическое управление РККА.

«Глубоко прочувствовал и осознал вею историческую важность постановления последнего Пленума ЦК ВКП(б) и внимательно прослушал Ваш доклад и заключительное слово..., я решил сообщить Вам следующее:

1. Заместитель начальника УВУЗа РККА Артемеико Н.Ф. — бывший троцкист; до обмена партдокументов скрывал свою принадлежность к троцкистской оппозиции.

Я, как парторг, выяснил это при заполнении регистрации листка на члена партии и немедленно об этом доложил тов. Славину, который не придавал особого значения, сказал мне: «Ведь это было давно, ладно, не волнуйся, я переговорю с Осепяном». Затем я поставил в известность заместителя секретаря партбюро НКО тов. Симонова, который мне сообщил, что он Артеменко знал по работе в ПриВО как троцкиста, работавшего вместе с Мрачковским.

2. Колодочкин — помощник начальника отдела, тоже троцкист.

3. Мамчёнко — помощник начальника отдела, бывший троцкист, исключенный из партии в конце 1936 года.

Все они благополучно работают в Управлении военно-учебных заведений РККА до сего дня.

После моего выступления против троцкистов, ко мне значительно ухудшилось отношение начальства, до этого времени у нас были хорошие отношения и работа моя ценилась...

В дополнение моего письма желаю говорить с Вами лично... Если Вы не можете принять меня, то я напишу второе письмо с освещением ряда существенных фактов, т.к. в данном письме Вам написал не все и сознательно не всех лиц указал»[\[337\]](#).

Нет никакого сомнения в том, что данное письмо Нефтеревым было отправлено в качестве пробного шара и он об этом прямо говорит в последних его строках. К тому же у него не было уверенности: дойдет или не дойдет оно до адресата, клюнут там или нет на его «сигнал». И он сознательно бережет основную заряд информации для второго выстрела, самого убийственного и сокрушительного. В первом своем послании наркому парторг УВУЗа, видимо, тоже вполне осознанно лишь рикошетом задевает Славина. И только через два месяца, предварительно выяснив по известным ему каналам реакцию наркома и ПУРККА на свое первое донесение (или донос), он садится за второе письмо. Привести его здесь полностью не представляется возможным ввиду большого объема текста, поэтому ограничимся лишь некоторыми выдержками из него, имеющими непосредственное отношение к Славину. Нефтерев, доносчик со стажем (в этом убеждаешься, читая данное заявление), писал:

«Назначение Славина, армейского комиссара 2-го ранга, начальником Управления военно-учебных заведений РККА парторганизацией УВУЗа рассматривалось, как самое удачное назначение, т.к. до него начальником УВУЗа был Казанский, бывший троцкист-зиновьевец, совершенно не интересовавшийся партийной и общественной работой...

Таким образом, парторганизация считала, что с приходом Славина должна резко улучшиться партийная работа, повыситься ее качество, но этого не получилось.

1. Славин прибыл в Управление, сел в свой кабинет, как чиновник, и никого не хотел признавать. Несмотря на настойчивые требования меня, как парторга, чтобы доложить ему о состоянии парторганизации и дальнейших задачах по обеспечению руководства начальника управления, но Славин дважды отказывался... и благодаря исключительной настойчивости моей просьбы он меня принял, но доклад мой почти не слушал.

2. Я просил его, чтобы он собрал членов партии и побеседовал бы с ними для того, чтобы дать им указания по работе. Он решительно отказывался: «Чего я буду с ними говорить, пусть лучше работают...»

3. Славин 6 месяцев не был на партсобраниях, хотя я аккуратно его приглашал, но он отвечал: «Иди и сам проводи, ты парторг»...

5...Вечером, перед самым обменом партдокументов, Славин пригласил меня к себе в кабинет и поставил передо мною вопрос: «Как заполнять пункт принадлежности к оппозиции», ему ответил: «Если вы принадлежали, надо писать», и тогда он написал, что голосовал за троцкистскую резолюцию по профсоюзам, а также мне сообщил, что он состоял в партии Бунд а...

6. Славин и Артеменко на закрытом партсобрании во время чтения закрытого письма ЦК ВКП(б) о контрреволюционном троцкистско-зи-новьевском центре — они читали программу для артиллерийских школ.

7. Славин и Артеменко не явились на митинг, посвященный вынесенному приговору Военной коллегией Верховного суда СССР о расстреле контрреволюционной троцкистско-зиновьевской банды...

10. Подбор кадров:

1) Славин состоял членом партии Бунда и голосовал за троцкистскую резолюцию по профсоюзам.

2) Артеменко — бывший троцкист, помощник командующего войсками ПриВО... уже расстрелянного врага народа Мрачковского...

3) Юшков-Парусинов, беспартийный, эсер, дважды арестовывался органами ВЧК...

6) Свет — служил в белой армии Махно.

7) Сафронин — сын бывшего крупного торговца...

8) Белый — комкор ВУЗ МВО, оказался бывшим троцкистом и уже исключен партбюро штаба и политуправления МВО из партии.

Вот все ставленники Славина. Можно сказать, Славин в УВУЗе создавал «артель», ему всячески помогал Фельдман и Гамарник...»[{338}](#)

Письмо это весьма обширное, со многими деталями внутриколлективных взаимоотношений в отделах УВУЗа, но стержневой линией на всем его протяжении проходит рефрен: «Поведение Славина является подозрительным, и его необходимо тщательно проверить». Следует также добавить, что, отправив это второе по счету письмо, Нефтерев через две недели пишет к нему дополнение, в котором уже напрямую обвиняет Славина в преступной связи с врагами народа Гамарником, Фельдманом, Осепяном.

Земля слухом полнится! Безусловно, Нефтерев, как работник одного из центральных управлений НКЮ, знал о самоубийстве Гамарника. Как мог знать и об аресте Фельдмана с Осепяном. Но вот что характерно — до суда над Фельдманом (членом группы Тухачевского) еще одни сутки (дополнение свое парторг УВУЗа написал 10 июня), следствие по делу Осе-пяна еще только начиналось, а полковник Нефтерев уже однозначно записывает их во враги народа, в ряды шпионов и диверсантов. Видимо, это объясняется действием все того же массового психоза, владевшего умами членов партии в 1936 — 1937 годах — в период открытых политических процессов.

Перечисленные выше обличительные материалы находятся в личном партийном деле И.Е. Славина, которое в свою очередь хранится в соответствующей коллекции Парткомиссии ПУРККА. В деле № 4732, помимо названных, подшиты и другие документы, подготовленные к разбору персонального вопроса о начальнике УВУЗа РККА. Этот разбор не состоялся только из-за ареста Славина.

Не повторяя уже упомянутых материалов этого дела, остановим внимание на некоторых других, имеющих отношение к теме нашего разговора. Точнее, сделаем их краткий обзор. Письмо помполита 7-го механизированного корпуса от 6 августа 1937 года. В нем дивизионный комиссар П.М. Фельдман сообщает, что Славин обвинил его в перегибе при расследовании им контрреволюционной вылазки троцкистов. Этот факт, по мнению Фельдмана, ярко характеризует линию Славина, тогда начальника политуправления ЛВО, в политически важном вопросе.

А суть его такова: в 1935 году в школе младшего командного состава корпуса была выявлена группа антипартийной направленности, в которую входили члены партии Шавлис, Бортницкий и Дикарев. Расследованием этого случая руководил лично начпкор Фельдман. По итогам работы следственной бригады члены группы были исключены из партии, а партийное бюро школы распущено. Однако начальник политуправления округа не во всем поддержал действия П.М. Фельдмана, упрекнув его в перегибе, и приказал распущенное бюро восстановить. А также он порекомендовал пересмотреть меру партийной ответственности членов названной группы. В результате таких действий со стороны Славина вышеозначенный Дикарев был восстановлен в партии, с чем Фельдман категорически не соглашался^[339]. О чем он и написал в высшую инстанцию.

В деле имеется еще один подобного рода материал, также относящийся к 1935 году. Подоплека этого события такова: командир роты 11-го стрелкового полка И.Н. Быков во время проведения политзанятий на тему о роли личности в истории допустил неверные политические суждения, принизив значение известного руководителя партии. Быков также заявил, что инструктор пропаганды дивизии сказал неправду, утверждая, что уровень зарплаты в Японии ниже их потребности... В 1933 году Быков уже привлекался к уголовной ответственности («за антисоветскую агитацию») и был условно осужден Особым совещанием к двум годам лишения свободы.

Решая вопрос об этом командире роты, Славин проинформировал начальника политотдела 4-й стрелковой дивизии о своей личной беседе с Быковым. Он предложил оставить этого командира в полку и восстановить в партии, усилив при этом его воспитание в большевистском духе. Материал о Быкове поступил в ПУРККА в августе 1937 года, пополнив досье на комиссара Славина^[340].

Продолжим дальше обзор его персонального партийного дела. Заведующий сектором учета руководящих кадров Киевского обкома КП(б)У Лоев сообщал о том, что Славин в 1920 году на Киевской партконференции выступал как троцкист. При этом Лоев не преминул подчеркнуть, что на данной конференции председательствовал «ныне разоблаченный враг народа Гамарник».

Начальник Управления ПВО РККА командарм 2-го ранга А.И. Седякин сообщал о том, что за их кратковременное совместное пребывание в 5-й армии он не слышал выступлений Славина ни за троцкизм, ни против линии Центрального Комитета, Однако «он не проявлял активности, какую следовало ожидать от партийного руководителя армии»^[341].

Корпусные комиссары И.М. Гринберг и И.Ф. Немерзелли, работавшие в разное время заместителями Славина в политуправлении ЛВО, сообщали (каждый по отдельности) наркомун обороны о ряде фактов подозрительных его действий и связях с разоблаченными врагами народа. В частности, Немерзелли в письме от 5 июня 1937 года писал, что Славин «был теснейшим образом связан узами личной дружбы с врагами народа Гамарником, Тухачевским, Фельдманом, Якиром, Гарькавым. Славин сам часто хвастался дружбой и своими связями»[\[342\]](#).

Итак, персональное дело на начальника УВУЗа в Парткомиссии ПУРККА уже было готово, но его разбор не состоялся ввиду ареста Славина, последовавшего 5 октября 1937 года. К тому времени в НКВД на него уже имелись показания со стороны ранее арестованных: армейских комиссаров 2-го ранга А.С. Булина и Г.А. Оsepяна (заместителей начальника ПУРККА), М.М. Ланда (ответственного редактора газеты «Красная Звезда»); комкоров И.К. Грязнова (командующего войсками САВО) и С.А. Меженинова (заместителя начальника Генерального штаба); корпусных комиссаров И.Г. Неронова (начальника политуправления СКВО), И.М. Гринберга (члена Военного совета АОН), Б.У. Троянкера (члена Военного совета МВО), М.Л. Хороша (заместителя начальника политуправления КВО); комдива Я.И. Зюзь-Яковенко (командира 2-го стрелкового корпуса); дивизионного комиссара В.С. Винокурова (начальника политотдела Краснознаменной Амурской флотилии, бывшего начальника отдела кадров ПУРККА); бригадного комиссара И.И. Андреева (начальника политотдела 32-й механизированной бригады); полкового комиссара В.М. Берлина (заместителя начальника агитационно-пропагандистского отдела ПУРККА).

Если судить по архивно-следственному делу Славина, то выходит, что его допрашивали всего один раз, и свидетельством тому единственный протокол от 17 декабря 1937 года на 19 страницах машинописного текста. Но, как говорится, не верь глазам своим!.. На самом деле допрашивали его много и упорно. И только в Лефортовской тюрьме в период с 9 октября 1937 года по 7 января 1938 года — 38 раз[\[343\]](#). Так что означенный протокол допроса от 17 декабря — всего лишь филькина грамота, не отражающая и малой доли всего того, что пришлось испытать и пережить армейскому комиссару. Конечно, довелось ему писать и собственноручные показания.

В них Иосиф Еремеевич «признается», что в антисоветский заговор был завербован Гамарником в 1934 году, что оба они в свое время защищали троцкистскую платформу о профсоюзах и начальник ПУРККА знал его как скрытого троцкиста. По словам Славина, он по предложению Гамарника вошел в военно-политический центр заговора, созданного в противовес бонапартистским устремлениям Тухачевского «с целью сдерживать тенденции Тухачевского — захватить руководство заговором в свои руки»[\[344\]](#).

Помимо Гамарника, показывал Славин, в этот военно-политический центр входили также армейские комиссары 2-го ранга Оsepян, Булин, Ланда и корпусной комиссар Троянкер. Близко к нему стояли такие видные политработники РККА, как Б.М. Иппо — начальник Военно-политической академии имени Н.Г. Толмачева, армейский комиссар 2-го ранга, и Г.Е. Писманик — заместитель начальника политуправления БВО, дивизионный комиссар.

Сотрудники Особого отдела ГУГБ капитан А.Ф. Лукин (заместитель начальника следственной части) и оперуполномоченный лейтенант Кривошеев под пристальным оком своих начальников Николаева-Журида, Агаса и Листенгурта усердно старались претворить в жизнь их установки вплоть до программы-максимум. Для Славина, соответственно, это означало признать свое участие в антисоветской организации, проведение вредительства в войсках ЛВО и УВУЗе, антисоветскую агитацию и вербовку новых заговорщиков. Все эти установки Лукиным и Кривошеевым были в итоге выполнены. Так, например, Славин в числе лиц, завербованных им в

военный заговор, назвал Я.Ф. Генина — помполита Артиллерийской академии, М.И. Арша — начальника политотдела 20-й стрелковой дивизии, З.К. Цейтлина — начподива 10-й стрелковой, Л.И. Идельсона — начподива 16-й стрелковой, И.М. Гринберга — своего бывшего заместителя по авиации в ЛВО, Н.Ф. Артеменко — заместителя начальника УВУЗа и М.Ф. Березкина — помощника начальника ВВС РККА по политчасти^[345].

Этих лиц, как показал Славин, он вовлек в заговор в 1935 — 1936 годах. Например, в отношении методики вербовки Цейтлина и Арша в протоколе допроса говорится следующее: «В июне 1935 года мною были завербованы начальник политотдела 20 стрелковой дивизии Арш и начальник политотдела 10 стрелковой дивизии Цейтлин.

Арш и Цейтлин в свое время участвовали в троцкистско-зиновьевской оппозиции. После их докладов мне я переходил к расспросам об их прошлой работе, о том, какую позицию они занимали в наиболее острые периоды жизни партии...

Указывая Аршу и Цейтлину на то, что мне известно об их участии в троцкистско-зиновьевской оппозиции, я говорил им о трудном положении бывших оппозиционеров в партии, о недоверии к ним со стороны парторганизаций, подчеркивая, что все это является результатом неправильной политики ЦК партии.

Убедившись, что они являются старыми троцкистами и что они пойдут на вербовку, я ставил перед каждым из них вопрос о необходимости борьбы с руководством партии, а затем рассказал им о существовании антисоветского военного заговора. Получив их согласие на вступление в военно-политическую организацию, я сказал им, что не только сохранию их на занимаемых должностях, но и продвину на высшие должности в интересах заговора...»^[346] Показаний же Арша, Цейтлина, Генина, Идельсона, Артеменко и Березкина в деле Славина почему-то нет. Как нет и протокола его ознакомления с материалами своего дела согласно ст. 206 УПК РСФСР.

15 марта 1938 года состоялся суд. Бригада Военной коллегии (Ульрих, Ждан, Кандыбин) приговорила Славина к расстрелу с конфискацией имущества и лишением присвоенного ему воинского звания. На суде, как указано в протоколе судебного заседания, Иосиф Еремеевич виновным себя признал и подтвердил свои показания, данные им на предварительном следствии. По существу обвинения он там не допрашивался. В последнем слове подсудимый просил «дать ему возможность самым тяжелым трудом искупить свои тяжчайшие преступления и вернуться в советскую семью»^[347].

Проверкой, произведенной Главной военной прокуратурой в 1955 году по жалобе родственников Славина, были выявлены обстоятельства, свидетельствующие о том, что он был осужден необоснованно, а дело его сфальсифицировано сотрудниками 5-го отдела ГУГБ НКВД СССР. По материалам этой проверки Военная коллегия 17 января 1956 года дело по обвинению И.Е. Славина за отсутствием состава преступления прекратила и полностью его реабилитировала. Посмертно.

Не менее суровой и трагичной оказалась судьба других армейских и флотских политработников, упомянутых в настоящем очерке. Дадим краткую справку о них.

Бригадный комиссар Андреев Иван Иванович, 1901 г. рождения, начальник политотдела 32-й механизированной бригады. Арестован 19 апреля 1937 года УНКВД по Читинской области. Выездной сессией Военной коллегии 5 октября 1938 года приговорен к расстрелу. Реабилитирован в ноябре 1957 года.

Бригадный комиссар Арш Марк Исаакович, 1901 г. рождения, начальник политотдела 20-й стрелковой дивизии. Арестован 26 августа 1937 года УНКВД по Вологодской области. Выездной сессией Военной коллегии 9 октября 1938 года приговорен к расстрелу. Реабилитирован в сентябре 1957 года.

Полковой комиссар Берлин Владимир Маркович, 1901 г. рождения, заместитель начальника агитационно-пропагандистского отдела ПУРККА. Арестован 16 сентября 1937 года. Военной коллегией 15 марта 1938 года приговорен к расстрелу. Реабилитирован в октябре 1955 года.

Дивизионный комиссар Винокуров Владимир Сергеевич, 1899 г. рождения, начальник политотдела Краснознаменной Амурской флотилии. Арестован 11 июня 1937 года. Военной коллегией 22 августа 1938 года приговорен к расстрелу. Реабилитирован в октябре 1957 года.

Дивизионный комиссар Генин Яков Филиппович, 1892 г. рождения, помощник начальника Артиллерийской академии РККА по политической части. Арестован 11 июня 1937 года УНКВД по Ленинградской области. Умер во время следствия 30 июля 1937 года.

Корпусной комиссар Гринберг Исаак Моисеевич, 1899 г. рождения, член Военного совета Авиации особого назначения (АОН). Арестован 26 ноября 1937 года. Военной коллегией 29 июля 1938 года приговорен к расстрелу. Реабилитирован в марте 1957 года.

Бригадный комиссар Идельсон Лев Исаакович, 1899 г. рождения, начальник политотдела 16-й стрелковой дивизии. Арестован 26 августа 1937 года. Особым Совещанием при НКВД СССР 27 июля 1939 года приговорен к 8 годам ИТЛ. Умер в Севвостлаге 7 марта 1943 года.

Корпусной комиссар Ильин Николай Иванович, 1895 г. рождения, член Военного совета Управления Морских Сил РККА. Арестован 20 декабря 1937 года. Военной коллегией 3 апреля 1938 года приговорен к расстрелу. Реабилитирован в июле 1957 года.

Армейский комиссар 2-го ранга Иппо Борис Михайлович, 1898 г. рождения, член Военного совета Среднеазиатского военного округа. Арестован 30 июля 1937 года. Военной коллегией 26 ноября 1937 года приговорен к расстрелу. Реабилитирован в сентябре 1956 года.

Армейский комиссар 2-го ранга Ланда Михаил Маркович, 1890 г. рождения, ответственный редактор газеты «Красная Звезда». Арестован 5 ноября 1937 года. Военной коллегией 28 июля 1938 года приговорен к расстрелу. Реабилитирован в июле 1956 года.

Корпусной комиссар Немерзелли Иосиф Фаддеевич, 1895 г. рождения, начальник Военно-политической академии имени Н.Г. Толмачева. Арестован 5 декабря 1937 года УНКВД по Ленинградской области. Военной коллегией 21 сентября 1938 года приговорен к расстрелу. Реабилитирован в октябре 1956 года.

Корпусной комиссар Неронов Иван Григорьевич, 1897 г. рождения, комиссар Военной академии имени М.В. Фрунзе. Арестован 10 августа 1937 года. Военной коллегией 10 декабря 1937 года приговорен к расстрелу. Реабилитирован в августе 1956 года.

Армейский комиссар 2-го ранга Осепян Гайк Александрович, 1891 г. рождения, заместитель начальника Политуправления РККА. Арестован 30 мая 1937 года. Военной коллегией 10 сентября 1937 года приговорен к расстрелу. Реабилитирован в мае 1955 года.

Дивизионный комиссар Писманик Григорий Ефимович, 1899 г. рождения, начальник политического управления Белорусского военного округа. Арестован 26 ноября 1937 года. Военной коллегией 29 апреля 1938 года приговорен к расстрелу. Реабилитирован в июне 1955 года.

Дивизионный комиссар Серпуховитин Василий Васильевич, 1899 г. рождения, комиссар корпуса военно-учебных заведений Ленинградского военного округа. Арестован 29 сентября 1937 года. Военной коллегией 25 февраля 1938 года приговорен к расстрелу. Реабилитирован в сентябре 1956 года.

Корпусной комиссар Сидоров Константин Григорьевич, 1884 г. рождения, ответственный секретарь парткомиссии Политуправления РККА. Арестован 25 мая 1938 года. Военной коллегией 25 февраля 1939 года приговорен к расстрелу. Реабилитирован в июне 1955 года.

Корпусной комиссар Троянкер Бенедикт Устинович, 1900 г. рождения, член Военного совета Московского военного округа. Арестован 21 ноября 1937 года. Военной коллегией 28 июля 1938 года приговорен к расстрелу. Реабилитирован в январе 1956 года.

Дивизионный комиссар Фельдман Петр Максимович, 1899 г. рождения, начальник политуправления Черноморского флота. Арестован 17 февраля 1938 года. Военной коллегией 22 августа 1938 года приговорен к расстрелу. Реабилитирован в июне 1956 года.

Корпусной комиссар Хорош Мордух Лейбович. 1899 г. рождения; заместитель начальника политуправления Киевского военного округа. Арестован 9 августа 1937 года. Военной коллегией 15 октября 1937 года приговорен к расстрелу. Реабилитирован в декабре 1956 года.

Бригадный комиссар Цейтлин Залман Карпелевич, 1897 г. рождения, начальник политотдела 10-й стрелковой дивизии. Военной коллегией 2 ноября 1938 года приговорен к расстрелу. Реабилитирован.

Корпусной комиссар Шестаков Виктор Николаевич. 1893 г. рождения, член Военного совета Забайкальского военного округа. Арестован 9 июля 1937 года. Военной коллегией 2 октября 1938 года приговорен к расстрелу. Реабилитирован в июле 1956 года.

Бригадный комиссар Шубин Исидор Григорьевич, 1898 г. рождения, заместитель начальника отдела руководящих политорганов Политуправления РККА. Арестован 4 июля 1937 года. Военной коллегией 26 сентября 1937 года приговорен к расстрелу. Реабилитирован в июле 1956 года.

Дивизионный комиссар Якубовский Лев Григорьевич, 1896 г. рождения, военком 19-го стрелкового корпуса (ОКДВА). Арестован 24 августа 1937 года. Военной коллегией 25 марта 1938 года приговорен к расстрелу. Реабилитирован в июне 1960 года.

Антон Степанович Булин, член партии большевиков с 1914 года, являлся старейшим армейским политработником. Много лет он входил в состав высшей номенклатуры — особо доверенных и всесторонне проверенных лиц партийной элиты. Ведь только одному ему удалось дважды за межвоенный период побывать в роли заместителя начальника Политуправления РККА, работавшего, как известно, на правах отдела ЦК ВКП(б). Сначала это было при Бубнове с переходом на Гамарника (в конце двадцатых годов), а затем уже при П.А. Смирнове (июль — ноябрь 1937 года). Булина лично знали и высоко ценили Сталин и Ворошилов, рекомендовавшие его на XVII партийном съезде в члены Центрального Комитета.

Однако все это никак не спасло его в 1937 году — арест последовал 5 ноября и был он произведен сотрудниками 2-го Управления НКВД СССР по ордеру, подписанному Фриновским. Санкцию прокурора они получить не удосужились, посчитав, видимо, данное действие формальностью и пустой тратой времени. Этот ордер и открывает следственное дело. Однако узнать, какими же конкретными материалами, послужившими основанием для ареста, располагали к тому времени следственные органы, этого из дела узнать невозможно.

Сопrotивление Булина продолжалось десять суток. Прекратил он это «запирательство» 16 ноября, когда под диктовку капитана госбезопасности Малышева написал заявление на имя Ежова, в котором указал, что в 1929 году, будучи начальником политуправления МВО и членом бюро Московского комитета ВКП(б), был завербован в организацию правых секретарем МК Н.А. Углановым. Другим своим вербовщиком, но только уже в состав военного заговора (в 1934 г.), он называет Гамарника^[348]. Как с Гамарника, так и с Угланова взятки были гладки — к тому времени они оба были давно покойниками. Но в руках НКВД находилось дело Н.А. Угланова...

Справка. Угланов Николай Александрович, 1886 года рождения, уроженец села Феодорицкое Ярославской губернии, член партии большевиков с 1907 года, секретарь МК ВКП(б). На день его ареста в августе 1936 года работал в Тобольске управляющим облрыбтрестом. На предварительном следствии признал себя виновным в том, что с 1928 года являлся одним из организаторов и руководителей организации правых (вместе с Бухариным, Рыковым и Томским). В своем заявлении на имя Ежова Угланов назвал большое количество лиц, якобы связанных с ним по антисоветской работе. Однако фамилия Булина в этом списке отсутствует, нет ее и в других материалах этого следственного дела. В судебном заседании Военной коллегии 31 мая 1937 года Н.А. Угланов виновным себя в инкриминируемых ему преступлениях не признал, но все равно был приговорен к расстрелу.

Тяжелое физическое и моральное состояние Булина в середине ноября 1937 года подтверждается следующими фактами. Написав 16 ноября под давлением следователя заявление на имя наркома внутренних дел с признанием своего участия в военном заговоре и организации правых, Булин через два дня находит в себе силы обратиться к тому же Ежову с новым заявлением, но уже противоположного свойства: «...Поданное мною на Ваше имя 16 ноября заявление о моем участии в организации правых и в военно-фашистском заговоре является ложным от начала до конца; оно написано под диктовку ведущих следствие по моему делу при моем болезненном состоянии и в результате избиения и пыток, никогда никем, ни в какой заговор против Советской власти, против Сталинского руководства ВКП(б) я не вербовался и завербован не был никогда. Я не проводил преступной деятельности против партии и Советской власти — настоящее заявление является правдивым, честным.

Я был окружен врагами, работал, к несчастью, в этом окружении, прозевал их преступную вражескую работу, но сам я никогда не был их сообщником, не был врагом народа, не был заговорщиком против Советской власти, против партии».

На этом текст героического заявления Булина не заканчивается. Поставив далее знак «Р» (что, по всей вероятности, означало «постскриптум»), он самокритично добавил: «Я слепо верил, что Гамарник и Якир честные большевики, это разоружило мою бдительность против них и не дало возможность вовремя заметить в них врагов народа. Никто из них при мне антисоветских, контрреволюционных разговоров не вел»^[349].

Данное заявление по вполне понятным причинам не было приобщено к материалам следственного дела Булина, направленного в Военную коллегия Верховного суда. Невыгодное для следствия, оно хранилось среди его собственноручных показаний (датированных и без дат) и других материалов, составивших 2-й том следственного дела, который намертво осел в архиве НКВД-КГБ и был востребован лишь в период реабилитации Антона Степановича.

Как видим, Булин то признается в тягчайших преступлениях, то решительно отрицает их. И снова признается... Почему признается? На этот вопрос он, на наш взгляд, исчерпывающе ответил в заявлении от 18 ноября. Применение к Булину мер физического воздействия подтверждается также показаниями бывшего его следователя, помощника начальника 3-го отдела 2-го Управления НКВД СССР Ф.П. Малышева. Тот в своем объяснении по поводу ведения следствия по делу Булина указал, что Ежов в присутствии следственной бригады лично избивал вчерашнего заместителя начальника ПУРККА за его отказ признать свою принадлежность к агентам царской охраны.

Итак, набор обвинений весьма солидный: принадлежность к организации правых, участие в военном заговоре в качестве члена его военно-политического центра, агент царской охраны... Чего еще недостает? Конечно же причастности к троцкизму! Как же без этого обойтись, когда в руках подследственный — партиец с дореволюционным стажем, кадровый армейский политработник со времен Гражданской войны, не раз встречавшийся с Троцким. И его, конечно, причисляют к активным троцкистам.

В обвинительном заключении на этот счет находим следующие строки: «...Булину от Гамарника было известно о связи последнего с Троцким и о содержании директивных указаний по заговору, получаемых Гамарником от Троцкого... По заданию Троцкого Булиным и Гамарником создан ряд террористических групп для совершения террористических актов против руководителей партии и советского правительства...»[{350}](#)

Все эти слова о троцкизме Булина на самом деле ровным счетом ничего не стоят. Антон Степанович — доброкачественный продукт эпохи сталинизма, и у него никогда не было шатаний от генеральной линии партии (линии сталинского руководства ВКП(б)). Особенно в вопросах троцкизма. Заслуживает внимания заявление его жены — Наталии Логиновны Яковлевой-Булиной, отправленное из Сегежского ИТЛ (Карельская АССР) в январе 1940 года в адрес Ворошилова. Говоря о содержании показаний своего мужа, с которыми (выборочно) ее ознакомил следователь Малышев, она пишет: «В этих же «показаниях» говорится, что Гамарник сообщал Булину о каких-то директивах, поступивших от Троцкого (каких, когда — это неизвестно). Это просто фантастическая чепуха. Булин ненавидел Троцкого дикой ненавистью. Все люди, бывшие активными троцкистами, вызывали у Булина всегда страшное негодование. Когда Троцкий был еще наркомом и приезжал в Питер во время осеннего наступления Юденича в 1919 г., Булин... резко отзывался о руководстве Троцкого армией. Во время всех троцкистских оппозиций Булин всегда выступал непримиримо против линии Троцкого, разоблачая его антипартийную и антисоветскую сущность. В 1927 г., когда Троцкого исключали из партии, то он назвал Булина сталинским жандармом за то, что тот разгонял троцкистов 7/XI.1927 г., когда они повылезли с антисоветскими лозунгами на улицу.. »[{351}](#)

Опытный политик и талантливый публицист, Троцкий был мастером точных определений и оценок. Булина он назвал сталинским жандармом, что уже само по себе не оставляло ни малейшего шанса на их совместное сотрудничество. А что же произошло в Москве в день X годовщины Октябрьской революции, о чем упоминает жена Булина? Об этих событиях и роли в

них Булина сообщали в те дни все центральные газеты страны. А произошло следующее: 7 ноября в Москве и Ленинграде группы сторонников оппозиции вышли на демонстрацию с лозунгами и плакатами: «Против оппортунизма, против раскола — за единство ленинской партии», «За ленинский ЦК ВКП(б)», «Выполним завещание Ленина» и т.п. Кое-кто нес портреты лидеров оппозиции, к тому времени запрещенные для вывешивания в публичных местах: Троцкого, Зиновьева, Каменева и других.

В Москве демонстрация кончилась стычкой двух группировок. Досталось проезжавшим на автомобиле Троцкому, Каменеву, Смилге и Му-ралову. Они обращались к колоннам демонстрантов с приветствиями. В Краснопресненском и других районах лидеров оппозиции сначала приветствовали криками «ура!». Но вскоре на них набросилась группа людей, среди которых были и члены партии. Атаковавшие пытались вытащить лидеров из машины. Но на их защиту устремилась часть демонстрантов, видимо из числа сторонников Троцкого. Началась свалка и драка. Вожди поспешно ретировались.

Острый инцидент произошел во время прохождения колонны демонстрантов Хамовнического района. Около 11 часов на балкон Дома Советов № 27 (бывшая гостиница «Париж»), выходящий на угол улиц Охотный ряд и Тверская, поднялись — член ЦК ВКП(б) и ЦИК Смилга, а также исключенные к тому времени из партии Преображенский, Мрачковский и другие. Они обратились к манифестантам с речами. На балконе висел лозунг «Назад к Ленину!». Из колонн слышалось «ура!». Затем часть людей, шедших со знаменами во главе колонн, стали кричать «долой!».

Опешившие на первых порах организаторы всей колонны района пришли в себя и стали отделять из проходивших небольшие отряды. Вскоре сюда прибыли секретарь Краснопресненского райкома Рютин (да, тот самый, который в начале 30-х годов доставит столько неприятностей Сталину из-за своего несогласия с его диктатурой), председатель райсовета Минайчев, секретарь МКК (Московской контрольной комиссии. — Н. Ч.) Мороз и другие члены МК и МКК. С группой командиров прибыл и начальник политуправления округа Булин. Среди собравшейся толпы раздавались крики «Долой!» и «Бей оппозицию». С балкона квартиры Н.И. Подвойского в Смилгу и Преображенского полетели картошка, палки.

«За «артподготовкой» начались «военные действия». По приказу Булина какой-то красноармеец забрался на балкон квартиры Смилги и сорвал полотнище с именем Ленина. Стоявшие на балконе вывесили другой: «Выполним завещания Ленина!». Никто не собирался уступать. Атаковавшие пошли на штурм квартиры. Первыми в подъезд ворвались Рютин, Вознесенский и Минайчев. Дверь взломали. Булин с группой военных курсантов набросился на начподива Мальцева, другие — на Смилгу и Преображенского. Их начали избивать...»[\[352\]](#)

Протесты пострадавших, направленные в Политбюро ЦК ВКП(б), Президиум ЦКК и ЦК ВКП(б), остались без ответа. Точнее, ответ на них был — 11 ноября 1927 года ЦК ВКП(б) принял письмо «Ко всем организациям ВКП(б)». В нем сообщалось, что оппозиция разбита наголову в партийных организациях, а партия в целом, ее рабочие ячейки в особенности, ясно и решительно отмежевались от оппозиционеров, изолируя их как антипартийную и раскольническую кучку... ЦК осудил действия оппозиции 7 ноября в Москве и Ленинграде. Он призвал всех коммунистов принять решительные меры против ее попыток перенести партийную дискуссию за пределы партии.

Таким образом, обвинение Булина в принадлежности к троцкизму было шито белыми нитками. Но «специалистов» из 2-го Управления это обстоятельство, по-видимому, особо не волновало —

раз уж Булин попал на конвейер машины НКВД, то подобные «мелочи» там всерьез не воспринимались. Поэтому в обвинительном заключении, составленном в июле 1938 года капитаном Малышевым и утвержденном начальником Управления комбригом Федоровым, так и остались измышления о Булине-троцкисте.

Антон Степанович под натиском следствия гнулся, но не ломался до конца. Он время от времени находил в себе силы сопротивляться и не молчать, что и отмечено в обвинительном заключении: «Булин в предъявленном обвинении сознался и дал показание, но спустя 6 месяцев от своих показаний отказался, мотивируя тем, что он себя и других участников заговора оклеветал...»[\[353\]](#)

Чтобы все-таки сломить отчаянное сопротивление Булина, следователи решили прибегнуть к еще более изощренному средству нажима на него — зная большую любовь Антона Степановича к жене и детям, капитан Малышев сделал их орудием его моральной пытки. Условие при этом было одно — если Булин не сознается и не подпишет нужных следствию материалов, то из-за этого будут страдать его больная жена и сыновья-погодки Сергей и Владимир.

Некоторые подробности такого изуверского шантажа, длившегося не один месяц, можно узнать из рассказа Натальи Логиновны Яковлевой-Булиной: «В ночь с 4 на 5 ноября 1937 года был арестован мой муж Антон Степанович Булин. На другой день, через полчаса после моего выхода из больницы, где я лежала после тяжелой операции — была арестована и я...

На первом же допросе, который был 22/XI-37 г. и где мне следователь заявил, что Булин «провокаатор, член Углановского центра и участник военно-фашистского заговора» и что Булин «уже чистосердечно во всем признался». Я увидела, что следователя моя личность совершенно не интересует... Я была нужна ему как орудие нажима на Булина, так как он мне предложил написать записку следующего содержания: «Я в Бутырской тюрьме, дети арестованы, прими соответствующие меры». Я отказалась написать подобную записку, так как не хотела убивать морально Булина сообщением об аресте любимых им детей и меня — тяжело больной. Я поняла, что никакого чистосердечного признания Булина нет...

В январе 1938 года меня вызвал следователь Булина орденоседец-капитан Малышев, который меня уверял, что дети мои на свободе и который предложил мне написать записку Булину о моем здоровье, т.к. «Булин нервничает, не получая от Вас известий, что он думает, что Вас нет в живых», что дети написали ему записку о том, что они учатся и здоровы. Я написала просимую записку. Через несколько дней в камеру, где я сидела, пришла знакомая моей матери, которая мне сообщила, что дети мои арестованы через несколько дней после моего ареста...

В конце мая и июне 1938 г. снова начались вызовы меня на допросы (это было в тот момент, когда Булин на допросах и очных ставках решительно отказывался от всех предъявленных ему обвинений. — Н. Ч.). Сначала меня вызвал какой-то молодой следователь, который интересовался биографией Булина, на мой вопрос, когда закончится следствие Булина, он мне ответил: «Тогда, когда он признается в шпионской деятельности». На другой день меня вызвал какой-то следователь, политкомиссар Красной Армии, орденоседец. На мой вопрос — в чем же обвиняется Булин — он ответил: «Булин шпион и он давно уже в этом признался». Этот же следователь на мой вопрос о детях весьма развязно мне сказал: «Детей Ваших не надо было арестовывать. Но, знаете, они попались под горячую руку в ноябре 1937 года». Следствие и на этот раз закончилось предложением написать записку о том, «что я на воле», так как Булин, по словам следователя, «психует» без известий обо мне. Я написала просимую записку.

Через несколько дней меня вызвал опять капитан Малышев... На том же допросе капитан Малышев обещал мне показать собственноручные показания Булина и предложил мне написать записку о том, что я в Бутырской тюрьме, т.к., по его словам, «пора Булину знать, что Вы арестованы». Я это написала. По некоторым намекам в разговоре со мной Малышева я поняла, что он вызывал также на допрос кого-то из ребят, а может быть, и обоих также для написания записок отцу»[\[354\]](#).

В июне 1938 года следственные работники предпринимают новый натиск на Булина с целью возврата его в «лоно» прежних показаний, так как дело надо было заканчивать. Начальство нажимало на Малышева, требуя новых признаний арестованного и соответствующих протоколов допроса, а у него это не получалось. Следователь злился на себя и на подследственного, он постоянно ищет дополнительные средства воздействия на упрямого Булина. Ставка на шантаж арестом жены и детей на первых порах дала ему некоторые результаты, хотя и меньше ожидаемых. Тогда Малышев делает новый ход — он переносит центр тяжести в давлении на Булина на очные ставки с теми командирами и политработниками, кто на него когда-то показал. Хотя и от прежнего метода воздействия — шантажа репрессиями относительно жены и детей — орденоносец Малышев также не отказывается.

Из рассказа Н.Л. Яковлевой-Булиной: «Через несколько дней меня снова вызвали на допрос. Вместе с капитаном Малышевым сидел старик, неизвестный мне следователь. Оба они произвели самую настоящую «психическую» атаку на меня. Кричали, награждали Булина самыми нелестными для него эпитетами, перелистывали с шумом написанные булинской рукой показания, заставляли читать отдельные листы из них, в которых Булин признавался во всех смертных грехах. Все было так проведено, чтобы сбить меня с толку окончательно, заставить поверить, что Булин настоящий враг народа... Но больше всего меня убедили в ложности показаний Булина дальнейшие разговоры со следователем. Все отдельные замечания и вопросы следователей ко мне показали, что то, что написано в показаниях Булина, не имеет ничего общего с настоящим состоянием дела Булина и что показания были мне показаны с целью, чтобы нажать на меня. Допрос окончился, как обычно, предложением написать записку, в которой я жаловалась на свое тяжелое настроение, где сообщала, что я арестована, сижу в Бутырках, что меня ознакомили с обвинениями, предъявленными Булину, что мне угрожают перевести для допроса в Лефортовскую тюрьму... Я записку написала. Через несколько дней снова меня вызвал Малышев. Снова я написала под диктовку Малышева записку — уже о том, что я в Лефортовской тюрьме, что меня допрашивают в соседнем с Булиным коридоре, что у меня тяжелое моральное настроение. Заканчивалась записка словами, материнским криком: «Что будет с детьми?». Это был последний разговор с Малышевым... Через 1,5 месяца, 22 августа 1938 года меня вызвал какой-то юноша на 10 минут для подписания протокола об окончании следствия и еще через месяц 20/1X я получила приговор Особого Совещания: как член семьи изменника Родины на 8 лет исправительно-трудовых лагерей и с 19/X-38 г. я нахожусь в Темлаге»[\[355\]](#).

Если у Натальи Логиновны встречи с капитаном Малышевым наконец-то закончились, то у ее мужа они продолжались вплоть до дня суда. Кстати, Булин с самого начала следствия просил организовать ему очные ставки с людьми, давшими на него показания. Однако тогда Малышев по разным причинам в этом ему всегда отказывал. «Тогда» — это конец 1937 и начало 1938 года, когда Булин давал признательные показания (с короткими промежутками отказа от них) и писал подробные собственноручные «романы». И в то же самое время Антон Степанович не переставал настаивать на предоставлении ему очных ставок с людьми, оклеветавшими его: А.И. Егоровым, И.П. Беловым, М.М. Ланда, А.И. Мезисом, Г.Д. Хаханьяном, А.П. Прокофьевым, И.М. Гринбергом,

Б.У. Троянкером, И.Я. Хорошиловым, В.С. Винокуровым, Е.В. Красновым, Г.Е. Писмаником, М.Е. Симоновым, Л.Ф. Гайдукевичем, М.Р. Кравченко.

За месяц до суда, в июне 1938 года, такие очные ставки (почти со всеми перечисленными лицами, за исключением Мезиса, Гринберга, Троянкера, Краснова, Писманика и Гайдукевича) Булину были устроены. Расчет следователей строился на том, чтобы ошеломить Булина такой массой обвинений со стороны весьма авторитетных в Красной Армии лиц, под напором которых его защитные доводы не выдержат и рухнут на радость «компетентным органам». Однако этим прогнозам не суждено было сбыться — Булин стоял на своем непоколебимо.

Из архивно-следственных дел на вышеуказанных лиц сделаем краткую выборку информации, касающейся Булина. В том числе его показаний на очных ставках с названными подследственными.

Егоров А.И., бывший первый заместитель наркома обороны, Маршал Советского Союза. На предварительном следствии и на очной ставке с Булиным 28 июня 1938 года показал, что ему об участии Антона Степановича в военном заговоре известно со слов Гамарника. Булин эти показания Егорова не подтвердил.

Белов И.П., бывший командующий войсками БВО, командарм 1-го ранга. На предварительном следствии показал, что в своей преступной деятельности он «блокировался с лидерами других антисоветских заговорщических организаций — Тухачевским, Якиром, Булиным, Капуловским и другими. Однако Булин эти показания Белова на очной ставке с ним 28 июня 1938 года не подтвердил, заявив, что тот говорит неправду, оговаривая его [{356}](#).

Ланда М.М., бывший ответственный редактор газеты «Красная Звезда», армейский комиссар 2-го ранга. На предварительном следствии показал, что в заговор он был вовлечен Гамарником в 1930 году, а в 1933 году связался с заговорщиком Булиным. На очной ставке с Ланда 24 июня 1938 года Булин показаний последнего не подтвердил и заявил, что он ни в чем не виновен [{357}](#).

Мезис А.И., бывший член Военного совета БВО, армейский комиссар 2-го ранга. На предварительном следствии признал себя виновным в принадлежности к антисоветскому военному заговору. В ходе следствия Булин от показаний, данных им в отношении Мезиса, отказался. Сам Мезис в судебном заседании Военной коллегии 21 апреля 1938 года от ранее данных им показаний отказался, заявив, что считает их ложными, ибо давал он их в состоянии сильного волнения на допросах (читай — в результате избиений и издевательств).

Хаханьян Г.Д., бывший член Военного совета ОКДВА, комкор. Булин на предварительном следствии показывал, что ему известно со слов Гамарника о принадлежности Хаханьяна к заговору. Однако на очной ставке с Хаханьяном Булин от ранее данных им показаний в отношении своего собеседника отказался, заявив, что он (Булин) участником заговора не является и что ранее данными показаниями оклеветал Хаханьяна [{358}](#).

Прокофьев А.Д., бывший военком 57-го Особого корпуса (в Монголии), а еще ранее — начальник политуправления СибВО, корпусной комиссар. На предварительном следствии показал, что его в военный заговор завербовал Булин в 1933 году. На очной ставке с Прокофьевым Булин эти показания не подтвердил, заявив, что он участником заговора не состоит, а заявления Прокофьева являются ложными, клеветническими. В судебном заседании Военной коллегии 9 мая 1939 года Прокофьев виновным себя не признал, отрицая свое участие в военном заговоре. И тем не менее получил высшую меру наказания — расстрел [{359}](#).

Гринберг И.М., бывший член Военного совета АОН, корпусной комиссар. На предварительном следствии показал, что после самоубийства Гамарника и ареста Г. А. Оsepяна он был связан по делам антисоветской организации с Булиным, Славиним и Троянкером. В судебном заседании Военной коллегии 29 июля 1938 года Гринберг заявил, что в процессе следствия он дал ложные показания, оговорив себя и других, в том числе и Булина. Приговор — расстрел[\[360\]](#).

Троянкер Б.У., бывший член Военного совета МВО, корпусной комиссар. В его показаниях находим немало разночтений по самым разным вопросам, в том числе в отношении Булина. Так, на предварительном следствии и в судебном заседании Троянкер показал, что в антисоветский военный заговор был завербован Булиным в 1933 году, в то время как сам Булин на допросе 3 января 1938 года «признался», что он Троянкера завербовал в 1929 году. Позже в ходе предварительного следствия Антон Степанович от этих показаний в отношении Троянкера отказался, хотя последнему такой отказ несколько не помог, ибо конечный результат был один — высшая мера наказания, определенная Военной коллегией 28 июля 1938 года[\[361\]](#).

Хорошилов И.Я., бывший заместитель начальника Управления по комиачсоставу РККА (сначала у Б.М. Фельдмана, а затем у Булина), комдив. На предварительном следствии называл Булина в числе руководителей военного заговора. Тот же в свою очередь также показывал, что ему якобы известно от Гамарника о принадлежности Хорошилова к заговорщикам. Однако на очной ставке с Ворошиловым Булин от своих показаний в отношении недавнего заместителя решительно отказался.

Отказался от всех своих признательных показаний и Иван Хорошилов на заседании Военной коллегии 26 апреля 1938 года. Там он заявил, что в процессе предварительного следствия он оговорил 120 (сто двадцать!) человек, обвинив их в участии в военном заговоре. Все это сплошная ложь и клевета, заявил Хорошилов, так как в действительности он о существовании заговора ничего не знал и сам в нем никогда не состоял. Суд приговорил Хорошилова к расстрелу[\[362\]](#).

Винокуров В.С., бывший начальник политотдела Краснознаменной Амурской флотилии, дивизионный комиссар. На предварительном следствии и на очной ставке с Булиным 28 июня 1938 года он показал, что знает Антона Степановича как участника антисоветского военного заговора. Булин на указанной очной ставке показания Винокурова категорически отрицал, квалифицируя их как ложные и вымышленные[\[363\]](#).

Писманик Г.Е., бывший начальник политуправления БВО, дивизионный комиссар. На предварительном следствии показал, что в антисоветскую военно-политическую организацию он был вовлечен в 1933 году начальником организационного отдела ПУРККА Троянкером, а в 1935 году перевербован Булиным. По заданию последнего проводил вредительскую работу в политорганах Белорусского военного округа. Эти же показания он подтвердил и на заседании Военной коллегии 29 апреля 1938 года, приговорившей его к расстрелу[\[364\]](#).

Симонов М.Е., бывший заместитель начальника Административно-мобилизационного управления РККА, дивизионный комиссар. На предварительном следствии Булин показал, что ему со слов Гамарника известно об участии Симонова в военном заговоре. Сам же Симонов в ходе следствия по его делу утверждал, что в заговор он был завербован Оsepяном в 1935 году. Однако оба они (Булин и Симонов) от этих своих показаний отказались — Булин на очной ставке между ними, а Симонов в судебном заседании Военной коллегии 25 августа 1938 года. В частности, Симонов там сказал, что давал ложные показания с целью ускорить окончание следствия, сам же он в заговоре

не состоял, вербовок никаких не производил и подготовкой теракта над одним из членов правительства не занимался. Приговор Военной коллегии — расстрел[\[365\]](#).

Гайдукевич Л.Ф., бывший начальник отдела комначсост та ВВС РККА, бригадный комиссар. На предварительном следствии (на опросе 9 марта 1938 г.) показал, что выполнял распоряжение Булина и Гамарника, он возвращал в кадры РККА находившихся в резерве троцкистов и бывших белых офицеров. Гайдукевич также показал, что, кроме Булина, который его завербовал, и Троянкера, с кем он поддерживал антисоветскую связь, других заговорщиков больше не знал. Через четыре дня (13 марта) Гайдукевич от всех этих своих показаний отказался[\[366\]](#).

Кравченко М.Р., бывший начальник отдела кадров ПУРККА, бригадный комиссар. Был арестован по показаниям Булина. На предварительном следствии Кравченко показал, что в антисоветский военный заговор он был завербован Булиным в начале 1936 года и по его заданиям проводил вербовку новых членов, а также занимался вредительской работой. Этих показаний Кравченко Булин на очной ставке с ним 28 июня 1938 года не подтвердил. Там он заявил, что на одном из допросов оклеветал Кравченко. А через два месяца на заседании Военной коллегии Михаил Кравченко тоже заявил отказ от своих признательных показаний, данных им в ходе следствия, и заверил членов суда в своей полной невинности. Но судьи слышали уже не одну сотню таких заверений — и отправили Кравченко под расстрел[\[367\]](#).

Итак, следователи нервничают — дело надо завершать, сроки поджимают, а Булин продолжает упорствовать в своем нежелании признавать себя виновным. И начинается спешка — в один день Булину дают сразу несколько очных ставок (например 28 июня). Из их содержания известно, что Егоров, Белов, Ланда, Троянкер, Хаханьян и Винокуров обвиняли Булина как активного участника военного заговора. Несколько позже (месяц спустя) — 27 июля 1938 года (за день до заседания Военной коллегии) была еще одна очная ставка (Булин — П. А. Смирнов), на которой Антон Степанович еще раз заявил, что все его показания на предварительном следствии являются клеветническими. Однако протокол этой очной ставки в деле по обвинению Булина отсутствует. Возможно, что просто не успели его отпечатать и должным образом оформить. Однако на ум приходят и другие варианты...

Судила Антона Степановича Булина 28 июля 1933 года Военная коллегия в составе председателя В.В. Ульриха и членов — диввоенюристов И.Т. Никитченко и А.Д. Горячева. В судебном заседании Булин виновным себя не признал, от показаний, данных им на предварительном следствии, отказался и заявил, что он оклеветал многих честных людей и себя лично. Сказал также и о том, что свое заявление от 16 ноября 1937 года на имя наркома внутренних дел, где признает свое участие в контрреволюционной организации, он категорически отрицает и правильность его не подтверждает. А заговорщиком он никогда не был. Все лица, которые его уличают, дают ложные сведения, а почему они так поступают — ему об этом неизвестно. В последнем своем слове Антон Степанович просил высокий суд глубоко разобраться в его деле. И суд разобрался — за 20 минут Военная коллегия признала доказанным, что он, Булин, совершил преступления, предусмотренные ст. 58 — 1 «б», 58 — 8, 58 — 9 и 58 — 11 УК РСФСР, и приговорила дважды заместителя начальника ПУРККА, члена ЦК ВКП(б) к расстрелу с лишением воинского звания «армейский комиссар 2-го ранга» и конфискацией имущества. Приговор приведен был в исполнение на следующий день. А реабилитация затянулась на целых семнадцать лет — до октября 1955 г.[\[368\]](#)

Несколько слов о сыновьях А.С. Булина. Старший из них, Сергей, 1919 года рождения. В связи с арестом родителей он был исключен из комсомола. Накануне ареста работал слесарем по

ремонт на заводе «Красный пролетарий» в Москве. Арестован 23 ноября 1937 года и препровожден в Бутырскую тюрьму. Постановлением Особого Совещания от 19 августа 1938 года осужден, как социально опасный элемент, к пяти годам ИТЛ. Срок отбывал в Березлаге (Архангельская область), где и умер 20 декабря 1941 года. Реабилитирован посмертно в феврале 1956 года [{369}](#).

Младший сын А.С. Булина, Владимир, 1920 года рождения, ученик 9-го класса средней школы, был арестован одновременно со старшим братом. Также в один день (19 августа 1938 г.) Особое Совещание осудило и его к лишению свободы в ИТЛ, как социально опасного элемента. Только срок ему, по сравнению с Сергеем, уменьшили до трех лет — видимо, подошли «дифференцированно». Срок он отбывал на Дальнем Востоке, в Комсомольске-на-Амуре, и вместе с матерью дожил до своей реабилитации (в августе 1956 года) и до посмертной реабилитации отца — Антона Степановича Булина [{370}](#).

Дважды погруженные во тьму

Людам, недостаточно хорошо знающим события 1937 — 1938 годов, может показаться явно несуразной одна особенность в движении кадров того времени. Например, назначение на ответственную политическую работу лиц командного состава, занимавших до этого командные или инженерно-технические должности. Ведь одно дело, когда такое движение, пусть и чрезвычайно быстрое, происходит все же по определенной какой-то стезе — командной, политической или иной, тогда такое положение легко объясняется. Другое же дело, когда членом Военного совета, притом освобожденным, в одночасье в одном округе становится командир дивизии, а в другом — начальник автобронетанковых войск. Названный первый факт относится к Ф.И. Голикову (БВО), а второй — к М.П. Магере (ЛВО).

Но так картина видится только непосвященному. Суть в том, что до назначения сначала командиром полка, а затем и дивизии Ф.И. Голиков (впоследствии Маршал Советского Союза) длительное время находился на политической работе в войсках, занимая там должности вплоть до заместителя начальника политуправления Приволжского военного округа. Что же касается М.П. Магера, то тут обстановка почти аналогичная: его последняя должность на политработе — начальник политического отдела кавалерийского корпуса. И если служебная карьера Голикова во второй половине 30-х годов складывалась вполне нормально и ему удалось благополучно миновать скалы и рифы периода большого террора, то этого никак нельзя сказать о Магере. О нем-то и пойдет наш последующий разговор.

«Прокурору при Управлении НКВД

по Ленинградской области

Нет сил больше никаких переносить произвол и беззаконие, которые я вынужден переносить в течение одиннадцати месяцев. За мной нет преступлений. Меня арестовали на основании клеветнических данных. В течение пяти месяцев меня избивали и истязали (с 10 сентября 1938 г. по 18 января 1939 г.), доведенный этими незаконными действиями до предела, я вынужден был подписывать протоколы, которые писались без меня. Я подписывал протоколы, которые писались в моем присутствии, но без моего участия. Я писал так называемые собственноручные показания. Только в периоды, когда я под воздействием лгал и клеветал, истязания прекращались. Но когда я оправлялся от пересжитых мучений и заявлял следствию, что все «мои» так называемые показания ложны. После такого заявления история начиналась снова, меня начинали снова

избивать, истязать. Мне в течение 9 месяцев не давали возможности написать заявления в высшие органы. Таким способом следствие получало от меня указанные выше материалы. Я не знаю, как получены показания в отношении меня. Но на сегодня я категорически заявляю, что я не виновен и требую немедленного освобождения из-под стражи...

Магер

4 августа 1939 года»[\[371\]](#)

Арестовали члена Военного совета ЛВО комкора М.П. Магера 10 сентября 1938 года без всяких на то законных оснований — запоздалая санкция на его арест военным прокурором округа диввоенюристом Шмулевичем была дана только спустя четверо суток. Нелепо, видимо, задавать такой вопрос: «А ждал ли Магер своего ареста? Боялся ли он этого?» Ответ здесь однозначен — конечно, ждал и боялся, ибо тогда все люди, тем более ответственные партийные, советские и военные работники каждый день с содроганием ожидали, когда за ними придут. Особенно ночью. Отчего же Магеру в этом плане быть исключением? К тому же у него перед глазами уже прошло немало примеров исковерканных судеб его бывших сослуживцев и за год пребывания на посту члена Военного совета округа Максим Петрович посмотрелся и наслушался об этом предостаточно.

Теперь наступил и его черед. Предъявленное обвинение не блистало особой новизной — все то же участие в антисоветском военно-фашистском заговоре и проведение контрреволюционной работы в подчиненных ему войсках. Указанное обвинение основывалось прежде всего на показаниях арестованных органами НКВД командиров РККА И.А. Халепского, Б.У.Троянкера, А.И. Лизюкова, С.И.Богданова, С.И. Арефьева, Н.Н. Погольского. Л.Д. Муркина, И.Ф. Немерзелли, П.А. Смирнова, А.В. Федотова, И.А. Коробова, Н.Н. Андреева, а также партийных и советских работников Ленинграда: В.П. Харламова, А.И. Петровского и Б.П. Позерна.

В начале предварительного следствия Магер признал себя виновным в предъявленном ему обвинении, но впоследствии он от этих показаний отказался. Как все это происходило на деле, он подробно излагал в своих заявлениях в различные инстанции — от начальника тюрьмы до Прокурора СССР и Генерального секретаря ЦК ВКП(б). Перед нами один из таких документов. В сентябре 1939 года (через год после ареста) Магер, обращаясь к начальнику Ленинградской тюрьмы, пишет:

«На протяжении трех с половиной месяцев мною подано было ряд заявлений в ЦК ВКП(б) т. Сталину (два заявления), Народному комиссару обороны (два заявления), Народному комиссару внутренних дел СССР (два заявления), начальнику Управления НКВД при Л.О. (Ленинградской области. — Н. Ч.) (пять заявлений), Прокурору при НКВД Л.О. (одно заявление), Верховному прокурору и Главному военному прокурору (одно заявление), секретарю ЦК ВКП(б) т. Жданову (одно заявление). В этих заявлениях я подробно излагал обстоятельства и причины моего ареста, весь процесс следствия и мои объяснения по существу предъявленных мне обвинений. До настоящего времени никаких результатов поданные мною заявления не дали. Возникает вопрос о целесообразности подачи заявлений вообще... Меня арестовали 10 сентября 1938 г., обстановка ареста была самая загадочная, мне не было предъявлено никаких документов на право ареста, с этого первого незаконного акта начинается вся последующая, сплошь незаконная история. Причиной моего ареста послужили показания арестованных участников заговора, каким образом были получены эти показания, для меня неизвестно, по существу же этих показаний могу заявить, что они с начала и до конца являются ложными, клеветническими...»[\[372\]](#)

О чем же говорилось в тех показаниях, которые Магер так категорически отрицал, называя их насквозь лживыми? Например, бывший начальник автобронетанковых войск РККА командарм 2-го ранга И.А. Халепский показывал, что «Магера, члена Военного совета ЛВО я завербовал в 1933 г. путем моего личного большого влияния на него, личных хороших дружеских отношений, бесед, поощрений. В АБТ (Автобронетанковом управлении. — Н. Ч.) он ведал школьными вопросами, в его руках находилось повседневное и практическое руководство школами. Через него я проводил работу в учебном процессе в танковых вузах».

Корпусной комиссар И.Ф. Немерзелли, бывший начальник Военно-политической академии имени Н.Г. Толмачева (она до 1938 г. дислоцировалась в Ленинграде): «С Магер я установил связь с середины 1937 года у меня на квартире... Магер мне прямо заявил, что ему от Смирнова (армейский комиссар 1-го ранга П.А. Смирнов был предшественником Магера на посту члена Военного совета ЛВО, а Немерзелли в течение нескольких лет работал у Смирнова заместителем. — Н. Ч.) известно о моем участии в заговоре и проводимой мной контрреволюционной деятельности. Зная от Смирнова, что руководство заговором должно перейти в руки Магера, я подтвердил ему свою принадлежность к заговору...»

Бывший член Военного совета МВО корпусной комиссар Б.У. Троянker показал: «От Булина (армейский комиссар 2-го ранга А.С. Булин в 1937 году — начальник Управления по командному и начальствующему составу РККА. — Н. Ч.) мне известны, как участники антисоветского военного заговора: Магер Максим Петрович, комбриг, член Военного совета ЛВО... Когда начался усиленный разгром заговора и многих уже арестовали, в сентябре 1937 года я обедал вместе с Булиным в столовой СНК. Разговор зашел об арестах и о том, кто еще не арестован. На мои расспросы Булин сказал, что один известный мне работник Магер Максим Петрович, который бывал у меня, как знакомый, является участником заговора, но, кажется, стоит вне подозрений...»[\[373\]](#)

Обвиняемый Б.П. Позерн, бывший секретарь Ленинградского обкома ВКП(б), на следствии заявил: «Петровский сообщил все это, упомянул мне фамилию члена РВС Магер... Я так понял, что на Магера возлагаются большие надежды в этом деле, так по словам Петровского, Магер является одной из ведущих фигур в заговоре...»[\[374\]](#)

К указанным выше материалам, добытым в НКВД еще до ареста Магера, в процессе предварительного следствия по его делу дополнительно поступили показания «заговорщиков» корпусного комиссара Т.К. Говорухина (бывшего начальника политуправления ЛВО), комдива М.Ф. Бук-штыновича (бывшего заместителя начальника штаба округа), комбрига Л.В. Картаева и некоторых других, изблещавших Максима Петровича в активной антисоветской деятельности.

На самом первом этапе сил на сопротивление следствию Магеру хватило только на двое суток — 12 сентября 1938 года он вынужден написать заявление о своем участии в военном заговоре, при этом назвав ряд своих «сообщников». Ровно через год, уже будучи опытным тюремным обитателем, он с ужасом вспоминает об этих первых днях своего пребывания в застенках Ленинградского УНКВД:

«На первом допросе 10 сентября я честно заявил следствию, что я не виновен, никаких преступлений против партии и советской власти никогда не творил. Я просил следствие объективно и подробно расследовать и проверить имеющиеся в распоряжении следствия факты. Я был абсолютно убежден, что подобное расследование разоблачит всех клеветников и покажет мою невиновность. Следствие вместо объективного и всестороннего расследования всех

имеющихся фактов стало на преступный и незаконный путь в производстве следствия. Меня с первого же допроса начали жестоко избивать, истязать, после чего я пролежал пять суток в постели. В последующем во все время допросов избиения и истязания с каждым днем принимали все более и более жестокие формы, меня заставляли непрерывно стоять по 35 — 40 часов с поднятыми вверх руками, меня избивали систематически по 3 — 5 дней непрерывно, лишали необходимого отдыха по целым шестидневкам. Так продолжалось в течение пяти месяцев до 18 января 1939 года...»[\[375\]](#)

Мучителей своих М.П. Магер запомнил на всю оставшуюся жизнь. Он их неоднократно называет в многочисленных заявлениях и жалобах. Вот их имена: заместитель начальника особого отдела ЛВО капитан госбезопасности К.А. Самохвалов, начальник 2-го отделения 5-го отдела УНКВД по Ленинградской области лейтенант госбезопасности М.Г. Рассохин и его помощник сержант госбезопасности П.Б. Кордонский, оперуполномоченный особого отдела ЛВО В.Я. Анчифоров. В том же ряду Магером названы и помощник начальника особого отдела Славин, и следователь Лавров (их инициалы, к сожалению, не обнаружены). Это о них Максим Петрович пишет: «Все указанные лица, одни в большей, другие в меньшей мере принимали участие в производстве следствия. Конечно, ни один из них честно не признает своего участия в тех истязаниях, которые они учиняли надо мной во время допросов... Применяя эти преступно-варварские методы, следствие требовало от меня признания в несуществующих преступлениях. Насколько мне позволяли силы, я доказывал мою невиновность, но все мои доказательства не приостановили применявшихся истязаний, а наоборот, по мере того, как я, из последних сил выбиваясь, доказывал свою невиновность, следствие, в свою очередь, еще более ожесточилось в своих истязаниях, что доводило меня до полного изнеможения. Я терял способность не только к сопротивлению, но и в здравом мышлении...»[\[376\]](#)

Понятно, что Магер борется за свое физическое выживание. Но его волнует не только это. Во многих его заявлениях в высшие инстанции красной нитью проходит мысль о том, что в системе НКВД орудует шайка настоящих врагов народа, наносящих непоправимый вред государству. Он недоумевает: «Для меня совершенно непонятно, каким образом до сих пор вся гнусная преступная практика не разоблачена. При одной мысли, что до сих пор в системе НКВД имеются подобные явления, становится жутко. Жутко становится не только от того, что суду представлены ложные и фальшивые материалы, на основании которых должны судить людей, ни в чем не повинных. Но ведь эти же материалы служат информацией для партии и правительства, вот ведь в чем весь ужас, что партию и правительство обманывают. Это и есть самое важное, что я хотел сказать в своих заявлениях...»[\[377\]](#) Слова «партию и правительство обманывают» в тексте заявления были подчеркнуты самим Магером.

День 18 января 1939 года — важный рубеж в тюремной жизни Максима Петровича. Именно тогда он, собрав остатки сил, окончательно отказывается от всех ранее данных им ложных показаний на себя и других людей, оклеветанных им. Следователи неистовствовали, но и Магер уже не намерен был сдаваться. Он с ужасом вспоминает предшествующие дни: «...В деле имеются протоколы, написанные до 18 января 1939 года, все эти протоколы написаны в моем присутствии, но без моего участия, подписывал я эти протоколы под воздействием. Все, что в этих протоколах написано, есть клевета, ложь, фантазия следователя... Доведенный... истязаниями во время допросов до неменяемого состояния, я исполнял все требования следствия, я делал все, что от меня требовали. Следствие требовало для себя нужных показаний, я эти клеветнические показания давал, я клеветал не только на себя, но и на людей, деятельность которых для меня была неизвестна. От меня требовали признаний в форме заявлений, я эти заявления под диктовку

следствия писал и подавал три раза. От меня требовали в письменной форме показаний, я эти показания начинал много раз писать. Все, что мною написано, с начала и до конца ложно. Я об этом все время не переставал говорить. Написано это было под тяжелым воздействием...»[\[378\]](#)

Следует отметить, что и до января 1939 года у Магера было несколько попыток отказа от своих показаний. Так, 25 сентября 1938 года он отказывается от ранее данных им показаний, однако на следующий день снова подтверждает их (нам понятно, после каких мер воздействия) и на последующих допросах «дает» подробные показания о заговорщической деятельности. «...17 декабря 1938 года я подписал протокол, неизвестно кем написанный (фальшивый документ). Подписал я этот протокол после 3-дневного непрерывного избиения и истязания. Таким образом в деле оказались три ложных документа. Все, что имеется в деле, от начала до конца является ложью и клеветой...»

Если у Магера на первых порах еще и была какая-то, пусть даже призрачная, надежда на объективность в действиях следствия, то вскоре и она бесследно исчезла. В этом его окончательно убедила встреча с важным лицом, близким к окружению наркома НКВД Л.П. Берия. «...Мое заявление, лично сделанное комиссару Управления НКВД по Ленинградской области Гоглидзе в ноябре месяце 1938 г. о том, что мои показания ложны, что эти показания я дал под физическим воздействием, и о том, что я страдаю невинно, осталось без всякого внимания, а истязания после этого заявления приняли более жестокий характер. На всем протяжении следствие не только не стремилось разоблачить ложь и клевету, а наоборот, стремилось охранить ложь и клевету. Мои просьбы расследовать ряд фактов, дать мне ряд очных ставок с лицами, давшими клеветнические показания, следствием под всевозможными предлогами оттягивались, так и не были удовлетворены. Я не могу утверждать, насколько широко применялась преступная практика в процессе производства следствия, но участие людей, принимавших в этом участие, само за себя говорит...»

Далее М.П. Магер перечисляет лиц, принимавших участие в его допросах и истязаниях в стенах Ленинградской тюрьмы, — то было все руководство 5-го отдела УНКВД по Ленинградской области и особого отдела Л ВО. «...Участие указанных выше лиц в незаконно-преступных методах ведения следствия по моему делу указывает о наличии круговой поруки в сокрытии всех этих незаконных и преступных деяний от партии и правительства, и с другой стороны болезненное самомнение о своей непогрешимости не давало многим работникам, особенно молодым, своевременно рассмотреть это вредное явление в практической работе...»[\[379\]](#)

О том, что не он, комкор Магер, преступник, а таковыми являются следователи НКВД, ведущие его дело, Максим Петрович откровенно, не боясь последствий, высказывал в ряде своих заявлений. «...На практике получилось таким образом, что следствие было в полной зависимости от наличия показаний арестованных. О том, насколько эти показания отвечают действительности, для следствия оставалось полной неясностью, брали все на веру, поэтому и находились в полной зависимости от той клеветы, которая была в отношении меня, а если принять во внимание заботы по охранению этой клеветы со стороны лиц, занимавшихся моим делом, то в этом случае картина будет совершенно ясна. Клевета осталась клеветой неразоблаченной и заботливо охраняемой следствием. Я не знаю, возможно это было сделано сознательно, с явно преступной целью, в чем я не сомневаюсь, чья-то преступная рука в отношении моего дела несомненно имела касательство. Иначе чем же можно объяснить то, что мне без всякой вины, не имея никаких преступлений, приходится вот уже второй год сидеть в тюрьме и переносить моральные и физические страдания. Повторяю, объяснить это можно только преступным отношением к делу

работников, имевших касательство к моему делу. Обманули партию, народного комиссара. Сейчас тот же процесс совершается в отношении судебных органов, если это совершится и в отношении обмана судебных органов, то более классического случая клеветы и обмана не найти. Я не теряю надежды до конца в том, что большевистская справедливость восторжествует. Пусть даже уничтожат меня, но я твердо верю в то, что мерзавцы-преступники будут разоблачены и понесут достойную кару...»[\[380\]](#)

Обвинение М.П. Магера в принадлежности к военному заговору по ходу следствия обрастало и другими, сопутствующими ему, «прегрешениями». Например, ему вменили в вину злостное вредительство в войсках ЛВО. Речь шла о том, что он, будучи членом Военного совета округа, в 1937 году вместе с командующим войсками П.Е. Дыбенко якобы умышленно допустил выброску парашютного десанта при сильном ветре, вследствие чего четыре парашютиста разбились насмерть, а 58 человек получили увечья различной тяжести. Об этом мы уже упоминали, повествуя о судьбе П.Е. Дыбенко.

Основные события в 1939 — 1940 годах по делу М.П. Магера развивались следующим образом. 10 июня 1939 года оно было следствием закончено и направлено на рассмотрение Военной коллегии. На ее подготовительном заседании 20 августа 1939 года было решено, что Магер предается суду по двум пунктам 58-й статьи Уголовного кодекса РСФСР: 58 — 1 «б» и 58 — 11. Судебное же заседание состоялось не на следующий день, как это обычно бывало на практике, а через три с лишним месяца (27 ноября 1939 г.). Коллегия, заседавшая в следующем составе: председатель — диввоенюрист А.М. Орлов, члены — бригавоенюристы И.В. Детистов и А.Г. Суслин, решила возвратить дело на доследование в Главную военную прокуратуру, оставив прежней меру пресечения — содержание под стражей. В судебном заседании Магер виновным себя не признал, назвав ложными показания лиц, изобличавших его в антисоветской деятельности. По поводу же своих показаний, в которых он признавал себя виновным, Максим Петрович заявил, что все они явились результатом применения к нему незаконных методов ведения следствия со стороны работников госбезопасности.

Приведем выдержку из материалов этого судебного заседания:

«Суд установил:

- 1) Показания участника заговора Халепского, изобличающего Магера, неконкретны и противоречивы, а в части обвинения Магера во вредительстве явно неправдоподобны, так как следствие вредительской деятельности Магера не подтвердило. Ввиду этого суд не придавал значения показаниям Халепского.
- 2) По поводу показаний о Магере другого осужденного участника заговора Смирнова суд пришел к заключению, что они вызывают сомнение в своей правдоподобности, так как, не будучи уведомлен об участии Магера в заговоре, он, Смирнов, якобы был связан с ним по контрреволюционной работе.
- 3) Уличавшие ранее Магера в участии в заговоре Говорухин, Коробов, Андреев и Богданов от данных ранее показаний отказались, причем дело Говорухина Военной коллегией с рассмотрения снято, а Богданов (полковник Семен Ильич Богданов, будущий маршал бронетанковых войск. — Я. Ч.) судом оправдан»[\[381\]](#).

Результаты работы Главной военной прокуратуры появились нескоро. Собственно говоря, она и не проводила каких-либо значительных дополнительных следственных действий по делу Магера

ввиду явной надуманности многих обвинений, о чем уже сказано выше. 2 февраля 1940 года заместитель Главного военного прокурора диввоенюрист Н.П. Афанасьев вынес постановление, в котором говорилось:

«...Имея в виду, что хотя Военной коллегией и вынесено определение о доследовании дела Магера, но это доследование не вызывается необходимостью, так как все необходимые данные нашли по делу достаточное освещение и установлено:

а) что Магер, являясь членом ВКП(б) с 1915 года, участником гражданской войны, дважды орденоносцем, за все время пребывания в партии и армии не имел колебаний от генеральной линии партии. На должность члена Военного совета Ленинградского военного округа назначен по личному представлению наркома обороны;

б) что вредительства с его стороны не было;

в) что «признание» Магера во время следствия о своем участии в военно-фашистском заговоре — есть результат избиений его со стороны бывших работников особого отдела Ленинградского военного округа Рассохина и других, которые ныне за нарушение социалистической законности арестованы и предаются суду.

Руководствуясь ст. 221 УПК,

постановил:

Дело в отношении Магера Максима Петровича дальнейшим производством на основании ст. 4 п. 5 УПК РСФСР прекратить.

Магера Максима Петровича из-под стражи немедленно освободить»[\[382\]](#).

Итак, да здравствует свобода!.. Позади остались кошмарные бесконечные месяцы и годы тюремных застенков. Впереди столь долгожданная свобода, встреча с семьей. Что он будет делать в первые дни после освобождения, Максим Петрович в деталях не представлял, но он точно знал: все это будет для него в радость, которую он вовсе не намерен был скрывать от окружающих.

В те дни Магер искренне считал, что все страшное для него уже позади, что ошибка, совершенная в отношении него, больше никогда не повторится. Ведь высшая военная судебная инстанция (Военная коллегия) фактически его оправдала, а Главная военная прокуратура и вовсе откинула весь ворох надуманных обвинений и инсинуаций в его адрес. Свое освобождение из тюрьмы Магер по праву считал закономерным финалом его твердой позиции перед следствием после 18 января 1939 года и настойчивых заявлений в высокие союзные инстанции.

Но Максим Петрович жестоко ошибался! Его освобождение скорее всего следует считать случайностью, нежели закономерностью, ибо он, естественно, не мог знать содержания секретных ведомственных документов. Например, двух специальных приказов, подписанных в 1940 году наркомом юстиции и Прокурором СССР, в которых указывалось, что арестованные, оправданные судом по делам, расследованным работниками НКВД, не подлежат освобождению из-под стражи, а должны направляться в те места заключения, откуда они были доставлены на судебное заседание. Более того, на суды возлагалась обязанность — «выяснить в органах НКВД, не имеется ли с их стороны каких-либо возражений в отношении освобождения оправданных по суду лиц»[\[383\]](#). Отсюда совершенно очевидно, что прокурорский надзор в те годы являлся всего

лишь фикцией и последнее слово в любом случае оставалось за карательными органами, за органами госбезопасности.

В случае с освобождением Магера эти органы посчитали себя сильно обиженными. Уязвленное ведомственное самолюбие у них разыгралось не на шутку и требовало если не полного, то хотя бы частичного удовлетворения. Как это так — военный прокурор освобождает их важного подследственного и закрывает его дело, при этом даже не посоветовавшись с ними. Такое чекисты второй половины 30-х годов никому не прощали, независимо от перемены названия их органов и порядка подчиненности. Дело в том, что в 1941 году особые отделы (военную контрразведку) передали из НКВД в состав наркомата обороны, и они в виде 3-го Управления стали там функционировать с непосредственным подчинением наркомату.

Не знал Максим Петрович всего того, что творилось в это время за «кулисами». Ныне стали известны некоторые из этих подробностей, в частности из рассказа бывшего Главного военного прокурора генерал-лейтенанта юстиции П.Ф. Гаврилова. Он сообщил, что после освобождения из-под ареста Магера, его, Гаврилова, сначала разыскивал Берия, а затем в тот же день ему позвонил Сталин и потребовал объяснений по поводу всего случившегося. Гаврилов доложил Сталину, что Магер невиновен, а дело в отношении него сфальсифицировано.

Далее, по словам Гаврилова, его разговор со Сталиным принял следующий оборот: «...Сталин стал мне говорить, что при царе лиц, политически подозрительных, ссылали в Сибирь. Это Сталин мне повторил несколько раз. Я Сталину сказал, что сослать Магера в Сибирь нет оснований, за ним никакой вины нет. Видя, что Сталин не верит мне... я попросил разрешения доложить дело лично ему — Сталину. На это Сталин мне сразу ничего не ответил, и я услышал по телефону, как он что-то говорил с Берия по-грузински. Затем мне Сталин сказал, что дело ему докладывать не надо, но чтобы я учел его замечания. Кроме того, Сталин сказал мне, что надо было согласовать с Центральным Комитетом партии освобождение Магера из-под стражи»[\[384\]](#).

Всего четырнадцать месяцев пробыл М.П. Магер на свободе, которой он так усиленно добивался в 1938 — 1939 годах. Черный день наступил 8 апреля 1941 года, хотя постановление на его повторный арест было вынесено десятью днями раньше.

Здесь временно прервем рассказ о деталях повторного ареста М.П. Магера и вернемся к событиям двухлетней давности. Все же не напрасно Максим Петрович и ему подобные принципиальные коммунисты били тревогу о том, что в органах госбезопасности окопалась и орудует шайка настоящих вредителей. Их письма и жалобы в различные инстанции в конце концов возымели свое действие — последовала определенная чистка органов госбезопасности как в центре, так и на местах.

«Есть все-таки правда на свете» — подумал Магер, узнав, что его мучители арестованы и понесли соответствующее наказание. Еще когда он по первому заходу находился в тюрьме, в 1939 году за фальсификацию дел и применение незаконных методов следствия, а попросту говоря — за систематическое избивание арестованных, были подвергнуты аресту начальник особого отдела ЛВО Никонович и его заместитель Самохвалов, сотрудники этого отдела Авдеев, Литвиненко, Лещенко, Рассохин, Кордонский и другие авторы многостраничных «липовых» дел. В частности, М.Г. Рассохин был арестован 5 марта, а П.Б. Кордонский — 13 апреля 1939 года. Формальным обвинением первого из них послужило то, что он якобы скрывал, уводя от серьезных политических и уголовных обвинений участников контрреволюционных формирований. Например, что он вынудил Линдова-Лившица (бывшего начальника мобилизационного отдела

штаба ЛВО) отказаться от своих показаний о принадлежности работников госбезопасности Владимиров и Ямпольского к военно-фашистскому заговору.

Разумеется, что, кроме Магера, на указанных садистов в форме офицера НКВД было кому жаловаться. В постановлении о принятии меры пресечения указано, что Рассохин и Кордонский арестовали заместителя начальника штаба ЛВО комбрига И.М. Подшивалова, военного прокурора 1-го стрелкового корпуса военного юриста 1-го ранга Ф.В. Маркова и еще немало других командиров и политработников, не располагая на них никакими агентурными материалами, а только по показаниям других подследственных. Кроме того, в этом постановлении также отмечалось, что Рассохин и Кордонский в ходе следствия вынуждали арестованных давать так называемые «условные» показания о своей причастности к антисоветской деятельности, мотивируя это якобы интересами ВКП(б) и советской власти. И жестоко обманывали беззащитных людей — эти самые «условные» показания затем фигурировали на следствии и в суде в качестве основных и довлеющих.

Под давлением фактов на следствии по своему делу (на допросах и очных ставках) Рассохин и Кордонский вынуждены были подтвердить случаи избиения ими Магера и других арестованных военнослужащих, в том числе бывшего командира 19-го стрелкового корпуса комдива В.П. Добровольского, члена Военного совета ЗакВО корпусного комиссара М.Я. Апсе, командира 1-го стрелкового корпуса комдива В.И. Малафеева, командира 1-й танковой бригады полковника А.И. Лизюкова и других «генералов».

Относительно А.И. Лизюкова, будущего командарма 5-й танковой и Героя Советского Союза. На очной ставке с начальником 8-го отделения особого отдела УНКВД по Ленинградской области И.Н. Лещенко Рассохин вынужден был признать факт избиения им подследственных Магера и Лизюкова. Содержание протокола допроса Лизюкова от 21 января 1940 года поведало нам о том, что работники УНКВД по Ленинградской области и особого отдела ЛВО Раев, Оксень, Приезжий, Пашин, Махонин, Рассохин и другие длительное время истязали его, добившись в результате подписания ложных показаний. Среди прочего вымышленного материала в протоколе имеется и такое сногшибательное утверждение — Лизюков намеревался совершить террористический акт над руководителями ВКП(б) и советского правительства путем наезда танка на Мавзолей во время одного из парадов^[385].

Из материалов следственного дела М.П. Магера видно, что такая оригинальная «акция» террора весьма импонировала контрразведчикам из центрального аппарата НКВД СССР. Там продумывали различные ее вариации, разумеется, теоретико-бумажные, необходимые только для внесения на соответствующие страницы протоколов допросов. Например, в деле Магера имеется выписка из показаний И. А. Халепского. Бывший начальник Управления механизации и моторизации РККА показал, что Лизюков должен был совершить указанный теракт над всем составом Политбюро ЦК ВКП(б), направив свой танк на Мавзолей.

Получив в свои руки такой «забойный» материал, начальник особого отдела ЛВО Кононович решил его еще более усилить. Он дал указание следователю по делу Лизюкова, чтобы тот составил протокол «покрепче» и добился от арестованного его подписания. На замечание следователя, что показания Халепского неправдоподобны, Никонович предложил порвать московскую выписку, заменив ее другой, в которой бы указывалось, что Лизюков и его подчиненные намеревались стрелять по Мавзолею из танковой пушки.

В собственноручных показаниях Рассохин подробно рассказывает, как фальсифицировались протоколы допросов арестованных, проходя соответствующую корректировку у целого ряда должностных лиц, вплоть до начальника УНКВД. Оттуда они выходили совершенно неузнаваемыми, и смысл показаний арестованных в них неимоверно искажался. Для придания показаниям некоторой правдоподобности, в таких протоколах отражалась придуманная в кабинетах НКВД борьба арестованного со следователем.

Говоря о «липовых» делах, Рассохин утверждает, что на создание таких дел давались указания руководством УНКВД на совещаниях руководящего состава, а до отделений доводились контрольные цифры — сколько людей нужно арестовать. Как правило, эти контрольные цифры оперативными работниками перевыполнялись. Например, только шпионов, якобы завербованных польским вице-консулом Каршем, было арестовано столько, что в случае реальной такой обстановки этому дипломату понадобилось бы ежедневно вербовать по 3 — 5 человек^[386].

Рассохин, Кордонский и другие «особисты», арестованные по обвинению в фальсификации следственных дел, яростно защищались, признавая свою вину только под грузом неопровержимых доказательств. К тому же следственные и судебные работники проявляли к ним определенную снисходительность, иногда даже ничем не мотивированную. Это видно из такого примера. Почему-то в обвинительном заключении Рассохину и Кордонскому не инкриминируется фальсификация следственных дел на комкора К.А. Стуцку, комдива В.И. Малафеева, комбрига П.О. Пугачевского и еще на двенадцать человек, ранее проходивших по их материалам. В начале января 1940 года предъявленное Рассохину и Кордонскому обвинение в фальсификации следственных дел еще на четырнадцать человек высшего и старшего комначсостава, в том числе на корпусного комиссара М.Я. Апсе, дивизионного комиссара В.В. Серпуховитина, комдива Е.С. Казанского, комбрига И.И. Кальвана, также необоснованно было снято.

На суде в военном трибунале войск НКВД Ленинградского округа в начале апреля 1940 года Рассохин и Кордонский виновными себя в фальсификации материалов следственных дел не признали, хотя и подтвердили некоторые факты своего участия в побоях арестованных, в том числе и Магера. Суд, глубоко не вникая в существо дела на Рассохина и Кордонского, определил им чрезвычайно мягкое наказание: первый получил три, а второй — два года ИТЛ. По протесту военного прокурора этот приговор был отменен Военной коллегией и дело возвращено на доследование. В ходе него ничего особенного не было выявлено, однако наказание немного ужесточили — в конце февраля 1941 года все тот же военный трибунал войск НКВД приговорил Рассохина и Кордонского к четырем годам ИТЛ каждого^[387].

Итак, Максим Петрович Магер пробыл на свободе год с небольшим — до 8 апреля 1941 года. В этот день 3-е Управление НКО СССР с санкции Прокурора СССР В.М. Бочкова (кстати, бывшего начальника Особого отдела ГУГБ НКВД СССР. — Н.Ч.) вновь арестовало Магера как участника военно-фашистского заговора, мотивируя это тем, что «Главная военная прокуратура 2 февраля 1940 года без выполнения определения Военной коллегии и опровержения имевшихся материалов дело производством прекратила, освободив Магер из-под стражи»^[388]. А посему еще 27 марта следователь сержант госбезопасности Куркова, назначенная вести вторичное дело М.П. Магера, вынесла постановление, в заключительной части которого говорилось:

«На основании вышеизложенного (повторялись один к одному обвинения по старому делу. — Н.Ч.) Магер, как необоснованно освобожденный, подлежит аресту»^[389].

Данное постановление утвердил 31 марта нарком обороны Маршал Советского Союза С.К. Тимошенко.

Новое дело по старому обвинению начинала сержант Куркова, продолжил его Гинзбург, а заканчивал через три месяца уже третий следователь — лейтенант Г.Т. Пилюгин. Именно им было составлено 1 июля 1941 года обвинительное заключение. Несмотря на то что никаких дополнительных доказательств виновности Магера в совершении государственных преступлений в процессе следствия в 1941 году добыто не было, Максим Петрович тем не менее был предан суду по тем же пунктам 58-й статьи, что и при первом аресте. 20 июля 1941 года (через месяц после начала войны) Военная коллегия почти в том же составе, что и год назад (разве что Суслика заменил Д.Я. Кандыбин), вынесла в отношении М.П. Магера обвинительный приговор, осудив его к расстрелу^{390}.

Определенный интерес представляют показания бывшего следователя Г.Т. Пилюгина, данные им в качестве свидетеля в сентябре 1955 года. Они существенно дополняют уже известные нам материалы.

«Вопрос военного прокурора: Известно ли Вам было, что дело по обвинению Магера было прекращено в 1940 г. Главной военной прокуратурой?»

Ответ: Ознакомившись с материалами дела по обвинению Магера, я видел там постановление о прекращении дела за подписью Афанасьева. Однако в материалах дела было уже и новое постановление на арест Магера от марта 1941 г. Кроме того, в материалах дела было письмо в ЦК КПСС (так в тексте оригинала. — Н. Ч.), подписанное маршалом тов. Тимошенко, в котором спрашивалось разрешение на арест Магера...

Вопрос: Какие же новые материалы, изобличающие Магера, были Вами собраны в 1941 году?

Ответ: Думаю, что никаких новых материалов, кроме тех, которые имелись в материалах дела 1938 — 39 годов, собрано не было. Мною проверялись факты авиакатастрофы в ЛВО, а также показания свидетелей об антисоветской деятельности Магера в АБТУ, но собранные материалы существенного значения для обвинения Магера во вражеской работе не имели. Более того, в АБТУ мною была получена справка, вернее, отзыв от одного сослуживца Магера, фамилию которого сейчас не помню, который отзывался о Магере исключительно положительно. Эта справка мною была приобщена к делу.

Вопрос: Какие заявления были со стороны Магера во время следствия?

Ответ: Помню, что Магер при выполнении ст. 206 УПК РСФСР заявил ряд ходатайств. Некоторые из них я выполнил, т.е. те, которые возможно было выполнить, которые же невозможно — не удовлетворил. В частности, сделать очные ставки со свидетелями я не мог, ибо они уже были осуждены, точнее, расстреляны.

Вопрос: В материалах дела имеется заявление Магера к ЦК КПСС. Был ли направлен по назначению подлинник заявления Магера?

Ответ: Да, мною заявление Магера в ЦК КПСС было передано начальнику следственной части Осетрову для направления по адресу. Копию заявления я подшил в материалы следственного дела.

Вопрос: Известно ли было Вам о том, что следователи Рассохин и Кордонский, ведшие дело Магера в 1938 — 39 годах, в феврале 1941 года были осуждены за фальсификацию уголовных дел?

Ответ: Нет, мне это не было известно.

Вопрос: Чем Вы еще желаете дополнить свои показания?

Ответ: Должен заявить, что показания некоторых свидетелей по делу у меня вызывали сомнение, я считал необходимым передопросить их. Однако это сделать было нельзя, так как свидетели к 1941 году были расстреляны. Поэтому мною было предложено Осетрову послать Магера на фронт. Осетров со мною согласился, но начальник Управления особых отделов Михеев не только не согласился с этим, но и отругал его, а Осетров потом в свою очередь отругал меня и сказал, что Магер арестован по личному указанию одного из руководителей ЦК. Тут же Осетров приказал мне составить обвинительное заключение по материалам дела, что я и сделал...»[\[391\]](#)

Аресты и допросы в семье М.П. Магера растянулись на целый десяток лет. Так, его жена Елена Семеновна, в годы войны проживавшая в Тюмени и работавшая там воспитателем в детском доме, в 1945 году была арестована и Особым совещанием, как ЧСИР, направлена в ссылку сроком на пять лет. Наказание она отбывала в г. Тобольске — в тех местах, что и декабристы сто лет тому назад.

Участь, подобная судьбе М.П. Магера, постигла и другого человека из высшего эшелона начальствующего состава РККА. Арестованный месяцем раньше Магера, корпусной комиссар И.П. Петухов, работавший секретарем у Ворошилова, на второй день после ареста (5 июля 1938 года) стал давать показания о своем участии в антисоветском военном заговоре. Поначалу в качестве своего вербовщика он, видимо, по недосмотру следователя, назвал корпусного комиссара А.В. Хрулева, но затем, отказавшись от этого варианта (Хрулев, очевидно, показался особистам в таком деле мелкой сошкой), стал везде показывать, что в заговор был вовлечен Я.Б. Гамарником. Спустя месяц после ареста (в августе 1938 года) Петухов вообще от своих показаний откажется.

Надо сказать, что во второй половине 1938 года шла уже «подчистка» тех старых кадров, которые по тем или иным причинам уцелели от репрессий первой волны. К тому времени в распоряжении ГУГБ НКВД СССР имелись показания почти на всех (если не на всех) высших военачальников Красной Армии, в чем мы смогли не раз убедиться по ходу повествования. Показания (обвинение в причастности к военному заговору) в отношении И.П. Петухова накапливались хотя и медленно, но верно, и участь его можно было предвидеть несколькими месяцами раньше, прежде чем за ним пришли. Но сам он многого тогда не знал, хотя и ощущал, что тучи над его головой с каждым днем сгущаются.

А как им было не сгущаться, если обвиняемый по другому делу бригадный комиссар А.М. Круглое-Ланда показал 13 апреля 1938 года следующее: «Однажды, когда я был в кабинете Шубина (бригадный комиссар И.Г. Шубин, заместитель начальника отдела ПУРККА. — Н. Ч.), туда зашел Осемян (заместитель начальника ПУРККА. — Н.Ч.) и сказал, что Гамарник решил во что бы то ни стало добиться назначения Петухова в УМС (Управление Морских Сил РККА. — Я. Ч.), где он нам нужен... Позднее Шубин мне сообщил, что Петухов является участником заговора»[\[392\]](#).

А месяцем раньше арестованный нарком Военно-Морского Флота СССР П.А. Смирнов «выдал» такую «тайну»: «...В августе 1937 года в моем кабинете в Политуправлении РККА (до назначения на пост наркома ВМФ Смирнов в течение полугода исполнял обязанности начальника ПУРККА. —

Н. Ч.) Булин сообщил..., что Петухов является участником антисоветского заговора и занимает в заговоре особо законспирированное положение, учитывая его работу в секретариате наркома»[\[393\]](#).

Все эти моменты, равно как и другие, нашли свое отражение в обвинительном заключении по делу И.П. Петухова. Хотя они, как показала дополнительная проверка, являются ложными от первой до последней буквы. Например, бригадный комиссар Шубин, оказывается, показаний на Петухова, как участника военного заговора, не давал. Проверкой дела по обвинению армейского комиссара 2-го ранга А.С. Булина установлено, что он в суде виновным себя не признал и от данных на следствии показаний отказался.

Чувствуя шаткость обвинительного материала на момент начала следствия, в ГУГБ НКВД вовсю старались дополнить его новыми показаниями. В случае с Петуховым такое происходило с маршалом А.И. Егоровым. В январе 1939 года тот в собственноручных показаниях указывает, что «...Аронштам (начальник политуправления ОКДВА в 1933 — 1936 гг. — Н.Ч.)...сообщил мне, что со слов Окунева (начальника политуправления ТОФ. — Н.Ч.) ему известно о том, что Петухов, работающий в секретариате наркома, является участником заговора»[\[394\]](#).

Как отмечалось, в августе 1938 года Петухов отказался от всех своих ложных показаний и с тех пор уже твердо стоял на этих позициях, несмотря на мощный напор следствия. А время шло... Чтобы соблюсти все формальности, которыми были совсем не чужды в НКВД, начальник 1-го отделения Особого отдела ГУГБ старший лейтенант госбезопасности Иванов в середине ноября 1938 года выносит постановление о продлении срока ведения следствия по делу И.П. Петухова на очередные два месяца. Из этого документа можно узнать, что содержащийся в Лефортовской тюрьме Петухов к тому моменту подвергался допросам 15 раз[\[395\]](#). А еще оттуда узнаем о плане дальнейших действий следствия в отношении арестованного:

1. Привести в порядок все материалы дела.
2. Допросить Петухова по всем обстоятельствам, изложенным им в личной рукописи и по показаниям Симонова, Урицкого и Ланда.
3. Допросить людей, подававших на него в свое время заявления в партийном порядке.
4. После допроса свидетелей его снова допросить по существу показаний.
5. Числа 20-го декабря показать дело для просмотра и для дальнейших указаний[\[396\]](#).

Характерно то, что из всех материалов дела И.П. Петухова четко усматривается одно — несмотря на наличие в нем расстрельных пунктов 58-й статьи, его однозначно направляли по линии Особого совещания, что сулило сохранение жизни. Хоть за решеткой и забором, но все-таки жизнь, о чем мечтали сотни и тысячи других заключенных, проходивших по тем же пунктам 58-й статьи УК РСФСР. Сказалось, видимо, какое-то содействие (в материалах дела оно проявляется косвенно) со стороны Ворошилова и Прокурора СССР А.Я. Вышинского. О роли последнего в деле Петухова будет сказано несколько позже.

14 февраля 1939 года решением Особого совещания при НКВД СССР Иван Павлович Петухов из-под стражи был освобожден с зачетом ему наказания срока предварительного заключения. Свое долгожданное и в то же время неожиданное освобождение Петухов напрямую связывал с приходом в НКВД нового руководства. В одном из заявлений он писал: «Реабилитация меня и мое

освобождение в феврале 1939 г. были следствием прихода к руководству НКВД Л.П. Берия... Приход к руководству НКВД Л. Берия и личный допрос меня вновь назначенным начальником Особого отдела Бочковым коренным образом изменили обстановку. Новое руководство правильно оценило все показания на меня врагов и просто нечестных людишек, учло все мое прошлое, и я был выпущен на свободу...»[\[397\]](#)

Свобода!.. Кто из нормальных людей о ней не мечтает! Но ничто не может сравниться с чувствами человека, после долгих мытарств вырвавшегося из тюрьмы и сбросившего с себя груз несправедливых и тяжких обвинений. Частично о состоянии, в котором пребывал тогда Петухов, можно узнать из письма его дочери, написанного в адрес И.В. Сталина 20 марта 1939 года (она в то время училась в Военной академии механизации и моторизации): «...Когда у нас был арестован отец, мы не сомневались в том, что наши соответствующие органы разберутся в этом деле и в результате отец будет освобожден, т.к. в честности его мы никогда не сомневались и не будем сомневаться.

Все произошло, как мы и предполагали. В ночь на 17 февраля 1939 г. отец был освобожден и возвратился к нам. Как мы и ожидали, забран он был по клевете врагов народа, которые теперь, обессилев, окончательно встали на такой скользкий путь, как клевета на честных людей.

Не было границ нашему счастью, нашей благодарности Советской разведке. Было такое состояние, что хотелось забраться на Кремлевскую башню и кричать на весь мир о таком большом счастье.

Отец вернулся слабым здоровьем, но сильным духом. По правде сказать, мы не ожидали увидеть его таким. Мы думали, что такой большой срок заключения убьет его, подорвет его волю, но оказалось не так: он вернулся еще более преданным, еще более стойким большевиком.

У меня появились мысли о том, что все-таки невинного человека держали 7 с половиной месяцев, которые я не раз высказывала отцу. Отец убедил меня в том, что иного выхода не было, раз есть показания...

Отец все время говорил, что только благодаря нашей разведке его дело было разобрано и он был освобожден. А когда начался съезд (XVIII съезд ВКП(б). — Н. Ч.), будучи на свободе, он жил вместе с ним... Мы, как никто, в это время почувствовали заботу о себе. Нам обещали дать квартиру (из ранее занимаемой семьей И.П. Петухова после его ареста выселили. — Я. Ч.) и приступили к лечению отца, хотя он ничего не просил.

Так зажили мы счастливой жизнью.

Но это счастье продолжалось недолго. 12 марта в 3 часа дня отца вновь арестовали... Мы опять стали на отшибе, опять с ужасной кличкой «семья врага народа», опять без всякой почвы под ногами...»[\[398\]](#)

Как и все письма, адресованные Сталину, письмо Н. Петуховой поступило в особый сектор ЦК ВКП(б). Оттуда оно через неделю было переправлено Прокурору СССР Вышинскому. На препроводительной к нему имеется резолюция Вышинского от 29 марта: «т. Ульяновой. Истребуйте дело и дайте мне свое закл(ючение)»[\[399\]](#).

Через две недели упомянутая Ульянова — военный юрист 1-го ранга, начальник 2-го отдела Главной военной прокуратуры, подготовила для Вышинского следующую справку:

«Петухов И.П., корпусной комиссар, был арестован 4.VII — 1938 г. Решением Особого Совещания дело о нем в феврале 1939 г. было прекращено. Вы принимали участие в решении этого дела.

12.111.1939 г. Петухов по старым материалам арестован вновь.

По делу написано обвинительное заключение, и оно представлено на рассмотрение Особого совещания»[\[400\]](#).

На этом документе есть короткая помета — резолюция Вышинского: «В наряд». Что означает сей термин — неизвестно. Видимо, поставить на очередь для рассмотрения дела на ОСО. Или что-то другое, но в этом же роде. Как видно, никакого протеста и возмущения действиями НКВД в отношении Петухова Вышинский не выражает, хотя из того же документа отчетливо усматривается, что освобождение из-под стражи Ивана Павловича в феврале 1939 года произошло не без его вмешательства. Почему же он сейчас совершенно не реагирует на деяния органов НКВД, фактически перечеркнувших все его предыдущие усилия? Видимо, изменился целый ряд обстоятельств и хороший игрок (этого у него не отнять!) Вышинский стал еще более тщательно просчитывать не только свои шаги в отношении арестованных, но и их возможные последствия.

После второго ареста Петухова события развивались стремительно. Прошел только месяц его пребывания в тюрьме, а военный прокурор Ульянова уже докладывает о подготовленном обвинительном заключении. И никакого обмана здесь нет — следователь Комаров хорошо потрудился, добросовестно переписав старое заключение, благо что он сам же и составлял его в феврале. Одним словом, Петухов будто бы и не был несколько недель на свободе — все тот же следователь Комаров, все та же тюрьма, все то же заключение.

Наверное, чтобы не упрекнули его, что он даром ест хлеб, Комаров в мартовское заключение (да, 12 марта 1939 г. Петухова арестовали, а уже 29-го числа того же месяца начальник Особого отдела ГУГБ старший майор госбезопасности В.М. Бочков утверждает обвинительное заключение) добавил и несколько «свежих» положений, которых не было в предыдущем. Например, указывается, что арестованный комкор М.О. Степанов, бывший начальник Инженерного управления РККА, показал 27 марта (за два дня до утверждения обвинительного заключения) о том, что Петухов осенью 1934 года присутствовал на банкете, устроенном начальником Военной академии механизации и моторизации Германовичем. Но суть обвинения, разумеется, не в самом факте присутствия на банкете, а в том, что там с «контрреволюционными речами» выступали М.Н. Тухачевский, а также руководители АБТВ Красной Армии И.А. Халепский, К.И. Степной-Спижарный, И.К. Грязнов и другие. А Петухов, исполнявший в то время обязанности помощника по политической части у Германовича, стало быть, не донес об этом «вопиющем случае» компетентным органам и руководству наркомата обороны.

Другой добавкой послужило то, что в 1930 году Петуховым был подготовлен выпуск второго издания своей книги «Партийная организация и партийно-политическая работа в РККА». Так вот криминалом оказалось то, что он подарил один экземпляр книги начальнику ПУРККА Гамарнику с надписью «Яну Борисовичу». Поставил свой автограф и дату — 7.IV. 1930 г. Если в февральском обвинительном заключении данный эпизод не фигурировал, оставаясь «за кадром», то в мартовском он был подробно расписан и преподнесен, так сказать, «во всей красе». Чего только стоят вот такие строчки: «Указанная книга нами была дана на заключение полковому комиссару Катулину (начальнику кафедры Военной академии механизации и моторизации. — Н. Ч.), который

в выводах пишет: «Книга вредная, ее надо изъять, автора привлечь к партийной ответственности»[{401}](#).

Следователь Комаров и его «шефы» из Особого отдела ГУГБ не преминули обвинить Петухова и в принадлежности к презренному кулацкому сословию. В обвинительном заключении по этому поводу отмечается: «За это же время в 3-й раз были проверены данные о Петухове по месту его родины.

Допросом ряда свидетелей односельчан Марченкова, Панова. Ястребова, родной сестры Петуховой Александры, матери Петуховой Василисы и официальной справки сельсовета, датированной от 5 февраля 1939 года устанавливается, что Петухов происходит из кулацкой семьи, что он был связан с антисоветским элементом деревни...»[{402}](#)

Постановление Особого совещания при НКВД СССР от 20 апреля 1939 года в отношении И.П. Петухова было, можно сказать, чрезвычайно либеральным — лишение свободы в исправительно-трудовых лагерях сроком на пять лет. И это при наличии статьи 58 — 1 «б», 58 — 8, 58 — 11. Видимо, все-таки участие Вышинского, хотя и косвенное, в данном деле имело место и было учтено при вынесении приговора. Что же касается помощи со стороны наркома обороны К.Е., Ворошилова, то ее, по всей видимости, совсем не было. В этом убеждаешься, прочитав многостраничную жалобу Петухова, направленную им в феврале 1940 года из Краслага в адрес своего бывшего начальника.

Это своего рода уникальный документ, представляющий несомненный интерес, ибо он написан лицом из ближайшего окружения наркома обороны, можно сказать, человеком из его «свиты», знавшим многие секреты придворной жизни и посилено приводившим в действие пружины (явные и тайные) назначений, перемещений, наград, нередко выполнявшим деликатные поручения патрона. Отсюда проистекает и вся тональность жалобы, в ней отчетливо просматривается надежда на возможность своего освобождения — ведь однажды с ним уже было такое! — и Петухов пытается один за другим разрушить все пункты обвинения.

«Мне сообщили из НКВД, что моя жалоба на имя Л.П. Берия получена и будет рассмотрена. В связи с этим я обращаюсь к Вам, лично знавшему меня на протяжении ряда лет по моей практической работе и прошу: помогите мне освободиться от чудовищных обвинений, в которых я совершенно не повинен. Я прошу Вашего содействия потому, что я всегда был убежденным сторонником Ленинской, Сталинской политики большевистской партии и мою борьбу с троц(кистско)-бух(аринской) шайкой извергов можно детально проверить на протяжении всего времени моего пребывания в партии, потому что именно Вам (по всему моему поведению, моим систематическим докладам Вам) в достаточной мере известно мое подлинное отношение к тем, кто никогда не был мне близок (а в близости с которыми меня обвиняют), кто для достижения своих подлых целей бесстыдно творил каиново дело, выдумывая и сочиняя обо мне гнусные клеветнические документы для НКВД...

За время нахождения в тюрьме и в лагерях я восстановил в памяти вопросы ко мне следствия, пересмотрел заново весь пройденный мной путь в партии и в Кр(асной) арм(ии), свое и моих родных социальное прошлое и не нашел ничего такого, что бы оправдывало мое столь значительное по времени содержание под стражей. В самом деле:

1. В решении Особ(ого) сов(ещания) НКВД меня называют участником военно-фашистск(ого) заговора. В чем выразилось мое участие в заговоре, кто меня вербовал в этот заговор, каковы

обстоятельства, приведшие меня к этому заговору — все это для меня остается в тайне и этого я до сих пор постичь не могу. Имеющиеся на меня показания, их внутреннее содержание (вернее, бессодержательность и полная противоречивость) не дают все же оснований для столь тяжелых для меня обвинений».

Далее Петухов честит почему зря всех тех, кто дал на него показания, кого он считает виновниками своего ареста и последующих тюремных злоключений. Всех этих лиц Иван Павлович хорошо знал по работе в аппарате наркомата обороны, не раз встречался с ними на различного рода совещаниях, заседаниях, пленумах, съездах и т.п.

«Егоров — этот изувер — дал обо мне свои показания ровно через год (!) после его «чистосердечных» раскаяний и разоблачений всех ему известных их соучастников. В своих показаниях он заявляет, что о моем якобы участии в заговоре ему известно со слов Аронштама, которому (Аронштаму) сообщил об этом Окунев...

Смирнов дал примерно такие же показания, как и Егоров, заявив, что ему о моем участии в заговоре известно со слов Булина (а Булин обо мне ничего подобного не говорит).

Прохвост и предатель Урицкий и небезызвестный для Вас Круглое (Ланда), не имея, очевидно, мужества сказать, что я участник заговора (как это подло и клеветнически утверждали в своих показаниях Егоров и Смирнов), ограничились заявлением о том, что я — «человек Гамарника».

Вся эта стряпня предателей — сознательная подлая клевета на меня. Все эти показания имели только одну цель — ввести в заблуждение следствие и перебить большевистские кадры... Можно ли всерьез принимать документы, в которых Егоров, Смирнов и Ланда (Круглов) показывают, что все сказанное обо мне им известно со слов Булина, Осеяна, Аронштама, Окунева и Шубина, а вся эта пятерка обо мне умалчивает и показаний на меня не дают?! Можно ли принимать всерьез заявления (показания Смирнова), что я находился на особо секретном положении в заговоре, когда обо мне (по показаниям того же Смирнова, Егорова, Шубина) известно было десятку лиц о моем мнимом участии в заговоре? Этакая ересь нужна была только Федоровым и Агасам, чтобы маскировать и прятать от партии их гнусные дела, чудовищные преступления... Вспоминается, гражданин Народный Комиссар, поведение в отношении меня Урицкого, который метал гром и молнии (это происходило не только в Вашем кабинете, но и в кабинете и в присутствии комкора Хмельницкого...) в связи с тем, что я умышленно якобы и без санкции кого следует, раздал на ознакомление чл(енам) В(оенного) совета материалы, в которых говорилось о близости Урицкого к заговорщикам (эти документы раздавались по Вашему указанию и после заседания... были возвращены куда следует). Урицкий в присутствии Хмельницкого прямо заявил, что он этого моего поступка не забудет никогда.

Я прошу Вас вспомнить также поведение в отношении меня и Смирнова в связи с клеветническими заявлениями на меня, в частности, известн(ого) Вам б. слушателя академии мех(анизации) и моториз(ации) РККА . им. Сталина — Петрова. Он тогда же поспешил передать все эти клеветнические заявления, в которых я голословно обвинялся в связях с Гамарником, Зонбергом и Германовичем в НКВД. Где же тут логика? Почему можно верить после этого показ(аниям) Смирнова, когда он одной рукой пишет, что я был якобы на особо законспирированном положении в заговоре, а другой — что дело обо мне, как соучастнике гамарник(овской) банды, надо передать в НКВД? Можно ли верить этим утверждениям, когда, как Вам хорошо известно, тот же самый Гамарник добивался и добился моего удаления из ПУРа,

когда он всячески игнорировал меня. Ведь не секрет же, что Гамарник и при назначениях и при награждениях всегда меня обходил.

Вы, вероятно, хорошо помните мои Вам доклады о Гамарнике и его людях: Славине, Осеяне и пр. Я был внутренне удовлетворен, что мне все же удалось неплохо почистить политаппарат РККА от гамарниковских людей. Нельзя же игнорировать тот факт, что именно благодаря моей информации и моих личных Вам докладов были удалены с занимаемых тогда постов в РККА такие всем известные люди Гамарника, как Славин, Берман (б. нач-к В.-политической акад.), Васильев (б. нач-к Политупр. Кавк. армии), Харитонов и др. Нельзя считать все это за проявление моей близости к Г-ку и его людям.

То же самое можно сказать и о моей мнимой близости к Зонбергу, Германовичу и Ольшанскому, с которыми я всего лишь по году работал в акад. мех(анизации) и мот(оризации) РККА. Я прошу Вас вспомнить, что я Вам докладывал об этих... людях. Именно по моим Вам докладам и вопреки предложениям Гамарника и Фельдмана Вы убрали из академии и Зонберга и Ольшанского, немного позже и Германович тоже был Вами убран из академии, а Ольшанский с Вашего благословения — искл(ючен) из партии. Как же можно говорить после этого о какой-то моей близости к этим людям...»

В 30-х годах обвинение в троцкизме означало неминуемую кару, смерть если не физическую, то уж политическую несомненно. Не говоря уже о крушении карьеры (служебной, военной, научной). Политические процессы 1936 — 1938 годов показали, что в первую очередь на этого «коня» стремилось посадить подследственных (а затем и подсудимых) высшее политическое руководство СССР. А верный оруженосец Сталина Прокурор страны А.Я. Вышинский безропотно штамповал свои визы на все новых и новых ордерах на арест очередной группы троцкистов. К данной категории немедленно относили любого человека, на которого поступил донос о его сотрудничестве (укрывательстве, сочувствии, встрече и т.д.) с троцкистскими элементами как внутри страны, так и за рубежом.

«2. В связи с заявлениями б. слушателя академии Петрова меня обвиняли в укрывательстве троцкистов, в частности, троцкиста Бешкина. Сказать по правде, меня эти обвинения приводили в бешенство. Я понимаю, что надо человека допрашивать с пристрастием. Но ведь мою систематическую борьбу с троцкистами и с прочими изменниками делу революции можно проследить без всякого труда. В наиболее острые периоды борьбы троцкистов, правых и «левых» с большевиками я находился в передовых рядах партии Ленина — Сталина. В 1920 — 21 гг. я вместе с Ярославским Е. активно и успешно дрался с троцкистами и др(угими) врагами ленинско-сталинской политики, в частности, с извергом Смирновым И.Н., находясь в это время в Сибири. В 1923 — 24 гг. активно боролся с троцкистами по всем вопросам и, в частности, по вопросам армейского строительства... В 1925 — 27 гг., в период борьбы с объедин(енной) троцк(истско)-зиновьев(ской) оппозицией, я получал специальные указания и выполнял особые поручения ЦК ВКП(б) по борьбе с тр(оцкистско)-зин(овьевской) оппоз(ицией), был командирован в этих целях во главе группы слушателей Института Красной Профессуры и курсов марксизма при ЦК в Кронштадт, Ленинград, Смоленск, Ярцево (раб. район), Брянск и брянские заводы. Возложенные на меня задачи выполнил неплохо.

В своей работе я всегда непримиримо относился к каким бы то ни было проявлениям троцкизма и выбросил из организаций, где мне приходилось работать, не одну сотню троцкистских элементов... С переходом в Морские Силы (после Военной академии механизации и моторизации И.П. Петухов работал помощником начальника Морских Сил РККА по политической части. — Н.

Ч.) я отдавал всего себя этому новому для меня делу. Несмотря на то что я пробыл там всего лишь около года, мне удалось не только выявить там крупнейшие недочеты, но и приступить к осуществлению ряда Ваших важнейших решений по их устранению... Мне удалось, опять-таки вопреки настроениям Гамарника, удалить из аппарата Управления Морскими Силами таких видных троцкистов, как Курков (пом. нач. Морсил), Кара (начальник отдела кадров), Ланда (Круглова) — брат того самого Ланда, который показал на меня и который с пеной у рта защищал своего брата, когда этого последнего, по моему предложению, исключили из партии...

Так же я поступил и с б(ывшим) троцкистом Бешкиным, в бытность мою в академии мех(анизации) и мот(оризации). Еще в феврале 1935 г., как только стала известна роль троцкистов в Ленинград(ских) событиях (убийство С.М. Кирова в декабре 1934 г. — Н. Ч.) и как только появилось соответств(ующее) заявление слушателей акад(емии), Бешкин по моему настоянию был убран из академии и уволен из РККА... Почему же после всего этого можно верить Петрову...

Я вел систематическую борьбу с троцкистами на протяжении всего времени моего пребывания в партии, а меня обвиняют в соучастии с троцкистами в их тяжких преступлениях!?

Я выгнал из РККА (выгнали Вы по моим докладам) не одну сотню троцкистских элементов, в частности, Бешкина, а меня обвиняют в укрывательстве этих гадов!?»

Слово «кулак» начиная с конца 20-х годов фактически стало именем нарицательным. За принадлежность к этому сословию крестьянства, преданному советской властью анафеме, нередко летели головы не только на селе, но и в городе, в армейском гарнизоне.

«3. В решениях ОСО меня называют кулаком. Это грубейшая ошибка. Я никогда кулаком не был, что проверить и установить не представляет никакого труда... Мое социальное прошлое известно всей деревне вплоть до 1928 г.; проверялось мое соцположение и специальными людьми из парткомиссии 10 отдела ПУРа. Все то, что я излагал в докл(адной) записке в парткомиссию и Вам в связи с имевшимися на меня заявлениями и моем соц(иальном) прошлым, правильно, и утверждение, что я кулак — это результат недостаточной бдительности тех, кто рассматривал клеветнические документы на меня...

Гражданин Народный Комиссар! Мне кажется, что достаточно и всего изложенного Вам, чтобы проследить несостоятельность и лживость выдвинутых против меня обвинений и просить Вашего ходатайства перед Наркомом Вн(утренних) Дел Л.П. Берия о скорейшем пересмотре моего дела и моем освобождении...»[\[403\]](#)

Иван Павлович Петухов, обнадеженный сообщением из секретариата НКВД о том, что его жалоба относительно необоснованности осуждения там получена и будет рассмотрена, спешит заручиться поддержкой у своего бывшего шефа. Из содержания приведенного выше заявления на имя Ворошилова усматривается, что тот многие годы, вплоть до ареста Петухова, благоволил к нему и поэтому данное письмо-заявление следует рассматривать как вполне логичное развитие событий в драме видного политработника РККА. Петухов крепко надеется на помощь со стороны своего наркома — члена Политбюро ЦК ВКП(б), близкого соратника Сталина.

Из секретариата наркома обороны указанное выше заявление И.П. Петухова передается в Главную военную прокуратуру. В подготовленной для заместителя Главного военного прокурора диввоенюриста Н.П. Афанасьева справке, исполненной сотрудником ГВП военным юристом 2-го ранга Белкиным, говорилось: «...Жалоба Петухова (на имя Ворошилова. — Н.Ч.) неосновательна, т.к. о его связях с троцкистами свидетельствуют не только показания свидетелей, но и имеющиеся

в деле материалы партбюро НКЮ. О связях с Гамарником свидетельствует обнаруженная книга Петухова «Партийная организация и партийно-политическая работа в РККА», изд(анная) в 1930 г., с его собственноручной надписью... По отзыву полкового комиссара Катулина... эта книга изобилует ошибками и является политически вредной.

22.3.1940 года Наркомом Внутренних Дел СССР в ходатайстве Петухова о пересмотре его дела было отказано.

Со своей стороны оснований к пересмотру по этому делу решения Особого совещания НКВД от 20.4.39 г. не нахожу»[{404}](#).

Эта справка была написана 17 июня 1940 года. Три дня спустя Афанасьев согласился с выводом Белкина. Ответ же Петухову был отправлен только через четыре месяца.

«26 октября 1940 г.

Начальнику Краслагеря НКВД

ст. Решоты, Красноярской ж. д.

Объявите подавшему жалобу заключенному Петухову Ивану Павловичу, 1895 г. рождения, что его жалоба рассмотрена и оснований к пересмотру дела не найдено.

Военный прокурор ГВП

военный юрист 2-горанга (Белкин)»[{405}](#)

Отбывая наказание в лагере, И.П. Петухов умер 30 мая 1.942 года. Как умер? Об этом уже никто никогда не узнает, никто уже не поведает. Возможно, что обессилевшего зэка, отставшего от колонны, застрелил конвоир. А может, придушили уголовники за несчастную пайку хлеба... Вполне вероятно, что было и так, как описывает в своем письме отсидевший 10 лет в ГУЛАГе Н.С. Демьянов: «...Здесь я впервые наблюдал и поразился, как тихо умирают голодной смертью. Накроется с головой одеялом или отвернется к стене и затихнет навсегда»[{406}](#).

Как и у Магера, немногим более года продолжался «глоток свободы» у комдива А.А. Тальковского. До своего первого ареста в конце декабря 1937 года Александр Александрович командовал 3-й Крымской стрелковой дивизией. В главе «В Харьковском военном округе» его имя нами упоминалось. Основанием к аресту послужили показания арестованных «врагов народа», вчерашних сослуживцев по ХВО — командира 23-й стрелковой дивизии комбрига И.Ф. Куницкого и заместителя командующего комдива В.О. Погребного, а также заместителя начальника штаба округа комбрига В.В. Ауссем-Орлова. Первоначально Тальковский обвинялся «всего-навсего» в принадлежности к антисоветскому военному заговору и проведении шпионской деятельности в пользу немецкой разведки[{407}](#).

По национальности А.А. Тальковский был татарин, что не преминули использовать в своей работе следователи НКВД. Уже в процессе следствия в 1937 — 1939 годах к делу были приобщены показания нескольких участников так называемой контрреволюционной националистической татарской организации, в том числе комдива Я.Д. Чанышева, изобличавшие Тальковского в принадлежности к указанной организации[{408}](#).

Как видно из материалов дела, вначале на следствии Тальковский в предъявленном ему обвинении виновным себя признал полностью и показал, что в заговор он был вовлечен командармом Якиром. Одновременно он назвал в числе своих «сообщников» начальника штаба дивизии майора А.П. Кравченко, командира 7-го стрелкового полка майора И.А. Рубанюка, начальника военно-хозяйственного снабжения майора С.В. Зайцева, начальника ветеринарной службы военврача 1-го ранга В. А. Громкова и начальника финансовой части Щербакова, заявив при этом, что все названные лица в состав антисоветской организации были завербованы лично им. В последующем, однако, Тальковский от этих показаний, данных им в Крымской тюрьме (г. Симферополь) отказался, утверждая, что участником военного заговора он никогда не являлся и никакой преступной работы против советской власти не проводил. Решительно отвергал он и обвинение в том, что, будучи участником заговора, проводил вредительство в дивизии [\[409\]](#).

Несмотря на все ухищрения следователей связать концы с концами и подвести Тальковского под серьезную статью Уголовного кодекса, сделать это им так и не удалось — обвинения в его адрес легко рассыпались при первой же серьезной проверке. Например, комбриг И.Ф. Куницкий узнал о принадлежности Тальковского к заговору от комкора С. А. Туровского, однако по показаниям последнего бывший командир 3-й Крымской стрелковой дивизии совсем не проходит. Другое обстоятельство — члены так называемой националистической татарской организации в ходе следствия от своих показаний отказались и уголовные дела на них были прекращены. Командарм 1-го ранга И.Э. Якир, якобы завербовавший в заговор Тальковского, на самом деле никаких показаний на этот счет не давал [\[410\]](#).

Убедившись в шаткости позиций обвинения в адрес каждого отдельно взятого арестанта, подчиненные наркома Л.П. Берия в начале мая 1939 года объединяют дела девяти человек, проходящих по показаниям Тальковского, в одно следственное производство, надеясь тем самым создать эффект серьезной деятельности по раскрытию крупной вредительской организации в одной из дивизий ХВО. Военная прокуратура округа почему-то «не заметила» вопиющих нарушений в данном деле, на что ей и было строго указано со стороны ГВП. Такая щепетильность Главной военной прокуратуры в октябре 1939 года и удивляет, и настораживает — ведь раньше (в 1937 — 1938 годах) такого там служебного рвения не наблюдалось.

В результате следственное (групповое) дело № 4882, полученное ГВП от военной прокуратуры ХВО для направления по подсудности в Военную коллегия, возвращается обратно в Харьков с задачей выполнения в полном объеме статьи 206 УПК.

«Военному прокурору ХВО

Возвращаю след. дело № 4882 по обе. Тальковского, Кравченко и др., всего в количестве 9 чел. — по ст. ст. 58 — 1 «б», 58 — 7, 58 — 8 и 58 — 11 У К.

Всем обвиняемым по настоящего делу инкриминируется то, что они, работая на руководящих командных должностях в войсковом соединении 5299 — являлись участниками заговорщической контрреволюционной группы, созданной по заданию немецкой разведки и врага народа — Якира.

По делу допущено грубейшее нарушение ст. 206 УПК, в силу чего дело не может быть направлено на рассмотрение Военной коллегии Верхсуда...

Большинству обвиняемых было объявлено об окончании следствия в период с 13.IV по 25.IV.39 года, а следственные действия и приобщение различных документов к делу продолжались до 20.V.39 г. Из дела видно, что обвиняемые знакомы только с материалом, относящимся к их

индивидуальному обвинению, не зная весь материал дела. Об этом свидетельствует постановление от 7. V. — 39 года об объединении дел обвиняемых в одно следственное производство.

Предлагаю тщательно ознакомить обвиняемых с материалами дела в полном соответствии со ст. 206 УПК, исследовать возможные ходатайства обвиняемых по существу дела, после чего вышлите в ГВП — для направления по подсудности.

Приложение: дело в 7 томах.

И. О. Главного военного прокурора

военный юрист 1-го ранга (Панфиленко)»[{411}](#)

В прокуратуре ХВО, уязвленные, видимо, такой недооценкой их «титанической» деятельности по выявлению врагов народа, исполнение Главной военной прокуратуры затянули на целых семь месяцев, хотя явная надуманность обвинений бросалась в глаза даже при беглом знакомстве с делом. И только 26 мая 1940 года (на следующий день после освобождения А. А. Тальковского) военный прокурор ХВО доложил в ГВП:

«Секретно. Экз. № 1 Главному военному прокурору Красной Армии

Диввоенюристу тов. Гаврилову На № 17192 от 10. V. 40

Доношу, что дело по обвинению Тальковского А.А., Рубанюк И.А., Громкова В.А. и др. ВП (Военной прокуратурой. — Н.Ч.) ХВО прекращено на основании ст. 197 ч. 2 УПК УССР и все обвиняемые из-под стражи освобождены.

Военный прокурор ХВО

бригвоенюрист (Грезов)»[{412}](#)

Здесь уместно упомянуть о дальнейшей судьбе одного из обвиняемых, проходивших по этому делу, — майора Рубанюка Ивана Андреевича, до ареста командира полка из дивизии Тальковского. Восстановленный в кадрах РККА, он затем последовательно командует частями и соединениями. В начале Великой Отечественной войны Рубанюк — командир 176-й стрелковой дивизии. В октябре 1942 года, будучи в звании полковника, он получает под свое начало 11-й стрелковый корпус. Войну генерал-лейтенант И.А. Рубанюк закончил в должности командира 10-го стрелкового корпуса. После войны продолжительное время служил в Вооруженных силах, уволившись по возрасту в отставку генерал-полковником.

Выйдя на свободу и восстановившись в кадрах Красной Армии, Тальковский приступил к исполнению обязанностей начальника курса Военной академии имени М.В. Фрунзе. Однако в конце июня 1941 года (через неделю после начала войны) его снова арестовывают. Как подчеркивалось в заключении Следственного управления КГБ СССР по делу А.А. Тальковского (март 1955 г.), основанием к повторному аресту послужили все те же материалы его прекращенного дела. Новое следствие вел сотрудник 3-го Управления НКО СССР младший лейтенант госбезопасности Морозов. Тальковский решительно отрицал все предъявленные обвинения. Он заявлял, что участником военного заговора никогда не был, вредительством тоже не занимался, а его признания в этой деятельности, данные им в 1937 — 1938 годах, не

соответствуют действительности, ибо они получены от него в результате незаконных методов следствия{413}.

В конце следствия Тальковский, с целью доказать несостоятельность предъявленного ему обвинения, возбудил ходатайство о допросе в качестве свидетелей В.В. Ауссем-Орлова, И.Ф. Куницкого и В.С. Погребного, а также о возможности дать ему с этими лицами очные ставки. Еще он попросил приобщить к делу показания его бывших подельников — А.П. Кравченко, И.А. Рубанюка, С.В. Зайцева, В.А. Громкова и других. Однако такие вполне законные требования Тальковского органы следствия в Москве решительно отклонили. Да и как практически это было сделать, если Куницкого, Погребного и Ауссем-Орлова к тому времени уже не было в живых, а приобщать к делу показания бывших подельников Тальковского для следствия представлялось невыгодным, ибо тогда оно совсем рушилось{414}.

11 февраля 1942 года следствие по делу А. А. Тальковского было закончено и сразу же направлено на рассмотрение Особого совещания с предложением его расстрелять. Через два дня (13 февраля) ОСО приговаривает его к расстрелу, что и было исполнено через десять дней{415}.

Реабилитирован А. А. Тальковский в апреле 1956 года.

В одной из предыдущих глав (см. «Тюрьма — Лагерь — Ссылка») мы упоминали о комдиве Якове Захаровиче Покусе, который, наряду с Пе-туховым, Магером, Тальковским и другими, также дважды погружался во тьму. В первый раз Покус был арестован накануне годовщины Красной Армии — 22 февраля 1938 года. Находился в тот день он в Москве по служебным своим делам, исполняя должность заместителя командующего ОКДВА по оборонному строительству. Вскоре его из Москвы отправляют в распоряжение УНКВД по Хабаровскому краю, где во внутренней тюрьме и происходят все последующие следственные действия.

Как явствует из обвинительного заключения, составленного в конце марта 1939 года старшим следователем Особого отдела 2-й Отдельной Краснознаменной армии сержантом госбезопасности Кибальниченко, Я.З. Покус «разрабатывался» чекистами уже длительное время — по крайней мере за несколько месяцев до его ареста: «В январе-феврале месяце 1938 г. из показаний арестованных участников антисоветского военного заговора было установлено, что обвиняемый по настоящему делу Покус Яков Захарович является участником... военного заговора и проводил шпионскую работу против СССР... Из показаний арестованных заговорщиков... было установлено, что обвиняемый Покус, после ареста руководителей антисоветского военного заговора в ОКДВА возглавлял руководство подрывной деятельностью заговорщиков...»{416}

Следствие растянулось почти на два года. «Грехов» Покуса было не счесть: Кибальниченко в обвинительном заключении старательно по годам расписал их, начиная с 1922 года, когда Яков Захарович командовал одним из фронтов при освобождении Дальнего Востока от японских оккупантов. Это под его началом соединения и части Народно-революционной армии Дальневосточной Республики сражались под Волочаевкой и штурмовали японские укрепления под Спасском. Оказывается, по версии следствия, уже тогда Покус готовил измену советской власти:

«...Установлено, что Покус в 1922 году был привлечен к шпионской деятельности в пользу Германии Фризендорфом, в этом же году связался с германской и позже с японской разведками, в которые до самого последнего времени пересылал шпионские сведения, всесторонне

освещающие состояние частей ОКДВА, ее боевой готовности, дислокации, новых формирований и оборонного строительства на ДВК»[\[417\]](#).

Учитывая, что связь между 1922 годом и состоянием боевой готовности ОКДВА, сформированной только в 1929 году, была весьма призрачной, следовательно добавляет существенную, на его взгляд, деталь по этому пункту обвинения Я.З. Покуса: «В 1922 году передал (японской и германской разведкам. — Н. Ч.) сведения о состоянии войск Народно-революционной армии, о дисциплине бойцов НРА, а также о планах командования НРА и местных советских органов по обороне края...»[\[418\]](#)

Но шпионаж все же был не единственным «преступлением» Покуса. Другим пунктом обвинения выступало следующее: «В 1932 году бывшим командующим Приморской группы войск ОКДВА Путьна был вовлечен в антисоветский военный заговор, после чего включился в проведение активной контрреволюционной работы совместно с другими участниками антисоветского военного заговора, направленной на срыв боевой готовности частей ОКДВА, с целью поражения ОКДВА в будущей войне с Японией...

Одновременно с этим Покус совместно с другими связанными с ним участниками антисоветского военного заговора, в целях подготовки отторжения Дальнего Востока от СССР, действуя в полном контакте с японской разведкой, руководил организацией повстанческой деятельности на ДВК, имея намерение подготовить тыловой удар по Красной Армии в период войны с Японией»[\[419\]](#).

Руководители особого отдела ОКДВА (позже Дальневосточного фронта) капитаны госбезопасности Хорошилкин, Осинин, Вул, редактируя материалы допросов Покуса, не могли пройти мимо того факта, что он был офицером старой армии, а значит, по их мнению, не мог быть не связан с такой крайне контрреволюционной организацией, как Российский Общевоинский Союз (РОВС). Тем более что подобное обвинение уже было предъявлено чекистами некоторым лицам из числа бывшего командования ОКДВА.

«Из показаний арестованных участников Российского Общевоинского Союза: Балакирева (комдив, начальник штаба Приморской группы. — Н. Ч.), Богомякова (комкор, начальник штаба ОКДВА. — Н. Ч.), Свинына (бригинженер, инспектор по строительству ОКДВА. — Н. Ч.), Калмыкова (комкор, командир 20-го стрелкового корпуса. — Н.Ч.) и Боряева (комбриг, командир 21-й стрелковой дивизии. — Н. Ч.) установлено, что Покус, кроме того, входил в руководящий состав антисоветского военного заговора в ОКДВА, был тесно связан с участниками «РОВС» и являлся одним из руководителей этой контрреволюционной террористической организации на ДВК... Связь Покус с организацией «РОВС» на Дальнем Востоке подтвердил арестованный Фризендорф на очной ставке с Покус...»[\[420\]](#)

Находясь под следствием в Хабаровской тюрьме, Яков Захарович, как и Тальковский, вначале сознался в принадлежности к военному заговору и в шпионской деятельности, но вскоре от этих признаний отказался, как от ложных, и уже на том стоял вплоть до своей смерти. А допросы с пристрастием продолжались. На одном из них (9 февраля 1940 г.) Покус, в категорической форме отрицая свое участие в военном заговоре и опровергая имеющиеся на него показания со стороны других арестованных из числа бывшего руководства ОКДВА и Приморской группы войск, заявил: «...Показания Балакирева, Богомякова, Свинына, Калмыкова и Боряева о моей принадлежности к «РОВС» являются дикими».

Старания сержанта Кибальниченко во многом оказались тщетными — обвинительное заключение, в котором он год за годом расписал все «преступления» Я.З. Покуса, не нашло должной поддержки в Главной военной прокуратуре. Дело в том, что к тому времени достоянием судебных и прокурорских органов стали факты грубой фальсификации следственных дел работниками особого отдела ОКДВА (Дальневосточного фронта). В том числе и в отношении руководства ОКДВА: заместителя командующего комдива Я.З. Покуса, начальников штаба армии комкора С.Н. Богомякова и комдива В.К. Васенцовича, начальника политического управления дивизионного комиссара И.И. Кропачева, заместителя начальника штаба комбрига Г.Д. Стельмаха, командира 18-го стрелкового корпуса комдива Э.Я. Магона и других.

Вот что об этом говорилось в докладной записке временно исполняющего обязанности военного прокурора 2-й Отдельной Краснознаменной армии (ОКА) военного юриста 1-го ранга Чебоненко, направленной в середине февраля 1940 года Главного военному прокурору Красной Армии:

«Из Военной коллегии Верховного суда СССР было передано в военный трибунал 2 ОКА для слушания дело по обвинению бывших сотрудников Особого отдела 2 ОКА Хорошилкина, Либермана, Белоусова, Еремичева и др., всего 7 человек по ст. ст. 53 — 1 п «б», 58 — 7 и 58 — 11 УК РСФСР...

В процессе расследования выясняется, что под руководством Хорошилкина, работавшим зам. начальника ОО (особого отдела. — Н.Ч.) 2 ОКА, провокационно стряпались обв(инительные) материалы на руководящий состав РККА. Заранее изготовлялись схемы различных контрреволюционных организаций. Хорошилкиным и его сподвижниками писались конспекты показаний, в которые бесцеремонно вписывались составителями фамилии «руководителей», «соучастников» заговора.

...Цинизм следователей не знал границ. Так, например, комиссара 18 ск (стрелкового корпуса. — Н. Ч.) Перфилова вначале били, чтобы он подписал показания, (что) якобы хотел совершить теракт над Стацевичем (секретарем крайкома ВКП(б). — Н. Ч.) и добились таких показаний. Через две недели начали избивать Перфилова, чтобы он показал, (что) якобы Стацевич состоял в к.р. заговоре. Дело Перфилова мною прекращено, он уже восстановлен в партии, и Хорошилкин на очной ставке с Перфиловым вынужден был признать, что дело велось «неправильно».

На очной ставке с Покусом Хорошилкин вынужден был заявить, что дело Покуса велось тоже «неправильно». Характерно отметить, что в деле Хорошилкина еще весной 1939 года имелись данные о том, что дело Покуса состряпано провокационно. Однако быв. прокурор Погранохраны Хитров, Военная коллегия Верховсуда, в которой находилось дело, никто не поставил вопрос о пересмотре дела Покуса.

...РККА нуждается в командирах. Хорошилкин и др(угие) избивали честные кадры, за что и идут под суд. Все это установлено, однако группа дел, следствие по коим вел Хорошилкин, была направлена в Военную коллегия и до сегодняшнего дня не рассмотрена.

Я убежден, что большинство из этих дел должны быть прекращены, как созданные провокационно.

Доводя об этом до Вашего сведения, считал бы необходимым дела, направленные в Военную коллегия, снять с рассмотрения и возвратить в Особый отдел 2 ОКА для пересмотра в связи с вновь открывшимися обстоятельствами. Здесь, на месте, зная, кто из ведших следствие по конкретному делу разоблачен как вредитель по уничтожению партийных кадров, можно будет

сразу же невинных освободить, тем самым наиболее эффективно выполнив постановление ЦК ВКП(б) и СНК СССР от 17-го ноября 1938 года»[\[421\]](#).

Сразу возникает вопрос — что это за постановление и о чем там говорится? Видимо, об имеющихся грубых перегибах в работе следственных органов НКВД и устранении выявленных недостатков. Обратимся к такому авторитетному источнику, как «КПСС в резолюциях...» Однако и там, в томах, относящихся к рассматриваемому нами периоду, такого постановления нет. Видимо, оно было чрезвычайно секретным и не подлежало публикации в открытой печати, касаясь такого круга вопросов, которые и для многих партийных органов были тайной за семью печатями. За исключением, конечно, ЦК ВКП(б) и его Политбюро.

Военный юрист Чебоненко подготовил весьма смелую по тем временам докладную записку. Не всякий окружной прокурор тогда осмелился бы на такой решительный поступок, так как тем самым он автоматически ставил себя под подозрение в пособничестве и укрывательстве врагов народа. К сожалению, подобные прецеденты тогда были не единичны. Однако в данном случае все обошлось благополучно, ибо к такому же выводу, что созрел у Чебоненко, пришли и в Главной военной прокуратуре. Причем, почти одновременно. Так, еще не успел военный прокурор 2 ОКА отправить свою докладную в Москву (а подписал он ее 15 февраля 1940 г.), как на следующий день из ГВП на его имя поступила срочная телеграмма:

«Серия «Г»

Телеграмма

Хабаровск

Военпрокурору 2 ОКА

Дело Особого отдела армии НР 11954 на обвиняемых Покуса Якова Захаровича, Стельмах Григория Давидовича, Васенцовича Владислава Константиновича, Григорьева Николая Ивановича, Седова Сергея Дмитриевича, Агафонова Николая Михайловича, Касаткина Петра Степановича, Шталь Юлис Мартыновича и Волынина Евгения Алексеевича мной в уголовном порядке прекращено. Предлагаю своим постановлением перечисленных выше лиц из тюрьмы освободить. Документы почтой. Исполнение телеграфьте.

НР 144 78.

Главвоенпрокурор Афанасьев»[\[422\]](#).

Через два дня после получения этой поистине судьбоносной телеграммы Я.З. Покус оказался на свободе. И сразу он занялся решением трех главных задач: а) восстановлением в партии; б) восстановлением в кадрах РККА; в) освобождением из заключения своей жены Александры Григорьевны, арестованной через неделю после мужа. И если две первые задачи с большим трудом, но все же удалось выполнить, то с третьей, несмотря на невероятные усилия, он так и не справился — слишком неравные были силы у противоборствующих сторон.

Относительно исключения Я.З. Покуса из партии. В деле надзорного производства, хранящемся в архиве Главной военной прокуратуры, имеется копия выписки из протокола заседания партийной комиссии при политическом управлении 2 ОКА.

«Утверждаю»

Зам. нач. ПУ2 ОКА

Батальон, комиссар

Смоликов

«» ноября 1933 г.

Выписка из протокола № 16

заседания ПК 2 ОКА от 16 ноября 1938 года.

Слушали: Дело Покус Якова Захаровича, член ВКП(б) 1919 г., партбилет № 0456021, служащий.

Докладывает тов. Цубко.

Парторганизация № 2 штаба 2 ОКА 4.7.38 г. исключила Покус из рядов ВКП(б) как врага народа.

Постановили: Исключить Покус из рядов ВКП(б) как врага народа, п/п

Секретарь ПК 2 ОКА

Батальонный комиссар (Петров)»[{423}](#)

Из этого документа явствует, что в данном случае совсем не наблюдалось поспешности в изгнании Покуса из партии, как это происходило с Магером и другими командирами РККА. Здесь понадобилось четыре с половиной месяца, чтобы парторганизация штаба армии, где стоял на учете Яков Захарович, исключила его после ареста из членов партии. Случай этот достаточно редкий, гораздо чаще бывало наоборот — не успели еще за человеком закрыться тюремные ворота, а его уже с позором изгоняли из ВКП(б). Ситуация же с Покусом сложилась, видимо, по причине большого количества арестованных, т.е. ввиду длинной очереди на исключение и существенной дезорганизации работы самих партбюро штаба и партийной комиссии из-за ареста их членов. Других объективных причин подобной затяжки в рассмотрении персональных дел, по всей вероятности, не существует.

Заявление Покуса в партийную организацию штаба 2 ОКА с просьбой о восстановлении его в рядах ВКП(б) на удивление быстро, не в пример исключению, было рассмотрено с положительным для него результатом. Армейская партийная комиссия это решение вскоре утвердила, и «чистый» Яков Захарович отправился в Москву хлопотать о возвращении в кадры Красной Армии, предварительно заручившись поддержкой командования 2-й Отдельной Краснознаменной армии.

Командующим войсками этой армии к моменту освобождения Покуса из тюрьмы являлся Иван Степанович Конев, бывший его сослуживец по Народно-революционной армии Дальневосточной Республики, Тепло приняв вчерашнего зэка, командарм поддержал его на первых порах материально и морально. Не без его помощи Покус быстро был восстановлен в рядах партии. Отправлявшемуся в Москву в поисках правды Якову Захаровичу Конев 27 февраля вручил рекомендательное письмо, адресованное главному кадровику РККА Ефиму Щаденко.

«Заместителю Народного Комиссара Обороны СССР

армейскому комиссару 1-го ранга т. Щаденко

Следует в Ваше распоряжение бывший зам. комвойск ОКДВА, комдив Покус Яков Захарович, уволенный из кадров РККА.

Последнего я знаю в период 1922 — 1923 гг. по совместной работе на Дальнем Востоке, как стойкого, решительного, инициативного и энергичного командира, преданного делу партии Ленина — Сталина и нашей Социалистической Родине.

Достойного восстановления в рядах Красной Армии.

Командующий 2 ОК Армии

командарм 2-го ранга

(Конев)»[424](#)

В Москве все дела решались для Покуса в несколько раз медленнее, нежели в Хабаровске. Ему пришлось почти три месяца обивать пороги наркомата обороны, прежде чем появился приказ НКО по личному составу армии (№ 02425 от 30 мая 1940 г.) о назначении Якова Захаровича старшим преподавателем Академии Генерального штаба.

На примерах с М.П. Магером, И.П. Петуховым, А.А. Тальковским мы смогли убедиться в наличии постоянного противостояния особых отделов НКВД и органов военной прокуратуры. Их «тихая» война шла с переменным успехом — прокуроры прекращали некоторые из сфальсифицированных дел, а особисты, выдержав небольшую временную паузу, вновь брали людей, только что обретших свободу, используя при этом все те же старые обвинения, уже отвергнутые надзирающей инстанцией. В качестве самого расхожего аргумента при этой акции «компетентные» органы неизменно выдвигали тезис о якобы недостаточных основаниях для освобождения подсудимого из-под стражи.

Нечто подобное случилось и с Покусом. В Академии Генштаба ему удалось поработать всего лишь четыре месяца — 3 октября 1940 года он был вторично арестован по обвинению в принадлежности к пресловутому военному заговору. Обогащенный предыдущим тюремным опытом, Покус почти четыре месяца сопротивлялся, отказываясь признавать себя заговорщиком, однако под физическим воздействием следствия 30 января 1941 года начал давать показания о своей «преступной заговорщической деятельности». В качестве обличающих материалов в новое следственное дело из старого перекочевали все те же показания Г.Д. Хаханьяна, В.К. Блюхера, И.К. Грязнова, В.Т. Бачинского, А.И. Егорова, А.Ф. Балакирева, М.В. Кожаева, И.П. Белова, И.Ф. Федько, Б.В. Целиковского, П.С. Митюкова, П.Г. Романовскую, отвергнутые Покусом и забракованные военной прокуратурой. Следствие вели старшие следователи 3-го Управления НКО СССР (бывшего Управления особых отделов ГУБ НКВД) лейтенанты госбезопасности Герасимов и Добротин под руководством начальника названного управления майора госбезопасности Михеева и его заместителя майора Осетрова.

Военная коллегия Верховного суда СССР в составе диввоенюриста Дмитриева (председатель), бригавоенюриста Детистова и военного юриста 1-го ранга Чепцова (члены) приговорила 16 июля 1941 года Я.З. Покуса по ст. 58 — 1 «б» и 58 — 11 УК РСФСР к десяти годам ИТЛ с поражением в правах на 5 лет, с лишением присвоенного ему воинского звания «комдив» и конфискацией всего лично ему принадлежащего имущества.

И еще один документ, датированный 27/28 марта 1944 года.

«Начальнику Управления Устьвымского исправительно-трудового лагеря НКВД.

Пос. Вожаель, Железнодорожный район, Коми АССР.

Прошу объявить заключенному Покусу Якову Захаровичу, 1894 года рождения, осужденному Военной коллегией Верховного Суда СССР 16. VII. 1941 г. к 10 годам лишения свободы в ИТЛ, что жалоба его с просьбой о пересмотре дела, за отсутствием оснований к принесению протеста, оставлена без удовлетворения.

Осуждение его Прокуратура считает правильным.

Пом. Главного военного прокурора КА

подполковник юстиции (Муратов)»[{425}](#)

Вот ведь как получается: с изменением обстановки один и тот же орган юстиции фактически по одному и тому же следственному делу принимает диаметрально противоположные решения. В одном случае (1940 г.) — считать доказательства вины Я.З. Покуса неубедительными и освободить подследственного из-под стражи. Во втором случае (1944 г.) — вина его полностью доказана, он достаточно «изобличается» материалами следствия и осуждение заслуженного командира Красной Армии, героя Гражданской войны следует считать правильным, а его жалобу на вопиющее несоответствие вины и вынесенного наказания — оставить без удовлетворения. Так сказать, издержки советской системы правосудия времен культа личности Сталина.

Точно так же, как и Яков Захарович, безуспешно пыталась доказать свою невиновность его жена Александра Григорьевна. Надо сказать, что для нее перспектива свободы достаточно четко обозначилась в 1940 году — после освобождения мужа и его восстановления во всех правах гражданина страны и командира РККА. До нее, долгожданной свободы, А.Г. Покус не хватило каких-то трех месяцев, не более.

Многочисленные жалобы самой Александры Григорьевны в 1939 — 1940 годах с обоснованием своей невиновности в адрес секретарей ЦК ВКП(б) И.В. Сталина и А»А. Андреева, наркома НКВД (два заявления), наркома обороны, Прокурора СССР, Главного военного прокурора, Бюро жалоб Верховного Совета СССР, а также обращения Якова Захаровича в те же самые инстанции сумели пробить брешь в глухой защите сталинского правосудия.

Небывалое доселе явление — в случае с Александрой Григорьевной Покус — особый отдел вынужден был признать свою работу неудовлетворительной, а деятельность собственного сотрудника — вредительской. Более того, он ходатайствует об освобождении своей жертвы, обвиненной в шпионаже в пользу разведки сопредельного государства. Такого в практике этой самой страшной для комначсостава и членов его семей следственной организации еще не бывало. Чаще случалось наоборот — защищая честь мундира, особисты в центре и на местах неизменно твердили о том, что брака в их работе не бывает, что «органы всегда правы» и что они зря не арестовывают, что «чекист не имеет права на ошибку». А случаи (очень редкие) признания несостоятельными результатов их расследования объясняли если не происками, то по крайней мере поспешностью в действиях того или иного военного прокурора или прокуратуры в целом.

В постановлении, вынесенном 3 апреля 1940 года следователем особого отдела 2 ОКА младшим лейтенантом госбезопасности Ворониным и утвержденном на следующий день начальником этого отдела майором Розановым, говорилось, что обвиненная в шпионаже в пользу Японии А.Г.

Покус привлечена к ответственности без всяких на то серьезных оснований. А бывший сотрудник особого отдела ОКДВА Л.И. Альтгаузен, принимая такое решение, не имел абсолютно никаких материалов, хоть сколько-нибудь изобличающих Александру Григорьевну в шпионской деятельности. К моменту ее ареста особый отдел располагал всего лишь двумя докладными записками, написанными Я.З. Покусом и его женой соответственно в партийную и комсомольскую инстанции, в которых они ставили тех в известность, что их родственник М.Г. Кривченков (брат А.Г. Покус) арестован органами НКВД{426}.

Альтгаузен, применив к А.Г. Покус физические меры воздействия, принудил ее подписать протокол допроса, в котором было записано, что М.Г. Кривченков завербовал свою сестру «для наблюдения за действиями» ее собственного мужа — Покуса Якова Захаровича, якобы работавшего на японский генеральный штаб. Только на основании этого сфальсифицированного протокола Особое совещание в середине июля 1938 года осудило А.Г. Покус к 10 годам ИТЛ.

В указанном выше постановлении особого отдела 2 ОКА также отмечается, что бывший следователь Альтгаузен, выносивший постановление о привлечении к ответственности А.Г. Покус и проводивший следствие по ее делу, «арестован за вражескую деятельность в следствии и военным трибуналом погранвойск НКВД Хабаровского округа осужден к 10 годам.

Бывшие сотрудники Особого отдела НКВД ОКДВА — Осинин и Хо-рошшжин, санкционировавшие арест Покус А.Г., также арестованы за вражескую деятельность в следствии, направленную на избиение и уничтожение честных партийных и советских кадров. Из них Осинин осужден к ВМН, а дело по обвинению Хорошилкина передано в Военный трибунал 2 ОКА.

Отсюда совершенно очевидно, что следственное дело по обвинению Покус А.Г. — Осининым, Хорошилкиным и Альтгаузеном — создано провокационно»{427}.

Самое же главное в данном документе — это вывод, его постановляющая часть, в которой записано, что следственное дело по обвинению А.Г. Покус направляется в секретариат Особого совещания при НКВД СССР для возбуждения ходатайства о пересмотре его решения от 18 июля 1938 года и освобождения осужденной от отбытия наказания.

Однако вынесенное следователем Ворониным постановление не являлось протестом в его чистом виде, вносимом в Особое совещание для рассмотрения — требовалось подготовить и этот документ, или, как сказано в названном постановлении, «возбудить ходатайство». Поэтому Особый отдел 2 ОКА хоть и принял очень важное решение, но оно было только половиной того дела, которое необходимо было сделать для освобождения и реабилитации А.Г. Покус. Поэтому вторую часть задач — внесение протеста по делу А.Г. Покус — пришлось выполнять аппарату Главной военной прокуратуры. Датирован он началом июня 1940 года. В протесте содержалась просьба отменить решение Особого совещания в отношении А.Г. Покус и прекратить дело о ней{428}.

Как видно из содержания приведенных документов, освобождение из-под стражи и реабилитация Я.З. Покуса способствовали тому, что и в отношении его жены «лед тронулся». Однако реалии жизни были таковы, что отменить постановление Особого совещания оказывалось многократно сложнее, нежели приговор Военной коллегии. Дело А.Г. Покус этому наглядная демонстрация. Казалось бы, что еще нужно. Имеется аргументированный протест Главного военного прокурора, т.е. чисто формальная сторона вопроса строго соблюдена — и никаких проволочек не должно быть. Однако пока суть да дело — время, выгодное для освобождения

Александры Григорьевны, было безвозвратно упущено: ее муж вторично подвергся аресту. А раз так, то и вопрос о невинности А.Г. Покус, содержащейся в лагере под Карагандой, на заседании Особого совещания отпадал как бы сам собой. На копии протеста имеется помета: «По справке военного прокурора т. Колосовой в протесте по делу Покус при рассмотрении на Особом совещании отказано». И дата: 27 ноября 1940 года, т.е. спустя почти два месяца после второго ареста Якова Захаровича [{429}](#).

Двое маленьких детей Я.З. Покуса, оставшиеся сиротами после ареста их родителей, воспитывались бабушкой по линии матери, испытывая невероятные лишения и тяготы, приходившиеся на долю членов семьи врага народа. Сам Яков Захарович закончил свои дни в сентябре 1945 года в одном из отделений ГУЛАГа. А Александра Григорьевна, отбыв срок наказания в ИТЛ, до своей реабилитации в апреле 1956 года работала в г. Джамбул Казахской ССР, согласно предписанному ей ограничению мест проживания. Следует отметить, что решением Особого совещания от 15 мая 1946 года за высокие показатели в работе и хорошее поведение в быту срок наказания А.Г. Покус был снижен на один год [{430}](#).

Комдива В.К. Васенцовича, начальника штаба ОКДВА, в первый раз арестовали 1 марта 1938 года. Его предшественником на этом посту был комкор С.Н. Богомягков, уволенный в запас и вскоре арестованный. Надо сказать, что не в пример другим округам в ОКДВА указанная должность всегда замещалась командирами, хорошо подготовленными в военном отношении. Например, еще раньше, до Богомягкова, на этом месте работали комдивы К.А. Мерецков, возглавлявший до того штабы МВО и БВО, комкоры М.В. Сангурский, А.Я. Лапин и другие. Так что Васенцовичу достался при вступлении в должность неплохо отлаженный участок работы. Вот если бы только прекратилось изъятие людей органами НКВД в отделах штаба и управлениях армии...

А занял Васенцович эту должность по настойчивой просьбе командующего войсками ОКДВА маршала Блюхера, высоко оценившего его организаторские способности, инициативу и штабную культуру в бытность последнего начальником штаба и командиром 40-й стрелковой дивизии, а также командиром 18-го стрелкового корпуса. Сюда, на Дальний Восток, Владислав Константинович прибыл в конце 20-х годов после окончания Военной академии имени М.В. Фрунзе на должность командира полка. Так что Блюхер имел полную возможность за десять лет совместной службы всесторонне изучить Васенцовича, все его сильные и слабые стороны, прежде чем предложить ему такой авторитетный орган, как штаб ОКДВА.

В указанной должности Васенцович трудился с октября 1937 года. По продолжительности службы в войсках ОКДВА его по праву относили там к ветеранам-дальневосточникам. Он хорошо знал местный театр военных действий, состояние армии вероятного противника — в этом качестве в первую очередь выступала Квантунская армия Японии, оккупировавшая Маньчжурию и всемерно поддерживающая режим императора-марионетки Пу-И. Одним словом, Владислав Константинович служил добросовестно, как и подобает командиру РККА, добровольно вступившему в ее ряды в 1918 году.

Плодотворная служебная деятельность Васенцовича, его стремление к повышению качества работы в интерпретации особистов ОКДВА были перевернуты с ног на голову. В обвинительном заключении, составленном в Хабаровске следователями особого отдела 2 ОКА, говорилось:

«Находясь в 40 сд Васенцович возглавлял подрывную деятельность других заговорщиков и в частях этой дивизии, направляя ее на срыв боевой готовности частей дивизии и Барабашского укрепленного района... Наряду с этим Васенцович сам лично занимался вербовкой новых

участников антисоветского военного заговора, которым также поручал проведение вредительской и диверсионной деятельности в дивизии. В антисоветский военный заговор Васенцович, в 40 сд завербовал: Захарченко Я. Я., Ковалева С. Т., Чиркунова И. И., Аксенова Д. А. и Маркова В. И., что подтверждается показаниями указанных участников заговора, а в отношении вербовки Ковалева также очной ставкой ему с Васенцовичем.

После ареста руководителей антисоветского военного заговора в 18 стр. корпусе Васенцович В. К. при содействии ряда неразоблаченных еще в то время заговорщиков, для руководства предательской деятельностью в корпусе был переброшен в 18 стр. корпус, где Васенцович, связавшись с другими участниками заговора, продолжал проводить вражескую деятельность, направленную на срыв боевой готовности частей корпуса...

В 1937 году после перевода Васенцовича на должность начальника штаба ОКДВА, Васенцович вошел в руководящий состав антисоветского военного заговора в ОКДВА и как руководитель этого заговора организовывал вражескую деятельность других заговорщиков на срыв боевой готовности ОКДВА с целью ее поражения в будущей войне с Японией...

Преследуя целью поражение ОКДВА в будущей войне с Японией для отторжения Дальнего Востока от СССР, Васенцович совместно с другими заговорщиками занимался повстанческой работой наДВК, создавая повстанческие ячейки, через которые... предусматривалось нанесение тыловых ударов по частям Красной Армии в период войны, а также дезорганизацию тыла путем проведения диверсионных актов, направленных на уничтожение воинских складов, нефтебаз, запаса комитета резервов...»[{431}](#)

Оказывается, «вражеская» деятельность Васенцовича не ограничивалась только организацией повстанческой, вредительской и диверсионной работы. Следствие установило, что он занимался к тому же и шпионской деятельностью в пользу Германии и Японии, пересылая разведкам этих государств сведения, освещавшие как состояние «...отдельных военсоединений ОКДВА, так и вообще состояние ОКДВА вплоть до сведений, касающихся оперативного плана и плана войны...

Допрошенный в качестве обвиняемого Васенцович В.К. на следствии признал себя виновным в предъявленном ему обвинении и показал, что он: В антисоветский военный заговор был завербован в 1933 году бывшим командующим войсками Приморской группы Путна...»[{432}](#)

Итак, следопыты от ЧК «установили» виновность В.К. Васенцовича, и эту вину он якобы признал — так проходит по документам, подготовленным особым отделом ОКДВА. Да, действительно, Васенцович часть обвинений признавал вплоть до своей реабилитации, принимая на себя, как нам кажется, явно незаслуженно, значительный кусок не своих прегрешений. В основном это связано с деятельностью бывшего командующего ОКДВА маршала Блюхера, которого Васенцович однозначно считает настоящим врагом народа. Так, по крайней мере, выглядит его точка зрения по материалам следствия. Как он все это понимал, в чем конкретно видел свою вину перед партией и государством, видно из приводимого ниже его заявления на имя И.В. Сталина о пересмотре дела в мае 1951 года.

«Я признавал и признаю себя виновным в неумышленном пособничестве вражеской деятельности Блюхера, б(ывшего) командующего ОКДВА, а также в антисоветском поведении на следствии в 1938 г. Я не привожу причин, объясняющих это позорное поведение, потому что считаю неуместным подобие какого-либо оправдания. 13-й год безропотно я переносю определенное приговором наказание и не считаю себя безвинно наказанным человеком»[{433}](#).

Известно, что мертвого тигра может укусить даже трусливый шакал. И погибшего в застенках Лефортовской тюрьмы В.К. Блюхера в течение десятка лет продолжали пинать многие бывшие сослуживцы и даже его протеже. Например, Васенцович в названном выше письме Сталину заявляет: «Весь позор за период своей совместной деятельности с Блюхером... я переживаю до сих пор и считаю заслуженным то наказание, которое отбываю...»[\[434\]](#)

Еще ранее, на суде 16 июля 1941 года, он говорил: «Мне было известно, что Блюхер пьянствовал, по несколько суток не выходил на службу и вся его деятельность была направлена на подрыв боеспособности Дальневосточной армии. Я, как командир Красной Армии, не только не сигнализировал об этих безобразиях, но и выполнял... преступный приказ Блюхера...» И тут же добавляет очень важную деталь, существенно разрушающую конструкцию заговорщической организации в ОКДВА, созданной усилиями чекистов: «Мне также не было известно, являлся ли Блюхер участником этого заговора...»[\[435\]](#)

Что Васенцович считает позором свою совместную службу с Блюхером, это понятно — ведь он искренне относит его к врагам народа. А вот неоднократное упоминание о своем «нехорошем», антисоветском, как он выражается, поведении на следствии в 1938 году требует некоторого пояснения. Дело в том, что, поначалу оговорив себя, а также бывших сослуживцев по ОКДВА, своих подчиненных по 40-й дивизии, 18-му стрелковому корпусу и штабу ОКДВА, Васенцович затем в ходе следствия от многих этих показаний отказался. Но дело было уже сделано, названные им люди пострадали, и такое свое поведение Владислав Константинович никак оправдать не мог, справедливо считая его преступным и достойным серьезного наказания.

Но мы забежали несколько вперед, обратившись к жизни ээка Васенцовича, к ее лагерному периоду. Однако и до лагеря было в ней несколько значительных событий, оставшихся у него в памяти навечно. Самым значительным из них явилось освобождение из тюрьмы за недоказанность вины в середине февраля 1940 года (вместе с Я.З. Покусом, Г.Д. Стельмахом и другими руководящими работниками ОКДВА — телеграмму Главного военного прокурора РККА по этому поводу мы приводили, когда вели речь о деле Я.З. Покуса).

Встреча с родными и близкими, восстановление в партии и в кадрах армии, назначение на должность старшего преподавателя кафедры тактики Военной академии имени М.В. Фрунзе — все эти события 1940 года принесли Васенцовичу сильные психологические нагрузки. Они же и способствовали более быстрой его адаптации к мирной жизни, если можно назвать таковой напряженный ритм повседневного армейского бытия в год, предшествующий началу войны с фашистской Германией. Вернули Владиславу Константиновичу и награду — орден Красной Звезды, полученный им за достигнутые успехи в деле руководства боевой и политической подготовкой в частях и подразделениях 40-й стрелковой дивизии.

Ровно через год после своего освобождения (15 февраля 1941 г.) В.К. Васенцович был вновь арестован как участник военного заговора, т.е. по материалам старого, уже прекращенного дела. Его доставили в Сухановскую тюрьму, где следователи 3-го Управления НКО СССР лейтенант госбезопасности Добротин и младший лейтенант госбезопасности Комаров, получившие от своих начальников указание во что бы то ни стало довести Васенцовича до суда, принялись за работу. В Управлении особых отделов не спешили расстаться с планом о наличии вредительской организации в верхушке бывшей ОКДВА. Если старое коллективное дело усилиями Главной военной прокуратуры в 1940 году разрушилось, то работникам 3-го Управления не составило особого труда сфабриковать еще одно, как две капли воды похожее на прежнее. Из старого дела в новое включили только Покуса и Васенцовича, добавив к ним еще двух командиров ОКДВА —

начальника инженерных войск армии комбрига И.А. Галвина и начальника политического управления дивизионного комиссара И.И. Кропачева.

Из материалов этого дела видно, что Васенцович образца 1941 года совершенно не чета Васенцовичу 1938 года. Прошедший огонь, воду и медные трубы единожды следствия, он уже не позволял себе попадаться на уловки особистов. Выработав твердую тактику своего подведения, Владислав Константинович стойко держал оборону, придерживаясь позиции, по которой его освободили в 1940 году. Ничего нового следователям от него добиться не удалось, да и они, собственно говоря, имея перед собой материалы старого дела, не особенно и торопились добывать новые обличительные факты. Да и где их было взять, если подследственные отказались от данных ранее показаний, а их коллеги, с боем, а точнее — с мордобоем добывавшие эти показания в 1937 — 1938 годах, сами пошли под суд, получив различные сроки лишения свободы, а то и ВМН.

Вскоре, а точнее 12 июня 1941 года, Добротин подготовил вариант обвинительного заключения на Покуса, Васенцовича, Кропачева и Галвина, представив его на утверждение начальнику 3-го Управления НКВ майору госбезопасности А.Н. Михееву. Тот не предъявил к тексту особых замечаний. Не встретил возражений он и в Главной военной прокуратуре, где спустя четыре дня после начала войны заместитель Главного военного прокурора корвоенирист Гаарилов начертал свою резолюцию: «Дело направить на рассмотрение ВК Верховсуда СССР».

Судебное заседание Военной коллегии состоялось 16 июля того же года. Когда слово предоставили Васенцовичу, тот сказал: «Обвинение, предъявленное мне, понятно. Виновным себя не признаю. Я признаю себя виновным в той части своих показаний, где речь идет о состоянии войск ОКДВА и в части преступной деятельности бывшего командующего ОКДВА Блюхера... Предъявленное мне обвинение в участии в военном антисоветском заговоре я категорически опровергаю...

Свои показания, данные на предварительном следствии в 1941 г., я полностью подтверждаю. Помимо того, что я не донес партии и правительству о преступной деятельности Блюхера, я признаю себя виновным еще и в том, что в 1938 г. я смалодушничал, встал на путь клеветы: оговорил себя и других. Правда, смягчающим обстоятельством моей вины является то, что все эти показания я дал вынужденно.

Больше преступлений я никаких не совершал...»[\[436\]](#)

Удивительно, но факт налицо: несмотря на крайне тяжелую обстановку на фронтах, в приговоре суда (председатель — диввоенюрист Дмитриев, члены — бригавоенюрист И.В. Детистов и военный юрист 1-го ранга А. А. Чепцов) не прозвучала формулировка «высшая мера наказания». На сей раз обошлись без нее, ограничившись следующими сроками лишения свободы в ИТЛ: Васенцович и Галвин — на 15 лет, а Покус и Кропачев — на 10 лет. Все четверо — с поражением в правах сроком на пять лет и с конфискацией всего лично принадлежащего им имущества. И, конечно, с лишением присвоенных им персональных воинских званий. В отношении Васенцовича в приговоре остались положения из обвинительного заключения о его участии в военном заговоре, проведении подрывной работы в ОКДВА, а также о шпионаже в пользу иностранного государства[\[437\]](#).

Упомянув о заявлениях Васенцовича в адрес И.В. Сталина, нельзя обойти вниманием одно из них, написанное в бараке Устьвымлага в ноябре 1943 года. В нем опытный строевой командир и

штабист РККА слезно просит «отца народов» отпустить его в действующую армию или хотя бы в учебное заведение для подготовки кадров для нее. На самом деле он не так уж был и стар — в том году ему исполнилось только 45 лет, в таком возрасте многие его бывшие сослуживцы и однокашники по академии успешно командовали на фронте корпусами и армиями, а в тылу — военными округами. Так что возраст Васенцовича здесь не мог служить серьезной помехой. Опыта же руководства войсками ему тоже было не занимать — дивизионное, корпусное и окружное звено он уже прошел. Дело оставалось за малым — за пересмотром дела и получением долгожданной свободы.

«В 1941 — 42 — 43 г. я возбуждал многочисленные ходатайства о пересмотре моего судебного дела и о разрешении сражаться за социалистическую Родину. В большинстве заявлений я приводил мотивы, на которых основывал свои ходатайства. Решений по моим заявлениям, которые я писал на Ваше имя, Верховный Совет СССР, Верховный суд СССР, мне не объявлялось.

Я снова обращаюсь к Вам с просьбой о пересмотре моего судебного дела и об использовании меня на боевом фронте или в области работ, непосредственно связанных с ликвидацией разрушительных последствий войны. Я не перестаю просить об этом потому, что живу стремлениями принести наибольшую пользу Родине и работать там, где я могу эту наибольшую пользу принести...

Я знаю военное дело в различных его отраслях и практически и теоретически (начиная со стрелкового дела и кончая стратегией). Я не был в армии отсталым человеком. В 1940 г., работая преподавателем Военной Академии, я стоял на правильном пути в своей исследовательской деятельности в области тактики и оперативного искусства и вплотную подошел к определению новых форм военного искусства, которые еще только нащупывались в западно-европейских операциях 1939 — 40 гг. и получили свое развитие и применение в ходе Отечественной войны... Я знаю военное хозяйство в различных его видах, знаю организацию и практику строительных работ, знаю историю общую и военную, географию, имею опыт литературной работы...

В своей лекционной работе я особо ориентировал внимание слушателей на исторических примерах, учивших искусству бить немцев... Мое применение в обстановке свободного труда на огромном фронте деятельности нашей Великой Родины может быть достаточно разнообразным и широким...»[\[438\]](#)

Итак, зек Васенцович, прошедший через тяжкие испытания двух арестов и следствий, сменив несколько тюрем и лагерей, тем не менее продолжает исповедовать свой неизменный принцип — «прежде думай о Родине, а потом о себе». Диапазон применения его знаний и опыта руководящей работы весьма широк, и он предлагает по максимуму использовать их в сложных условиях войны. Однако и на этот раз положительного решения на свое обращение к высшему руководителю страны Владислав Константинович не дождался. В ответ на его многочисленные заявления и жалобы в высокие инстанции много месяцев спустя приходили (а чаще и вовсе не приходили) стандартные канцелярские отписки. Например, типа такой:

«Начальнику Устьвымского ИТЛ НКВД пос. Вожаель, Железнодорожный район Коми АССР 16 июня 1944 г.

Объявите заключенному Васенцович Владиславу Константиновичу, 11898 года рождения, личное дело № 36490, что его жалоба с просьбой о пересмотре дела оставлена без удовлетворения.

Осуждение его прокуратура считает правильным.

Начальник 2 отдела 1 Управл. ГВП КА гв. подполковник юстиции 16.6.44. (Геолепян)»[{439}](#)

Срок заключения В.К. Васенцович отбыл, как говорится, от звонка до звонка. После освобождения из лагеря в 1953 году он, старый и больной человек, был направлен в Зубово-Полянский дом инвалидов (Мордовская АССР), где и находился вплоть до своей полной реабилитации в апреле 1956 года. Умер он в Москве в 1961 году.

Названными выше лицами из числа высшего командного состава РККА перечень «дважды погруженных во тьму» (по меткому и верному определению писателя Олега Волкова, также несколько раз репрессированного) далеко не исчерпывается. Помимо них были и другие, получившие в 1939 — 1940 годах небольшую передышку после первого ареста и следствия, а затем снова «призванные» под знамена ГУЛАГа. К их числу с полным правом следует отнести и тех репрессированных, которые, полностью отбыв отмеренный им срок заключения, в пору новой волны арестов в 1949 — 1950 годах в качестве «повторников» вновь оказались за колючей проволокой в лагерях или в бессрочной ссылке в отдаленных районах Сибири (комкор Н.В. Лисовский, дивизионный комиссар И.И. Кропачев и другие).

Тот самый Тодорский

Отдельного рассказа в нашем повествовании заслуживают тюремные и лагерные испытания, выпавшие на долю командира А.И. Тодорского, занимавшего до ареста пост начальника Управления высших военно-учебных заведений Красной Армии. Имя этого человека достаточно хорошо знал командный и политический состав РККА и вот на каком основании: во-первых, как куратора военных академий, выпускники которых служили во всех округах; во-вторых, как недавнего заместителя командующего войсками Белорусского военного округа, одного из крупных в Красной Армии; в-третьих, как автора книги «Красная Армия в горах», изданной в 1924 году; наконец, в-четвертых, как человека, о котором несколько раз исключительно тепло отзывался В.И. Ленин.

Выступая с политическим отчетом ЦК на XI съезде РКП(б), Ленин высоко оценил его книгу «Год с винтовкой и плугом»: «...Я хотел бы привести цитату из книжечки Александра Тодорского. Книжечка вышла в г. Весьегонске (есть такой уездный город Тверской губ.), и вышла она в первую годовщину советской революции в России...»[{440}](#) То же самое Ленин сделал в своей статье «Маленькая картинка для выяснения больших вопросов» (1919), назвав книгу Тодорского замечательной, а изложенные в ней наблюдения и рассуждения — «превосходными и глубоко правильными».

А теперь следует, видимо, привести хотя бы краткую биографическую справку о Тодорском — это поможет гораздо лучше понять те взаимоотношения между ним и рядом лиц, о которых будет идти речь в дальнейшем. Родился он в 1894 году в селе Деледино Весьегонского уезда Тверской губернии в семье священника. Окончил духовное училище и Тверскую духовную семинарию. После этого работал конторским служащим. На военной службе с августа 1914 года. В 1915 году окончил Ораниенбаумскую школу прапорщиков и до ноября 1917 года был на фронте в составе 24-го Сибирского стрелкового полка. Последний чин — капитан. В ноябре 1917 года был выбран на должность командира 5-го Сибирского армейского корпуса.

После демобилизации возвратился в родные края. Работал редактором газеты Весьегонского уезда. Там же в июне 1918 года вступил в ряды РКП(б). В Красной Армии с августа 1919 года. В годы Гражданской войны последовательно занимал должности: командира бригады в 38-й и 20-й

стрелковых дивизиях, начальника 32-й, 2-й Кавказской и 2-й Туркестанской стрелковых дивизий, командира 1 -го Кавказского стрелкового корпуса, помощника командующего войсками Туркестанского фронта. В 1927 году окончил Военную академию имени М.В. Фрунзе. Затем был командиром 5-го стрелкового корпуса, помощником командующего Белорусским военным округом, заместителем начальника Главного управления РККА, начальником Военно-воздушной академии. За боевые отличия в годы Гражданской войны награжден двумя орденами Красного Знамени РСФСР, орденами Красного Знамени Азербайджанской и Армянской ССР. За большой вклад в дело подготовки кадров для Военно-Воздушных Сил в 1936 году удостоен ордена Красной Звезды.

К 1937 году Тодорский достиг многого — он входил в высшую номенклатуру наркомата обороны, заняв в 1936 году пост руководителя Управления высших военно-учебных заведений. К этому следует добавить и членство в Военном совете при наркомате обороны. Удачно сложилась семейная жизнь — жена Рузя Иосифовна была не последним человеком в наркомате тяжелой промышленности, возглавляя там техническое бюро (затем техбюро № 7 наркомата оборонной промышленности). Дочь Лада отлично училась в школе. Брат Иван, окончивший также Военную академию имени М.В. Фрунзе, руководил главком у Серго Орджоникидзе. Получили реализацию и некоторые творческие планы Александра Ивановича.

И несмотря на все это, Тодорский относился к разряду «недовольных». Хотя должность начальника УВВУЗа была достаточно престижной, тем не менее он был вправе рассчитывать на большее — такие округа, как БВО, САВО, ЗакВО, были ему вполне по плечу, тем более что в них Тодорский в свое время проходил службу. Да и звание «комкор» он считал для себя маловатым, получив его на Военно-воздушной академии. Подумать только — на Военно-хозяйственной академии мало кому известный А.Л. Шифрес получил четыре ромба, а ему, которого цитировал сам Ленин, дали всего лишь три. Такое отношение к себе со стороны наркома обороны Тодорский считал унижающим его достоинство. Ничего в этом плане не смог сделать для него и «свой человек» Борис Фельдман, главный кадровик Красной Армии.

Не спокойно было и по другому поводу. Московские процессы 1936 и начала 1937 года, материалы февральско-мартовского пленума ЦК ВКП(б) внесли дополнительную нервозность и тревогу. Не успело отзвучать эхо от пламенных речей участников пленума, как грянул мощный раскат грома — арест крупных фигур в высшем армейском эшелоне (маршала Тухачевского, командармов Якира, Уборевича, Корка). Скорый суд над ними и суровый приговор знаменовали наступление нового этапа для РККА — это хорошо понимал такой тонко чувствующий человек, каким являлся А.И. Тодорский.

По процессу Тухачевского проходил и комкор Б.М. Фельдман, близкий знакомый Александра Ивановича. Отношения между ними были более чем приятельскими. Не в пример взаимоотношениям с М.Н. Тухачевским, о чем скажем несколько позже. И хотя процесс был закрытым, все же некоторые представители наркомата обороны там присутствовали. Среди них был и начальник Морских Сил РККА флагман флота 1-го ранга В.М. Орлов. От последнего Тодорский (разумеется, под большим секретом) услышал много такого, что буквально потрясло его. Правда, еще ранее, на расширенном заседании Военного совета при НКО 1 — 4 июня, он имел возможность услышать о «заговоре» в РККА и составе заговорщиков, прочитать подготовленные ведомством Ежова показания арестованных военачальников. Однако рассказ Орлова о поведении и показаниях на суде обвиняемых превзошел все его предыдущие впечатления. Как мы уже отметили, с Фельдманом у Тодорского были прекрасные отношения, с

Якиром, Корком и Эйдеманом он в 1928 году был в командировке в Германии, т.е. весь состав подсудимых был ему хорошо знаком. Первый и главный вопрос, заданный им Орлову, был, конечно, о том, показал ли кто из подсудимых на него как на заговорщика. Орлов поспешил успокоить Тодорского.

Из показаний В.М. Орлова: «После процесса военного центра Тодорский, зная о моем присутствии на процессе, задал мне вопрос, не назвал ли его, как участника заговора, кто-либо из подсудимых. Я дал отрицательный ответ и спросил Тодорского, почему он беспокоится по этому поводу. Тодорский заявил, что ему еще до процесса говорили, что в показаниях заговорщиков упоминалась его фамилия. Получив от меня отрицательный ответ, Тодорский заявил: «Слава богу, что обошлось без этого, теперь я буду чувствовать себя спокойнее»[\[441\]](#).

По правде говоря, совершенно спокойным Тодорский не мог быть уже потому, что он знал о наличии показаний на него. Впоследствии, в Лефортовской тюрьме, на вопрос, зачитывались ли ему показания, его избличающие, Тодорский ответил, что он еще до ареста знал о наличии на него показаний Ефимова, Ланды и Седякина[\[442\]](#).

Обратимся и мы к стенограмме судебного заседания Специального судебного присутствия от 11 июня 1937 года. Как известно, все проходящие по делу лица (а их было 8 человек) на предварительном следствии и в суде дали развернутые показания, указав известных им людей, причастных к «заговору». Наибольшая опасность для Тодорского в этом плане могла исходить прежде всего от Тухачевского и Фельдмана, ближе других знавших его по предыдущей деятельности: от Тухачевского, как замнаркома, а от Фельдмана, как начальника ГУРККА. Однако Тодорский ими совершенно не был упомянут на протяжении всего судебного процесса. На вопрос, давал ли он еще кому-либо, кроме Наумова, Лапина и Хрусталева, задания по вредительству в системе воздушного флота, Тухачевский ответил: «Нет». На дополнительные вопросы: «А по центральному аппарату?», «А на местах?», ответ был один: «Нет».

Подсудимый Фельдман (чуть позже подследственные в своих показаниях будут называть Тодорского доверенным человеком Фельдмана), перечисляя лиц, которые были вовлечены им в заговор или известны ему как заговорщики, имени Александра Ивановича ни в качестве начальника Военно-воздушной академии, ни в качестве руководителя УВВУЗа нигде не указал. Говоря о вербовке в заговор работников военных академий, руководителей главных управлений НКУ, Фельдман называет ряд лиц, однако Тодорского среди них нет. Изучение других материалов судебного производства, в которых находятся копии показаний людей, проходящих по данному делу, показывает, что и там обличающих Тодорского фактов не имеется. Словом, после процесса Тодорский вздохнул с определенным облегчением.

Однако и такое спокойствие (конечно, относительное) длилось совсем недолго — ровно через месяц после процесса (11 июля) арестовали его жену Рузю Черняк-Тодорскую, руководящего работника недавно образованного наркомата оборонной промышленности. Такой удар был для Александра Ивановича ошеломляющим, ибо с этой стороны он тогда менее всего ожидал опасности. Хотя ее первые сигналы прозвучали с арестом Г.Л. Пятакова — заместителя Серго Орджоникидзе, с семьей которого Тодорские поддерживали теплые отношения. Рузья Иосифовна в составе делегации, возглавляемой Пятаковым, ездила в Германию и Англию — все это ей поставили в вину. Кроме того, еще в апреле 1937 года был подвергнут аресту муж сестры Рузи Иосифовны.

Основные обвинения Р.И. Черняк-Тодорской: принадлежность к антисоветской троцкистской организации и вредительство в военно-химической промышленности, проводимое по указаниям Г.Л. Пятакова, а также шпионаж в пользу Японии. Почему именно Японии, а не Англии или Германии?.. Ответа на этот простой, казалось бы, вопрос в материалах ее дела отыскать очень трудно. Вменили ей не только вышеуказанное — дружба с недавно расстрелянным Б.М. Фельдманом весила не меньше. В материалах дела находим тому подтверждение: «...Достаточно было Тодорской позвонить ему по телефону, и он перевел из РККА в запас двух военных инженеров Архипова и Львова, которых Тодорская приспособлявала себе в помощники».

Через три месяца Военная коллегия приговорила ее к расстрелу. На суде Рузя Иосифовна принадлежность к троцкистской организации и занятие вредительской деятельностью признала, а вот виновной себя в шпионаже категорически отвергла. О своем муже — А.И. Тодорском, о его работе и связях она на предварительном следствии и в суде не допрашивалась^[443].

Одного этого удара, оказывается, Тодорскому было мало — через неделю после ареста жены арестовали его брата Ивана. Обвинения ему те же, что и Рузе Иосифовне — участие в троцкистской организации и вредительство в химической промышленности. Опять-таки в соответствии с указаниями Пятакова. О связях со старшим братом комкором Тодорским Иван Иванович не допрашивался и сам показаний о нем не давал. В середине сентября 1937 года (менее чем через два месяца после ареста) И.И. Тодорский был приговорен Военной коллегией к расстрелу. В последнем слове он заявил, что идейно с троцкизмом никогда связан не был и попросил суд о снисхождении к нему, ибо он на второй день после ареста «рассказал всю правду и раскаялся во всем»^[444]. Но судьи были неумолимы, они в своей практике слышали и не такое — охота за врагами народа находилась в самом разгаре — и одним «врагом» стало меньше.

Следователи ГУГБ с усердием допрашивают Р.И. Черняк-Тодорскую, а в это время товарищи по партии обсуждают поведение ее мужа. На закрытом партийном собрании УВВУЗа 23 июля 1937 года разбиралось персональное дело А.И. Тодорского в связи с арестом его жены и брата. Комкор грудью встал на защиту супруги, заявив, что ее хорошо знают видный деятель партии Розалия Землячка и завотделом ЦК ВКП(б) Алексей Стецкий. Он особо подчеркнул, что его жена в октябрьские дни 1917 года участвовала в баррикадных боях, и это может подтвердить член КПК Емельян Ярославский. А постановление Московского комитета партии от 25 октября 1917 года о вооруженном восстании написано ее рукой — этот документ экспонируется в Музее Революции.

Учитывая обстановку, Тодорский на этом собрании заявил: «Недоверие партийное законно. Нужно действительно удивляться, как партия заботится о кадрах. Возьмите меня. Я ждал полного конца, что я могу лишиться членства в партии, что с арестом я могу быть лишен звания «комкора», но я знал, что своей головы не лишусь... Я не виноват... Я не делал перед партией, перед социалистической Родиной никаких преступлений. Субъективно я чист... Ни один враг народа до своего разоблачения ни разу не делал мне намека и во время встреч и выпивок, и не могли сделать, т.к. видели во мне убежденного большевика.

В этом отношении вы будете спокойны. Останусь ли я в партии или буду исключен, буду ли я арестован, я останусь честным перед партией... Мне не страшна советская тюрьма, потому что она советская».

Имеющиеся в архиве документы данного собрания дают возможность «подышать» атмосферой тех дней, почувствовать накал страстей, увидеть страдания человека, попавшего в опалу, понять, что все-таки тогда не все люди мыслили однообразно и руководствовались указаниями свыше.

Выступают ближайшие помощники Тодорского. Начальник 1-го отдела военинженер 1-го ранга В.В. Орловский заявляет, что в дни после ареста жены начальник УВВУЗа твердо держал себя в руках, не выпуская рычагов управления из рук. Ему вторит бригаинженер Н.Г. Бруевич, говоря, что слова и заверения Тодорского звучат искренне и исключать его из партии нет особой необходимости. Другая же часть присутствующих настроена более радикально. Военинженер 1-го ранга В.В. Рязанов в своем выступлении заявил, что Тодорский не интересовался жизнью и работой жены: «Ваша слепота, Тодорский, привела Вашу жену в лагерь врагов. В кругу Ваших родных и свойственников арестовано четверо: жена, муж сестры, брат, муж второй сестры, а Вы ничего не замечали...»[\[445\]](#)

Видимо, серьезные доводы Тодорского послужили основанием для некоторого смягчения партийного наказания — вместо исключения он получил «всего лишь» строгий выговор с предупреждением... Мертвые сраму не имут, а живым приходилось жить и работать. Чтобы как-то обезопасить себя и заполучить некоторое алиби на будущее, Тодорский в январе 1938 года подал в загс заявление о разводе с женой.

В тех условиях несправедливых обвинений, в которых оказался Тодорский во второй половине 1937 года, оставаться безразличным мог только совершенно бесчувственный человек. Свидетель Н.И. Попков, допрошенный по делу Тодорского, показал, что тот, находясь в доме отдыха «Сосны», допускал критические заявления в адрес наркома обороны Ворошилова. Попков заявил, что Тодорский чрезвычайно нервно реагировал на репрессии против партийных, советских и военных кадров: «Когда же кончится эта вакханалия? Ну год, ну два, а конец-то все же должен быть!..»[\[446\]](#)

Попкова дополняет другой свидетель «недостойного» поведения Тодорского в доме отдыха — В.М. Украинцев. Он показал, что начальник УВВУЗа нередко в присутствии обслуживающего персонала говорил: «Скоро и я перейду на хлеба НКВД...»[\[447\]](#) Данные слова дополнительно подтверждают вывод о том, что в 1937 — 1938 годах Тодорский изо дня в день ждал своего ареста. А это было настоящей пыткой, изматывающей человека морально и физически, вносящей изменения в психику, и здесь можно с небольшой ошибкой утверждать, что находившимся на свободе было ненамного легче, нежели тем, кто томился в камерах и подвалах Лубянки и Лефортова.

В период дополнительной проверки дела А.И. Тодорского в 1954 году сотрудник ГВП подполковник юстиции Е.А. Шаповалов в качестве свидетелей вызвал тех же Попкова и Украинцева. Первый из них полностью подтвердил свои показания 1938 года, причем добавил к ним еще и обвинения в пьянстве и антисемитизме: «Тодорский, находясь в доме отдыха, злоупотреблял сильно алкогольными напитками... Я был неоднократно свидетелем, когда Тодорский вел антисоветские разговоры. Особенно резко отрицательно он отзывался о евреях, допуская при этом различные оскорбительные эпитеты по их адресу...»[\[448\]](#)

Приходится удивляться твердолобости свидетеля Попкова (притом дважды свидетеля) — прошло уже пятнадцать лет, а он все так же пышет ненавистью к «врагам народа», ни на йоту не изменившись за это время. К тому же есть серьезные основания сомневаться в правдивости его слов, особенно о евреях. Суть сомнений в том, что Тодорский просто не мог так грубо, как свидетельствует Попков, оскорблять евреев и вот по какой причине: все его ближайшее окружение в последние годы (на службе и вне ее) состояло в основном из евреев: Борис Фельдман, Яков Смоленский (помполит в Военно-воздушной академии), братья Лазарь и Григорий Аронштамы. Более того, его родная жена Руза Иосифовна являлась чистокровной

еврейкой. И все родственники по линии жены, естественно, принадлежали к этому везде гонимому и легко ранимому народу. Так что здесь, по-видимому, Попков сильно ошибается, приписывая Тодорскому не им сказанные слова.

Говоря об одних и тех же событиях, совершенно иную позицию занял в 1954 — 1955 годах В.М. Украинцев. Уже ни единого худого слова не говорит о Тодорском бывший директор «Сосен»: «Дом отдыха «Сосны» в основном работал как однодневный. В утвержденном списке на лиц, имеющих право пользоваться домом отдыха «Сосны», был... и Тодорский А.И. Последний в течение двух лет (1937 — 1938) приезжал почти каждый выходной день...

В период пребывания в доме отдыха, обычно вечерами и в воскресные дни, до самого отъезда всегда находился в обществе. Любил поиграть в бильярд, посещал кино и другие виды развлечения... Причем я никогда не видел, чтобы он с кем-либо особенно дружил. Его можно было видеть то с одной группой отдыхающих, то с другой. Выпивал мало — для настроения, я его пьяным никогда не видел. В дом отдыха он приезжал один, а иногда с взрослой дочерью...

В период заезда отдыхающих и весь последующий день я, как правило, находился среди отдыхающих. Лично я никогда не слышал, чтобы в каком бы то ни было виде (он) выражал недовольство советской властью или ее руководителями.

Что касается дискредитации членов Политбюро или других ответственных работников — как военных, так и гражданских, я от него никогда не слышал.

Если в показаниях бывший мой помощник Попков Н.И. сослался на меня, что якобы я слышал, заявляю, что это вымысел Попкова Н.И. и ничем не обоснован. Он просто клеветал.

В заключение хочу сказать, что мое личное впечатление, которое сохранилось спустя уже более полутора десятка лет о Тодорском — хороший и честный человек»[\[449\]](#).

И все-таки Тодорский не молчал... Несмотря на сдерживающие тормоза партийной дисциплины, он все чаще и чаще стал высказывать свое негативное отношение к происходящему в стране. Что и нашло отражение в соответствующих документах НКВД — после ареста жены и брата на него там завели оперативное дело. Обратившись к этому досье, мы найдем различного рода справки о наблюдении за ним, докладные и доносы сослуживцев. Содержание этих документов, полученных по самым различным каналам, представляет для нас значительный интерес. Особенно обобщающая справка о высказываниях Тодорского по злободневным проблемам жизни страны, партии и армии.

Нет, не молчал Александр Иванович, забившись в угол в страхе за свою жизнь. Оказывается, он имел собственные суждения, свой взгляд на происходящее. Конечно, был и страх, но была и решимость высказаться, выразить свое возмущение на творимые вокруг безобразия. Терять ему, кроме свободы, было уже нечего. Судите сами.

7 февраля 1938 года: «Вопреки Конституции свободы слова и печати в СССР нет. Было бы хорошо, если бы свобода слова была хотя бы в Политбюро...»

9 февраля 1938 года: «Борьба партии и Советского правительства с врагами народа имеет своей целью терроризировать население до такой степени, чтобы третьему поколению было страшно что-либо предпринять против существующего строя. Нынешняя обстановка напоминает времена Ивана Грозного...»

17 февраля 1938 года: «Хорошо было Фейхтвангеру писать «Москва — 1937 г.», ему за это 25 лет не дадут».

Пометка от 6 марта 1938 года. Ознакомившись с материалами процесса над Бухариным, Рыковым и другими их поделниками, Тодорский, находясь в доме отдыха «Сосны», заявил, что «все-таки партруководство проглядело... Сталин говорил раньше: «Мы вам нашего Бухарчика не выдадим». На XVII партсъезде только после того, как Сталин заплотировал Каменеву и Зиновьеву, остальные делегаты поддержали... Отвечать приходится таким, как Тодорский, а что же смотрели сверху?»

В данной справке также говорится, что Тодорский, в связи с объявлением ему партийного взыскания из-за ареста жены и брата, заявил о своей невинности и высказал мнение, что вокруг наркома Ворошилова оказалось больше врагов народа, нежели вокруг него^{450}.

В деле Тодорского имеется выписка из показаний Г.В. Либермана, знавшего Александра Ивановича еще с Гражданской войны. Излагая содержание разговора между ними о поездке Тодорского в Италию, Либерман передает его слова о том, что «у нас проводится следующая политическая доктрина, преподанная Муссолини Гитлеру — придя к власти, совершенно необязательно опираться на тех людей, при помощи которых пришел к власти»^{451}.

По свидетельству Либермана, Тодорский часто заявлял ему: «Вы ведь знаете нашу восточную политику — «кнутом и пряником». Я всегда, отметил Либерман, причислял Тодорского к категории «недовольных»^{452}.

Удивительно то, что после всех этих высказываний в адрес партии, Сталина и Ворошилова Тодорский еще долго оставался на свободе. Версия о том, что о нем в НКВД просто забыли, отпадает сразу, ибо только что процитированные строки из досье на него опровергают такой вывод. И от должности его освободили не сразу, а только в сентябре 1938 года. Увольнение из армии по политическому недоверию последовало 17 сентября того же года.

А доносы на него были и не один. Природа их появления самая разная: одни по настоянию оперативных работников «органов», другие же по собственной инициативе автора, но все они в досье имеются и знакомство с ними схоже с копанием в грязном белье.

Так, в своем заявлении в НКВД член ВКП(б) с 1920 года В.С. Горшков пишет, что Тодорский, после назначения его начальником Военно-воздушной академии, в первый же день прихода туда приказал повесить в своем кабинете портрет Б.М. Фельдмана. Несколько позже в академии, сообщает Горшков, была устроена портретная галерея военачальников РККА, среди которых находился все тот же Фельдман^{453}.

Другой заявитель, член ВКП(б) с 1919 года И.Т. Зайцев, сообщал в Военный совет Белорусского военного округа о том, что Тодорский очень дружил с комкором И.С. Кутяковым и при обвинении последнего в антисоветской деятельности рьяно защищал его. В докладной записке на имя наркома обороны корпусной комиссар И.Г. Неронов указывает на возможные связи Тодорского с коринтендантом П.М. Ошлеем — бывшим начальником Военно-хозяйственного управления РККА, который в свою очередь был связан с осужденным врагом народа Г.Л. Пятаковым^{454}.

Знакомясь с этими материалами, с нетерпением ищешь строки, написанные рукой военкома УВВУЗа — ведь ему сам бог велел незамедлительно реагировать на такие вещи, что приключались с Тодорским. И мы находим их, эти строчки. Полковой комиссар Н.Т. Галкин в начале января 1938 года подготовил докладную записку на имя начальника ПУРККА Л.З. Мехлиса. Содержание

записки будет приведено ниже, а сначала обратим внимание на следующую деталь. Дело в том, что тот же Галкин в период реабилитации А.И. Тодорскош в 1955 году по просьбе сотрудника Главной военной прокуратуры написал свой отзыв о совместной работе с ним в УВВУЗе. Так вот что поражает — докладная записка на имя беспощадного Мехлиса, написанная в самый разгар репрессий против кадров РККА, по своему содержанию и тональности гораздо более положительна, нежели отзыв от января 1955 года. Удивительно, но это факт. Что здесь сыграло свою роль?

В докладной записке Галкин писал: «...Тодорский А.И. 23 июля 1937 г. парторганизацией УВВУЗ РККА был привлечен к партийной ответственности за то, что он, Тодорский, проявил притупление большевистской бдительности, оторвался от партийной жизни, не сумел разоблачить окружавших его врагов народа — брата и жену, арестованных органами НКВД...

Тодорский за последнее время имел ряд ответственных поручений, выходящих за рамки функций Управления ВВУЗ. Тодорскому было поручено написать Дисциплинарный устав, который написан; был назначен председателем комиссии по выработке указаний по физической подготовке РККА и председателем комиссии по редактированию Закона по гражданской ПВО...

Отношение Тодорского к работе Управления. Тов. Тодорский грамотный, трудолюбивый и добросовестный работник, работает много. Военное дело хорошо знает и любит его. Вместе с тем медлителен в работе, нерешителен, без необходимого риска в работе, проявляет чрезвычайную осторожность и излишнюю страховку, что отрицательно отражается на работе УВВУЗ»[\[455\]](#).

Значит, Тодорский работает добросовестно, хотя и замедленно, при этом излишне не рискуя. Таков главный вывод, который можно вынести из приведенной докладной Галкина. Этот вывод, по своей сути, не должен был настроить Мехлиса против начальника УВВУЗа. А что касается чрезвычайной осторожности и излишней страховки, то любому, даже мало-мальски сведущему человеку понятно, откуда у Тодорского проистекали эти качества.

А между тем Галкину ничего не стоило «утопить» своего начальника, приведя в докладной записке известный ему негативный материал из жизни последнего. Например, он не стал обыгрывать факты злоупотребления спиртным со стороны Тодорского: «...Мне был известен факт пьянки Тодорского с Куликом (командармом 2-го ранга, начальником Артиллерийского управления РККА. — Я. Ч.) когда они в течение нескольких дней (3 — 4) пьянствовали с женщинами за городом. В эти дни Тодорский не являлся на службу». (Из письма Н.Т. Галкина Главному военному прокурору генерал-лейтенанту А. Вавилову, написанного в июле 1954 года)[\[456\]](#).

Хоть и свехосторожен был Александр Иванович в 1937 — 1938 годах, однако это уже ничего не меняло — машина НКВД продолжала работать, и его черед неумолимо приближался. Тодорский находился еще на свободе — трудился, отдыхал и даже пьянствовал, а в это время на него в особую папку поступали показания лиц, арестованных за «участие в военном заговоре, возглавляемом Тухачевским». Это не считая тех доносов, которые шли по оперативным каналам. Мы же пока будем вести речь только о показаниях арестованных. Таковых к моменту ареста Тодорского набралось более десятка — 12 человек из числа высшего комначсостава «показали» на него. Все эти показания были затем приобщены к его следственному делу. К слову сказать, ни одной ставки с названными лицами Тодорскому так и не дали.

О чем же говорится в этих документах, содержание которых полностью Александр Иванович не знал, но о наличии которых догадывался? Изучение архивно-следственного дела позволяет узнать то, о чем до поры до времени он в полной мере не ведал.

Комдив Е.С. Казанский, бывший командир 5-го стрелкового корпуса, а еще ранее — начальник военно-учебных заведений РККА, в показаниях от 27 июня 1937 года (более чем за год до ареста Тодорского) характеризует его с отрицательной стороны. Однако напрямую он Тодорского участником заговора не называет, а только говорит, что своими антисоветскими разговорами готовил того для вербовки и что Тодорский разделял взгляды Казанского по всем вопросам положения в армии. «Я работал начальником отдела учебных заведений наркомата обороны... Тодорский А.И., бывший офицер, инспектор военно-учебных заведений, пьяница, морально разложившийся человек, ставящий свое личное благополучие выше всего, настроенный явно антисоветски... Доверенный человек Фельдмана...»[{457}](#)

Комбриг А.И. Сатин (начальник отдела Управления военно-учебных заведений РККА) в своих показаниях от 4 июня 1937 года заявил, что Тодорский ему известен как участник заговора. «Помимо завербованных мною лиц мне известны, как активные участники заговора, следующие лица: Тодорский Александр Иванович... О нем мне Казанский говорил, что он... посвящал его в ряд вопросов, связанных с антисоветским заговором. Кроме того, мне лично известно о тесной связи Тодорского с Фельдманом»[{458}](#).

Комкор Н.А. Ефимов, бывший начальник Артиллерийского управления РККА, на допросе 22 мая 1937 года (почти за полтора года до ареста Тодорского) показал, что в течение ряда лет у него на квартире собирался кружок его единомышленников: «Начиная с 1929 г. по 1931 г. групповые сборища лиц командного состава, преимущественно контрреволюционно настроенных, возобновились. Они также происходили у меня на квартире. На этих сборищах присутствовали: Белицкий, Венцов, Ошлей, Урицкий, Тухачевский, Тодорский — начальник Управления военно-учебных заведений...

На этих сборищах велись уже более резкие контрреволюционные разговоры, рассказывались антисоветские анекдоты... Уборевич, Урицкий и Тодорский хотя и не принимали непосредственного участия в этих контрреволюционных разговорах, но в их присутствии они велись совершенно свободно и открыто»[{459}](#). На этом допросе Ефимов показал, что о причастности к заговору Тодорского он узнал в 1933 году от Тухачевского.

Было бы неверно утверждать, что Тодорский до его ареста абсолютно ничего не знал о наличии в НКВД показаний на него. С частью из них его, видимо, все-таки знакомили, и некоторые материалы следственного дела свидетельствуют об этом. Например, там имеется письмо Тодорского от 8 июля 1937 года в адрес Ворошилова и наркома внутренних дел, в котором он решительно отрицает свою принадлежность к антисоветскому заговору, факты посещения квартиры комкора Ефимова и участия в «сборищах» участников заговора во главе с Тухачевским[{460}](#). Отметим, что промежуток между показаниями Ефимова, обличающими Тодорского, и письмом последнего в «компетентные органы» составляет полтора месяца.

Командарм 2-го ранга А.И. Седякин, до ареста начальник Управления Противовоздушной обороны, в показаниях от 2 — 5 декабря 1937 года назвал Александра Ивановича одним из руководящих заговорщиков, хотя в обоснование этого заявления не привел совершенно никаких данных: «Мне были известны следующие руководители — заговорщики Управлений НКО... УВЗУЗ — Тодорский.

С целью определения... поведения фронтов, ведущего к чувствительному поражению сначала Белорусского, а потом Украинского фронтов... мы предполагали провести в начале 1937 г. большую оперативную игру Генерального штаба на Западном фронте. В игре занимали тактические должности...

Тодорский»[\[461\]](#).

С названными показаниями Седякина (равно как и остальных вышеуказанных лиц) Тодорского, после его ареста, следователи ознакомили, они же (показания) фигурируют и в обвинительном заключении. Однако были и другие показания Седякина, резко расходящиеся по своему содержанию с приведенными выше. Так, в 3-м томе по делу Седякина, где находятся его собственноручные показания, на листах 626 — 631 находим фактически опровержение всего того, что им было сказано на допросе в начале декабря 1937 года. Он пишет, что «...с Тодорским мои отношения всегда были натянутыми. Встречи были только служебные. Политического контакта или антисоветского сговора ни с кем из них у меня не было (перед этим были упомянуты Г.И. Кулик, А.В. Хрулев, А.И. Тодорский и еще несколько человек. — Н.Ч.). До дня своего ареста я ни от кого не слышал о причастности этих лиц к военно-фашистскому заговору. Подозревал Тодорского, поскольку его имя фигурировало в печати, но от других заговорщиков о Тодорском ничего компрометирующего не слышал»[\[462\]](#).

Арестованный командарм А.И. Седякин говорит, что он стал подозревать Тодорского в причастности к заговору в связи с сообщениями в печати. Но сказал об этом как-то глухо и неконкретно. И не ясно — о чем писалось в прессе, в чем именно обвинялся начальник УВВУЗа, что ему инкриминировалось? И когда происходили указанные события — о том у Седякина ни слова. Относительно Тодорского эта тем более интересно, так как его имя упоминалось в те годы чаще всего в связке с именем Ленина, с содержанием его книжки «Год с винтовкой и плугом». Какие же такие сообщения вдруг появились в печати, что кардинально изменилось, если один из высших чинов в РККА начал подозревать другого такого же высокопоставленного командира в противозаконных, антисоветских деяниях?

Ответ, как ни странно, находим в архивно-следственном деле Тодорского. Речь, оказывается, идет о периоде 1917 — 1918 годов, когда он был выборным командиром корпуса. Самый первый пункт обвинительного заключения гласит: «Тодорский А.И., командуя в 1918 году 5-м Сибирским корпусом при оккупации немецкими войсками гор. Кременца, сдался в плен. Являясь при немцах начальником гарнизона Кременца, Тодорский А.И. издал два приказа по гарнизону, в которых повторил приказ 82-й германской дивизии. Первый приказ говорил о поставке фуража, сена и овса; второй — предлагал одеть солдатскую старую форму и погоны.

В этих приказах подчеркивалось, что если будет убит хоть один немецкий солдат, то за это будет расстреляно десять русских»[\[463\]](#).

Действительно, такой факт в жизни Тодорского имел место. Будучи с ноября 1917 по апрель 1918 года выборным командиром 5-го Сибирского корпуса, капитан Тодорский в течение одного месяца и десяти дней находился с подчиненными ему частями на территории, оккупированной немецкими войсками. Одновременно он исполнял обязанности начальника гарнизона г. Кременец. В приказе по гарнизону № 2 от 28 февраля 1918г., подписанном Тодорским, указано, что «за каждого убитого или раненого германского или польского солдата будут немедленно расстреляны первые попавшиеся 10 русских солдат или жителей».

В этом же приказе под угрозой расстрела предлагалось всем военнослужащим гарнизона и жителям города сдать оружие, а солдатам и унтер-офицерам — одеть старую форму с погонами. Данный приказ издан Тодорским от имени начальника 82-й германской дивизии. За нарушение порядка, установленного немецкими оккупационными войсками, предусматривалась смертная казнь. Концовка приказа была не менее жесткой: «Требую немедленного исполнения означенного приказа, ибо всякое уклонение от него повлечет за собою самые суровые меры».

Впоследствии Тодорский стыдился этих подписанных им документов, один из которых (в копии) был опубликован в 1936 году на страницах «Правды». Выступая с покаянием на партийном собрании УВВУЗа, он сетовал: «...Темным пятном в моей беспартийной жизни являются два приказа, подписанные мною, когда немцы заняли город. Это я считаю безусловным пятном»[{464}](#).

«На хлеба НКВД» Тодорский перешел 19 сентября 1938 года. Двумя днями раньше он был уволен из рядов РККА. Таким образом, наконец-то закончилось длительное (около полутора лет) изматывающее душу и тело томительное ожидание. «Они» пришли — и началась другая, доселе неизвестная ему жизнь, растянувшаяся на долгие семнадцать лет.

Узнать, как в 1937 — 1938 годах Тодорский «разрабатывался» соответствующими отделами НКВД, можно от лиц, непосредственно причастных к его делу. Бывший начальник 4-го отдела 2-го Управления НКВД Ф.Г. Малышев, несмотря на все ухищрения уйти от ответственности и ссылку на провалы в памяти, тем не менее на допросе в Главной военной прокуратуре в марте 1955 года внес определенную ясность в данный вопрос. Отвечая следователю о том, кто конкретно поставил вопрос об аресте Тодорского, Малышев сказал:

«По существующему тогда порядку, вопрос об аресте отдельных лиц из обслуживаемых объектов ставили лица, которые обслуживали эти объекты и у которых в связи с этим сосредоточивался и агентурный, и следственный материал. Данные же лица докладывали начальнику отдела и отделения о наличии материалов на лиц, подлежащих аресту. В ряде случаев они принимали участие и в докладе этих материалов начальнику управления, который давал указание о составлении справки на арест. Баранов (младший лейтенант госбезопасности, оперуполномоченный Особого отдела ГУГБ. — Н. Ч.) же обслуживал УВВУЗ РККА и он принимал участие в разрешении указанных вопросов о Тодорском...»[{465}](#)

Бывший оперуполномоченный К.В. Баранов, давая в феврале 1955 года показания военному прокурору, был более откровенен, нежели Малышев. Он в это время продолжал службу в контрразведке, занимая должность заместителя начальника особого отдела одной из частей Московского округа ПВО. «Как оперуполномоченный НКВД СССР я обслуживал УВВУЗ РККА, где начальником был Тодорский. По службе я знал Тодорского только с положительной стороны. По вопросам, о которых я его информировал, он всегда принимал необходимые меры... Какими-либо отрицательными данными о его служебной деятельности я... не располагал... Перед возбуждением уголовного дела врид начальника 4 отдела НКВД СССР Малышев приказал мне собрать материалы на Тодорского. Узнав от следователей, у кого из них есть показания на Тодорского, я сделал выписки...

По приказанию Малышева составил справку руководству... Но заявил Малышеву, что необходимых данных для ареста Тодорского в собранных материалах нет... Прямых показаний на причастность его к заговору не было. Других каких-либо материалов, изобличающих Тодорского в антисоветской деятельности, по делу даже и по оперативным данным не было, однако вскоре... Тодорский был арестован»[{466}](#).

Баранов показал, что у него лично как в процессе следствия (он вел его во внутренней тюрьме, а затем в Лефортово до половины января 1939 г.), а до этого по работе в УВВУЗе сложилось твердое мнение, что Тодорский не был врагом советской власти. И здесь Баранову в значительной мере можно верить. Доказательством тому является факт, что на допросах у него Тодорский так и не признал себя виновным. Потом у него же (Баранова) арестованный комкор отказался от своих показаний, выбитых капитаном Малышевым и младшим лейтенантом Мозулевским.

Итак, справку на Тодорского, по которой принималось решение о его аресте, составил Баранов. Ее подписали уже упомянутый Ф.П. Малышев и начальник 2-го Управления НКВД СССР комбриг Н.Н. Федоров. Санкция на арест была дана 16 сентября 1938 года Ежовым и Берия. На следующий день появился приказ наркома обороны № 00440 об увольнении Тодорского из армии. Ордер на арест за № 3980 подписал Л.П. Берия.

По документам дела выходит, что первый допрос Тодорского Баранов провел 23 сентября, через четыре дня после ареста. Тогда же ему предъявлено и обвинение по пункту 1 «б» 58-й ст. УК РСФСР, которое Александр Иванович решительно отверг. Бросается в глаза такая деталь: если ранее, в 1937 году, первые допросы военачальников в звании «комкор» и выше проводили большие чины ГУГБ НКВД СССР или УГБ союзных республик, то в конце 1938 года такое доверялось уже младшим лейтенантам, рядовым оперуполномоченным, каковым являлся Константин Баранов.

Как отмечалось, к моменту ареста Тодорского у Баранова в папке имелись обличительные материалы на него в виде выписок из показаний Е.С. Казанского, А.И. Сатина, Н.А. Ефимова, А.С. Булина, А.И. Седякина, М.Л. Ткачева, В.М. Орлова, М.М. Ланда, И.Я. Хорошилова, И.Л. Карпеля, М.А. Пантелеева. Содержание некоторых из них нами уже приводилось — они касались, в основном, деятельности Тодорского на посту начальника Военно-воздушной академии имени Н.Е. Жуковского и УВВУЗа, характеризуя его как участника военного заговора. Показания двух последних из названных лиц (Карпеля и Пантелеева — однокурсников Александра Ивановича по Военной академии РККА) вносят существенную добавку к обвинению — они называют его активным троцкистом.

Из показаний бывшего начальника штаба 66-й стрелковой дивизии полковника И.Л. Карпеля: «Тодорский А.И., кадровый троцкист, поддерживал материально троцкиста Ладю Енукидзе, когда последний находился в ссылке»[\[467\]](#).

Из показаний М.А. Пантелеева: «В период 1924 — 1926 гг. Военная академия имени Фрунзе являлась местом сосредоточения основных троцкистских кадров для организации борьбы в РККА против ЦК ВКП(б).

После поражения нашей троцкистской организации на открытых выступлениях на место Муклевича был назначен Эйдеман, а секретарем партбюро был избран Тодорский.

Оба являлись также членами троцкистской организации, поэтому контрреволюционная деятельность организации ничуть не ослабла.

Тодорский и Эйдеман явились инициаторами использования военно-научного общества в качестве маскировки подпольной троцкистской деятельности в академии»[\[468\]](#).

Других показаний о принадлежности Тодорского к троцкизму добыть не удалось, и поэтому лейтенант госбезопасности В.С. Кузовлев, заканчивавший следствие по его делу, ничтоже

сумняешься, переписал один к одному в обвинительное заключение строчки из показаний Пантелеева о маскировочной роли военно-научного общества Военной академии имени М.В. Фрунзе и руководящей роли при этом А.И. Тодорского.

Итак, комкор Тодорский представлен кадровым троцкистом, и главную скрипку здесь сыграла его связь с Ладом Енукидзе, хотя этого знакомства он никогда и не скрывал. Как и того факта, что он знал о политических взглядах своего однокурсника, с которым вместе проучился три года в академии.

Владимир (Лад) Давидович Енукидзе действительно был приверженцем идей и политики Троцкого. Во время внутривнутрипартийной дискуссии он яростно отстаивал их, вступая в многочасовую полемику со сторонниками линии ЦК ВКП(б) (читай — Сталина), к коим относил себя Тодорский. Такие неоднократные политические баталии не приводили, к счастью, к крайнему обострению личных отношений между ними. По учебе и на бытовом уровне слушатели академии, как оказалось, были спаяны более крепко, нежели политически, сохранив это чувство и в последующие годы. Примером тому служат отношения между Александром Тодорским и Ладом Енукидзе.

Лад был на четыре года моложе Тодорского. В апреле 1921 года, после советизации Грузии, он вступил в ряды РККА. Службу проходил на политических должностях в Грузинской стрелковой дивизии — комиссаром ее штаба, военкомом 1-го полка. Перед поступлением в академию в сентябре 1923 года стажировался в должности командира роты в том же полку. После окончания академии в порядке стажировки исполняет обязанности командира батальона, но вскоре по политическим мотивам увольняется из армии в долгосрочный отпуск. Затем в числе других активных сторонников Троцкого был осужден и отправлен в административную ссылку, откуда изредка писал своим однокашникам.

Например, характерно по своему содержанию письмо Енукидзе Тодорскому, датированное серединой ноября 1928 года (последний в то время командовал в Белоруссии 5-м стрелковым корпусом).

«...Сукины вы сыны! Я вам писал несколько раз, а вы бессовестно молчите. Нехорошо, друзья, так поступать. Наши политические разногласия всем известны, но из-за этого не писать товарищу, мне кажется, по меньшей мере смешно...

Впрочем, что там говорить, проживем — увидим и вы убедитесь в нашей правоте. Меня все-таки интересует вопрос: как, чем и на какой основе вы хотите бороться с правыми. Я этим самым тебя отношу к центристской (сталинской) группировке нашей партии, если ты не изменил свои позиции...

Был бы очень благодарен, если бы ты написал мне адрес Саши Зайцева, Дашичева и других ребят. Пиши, и ты не форси, хотя ты и большой человек, но писать можно и рядовым работникам, в том числе и ссылкой...»[{469}](#)

Это письмо было изъято у Тодорского при аресте и приобщено (в копии) к его делу. Обвинение в троцкизме, с проявлениями которого он, будучи в академии секретарем центрального партийного бюро, бескомпромиссно боролся все годы учебы, — что может быть более абсурдным! Однако следователей Баранова, Кузовлева и их начальников совершенно не смутили черным по белому написанные слова Енукидзе о его политических разногласиях с Тодорским. Они также сознательно «не заметили» и утверждения Лада о том, что он всегда относил и относит своего однокурсника к

сторонникам Сталина в партии. Что еще нужно, чтобы отмести все измышления о принадлежности к троцкизму? Казалось бы, все тут ясно как божий день. Однако нет, не тут-то было! Если уж не получилось обвинения в шпионаже и измене Родине, то установку на троцкизм следователи выдержали до конца, несмотря на весомые доводы Тодорского, в пух и прах разбивавшего все их построения в этом направлении.

И все же несколько серьезных зацепок для следователей в письме Енукидзе имелось. Например, хотя бы такая фраза: «...При последней нашей встрече ты мне сказал.... что ты ничего антипартийного не находишь в платформе оппозиции и что следовало ее печатать в прессе... А теперь я надеюсь, что ты понял, что мы были правы, требуя ее опубликования»[\[470\]](#).

Пока шло следствие, да и потом в долгие годы заключения и ссылки Тодорский старался употребить в свою пользу переписку с Енукидзе. Делает он это и в письме к Сталину, написанном летом 1940 года в Устьвымлаге: «...В моем судебном деле имеется письмо троцкиста Ладос Енукидзе от 1928 года, в котором он со злобой и, по-моему совершенно заслуженно, называет меня «сталинцем». Я был таковым и всегда гордился моей личной беззаветной преданностью Вам, Великому Вождю партии и трудящегося человечества»[\[471\]](#).

Зайцев и Дашичев, упомянутые в письме Енукидзе, впоследствии тоже пострадали от репрессий. Александр Зайцев после академии получил дивизию в БВО, а затем, перейдя в авиацию, переучился на летчика и командовал бригадой. В 1937 году был арестован, длительное время находился под следствием, однако накануне войны освобожден в числе немногих, дождавшихся этого часа. Несколько лет руководил кафедрой ВВС Военной академии имени М.В. Фрунзе. Умер в звании генерал-майора авиации. Об Иване Дашичеве. Перед войной он командовал стрелковой дивизией, затем преподавал в военной академии. В годы войны подвергся аресту. Был осужден и отправлен в лагерь, потом в ссылку. После реабилитации генерал-майор И.Ф. Дашичев находился в отставке.

Во внутренней тюрьме НКВД на Лубянке Тодорский пробыл совсем недолго. Затем его, как не признающего свою вину и не дающего нужные следствию показания, отправили в Лефортово. Справка, имеющаяся в его реабилитационном деле, дает возможность проследить хронологию лефортовской эпопеи страданий и борьбы Тодорского, узнать, кто и когда выколачивал из него показания.

Если судить по протоколам допросов, то первые признательные показания от Тодорского были получены 7 октября 1938 года капитаном Малышевым и младшим лейтенантом Мозулевским — протокол за это число подписан ими. Однако день 7 октября в сводке о вызовах Тодорского на допросы там не значится. Видимо, это надо так понимать, что, вызвав Тодорского 5 октября, Мозулевский вместе с Малышевым трое суток терзали его, добиваясь согласия давать ложные показания. Проследим, что об этом говорят сами участники тех событий, так сказать победители и побежденные.

Тодорский в своем заявлении Главному военному прокурору от 10 июня 1954 года пишет: «Семь с половиной месяцев пробыл я в Лефортовской московской тюрьме.. Шестнадцать сподручных Берия (Иванов, Казакевич, Кузовлев..., Мозалевский (так в оригинале. — Н. Ч.) и 9 других, коих уже не помню) самым постыдным образом старались выжать из меня нужные им для обвинения меня показания... Вероятно, такими же методами допроса следствие добыло на меня ряд порочащих голословных свидетельских показаний. Никаких очных ставок с оговорившими меня лицами мне дано не было...»[\[472\]](#)

Зэк Тодорский хорошо помнит все детали своих злоключений, фамилии и лица мучителей из НКВД. Совсем другое дело «победители» — память у них «отшибло» напрочь, несмотря на то, что все эти годы дни процветали, успешно продвигаясь по службе — младшие лейтенанты стали подполковниками и полковниками. Упомянутый Мозулевский Евгений Иванович, 1907 года рождения, до увольнения в 1952 году в запас по болезни служил в центральном аппарате органов госбезопасности. А Виталий Сергеевич Кузовлев, тоже 1907 года рождения, перешел в милицию и в 1955 году работал начальником отделения ОБХСС (отдела борьбы с хищениями социалистической собственности) МВД СССР.

Допрошенный в апреле 1955 года в качестве свидетеля Мозулевский оказался настоящим «ничегонепомнящим». Приводим выдержку из этого допроса (его проводил военный прокурор подполковник Е.А. Шаповалов):

Вопрос (В): Что Вам известно относительно обстоятельств возбуждения и ведения следствия по делу Тодорского А.И.?

Ответ (О): В 1938 г. я работал оперуполномоченным 4 отдела 2 Управления НКВД СССР... Я помню Тодорского А.И., знаю, что следствие по его делу велось. Принимал ли я участие в его допросах, я не помню. При каких обстоятельствах он давал показания и как его допрашивали, я также не помню. Я не помню, избивал ли его кто или нет. Сказать о том, принимал ли я участие в избивании Тодорского или нет, я не могу, так как не помню. Отбирал ли я от Тодорского его собственноручные показания по делу — я также сейчас не помню...

В: По сводке о допросах Тодорского А.И. в Лефортовской тюрьме. Вы вызывали и допрашивали Тодорского 29/IX, 2/X, 3/X, 4/X, 5/X, 10/X — 1938 г. Подтверждаете ли это?

О: Я не отрицаю теперь этого, но как проходили эти допросы, я не помню...

В: Баранов утверждает в своих показаниях от 22.2.1955 г. о том, что после возвращения его в Москву он получил от Вас дело Тодорского с протоколами его допроса, в которых он уже давал показания о причастности к военному заговору. Баранов заявляет также, что от Вас ему было известно, что Вы и Малышев били Тодорского. Подтверждаете ли Вы эти показания Баранова?

О: Я не помню, чтобы я бил Тодорского. Не помню и того, чтобы бил его и Малышев...

В: Чем объяснить, что в вызовах Тодорского на допрос дата 7/X — 38 г. не указана, а приведены другие дни. Первые же «признательные» показания Тодорского, от которых он затем по делу отказался, как от ложных и полученных у него Вами принудительным путем, были оформлены Вами протоколом от 7/X — 38 г.?

О: Это могло быть потому, что данный протокол составлен по собственноручным показаниям Тодорского за какое-либо число, так как в то время была такая практика оформления допросов.

В: Тодорский в своем заявлении от 10 июня 1954 года указывает, что Вы, как и другие работники НКВД СССР, применяли к нему незаконные методы следствия на допросах. Подтверждаете ли это заявление Тодорского?

О: Я не помню, как тогда велись допросы Тодорского и бил ли я его или нет...»[\[473\]](#)

Под статью Мозулевскому оказался и его бывший начальник Ф.П. Малышев, допрошенный месяцем раньше. Этот бывший чекист с начальным образованием в марте 1955 года занимал должность начальника 1-го отдела Министерства цветной металлургии СССР.

В: Какие основания были у Вас для возбуждения дела на Тодорского и его ареста, какими доказательствами Вы располагали... об участии Тодорского в заговоре?

О: Я совершенно не помню что-либо по этим вопросам и ответить на них не могу.

В: Заявлял ли Вам Баранов, когда он составил по Вашему указанию справку на Тодорского о том, что необходимых данных для ареста Тодорского в собранных им материалах нет?

О: Этого не было. Я никогда не отдавал приказаний об аресте лиц, если на них было недостаточно материалов. Показания Баранова о том, что я дал ему указание об аресте Тодорского при отсутствии доказательств виновности последнего, я отрицаю...

В: Допускались ли незаконные методы следствия к Тодорскому?

О: Об избиении Тодорского мне неизвестно. Сам я к Тодорскому также не допускал подобных действий. Мозулевский мог допустить подобные действия, но избивал ли он Тодорского или нет, я сказать не могу. Тодорского с Мозулевским я мог допрашивать, но при мне Мозулевский Тодорского не мог бить, т.к. я бы ему это не разрешил...[{474}](#)

Мозулевский был прав, когда говорил, что протокол допроса от 7 октября был составлен по данным собственноручных показаний Тодорского, к тому времени уже написанных им. Действительно, еще неделей раньше датируется его заявление главе НКВД СССР. Оно следующего содержания:

«Приношу Вам повинную в том, что являясь участником военно-контрреволюционного заговора, в который вступил в декабре 1932 года, будучи завербован в него Фельдманом.

По его указанию проводил вредительскую работу в области военно-учебных заведений.

Попав в заговор, запутавшись в служебных и личных связях с врагами народа и вследствие морального разложения (пьянства)... стыд перед Вами и К.Е. Ворошиловым, ввиду Вашего и его всегдашнего хорошего отношения ко мне, воспрепятствовали мне явиться ранее с повинной, также как и сознаться сразу после ареста»[{475}](#).

В собственноручно написанных после этого заявления показаниях Тодорский подробно излагает (по годам, периодам, этапам) свою деятельность начиная с 1921 года, нисколько не щадя ни себя, ни других. Вот эти показания и послужили базой для упомянутого протокола допроса от 7 октября 1938 года.

Вернемся к этому злополучному протоколу, а точнее, к его главной части — признанию Тодорским (после трехнедельного отрицания) своего участия в военном заговоре. «В феврале 1932 года я был назначен заместителем начальника Главного Управления РККА. Работая вместе с Фельдманом, который являлся начальником этого управления, я близко с ним сошелся...

Однажды в конце ноября или в начале декабря 1932 г., после очередной моей пьянки и невыходе на работу в течение 3-х суток, я был вызван Фельдманом...

Фельдман заявил, что о таком моем поведении он, независимо от его хорошего ко мне отношения, вынужден будет доложить НКО (народному комиссару обороны. — Н. Ч.) Ворошилову и будет просить его о снятии меня с работы.

Я начал просить Фельдмана не делать этого. Фельдман заявил, что он этого пока делать не будет и что к этому вопросу еще вернется...

В Главном Управлении РККА в тот период работал Савицкий, которого я опознал как комиссара Центральной (петлюровской) рады и поставил об этом в известность Фельдмана и работников партбюро НКО Симонова и Минчука.

Фельдман обещал доложить Гамарнику. Через несколько дней я спросил Фельдмана, докладывал ли он о Савицком Гамарнику. Фельдман заявил, что Гамарнику об этом доложено и решено больше о Савицком вопроса не поднимать...

Обращаясь ко мне, Фельдман сказал:

— Александр Иванович, нам с Вами в прятки играть нечего. Вы не ребенок, видите и знаете, что в армии имеется большое количество высшего начальствующего состава, недовольных наркомом обороны Ворошиловым и политикой ЦК ВКП(б), что режим и порядок в армии и стране становится нетерпимым и на этой почве в армии образовалась группа из высшего командного и политического состава, стремящаяся к изменению существующего положения.

Фельдман спросил, разделяю ли я эти взгляды и можно ли меня считать в этом отношении своим человеком. Я ответил утвердительно...»[{476}](#)

Вот так, согласно протоколу допроса и соответствующих собственноручных показаний Тодорского, происходила его вербовка в заговорщическую организацию. Ее, как сообщил Фельдман, возглавляли Гамарник и Тухачевский. Как все просто и до изумления примитивно! Взрослый, солидный человек, занимающий высокую должность в центральном военном аппарате, молча выслушав «крамольные» речи другого не менее важного чиновника о необходимости свержения руководства партии и правительства, об установлении в стране военной диктатуры, без единого вопроса, нисколько не удивившись постановке такого вопроса, сразу же утвердительно кивает головой. Вся эта ткань шита белыми нитками, хотя там и сям проглядывают лоскутки реальных событий, действительно имевших место (назначение на соответствующие должности, случаи выпивок и невыхода на работу и т.п.).

Как и всякому новому заговорщику, Тодорскому тоже «нарезали» кусок — организовать вредительство на вверенном ему участке работы. По словам Фельдмана (см. протокол допроса от 7 октября 1938 г.), «...наша главная задача сейчас сводится к тому, чтобы путем вредительства подготовить армию к... поражению»[{477}](#).

Тодорский показал, что при назначении в Военно-воздушную академию он получил от Фельдмана задание вести в ней вредительскую работу. Что конкретно делалось в этом направлении? А вот что! Он сообщает, что, будучи начальником академии, а затем руководя УВВУЗом, «...умышленно сокращал разверстки новых контингентов слушателей, задерживал материалы на отчисление из академий негодный и политически неблагонадежный слушательский и преподавательский состав, вносил путаницу в учебных программах и планах академий, задерживал выпуск новых учебников и учебных пособий, добился ликвидации в академиях вечерних отделений с целью не дать в РККА должного и достаточно подготовленного в военном отношении командного состава...»[{478}](#)

В своих собственноручных показаниях от 10, 14, 15 и 16 октября 1938 года Тодорский подробно расписывает вредительскую деятельность, якобы проведенную им в «Жуковке» и УВВУЗе РККА, перечислив при этом ряд лиц, с которыми он был связан и которых сам завербовал. Писательский его дар и здесь не смог не проявиться — большие разделы показаний даны им с описанием мельчайших деталей, подробностей и нюансов, Получился увлекательный роман!

Такое помрачение, упадок моральных и физических сил продолжался у Тодорского два с половиной месяца — до середины декабря 1938 года. Впоследствии он писал, что «в этом поистине смертельном бою я превозмог человеческую слабость и сохранил политическое достоинство, добившись отрицательного протокола»[\[479\]](#).

Отрицательный протокол в понятии Тодорского означал отказ от ранее данных им показаний. Действительно, такое событие произошло 16 декабря 1938 года у следователя Баранова, что нашло свое отражение в протоколе допроса от 20 декабря. Этим же числом датировано и его заявление на имя Главного военного прокурора, в котором Тодорский говорит, что «вынужден был в состоянии глубокого потрясения дать клеветнические показания на самого себя, как врага народа, но как только я пережил этот тяжелый период, сразу же отказался от ложных показаний...»[\[480\]](#)

Как ни пытались Малышев, Баранов, Мозулевский и Кузовлев вернуть Тодорского в «лоно» его прежних показаний, у них после 16 декабря уже ничего не получалось. Высокое начальство проявляло недовольство, следователи старались изо всех сил, но что поделаешь — Александр Иванович твердо стоял на своем. Отголоски этих сражений можно найти в протоколах допроса от 20 и 27 декабря 1938 года, 13 и 14 января, а также 2 февраля 1939 года.

На допросе 2 февраля он заявил: «Я ложно показал, что являюсь участником антисоветского военного заговора с ноября 1932 г. и что якобы меня именно в это время завербовал в заговор бывший начальник ГУ РККА Фельдман. Фактически же я в это время был в командировке в Монголии и на Дальнем Востоке».

На вопрос следователя: «Для какой цели он так поступил?», Тодорский ответил: «Для того, чтобы впоследствии мне было легче отказаться от этих показаний, и для того, чтобы была видна ложность моих показаний»[\[481\]](#).

Лейтенант Кузовлев задал и такой вопрос: «Почему в качестве вербовщика Вы назвали не кого-либо, а именно Фельдмана?». Ответ Тодорского:

«Я это сделал для того, чтобы опять-таки была очевидна ложность моих показаний. Я знал от бывшего заместителя наркома по морским делам Орлова, что на суде ни он, ни Фельдман и никто другой меня не назвал. Я читал показания Фельдмана 1 июня 1937 г. на Военном совете, он меня также не назвал. Наконец, на следствии мне нужно было назвать лицо, вербовавшее меня в заговор, которое по занимаемой должности было выше меня и с которым я вместе работал по службе. Такими являлись или Фельдман, или Алкснис. Фельдмана мне было выгодно назвать потому, что моя длительная командировка на Д.В. (Дальний Восток. — Н.Ч.) и в Монголию совпадает со временем совместной службы с ним и эту командировку я взял временем якобы моей вербовки»[\[482\]](#).

Кандидатура Б.М. Фельдмана, многие годы ведавшего кадрами в РККА, следователей ГУГБ устроила и он остался в материалах дела как лицо, завербовавшее Тодорского в заговор. Хотя тогда, когда Александр Иванович подписывал заведомо ложные показания на себя, можно было

сравнительно легко роль вербовщика перебросить на Гамарника или Тухачевского. Как это уже было у десятков высших военачальников РККА. Но следственные работники почему-то не пошли на такую перестановку, предпочтя оставить все так, как Тодорский написал в своих собственноручных показаниях. К тому же с Гамарником у него по делам службы было совсем немного контактов: и когда он исполнял должность начальника Военно-воздушной академии, и когда возглавлял УВВУЗ Красной Армии. Другое дело Тухачевский...

На отношениях между ними необходимо остановить внимание. Они, эти отношения, были сложными, порой излишне натянутыми, не всегда выдержанными в рамках правил. В материалах архивно-следственного дела по обвинению Тодорского находим отголоски этих разногласий. Долгие годы после ареста Тухачевского и суда над ним Тодорский действительно считал его врагом народа, нередко подчеркивая, что он всегда предчувствовал это, недолюбливая и критикуя заместителя наркома.

Вскоре после расстрела группы Тухачевского Тодорский, выступая на партийном собрании УВВУЗа, заявил, что к Тухачевскому у него всегда отношение было отрицательное. Назвав своим патроном Ворошилова, он сказал: «На заседаниях РВС (Реввоенсовета СССР. — Н.Ч.) я не раз выступал против Тухачевского... К Якиру и Уборевичу я также относился отрицательно, не раз выступал против них на заседаниях РВС и на Военном совете при наркомате, заявляя, что никакой пользы от них не ощущаю»[\[483\]](#).

Важно отметить, что большинство лиц, осужденных к расстрелу 11 июня 1937 года, Тодорскому были хорошо знакомы. О его дружбе с Фельдманом уже упоминалось, с Якиром в 1928 году он ездил в Германию, а с Эйдемманом — в Италию в 1934 году.

Только покривил душой Александр Иванович, возведя хулу на Яки-ра и Уборевича. Документы свидетельствуют о том, что были другие времена и другие песни Тодорского. В стенографическом отчете заседаний Военного совета при НКО (8 — 14 декабря 1935 г.) находим его выступление по вопросу об оперативно-тактической подготовке и методике обучения в Военно-воздушной академии. Там есть и пассаж в отношении Якира и Уборевича, соответственно командующих войсками Киевского и Белорусского военных округов: «...Товарищ нарком хвалит БВО и КВО, персонально Уборевича и Якира. Мы это слышали..., но было бы неплохо, если бы мы от своего лица их похвалили...»[\[484\]](#)

Все присутствовавшие на данном Военном совете совсем недавно (и месяца не прошло) как получили соответствующие персональные воинские звания. Тодорский упомянул об этом и, акцентируя внимание на Яки-ре и его высоком звании командарма 1-го ранга, заявил, что необходимо всемерно популяризировать опыт его работы. Обращаясь к командарму, он произнес:

— Вы хороший командующий и мы имеем право просить опыта Вашей работы...[\[485\]](#)

Еще сложнее предстает палитра его взаимоотношений с Тухачевским. Здесь мы наблюдаем со временем картину явной эволюции взглядов Тодорского, его дрейф от одного полюса к другому — от неприятия и критики до безудержного восхваления. О заседаниях РВС СССР и выступлениях на них Александра Ивановича уже упоминалось. Не менее интересные подробности узнаешь, когда читаешь страницы воспоминаний профессора Г.С. Иссерсона о жарких баталиях на полях научных дискуссий, о полемике Тодорского с Тухачевским в 30-е годы по вопросам трактовки некоторых операций Гражданской войны.

По праву считая себя военным писателем и являясь активным участником Гражданской войны, Александр Иванович был неперенным участником публичного обсуждения книг по данной теме. Особенно по спорным вопросам, к числу которых относилось взаимодействие фронтов в польской кампании 1920 года. К этой «больной» теме возвращались даже тогда, когда, казалось бы, к тому не было особых оснований.

Одно из таких мероприятий, в котором Тодорский сыграл не последнюю роль, описывает Г.С. Иссерсон в своих воспоминаниях, посвященных М.Н. Тухачевскому. В начале 1930 года состоялось обсуждение недавно вышедшей книги «Характер операций современных армий», написанной начальником Оперативного управления Штаба РККА В.К. Триандафиловым. Книга была высоко оценена М.Н. Тухачевским, командованием округов, преподавателями военных академий и воспринята как новый вклад в развитие оперативного искусства. Однако некоторые военачальники Красной Армии не поняли новых мыслей, высказанных автором, и отнеслись к ним отрицательно. Особую неприязнь у них вызвали взгляды Триандафилова на конницу, как род войск, которая в условиях технического перевооружения армии (танки, самолеты) уже не могла, как прежде, играть решающей роли в операциях современной войны.

Это обсуждение происходило в Центральном доме Красной Армии под председательством начальника Политуправления РККА Я.Б. Гамарника. Присутствовали М.Н. Тухачевский (командующий войсками Ленинградского военного округа), А.И. Егоров (командующий войсками Белорусского военного округа), С.М. Буденный (инспектор кавалерии РККА), И.П. Уборевич (начальник вооружений РККА и заместитель наркома), Р.П. Эйдеман (начальник Военной академии имени М.В. Фрунзе), работники штаба РККА, преподаватели и слушатели военных академий, расположенных в Москве.

Основной доклад сделал начальник кафедры Военной академии имени М.В. Фрунзе Н.Е. Варфоломеев. Он отметил научное и практическое значение означенного труда для дальнейшего развития оперативного искусства. Такую же оценку книге дали и другие участники обсуждения. Совершенно иного мнения был Буденный. В своем резком выступлении он назвал книгу Триандафилова вредной, принижающей роль конницы и противоречащей духу Красной Армии.

После Буденного выступил Тухачевский, обстоятельно разобравший основные положения научного труда о характере современных операций и подчеркнувший их правильность для условий, когда армия все более и более насыщается техническими средствами борьбы. Он также сказал, что конница в будущей войне будет играть только лишь вспомогательную роль. Эти оценки вызвали крайнее недовольство со стороны Буденного, и он в пылу негодования заявил, что «Тухачевский гробит всю Красную Армию».

Обстановка в зале накалялась. Она достигла предела, когда выступил представитель одного из центральных управлений РККА, обозначенный в воспоминаниях Г.С. Иссерсона буквой «Т». «Со всей горячностью Т. обрушился на Тухачевского за защиту Триандафилова, который, по его мнению, пропагандировал идеи технически вооруженных западно-европейских армий и не учитывал нашей отсталости в этой области... Конница, по мнению Т., сохранила все свое значение, доказав это в Гражданскую войну, в частности в Польскую кампанию 1920 г., когда она дошла до Львова. И если бы она не была отозвана оттуда Тухачевским, то выиграла бы операцию (?!). И тут, обратившись к Тухачевскому, который... сидел в президиуме, и подняв сжатые кулаки, Т. высоким голосом выпалил: «Вас за 1920-й год вешать надо!..»[\[486\]](#)

Был объявлен перерыв, после которого Гамарник, переговоривший по телефону с наркомом Ворошиловым и получивший соответствующие указания, объявил, что так как дискуссия получила неправильное направление и приняла нежелательный оборот, считается необходимым собрание закрыть и перенести обсуждение книги на другой, более отдаленный срок». Однако и в будущем такое собрание не состоялось.

Не назвав полностью фамилии Тодорского и зашифровав его — хулителя идей Триандафилова и Тухачевского, одной лишь буквой «Т», Иссерсон имел к тому следующие основания. Во-первых, над своими заметками он работал еще при жизни Тодорского, который к тому времени уже издал свой труд о Тухачевском. В нем Александр Иванович ни словом не обмолвился о своих разногласиях с маршалом и высоко превозносил его как полководца и человека. Поэтому Иссерсон посчитал, видную, невозможным вносить сумятицу в умы и открыто упрекать Тодорского в смене курса. К тому же Александр Иванович в эти годы много делал для общественной реабилитации видных военачальников Красной Армии, павших в период сталинских репрессий: он публикует о них статьи в журналах и газетах, выступает по радио и телевидению. Во-вторых, будучи, как и Тодорский, совсем еще недавно заключенным и ссыльнопоселенцем, Иссерсон просто пощадил самолюбие товарища по несчастью, не став бередить его старые раны и напоминать об ошибках минувшей молодости.

Итак, налицо эволюция взглядов Тодорского на идеи, дела и личность Тухачевского. Наиболее ярко это можно увидеть, сделав анализ его труда «Маршал Тухачевский», выдержавшего несколько изданий. Одна из глав этой небольшой по объему книги именуется «Военный мыслитель». Приведем несколько фрагментов из нее. «...Его заслуги не исчерпываются талантливыми операциями и героическими боевыми делами. Тухачевскому принадлежит особая заслуга, как зачинателю военно-научной работы. Он первым из красных командиров, опираясь на материалистическое миропонимание и на диалектический метод, старался понять новые условия вооруженной борьбы в эпоху социализма, изменившийся характер этой борьбы и закономерность ее развития...»

Весной 1931 года Тухачевский начал работать над фундаментальным трудом «Новые вопросы войны», в котором собирался исследовать проблемы современной войны... Этот капитальный труд был по плечу именно Тухачевскому, как первоклассному военному теоретику и практику...»[\[487\]](#)

И таких пассажей в адрес Тухачевского у Тодорского предостаточно. Здесь уже не идет речи о том, кого надо за 1920-й год вешать, а кого награждать. В частности, в главе «Против маршала Пилсудского» Тодорский основную вину за неудачи с передачей 1-й Конной и других армий из одного фронта в другой относит уже не к Тухачевскому, а к Сталину: «...Однако передача этих армий по вине РВС Юго-Западного фронта (главным образом члена РВС Сталина) затянута до 20-х чисел августа, тогда как 16 — 17 августа противник перешел в контрнаступление и варшавская операция уже закончилась для нас неудачей...

Владимир Ильич (Ленин. — Н.С.) не упомянул персонально ни одного человека как виновника этой ошибки, а Сталин и апологеты культа его личности все стрелы за неудачи под Варшавой направили в Тухачевского»[\[488\]](#).

Но мы забежали несколько вперед. Вернемся же к дням более ранним, когда из Тодорского «делали» шпиона и вредителя». До полновесного шпиона Тодорский все-таки не дотянул, даже если и побывал в Германии, Италии и Монголии. А вот во вредителях он вполне прописался, хотя

и с этим делом по ходу следствия возникали существенные трудности. Ну взять хотя бы такие: никак не удавалось наскрести сколь-нибудь серьезных показаний о его вредительстве в Военно-воздушной академии. Впоследствии Тодорский писал, что «вообще во всем объемистом деле нет об этом не только показаний, но и единого слова. Между тем я работал начальником ВВА с 1934 по 1936 — два с половиной года. В 1937 и 1938 гг. из преподавателей и слушателей академии было арестовано несколько десятков человек и ни один из них не сказал обо мне ни слова... За 2,5 года я при содействии партийной организации и передовых людей академии вывел ее на одно из первых мест, получив в 1936 году орден «Красной Звезды» из рук М.И. Калинина и золотые часы с персональной надписью из рук Климента Ефремовича...»[\[489\]](#)

Потерпев серьезную неудачу с подбором показаний о вредительстве Тодорского в ВВА, Малышев и Баранов решили реабилитировать себя на УВВУЗе, организовав, ни много ни мало, акт экспертизы деятельности Александра Ивановича на посту начальника этого управления. Надо сказать, что редко кого из начальников уровня Тодорского «баловали» такими серьезными документами. Разве что секретаря Комитета обороны при СНК комкора Г.Д. Базилевича...

После ареста Тодорского обязанности начальника УВВУЗа принял его заместитель бригадир инженер Н.Г. Бруевич. По его приказу от 17 декабря 1938 года была создана комиссия из трех человек (председатель В.В. Орловский) с задачей установления фактов вредительской деятельности со стороны Тодорского. Всего неделю потребовалось комиссии, чтобы составить пространный акт, состоявший из четырех разделов.

В первом разделе указывается, что Тодорский тормозил ликвидацию последствий вредительства в академиях. Заставлял аппарат УЗВУЗа работать вхолостую. Делал поблажки врагам народа Авиновицкому[\[*3\]](#), Пугачеву[\[*4\]](#), Тризне[\[*5\]](#) и другим руководителям военно-учебных заведений.

Во втором разделе отмечается, что Тодорский противодействовал живому руководству и инструктажу академий, а большинство инспекций и поездок в высшие военно-учебные заведения были проведены против его воли.

В третьем разделе Тодорский обвиняется в том, что он слабо занимался командирской подготовкой руководящих кадров академий, мало вникал в нужды их оперативно-тактических кафедр.

Четвертый раздел посвящен недостаткам его работы по руководству деятельностью аппарата УВВУЗа.

Основные положения данного акта нашли свое отражение в обвинительном заключении, хотя еще на стадии предварительного следствия Тодорский достаточно легко опровергал все позиции, изложенные в нем. Этот документ Александр Иванович характеризовал не иначе, как «голый перечень повседневных будничных неполадок, присущих любому учебному заведению»[\[490\]](#).

Семь с половиной месяцев Тодорского истязали в Лефортовской тюрьме. Там же состоялся так называемый суд над ним. В своем заявлении Главному военному прокурору он об этом пишет так: «Судила меня в следственном кабинете Лефортовской тюрьмы 4.5.1939 г. Военная коллегия Верховного Суда СССР в составе председателя Алексева и членов Детистова и Суслика. Последние двое работают, кажется, в Верховном суде и сейчас и могут подтвердить, в каком виде предстал я перед ними, поскольку им долго пришлось находить что-нибудь общее между моей фотокарточкой при аресте и полуживым оригиналом на суде. Военной коллегии я заявил о своей невинности.

Надо отдать справедливость суду, что хотя мое дело и было рассмотрено им впопыхах, в течение 15 минут, без свидетелей и прочих элементарных формальностей, однако он успел опровергнуть наиболее кричащие вымыслы Кобулова, но, к сожалению, правильную линию не довел до конца, ошибочно признав меня виновным по ст.ст. 58 — 7, 11 и 17 — 58 — 8 (в участии в заговоре, вербовке для него членов и вредительстве в Воздушной Академии и УВВУЗе) и приговорив к 15 годам заключения в ИТЛ, с поражением в правах на 5 лет»[\[491\]](#).

О лагерной жизни заключенного Тодорского рассказывать нет особой необходимости — она несколько не отличалась от той, которую вели арестованные комкомры С.Н. Богомягков и Н.В. Лисовский, комдив К.П. Ушаков, комбриги А.В. Горбатов и Н.Ф. Федоров (см. главу «Тюрьма — Лагерь — Ссылка»). Тем более что писатель Борис Дьяков в своей «Повести о пережитом» убедительно живописует ее. Понятно, что в книге достаточно много художественного вымысла и натяжек, но главное там все-таки схвачено верно. Точно показаны цельность характера Тодорского, его принципиальность и другие лучшие человеческие качества. А что касается натяжек и вымысла, что сродни лагерным легендам, то об этом мы рассказали в другой главе.

Дьяков передает рассказ Тодорского о его впечатлениях после заседания Военной коллегии: «...Когда после приговора меня привезли в Бутырку, все в камере горячо поздравляли: вырвался, мол, из петли!.. Вскоре отправили на Север... Был я грузчиком на пристани Котлас, землекопом на стройке шоссе... Ох, и тяжело было на душе... Ведь все там, на воле, думал я, считают меня врагом!..»[\[492\]](#)

В своем заявлении на имя Главного военного прокурора Тодорский писал, что в лагере он не гнушался никакой физической работой. Это истинная правда. Как и то, что работу в лагере заключенные сами себе не выбирали. Следует помнить, что возраст Тодорского в это время приближался к пятидесяти годам и ему, естественно, становилось все тяжелее и тяжелее выполнять в лагерных условиях общие физические работы, о чем и свидетельствует его прошение на имя Ворошилова в октябре 1939 года. Находился он в это время в Ухтижмлаге.

«...После Серго (Орджоникидзе. — Н. Ч.) и Сергея Мироновича (Кирова. — Н. Ч.) Вам больше, чем кому-либо из руководителей партии и правительства известна моя честная и бескорыстная работа в рядах РККА на протяжении 20 лет. Я абсолютно невиновен в приписанных мне следствием и судом преступлениях и никогда ни словом, ни делом, ни помыслом не погрешил против партии и советской власти...

...Прошу Вас возвратить меня в ряды РККА, где я мог бы быть образцовейшим преподавателем любой отрасли военного дела в любом военно-учебном заведении. Если же возврат в армию невозможен, мне найдется место в рядах честных граждан СССР на мирной хозяйственной или культурной работе.

Отбывая наказание на общих земляных работах на новостроящемся тракте Чибью-Крутая, я расстроил сердце и сейчас нахожусь на излечении в лагерьном госпитале.

Впредь до окончательного решения по моему делу прошу Вас позвонить нач. ГУЛАГ комдиву Чернышеву об использовании меня в лагере не на тяжелой физической, а по возможности — на канцелярской работе, что позволит мне сохранить уже подорванное здоровье...»[\[493\]](#)

На данном заявлении, написанном Тодорским в период крайнего упадка физических сил, нет никаких пометок и резолюций. Не читал этого письма маршал Ворошилов, не предпринимал он никаких попыток освободить из лагеря опального комкора или хотя бы несколько облегчить его

участь, о чем ходатайствовал проситель. Однако, если верить Борису Дьякову, солагернику Тодорского, тому удалось реализовать свое желание попасть в ряды лагерных «придурков» без помощи Ворошилова и начальника ГУЛАГа Чернышева. Оказалось, что данный вопрос вполне был в пределах компетенции местной лагерной администрации.

«...Александр Иванович работал младшим санитаром в пересыльном бараке больницы. Был ответственным за стирку, штопку и выдачу в бане белья работягам. Я застал его возившимся в куче тряпья...

...Начальник Озерлага (полковник Евстигнеев. — Н. Ч.) и окружавшие его офицеры смотрели, как приближался к ним советский генерал — младший санитар лагерного барака. А он шел твердо. Остановился.

— Гражданин начальник! Заключение Тодорский по вашему приказанию прибыл.

— Ну... как у вас дела?

— Покорно благодарю.

— Сколько уже отсидели?

— Тринадцать лет.

— Сколько остается?

— Два года.

— Дотянете?

— Пожалуй дотяну, если здесь останусь.

— Значит, здесь хорошо?

— Труднее всего этапы, гражданин начальник, переброски. А на одном месте спокойнее.

Полковник согласно кивнул папашой.

— Товарищ Ефремов! (начальник больницы. — Н. Ч.). Как Тодорский выполняет правила лагерного режима?

— Замечаний не имеет.

— Ну и отлично. Вот и останетесь, Тодорский, здесь. Без моего разрешения, товарищ Ефремов, никуда его не отсылать...»[\[494\]](#)

Народная мудрость «не хлебом единым жив человек» вполне, оказывается, имела силу и в условиях ГУЛАГа — для людей, не потерявших способности к тонкому и душевному восприятию действительности, к художественному образу. К такой категории заключенных относился и Александр Иванович, до ареста одинаково умело владевший как боевым оружием, так и пером.

На примере комкора Тодорского можно наблюдать искривленную гипертрофированность мышления бывших военачальников, проведших в сталинских лагерях многие-многие годы. Это, в частности, видно из того, что он, будучи в заключении и стремясь найти какую-то отдушину для работы ума, дабы окончательно не отупеть в гнусных лагерных условиях, стал сочинять

патриотическую поэму. Да, да, втайне от надзирателей и вертухаев, старательно пряча исписанные листочки с текстом отдельных ее глав, страдая и мучаясь в неволе, Тодорский создавал поэму о советской комсомолке Уле, колхозной почтальонше из глухой сибирской деревни. Писал ее Александр Иванович с тайной надеждой облегчить свою участь. О том свидетельствует его диалог с Борисом Дьяковым:

— Расскажу тебе, товарищ, одну мою задумку... Поэма — вся в голове. Вот перепишу...

— Я дам тебе бумаги.

— Спасибо... Ты слушай, слушай!.. — Подвинулся ко мне, вздохнул всей грудью. — Перепишу и отправлю Сталину. Может прочтет... Попрошу заменить последний, самый тяжкий лагерный год высылкой на Север. Наймусь колхозным сторожем, буду в свободное время писать...»[{495}](#)

Несколько позже Тодорский отказался от замысла посылать написанную поэму Сталину, еще раз утвердившись в мысли, что к «вождю народов», по всей вероятности, она не попадет, а если и попадет, то все равно читать он ее не станет.

Наказание свое (15 лет ИТЛ) Тодорский отбыл полностью, от «звонка до звонка». Ведь нельзя же всерьез считать то обстоятельство, на которое ссылалось руководство НКВД, как на важный аргумент, характеризующий смягчение режима репрессий, — освобождение его из лагеря на три месяца раньше окончания срока заключения (с применением зачета рабочих дней). К тому же из лагеря Тодорского отправили не домой в Москву, а на бессрочное поселение в Красноярский край.

Об этом событии в его жизни и своих впечатлениях он написал Б. А. Дьякову весной 1954 года.

«...Веришь ли, муторно было освобождаться из лагеря. Искренне жалел: почему в свое время мне припаяли 15 лет, а не 20! К концу моего срока стали возвращаться в лагерь некоторые недавно выпущенные товарищи с новым сроком! Такая планида мне не улыбалась, и я с тревожным сомнением вышел за ворота больницы в начале прошлого июня, вскоре после того, как тебя спровадили на штрафную. Увезли меня в Тайшет, на пересылку.

Там парились дней двадцать. Запирали в бараках на ночь под увесистый замок.

Встала перед глазами эта же пересылка сорок девятого года, когда меня по этапу гнали в Сибирь из Ухты. Кажется, я тебе еще в этом не исповедовался?.. Водили нас, помню, за зону, в воинскую часть. Я попал на самую, что называется, работу «не бей лежачего»: на поделку из проволоки кровельных гвоздей. Одна в этой штуке идея: тюкай по проволоке — и «никаких гвоздей», летят под станок, как оглашенные!

Потешным было тогда назначение меня гвоздоделом. Молодой лейтенантик принял нашу рабочую бригаду. Скомандовал «смирно», потом — «вольно», потом стал вызывать по специальностям: плотников, слесарей, столяров, маляров и тому подобных. Удивительная вещь: все нашлись! Люди стали по местам, кроме меня, грешного. Вообще я не раз в лагере жалел, что фактически был в жизни белоручкой и никакой толковой физической работы до лагеря делать не научился.

— А ты что уши развесил? — крикнул лейтенант.

— Жду своей специальности, — отозвался я.

— А какая она?

— Комкор Рабоче-Крестьянской Красной Армии!

— Бывший? — быстро нашелся лейтенант, но залился краской.

— Как видите!

— Гвозди сумеете рубить?

— Попробую...

В течение дня мимо моего станка прошли, наверное, добрые полсотни офицеров, с любопытством глазевшие на живого комкора-работягу!»[{496}](#)

Из ссылки А.И. Тодорский был освобожден в апреле 1955 года. Будучи полностью реабилитированным и восстановленным в партии, он увольняется в отставку в звании генерал-лейтенанта. В 1956 году его включают в состав полномочной комиссии Верховного Совета СССР по пересмотру дел заключенных в печально знаменитом Карлаге (или по-другому — Степном лагере). Полномочия у комиссии действительно были большие: освобождать совсем, освобождать под поручительства, снижать сроки заключения и отказывать в ходатайстве об освобождении.

Предоставим слово Тодорскому. «...Подумать только: семнадцать лет был отвергнутым, вычеркнутым из жизни, и вот — на совещании в ЦК, в генеральской форме, и... член комиссии Президиума Верховного Совета СССР по разбору дел заключенных Степного лагеря...

Приехал я в Джезказган. Тут и рудники, и медеплавильный комбинат, заводы... Одним словом, город большого труда. Нашу комиссию возглавлял секретарь ЦК Казахстана. Были в комиссии и секретарь Карагандинского обкома, председатель Павлоградского облисполкома, от союзной прокуратуры... семь человек, короче говоря. Но когда заключенные узнали, что в комиссии еще и генерал, который сам год тому назад освободился... ходили как на слона смотреть. Теперь уже, дескать, все по справедливости будет...

Освободили мы в этом лагере три четверти состава заключенных... За три месяца только одна наша комиссия воскресила из мертвых тысячи людей!...»[{497}](#)

После реабилитации Александр Иванович, несмотря на болезни, занялся общественно-политической и литературной работой. Во многих делах по реабилитации лиц высшего состава можно встретить его положительные отзывы. А уж он-то хорошо знал, что означали для осужденного советским правосудием подобные документы. К тому же им написаны и опубликованы в различных изданиях документальные очерки о видных полководцах и военачальниках Красной Армии, незаконно репрессированных, а потому незаслуженно забытых в годы сталинской эпохи. Тепло была встречена читателями и его книга о М. Н. Тухачевском. Умер А.И. Тодорский в Москве в 1965 году.

Боевые подруги

Характерной особенностью конца 20-х и первой половины 30-х годов являлось повсеместное развертывание в городах и гарнизонах различных кружков и секций оборонной направленности среди членов семей военнослужащих, Жены, братья и сестры, а также дети командно-

начальствующего состава Красной Армии под руководством опытных инструкторов обучались искусству стрелять из всех видов стрелкового оружия, водить автомобили и мотоциклы, прыгать с парашютом, защищаться от воздействия химического оружия, оказывать первичную медицинскую помощь. Там, где позволяли климатические условия, совершались многодневные лыжные переходы. Все это создавало определенную положительную моральную атмосферу в обществе и армии, способствуя тем самым дальнейшему укреплению уважения народа к нелегкой и ответственной работе защитника Родины, к тому же значительно увеличивая мобилизационные резервы страны на случай войны.

Для подведения итогов достигнутых результатов, анализа накопленного опыта и обсуждения путей устранения выявленных недостатков в этом деле в Москве 20 декабря 1936 года открылось Всеармейское совещание жен командного и начальствующего состава РККА. Незадолго до этого во всех округах и флотах, а также в центральных управлениях и военных академиях с большим подъемом прошли подобные совещания, избравшие состав своих делегаций в столицу. Совещание открыл нарком обороны К.Е. Ворошилов. О высоком уровне данного мероприятия говорит хотя бы тот факт, что на его открытии присутствовали члены Политбюро ЦК ВКП(б) Сталин, Молотов, Каганович, Орджоникидзе, Калинин, Андреев, Микоян, а также генеральный секретарь Исполкома Коминтерна Г.М. Димитров, наркомвнудел Ежов, не говоря уже о высшем армейском руководстве, представленном Маршалами Советского Союза С.М. Буденным, В.К. Блюхером, А.И. Егоровым, М.Н. Тухачевским и начальником Политуправления РККА армейским комиссаром 1-го ранга Я.Б. Гамарником.

О государственной важности значения движения жен комначсостава за овладение воинскими и военно-прикладными специальностями с пафосом говорил нарком Ворошилов:

«Вы, лучшие люди прекрасного женского коллектива нашей доблестной Красной Армии, собрались здесь на свое Всеармейское совещание... Это совещание во многих отношениях является необычным... Вы будете подводить итоги своей замечательной, разносторонней и многогранной общественной и оборонной работы больше, чем за десятилетний период времени. Вы расскажете здесь, как вы, жены наших командиров и начальников Рабоче-Крестьянской Красной Армии, делом оправдываете каждое слово Сталинской Конституции, каждую букву 122-й статьи, трактующей о правах советской женщины.

Вы расскажете здесь, как сотни и тысячи ваших подруг уже рассказали на дивизионных, гарнизонных и окружных совещаниях о том, как жены, матери и сестры командного и начальствующего состава Красной Армии, наряду с огромной общественной работой, успевают учиться сами и учить других, заниматься физической культурой, спортом, готовить из себя, как это многие делают, настоящих бойцов различных специальностей военного дела и при всем этом воспитывать своих детей в духе социализма, создавать домашний уют и культурный отдых для семьи.

...Рядом с нашей доблестной Красной Армией, вернее в ней самой, есть еще одна тоже замечательная армия, армия великой силы, неиссякаемой энергии, буйной инициативы и прекрасных дел, армия жен, матерей и сестер наших командиров и начальников. Эта замечательная женская армия, как в годы боевой страды, так и теперь, в период напряженной социалистической стройки и укрепления оборонной мощи социализма, идет нога в ногу с Красной Армией. Женщина Красной Армии была и остается верным и постоянным боевым другом и соратником нашего бойца и командира.

...Если же классовые враги вздумают осуществить свои разбойничьи намерения и попытаются напасть на Советский Союз, они встретят рядом с нашей непобедимой Красной Армией несокрушимую силу в лице наших женщин, в лице советских матерей, жен и сестер...»[\[498\]](#)

На совещании были обнародованы обобщенные данные об участии жен командиров в общественно-политической, оборонно-массовой и культурно-просветительной работе. Вот только часть этих результатов: 57 тысяч из них являлись членами политических школ и кружков, 20 тысяч получили среднее образование в общеобразовательных школах и курсах. К началу работы совещания 56 тысяч женщин-членов семей командиров РККА имели по одной и более оборонных специальностей.

2000 педагогов, 1000 библиотечных работников, 1500 руководителей различных кружков, 600 руководителей коллективов художественной самодеятельности и 20 тысяч ее участников из числа жен командиров насчитывала Красная Армия в конце 1936 года. Две трети всех заведующих детскими садами и яслями в частях и гарнизонах составляли они, боевые подруги комначсостава РККА[\[499\]](#).

Делегатами этого совещания, наряду с членами семей старшего и среднего командно-начальствующего состава, были избраны и наиболее активные представители из высшего, «генеральского» звена: С.Л. Якир — жена командующего войсками КВО; З.М. Федько — жена командующего Приморской группы войск ОКДВА; Г.А. Егорова — жена начальника Генерального штаба РККА; Ю.К. Руднева — жена командующего Краснознаменной Амурской флотилией и некоторые другие.

Сарра Якир избирается в президиум совещания вместе с Зинаидой Федько, а Галина Егорова и Юлия Руднева выступили с обменом опыта оборонной и культурно-шефской деятельности в частях и учреждениях. По окончании работы совещания большая группа его делегатов постановлением ЦИК СССР «за энергичную работу среди жен командного и начальствующего состава и за активное участие в культурно-просветительной работе в частях Рабоче-крестьянской Армии» была награждена орденами СССР. Так, ордена Трудового Красного Знамени были удостоены Ю.К. Руднева, В.С. Хетагурова, П.И. Холостякова, В.С. Гризодубова, М.П. Нестеренко (жена летчика П.В. Рычагова), П.Д. Осипенко и др. С.Л. Якир получила орден «Знак Почета». Многие участники совещания были награждены ценными подарками. Например, Зинаиде Федько нарком вручил золотые часы.

Поведаем о дальнейшей судьбе некоторых из этих замечательных женщин, верных боевых подруг видных советских командиров. В частности, речь пойдет о судьбе С.Л. Якир, З.М. Федько, Г.А. Егоровой, О.С. Михайловой-Буденной. Для начала приведем некоторые архивные документы, имеющие непосредственное отношение к ним.

«Утверждаю»

Зам. нач. ОО ГУГБ НКВД СССР

дивизионный комиссар (Шляхтенко)

ОБВИНИТЕЛЬНОЕ ЗАКЛЮЧЕНИЕ

по следственному делу № 22172 по обвинению Федько Зинаиды Михайловны в преступлении, предусмотренном ст.ст. 58 — 1 «в» и 58 — 10 УК РСФСР

Особым отделом ГУГБ НКВД СССР 7 июля 1938 года была арестована Федько Зинаида Михайловна, как жена врага народа Федько И. Ф.

Следствием установлено, что Федько Зинаида Михайловна, проживая с 1923 года со своим мужем, активным участником военно-фашистского заговора Федько И.Ф., вела антисоветскую пропаганду, клеветала на органы Советской власти, руководителей партии и правительства, высказывая недовольство имеющимися в стране затруднениями.

Федько Зинаида Михайловна в антисоветской деятельности признала себя виновной полностью и показала, что контрреволюционные настроения были у нее по отношению к органам НКВД под влиянием ее мужа Федько И. Ф.

Кроме того, Федько З.М. в ведении антисоветских разговоров изобличается показаниями арестованной Дударевой А.Л.

На основании изложенного, Федько Зинаида Михайловна, 1903 года рождения, уроженка г. Ростова Ярославской области, русская, гр-ка СССР, образование высшее, обвиняется в преступлении, предусмотренном ст. ст. 58 — 1 «в» и 58 — 10 УК РСФСР.

Настоящее дело подлежит рассмотрению Особого совещания при НКВД СССР.

Сотрудник 1 отд. ОО ГУГБ НКВД СССР

/Зиновьев/

«Согласен» Нач. отдел. ОО ГУГБ НКВД СССР

ст. лейтенант гос. безопасности

/Иванов/

Справка: Вещественных доказательств по делу нет.

Арестованная Федько З.М. содержится во внутренней тюрьме с 7 июля 1938 года.

Сотрудник 1 отд. ОО ГУГБ НКВД СССР

/Зиновьев/{500}

Арестована З.М. Федько была на своей квартире (ул. Воровского, 28, кв. 12), где она проживала с мужем, тринадцатилетним сыном Владимиром и своей матерью. Как проходили арест и допросы, рассказывает сама Зинаида Михайловна в жалобе, направленной в сентябре 1939 года из Тайшетского ИТЛ в адрес Прокурора СССР М.И. Панкратьева.

«8 июля (в ночь с 7 на 8 июля. — Н. Ч.) 1938 года я была арестована на основании ордера, выданного наркомом внутренних дел СССР Ежовым, в один день с Федько И.Ф. На 1-м же допросе мне следователь Иванов И.А. сказал, что я буду отвечать не только за Федько, но и за всех окружавших его и меня людей. Мне предъявлялись самые жуткие обвинения, что я типичная шпионка и работала на иностранную разведку, что я более жуткий враг, чем Федько. Мне следователь Иванов на 2-м допросе заявил: «Мы вам создадим такие условия, что не увидите и белого света и от вас мы не оставим и мокрого места». Я вам должна прямо сказать, что когда мне заявил следователь на 1-м допросе, что Федько И.Ф. враг, я ему не поверила, так как Федько

считала честнейшим коммунистом и у меня были основания не верить следователю... Перед самым моим арестом Федько был откровенен со мной. Он мне рассказал об очной ставке в Кремле, ужасался чудовищной клевете на него со стороны его бывших товарищей. Я знала, что Федько писал письма на имя Сталина, Ворошилова, Ежова о том, что если его считают виноватым, то он требует своего ареста. Я ему... не могла не верить, ему доверяла партия, правительство, он был выдвинут незадолго до ареста в Президиум Верховного Совета СССР. Он со мной делился отдельными моментами из разговоров с Ворошиловым, касающихся лично его. Рассказывал отдельные эпизоды о Ежове и Фриновском, говорил о том, что они к нему относятся плохо. Потом относился недоверчиво к массовым арестам среди командиров Красной Армии, считал это не случайным. Им в последний день перед арестом, а именно 7 июля было отправлено личное письмо на имя Сталина, содержание письма я знала, копия письма им была оставлена перед вызовом в органы НКВД мне. Я письмо спрятала. Он меня просил это письмо в случае чего уничтожить. Я Федько настолько верила, что мне казалось чудовищным, когда мне на следствии говорили, что он враг народа, и я упорно ничего о Федько не рассказывала. Мне казалось, что в аресте Федько виноваты не только его бывшие товарищи, но и некоторые работники НКВД. Я не могла поверить, что Федько враг, я таким образом и держалась на следствии, несмотря на все слышанные оскорбления. Из одиночки я была переведена в камеру, в которой находилась Дударева Александра Лаврентьевна, жена Белова И.П. (командарма 1-го ранга, арестованного в январе 1938 года. С Дударевой З.М. Федько была знакома и ранее, в период совместной службы их мужей в СКВО и ЛВО. — Н.Ч.). Она подкупающе была со мной откровенна, она сочувствовала моему горю. Я ей говорила, что я Федько верю, что Федько, безусловно, будет освобожден, что, безусловно, он сумеет разоблачить тех людей, которые его арестовали и которые клеветают на честных людей. Да, я потом поделилась с ней многим из того, что Федько мне рассказывал, а потом, когда она узнала, что мой муж враг, она резко изменила ко мне свое отношение и извратила так смысл моих разговоров с ней, давая на меня показания, так что ее показания во многом носили характер сплетни и клеветы. Зачем ей нужно меня представлять следствию врагом, непонятно. Она меня довела до такого состояния, грозя мне, что она меня все равно представит следствию жутким врагом, что я имела, вероятно, неустойчивую нервную систему. Я несколько раз болела психическим заболеванием, последний диагноз был поставлен «шизофрения». Не выдержала всех этих переживаний и безобразной травли со стороны своей сокамерницы Дударевой и решила покончить жизнь самоубийством. Она мне прямо, открыто заявляла, что ей выгодно меня представить врагом и ей выгодно сказать отдельные фразы, хотя многих фраз, о которых она пишет в показаниях, в такой редакции и в таком смысле я, конечно, не могла говорить. Она поступила не честно, не по совести, она, мало того, что меня постаралась представить врагом, так она постаралась и моих знакомых представить антисоветскими людьми и самые обычные разговоры их представила антисоветскими. Это величайшая подлость, это относится к разряду клеветы...»

Далее З.М. Федько рассказывает, как она, находясь во внутренней тюрьме на Лубянке, после нескольких попыток к самоубийству, была посажена на несколько суток в карцер. На всю жизнь запомнила Зинаида Михайловна эту дату — 28 сентября 1938 года, когда она оказалась в душном и тесном каземате. Ее память запечатлела, как в соседние камеры надзиратели беспрерывно, днем и ночью, приводили и уводили все новых и новых арестованных. Ее охватил ужас потому, что по отдельным репликам надзирателей ей показалось, что соседи — это смертники, люди, ждущие приведения приговора в исполнение. И что ее также ждет такой конец.

«...Я умоляла меня перевести в другую камеру, я билась о стены карцера от охватившего меня ужаса, мне казалось, что и меня ждет такая же участь. Я находилась на грани безумия, об этом

великолепно знал и начальник тюрьмы, и следователь Иванов, и несмотря на это, меня упорно продолжали держать в этом карцере. Это было прямым издевательством надо мною...»

Доведя таким образом Зинаиду Михайловну до крайнего психического и физического истощения (таков и был замысел следователей-изуверов из дома на площади Дзержинского), ее стали часто вызывать на допросы и на одном из них «...заставили подписать совершенно неправильный протокол. Меня вызвали измученную, неправильно ориентирующуюся в окружающей обстановке и заставили подтвердить, что я знала, что Федько враг. Следователь Иванов на этом допросе зачитал заранее составленные вопросы и якобы мои ответы, а другой следователь Зиновьев писал этот протокол, а третий следователь, фамилию его не знаю, присутствовал при этом. А потом, не дав мне даже прочитать как следует и разобраться, что ими написано, обступили меня со всех сторон и заставили меня подписать. Мне говорили: «Нечего Вам, Зинаида Михайловна, торговаться, подписывайте». Мне было глубоко безразлично, я просто не отдавала отчета, что я делала. Я в таком состоянии могла подписать что угодно...»

В том протоколе, подписать который принудили З.М. Федько, говорилось, что ее муж до дня ареста занимался антисоветской деятельностью и что она об этом знала и не донесла органам НКВД и советской власти; что комкор С.П. Урицкий является участником военного заговора. Воспользовавшись беспомощным состоянием женщины и уговорив ее подписать заведомо ложный протокол допроса, следователи, однако, не думали останавливаться на этом. Они еще заставили З.М. Федько написать собственноручные показания на мужа по заранее составленному старшим лейтенантом госбезопасности Ивановым конспекту. При этом он (следователь Иванов) упорно настаивал, чтобы его подопечная написала о том, что в Приморской группе войск у И.Ф. Федько была организация сообщников в лице начальника штаба группы комдива А.Ф. Балакирева и помощника командующего по материальному обеспечению дивинтенданта С.И. Беккера, направленная против командования ОКДВА и лично против маршала В.К. Блюхера.

«...Я не могу себе простить, что я подписала такой жуткий протокол... Когда следствие получило все, что им от меня надо, они меня оставили в покое, перевели меня из карцера в одиночку. Ко мне применялись репрессии морального характера, меня держали в одиночестве, я была в строжайшей изоляции, мне в течение 5 месяцев не давали писать ни одного заявления, надо мной всячески издевались, вроде того, что семья моя за меня вся арестована, что я сына больше никогда не увижу, что сыну передадут, что я за враг; что вы дожили до того, что вас даже лишили фамилии и вы живете под номером 2. Предлагали, не хочу ли я к одной стенке с Федько. Когда я пришла в себя, уже будучи переведенной в одиночку, я поняла весь ужас, что сделала. Меня как-то вызвали на допрос, я просила исправить протокол, мне об этом было категорически запрещено даже думать...»

«Ко мне, не знаю зачем, была посажена в камеру одна из дежурных нашего коридора. Она, вероятно, информировала о каждом моем слове, произнесенном в камере, а я находилась как раз после карцера в состоянии резкого возбуждения и я даже хорошо не помню всего, что мной говорилось. Но только знаю, что ко мне отношение следователя Иванова резко ухудшилось. Я помню, что я открыто его обвиняла в том, что он заставил меня подписать ложный протокол. Я не могу понять, зачем следователю Иванову нужно из меня делать врага и заставлять под давлением давать ложные показания. Это недостойно советского следователя и я настаивала на том, чтобы следователь Иванов отвечал за свои действия. Меня в таком тяжелом состоянии держали больше месяца снова в одиночке, мне не оказывалась такая медицинская помощь, какая нужна была в моем состоянии. Я дошла до галлюцинаций. Видя мое тяжелое состояние, администрация

тюрьмы в лице Миронова перевела меня в общую камеру. Вот оттуда-то я 1-й раз и написала на имя наркома Ежова заявление о неправильном ведении моего следствия. Вечером мною было написано заявление, а на следующее утро меня вызвал следователь Зиновьев и предложил мне заново написать протокол об окончании следствия и частично исправить основной протокол. Я настаивала на том, чтобы написать все заново, мне было отказано. У меня уже нет никакой уверенности в том, что старый протокол об окончании следствия оставлен в деле, а новый не приложен к делу. Меня заставили протокол подписать старым числом, не знаю, зачем это было нужно. Мне следователь Зиновьев сказал: «Вам будет так лучше». Мне были под конец предъявлены два пункта 58 — 6 и 58 — 10 и Зиновьевым было заявлено: «Что с вас эти обвинения снимаются и вы, безусловно, ничего не знали, и вы будете освобождены». Мне были зачитаны гнусные показания моей сокамерницы, пытающейся меня представить врагом... Не удастся ни Дударевой, ни следователю Иванову И.А. сделать из меня врага. Я не знаю, что за корыстные цели были у Дударевой, давая на меня такие показания, она, вероятно, хотела себя представить следствию очень бдительным человеком и что она сумела разоблачить врага, в расчете, вероятно, на то, что ее за это освободят. Мною было повторно написано заявление на имя наркома Берия, в котором я просила меня выслушать и дать мне возможность рассказать о неправильном ведении следствия...»[\[501\]](#)

В заключение своей жалобы З.М. Федько просит Прокурора СССР пересмотреть дело и освободить ее из-под стражи. Но не тут-то было! Будучи осуждена Особым совещанием к 5 годам ИТЛ за «антисоветскую агитацию», она была направлена в Тайшетский лагерь, где ей удалось устроиться на работу по своей специальности врача. В 1940 году ее сослали еще дальше на Восток — в район Комсомольска-на-Амуре, в Ново-Тамбовский лагерь, где она также работала врачом на одном из лагерных пунктов.

Отбыв срок заключения в 1943 году и освободившись из-под стражи, однако не получив желанной свободы передвижения, З.М. Федько работает в качестве вольнонаемного врача и начальника отделения в больнице Нижне-Амурского ИТЛ, откуда ей осенью 1950 года разрешают отпуск с выездом в Москву. Будучи уже тяжело больной, с расстроенной психикой, она не смогла перенести всех волнений, связанных с 12-летней разлукой и встречей с родными и близкими, с сыном Владимиром, которому в том году исполнилось 25 лет. Она сразу занемогла и вскоре скончалась (16 октября 1950 г.) в одной из московских больниц. Реабилитирована З.М. Федько в июле 1956 года. Двумя месяцами раньше был полностью реабилитирован и ее муж — Иван Федорович Федько.

В указанной выше жалобе З.М. Федько неоднократно недобрым словом упоминает имя А.Л. Дударевой — жены командарма 1-го ранга И.П. Белова, которая, войдя в доверие к Зинаиде Михайловне, в многочасовых беседах в камере выпытала у нее множество подробностей ее жизни, взаимоотношений с мужем и другими людьми. Эти сведения почему-то вскоре стали достоянием следствия. Эта женщина стала причиной нескольких попыток к самоубийству со стороны З.М. Федько. Жена Белова клеветала на нее, сознательно искажая смысл ее слов и поступков. По всем признакам поведения А.Л. Дударевой в камере вполне резонно напрашивается вывод о том, что она выполняла вполне определенные функции в интересах следствия, получив соответствующие указания на сей счет. Однозначной уверенности в такой версии у автора нет, но ряд косвенных обстоятельств позволяет все больше склоняться к подобному выводу.

Помните характеристику Дударевой, данную ей З.М. Федько: «...Она мне прямо, открыто заявляла, что ей выгодно меня представить врагом... Она постаралась и моих знакомых представить антисоветскими людьми и самые обычные разговоры их представила антисоветскими... Я не знаю, что за корыстные цели были у Дударевой, давая на меня такие показания... в расчете, вероятно, на то, что ее за это освободят...»

Как ни удивительно, но это факт: предположение, показавшееся Зинаиде Михайловне таким нереальным, на самом деле стало явью — в 1939 году А.Л. Дударева вышла из тюрьмы на свободу. Какие к тому были юридические основания, нам не известно, но, видимо, это произошло не без вмешательства влиятельных лиц из руководства НКВД. Хотя ее брат, генерал-майор М.Л. Дударенко (почему Дударенко, а не Дударев? — Н. Ч.) в 1955 году утверждал, что сестра была освобождена из-под стражи за отсутствием состава преступления. Однако известно и другое: ни одну из жен военачальников в звании Маршала Советского Союза, командарма 1-го и 2-го ранга, армейского комиссара 1-го и 2-го ранга (а это свыше 30 человек), арестованных в 1937 — 1938 годах, не выпустили из тюрьмы за отсутствием состава преступления. Никого, кроме А.Л. Дударевой. Хотя они имели к тому несколько не меньше оснований, чем она, ибо были совершенно ни в чем не виновны, равно как их мужья. Однако такой «чести» удостоилась только А.Л. Дударева и никто другой. Более того, некоторые из жен названной категории высшего состава были подведены под расстрел (Н.Е. Тухачевская, Г.А. Егорова, Г.П. Покровская (первая жена В.К. Блюхера), Г.А. Кольчугина (вторая жена В.К. Блюхера), Б.С. Авербух-Гамарник, Н.В. Уборевич, А.И. Корк). Разве в их действиях был состав преступления?

И еще одна достаточно красноречивая деталь не в пользу А.Л. Дударевой. Как правило, первыми возбуждали ходатайство о пересмотре дел на осужденных военачальников их жены, зачастую только что вернувшиеся из заключения или ссылки, а также их дети, многие годы носившие на себе позорное клеймо члена семьи врага народа. К тому же у жен осужденных к тому времени на повестку дня вставал вопрос о предоставлении им пенсии ввиду смерти кормильца, что придавало им дополнительную активность при реабилитации мужа. Несколько иначе получилось в отношении реабилитации И.П. Белова. В деле надзорного производства, хранящемся в архиве ГВП, ходатайства о его посмертной реабилитации написаны только дочерью и сыном осужденного, хотя А.Л. Дударева в то время (1955 — 1956) в добром здравии проживала в г. Одессе. Этот факт на фоне других аналогичных дел сразу же бросается в глаза.

О том, как несчастных женщин — жен арестованных и осужденных военачальников, следователи НКВД принуждали отречься от своих мужей, хитро сплетая вокруг них опасную паутину, видно на примере супруги командарма Якира — Сарры Лазаревны. Причем сотрудники НКВД всячески стремились к тому, чтобы каждый факт такого «отречения» непременно попал в печать и стал известным тысячам и миллионам граждан СССР.

Обратимся к документам надзорного производства по делу С.Л. Якир. Среди них имеется заявление ее в Генеральную прокуратуру СССР, в котором излагаются все злоключения после внезапного ареста мужа в конце мая 1937 года....Я убеждена, что враги народа чудовищно оклеветали Якира. За день до его приговора (10-го июня) меня вызвали в НКВД Украины, заставили под диктовку написать «хорошее», как они сказали, письмо Якиру о том, что у нас дома все в порядке, что мы с сыном уверены в его невиновности, что этот арест просто недоразумение и что мы ждем его со дня на день. А на следующий день 11-го июня был объявлен приговор в печати. Меня опять вызвали в НКВД и под угрозой того, что если я не напишу отречение, арестуют моего 14-летнего сына и я его никогда не увижу. Я была так убита, что мысль о том, что лишусь и

единственного сына, заставила меня написать это отречение. А после этого мне объявили, что обязуюсь с сыном в 24 часа покинуть Киев и уехать в высылку в Астрахань. С тех пор начались наши мытарства — аресты, лагеря, которые длились почти 18 лет...»[\[502\]](#)

О всех этих подробностях С.Л. Якир поведала в начале мая 1955 года, вскоре после своего освобождения. А лагерей в ее жизни было предостаточно, как и у сына Петра, потерять которого она так боялась в 1937 году.

Факт вынужденного отречения от мужа С.Л. Якир, по вполне понятным причинам, старалась максимально сохранить в тайне от своих родных и близких, в первую очередь от сына. Безусловно, он по своим меркам юношеского максимализма не простил бы матери такого поступка. В его изложении данная история представлена в несколько ином свете, нежели в приведенном выше заявлении матери.

«В Астрахани взамен паспорта матери выдали удостоверение административно-ссылной. В городе уже находились семьи М.Н. Тухачевского, И.П. Уборевича, Я.Б. Гамарника и других.

Через некоторое время в одной из газет я прочитал очень короткое письмо моей матери о том, будто она отказывается от отца. Это была явная ложь: все эти дни и недели я не отходил от матери ни на шаг и знал, что она никакого письма никуда не писала. Значит, кто-то где-то сфабриковал «письмо» и напечатал его, чтобы еще раз «обосновать» чудовищный приговор.

Сначала мы с дедом (отцом матери) пытались скрыть от нее газету с «письмом». Но назавтра к нам прибежала жена Уборевича, Нина Владимировна, и протянула матери газету. Мать немедленно отправилась в Астраханское управление НКВД и заявила протест. Ей предложили, «если она хочет», написать опровержение. Но мы с дедом уговорили ее «не биться головой о стену» — опровержение все равно останется гласом вопиющего в пустыне»[\[503\]](#).

В административной ссылке в Астрахани С.Л. Якир пробыла всего три месяца. В сентябре 1937 года она была арестована Астраханским отделом НКВД и обвинена в проведении антисоветской агитации и недоносительстве о вредительской работе своего мужа. Подобной слабости, какую допустила она в Киеве, Сарра Лазаревна в Астрахани уже не могла себе позволить и виновной себя она в этот раз конечно же не признала. А что касается обвинения в антисоветской агитации, так это власти не могли ей простить высказываний в защиту расстрелянного мужа, возмущения повседневным произволом органов НКВД. Здесь каждое слово бралось на заметку, и вот уже «недовольство советской властью» было налицо. Особое совещание при НКВД СССР в конце октября проштамповало свой приговор — восемь лет исправительно-трудовых лагерей. Ненасытный молох требовал все новых и новых жертв!

Находясь в Сиблаге, С.Л. Якир, разумеется, не агитировала его обитателей за советскую власть. Ее резкие высказывания о существующих порядках в местах заключения и стране стали (не без помощи местных стукачей) достоянием администрации лагеря и прежде всего его «кума». Последствия не замедлили сказаться: 28 сентября 1939 года на станциях Яя постоянной сессией Новосибирского областного суда при Сиблаге С.Л. Якир была осуждена к трем годам лишения свободы. В приговоре говорилось — «за скрытие фактов контрреволюционной деятельности мужа». Вот такой «довесок» к прежнему восьмилетнему сроку ей дали фактически по тем же статьям, что и в 1937 году.

Из Сиблага С.Л. Якир была освобождена по отбытии срока наказания в июле 1947 года. Местом ее проживания был определен г. Александров Владимирской области. Всего лишь год радовалась

она свободе. В 1948 году МГБ СССР, этот достойный преемник зловещего НКВД, начала новую волну репрессий, которая просто не могла не захватить бывших политических заключенных, к числу которых принадлежали С.Л. Якир и ее сын. Известно, что на этот счет в местные органы МГБ поступило особое указание, притом довольно жесткое.

В августе 1948 года С.Л. Якир подвергается новому аресту. На сей раз она обвиняется в том, что по отбытии срока наказания, прибыв в г. Александров на местожительство, повела среди своего окружения антисоветскую агитацию. Следствие длилось почти полгода. В январе 1949 года С.Л. Якир постановлением ОСО при МГБ СССР осуждена вторично на 8 лет ИТЛ, которые отбывала до марта 1955 года.

В Киеве летом 1937 года С.Л. Якир подписалась под отречением от мужа, мучительно страшаясь за судьбу своего сына Петра. И не зря она боялась за него. И напрасно, выходит, отрекалась она от мужа — это нисколько не помогло ее сыну, как и ей самой. Из воспоминаний П.И. Якира: «...Через месяц моя мать и другие жены осужденных неизвестно за что были арестованы (в Астрахани. — Н. Ч.). Меня определили в детприемник. А два дня спустя за мной приехали ночью сотрудники НКВД и повезли на допрос, прежде тщательно обыскав...»[\[504\]](#)

Петр Якир был судим дважды: первый раз в мае 1938 года, когда ему не исполнилось и 15 лет. Тогда Особым Совещанием он был осужден к пяти годам заключения за то, что якобы являлся участником контрреволюционной анархической группы и занимался при этом антисоветской агитацией. Второй раз Петр был осужден в феврале 1945 года тем же органом к 8 годам лишения свободы — «за проведение антисоветской агитации и разглашение сведений, не подлежащих оглашению». Последнее приводит в недоумение: кто это в обстановке сплошной шпиономании, да еще в условиях войны, мог доверить вчерашнему ээку, сыну врага народа какие-то более или менее важные секреты. Чего только не писала в протоколах рука следователя Министерства госбезопасности!

Не всякий мужчина выдерживал те испытания, что выпадали на долю узника ГУЛАГа. А что уж говорить тогда о психике ребенка, каковым, по существу, к моменту ареста родителей являлся Петя Якир. И не удивительно, что у него осталась глубокая обида на всех, кто разрушил так хорошо начавшуюся жизнь, — на Сталина, партию, советскую власть и органы НКВД. Что в конечном счете и привело его к третьей судимости, о которой ниже упомянем. Вот что писал Петр Якир в начале 60-х годов: «...Как-то Сталин сказал, что сын не отвечает за отца. И обманул. Во всяком случае, меня и моих друзей. Много лет я, мальчишка, потом юноша, затем взрослый человек, «отвечал» за отца, к тому же ни в чем не виновного. Каких только обвинений не предъявляли мне — одно нелепее другого!..»[\[505\]](#)

Итак, судили Петра Якира и в третий раз, но это происходило уже в 60-х годах. Обвинялся он и на сей раз в антисоветской агитации...

Известно несколько случаев, когда Ежов, а затем и Берия знакомили высокопоставленных лиц в наркомате обороны с обвинениями в их адрес со стороны уже арестованных командиров РККА. Так поступил, например, Ежов в отношении маршалов Буденного и Егорова, командармов Шапошникова и Федько. Цель подобных поступков предельно ясна — взять их покрепче «на крючок», сделать их послушными и «ручными», внушить трепет перед органами НКВД и при малейшей возможности всячески шантажировать, оказывать давление, заставляя постоянно оправдываться, особенно если за решеткой у них оказался кто-либо из родных или близких.

Семен Буденный и Александр Егоров прочно сидели на крючке у Ежова — их жены были арестованы. И проходили они не по какой-то там бытовой статье, а по самой страшной — пункту «а» 58-й статьи (измена Родине, шпионаж в пользу иностранного государства).

Писательница Лариса Васильева в книге «Кремлевские жены» (изд-во «Вагриус», 1992) приводит некоторые документы, касающиеся этих двух женщин — Ольги Стефановны Михайловой-Буденной и Галины Антоновны Егоровой (урожденной Цешковской). Обратимся и мы к названным материалам, в первую очередь к заявлению С.М. Буденного в Главную военную прокуратуру (июль 1955 г.) с просьбой о реабилитации его бывшей жены.

«В первые месяцы 1937 года (точной даты не помню) И.В. Сталин в разговоре со мной сказал, что, как ему известно из информации Ежова, моя жена Буденная-Михайлова Ольга Стефановна неприлично ведет себя и тем самым компрометирует меня и что нам, подчеркнул он, это ни с какой стороны не выгодно, мы этого никому не позволим.

Если информация Ежова является правильной, то, говорил И.В. Сталин, ее затянули или могут затянуть в свои сети иностранцы. Товарищ Сталин порекомендовал мне обстоятельно поговорить по этому поводу с Ежовым.

Вскоре я имел встречу с Ежовым, который в беседе сообщил мне, что жена, вместе с Бубновой и Егоровой, ходит в иностранные посольства — итальянское, японское, польское, причем на даче японского посольства они пробыли до 3-х часов ночи...

О том, что жена со своими подругами была в итальянском посольстве, точнее у жены посла, в компании женщин и спела для них, она говорила мне сама до моего разговора с Ежовым, признав, что не предполагала подобных последствий.

На мой вопрос к Ежову, что же конкретного, с точки зрения политической компрометации, имеется на ней, он ответил — больше пока ничего, мы будем продолжать наблюдение за ней...

В июле 1937 года по просьбе Ежова я еще раз заехал к нему. В этот раз он сказал, что у жены, когда она была в итальянском посольстве, была с собой программа скачек и бегов на ипподроме. На это я ответил, ну и что же из этого, ведь такие программы свободно продаются и никакой ценности из себя не представляют.

Я думаю, сказал тогда Ежов, что ее надо арестовать и при допросах выяснить характер ее связей с иностранными посольствами, через нее выяснить все о Егоровой и Бубновой, а если окажется, что она не виновата, можно потом освободить.

Я заявил Ежову, что оснований к аресту жены не вижу, так как доказательств о ее политических преступлениях мне не приведено.

...Впоследствии, после ареста ряда директоров конных заводов — Александрова, Чумакова, Тарасенко, Давыдовича и других, а также ареста жены, я пришел к выводу, что все это Ежов делал с той целью, чтобы путем интриг и провокаций добиться получения показаний против меня... и расправиться со мной...»{506}

В приведенном заявлении маршала Буденного содержится ответ на ряд вопросов, возникающих у читателя при чтении данной главы. Наличие тяжелой и душной атмосферы подозрительности в высших эшелонах властных структур, абсурдность, нелепость и явная надуманность предъявляемых обвинений, наличие агентурной слежки даже за представителями высшего слоя

общества, большая осведомленность И.В. Сталина в вопросах «компромата» на свое ближайшее окружение, его нежелание прекратить такие постыдные для цивилизованного мира явления, постоянный поиск все новых и новых жертв для ненасытного молоха — это только часть выводов, напрашивающихся после изучения данного документа, выводов, лежащих на самой поверхности. А если копнуть поглубже, поскрести более основательно?

Действительно, процитированный документ, как свидетель той эпохи, способствует приоткрытию завесы времени и пониманию в определенной мере механизма действий адской машины уничтожения лучших представителей советского народа в 30-е годы.

Михайлову-Буденную О.С. арестовали в августе 1937 года. Следователи вынудили ее написать заявление на имя Ежова, в котором она усиленно оговаривает своего мужа. Что стоят, например, такие места ее показаний: «За двенадцать лет совместной жизни с Буденным у меня накопилось много фактов, свидетельствующих о том, что он вел какую-то нехорошую работу против руководителей нашей страны, и в первую очередь против Сталина и Ворошилова, и об этих фактах я и хочу сообщить в этом заявлении».

Или: «Семен Михайлович всегда держался особняком от Тухачевского, Якира, Уборевича и Корка, однако в конце 1936 или в начале 1937 года Семен Михайлович был на даче у Тухачевского, сказал, что они заключили между собой деловой договор, будут во всем помогать друг другу и не будут ссориться, одним словом, дружба до гробовой доски. Семен Михайлович и Егоров зачастили на дачу к Тухачевскому, что резко бросалось в глаза».

Любой читатель, знакомый с событиями в стране и армии в описываемый период, сразу увидит в этих фрагментах показаний жены Буденного усилия следствия во что бы то ни стало найти подходящий материал для обвинения и ареста еще одного Маршала Советского Союза. Ведь совсем недавно широкую огласку в стране и за рубежом получил процесс над Тухачевским и его подельниками. Пресса вовсю трубила о наличии в Красной Армии разветвленного заговора. Но тот процесс закончился. Для поддержания же волны народного гнева на должном уровне нужна была свежая кровь врагов, нужны были новые жертвоприношения.

Казалось бы, капкан должен был сработать безотказно и надежно. Что еще надо для ареста Буденного? Его жена дает нужные следствию показания, ближайшие сподвижники и сослуживцы называют маршала участником антисоветского заговора. Одним словом, приходи и забирай конника № 1 Красной Армии в подвал на Лубянку.

Но пронесло! И не потому, как гласит расхожая народная байка, что он не дал себя арестовать, выставив в окно дачи пулемет и отогнав чекистов, пришедших его арестовывать, очередями из него. Такое могли придумать в безделье только полуграмотные лагерные придурки да окол Кремлевские завистники. И не потому, что Сталин, якобы считая Буденного недалеким человеком, приказал не трогать инспектора кавалерии РККА ввиду его «неопасности». Это тоже из области лагерных побасенок про начальников-недоумков и умных воров и жуликов.

Просто до маршала Буденного не дошел черед. В той страшной и кровавой игре его номер всегда почему-то выпадал в выигрыш. Как и его старого соратника К.Е. Ворошилова. Только один пример. Неудачное для Красной Армии начало войны с фашистской Германией означало для органов НКВД очередную кампанию по поиску нового отряда «врагов народа», по вине которых якобы все это и произошло. Для Берия и его команды оказалось мало командования Западного фронта, почти в полном составе осужденного к высшей мере наказания. Берия потребовал от Управления

особых отделов подготовить ему справки на всех видных руководителей наркомата обороны — от заместителей наркома до командующих войсками фронтов и военных округов. Одна из таких справок, (посвященная С.М. Буденному, в то время главнокомандующему Юго-Западным направлением, в июле 1941 года легла ему на стол. В справке были собраны все показания, где так или иначе Буденный проходил как участник антисоветского военного заговора. Большинство таких свидетельств относилось к 1937 — 1938 годам. С содержанием некоторых из них Буденный в свое время был ознакомлен Ежовым, о других же он совершенно не знал.

Надо отдать должное составителям справки — они не рискнули сделать какой-либо итоговый вывод, предоставив это право наркому внутренних дел или даже самому Сталину. Последний, зная истинную цену обвинений, содержащихся в справке, видимо, и дал команду не трогать Буденного в этот тяжелый для Родины час. Таким образом, и на сей раз счастье не изменило донскому казаку [\[507\]](#).

А вот маршалу Егорову Александру Ильичу повезло гораздо меньше, хотя жену его арестовали значительно позже супруги Семена Михайловича — в январе 1938 года. Мы уже приводили содержание двух писем А.И. Егорова наркому Ворошилову, по времени их написания относящихся к концу февраля — началу марта 1938 года. В обоих письмах упоминается имя арестованной незадолго до этого жены маршала. Из писем можно определить и реакцию мужа на материалы следствия по ее делу — она резко отрицательная по отношению к жене. Маршал однозначно соглашается с версией НКВД о ее шпионской деятельности и этим самым выносит ей беспощадный приговор, вычеркивая Галину Антоновну из своей жизни. Хотя следствие по ее делу только началось и оно будет продолжаться до августа 1938 года, то есть до суда еще полгода, а Егоров уже подписывает жене смертный приговор, признав предательство супруги неоспоримым фактом.

Если в случае с женой Буденного мы видим, как муж, хотя и довольно пассивно, но все же пытается защитить ее перед всесильным наркомом Ежовым и желает сам разобраться в ее поступках и проступках, то в отношении Г. А. Егоровой такого не наблюдается. Из ее собственноручных показаний от 27 января 1938 года: «И вдруг... арест Ольги Стефановны. Таким убитым, как у нас на даче, я Семена Михайловича никогда не видела. У него слезы катились градом по щекам... Новый год (1938-й. — Н. Ч.) мы встречали вместе у нас на даче. После ужина Буденный подсел ко мне и спросил, знаю ли я об аресте Ольги Стефановны. Я ответила утвердительно... Буденный меня предупредил, чтобы я была готова ко всяким неожиданностям...» [\[508\]](#)

Егоров в своих письмах к Ворошилову несколько раз настойчиво утверждает, что с его стороны недовольства руководством партии, страны и армии никогда не было, что никаких планов и попыток сместить наркома ему и в голову не приходило. Действительно ли это так? Было ли недовольство в армии вообще и в высшем эшелоне ее командования в частности? Все ли были довольны стилем руководства наркома Ворошилова? В какой мере и форме оно проявлялось? Обратимся к такому источнику, хотя и весьма ненадежному, как показания арестованной жены маршала Егорова, данные ею 27 января (через две недели после ареста).

А ненадежен этот источник потому, что писала Г.А. Егорова свои показания, несомненно, по подсказке следователя. И тем не менее доля правды в них имеется, особенно там, где речь идет о характеристике лиц в окружении ее мужа, их взаимоотношениях между собой. Поэтому мы и обращаемся именно к этой части показаний Галины Антоновны, тем более что они во многом совпадают с другими документами на эту же тему. Ценность слов Г.А. Егоровой и в том, что это

наблюдения человека, варившегося в придворном котле в течение 20 лет, взгляд женщины, острой в суждениях и оценках, знающей «кухню» среды высшего комначсостава Красной Армии не понаслышке. К тому же в ее показаниях имеются такие детали, которые, при всем своем желании, следователь подсказать просто не мог.

«...Разновременно я рассказывала Лукасевичу (послу Польши в СССР. — Н. Ч.) о существовавших группировках в рядах армии, враждебных настроениях среди отдельных лиц, рассказывала о недовольствах, проявляемых Тухачевским, Уборевичем, Якиром по отношению к Ворошилову, об их стремлении стать на место Ворошилова, на то, как каждый из них считал, он имеет основание: больше опыта, больше знаний. Рассказывала Лукасевичу, что существует вторая группировка Егорова — Буденного, которая стоит в оппозиции к Тухачевскому...»

Далее Г.А. Егорова дает характеристику М.Н. Тухачевскому: «Тухачевский — аристократ голубой крови, всегда весел, всегда в кругу дам, он объединял военную группу, шел, не сгибаясь, прямо к цели, не скрывая своей неприязни к руководству. Вся эта публика непризнанных талантов тянулась кверху, не разбирая путей и средств, все было пущено в ход — и лесть, и двуличие, и ничем не прикрытое подхалимство, но их честолюбивые замашки кем-то были распознаны, их не пускали, сдерживали, отбрасывали назад, они негодовали, и вот эта-то озлобленность просачивалась здесь в салонах, в кругу своих. Все это было видно невооруженным глазом...»

Что тут сказать? Хотя в целом Г.А. Егорова и оговаривает мужа, но здесь явно видится желание как-то выгородить, обезопасить его, свалив все беды, неурядицы, недовольства на арестованного и осужденного к тому времени М.Н. Тухачевского. Напомним, что писались эти показания еще до ареста маршала Егорова. Видно, как жена осторожно, но целеустремленно уводит Александра Ильича от дружбы с опальным Тухачевским, соединяя мужа в связку с Буденным. Так оно фактически и было на самом деле. Дополнительным стимулом к тому являлась дружба между Г.А. Егоровой и О.С. Михайловой-Буденной, а этого не могло иметь места, если бы их мужья питали антипатию друг к другу и занимали противоположные позиции в придворных группировках.

Характер показаний в отношении мужа у Галины Антоновны резко изменится после его ареста и дачи им обличительного материала против жены, с которым следователь не преминет ее ознакомить. В апреле 1938 года Г.А. Егорова становится другой: она уже не выгораживает мужа, а дает ему характеристику, еще более убийственную, нежели Тухачевскому и его окружению: «...Двуличие, двойственная жизнь, которую вели Егоров и лица, наиболее близкие к нему. Внешне они показывали себя как командиры Красной Армии, защитники революции, на деле же они были махровые белогвардейцы. Они шли с Красной Армией до поры до времени, но душа их была по ту сторону окопов, в стане врагов.

...Я спрашивала Александра Ильича, почему он при всей его показной близости к Сталину и пребывании в коммунистической партии ведет себя как антисоветский человек. Егоров сказал тогда, что он и его друзья остаются офицерами, значит, людьми, которые с Советской властью примириться не могут... Егоров поощрял мои постоянные выезды на банкеты, где присутствовали иностранные послы, он знал о моих дружеских отношениях с Лукасевичем, которому я рассказывала на его вопросы об антисоветских взглядах Егорова, что эти взгляды разделяются также Бубновым и Буденным...»[\[509\]](#)

Читателю, видимо, ясно, что многое из вышеприведенных показаний у Г.А. Егоровой было вырвано путем угроз, шантажа и обмана. Вполне возможно, что таких слов она вообще не

произносила и написаны они фактически рукой следователя. А подписи арестованных в протоколах?.. На примере З.М. Федько и С.Л. Якир известно, как они появлялись, эти подписи...

Будучи арестован, маршал Егоров дал уличающие жену показания. Именно они фигурировали в качестве основного аргумента на заседании Военной коллегии 28 августа 1938 года, приговорившей Г.А. Егорову к расстрелу. Сама же она на суде виновной себя не признала, заявив, что от своих показаний, данных на предварительном следствии, решительно отказывается. А наличие в деле этих показаний объяснила тем, что она, ошеломленная своим арестом и арестом мужа, совсем потеряла голову и на допросах стала клеветать на себя и на других. На вопрос, почему ее муж дал уличающие ее показания, она ответить не смогла, заявив только, что Егоров говорит неправду. Вообще, это редчайший случай, когда муж оговаривал свою жену. Помимо Егорова, в этом отношении можно назвать разве что комкора Н.В. Куйбышева, предшественника маршала на посту командующего войсками Закавказского военного округа.

Галина Антоновна Егорова в 1956 году была полностью реабилитирована по всем пунктам предъявленного ей обвинения. Правда, посмертно.

Однако вернемся к вступительной речи Ворошилова на Всеармейском совещании жен комначсостава РККА. Какие прекрасные слова прозвучали из его уст, сколько тепла и заботы было заложено в них. Многие участники совещания искренне верили этим словам, считая себя на самом деле крепко защищенными со стороны партии, правительства и лично наркома обороны. Но вот наступил 37-й год, и слова Ворошилова оказались легковесными и пустыми, никак не подкрепленными конкретными делами.

Участницей данного совещания являлась Е.Н. Ягодина, жена начальника отдела боевой подготовки штаба Харьковского военного округа полковника А.А. Ягодина. Не прошло и года после окончания работы совещания, как судьба Е.Н. Ягодиной круто изменилась — после ареста в 1937 году мужа была арестована и она. Вот фрагмент из ее письма, написанного в начале 60-х годов:

«...У некоторых погибших полководцев после пережитого тиранства и деспотических сталинских репрессий имели мужество остаться в живых их жены (бывшие боевые подруги, как до репрессий бывший нарком Ворошилов их называл). Но Ворошилов с 1937 года и дальше не интересовался и не вспоминал о тех муках, которые боевые подруги переживали в тюрьмах, лагерях и ссылках. Ворошилов не вспоминал, что часть его бывшей славы есть труд тех полководцев, которые с его ведома невинно погублены. За это боевые подруги на сегодняшний день. — вдовы.

Они вспоминают его и тысячи проклятий посылают ему за осиротевшие жизни. Даже после отбытия срока заключения, будучи в ссылке, преклоняли неповинные головы, так как везде были гонения. Будучи в тюрьмах, неволе и ссылке мы штурмом брали невзгоды жизни и лишения, так как были уверены, что придет время, что тот гнет, который нас давил в неволе, будет снят, с этой надеждой мы и жили. Мы вздохнули свободно после смерти тирана и деспота Сталина...» [\[510\]](#)

Вдова полковника Ягодина вскользь упоминает о неисчислимых муках и страданиях, которым она и ей подобные подвергались в тюрьмах, лагерях и ссылке. Чтобы не быть голословным, приведем часть текста письма одной из таких боевых подруг, единственной виной которой являлось то, что она была женой своего мужа и матерью его ребенка. Речь идет о письме, написанном Ниной Дмитриевной Чередник-Дубовой, женой командарма 2-го ранга И.Н. Дубового. Датированное августом 1942 года, написанное в одном из лагерей на Северном Урале, оно адресовано

приемной дочери (Марии Ткаченко), проживавшей тогда в Алма-Ате. Читая этот потрясающей силы документ, следует в то же время помнить, что по условиям гуглаговской цензуры Н.Д. Чередник-Дубовая не все свои мысли могла высказать в нем, не все вещи назвать своими именами. В частности, о том, что она находится в лагере — это заведение в переписке именуется почтовым ящиком за номером таким-то. Не найдем мы в письме и критики существующих в лагере порядков, творившегося там произвола администрации и ее помощников из числа уголовников и бытовиков — иначе письмо не дошло бы до адресата. А вот что касается красот природы и личных переживаний — это пожалуйста, пиши себе на здоровье сколько хочешь.

«Моя родная девочка, прости, что так долго не писала — и работы много, но дело не в этом, просто на душе было как-то уж очень слякотно и пасмурно и не хотелось в таком состоянии писать тебе... Что у меня — все без перемен — работаю поваром в больнице — работы много, кручусь целый день с 5 утра до 11 вечера... Место здесь неплохое, на берегу реки, кругом лес, но край с суровым климатом — лето здесь короче, кажется, воробыного носа... Сегодня уже 12 августа — еще 8 дней и пять тяжелых лет разлуки с любимым, дорогим человеком (И. Н. Дубовой был арестован 20 августа 1937 г. — Н. Ч.) отойдут — начнется шестой год. Кто-то когда-то сказал, что горечь и боль утраты утихает и стирается со временем, что время — лучший целитель горя и потерь — какая глупость это — пять лет, а все пережитое встает передо мной с такой ясностью, точно это было вчера и тоска, тоска беспросветная и тяжелая боль о близком, родном — ни звука, ни ответа, точно какая-то глухая стена разделила на время, навеки, навсегда — кто знает это, кто скажет. Жив ли, здоров ли, где мучается, или уже успокоился вечным покоем. Марусик, мой родной, как хотелось бы хотя бы письмом утешить, успокоить, сказать, что все мы помним его и крепко, крепко любим. Есть такие стихи Блока «что было любимо все мимо и мимо» — семья, близкие, любимые, родные — цель и счастье жизни — все мимо и мимо. Где дочурка (дочь Инна, 12 лет. — Н. Ч.) - где любимые голубые глазки — тоже оторвана, тоже ничего не знаю и узнаю ли когда-либо. Словом, не жизнь, девочка, а уравнение с очень многими неизвестными — это уже не жизнь, а так, слякоть какая-то. Никогда не любила слякоть, и вот не знаю, право, иногда кажется, что нет смысла тянуть все это дальше. И снова какая-то слепая, может быть глупая надежда на возможность встречи, на жизнь вместе и снова возвращаешься к своему сегодняшнему дню, к этой такой постылой, ненужной жизни... Посылку твою получила, большое спасибо, правда не всю, по дороге ее переполовинили — получила сухари белые, повидло, вермишель и все, пропали мыло, сахар и мука, конфеты... Не попадалась ли тебе книга Некрасова «Русские женщины», если попадется, купи и вышли мне... Хочу снова в сотый, кажется, раз запросить о нашем родном, вероятно, это будет безрезультатно, как и раньше, а все же как-то на душе легче, когда напишешь...»[\[511\]](#)

Приведенное письмо комментировать, видимо, не стоит. Отметим только, что после лагеря была ссылка на Алтай, где Н.Д. Чередник-Дубовая, наконец-то забрав к себе дочь, жила и работала вплоть до реабилитации мужа. Вскоре реабилитировали и ее, после чего она вернулась в Харьков.

1937 — 1938 годы — одна из самых трагических вех в истории Красной Армии. Это были годы грубой ломки судеб не только уволенных из армии и арестованных военачальников, но и их жен, детей, родителей, близких и дальних родственников. Причем ломали «по-революционному», глубоко не разбираясь, били наотмашь, увольняя с работы, исключая из партии и комсомола. Такое исключение на практике было равнозначно вынесению политического недоверия (поколение 30-х и 40-х годов хорошо знает, что означала в те годы подобная формулировка). Родственников «врагов народа» отчисляли из высших и средних специальных учебных заведений, не говоря уже о военных училищах и академиях. Благородное желание юношей продолжить дело

отца или старшего брата, стремление развивать формирующиеся семейные династии офицеров РККА самым грубым образом было осквернено, растоптано, поломано. Более того, значительная часть этих юношей подверглась аресту, другая часть отправлена в ссылку в качестве «социально-опасного элемента». Отчисляли даже с последних курсов, не давая окончить учебное заведение и получить соответствующую квалификацию и воинское звание.

Таким образом, карательные органы сталинского режима по отношению к молодым кадрам комначсостава РККА совершили двойное преступление. Во-первых, предъявляя арестованным необоснованные обвинения и комплексом мер физического и морального истязания заставляя их подписываться под ними, следователи НКВД тем самым активно разрушали личность молодых людей. Ведь как иначе можно квалифицировать такие поступки, как клевета на родных и близких, предательство дружбы и боевого братства? Во-вторых, у большинства детей комначсостава в результате ареста родителей, а затем и собственного отчисления из военно-учебных заведений, последующего увольнения из армии не смогли в полной мере развернуться талант и способности на военной стезе, что, безусловно, нанесло непоправимый вред боеспособности Красной Армии накануне войны.

Обстановка несколько улучшилась в 1938 году. Катастрофическое положение с кадрами комначсостава, реально проявившееся уже к концу 1937 года, заставили руководство наркомата обороны, в том числе такого ярого «чистильщика» Красной Армии от врагов народа, как Е.А. Щаденко (заместителя наркома по кадрам), предпринять некоторые меры по упорядочению данного вопроса. Так, за подписью Щаденко в феврале 1938 года в войска направляется документ, в котором осуждалась практика отчисления курсантов военных училищ без строго персонального и тщательного изучения их общественно-политического лица и поведения, а только лишь по мотивам их родственных отношений с лицами, привлеченными к ответственности органами НКВД.

И хотя Щаденко от имени наркома обороны подтвердил неизменность курса на продолжение в РККА разоблачения и разгрома врагов народа, он в этой директиве уже определил некую градацию в отношении курсантов училищ. По-прежнему подлежали отчислению те из них, у которых родители и братья оказались арестованными. Судьба же курсантов, у которых привлекались к ответственности дальние родственники, должна была решаться строго персонально с учетом вышеназванных обстоятельств. С этого же момента прекращалось самостоятельное отчисление курсантов начальниками и комиссарами училищ^[512].

Приводимые ниже сведения о персональном составе отчисленных из военных академий и училищ в 1937 — 1938 годах служит как нельзя более убедительным доказательством творившегося тогда произвола. Следует добавить и то, что отчисление из военно-учебных заведений неизбежно вело к увольнению этих лиц из рядов Красной Армии, а в последующем — и к аресту значительного их числа.

Список курсантов и слушателей, отчисленных из военно-учебных заведений и уволенных из РККА в 1937 — 1938 годах

Слушатель 4-го курса военного факультета Академии связи имени Подбельского Кольчугина-Блюхер Галина Александровна (бывшая жена Маршала Советского Союза В.К. Блюхера).

Арестована в один день с бывшим мужем (22 октября 1938 года). В марте 1939 года Военной коллегией приговорена к расстрелу.

Слушатель 4-го курса инженерного факультета Военно-воздушной академии имени профессора Н.Е. Жуковского Векличев Павел Иванович (брат армейского комиссара 2-го ранга Г.И. Векличева).

Слушатель 5-го курса инженерного факультета Военной академии химической защиты воентехник 2-го ранга Гарф Евгений Вильгельмович (сын комдива В.Е. Гарфа).

Слушатель военной академии механизации и моторизации Горбачев Василий Борисович (сын комкора Б.С. Горбачева).

Слушатель 1-го курса факультета путей сообщения Военно-транспортной академии Крук Виталий Иосифович (сын комбрига И.В. Крука).

Курсант 2-го курса Военно-морского инженерного училища имени Ф.Э. Дзержинского Кангелари Виктор Валентинович (сын корврача В.А. Кангелари).

Арестован в ноябре 1937 года. В декабре того же года Особым совещанием осужден к 5 годам ИТЛ.

Слушатель 1-го курса инженерного факультета Военной академии механизации и моторизации Косич Николай Дмитриевич (сын коринтенданта Д. И. Косича).

Арестован в ноябре 1937 года. В декабре того же года Военной коллегией приговорен к расстрелу.

Слушатель 1-го курса инженерно-строительного факультета Военно-транспортной академии Куйбышев Александр Николаевич (сын комкора Н.В. Куйбышева).

Курсант Военно-морского училища Кутяков Владимир Иванович (сын комкора И.С. Кутякова).

Арестован в 1937 году. В сентябре 1938 года Особым совещанием осужден к 3 годам ИТЛ.

Слушатель 2-го курса факультета вооружения Артиллерийской академии военинженер 3-го ранга Лапин Альфред Янович (брат комкора А.Я. Лапина).

Арестован в декабре 1937 года. В феврале 1938 года военным трибуналом Л ВО осужден к 10 годам ИТЛ.

Слушатель 1-го курса Военно-воздушной академии имени Н.Е. Жуковского Меженинов Петр Сергеевич (сын комкора С.А. Меженинова).

Арестован в ноябре 1937 года. В декабре того же года Военной коллегией приговорен к расстрелу.

Слушатель 2-го курса военно-строительного факультета Военно-инженерной академии Медников Анатолий Михайлович (сын комдива М.Л. Медникова).

Слушатель Военно-транспортной академии Неволин Сергей Петрович (брат жены комкора Э.Ф. Аппога).

Слушатель 5-го курса Военно-инженерной академии воентехник 2-го ранга Петин Николай Николаевич (сын комкора Н.Н. Петина).

Слушатель 1-го курса факультета авиавооружения Военно-воздушной академии имени профессора Н.Е. Жуковского Петерсон Игорь Рудольфович (сын дивинтенданта Р.А. Петерсона).

Слушатель 2-го курса инженерного факультета Военной академии механизации и моторизации Свечников Владимир Михайлович (сын комбрига М.С. Свечникова).

Слушатель 1 -го курса инженерного факультета Военной академии механизации и моторизации Сердич Вячеслав Данилович (сын комдива Д.Ф. Сердича).

Слушатель 5-го курса инженерного факультета Военной академии химической защиты воентехник 2-го ранга Троянкер Соломон Устинович (брат корпусного комиссара Б.У. Троянкера).

Приведенный перечень фамилий, должностей и воинских званий далеко не исчерпывает полную картину избиения кадров Красной Армии и их молодой поросли, пришедшей по зову сердца или по комсомольской путевке в аудитории военных училищ и академий. Также были уволены из рядов РККА, арестованы и осуждены к высшей мере наказания братья маршала Тухачевского — военинженер 2-го ранга А.Н. Тухачевский, преподаватель Военно-транспортной академии, и майор Н.Н. Тухачевский, преподаватель военной кафедры одного из московских институтов; брат маршала Блюхера — капитан П.К. Блюхер, командир авиационного звена; брат командарма 1-го ранга Якира — военинженер 3-го ранга М.Э. Якир, военный представитель одного из управлений ВВС РККА; брат комкора Примакова — военинженер 2-го ранга В.М. Примаков, военный представитель на оборонном заводе; брат комкора Тодорского — майор И.И. Тодорский, один из руководителей Главного управления химической промышленности наркомата тяжелой промышленности; брат комдива С.И. Деревцова — воентехник 2-го ранга Ф.И. Деревцов, сотрудник Разведуправления РККА и другие.

Этот печальный список можно продолжать долго — так велики были жертвы, понесенные кадрами Красной Армии в годы большого террора и прежде всего в 1937 — 1938 годах. А впереди было еще несколько лет до июня 1941 года со своими траурными списками, впереди был новый всплеск репрессий накануне и в начале войны с фашистской Германией, выбивший из обоймы военачальников РККА большую группу крупных специалистов в области авиации, вооружения, разведки, военно-учебных заведений.

Трагедии и в театре смотреть совсем не просто, ибо психика не каждого человека выдерживает напряжения чувств и эмоций, выплескиваемых на сцену. Не говоря уже о психике ребенка. А если подобное происходит не на сцене, а в жизни, притом в собственной квартире?.. Послушаем тех людей, которые в детстве испытали страшное потрясение, связанное с внезапным арестом отца, а нередко и обоих родителей. Даже спустя десятилетия, отделяющие нас от тех далеких суровых дней, нельзя без содрогания читать приводимые ниже строки.

«Фрунзенскому райвоенкому

г. Москва

от Свечниковой Елены Михайловны,

прож. Малые Кочки, д. 7, корп. 8, кв. 333

Заявление

Прошу назначить мне пенсию за посмертно реабилитированного отца — комбрига Свечникова Михаила Степановича...

Я, Свечникова Елена Михайловна, 1923 года рождения, заболела с 1938 года в результате травмы в связи с арестом отца и матери. Лежала в детском отделении больницы им. Кащенко в 1938 г. и затем с 18 лет стояла на учете сначала в Краснопресненском психиатрическом диспансере и сейчас (в июле 1957 г. — Н. Ч.) во Фрунзенском районе. Несколько раз лежала в больнице Кащенко и больнице Столбовая 1 раз. В настоящее время проходила ВТЭК, которая установила мне III группу инвалидности с детства. В браке не состою...»[\[513\]](#)

В Московском городском военном комиссариате находится пенсионное дело сына репрессированного комкора Ж.Ф. Зонберга — Жана Жановича Зонберга. В своем заявлении о назначении ему пенсии, как инвалиду с детства, Зонберг сообщал, что арест в 1937 году отца и матери он перенес очень тяжело, в результате чего у него развилось заболевание центральной нервной системы. В детском доме, куда был помещен двенадцатилетний мальчик, в одночасье потерявший сразу обоих родителей, он перенес несколько тяжелых болезней, давших серьезные осложнения на его здоровье. Остеомиелит ног и руки, приступы эпилепсии стали постоянными спутниками жизни Ж.Ж. Зонберга и ранее положенного срока свели его в могилу[\[514\]](#).

Все семьи арестованных военачальников оказались практически беззащитными перед лицом внезапно обрушившейся на них беды. И тем не менее их сопротивляемость несчастью оказалась различной. К числу тех семей, где арест и осуждение главы семьи привели к нервному заболеванию нескольких ее членов, относится семья комкора Г.Д. Базилевича, до ареста исполнявшего обязанности секретаря Комитета Обороны СЫК СССР. Обстоятельства трагедии этой семьи изложены в следующем документе, исполненном в Главной военной прокуратуре.

«Главному врачу больницы им. Кащенко

16мая 1955 г. тов. Андрееву

В связи с проверкой ГВП обоснованности осуждения бывшего комкора Базилевича Г.Д. прошу направить в ГВП имеющиеся данные о характере, особенностях и степени тяжести заболеваний двух его дочерей — Галины Георгиевны Черной, 1917 г. рожд. и Марии Георгиевны Разиловой, 1916 г. рождения... По сведениям, поступившим в ГВП, обе сестры заболели в связи с арестом их отца в 1938 г.

После ареста же их брата (Юрия Георгиевича Базилевича, 1921 г. рождения. — Н. Ч.) в 1949 году Черная Г.Г. находилась в буйном состоянии, страдая манией преследования, давая клятву невиновности своего отца — жгла себе руки. В течение продолжительного времени она находилась на лечении в больнице им. Кащенко.

Болезнь Разиловой М.Г. развивалась в основном после ареста брата ее в 1949 году. Состояние ее было тихое, боязливое, недоверчивое отношение к людям. В период разоблачения врага народа Берия, в связи с сообщениями печати, она вновь вспоминала аресты отца и брата и впадала в более стойкие и выраженные периоды заболевания, связанные по своей тематике с вопросами о правде, Родине и справедливости. Разилова поступала в больницу им. Кащенко 5 раз.

В настоящее время Черная Г.Г. находится на учете в психиатрическом диспансере Ждановского района, а Разилова М.Г. — в диспансере Киевского района.

Военный прокурор отдела ГВП

подполковник юстиции/Шаповалов/[\[515\]](#)

Действительно, обстановка в этой семье в течение ряда лет, начиная с момента ареста главы семьи, складывалась очень тяжелая. Комкор Г.Д. Базилевич был арестован в конце ноября 1938 года, будучи тяжело больным (диабет), о чем его жена неоднократно в своих заявлениях и жалобах информировала следственные органы НКВД. Несмотря на все мучения, связанные с болезнью, допросами, истязаниями со стороны следователей, Базилевич не сломался на предварительном следствии, не пошел на сделку с собственной совестью, не оговорил понапрасну себя и своих товарищей. Среди более чем полусотни комкоров, арестованных в 1937 — 1938 годах, нашлось только несколько человек, которые смогли выдержать натиск той огромной машины насилия, что именовалась тогда НКВД. Имена этих героев-мучеников должны знать потомки: Базилевич Георгий Дмитриевич, Ковтюх Епифан Иович, Смолин Иван Иванович.

Г.Д. Базилевич был осужден к расстрелу 2 марта 1939 года. Приговор приведен в исполнение в тот же день. Однако его жена, а фактически вдова, Ольга Васильевна вплоть до 1946 года на свои запросы в органы НКВД относительно судьбы мужа неизменно получала ответ, что тот, находясь в дальних лагерях без права переписки, продолжает работать и что его лечат, но вот соответствующей диетой, к сожалению, в условиях лагеря обеспечить не могут. То есть бедной женщине, оставшейся с тремя детьми, выселенной из занимаемой ими квартиры, лгали самым бессовестным образом.

Более того, в 1949 году был арестован сын комкора Юрий, участник Великой Отечественной войны, получивший на фронте два ранения, орден Отечественной войны и медаль «За отвагу». Как социально опасного элемента решением ОСО его отправили в ссылку в Карагандинскую область сроком на пять лет^[516]. В момент ареста Юрий Базилевич являлся студентом Высшего технического училища имени Баумана.

Некоторое представление о масштабах репрессий против членов семей высшего командного и начальствующего состава (военной элиты) РККА в 1937 — 1938 годах дает приводимая в приложении таблица. Она составлена на основе материалов, хранящихся в архивах Главной военной прокуратуры и Военной коллегии Верховного суда Российской Федерации. Впечатление от данных, приведенных в ней, просто ошеломляющее — вырубались под корень целые семьи, изничтожались не только глава семьи и его жена, но и их дети, родители, братья и сестры. Бывало и такое — в период активного реабилитанса в середине 50-х годов за некоторых арестованных и расстрелянных военачальников даже некому было подать заявление (прошение) об их посмертной реабилитации — оказывалось, что вся семья уничтожена до последнего человека. (См. Прилож. Табл. 1)

Четыре ступени вниз

Начавшаяся в июне 1941 года война с Германией не изменила к лучшему отношение властей предрежащих к командирам и политработникам, по политическому недоверию уволенным в запас, не говоря уже о находившихся под следствием или в лагерях. Наоборот, оно стало еще более худшим: усилились гонения, недоверие и оскорбления, совершенно ими незаслуженные. А в критические для страны периоды (осень 1941 и весна — лето 1942 г.) арестованные по 58-й ст. подверглись специальным карательным акциям.

Надо заметить, что в 1941 году, как и в предыдущие, камеры тюрем продолжали оставаться переполненными. Московские тюрьмы здесь не являлись исключением. В середине октября 1941 года, когда линия фронта вплотную приблизилась к столице, среди части населения Москвы возникла паника. Дело в том, что к этому времени многие наркоматы и государственные

учреждения эвакуировались в г. Куйбышев, в том числе и центральный аппарат НКВД СССР. Вместе с ним туда была переведена и часть арестованных военачальников. Другая их часть в количестве около 300 человек (по свидетельству Г.К. Жукова) продолжала оставаться в Москве. Вскоре все они попали под расстрел, поскольку у властей не оказалось необходимых средств для их эвакуации. И все это происходило в тот трагический момент, когда на ближайших подступах к Москве обескровленными полками командовали в лучшем случае капитаны или старшие лейтенанты (например, Баурджан Момыш-улы в Панфиловской дивизии), а дивизиями — подполковники и даже майоры{517}.

В последнее время общественности страны стали известны некоторые подробности другой трагедии, случившейся в начале войны. Тогда (в конце октября 1941 г.) под Куйбышевом по личному указанию Берия были расстреляны видные военачальники Красной Армии предвоенных лет. Среди них три генерала, последовательно возглавлявших ВВС РККА в 1937 — 1941 годах, — генерал-полковник А.Д. Локтионов, генерал-лейтенанты авиации Я.В. Смушкевич и П.В. Рычагов. А также бывший командующий Дальневосточным фронтом генерал-полковник Г.М. Штерн, накануне ареста исполнявший должность начальника Управления ПВО Красной Армии. Здесь к месту будет отметить, что уровень оперативной подготовки Локтионова и Штерна вполне позволял им исполнять обязанности командующего фронтом или, на худой конец, командовать армией. По крайней мере, они сделали бы это несколько не хуже, а возможно и лучше, чем другие комфронтами и командармы, первыми принявшие удар гитлеровского вермахта.

К сведению, А.Д. Локтионов не являлся «чистым» авиационным командиром — основную часть своей службы он провел в пехоте, последовательно командуя там полком, бригадой, дивизией и корпусом. И только в начале 30-х годов, будучи по воле партии направлен в ВВС с целью укрепления их кадров, Локтионов вплотную стал заниматься авиационными вопросами, занимая должность помощника командующего по авиации сначала в Белорусском, а затем в Харьковском военных округах. В 1937 году он несколько месяцев командует войсками САВО, чтобы в конце того же года, после ареста Якова Алксниса, возглавить ВВС Красной Армии. Два года трудился А.Д. Локтионов на этом посту. И все эти годы заместителем у него работал Яков Смушкевич, герой боев в Испании и на Халхин-Голе, один из первых в стране дважды Героев Советского Союза. Ему-то и сдал Локтионов дела в конце 1939 года, будучи назначен на должность командующего войсками Прибалтийского Особого военного округа. Выходит, что судьба на некоторое время развела этих людей в разные стороны, с тем чтобы затем снова свести их, но уже под крыльями тюрьмы — тюрьмы родной, советской, «лучшей тюрьмы в мире». О страданиях и издевательствах, которым подвергнулся там Локтионов, мы поведали в главе «Щупальцы 37-го».

В той же группе генералов, расстрелянных под Куйбышевом, находились начальник Военно-воздушной академии РККА (в Монино) генерал-лейтенант авиации Ф.К. Арженухин; бывший замнаркома обороны, он же начальник Разведуправления РККА Герой Советского Союза генерал-лейтенант авиации И.И. Проскуров; заместитель начальника Главного артиллерийского управления Красной Армии генерал-майор Г.К. Савченко; заместитель начальника Управления вооружений ВВС РККА дивинженер И.Ф. Сакриер и др. {518} Незавидной была участь и тех командиров и политработников, которые, избежав по счастливой случайности ареста в 1937 — 1938 годах, тем не менее по политическим мотивам были уволены из рядов РККА. Как правило, они влачили незавидное существование на малозначительных должностях в различных отраслях народного хозяйства. Не счесть числа писем и обращений, направленных ими в адрес наркома обороны с просьбой о возвращении их в кадры РККА. Но помимо названной была и еще одна специфичная категория комначсостава РККА, о которой далее и пойдет речь.

«Москва НКО

Маршалу Тимошенко

Ростов ДН 7/163 18 15 2227

Принята 15/2 1941 г.

Оправдан ходатайству о восстановлении РККА. Моя жизнь принадлежит партии Ленина Сталина. Бывший корпусной комиссар Березкин НР 7/163ДЛ Груздева в 23 20» [\[519\]](#)

«Начальнику Гл. Полит. Управления

Красной Армии

корпусной комиссар в запасе

Березкин Марк Федорович

Прошу Вас о восстановлении меня в кадрах Красной Армии. В Красной Армии я работал с мая 1919 года по октябрь 1937 г. на разных политдолжностях от политрука до н-ка политуправления округа (ХВО).

Последние пять лет работал по линии ВВС. В 1937 г. был переведен на командную работу и назначен командующим ВВС СКВО.

За все 19 лет службы в Красной Армии имею положительные аттестации. Дисциплинарных и партийных взысканий не имею.

С 15 декабря 1937 г. по 15 февраля 1941 г. находился под следствием.

Судом оправдан, в партии восстановлен без взыскания.

Сейчас я на пенсии НКО за выслугу лет и работаю по командировке Кировского РК ВКП (б), г. Москва, в промкооперации директором трикотажной фабрики «Красная Звезда», г. Москва.

По партийной работе — пропагандист и агитатор Кировского РК ВКП (б).

В 1941 г. я возбуждал ходатайство перед Гл. Управлением ВВС об определении меня на командную работу в ВВС, но ходатайство мое удовлетворено не было, по причинам от меня не зависящим.

Возбуждал я ходатайство в 1941 г. и перед Вами. Решение вопроса было отложено Вашим управлением кадров в связи с утерей мною партбилета.

Партколлегия МК ВКП(б) вынесла решение о выдаче мне партбилета и 3 февраля 1942 г. я получил новый партбилет № 4250856 в Кировском РК ВКП(б) г. Москвы.

Личное дело на меня имеется в Управлении кадров Гл. Полит. Управления, в Управлении кадров Гл. Управления ВВС и в Кировском райвоенкомате г. Москвы...

Вся моя жизнь прошла в Кр. Армии. Я вырос в армии, воспитан армией, люблю и знаю, полагаю, военное дело и политработу в Армии.

Я — член ВКП(б) с апреля 1919 г., с 17-летнего возраста. Вся моя жизнь принадлежит партии Ленина — Сталина.

Я хочу в рядах Красной Армии, на фронте, где сочтет нужным ЦК партии, принять участие в активной борьбе с фашизмом за Родину, за Сталина!

Корпусной комиссар Марк Березкин

3.3.1942

Москва, Валовая, 8, ф-ка «Красная Звезда»[{520}](#)

Полностью оправданный судом корпусной комиссар М.Ф. Березкин многократно обращается в различные высшие органы с одной-единственной просьбой — поскорее восстановить его в кадрах Красной Армии и предоставить ему возможность в условиях войны применить на практике богатый запас знаний и навыков организаторской и воспитательной работы. Подобного содержания письма он направил: в 1941 году — командующему ВВС РККА генералу П.Ф. Жигареву и начальнику Главного Политуправления Красной Армии армейскому комиссару 1-го ранга Л.З. Мехлису, в 1942 году — секретарям ЦК ВКП(б) Г.М. Маленкову и А.С. Щербакову, заместителю наркома обороны армейскому комиссару 1-го ранга Е.А. Щаденко; в 1943 году — снова начальнику ГлавПУРа (дважды), секретарю ЦК ВКП(б) И.В. Сталину. Но все безрезультатно!

Березкин недоумевает: почему так долго рассматриваются его заявления, когда на фронте сложилась такая тяжелая обстановка и налицо острая нехватка командных и политических кадров? Почему ему продолжают не доверять, когда советский суд его полностью оправдал по всем пунктам обвинения? Ему не суждено было знать содержание разговоров в высоких московских кабинетах по поводу его писем и обращений о возвращении в ряды РККА. А разговоры там происходили весьма интересные.

Для примера обратимся к его письму на имя Е.А. Щаденко, который, кстати, хорошо знал Березкина по довоенной службе, когда последний в 1935 — 1937 годах исполнял обязанности помполита в Управлении ВВС РККА. Это письмо по содержанию аналогично всем предыдущим обращениям Березкина в высшие партийные и военные инстанции: все та же просьба о восстановлении в кадрах РККА и предоставлении возможности внести посильный вклад в победу над врагом, посягнувшим на свободу и независимость Родины. Приведем только некоторые фрагменты из этого документа и резолюции высоких должностных лиц из НКВД и ПУРККА.

Березкин пишет: «С 15.ХП.1937 г. по 15.11.1941 г. был под следствием и содержался под стражей. Я не знал за собой никакой вины... После 3-летнего следствия я был оправдан судом, освобожден и восстановлен в ВКП(б). В день освобождения я возбудил ходатайство о восстановлении меня в кадрах Красной Армии. Однако вот уже год, (как) мои просьбы остаются без ответа.

Почему во время Отечественной войны, когда так нужны преданные партии и тов. Сталину кадры Красной Армии, я, имея почти 20-летний опыт и известные знания, должен оставаться вне рядов Армии? В чем моя вина?

...Я работаю в Москве, с 1941 г. директор фабрики «Красная Звезда» в Кировском районе... Кировский РК ВКП(б) может дать справки о моей работе. Но я неудовлетворен своей работой. Вся моя жизнь прошла в рядах Красной Армии. Я знаю и люблю армию и хочу работать в армии. Тем

более сейчас, в обстановке войны, когда Родина отдает все кадры и силы делу укрепления армии для победы над фашистским зверьем.

Я готов работать в армии на любой работе, куда Вы сочтете нужным назначить...»[\[521\]](#)

Письмо, написанное 20 марта 1942 года, через неделю (27 марта) за соответствующим номером регистрируется в секретариате заместителя НКО по кадрам. В тот же день Щаденко, прочитав его, направляет это письмо в Главное Политуправление РККА, сделав на нем весьма характерную резолюцию. Вернее, не резолюцию, а записку заместителю начальника ГлавПУРа Ф.Ф. Кузнецову: «Оказывается, у Вас в запасе много еще кадров, причем матерых кадров, а Вы все жалуетесь на нехватку людей. Боже мой, боже мой!»

Слова «матерых» и «боже мой» Щаденко специально выделил в тексте подчеркиванием, причем слово «матерых» он подчеркнул двумя жирными линиями. Однако, несмотря на слезные просьбы Березкина, Щаденко так и не стал сам решать его судьбу, а переадресовал его письмо в ГлавПУР. Он даже не высказал своего мнения по существу изложенного в нем вопроса, не изъявил ни малейшего желания дать хоть какую-то характеристику просителю, которого хорошо знал, что было бы весьма важно для положительного разрешения просьбы Березкина. Щаденко просто, как самый заурядный чиновник, переадресовал письмо в ГлавПУР и после совсем не интересовался этим делом.

Во время войны прохождение документов в центральном аппарате НКО было организовано четко. Уже через два дня заместитель Мехлиса армейский комиссар 2-го ранга Ф.Ф. Кузнецов, получив письмо Березкина с резюме Щаденко, делает на нем не менее примечательную резолюцию: «Пусть сидит в запасе». Эта резолюция, обязательная для исполнения, была адресована дивизионному комиссару Н.В. Пупышеву — начальнику Управления кадров Главного Политического управления Красной Армии.

Нет, не такого решения ожидал Марк Федорович Березкин! Вот так — пусть и далее сидит в запасе! Пусть сидит, даже если на фронте налицо острейшая нехватка квалифицированных политических кадров во всех без исключения звеньях. Пусть сидит в тылу, возглавляя артель в системе наркомата местной промышленности, опытный военный с тремя ромбами на петлицах, получивший богатую практику организаторской и идеологической работы на всех без исключения ступеньках службы в войсках — от полка до округа. Такое нерациональное использование кадров в НКО и ГлавПУРе во времена господства там людей типа Щаденко и Мех-лиса наглядно характеризует их стиль деятельности.

В 1986 году в Воениздате вышла книга воспоминаний упомянутого выше Н.В. Пупышева. Разумеется, описанный эпизод со злоключениями М.Ф. Березкина не нашел там своего отражения. Однако нам важен в мемуарах Пупышева не сам единичный случай с Березкиным, а общий подход к данной проблеме.

Из доклада Н.В. Пупышева вновь назначенному начальнику ГлавПУРа А.С. Щербакову о состоянии кадров политсостава Красной Армии (июнь 1942 года): «Я доложил, что мы испытываем большие трудности из-за недостатка политработников, особенно на южных фронтах»[\[522\]](#). И далее: «Мы встречали затруднения при подборе начальников политотделов армий, потому что не сумели создать реального резерва на выдвижение...»[\[523\]](#) (А бывший начальник политуправления округа в это же самое время руководит промартелью, вместо того чтобы возглавлять политотдел одной из этих армий!).

Об этом же самом через несколько страниц: «Помнится, летом 1942 года много трудностей мы испытывали из-за отсутствия кадровых резервов на выдвижение...»[\[524\]](#) Идет речь у Пупышева и о новых формированиях: «Чтобы возместить потери, укомплектовать политработниками новые формирования, создать необходимый резерв кадров, нужны были постоянные пополнения. Но подготовка и переподготовка кадров связаны с дополнительными расходами...»[\[525\]](#)

Удивлению нет предела — в запасе без любимого дела сидят десятки высокоподготовленных политработников высшего и старшего звена, они слезно просят различные партийные, советские и военные инстанции о возвращении их в кадры РККА, соглашаясь на любую работу. Даже со значительным понижением по службе по сравнению со своей должностью до увольнения из рядов армии. А в это время ЦК ВКП(б), стремясь заткнуть брешу в кадрах политсостава, специальным своим решением направляет в армию 500 секретарей ЦК компартий союзных республик, краевых и областных комитетов, горкомов и райкомов, 270 ответственных работников аппарата ЦК партии, 1265 работников областного и районного звена, входивших в номенклатуру ЦК ВКП(б). С Ленинских курсов, из Высшей школы партийных организаторов и Высшей партийной школы в распоряжение ГлавПУРа прибыло около 2500 партийных работников[\[526\]](#).

Слов нет, то были неплохие работники, хотя и молодые по возрасту и опыту работы в занимаемых должностях. В общем, типичные партийные выдвиженцы тех лет. Однако опыта работы в войсках и соответствующего военного образования у абсолютного большинства этих людей не было. В лучшем случае то был опыт срочной военной службы или краткосрочные курсы политсостава при политучилище или Военно-политической академии имени В.И. Ленина. Например, как у начальника политотдела 18-й армии бригадного комиссара Л.И. Брежнева.

Вот при таком раскладе с кадрами Федор Федотович Кузнецов, сам, кстати, призванный в 1937 году из запаса, налагает резолюцию: «Пусть сидит в запасе». И сидели годами там, возглавляя артели местпрома и другие малозначительные организации, постоянно ощущая на себе укорищенные взгляды солдатских вдов, жен и матерей, испытывая жгучее желание поскорее вырваться в действующую армию или хотя бы в систему подготовки кадров для нее. Помимо М.Ф. Березкина, сидел в запасе корпусной комиссар А.А. Булышкин — в Гражданскую войну военком 25-й Чапаевской дивизии, а после войны — начальник политотдела Каспийской военной флотилии, член Военного совета и начальник политуправления Тихоокеанского и Балтийского флотов. Пребывали в запасе дивизионные комиссары П.П. Богданов и А.В. Усатенко. Оба они до увольнения их из армии длительное время работали помполитами корпусов: первый в Киевском, а второй — в Харьковском военных округах.

Бывший старший инспектор ПУРККА дивизионный комиссар С.Ф. Котов, уволенный в запас в июне 1938 года, работал председателем профкома учебного комбината Управления торговли г. Москвы. После суда, оправдавшего его за недоказанность вины, сидел в запасе, работая в Узбекистане на хозяйственной должности, бригадный комиссар Н.С. Еникеев — бывший военком Омской пехотной школы. С 1937 года был отлучен от любимого дела комбриг Н.Л. Маркевич — бывший командир 2-й кавалерийской дивизии червоного казачества.

Начало войны и стремительное продвижение немецких войск вглубь СССР возродили в стране движение за создание народного ополчения. Его батальоны, полки и дивизии стали формироваться в первую очередь в крупных промышленных и научных центрах Советского Союза — Москве, Ленинграде, Киеве, Одессе, Днепропетровске и других городах. Неудивительно, что бывшие кадровые военные, не по своей воле находившиеся в запасе, одними из первых изъявили желание вступить в подобные добровольческие формирования. Так, комбриг

В.А. Малинников, бывший командир железнодорожной бригады, стал командиром 1-й дивизии, а корпусной комиссар А.А. Булышкин — военным комиссаром 6-й дивизии ленинградского ополчения^[527].

Упомянутый выше П.П. Богданов назначается командиром корпуса народного ополчения, сформированного в Днепропетровске^[528]. Этот перечень можно продолжать и далее, но мы делать этого не будем. Дело в том, что другая часть бывших военнослужащих, находившихся в запасе к началу Великой Отечественной войны, не была допущена даже в народное ополчение. Политические обвинения, отвергнутые судом, на деле продолжали свое черное дело.

Названные примеры говорят за то, что в ряде случаев при подобных назначениях более или менее адекватно учитывались предыдущая служба командира запаса, его боевой опыт и полученное военное образование. Однако в целом ряде случаев командиры и политработники, добившись после оправдания по суду возвращения в ряды Красной Армии, так и не получили должностей, соответствующих их опыту и знаниям. О корпусном комиссаре А.А. Булышкине мы упомянули. Другой пример — бывший начальник политуправления Харьковского военного округа дивизионный комиссар И.С. Балашов в начале войны получил всего-навсего должность начальника политотдела 2-й кавалерийской дивизии. Заметим — даже не военкома дивизии (эту должность тогда занимал политработник в звании полкового комиссара, т.е. на две ступени ниже Балашова), а только начподива. Налицо полнейший для армейской среды абсурд — дивизионный комиссар подчинялся полковому комиссару. И такие случаи, к сожалению, не являлись в те времена редкостью. Говоря о политработниках высшего звена, скажем, что сидел в запасе и бывший начальник отдела кадров ПУРККА бригадный комиссар М.Е. Пивоваров, работая начальником отдела снабжения на одном из московских заводов.

Значительно больше повезло тем из комначсостава, которые, чудом вырвавшись из застенков НКВД, вернулись в родную им Красную Армию, будучи назначены на административно-хозяйственные должности. Но и подобные назначения подчас проходили с определенными трудностями, обусловленными так и не изжитым по отношению к этим людям политическим недоверием.

Об одном из таких случаев рассказал генерал-лейтенант в отставке И.В. Сафронов. До своего ареста летом 1938 года он в Киевском военном округе работал в должности заместителя командира стрелкового корпуса по политической части, имея воинское звание «дивизионный комиссар». В своей книге мемуаров «За фронтом — тоже фронт» он, не желая, видимо, разжигать страсти по теме репрессий, даже словом не упомянул о тех долгих и мучительных месяцах, что ему довелось в 1938 — 1939 годах провести под следствием. Однако желание высказаться до конца у него оставалось. Несмотря на прошедшие шесть десятилетий, его впечатления о тех днях и событиях были так же свежи, как будто все это произошло только вчера. В интервью, данном корреспонденту «Красной Звезды» в марте 1996 года, Иван Васильевич поведал о своей «одиссее»:

— Я думаю, что после двух лет отсидки, нескончаемых допросов меня потому и отпустили, что я, несмотря ни на угрозы, ни на различные посулы, ничего не признал и ничего не подписал^[529].

Выйдя из тюрьмы, Сафронов сразу же вступил в борьбу за свое честное имя. Дошел до Тимошенко, тогдашнего наркома обороны, благо что служебные пути с ним ранее перекрещивались. Тот пригласил Мехлиса, начальника ПУРККА, который изрек: «У меня вакансий нет». Тогда нарком вызвал главного армейского кадровика Ефима Щаденко. Тот сначала отправил

Сафронова в Сочи «на восстановление», а потом предложил всего-навсего должность заместителя интенданта Харьковского военного округа. И это несмотря на то, что как Тимошенко, так и Щаденко хорошо знали замполита 17-го стрелкового корпуса Сафронова по совместной службе в Киевском военном округе, когда первый был командующим, а второй — членом Военного совета.

Великую Отечественную войну генерал-лейтенант интендантской службы И.В. Сафронов закончил в должности заместителя командующего 2-м Белорусским фронтом по тылу.

В книге «Военные кадры Советского государства в Великой Отечественной войне 1941 — 1945 гг.», подготовленной коллективом Главного управления кадров Министерства обороны СССР, отмечается, что 1941 и 1942 годы были самыми трудными в решении проблемы обеспечения действующей армии офицерскими кадрами. Трудности эти усугублялись еще и тем, что решать данную проблему приходилось в сжатые сроки и в условиях, когда войска отступали, оставляя на территории, занятой противником, значительные ресурсы офицеров запаса. Статистические данные Главного управления кадров МО СССР свидетельствуют о том, что самое большое количество потерь в офицерском составе армия и флот понесли именно в первые два года войны: более 50% всех его потерь за весь период Великой Отечественной войны{530}.

Наиболее острый недостаток ощущался прежде всего в командном составе сухопутных войск, так как стрелковые части несли наибольший урон. Например, потери в командном составе пехоты составляли 50% общих потерь в офицерском составе. Велики были потери и среди руководящих кадров. Достаточно сказать, что в 1942 году погибло 11 командиров корпусов, 76 командиров дивизий, 16 командиров бригад{531}.

Если все потери офицерского состава за период Великой Отечественной войны распределить по его категориям (командный, политический, технический, административный, медицинский, юридический и т.п.), то наибольшее количество их выпадает на долю командного и политического состава (89,7%). Это вполне объяснимо, так как именно они, эти кадры, прямо и непосредственно участвовали в сражениях с врагом и, следовательно, несли большие потери{532}.

Огромные потери имели и Военно-Воздушные Силы, прежде всего в летном составе. Там в течение 1942 года погибло 6178 летчиков, что составляло около 24% общего числа боевых экипажей действующей армии. Также следует отметить, что потери летного состава в 1942 г. по сравнению с 1941 г. по абсолютной величине возросли более чем на 1700 человек{533}.

Командные кадры требовались не только для восполнения потерь в действующей армии, но и для проведения ряда организационных мероприятий, направленных на дальнейшее развертывание Вооруженных сил СССР и усиление их боевой мощи. В частности, авиационная промышленность, раньше других восстановившая после эвакуации свои заводы, начала поставлять Военно-Воздушным Силам во всё возрастающих количествах боевые самолеты, не уступающие немецким по своим летным качествам и вооружению. К тому же война показала, что принятая доселе система деления авиации на войсковую, армейскую и фронтовую себя не оправдала. Поэтому было признано целесообразным свести весь парк самолетов во фронты в воздушные армии, которые начали формироваться в мае 1942 года. Всего же было сформировано 17 воздушных армий{534}.

Со второй половины 1942 года происходит не только усиление действующей на фронтах авиации, но и создание резервных авиационных корпусов. С сентября и до конца 1942 года было сформировано девять таких корпусов, а в дальнейшем — еще двадцать три. Эти корпуса состояли,

как правило, из 2 — 3 дивизий. Таким образом, был создан мощный авиационный резерв Ставки, которым можно было маневрировать и быстро сосредоточивать превосходящие авиационные силы на решающих направлениях^[535].

Приведенные выше факты лишней раз свидетельствуют о том, что при сложившемся положении с кадрами в ВВС РККА найти место опальному корпусному комиссару Березкину не составляло особого труда, будь то командная или политическая работа. Тем более что на большие должности в центральном аппарате, а также в войсках он не претендовал.

Не возлагая особо больших надежд на руководство наркомата обороны, Березкин, отправив письмо на имя Е.А. Щаденко, посылает аналогичное заявление в адрес Г.М. Маленкова — секретаря ЦК ВКП(б), курирующего кадры высшей номенклатуры. Суть заявления — в последних его строчках: «Как хозяйственник и партработник, делаю все, что могу, чтобы помочь фронту громить ненавистных оккупантов. Но своей работой не удовлетворен. Мог бы в армии принести больше пользы. Хочу в Красную Армию на любую работу, куда пошлет ЦК или НКО.

Лично прошу о направлении в действующую армию...»

Как и в первом случае (с Е.А. Щаденко), это письмо также дошло до адресата. Маленков дал поручение Управлению кадров ЦК ВКП(б) разобраться с делом Березкина. Оттуда письмо переправили в ГлавПУР. И так, все вернулось на круги своя — позицию ГлавПУРа мы уже знаем. В ответе заведующему отделом военных кадров Управления кадров ЦК партии, подписанном упомянутым выше дивизионным комиссаром Н.В. Пупышевым, в качестве основного аргумента звучит следующее: «ГлавПУРККА считает, что в настоящее время использовать его (Березкина. — Н. Ч.) на политработе в Армии, в соответствии с его военным званием, не представляется возможным»^[536].

Формальным поводом для такого отказа в ведомстве Мехлиса — Щербакова послужило то, что Березкин свыше пяти лет не находился на партийно-политической работе. А почему такое случилось и кто в этом виновен — там, как видно из документов личного дела и переписки ГлавПУРККА с опальным корпусным комиссаром, никого это не волновало.

Все отрицательные ответы официальных инстанций на свои письма Березкин получил. Но он не сдаётся, продолжая напоминать о себе и своей просьбе И.В. Сталину, секретарям ЦК ВКП(б) А.А. Андрееву и Г.М. Маленкову, наркому внутренних дел СССР Л.П. Берия и другим руководителям партии и правительства, с которыми до войны ему приходилось не раз встречаться на торжественных мероприятиях, посвященных триумфу советской авиации. Но все было тщетно, особенно когда у руля ГлавПУРККА стоял известный в армии и стране борец с врагами народа Л.З. Мехлис.

Когда Мехлиса сняли с должности начальника ГлавПУРККА и на его место заступил секретарь МГК А.С. Щербаков, у Березкина вновь затеплилась надежда на изменение своей участи к лучшему. Он одно за другим направляет Щербакову несколько писем-жалоб с той же просьбой — отправить его на фронт, резонно задавая тому вопрос, на который хочет получить такой же определенный ответ: «Почему сейчас, в условиях Отечественной войны, я должен оставаться вне рядов армии и работать в артели, когда армии так нужны опытные кадры?.. В армии, на фронте я могу быть использован гораздо целесообразнее...»

И далее: «Мне стыдно сейчас быть вне рядов армии, наряду со стариками и инвалидами. Мне, корпусному комиссару, с орденом Ленина на груди стыдно во время Отечественной войны

советского народа отсиживаться в артели. Меня работницы артели спрашивают, почему я во время войны не в армии, раз я так много лет работал в армии раньше. Что я им могу ответить? Сказать, что меня не берут? Почему?

Может быть, мое высокое воинское звание является препятствием? Трудно подыскать соответствующую работу? Если меня сейчас используют председателем артели, то очевидно, что в армии я безоговорочно пойду на любую работу, лишь бы она была мне по силам, независимо от моего высокого звания...»[\[537\]](#)

Измученный до предела ожиданием решения своей участи, Березкин в сентябре 1943 года в очередном своем обращении к А.С. Щербакову вполне сознательно пишет: «...Если я не могу служить в армии на командно-политической работе, прошу Вас разрешить принять меня рядовым бойцом. Мне 42 года, возраст призывной...»[\[538\]](#)

В частности, Марк Федорович и не так уже и настаивал именно на политической работе. Он несколько раз напоминал, что у него есть и опыт командной деятельности в войсках, что он в свое время на «отлично» сдал курс вождения танков БТ, Т-26 и Т-27.

Конечно, рядовым солдатом его никто бы на фронт не отправил — на дворе уже был не сорок первый год и время народного ополчения кануло в Лету. Однако и на должности высшего и старшего комначсостава его не торопились назначать. И только в конце 1943 года, когда прошло более двух лет после начала войны, Березкин все-таки «допек» высокое начальство, хотя на фронт, в действующую армию, его так и не пустили. А пришлось довольствоваться малым — службой в Гражданском Воздушном Флоте, основные силы которого в годы войны входили в состав Авиации дальнего действия (АДД) Красной Армии. Одним словом, некоторое моральное удовлетворение Березкин этим назначением все же получил.

Пришлось довольствоваться малым как в должности, так и в воинском звании. В отношении должности — приказом Главного управления ГВФ от 23 декабря 1943 года Березкин назначается исполняющим обязанности начальника Азербайджанского управления ГВФ. В 1944 году он уже полномочный начальник этого управления, которым руководит до августа 1945 года. Что же касается воинского звания, то следует сказать по этому поводу несколько подробнее. И вот почему. При переаттестации политсостава РККА в конце 1942 года и присвоении ему системы воинских званий, аналогичных командному составу, большинство политработников, в том числе и действующей армии, в этом плане серьезно пострадало, получив, как минимум, знаки различия на одну ступень ниже, нежели следовало ожидать, исходя из количества ромбов или «шпал» на их петлицах.

Например, не все корпусные комиссары получили причитающиеся им звание генерал-лейтенанта — многие стали только генерал-майорами. Такое же звание получали и дивизионные комиссары, находившиеся на соответствующей должности политсостава. За исключением нескольких случаев, все бригадные комиссары, относившиеся к «генеральскому» звену политсостава, стали всего лишь полковниками (пример Л.И. Брежнева).

У Березкина были все основания на получение чисто генеральского звания — три ромба на его петлицах позволяли это сделать вне всякого сомнения и без всяких проволочек, к тому же и предыдущие командные и политические должности, занимаемые им в РККА, говорили за то, что уж на генерал-майора он смело мог претендовать. Однако не тут-то было...

Какие уж там велись переговоры и какая переписка по этому вопросу велась, нам пока неизвестно, но остается несомненным фактом то, что должность и.о. начальника Азербайджанского управления ГВФ в конце 1943 года принимал не кто иной, как подполковник М.Ф. Березкин. Да, да, подполковник Березкин!.. Видимо, у Марка Федоровича не было иного выбора, как согласиться на такой вариант решения вопроса о его возвращении в ряды Красной Армии. Но подполковник!.. Две звезды старшего офицера на погонах вместо прежних трех «генеральских» ромбов!.. Так Березкин опустился на четыре ступени вниз...

В Гражданском Воздушном Флоте Березкин прослужил около десяти лет. После Азербайджана он работал в центральном аппарате — сначала заместителем начальника Управления капитального строительства ГВФ, а затем в такой же должности в Управлении материально-технического снабжения. С середины 1947 года и вплоть до своей кончины в мае 1951 года полковник Березкин руководил Красноярским управлением ГВФ. Все эти годы он не отказывался от своего намерения возвратиться в ряды Военно-Воздушных Сил. Свидетельством тому служат неоднократные обращения Березкина с такой просьбой к Министру Вооруженных Сил СССР, Главкому ВВС и руководству ГВФ.

В его личном деле на данную тему имеется любопытный документ, датированный 10 октября 1948 года и адресованный начальнику Красноярского управления ГВФ подполковнику М.Ф. Березкину. Это официальный ответ из Главного управления Гражданского Воздушного Флота на его письмо Н.А. Булганину.

«Сообщаю резолюцию начальника ГУ ГВФ генерал-лейтенанта тов. Байдукова на Вашем личном письме, посланном на имя Министра Вооруженных Сил СССР Маршала Советского Союза т. Булганина 1 октября 1948 г.:

«Т. Березкину. Письмо Ваше, направленное на имя тов. Булганина, я прочитал и считаю:

1. Что вопрос с офицерским составом в ГВФ уже решен Правительством и Вам я об этом говорил по телефону. 2. Переход в Армию непосредственно на командную должность в ВВС нецелесообразен, имея в виду крайнюю необходимость сохранения руководящих кадров в ГВФ. Байдуков. 19.10.48»[\[539\]](#)

Получив такой ответ из Москвы, подписанный начальником секретариата ГУГВФ майором В. Казаковым, Березкину почему-то вспомнились события десятилетней давности. Некоторые сцены из той далекой довоенной жизни, когда советская авиация семимильными шагами поднимала себя до мирового уровня. Это было тогда, когда корпусной комиссар Березкин, помощник начальника Управления ВВС РККА по политической части, впервые познакомился с молодым летчиком-испытателем капитаном Егором Байдуковым, включенным в состав экипажа Валерия Чкалова, готовившегося к проведению рекордного перелета на дальность. Тогда — три ромба у Березкина и одна капитанская «шпала» у Байдукова. Сейчас — две звезды подполковника у Марка Федоровича и тоже две звезды, но генеральские у Георгия Филипповича. И соответствующий им тон разговора! Вот так меняются времена!

Но для М.Ф. Березкина время как бы остановилось или, более того, подалось вспять. Ибо ни в работе, ни в должности и в звании у него все эти годы не было никакого движения вперед. Отсюда и общая неудовлетворенность собой, своей работой, своей жизнью. Все это, вместе взятое, безусловно, самым серьезным образом отразилось на состоянии его здоровья — ведь умер Березкин сравнительно молодым, когда ему было всего сорок девять лет.

Слово о Ворошилове

Рассматривая репрессии против командных кадров Красной Армии в 1937 — 1938 годах как одну из самых мрачных страниц ее истории, никак нельзя при этом обойти вниманием роль и место К.Е. Ворошилова. Личность названного деятеля из ближайшего окружения Сталина, в определенные периоды их взаимоотношений — его близкого товарища, давшего за годы пребывания на посту наркома обороны санкцию на арест многих сотен, если не тысяч своих боевых соратников, нуждается в особом повествовании. Разумеется, не таком, как посмертный панегирик А. Акшинского^[540]. И даже не таком, как вышедшее в серии «Жизнь замечательных людей» исследование В. Кардашова^[541]. Выдержанные в мажорных тонах, эти книги страдают своей явной односторонностью, преобладанием только розового цвета. В них почти ничего не говорится о недостатках в служебной деятельности Ворошилова, об отрицательных качествах его характера и стиля деятельности, в том числе на посту наркома обороны СССР. И совершенно не рассматривается проблема «вклада» первого маршала в разгром командных, политических, инженерно-технических кадров РККА в 1937 — 1938 годах. В данной главе мы постараемся в определенной мере восполнить этот пробел.

В нашем повествовании уже приходилось обращаться (главы «В Красной Армии врагов вообще немного...», «Маршал Егоров», «Боевые подруги» и др.) к личности бывшего наркома обороны (1925 — 1940), его поступкам и словам в годы Большого террора. Казалось бы, вышеприведенный материал достаточно полно характеризует этого «видного» функционера ВКП(б) — КПСС. И тем не менее мы будем не правы, ограничившись только изложенным, ибо еще невозможно на сегодняшний день исчерпать до конца, высветить все грани мозаики общественно-политической жизни страны в незабвенные 30-е годы. Как, впрочем, невозможно до глубины, до самого доньшка, разобраться во всех сложностях и перипетиях характера человека, его личностных взаимоотношениях с другими людьми.

Роль маршала Ворошилова в советской военной истории получила к настоящему моменту времени достаточно однозначную оценку. Занимая в течение 15 лет пост народного комиссара по военным и морским делам (с 1934 по май 1940 г. — наркома обороны), он, безусловно, внес определенный свой вклад в дело строительства и развития вооруженных сил страны. Надо отметить, что Ворошилов имел неплохие качества комиссара и задатки организатора, которых ему вполне хватало для исполнения обязанностей члена Реввоенсовета армии в Гражданскую войну и даже командующего войсками округа в период сокращения Красной Армии. Но их оказалось явно недостаточно, когда началась военная реформа с ее широкой программой механизации и моторизации РККА, пересмотром устаревших (и устоявшихся) взглядов на способы ведения боя и операции, на взаимодействие родов войск, формы обучения и воспитания личного состава.

К тому же уровень военной подготовки самого наркома и председателя Реввоенсовета СССР совершенно не соответствовал требованиям к руководителю военного ведомства государства. Специального военного образования Ворошилов не имел, да, откровенно говоря, и не стремился к этому, тяготясь своей работой в военное ведомство. Мы уже приводили на этот счет его письмо к Сталину. О нежелании Ворошилова повышать свои военные познания говорит хотя бы тот факт, что он за все двадцать лет межвоенного периода (1920 — 1940) так и не удосужился хотя бы раз пройти обучение на Высших академических курсах (ВАК) или КУВНАС (Курсах усовершенствования высшего начальствующего состава). Не говоря уже о программе военной академии. Это был не Петр Первый, который за знаниями ездил даже за границу. Далекو ему было и до Михаила

Фрунзе, этого удивительного самородка, талантливого как в теории военного дела, так и в его практике.

Общее образование наркома ограничивалось двухгодичной земской школой. Что же касается военной подготовки, то он, будучи уже два года наркомвоенмором, в 1927 году так оценивал ее: «Я — рабочий, слесарь по профессии, и не имею специальной военной подготовки. Я не служил в старой армии. Моя военная «карьер» началась с того, что в 1906 — 1907гг. я перевозил нелегально оружие в Донецкий бассейн и там строил вместе со всей нашей организацией большевистские военные дружины»[\[542\]](#).

Известна невысокая оценка В.И. Лениным полководческих «талантов» Ворошилова на посту командующего 10-й армией в Царицыне в 1918 году. В частности, вождь партии отмечал его грубые ошибки в оценке военно-политической и стратегической обстановки, критиковал его за приверженность к отжившим формам партизанщины, за пренебрежение к принципам военного искусства и опыту военных специалистов. Особой критике Ленин подверг ворошиловский метод достижения поставленных целей ценою неоправданных потерь в живой силе и технике.

Ворошилов многие годы оставался «на плаву» исключительно благодаря всесторонней поддержке его со стороны Сталина. Только и только поэтому он смог полтора десятка лет занимать должность народного комиссара обороны СССР, хотя с годами, в условиях бурного развития военной теории и средств вооруженной борьбы, все более отчетливо просматривалась его непригодность как руководителя военного ведомства. В этом отношении, на наш взгляд, весьма справедлива характеристика Ворошилова, данная маршалом Г. К. Жуковым. Она приводится в записи Константина Симонова: «Он (Ворошилов. — Н. Ч.) так до конца и остался дилетантом в военных вопросах и никогда не знал их глубоко и серьезно. Однако занимал высокие посты, имел претензии считать себя вполне военным и глубоко знающим военные вопросы человеком»[\[543\]](#).

Маршал Ворошилов не любил касаться темы репрессий против командного состава Красной Армии в бытность его наркомом обороны, особенно во второй половине 30-х годов. Современники утверждают, что он всячески уходил от нее, если даже такой вопрос задавался ему в прямой постановке. Видимо, чувство личной вины за содеянное все же довлело над его совестью, и он, страшась ответственности за невинно погубленные жизни лучших представителей «красных офицеров», все время пытался свалить весь грех на своего патрона — И. В. Сталина. Вот как описывает такие попытки военный историк генерал-лейтенант Н.Г. Павленко: «В начале 60-х годов мне неоднократно доводилось встречаться с Ворошиловым. Он охотно рассказывал о своем жизненном пути, не уклонялся даже от того, как он оказался в одной из пещер Кисловодска на совещании участников «новой оппозиции» во главе с Зиновьевым. Но когда в ходе беседы речь заходила о репрессиях 1937 — 1938 годов, он как-то сразу тушевался и отвечал на вопросы весьма сдержанно. Однажды я его спросил: сожалел ли когда-либо Сталин о гибели выдающихся полководцев? Вот что он ответил:

— Сталин не столько сожалел об их гибели, сколько стремился возложить ответственность за этот тяжкий грех на одного меня. Конечно, я с этим согласиться не мог и всегда отбивался.

Ворошилов не хотел признавать своей вины в разгуле репрессий. Он пытался переложить ее на других. «Решение о расправе над Тухачевским и другими, — продолжал он, — навязали нам Сталин, Молотов и. Ежов»[\[544\]](#).

Совсем иначе оценила деятельность Ворошилова комиссия Политбюро ЦК КПСС по дополнительному изучению материалов, связанных с репрессиями, имевшими место в период 30 — 40-х и начала 50-х годов. Так, в записке, подготовленной ею в декабре 1988 года, дается персональная оценка степени участия в указанных репрессиях лиц, входивших в руководство ВКП(б) и Советского правительства. В этом «черном» списке Ворошилов входит в пятерку наиболее запачканных кровью невинных жертв сталинской системы. Впереди него, помимо Сталина, стоят лишь такие одиозные личности, как Молотов, Каганович и Берия.

Проанализируем, как «смотрится» Ворошилов на фоне так называемых списочных (альбомных) дел. В первой книге мы упоминали о распространенной во второй половине 30-х годов преступной практике, заключавшейся в том, что в НКВД составлялись специальные списки (альбомы) лиц, дела которых подлежали рассмотрению в Военной коллегии или в Особом совещании. Причем им заранее (до суда) определялась мера наказания. Она подразделялась на три категории: первая — расстрел, вторая — заключение в места лишения свободы на срок от 8 до 25 лет, третья — заключение в исправительно-трудовой лагерь сроком до 8 лет или высылка в отдаленные районы страны.

Эти списки НКВД направлял лично Сталину, который вместе с другими членами Политбюро ЦК ВКП(б) изучал и визировал их. В настоящее время обнаружена лишь часть таких списков, но и обнаруженная цифра, давая лишь некоторое представление о масштабах разгула репрессий в стране, потрясает воображение. За 1937 — 1938 годы таких списков найдено 383. На них имеются собственноручные резолюции членов Политбюро, содержащие не только согласие с предлагаемыми мерами репрессий, но и поощрение действий карательных органов. Из этих 383 списков Сталиным подписано 362, Молотовым — 373, Ворошиловым — 195, Кагановичем — 191. Имеются также подписи А. А. Жданова, А.И. Микояна, Н.И. Ежова, С.В. Косиора. Например, из 44 тысяч человек, включенных в названные 383 списка (это, как правило, видные работники партии, военные деятели, руководители производства, в том числе оборонной промышленности), 39 тысяч подлежали осуждению по первой категории, 5 тысяч — по второй и только 102 человека — по третьей^{545}.

Комиссия ЦК КПСС однозначно утверждает, что «Ворошилов несет прямую ответственность за то, что в 1937 — 1939 годах по сфальсифицированным материалам были обвинены в участии в так называемом «военно-фашистском заговоре» многие видные деятели и командиры Красной Армии». В архиве КГБ выявлено свыше 300 санкций Ворошилова на арест крупных военачальников. Только запросы и справки НКВД СССР, направленные в 1937 — 1938 годах на его имя о санкционировании увольнений и арестов командных кадров РККА, составляют 60 томов. В ряде случаев Ворошилов сам являлся инициатором репрессий в отношении лиц высшего состава (примеры И.Ф. Федько, В.М. Орлова, П.А. Смирнова)^{546}.

Ставшие в настоящее время известными документы 20-х и 30-х годов свидетельствуют о том, как медленно нарком Ворошилов, нередко со значительным опозданием, поворачивался лицом ко всему новому в области военной науки и техники. Между тем независимо от его воли и желания в Красной Армии к началу 30-х годов сформировалась довольно большая группа теоретиков и практиков, достигших значительных успехов в области теории и боевого применения авиации, бронетанковых войск, ракетостроения, воздушного десантирования. Их знаниями Ворошилов, безусловно, не мог обладать, но вот вовремя поддержать энтузиастов, создать им необходимые условия для дальнейшей плодотворной работы, наконец вынести тот или иной вопрос на рассмотрение правительства — такие проблемы были вполне по плечу наркому обороны, к тому

еще и председателю Реввоенсовета страны (до 1934 г.). Однако он считал для себя зазорным и неприемлемым учиться у этих специалистов, прислушиваться к их мнению, часто не укладывающемуся в прокрустово ложе прежних, а потому привычных представлений. Вот если Сталин скажет «да», тогда совсем другое дело — в таком случае Ворошилов перечить уже не мог и начинал претворять в жизнь указания вождя.

Несмотря на то что к 1938 году Ворошилов уже более десяти лет возглавлял Вооруженные силы страны и руководством партии считался видным военным деятелем, знавшим как теорию, так и практику военного дела (к тому времени вышли из печати три издания его книги «Оборона СССР»), он, к великому сожалению, в нуждах обороны многого не понимал. Известно, например, что весной 1937 года на одном из заседаний Военного совета при наркоме обороны начальник Генерального штаба А.И. Егоров поднял вопрос о слабой оборудованности Западного театра военных действий. Для того чтобы хотя бы частично устранить этот недостаток, он предложил на случай колебания линии фронта в будущей войне подготовить командный пункт для штаба Западного фронта в Могилеве. Ворошилов с грубостью набросился на Егорова, обвинив его в пораженчестве и в попытках извратить доктрину «воевать только на чужой территории».

Чтобы избежать очередных разносов и обвинений в пораженчестве, руководство Генерального штаба (маршал Егоров, его заместители комкоры В.Н. Левичев и С.А. Меженинов) пытались проводить некоторые мероприятия оборонного характера втайне от наркома. Например, комкор Меженинов, обсуждая с соответствующими руководителями возможные варианты эвакуации военно-учебных заведений на восток в случае неудачного хода военных действий, крайне опасался, как бы об этом не узнал нарком. Но тому конечно же обо всем донесли, и Меженинов в глазах Ворошилова стал очередным «пораженцем» со всеми вытекающими отсюда последствиями [\[547\]](#).

Сейчас уже можно с полной уверенностью утверждать, что Ворошилов был полностью осведомлен о готовящихся арестах лиц высшего командно-начальствующего состава Красной Армии. Более того, телеграммами за его подписью или звонками от его имени намеченные к аресту военачальники вызывались в Москву якобы на «заседание» или «совещание», а в пути или по приезде в столицу они препровождались на Лубянку. Таким образом, Ворошилова необходимо по праву считать прямым пособником НКВД при исполнении злодейского замысла — уничтожения костяка Красной Армии, ее основы — руководящего командно-начальствующего состава.

О том, как арестовывали военачальников Красной Армии, скажем еще несколько слов. Уже отмечалось, что в НКВД продумывали буквально все до деталей, постоянно совершенствуя на основе накопленного опыта механизм работы репрессивного аппарата. Важным этапом в единой цепи действий органов НКВД являлось проведение ареста намеченного во «враги народа» того или иного военачальника. Особенно тех, кто имел в подчинении не только войсковые части и соединения, но и органы управления со средствами связи. К таковым в первую очередь относились командующие войсками военных округов, их заместители. Этим лицам, как правило, накануне ареста старались оторвать от штаба округа, вызвав в Москву якобы на служебное совещание или на беседу к наркому обороны на предмет нового назначения (пример И.Э. Якира, И.Н. Дубового, Я.П. Гайлита, М.К. Левандовского, С.А. Туровского, М.В. Сангурского). Или же, «заботясь о здоровье», отправляли на отдых в санаторий, нередко вместе с семьей (В.К. Блюхер, Е.И. Ковтюх, А.Я. Лапин), где и подвергали аресту.

О подробностях ареста Якира спустя четверть века поведал его сын, а тому, в свою очередь, рассказал об этом порученец командарма В.А. Захарченко. Салон-вагон, в котором Якир ехал в Москву, был отцеплен от поезда в Брянске. В купе, где он отдыхал, вошли несколько сотрудников местного управления НКВД, а также прибывшие представители центрального аппарата ГУГБ НКВД. Один из них профессиональным движением вынул из-под подушки спящего Якира его пистолет. Проснувшегося командарму предъявили ордер на арест, приказали одеть штатский костюм и вывели к стоявшему наготове автомобилю. Вскоре несколько машин уже мчались в направлении столицы.

Во время всей этой процедуры Якир, по свидетельству В.А. Захарченко, задал только один вопрос:

— А где решение Центрального Комитета партии?

— Приедете в Москву, — ответил старший, — там все решения и санкции покажут. (Якир с 1934 г., с XVII съезда, являлся членом ЦК ВКП(б). — Н.Ч.) [\[548\]](#)

В дороге на пути в Москву были схвачены командующий Приморской группой войск командарм 2-го ранга М.К. Левандовский, заместитель маршала Блюхера по ОКДВА комкор М.В. Сангурский и некоторые другие крупные военачальники Красной Армии.

Интересные подробности о людях и событиях второй половины 30-х годов содержатся в воспоминаниях адмирала Н.Г. Кузнецова. В их числе — наблюдения за поведением Ворошилова, его отношением к кадрам армии и флота в период разгула репрессий. В частности, к тем из них, кто был осужден и отбывал свой срок в исправительно-трудовых лагерях НКВД. На примере с корпусным комиссаром Я.В. Волковым, бывшим членом Военного совета Тихоокеанского флота, Кузнецов весьма убедительно показал, как нарком обороны всячески откровенничался от своих бывших подчиненных, многие годы работавших вместе с ним. Фактически такое поведение равнозначно предательству. Яков Волков был арестован во Владивостоке в июле 1938 года и в мае 1941 года осужден на десять лет ИТЛ с последующим лишением на пять лет политических прав.

«...С упомянутым Я.В. Волковым связано еще одно воспоминание, которое говорит о том, как мало мы оказывали сопротивления творившимся безобразиям... В 1939 году (а может быть, в 1940-м), когда я уже был наркомом, я получил бумажку из НКВД, в которой говорилось, что арестованный Волков ссылается на меня, как хорошо-знавшего его по Дальнему Востоку. Спрашивалось мое мнение. Происходило это уже тогда, когда многие были выпущены и когда массовые «ошибки» нельзя было отрицать, но машина еще вертелась в том же направлении. Подумав и не опасаясь за свою судьбу, я тут же написал ответ, в котором указал, что за время совместной работы с Я.В. Волковым на Тихоокеанском флоте я о нем ничего плохого сказать не могу. Несколько позже я узнал, что такая же бумага была послана и Ворошилову. Когда через пару дней мы встретились с ним, он спросил, какой я дал ответ, и очень удивился, что я, во-первых, его дал, а во-вторых, именно такого содержания, добавив, что он на подобные запросы не отвечает.

Теперь мне ясен и исход дела. Я, молодой, без всякого политического веса нарком, не смог оказать какого-нибудь влияния на судьбу Волкова, и он был осужден. Иное дело — Ворошилов. Он своим более решающим ответом смог бы спасти человека. К тому же Волков был подчиненный в течение многих лет и знакомый ему человек, и поэтому его обязанностью было сказать свое мнение. Его положение наркома обороны, у которого были посажены сотни больших руководителей, обязывало задуматься и сказать свое мнение...» [\[549\]](#)

Надо особо отметить, что Кузнецов предельно честен перед людьми и самим собой, а каждое его слово легко поддается проверке. Всякий раз, читая его воспоминания, не перестаешь восхищаться высокими моральными качествами и гражданским мужеством опального адмирала. Как, например, в описанном случае с отзывом на Якова Волкова. В надзорном производстве по делу последнего указанный эпизод обозначен в виде справки за подписью военного юриста Дубасова о том, что он 29 декабря 1940 года беседовал с народным комиссаром Военно-Морского Флота адмиралом Кузнецовым о подследственном Волкове.

«Адмирал Кузнецов объяснил:

1) Что с Волковым Я.В. он, будучи командующим флотом, служил на Тихоокеанском флоте 6 месяцев в 1937 — 1938 гг.

2) О практической вредительской деятельности Волкова сказать ничего не может...»[\[550\]](#)

Из содержания данной справки видно, что Кузнецов в 60-х годах, работая над своими мемуарами, нисколько не стремится приукрасить положение дел и показать себя в более выгодном свете, нежели это было на самом деле. Чем нередко грешили (и грешат) на склоне лет некоторые из заслуженных военачальников.

Слова Ворошилова о том, что он на просьбы и заявления арестованных и осужденных командиров РККА не отвечает, звучат исключительно цинично. А подобных писем в его секретариат в 1937-м и в последующие годы поступало ежедневно десятками и сотнями. Обращались к своему наркому в последней надежде получить помощь и поддержку не только подследственные и осужденные командиры, но и члены их семей, родственники и друзья. Писали из камер тюрем различных городов СССР, из лагерей обширного Архипелага ГУЛАГа, писали из ссылки и поселений. Шли письма, написанные твердым мужским, неустоявшимся детским, округлым женским почерками. Исполненные на хорошей и плохой бумаге различного формата, все они содержали одну-единственную просьбу: «Дорогой Климент Ефремович! Помогите разобраться и доказать невиновность! Спасите от произвола органов НКВД!». Люди умоляли маршала, наркома и члена Политбюро: «Вы же знаете этого человека! Вы же можете помочь ему! Одно Ваше слово в защиту и дело будет пересмотрено!».

Итак, письма поступали в адрес «первого маршала» десятками и сотнями ежедневно. Шли они как от лиц, лично знавших наркома многие годы (высший командно-начальствующий состав), так и от тех, для кого Ворошилов представлялся недостижимой величиной, а потому обладающим большими возможностями и влиянием. Однако, как известно, Ворошилов заявил, что он на подобные письма и запросы не отвечает. Высказался кратко и исчерпывающе. Но читал ли он сам эти письма, знал ли их содержание? Совершенно очевидно, что все приходящие письма, даже при самом горячем его желании, Ворошилов прочитать не мог — это даже физически было просто невозможно. А уж при нежелании, которое явно обозначено в приведенных словах наркома, о том и говорить не приходится...

Очевидно и то, что в секретариате Ворошилова поступившие письма хотя бы первично, но все же обрабатывались, известно, что о некоторых из них наркому все-таки докладывали. Как это было в случае с просьбами находившихся в заключении комкоров А.И. Тодорского, Н.В. Лисовского, С.Н. Богомягова, коринженера Я.М. Фишмана, корветврача Н.М. Никольского, корпусного комиссара Я.В. Волкова. Однако ни на одном из них нет никаких резолюций и пометок, сделанных рукой Ворошилова. Имеются лишь пометки о дате регистрации в Главной военной прокуратуре, куда

буквально мешками отправляли всю подобную корреспонденцию из секретариата наркома обороны.

Автор этих строк просмотрел в архиве Главной военной прокуратуры большое количество дел надзорного производства на арестованных и осужденных в 1937 — 1938 годах Маршалов Советского Союза, командармов 1-го и 2-го ранга, армейских комиссаров 1-го и 2-го ранга, комкоров, корпусных комиссаров и им равных. Это составляет несколько сотен толстых и тонких папок, в которых подшито множество документов, в том числе жалобы и заявления в различные инстанции. Характерно, что самое большое количество таких обращений со стороны арестованных военнослужащих и членов их семей было адресовано, по вполне понятной причине, именно ему, наркому Ворошилову. Но вот что удивляет: ни на одном из этих заявлений и жалоб (а их, напомним, сотни) нет ни единой пометки наркома. Имеются подчеркивания (карандашные и чернильные) различных цветов, но сделаны они либо рукой следователя, либо надзирающего прокурора. В лучшем же случае — в секретариате Ворошилова, но никак не его «державным» пером. Такое отношение вызывает удивление, недоумение и негодование. Как же так? Ведь речь идет о высшем командном составе, цвете армии и флота! Это люди, с которыми Ворошилов постоянно и тесно общался два десятилетия, начиная с революции и Гражданской войны. Неужели он был так безразличен и глух к чужой личной боли и боли РККА? Неужели, как и Сталин, он сразу и резко обрезал все связи с подвергнувшимися аресту людьми, вычеркивая их из своей памяти?

А как можно по-другому объяснить факты, когда, имея возможность защитить свои кадры, спасти их от верного ареста (а следовательно, от физических и моральных истязаний), Ворошилов не делает ни единого шага к этому. Скорее наоборот, он полностью солидаризируется с карательными органами. Так было, например, 28 мая 1937 года, в самый разгар следствия по группе Тухачевского, когда НКВД представил ему для согласования список на 26 командиров РККА, намеченных к аресту. Многих из них нарком хорошо знал по службе, неоднократно выдвигал и поощрял в предыдущие годы. В данном же случае, совершенно не разобравшись в обстоятельствах дела, слепо доверяя клеветническим показаниям на них, добытым незаконными средствами в недрах НКВД, Ворошилов легко дает свое согласие на арест, начертав на документе резолюцию, безнравственную во всех отношениях: «Тов. Ежову. Берите всех подлецов. 28.V. 1937 года. К. Ворошилов»[\[551\]](#).

Или другой пример. В августе 1937 года на справках, подготовленных в Особом отделе ГУГБ на командиров и политработников Киевского военного округа и направленных ему для согласования, нарком обороны наложил следующие резолюции:

1. О зам. нач. политуправления КВО корпусном комиссаре Хорош М. Л.

«Арестовать. К.В.»

2. О командире-комиссаре 1 кав. корпуса комдиве Демичеве. «Арестовать. К.В.»

3. О нач. отдела связи КВО комбриге Игнатовиче Ю.И.

«Арестовать. К.В.»

В этом, как и во многих других случаях, нарком легкой рукой подписывал санкцию на арест заслуженных командиров Красной Армии, не удосужившись разобраться в сущности обвинений в их адрес и удовлетворившись лишь сведениями, содержащимися в справках Особого отдела ГУГБ

НКВД СССР. В указанном случае (М.Л. Хорош, М.А. Демичев и др.) Ворошилов дал согласие на арест 142 человек из числа руководящего командно-начальствующего состава РККА{552}.

Иначе как предательством по отношению к своим подчиненным такие его действия нельзя квалифицировать. А как по-другому понимать его действия, точнее — бездействие, если речь шла о людях, которых он знал с детства, вложил лично много сил в их становление. Если быть еще точнее — в свое детище, как в случае с командармом 2-го ранга И.Н. Дубовым, командующим войсками Харьковского военного округа. Отец командарма, один из первых организаторов советской власти в Донбассе, член РСДРП(б) с 1903 года Наум Дубовой дружил с Ворошиловым с дореволюционных времен, и тот знал его сына Ивана еще подростком. Затем, в Гражданскую войну, Иван Дубовой в 10-й армии в Царицыне исполнял в ее штабе должности начальника оперативного отдела и заместителя начальника штаба, находясь все это время под большим влиянием своего командующего, т.е. Ворошилова. И в последующие годы их отношения нельзя назвать только чисто служебными, в них было достаточно много человеческого тепла и доброжелательности.

Но вот наступил 1937 год. В августе И.Н. Дубового подвергают аресту. Почти год длились мучительные допросы, исписаны сотни страниц протоколов допросов и собственноручных показаний, в которых небылицы самым причудливым образом перемешаны с реальными событиями. Так, Дубовой признается, что это он в 1919 году собственноручно убил начдива Щорса, у которого тогда был заместителем. Чудовищный самооговор! Почему Дубовой так поступил — тема специального рассказа. У автора имеется на этот счет своя версия, которую он намерен раскрыть в самостоятельном исследовании.

Доподлинно известно, что с некоторыми из показаний Дубового Ворошилов был ознакомлен. Так неужели он, зная Ивана Наумовича с детства, сам учивший и выдвигавший этого способного командира, мог поверить, читая протокол допроса, той откровенной галиматье, что под страхом очередного избиения, под диктовку следователя-садиста вынужден был написать арестованный командарм? Трудно согласиться с таким выводом. Как трудно поверить и в то, что Ворошилов никак не откликнулся на буквально предсмертный крик жены Дубового, которую он также хорошо знал. Письмо это написано через двадцать дней после ареста мужа.

Нина Дмитриевна Чередник-Дубовая, одна из образованных женщин страны, до ареста мужа работавшая директором Гослитиздата Украины, писала, обращаясь к Ворошилову, о своем крайне бедственном положении:

«Товарищ Ворошилов, Вы в течение 18 лет знаете Дубового, часть его жизненного пути прошла перед Вами, под Вашим непосредственным руководством, неужели же он мог стать врагом народа, пойти против своей партии... 15 лет жизни мы шли вместе, делились мыслями и чувствами и никогда у меня не возникло сомнения в искренности и преданности Дубового как члена партии... Товарищ Ворошилов, я прошу Вас, скажите товарищу Сталину и товарищу Ежову все, что знаете о Дубовом как о военном работнике...

Семья наша осталась в ужасном положении. Я исключена из партии и снята с работы, стоит вопрос об исключении и снятии пенсии старика-отца. У меня осталась на руках семья, кроме меня три человека — ребенок 6-ти лет, старуха-мать, старшая дочь учится... Помогите мне, товарищ Ворошилов, дайте указания, чтобы мне дали какую-либо работу. Нас выселили из дома, где мы жили. Нам не дали даже одеяла, подушек, даже кровати ребенка, даже детские игрушки... Помогите...»{553}

Ни помощи, ни даже ответа Ворошилова жена командарма Дубового конечно же не получила. Более того, сама она вскоре была арестована и осуждена на восемь лет лагерей. Младшая дочь Дубового — Инна до возвращения матери из ссылки в Алтайском крае жила и воспитывалась у родственников, а старшая дочь Мария (приемная) испытала на себе все тяготы жизни члена семьи изменника Родины, не будучи арестованной. Упомянутый в письме старик — отец И.Н. Дубового, старый большевик, вскоре действительно был исключен из партии, снят с пенсии и выслан в административную ссылку в одно из дальних сел на востоке Казахстана, где перебивался случайными заработками, выполняя обязанности сторожа в школе. Там же и умер в 1940 году. Пострадали и двоюродные братья командарма Дубового. Так, лейтенант А.С. Дубовой, слушатель одной из академий, был отчислен из нее «из-за родственных связей», а затем арестован. Правда, вскоре он был освобожден, но карьера его вконец была испорчена и выше старшего лейтенанта ему так и не удалось подняться.

И все-таки портрет Ворошилова будет неполным и одномерным, если представлять эту личность только в негативном виде, если рисовать лишь одной черной краской. Нельзя, вероятно, думать, что он никогда не сомневался в решениях, принятых Сталиным и ЦК партии, не усомнился в правомерности действий НКВД по изъятию из армии и флота ее командных, политических, инженерно-технических кадров. Известно, что такие случаи имели место, и мы не вправе пройти мимо них, не сделав их анализа.

Если верить сообщению бывшего порученца Ворошилова — генерал-лейтенанта в отставке Р.П. Хмельницкого, то нарком в начале июля 1938 года пытался отговорить своего заместителя командарма 1-го ранга И.Ф. Федько от посещения НКВД, когда тот обратился с просьбой организовать ему встречу с Ежовым с целью доказать свою непричастность к заговору: «Не надо ходить к Ежову... Вас там заставят написать на себя всякую небылицу. Я прошу Вас, не делайте этого...»[\[554\]](#)

О чем может свидетельствовать сей весьма примечательный факт? При условии действительности его наличия это означает только то, что Ворошилов знал истинную цену признаний арестованных командиров РККА. Пусть не в полной мере, но знал. И основная его вина заключается в том, что он, зная это, не предпринимал решительных шагов против жестокого избиения подчиненных ему кадров. И все же, и все же...

«Железного наркома и первого маршала» изредка, но все же посещали сомнения в правильности политики, проводимой Сталиным в отношении военных кадров. И даже больше — известны случаи, относящиеся, правда, к 1939 году, когда Ворошилов ходатайствовал перед Сталиным за некоторых арестованных. Например, в начале 1939 года он обратился к «вождю народов» с просьбой освободить из тюрьмы бывшего начальника штаба ВВС 1-й Краснознаменной армии П.С. Володина и оставить в силе ранее сделанное представление о награждении его орденом Ленина за руководство действиями авиации в боях у озера Хасан. Удивительно, но на этот раз Сталин пошел навстречу. Его резолюция: «Тов. Ворошилову. Согласен» одним росчерком пера решила судьбу человека[\[555\]](#).

Правда и то, что Володин недолго побыл на свободе. Как уже отмечалось, НКВД, один раз захватив жертву, уже не мог с ней расстаться ни при каких обстоятельствах, находя новую (а чаще всего используя старую) причину для повторного ареста. Нам неизвестны случаи, чтобы после вторичного ареста «органы» кого-то затем снова освободили. Так получилось и с Павлом Семеновичем Володиным — он в 1941 .году, уже будучи начальником штаба ВВС Красной Армии и генерал-майором, был снова арестован и в конце октября того же года расстрелян по приказу

Берия вместе с группой военачальников (Г.М. Штерн, А.Д. Локтионов, П.В. Рычагов, Я.В. Смушкевич и др.)[{556}](#)

Еще один факт на тему о наличии у Ворошилова «крамольных» мыслей сообщает адмирал Н.Г. Кузнецов в своих записках «Крутые повороты». «...Однажды после совещания в Кремле он (Ворошилов) спросил меня, считаю ли я моего бывшего командующего Черноморским флотом Кожанова, с которым много лет служил, врагом народа. Спрошено это было в осторожной форме. Поэтому не менее осторожно и я ответил, предоставив возможность высказаться ему самому. «Я не верю, чтобы он был врагом народа», — сказал Ворошилов, чем просто ошеломил меня. Я был подчиненным Кожанова (командовал крейсером и не больше), а Ворошилов был много лет наркомом и его ближайшим начальником. Теперь он сказал, что не верит в его виновность, а мне казалось, что он знает обстоятельно, за что посадили Кожанова. Кому же, как не ему, твердо знать и ответственно сказать: «Да, он виновен, я в этом убежден». Или: «Нельзя сажать, пока не доказана виновность»[{557}](#).

Бывший нарком ВМФ Кузнецов приходит к выводу о том, что свое личное благополучие Ворошилов поставил превыше всего. В какой-то период времени он вполне мог позитивно влиять на поступки и поведение Сталина, но не смог или не захотел этого сделать, за что и обязан нести вместе с ним ответственность. Кузнецов недоумевает: «...Подумайте, как можно спокойно спать, когда сотни и тысячи его подчиненных были арестованы, и он знал, что это неправильно. Пример, приведенный с Кожановым, убеждает меня, что он не только сомневался, как сказал осторожно мне, — был убежден в его невиновности»[{558}](#)

Эти тревожные размышления принадлежат крупному столичному руководителю. Но ведь точно такие же недоуменные вопросы задавали себе и командиры из глубинки — в гарнизонах, военных городках, в штабах и училищах. Например, полковник Илья Дубинский, заместитель начальника Казанских технических курсов усовершенствования начсостава автобронетанковых войск, в недавнем прошлом командир 4-й танковой бригады, снятый с нее за связь с арестованными комкором В.М. Примаковым и комдивом Д.А. Шмидтом: «...Неужели судьба этих кадров, соратников по Гражданской войне, была безразлична Ворошилову? С кем же он собирался бить обнаглевшего Гитлера?..»[{559}](#)

Ответ на возникшие много лет назад вопросы Дубинский смог получить незадолго до XXII съезда партии (после своей полной реабилитации) лично из уст Ворошилова. А получилось это в следующей обстановке. Отмечался, притом весьма торжественно, юбилей старого большевика Ф.Н. Петрова. Там Ворошилов, выступая с трибуны, сказал: «Многие удивляются, как это мы, старая гвардия, уцелели во время разгула сталинских репрессий? Отвечаю — надо было иметь здравый смысл и военную хитрость!» Вот и разгадка всего секрета! Военная хитрость наркома Ворошилова заключалась в том, чтобы подтолкнуть под нож лучших полководцев, героев Гражданской войны, а самому уцелеть. Выходит, что здравый смысл был только у наркома, а остальные военачальники жили без всякого смысла и хитрости[{560}](#).

Адмирал Кузнецов, как и многие другие, искренне считал, исходя из близости Ворошилова к Сталину, что он, нарком обороны, лучше всех знает положение с кадрами в подчиненном ему ведомстве. Думал, что Ворошилову достоверно известно, за что арестовали и осудили того или иного военачальника, какова степень его вины. Однако, как показывает сам же Кузнецов, Ворошилов слабо разбирался в этих вопросах. И вовсе не потому, что не хотел знать, а потому, что просто не обладал необходимой информацией. И здесь Н.Г. Кузнецов несколько противоречит сам себе: почему это органы НКВД производят аресты командных и политических кадров на

Тихоокеанском флоте, даже не советуясь с ним, командующим, и не ставя его в известность. А почему, собственно говоря, всеильные органы госбезопасности, оперируя таким образом во флотском масштабе, не могли делать того же самого в масштабе союзном?

Фактически оно так и было, ибо положение с кадрами в наркомате обороны в целом слагалось из положения дел в округах и на флотах. Известно много случаев, когда увольнение из рядов РККА лиц высшего комначсостава производилось уже после их ареста. Часто события развивались так стремительно, изъятие кадров шло так быстро, что Управление по комначсоставу просто не справлялось с объемом работы, в том числе с бумажной, связанной с массовым их перемещением (арест, увольнение в запас, выдвижение на новые должности). Масштабы репрессий приобрели такую небывалую величину, что часто, особенно в 1937 — 1938 годах, нарком и его заместители не владели полностью обстановкой в войсках.

Свою оценку личности Ворошилова дает и Маршал Советского Союза Г.К. Жуков, достаточно близко общавшийся с ним в последние предвоенные годы. В целом она мало чем разнится от мнения Н.Г. Кузнецова, разве что отдельными формулировками. «...Надо сказать, что Климент Ефремович пользовался авторитетом среди командно-политического состава армии и флота как один из ближайших соратников Владимира Ильича Ленина, как один из старейших активных работников нашей большевистской партии, не один раз отбывавший тюремное заключение за активную борьбу с царизмом. Но как знаток военного дела он, конечно, был слаб, так как, кроме участия в Гражданской войне, он никакой практической и теоретической базы в области военной науки и военного искусства не имел, поэтому в руководстве Наркоматом обороны, в деле строительства вооруженных сил, в области военных наук он должен был прежде всего опираться на своих ближайших помощников, таких крупных военных деятелей, как М.Н. Тухачевский, А.И. Егоров, С.С. Каменев...»[{561}](#)

Жуков, работавший в начале 30-х годов помощником инспектора кавалерии РККА, еще тогда, как он утверждает, сделал очень важный для себя вывод в отношении роли и места Ворошилова и его заместителя Тухачевского. «...Михаил Николаевич Тухачевский вел большую организаторскую, творческую и научную работу, и все мы чувствовали, что главную руководящую роль в Наркомате обороны играет он... Умный, широко образованный профессиональный военный, он великолепно разбирался как в области тактики, так и в стратегических вопросах...»[{562}](#)

Подобное утверждение содержится и в воспоминаниях бывшего слушателя Военной академии Генерального штаба генерал-майора в отставке Я.Я. Вейкина: «...В 1936 году был издан новый Полевой устав РККА, ПУ-36, как его называли. Основные положения и идеи, заложенные в этот устав, доложил нам заместитель народного комиссара обороны товарищ Тухачевский М.Н., главный редактор устава. Как обычно, говорил он гладко, четко. Слушатели (Академии Генерального штаба, в числе которых был и полковник Вейкин. — Н. Ч.) его принимали и провожали восторженно. Он обладал способностью внушать к себе глубокое уважение. Держался он скромно, даже несколько застенчиво, особенно когда уходил, приветствуемый... бурными аплодисментами.

Однажды утром слушателей посадили в автобусы и повезли к Дому Союзов. В Дом вошли через боковую дверь в один из боковых залов. Там за небольшим столиком сидел народный комиссар обороны товарищ Ворошилов К.Е. и с ним группа офицеров. Нам было предложено присесть. Стулья стояли не рядами, а вразброс. Мы сели полукругом вблизи стола. Оказалось, что мы были приглашены на совещание старшего командного состава Московского гарнизона.

Товарищ Ворошилов повел с нами беседу... Первый раз я его слушал в академии имени М.В. Фрунзе, когда шла борьба с троцкистами. Теперь он стал говорить об общем положении в стране, о том, что внешние и внутренние враги не сложили оружие, что в разных отраслях народного хозяйства враги пытаются вредить, что в военных складах, где хранятся неприкосновенные мобилизационные запасы, обнаружены бракованные и даже умышленно испорченные предметы.

Уже прошло минут 10 — 15, когда из угловой двери зала вошел товарищ Тухачевский М.Н. и направился к столу Ворошилова. Кто-то из присутствующих, кто первый увидел Тухачевского, встал. И тут совершилась бестактность по отношению к товарищу Ворошилову. Все присутствующие, как по команде, с шумом встали. Один Ворошилов продолжал сидеть. Этот случай еще раз показал, каким уважением и обаянием пользовался Михаил Николаевич у командного состава того времени.

Воцарилась какая-то неловкость. Смутился товарищ Тухачевский и Климент Ефремович покраснел. Мы опомнились, что совершили ошибку и без команды сели...»

В присутствии нескольких десятков человек Ворошилов из-за Тухачевского пережил несколько неприятных минут и поэтому он должен был с ним как-то расквитаться. Генерал Вейкин вспоминает: «Товарищ Ворошилов продолжал беседу, как будто ничего не случилось, но в голосе почувствовались нотки металла. Он говорил о необходимости боеготовности, железной дисциплины и, главное, что каждый командир на своем месте должен быть на высоте своего положения. Рукой повел в сторону Тухачевского и продолжил: «Вот мои ближайшие помощники. Они заставляют меня, имеющего образование сельской школы, учить их русскому языку. Если я стану подписывать бумаги в таком виде, как они мне их представляют для доклада правительству, то, конечно, раз-другой меня там примут, но на третий раз покажут на дверь»[\[563\]](#).

Пословица гласит — «дыма без огня не бывает». Во многих следственных делах на высший комначсостав непременно в качестве крупной улики против обвиняемого называются разговоры, содержащие критику руководства Красной Армии и лично наркома Ворошилова. Не говоря уже о том, что некоторым из подследственных инкриминировали подготовку к совершению террористического акта над ним, причем обязательно в составе группы. А иначе какой же тогда заговор!

В середине 30-х годов, накануне развертывания репрессий в РККА, авторитет Ворошилова в ней стал стремительно падать. Прежде всего среди руководителей центральных управлений и командующих войсками военных округов. Критика в его адрес звучала и с официальной трибуны, прежде всего на заседаниях Военного совета при НКО. Правда, там она звучала несколько опосредованно, через критические замечания в адрес всего руководства Красной Армии, не упоминая конкретно фамилии наркома. А вот в кулуарах, узком кругу единомышленников ему крепко доставалось и на выражения тут уже не скупилась.

Один из таких разговоров, нелिцеприятный для наркома, состоялся накануне окружных маневров Белорусского военного округа, осенью 1936 года между Якиром и Уборевичем перед прибытием Ворошилова в район учений. Из него хорошо видно, как «высоко» ценили своего шефа эти молодые и талантливые полководцы. Содержание данного разговора стало известно Ворошилову из донесения, а по сути — доноса командира 3-го кавалерийского корпуса комдива Д.Ф. Сердича, направленного инспектору кавалерии РККА маршалу Буденному вскоре после суда над Тухачевским, Якиром, Уборевичем и другими членами восьмерки.

«Я застал в вагоне конец разговора о маневрах. Якир говорил Уборевичу насчет т. Ворошилова: «Старика не надо обижать, нужно показать ему хороший обоз, и все будет в порядке...» Я это понял как случай, что, мол, он ничего не поймет в этом деле. На второй день я это рассказал тов. Штерну и просил его доложить лично наркому тов. Ворошилову, так как он является самым близким человеком к Клименту Ефремовичу. Штерн (для поручений при наркоме обороны до марта 1936 года. В описываемый период — командир 7-й Самарской кавалерийской дивизии в Белорусском военном округе, комдив. — Н.Ч.) мне сказал, что на днях едет в Москву и расскажет лично. Хорошо было бы узнать у Климента Ефремовича, говорил ли ему Штерн. Если это Штерн не доложил, то он тоже сволочь, а если доложил — это другое дело...»[\[564\]](#)

Вот так и никак иначе — «если Штерн не доложил, то он тоже сволочь»! Нравы, что и говорить, крутые у кавалерийского начальника Сердича, резко он расставляет акценты в человеческих взаимоотношениях. Кстати, зря так уж выслуживался перед наркомом комдив Сердич, напрасно доносил на своего командующего Уборевича, занимаясь самым худшим из ремесел — доносительством или, говоря более древним слогом, — фискальством. Ничего ему не помогло — Сердич в том же году, что и Уборевич, был арестован и вскоре расстрелян по решению Военной коллегии. Что подвигнуло Сердича — интернационалиста (серб по национальности), храброго воина, дважды краснознаменца, на такое позорное дело, как донос, остается тайной. Вероятно, начавшиеся репрессии против кадров РККА, судебный процесс над группой Тухачевского, куда входили и названные им лица, подтолкнули его на подобный шаг, учитывая при этом, что Якир и Уборевич всенародно объявлены врагами народа. А попросту говоря — решил подстраховаться комдив Сердич, набрать лишние очки там, где другие жестоко проиграли.

К тому же ошибся Сердич, так «плохо» подумав о комдиве Штерне (нарком плохих около себя не держал, тем более в должности своего личного порученца), — тот доложил информацию своевременно. Да и Буденный, получив донос и прочитав его, через комдива Р.П. Хмельницкого, «нового-старого» порученца Ворошилова, передал письмо наркому. (Рафаил Хмельницкий несколько раз, с небольшими перерывами, исполнял эту престижную должность.)

О разговорах, подобных вышеприведенному между Якиром и Уборевичем, Ворошилову было известно и ранее (оказывается, что кроме Сердича были и другие доносчики). Разумеется, все, кто о нем был невысокого мнения, оказывались у наркома на особом счету и взаимоотношения между ними складывались весьма и весьма трудно.

О Григории Штерне, человеке интересной судьбы, надо сказать особо. За годы службы в Красной Армии ему, ровеснику века, довелось поработать и командиром, и комиссаром различных частей и соединений. После окончания Военной академии имени М.В. Фрунзе в 1929 году несколько неожиданно для себя он оказался в роли доверенного лица наркома — для того и существовала при нем должность для особо важных поручений. В 1937 году комдив Штерн заменил Я.К. Берзина на посту главного военного советника в Испании (в переписке эта страна именовалась литерой «Х»). После возвращения из Испании он с мая 1938 года в войсках Дальневосточного фронта — начальник штаба, командующий. Во время финской кампании — командующий 8-й армией. В начале 1941 года назначается начальником Главного управления ПВО и через несколько месяцев получает звание генерал-полковника.

Несмотря на высокие должности и звания, обилие наград (Золотая Звезда за Халхин-Гол, два ордена Ленина и три Красного Знамени, орден Красной Звезды), Штерну из «сволочей» и «подлецов» (что, по сути, одно и то же) выбиться так и не удалось. Причем такая оценка прозвучала не только от какого-то там комдива Сердича, известного только лишь в кавалерии, но

из уст и самого Сталина. Приведем отрывок из воспоминаний адмирала Н.Г. Кузнецова, относящийся к периоду непосредственно перед началом войны.

«...Помню, я был в кабинете Сталина, когда он вдруг сказал:

— Штерн оказался подлецом.

Все, конечно, сразу поняли, что это значит: арестован. Трудно допустить, что бывшие там люди, которые Штерна отлично знали, дружили с ним, поверили в его виновность. Но никто не хотел показать и тени сомнения. Такова уж тогда была обстановка. Про себя, пожалуй, думали: сегодня его, завтра, быть может, меня. Помню, как вслух, громко сидевший рядом со мной Н.А. Вознесенский произнес по адресу лишь одно слово «Сволочь!».

Не раз вспоминал я этот эпизод, когда Николая Алексеевича Вознесенского постигла та же участь, что и Г.М. Штерна...»[\[565\]](#)

Комментарии здесь совершенно излишни. Вот так «высоко» оценили в Кремле многолетнюю и беспорочную службу Григория Штерна в Красной Армии, его верноподданнические настроения, поступки и чувства. Куда уж больше — Штерн, не получив предварительного одобрения наркома, никогда не предпринимал сколь-нибудь ответственных действий. О чем и свидетельствует в своей книге воспоминаний Г.К. Жуков, описывая события на Халхин-Голе в 1939 году. И вот такого человека тоже зачислили во «враги народа»!

Отчитываясь на февральско-мартовском пленуме ЦК ВЕП(б) 1937 года, Ворошилов, характеризуя группу «мерзких предателей» в рядах Красной Армии, арестованных к тому времени органами НКВД, зачитал несколько писем от них в его адрес. Обращения эти написали комдив Д.А. Шмидт и майор Б.И. Кузьмычев (бывший адъютант В.М. Примакова в годы Гражданской войны. — Н.Ч.). Охарактеризовав их как двурушников, циников и предателей, нарком далее сказал:

«...Я имею письма и от других арестованных: от Туровского, от Примакова. Все они пишут примерно в том же духе. Но ни Примаков, ни Туровский пока не признали своей виновности (Примаков был арестован 14 августа 1936 года, а Туровский — на две недели позже — 2 сентября того же года. — Н.Ч.), хотя об их преступной деятельности имеется огромное количество показаний. Самое большое, в чем они сознаются, это то, что они не любили Ворошилова и Буденного, и каются, что вплоть до 1933 года позволяли себе резко критиковать и меня, и Буденного. Примаков говорит, что он видел в нас конкурентов... Ему, Примакову, видите ли, не давали хода вследствие того, что Буденный и его конармейцы заняли все видные посты в армии и пр., вследствие чего он был недоволен и фрондировал...»[\[566\]](#)

И хотя далее Ворошилов утверждал, что такие заявления Примакова — наглая ложь, но, по-видимому, ему мало кто поверил. Дело в том, что Примаков был не одинок в своем недовольстве засильем конармейцев в центральном аппарате НКО и в ведущих округах. Хорошо бы, если речь шла только о кавалерии и кавалерийских начальниках. Однако недовольство, подобное Примакову, возникало и у военачальников, никогда не служивших в кавалерии. В частности, у Тухачевского.

В своем докладе на заседании Военного совета при наркоме обороны Ворошилов 1 июня 1937 года обнародовал следующий факт: «...В прошлом году (т.е. в 1936 г. — Н.Ч.), в мае месяце, у меня на квартире Тухачевский бросил обвинение мне и Буденному, в присутствии т.т. Сталина, Молотова и многих других, в том, что я якобы группирую вокруг себя небольшую кучку людей, с

ними веду, направляю всю политику и т.д. Потом на второй день Тухачевский отказался от всего сказанного... Тов. Сталин тогда же сказал, что надо перестать препираться частным образом, нужно устроить заседание ПБ (Политбюро. — Н. Ч.) и на этом заседании подробно разобрать, в чем тут дело. И вот на этом заседании мы разбирали все эти вопросы и опять-таки пришли к прежнему результату.

Сталин: Он отказался от своих обвинений.

Ворошилов: Да, отказался, хотя группа Якира и Уборевича на заседании вела себя в отношении меня довольно агрессивно. Уборевич еще молчал, а Гамарник и Якир вели себя в отношении меня очень скверно»[\[567\]](#).

Назревает вопрос — была ли раньше у Ворошилова возможность расправиться с людьми, недовольными его политикой и его личностью? Вероятнее всего, что была — ведь прошли до этого аресты и процессы 1936 года. Почему же тогда он не использовал такую выгодную для себя возможность? Остается только предполагать на сей счет: либо чаша терпения его еще не переполнилась, либо не было подходящего повода, либо, наконец, общая политическая обстановка диктовала другие сроки. Когда-нибудь мы узнаем ответы и на эти непростые вопросы, касающиеся поведения К.Е. Ворошилова в 30-е годы.

Помимо засилья конармейцев в руководстве РККА, о чем говорили маршал Тухачевский и комкор Примаков, у многих лиц из числа высшего командного состава в середине 30-х годов была и другая существенная причина быть недовольными своим наркомом. И речь здесь идет о серьезных перекосах в проведении такого важнейшего мероприятия в жизни армии и флота, как присвоение персональных воинских званий.

В предвоенные годы проводилась большая работа по совершенствованию единоначалия в Красной Армии. Этот принцип военного строительства, как показала многолетняя практика, наиболее полно отвечал условиям руководства современным боем и способствовал дальнейшему укреплению воинской дисциплины, организованности и порядка в войсках. Одним из важнейших мероприятий в этом направлении явилось присвоение всему командно-начальствующему составу РККА воинских званий.

22 сентября 1935 года ЦИК и СНК СССР приняли постановление «О введении персональных военных званий начальствующего состава Рабоче-Крестьянской Красной Армии» и об утверждении «Положения о прохождении службы командным и начальствующим составом Рабоче-Крестьянской Красной Армии». При этом существовала одна особенность: военнослужащие в зависимости от подготовки и занимаемой должности подразделялись на командный и начальствующий состав[\[568\]](#).

У командного состава сухопутных войск, ВВС и ПВО вводились следующие звания: лейтенант, старший лейтенант, капитан, майор, полковник, комбриг, комдив, комкор, командарм 2-го ранга, командарм 1-го ранга, Маршал Советского Союза. К сему следует добавить, что звание «капитан» было отнесено к старшему комсоставу.

Начальствующий состав (политработники, военные юристы, специалисты технических, военно-медицинских и административных служб) для каждой из названных категорий имел свою систему воинских званий. Например, для политсостава: политрук, старший политрук, батальонный комиссар, полковой комиссар, бригадный комиссар, дивизионный комиссар, корпусной комиссар, армейский комиссар 2-го ранга, армейский комиссар 1-го ранга. Рядовому и младшему

начсоставу сухопутных войск, ВВС и ПВО соответственно присваивались звания: красноармеец, отделенный командир, младший комвзвод, старшина.

В Военно-Морских Силах РККА указанным выше постановлением ЦИК и СНК СССР также вводилась своя система воинских званий. В результате там появились лейтенанты, капитаны и флагманы соответствующих рангов, причем высшим являлось звание флагман флота 1-го ранга, которое тогда получили два человека: начальник Морских Сил РККА В.М. Орлов и командующий Тихоокеанским флотом М.В. Викторов.

В последующие годы система персональных воинских званий продолжала развиваться, а порядок прохождения военной службы — совершенствоваться. Например, в августе 1937 года дополнительно учреждается звание «младший лейтенант», а в 1939 году — «подполковник». Кроме того, 7 мая 1940 года Президиум Верховного Совета СССР установил новые звания для высшего командного состава, армии и флота, и тогда вновь появились генералы и адмиралы, исчезнувшие после Октябрьской революции.

Введение персональных званий и регламентация порядка прохождения службы личным составом способствовали дальнейшему росту профессиональной подготовки военных кадров и повышению их авторитета, а в целом — укреплению боевой мощи Красной Армии.

Маршалы, командармы, комдивы, комбриги... Эти слова во второй половине ноября 1935 года стали повседневно звучать в соединениях и частях, штабах и учреждениях РККА. К тому же там появились и конкретные носители названных воинских званий.

Маршалы, командармы, комкоры, комдивы, комбриги... Если говорить о новизне этих терминов, то за исключением «маршала» такие формы обращения в среде высшего командно-начальствующего состава Красной Армии с добавлением слова «товарищ» были распространены еще со времен Гражданской войны. Введение в оборот термина «маршал» тоже имело свою историческую основу, ибо в русской армии, чьей преемницей и продолжательницей считала себя РККА, в течение длительного времени существовали звания «фельдмаршал», «генерал-адмирал» (что, по сути, было идентично «маршалу», т.е. начальнику для всех родов и видов войск).

Ну, а что касается конкретных обладателей введенных воинских званий, то надо отметить, что за несколько месяцев, прошедших со дня принятия постановления ЦИК и до подписания первых приказов о их присвоении, центральным аппаратом и кадровыми органами в войсках была проделана огромная работа по аттестованию всего командно-начальствующего состава. Как правило, каждый начальник аттестовал своих подчиненных, делая в конце аттестации вывод о целесообразности присвоения того или иного звания. Известно немало случаев, когда такие выводы не находили должной поддержки у наркома обороны и членов Высшей аттестационной комиссии, возглавляемой С.М. Буденным. И тогда претендент получал на одну или даже на две ступени ниже просимого.

Звание «Маршал Советского Союза» получили всего пять человек из высшего эшелона РККА — заместитель наркома М.Н. Тухачевский, начальник Генерального штаба А.И. Егоров, инспектор кавалерии С.М. Буденный, командующий войсками Особой Краснознаменной Дальневосточной армии В.К. Блюхер и, конечно, сам нарком К.Е. Ворошилов. Что касается наркома и его заместителей, то здесь все вполне понятно и оправданно, так как во всякой стране, имеющей армию, именно указанные должностные лица имеют высшие из существующих там воинских

званий. Относительно же Буденного и Блюхера можно только предполагать о мотивах такого решения. Одно вполне очевидно, что все названные кандидатуры предварительно неоднократно обсуждались со Сталиным и другими членами Политбюро, в том числе с Молотовым и Калининным. Именно подпись этих двух руководителей стоит под постановлением ЦИК и СНК об утверждении указанной «пятерки» в звании Маршала Советского Союза. По свидетельству лиц, близких к окружению К.Е. Ворошилова в середине 30-х годов, известно, что высшее воинское звание было присвоено Блюхеру по прямому указанию Сталина, любимчиком которого тот считался вплоть до хасанских событий лета 1938 года. Что же касается Буденного, то здесь можно с большой долей уверенности утверждать, что его близкие личные отношения со Сталиным и Ворошиловым сыграли решающую роль.

Справедливости ради следует отметить и то, что к этому времени усилиями официальной пропаганды как Буденный, так и Блюхер (последний после успешного разрешения конфликта на КВЖД в 1929 г.) сделались национальными героями: о них слагались песни, снимались фильмы, писались книги. И еще один примечательный факт: в 20-е и особенно в 30-е годы ни одному объединению Красной Армии, отличившемуся в Гражданскую войну, не воздавалось столько почестей, как 1-й Конной. Ни одна общевойсковая, тем более конная (например, Вторая) армия не удостоивалась специальных приказов наркома и постановлений ЦИК СССР о награждении орденами большой группы ее ветеранов, как это было сделано в честь 10-й и 15-й годовщин 1-й Конной армии.

А претендентов на самое высокое воинское звание в СССР было вполне достаточно. Если исходить из должности Буденного (инспектор, т.е. начальник кавалерии, как рода войск), то следует отметить, что конница в тот период являлась не самым многочисленным и приоритетным из них. Исходя из такой постановки вопроса, нужно было бы пальму первенства отдать авиации и танковым войскам. Однако руководители этих родов войск Я.И. Алкснис и И.А. Халепский стали не маршалами, а всего лишь командармами 2-го ранга, т.е. на две ступени ниже Буденного. То же самое можно сказать и о Противовоздушной обороне, начальник Управления которого С.С. Каменев получил командарма 1-го ранга.

Если же подойти с другой стороны и рассматривать структуру ОКДВА, то она строилась и функционировала на правах военного округа и по его штатам, за небольшими исключениями (вроде наличия у ее командующего двух заместителей по политической части). В силу изложенного на получение звания «Маршал Советского Союза» с полным правом могли претендовать (и претендовали!) командующие войсками таких округов, как Московский, Ленинградский, Белорусский и Киевский. Соответственно И.П. Белов, Б.М. Шапошников, И.П. Уборевич и И.Э. Якир, ставшие командармами 1-го ранга. Из материалов архивно-следственного дела по обвинению Якира и Уборевича известно, что они считали себя в этом отношении сильно обиженными, до конца не оцененными. Оба эти военачальника, безусловно, имели все необходимые данные к тому, чтобы встать в один ряд с Буденным и Блюхером. В военном же отношении Якир и Уборевич считались в РККА гораздо выше инспектора кавалерии — об этом свидетельствуют многие их современники.

Видный военный теоретик Б.М. Шапошников, написавший в числе других и многотомный труд «Мозг армии», получивший в 1935 году воинское звание «командарм 1-го ранга», все-таки станет Маршалом Советского Союза, но это случится несколько позже — в 1940 году, после завершения финской кампании.

Большая группа военачальников РККА в ноябре 1935 года получила звание «командарм 2-го ранга». Половину этой группы составляли командующие войсками внутренних и некоторых приграничных округов (П.Е. Дыбенко, Н.Д. Каширин, М.К. Левандовский, И.Н. Дубовой, И.Ф. Федько). Другая половина представлена начальниками ведущих управлений наркомата обороны: Военно-Воздушных Сил — Я.И. Алкснисом, автобронетанковых войск — И.А. Халепским, боевой подготовки — А.И. Седякиным. Такое же звание получил и начальник Военной академии имени М.В. Фрунзе — А.И. Корк. Профессор той же академии И.И. Вацетис стоит в этом ряду несколько особняком. Видимо, были учтены его заслуги в должности первого Главкома Вооруженными Силами Республики в Гражданскую войну, чем-то другим объяснить данный факт невозможно. В среде высшего командного состава РККА присвоение Вацетису такого высокого звания было понято правильно. Тем более что он для многих из них являлся учителем в прямом смысле, подготовив за почти два десятка лет работы не одну сотню выпускников через систему очного и вечернего обучения, а также ВАК и КУВНАС.

Округ округу рознь — такой напрашивается вывод при ознакомлении с содержанием постановлений ЦИК и СНК СССР и приказов наркомата обороны о присвоении персональных воинских званий в 1935 году. Казалось бы, чем отличался Приволжский округ от Среднеазиатского, а Харьковский — от Забайкальского? На первый взгляд, предпочтение при этом необходимо отдать вторым: оба они являлись приграничными, тем более что войска САВО еще совсем недавно вели ожесточенные бои с басмачами, а сам округ всего несколько лет назад именовался фронтом, командовать которым доверяли не всякому военачальнику. К тому же САВО размещался на территории нескольких республик Средней Азии (а Восток, как известно, дело тонкое), установление советской власти в которых отнюдь не считалось до конца делом решенным. Примерно такое же положение наблюдалось и в Забайкальском округе: события на КВЖД были еще свежи в памяти, а Япония тем временем усиленно продолжала наращивать мощь своей Квантунской армии вблизи границ Советского Союза.

Таков взгляд сегодняшнего дня. Тогда же, в 1935 году, в представлении высшего партийного и военного руководства страны командующие некоторых округов оказались вроде бы людьми второго сорта. Это относилось в первую очередь к И.И. Гарькавому (УрВО), Я.П. Гайлиту (СибВО), М.Д. Великанову (САВО), И.К. Грязнову (ЗабВО), которые получили звание «комкор» — три ромба на петлицах. Между тем заслуг у них было несколько не меньше, чем у других командующих, получивших более высокие воинские звания. Все они имели по несколько орденов Красного Знамени РСФСР и союзных республик, в годы Гражданской войны не хуже других командовали дивизиями. Их боевые и партийные биографии во многом были схожи с теми, кто стал командармом 2-го ранга. В том числе и по продолжительности пребывания в должности командующего. Добавим, что Харьковский, Уральский и Забайкальский округа были сформированы в середине 1935 года: первые два — за счет разукрупнения соответственно Украинского и Приволжского округов, а Забайкальский — путем реорганизации Забайкальской группы войск ОКДВА. А посему Иван Дубовой, Илья Гарькавый и Иван Грязнов в роли командующих находились всего несколько месяцев, что, однако, не помешало Дубовому стать командармом 2-го ранга, а остальным — только комкорами. Все это не могло не вызвать у последних чувства обиды и несправедливости, ущемления своих прав и предвзятого отношения к себе со стороны руководства наркомата обороны и лично Ворошилова.

Совершенно иная картина наблюдается в отношении заместителей командующих войсками округов: все они оказались в равном положении, получив свои три ромба. И это независимо от разряда округа: что в ОКДВА (М.В. Сангурский), где командующим был маршал; что в упомянутом

выше САВО (О.И. Городовиков). Исключение составил лишь заместитель из ЗабВО Яков Львович Давыдовский, которому оставили от его прежних четырех ромбов только два («комдив»). Почему это произошло, в силу каких обстоятельств и причин, сейчас трудно выяснить. Некоторые же детали подобных вещей изложил в разговоре с И.В. Дубинским летом 1936 года комкор С.А. Туровский — заместитель командующего Харьковским военным округом. Приведем часть этого диалога, где Туровский делится своими мыслями:

«...Удивляетесь — три ромба вместо четырех? После девальвации я получил прочное звание комкора... Я что? Потерял ромб, а иным вместо четырех ромбов дали три шпалы — полковника. Ворошилов говорит: «Чересчур много у нас развелось генералов». Вот и режут. Обиженные сунулись к наркому, а он им: «Вы знаете, какой чин Бека? Чин полковника. А он премьер-министр Польши! Так что не жалуйтесь...»[\[569\]](#)

Следует обратить внимание на такое обстоятельство — согласно Положению о командовании военного округа у командующего было два заместителя: один — по общим вопросам, а другой — по политической части. Роль последнего возлагалась на начальника политуправления округа. Кроме этого, в двух округах — Киевском и Белорусском, наиболее насыщенных кавалерийскими частями, — имелась и специальная должность заместителя по кавалерии. Такой пост соответственно занимали в 1935 году боевые соратники Ворошилова и Буденного — С.К. Тимошенко (КВО) и И.Р. Аланасенко (БВО). Вполне естественно, что оба они стали «комкорами».

Выше была упомянута должность заместителя командующего по политической части, он же начальник политуправления округа. Картина с присвоением воинских званий этой служебной категории выглядит следующим образом. Армейскими комиссарами 2-го ранга стали Г.И. Векличев (МВО), П.А. Смирнов (ЛВО), А.С. Булин (БВО), М.П. Амелин (КВО), С.Н. Кожевников (ХВО), А.И. Мезис (ПРИВО), Л.Н. Аронштам (ОКДВА). Всего же это звание получили 14 человек. Семь названных выше работали в военных округах, еще двое (А.С. Гришин и Г.И. Гугин) — на флотах, а остальные пять распределились так: два начальника академии — Военно-политической имени Н.Г. Толмачева (Б.М. Иппо) и Военно-хозяйственной (А.Л. Шифрес), а также заместитель начальника Политуправления РККА Г.А. Осепян, ответственный редактор газеты «Красная Звезда» М.М. Ланда и начальник Управления военно-учебных заведений РККА И.Е.Славин.

Казалось бы, должность начальника политуправления позволяла получить звание «армейский комиссар 2-го ранга» их руководителям во всех округах. Однако не тут-то было: если командующему «положили» на петлицы только три ромба, то тогда заместителю по политической части никак не полагалось иметь больше. Так оказалась обиженной еще одна довольно значительная по численности и своему влиянию группа военнослужащих.

Вероятно, Ворошилов и члены Высшей аттестационной комиссии при этом рассуждали так: «Если командующий получил «комкора», то и начальнику политуправления хватит «корпусного комиссара». Но такое утверждение подходило для САВО, ЗабВО, СибВО, но никак не соответствовало соотношению «командующий — начальник политуправления» в ЗакВО и СКВО, где первые лица имели звание «командарм 2-го ранга». Здесь, видимо, одним из доводов к тому, чтобы Г.Г. Ястребов (САВО), В.Н. Шестаков (ЗабВО), А.П. Прокофьев (СибВО), А.П. Ярцев (ЗакВО) и И.Г. Неронов (СКВО) получили «корпусного комиссара» было и то, что все они совсем недолго исполняли данную должность. На остальных округах сидели «зубры», возглавлявшие подобные политорганы по десять и более лет (А.С. Булин, С.Н. Кожевников, П.А. Смирнов). А вот в УрВО случился прецедент — начальнику его политуправления Г.А. Зиновьеву «пожаловали» только

дивизионного комиссара. А посему напрашивается вывод, что командование УрВО не в почете было у наркома.

В нашей стране, да и вне ее, широко известно имя Я.К. Берзина — легендарного руководителя советской военной разведки в 20-е и 30-е годы. О нем написано немало произведений художественного и документального жанра. Наиболее правдивыми из них являются книги супругов Колесниковых и Овидия Горчакова. Из содержания этих книг усматривается, что в деятельности Берзина, как руководителя военной разведки, был перерыв, связанный с работой в должности главного военного советника при правительстве Испанской Республики в 1936 — 1937 годах. Но мало кто знает, что в Испанию он уезжал из Хабаровска, где с 1935 года исполнял обязанности заместителя В.К. Блюхера по политической части. Но мы уже упоминали Л.Н. Аронштама — начальника политуправления ОКДВА, он же заместитель командующего по политической части. Получается парадокс, не наблюдаемый ни в одном округе, — два человека на одной и той же должности, или, что будет точнее, — два заместителя по политической части. Такого еще не бывало в РККА! Но ведь и ОКДВА в Красной Армии была одна. Поэтому, видимо, Блюхер и получил на армии, т.е. на округе маршала, хотя в том же Киевском или Белорусском военном округах войск было не меньше, если не больше.

Даже если внимательно вчитываться в текст специального приказа НКО по поводу освобождения Я.К. Берзина от должности начальника Разведуправления РККА, то из него все равно не усматривается, что Яна Карловича снимают с должности, а между ним и руководством наркомата (Ворошиловым и Егоровым — начальником Генерального штаба) существуют какие-то серьезные трения и разногласия. Но то была ссылка! Почетная, но ссылка. И это понимали многие сотрудники центрального аппарата Наркомата обороны, понимал, конечно, и сам Берзин.

Поначалу один из лучших людей Красной Армии (так Берзин был назван в означенном приказе) поступил в распоряжение наркома. Пребывание в таком качестве затянулось у него почти на полгода. И только в конце сентября 1935 года появился приказ о назначении его на Дальний Восток: «Состоящий в распоряжении НКО СССР Берзин П.И. назначается 2-м заместителем по политической части командующего войсками ОКДВА (для руководства работой разведки)». Но почему инициалы «П.И.», а не Ян Карлович, как в предыдущем приказе? Опять очередная загадка, которых вокруг имени Берзина набирается немало.

Назначением вторым заместителем по политической части (первым являлся Л.Н. Аронштам), пусть даже к маршалу Блюхеру в ОКДВА, Ян Карлович, без всякого сомнения, чувствовал себя ущемленным, а его специальные (профессиональные) знания и навыки разведчика оставались в значительной мере невостребованными. К тому же при присвоении званий ему дали только корпусного комиссара — ведь он всего лишь второй заместитель!.. Когда же появилась возможность поработать за рубежом, Берзин сразу попросился туда. В конце 1936 года эта просьба была удовлетворена, и он стал первым Главным военным советником в Испании, разумеется, республиканской.

Если уж до конца рассматривать ключевые фигуры окружного аппарата, то необходимо выделить должность начальника штаба. В те годы, о которых ведется повествование, данный пост и лица, его замещавшие, явным образом недооценивались и принижались. Это, в частности, наглядно видно из анализа присвоения персональных воинских званий в 1935 году, когда эта категория комначсостава оказалась наиболее обделенной. Если все заместители командующих, как мы показали, стали «комкорами», то из начальников штабов никто не удостоился такого высокого звания, за исключением Н.В. Лисовского, который по возрасту и сроку пребывания в должности

являлся старейшиной. Так вот только Лисовский — начштаба Приволжского военного округа — был удостоен звания «комкор», все же остальные — лишь «комдива» (Б.И. Бобров — БВО, П.И. Вакулич — СКВО, Г.С. Замилацкий — САВО, И.З. Зиновьев — СибВО, Д.А. Кучинский — КВО, К.А. Мерецков — ОКДВА, Я.Г. Рубинов — ЗабВО, С.М. Савицкий — ЗакВО, В.Д. Соколовский — УрВО, В.А. Степанов — МВО, П.Л. Соколов-Соколовский — ХВО, А.В. Федотов — ЛВО). Совершенно очевидно, что обиженных и недовольных среди данной категории оказалось предостаточно.

Большой разброс по шкале воинских званий получился среди начальников военных академий — здесь также ярко заметны пристрастия наркома. Если исключить из этого списка элитные вузы: Военную академию имени М.В. Фрунзе, начальник которой А.И. Корк был утвержден командармом 2-го ранга, и Военно-политическую академию имени Н.Г. Толмачева, работавшую под эгидой ЦК ВКП(б), — ее начальник Б.М. Иппо стал армейским комиссаром 2-го ранга, то некоторые руководители вузов оказались на положении пасынков, получив ровно половину того, что имели первые. Так, одним росчерком пера Ворошилова стали «комдивами» начальник Военной академии связи В.Е. Гарф, Артиллерийской — Д.Д. Тризна, «дивинженером» — начальник Электротехнической академии К.Е. Полищук, «дивврачом» — начальник Военно-медицинской академии А.Г. Кючарианц. Было и несколько «комкоров» — начальник Военно-инженерной академии И.И. Смолин, Военно-транспортной — С.А. Пугачев, Военной академии механизации и моторизации — М.Я. Германович, Военно-воздушной — А.И. Тодорский. Видимо, здесь было учтено то, что до академии все они занимали крупные должности в войсках: Смолин командовал Кавказской Краснознаменной армией, Пугачев — Туркестанским фронтом, а Тодорский и Германович работали заместителями командующих военных округов. Каждый из названных лиц, несомненно, рассчитывал получить более высокое признание своих заслуг перед советской властью, нежели как их оценил «железный» нарком и первый маршал страны.

- Коснемся еще одной, весьма своеобразной категории комначсостава РККА — военных атташе при полномочных представительствах СССР в других странах. Самым высшим для них оказалось звание «комкор», которое получили только два человека — В.К. Путна в Англии и Э.Д. Лепин — в Китае. Остальные же, в зависимости от прежних и настоящих заслуг, а также от степени близости и известности наркому, варьировались в диапазоне от «комдива» до «полковника». В число последних попали военные атташе в Болгарии, Иране, Афганистане, Латвии, Эстонии, Чехословакии, Финляндии. Характерно, что их «шеф» — начальник сектора военных и военно-морских атташе наркомата обороны А.А. Ланговой тоже ходил в полковниках, что лишний раз подчеркивает гораздо большую значимость и вес данного воинского звания в те годы, нежели в настоящее время.

Высшим тактическим соединением в РККА являлся корпус. Возьмем стрелковые корпуса. Всего их в 1935 году, с учетом Особого колхозного, было двадцать. Однако только немногие из их командиров получили наивысшее для этой категории командного состава звание «комкор». К таким избранным прежде всего следует отнести тех лиц, которые до назначения на корпус занимали крупные должности в центральном аппарате и были хорошо известны Ворошилову (дело в том, что присвоение званий от «комкора» и ниже являлось прерогативой наркома обороны): Г. И. Кулика, возглавлявшего Артиллерийское управление в конце 20-х — начале 30-х годов; М.В. Калмыкова — соответственно Командное управление; С.Е. Грибова — бывшего заместителя начальника Командного управления и др. Таковых из 20 человек набралось всего лишь шесть (30%). Все другие командиры стрелковых корпусов получили по два ромба «комдива».

Если брать в процентном соотношении, то подобная картина наблюдается в механизированных и кавалерийских корпусах. Так, из четырех командиров мехкорпусов Ворошилов «комкором» дал только одному Касьяну Чайковскому (11-й мехкорпус ЗабВО), остальные же три (М.М. Бакши, А.Н. Борисенко, Н.В. Ракитин) стали «комдивами». Несмотря на всю любовь к кавалерии, Климент Ефремович тем не менее не поспешил обласкивать своим вниманием командиров ее корпусов. «Комкором» стал только старый рубака Николай Криворучко, бессменно руководивший 2-м кавалерийским корпусом с 1925 года, приняв его сразу же после трагической гибели Григория Котовского. Четверем другим корпусным командирам пришлось довольствоваться лишь двумя ромбами на петлицах. Так что обиженных на Ворошилова среди командиров корпусов было предостаточно. А если добавить сюда и командиров авиационных корпусов (а их в конце 1935 года насчитывалось пять, и все они относились к типу тяжелобомбардировочных), никто из них «комкором» не стал.

В корпусном звене в число обделенных попали и начальники штабов. Менее половины из них получили «комбрига», остальные стали полковниками, хотя ранее, до присвоения воинских званий, значительная их часть имела более высокие служебные категории. То есть носили по одному («к-10») или даже два («к-11») ромба. Теперь же на петлицы легли по три «шпалы». И совсем считанные единицы попали в высший комначсостав из числа начальников штабов дивизий. За 1935 — 1936 годы из этой категории «комбрига» получили только три человека: И.Г. Бебрис (1-я Туркестанская горнострелковая дивизия), В.В. Корчиц (19-я стрелковая дивизия), В.В. Косякин (27-я стрелковая дивизия).

И в это же самое время «комбригами» становятся несколько командиров полков. В данном случае трудно проследить логику в поступках Ворошилова. Дело в том, что это высокое звание получили совсем не командиры прославленных полков, не герои Гражданской войны, широко известные в стране и армии, а лица, можно сказать, второго эшелона, не проявившие сколь-нибудь себя в военной науке и практике. К тому же и руководили они не кадровыми полками, а всего лишь запасными и территориальными (М.С. Ткачев, И.Ф. Николаев, П.Л. Рудчук). Как же тут не быть обиде — многие начальники военных училищ, командиры артиллерийских, авиационных и механизированных бригад застряли на несколько лет в полковниках, в то время как к высшему комначсоставу причислялись лица, не имевшие, мягко говоря, к тому достаточных оснований.

Итак, основная масса командиров корпусов стала «комдивами», а дивизий — «комбригами». В первое время такое положение, когда командира корпуса называли комдивом, а командира дивизии — комбригом, вносило сильную путаницу и сумятицу, вызывало порой недоумение и даже иронические замечания. Однако вскоре все стабилизировалось, вошло в привычную колею, ибо люди постепенно привыкли и к новым званиям, и к знакам различия.

В наркомате обороны предполагали, что какой-то процент обиженных будет — как в центральном аппарате, так и в войсках. На деле их оказалось во много раз больше, чем «планировали» нарком Ворошилов и Фельдман, начальник Управления по командному и начальствующему составу РККА. И прежде всего в среде высшего комначсостава: в их числе оказались упомянутые выше командующие войсками округов (САВО, ЗабВО, УрВО, СибВО). То есть им пришлось снять с петлиц своих форменных кителей и гимнастерок по одному ромбу, что было для них, безусловно, психологически неприятным событием. К тому же их заместители получили точно такое же звание «комкор», что нарушало важнейший кадровый принцип — «категория заместителя — на ступень ниже».

Уже отмечалось, что такие военачальники, как И.Э. Якир, И.П. Уборевич, И.П. Белов, получившие «командарма 1-го ранга», были удивлены и обескуражены, узнав о присвоении маршальского звания командующему ОКДВА В.К. Блюхеру. Все они с одинаковым успехом могли рассчитывать на это высокое воинское звание. А почему бы и нет! Округа у них перворазрядные, а у Белова к тому же и столичный. Войск у них (корпусов, дивизий и бригад) было не меньше, чем у Блюхера, а в Киевском и Белорусском — даже больше. Добавим и тот факт, что Блюхер до назначения в ОКДВА работал заместителем у Якира. Притом Якир. единственный среди командующих округами, являлся членом ЦК ВКП(б), и у него, как ни у кого другого, были все основания претендовать на маршальскую звезду. Правда, звездочку он получил, но то был всего лишь дополнительный знак на петлицы к его прежним четырем ромбам.

Не в пример Блюхеру, обласканному Сталиным, незаслуженно обойденной вниманием посчитала себя часть политсостава ОКДВА. Как явствует из донесения дивизионного комиссара И.Д. Вайнероса, бывшего заместителя начальника политуправления ОКДВА, политработники этой армии в 1935 году были весьма обеспокоены тем, что на всю Особую Краснознаменную не дали ни одного корпусного комиссара, кроме Я.К. Берзина.

Обделенным оказался и профессорско-преподавательский состав военных академий. А ведь среди него находилось много лиц, имевших в прошлом большие заслуги перед страной и занимавших крупные должности в Красной Армии — от командующих армиями и фронтами до Главкома Вооруженными Силами Республики. Немало там было преподавателей, возглавлявших в свое время штабы фронтов, округов, армий. Основная масса таких лиц сосредоточилась на кафедрах Военной академии имени М.В. Фрунзе. Самое большое, что им дали, — это звание «комдив».

Его получили немногие — Н.Г. Семенов, В.С. Лазаревич, Е.Н. Сергеев — в прошлом командармы, начальник штаба ряда фронтов Н.Н. Шварц и еще несколько человек. Исключение было сделано только для бывшего Главкома профессора И.И. Вацетиса — он остался при своих четырех ромбах. Подавляющее же число преподавателей стало комбригами и полковниками, что, естественно, вызвало поток мотивированных жалоб и критики в адрес руководства Наркомата обороны и лично наркома.

Если исходить из географии военных округов, то, по сравнению с восточными, к западным округам Ворошилов при раздаче воинских званий оказался более благосклонен — то ли по причине важности данных стратегических направлений, то ли из-за личных симпатий к их кадрам, но факт остается фактом: они как в количественном, так и в процентном отношении значительно выиграли. Что же касается аппарата НКО и Генерального штаба, то тут тоже не обошлось без обид: только начальники некоторых управлений, как мы уже показали, получили командарма 2-го ранга, все остальные стали комкорами и даже комдивами. В Генеральном штабе у маршала Егорова не оказалось ни одного заместителя в звании командарма 1-го или 2-го ранга. В частности, очень рассчитывал получить «командарма 2-го ранга» С.П. Урицкий — начальник Разведуправления РККА, однако и он стал только комкором.

Возвращаясь к вопросу об авторитете Ворошилова в Красной Армии и отношении к нему Сталина, следует отметить, что эти отношения в разные годы были различными — от дружески-приятельских в 20-е и первой половине 30-х годов до холодно-безразличных и даже неприязненных в последующие годы. В рассматриваемый нами период (1937 — 1938) отношение Сталина к Ворошилову (и соответственно к кадрам РККА) стало меняться в худшую сторону. Откровенно говоря, Сталин никогда не считал Ворошилова выдающимся полководцем и

военачальником, хотя и не мешал официальной пропаганде всюду возносить заслуги и доблести «первого маршала».

Кукушка хвалит петуха... Ворошилов не оставался в долгу, приложив много усилий для возвеличивания заслуг Сталина перед партией и государством. Крупным вкладом в такое восхваление явилась его статья «Сталин и Красная Армия», приуроченная к 50-летию юбилею Генсека (21 декабря 1929 г.) и опубликованная в «Правде». Основная цель этой слащаво-хвалебной статьи — восполнить «имеющийся пробел» в исследовании военной деятельности Сталина, как «одного из самых выдающихся организаторов побед Гражданской войны». В статье Ворошилов на полном серьезе утверждал, что все основные победы, одержанные в Гражданской войне (под Царицыном, Пермью, над Деникиным, Юденичем, Врангелем и другими), были достигнуты благодаря исключительным организаторским способностям Сталина.

Характерен сам по себе и такой факт. Сталин, ознакомившись в рукописи со статьей, сделал некоторые замечания. Например, первоначально там было написано, что у Сталина ошибок было меньше, чем у других. Это положение насторожило вождя, и он, по свидетельству Р.П. Хмельницкого, зачеркнув ее красным карандашом, сделал следующую пометку:

«Клим! Ошибок не было, надо выбросить этот абзац...» И расписался тем же толстым красным карандашом...[\[570\]](#)

В массовом сознании сформировался устойчивый образ монолитного Политбюро ЦК ВКП(б). Этому в значительной мере способствовала печать, в огромном количестве тиражируя фотоснимки президиумов различных съездов, конференций (партийных, комсомольских, профсоюзных, женских, стахановских и т.п.), на которых всегда рядом, плечом к плечу, сидели Сталин, Молотов, Ворошилов, Каганович, Орджоникидзе и другие члены Политбюро. Наибольший же интерес к себе при этом привлекали Сталин и Ворошилов: первый как Генсек, первое лицо в партии и стране, а второй выгодно выделялся своей формой одежды, будучи единственным военным среди членов Политбюро в предвоенные годы.

Однако на деле все обстояло далеко не так. Снова обратимся к воспоминаниям адмирала Кузнецова. «К этому времени (предвоенному. — Н. Ч.) относится и другой факт, заставивший меня серьезно задуматься о роли Ворошилова в верхах. До тех пор я просто представлял, как и все мы, небольшие командиры, что Сталин и Ворошилов — это дружно и согласованно работающие люди, и то, что делается в Вооруженных силах, делается, безусловно, с ведома и после совета с Ворошиловым...

...Я старался разобраться, что к чему. Со временем убедился, что Сталин не только не считался с Ворошиловым, но и держал его в страхе, и последний, видимо, побаивался за свою судьбу. «Вас подводили ваши помощники, вроде Гамарника», — сказал ему как-то при мне Сталин. И сказано это было таким тоном, что, дескать, он, Ворошилов, тоже несет ответственность.

В небольшом влиянии Ворошилова на дела уже в тот период я убедился потом окончательно. Как-то в 1940 году, докладывая флотские вопросы, я сослался на его мнение, думая, что это мне поможет. Тогда Сталин встал и сердито одернул меня: «Что понимает Ворошилов в делах флота? Он понимает только, как корабли идут полным ходом и песок летит из-под винтов»[\[571\]](#).

Все это, видимо, в значительной степени повлияло и на решение о создании Наркомата Военно-Морского Флота. Раз у Сталина сложилось такое мнение о Ворошилове, он уже не мог оставить за ним руководство морскими делами, когда в стране приступили к строительству морского и

океанского флота. По свидетельству адмирала Н.Г. Кузнецова, Ворошилов остался недоволен таким решением и не единожды высказывал это свое недовольство флотским руководителям.

Масштабы репрессий против кадров Красной Армии в 1937 — 1938 годах напугали даже его, члена Политбюро. Обеспокоенный проблемами личного благополучия, Ворошилов все более сдавал свои позиции и терял свое лицо в армии. Кузнецов утверждает, что в эти годы большие армейские вопросы Ворошилов уже не решал, и они исходили непосредственно от Сталина, а более мелкие решал Генеральный штаб во главе с чрезвычайно осторожным Б.М.

Шапошниковым. «...Все знали, что если вопрос попал к Ворошилову, то быть ему долгие недели в процессе подготовки... Это был уже не оперативный и решительный работник, а вредный для дела старый авторитет...»

В середине 30-х годов Ворошилов становится фактически бледной тенью Сталина, безропотным исполнителем его воли, планов и самодурства. Бесхребетность этого прежде храброго человека, не получавшего упреков в отношении личного мужества, во второй половине тридцатых годов неприятно поражает. Дело доходило до того, что на заседаниях Политбюро, при решении какой-либо проблемы путем опроса, Ворошилов по-лакейски подобострастно повторяет слово в слово резолюции, исполненные рукой Сталина. Так было, например, на пленуме ЦК ВКП(б), обсуждавшем поведение Н.И. Бухарина и А.И. Рыкова. С ними обоими у Ворошилова до этого многие годы сохранялись неплохие отношения, а с Бухариным — даже дружеские. Впрочем, как и у Сталина с Бухариным.

Так было и в отношении группы Тухачевского в июне 1937 года, когда обвиняемым накануне суда разрешили обратиться с заявлениями к Сталину и Ежову. При этом следователи настойчиво внушали им, что покаяние и полное признание ими своей вины помогут сохранить жизнь. Поступившие заявления направили членам Политбюро, и каждый из них выразил свое отношение к участию того или иного арестованного военачальника — оно оказалось полностью негативным. Так, Сталин на заявлении Якира написал: «Подлец и проститутка». Ворошилов верноподданнически соглашается с этим мерзким определением в адрес одного из опытнейших и авторитетных командующих войсками округов, его ближайшего подчиненного: «Совершенно точное определение». Такую же пометку сделал и Молотов. Лазарь Каганович, жестоко разгромивший кадры Наркомата путей сообщения, пошел еще дальше, написав на бумаге Якира: «Мерзавцу, сволочи и б... одна кара — смертная казнь»[\[572\]](#).

Одновременно с реабилитацией членов группы Тухачевского шла проверка обоснованности обвинений в адрес другого заместителя Ворошилова — Яна Борисовича Гамарника. В известном приказе НКВД № 96 от 12 июня 1937 года его имя упоминается в уничижительном плане в одном ряду с Тухачевским, Якиром и Уборевичем, он представлен там как мерзкий предатель и лакей империализма, память о котором навеки должна быть проклята. Одним словом, в судьбе Гамарника Ворошилов сыграл неблагоприятную роль. Когда-то неплохие (в конце 20-х и начале 30-х годов) их отношения к 1937 году вконец испортились. Правда, широкому кругу командиров РККА об этом не было известно, однако люди, близкие к окружению Ворошилова, знали, что Гамарник во многих вопросах солидарен с Тухачевским, Якиром, Уборевичем — основными критиками наркомата по проблемам военной доктрины, обучения войск, технического перевооружения вооруженных сил.

После ареста Леплевского, Ушакова, Николаева, Агаса, Фриновского, Радзивилловского, Ежова и других лиц, принимавших активное участие в расследовании дела «о военном заговоре», было установлено, что показания о причастности к нему Гамарника получены незаконными методами.

И все это для того, чтобы придать самоубийству начальника Политуправления РККА другую причину, чем это было в действительности.

Главная военная прокуратура изложила все эти мотивы Генеральному прокурору СССР Р.А. Руденко, а тот, в свою очередь, направил 22 июля 1955 года записку в ЦК КПСС. В конце записки содержался следующий вывод: «При таком положении сомнительные показания Тухачевского, Якира и Уборевича, при отсутствии других объективных доказательств, не могут быть положены в основу обвинения Гамарника Я.Б. в изменен Родине, и это обвинение с Гамарника Я.Б. должно быть снято»[\[573\]](#).

Президиум ЦК КПСС решил согласиться с предложением Генпрокурора. Генерал юстиции Б. А. Викторов передает содержание своего разговора с Руденко: «Когда Роман Андреевич сообщил нам об этом решении, мы спросили его: «А как реагировал на ваше предложение член Президиума ЦК К.Е. Ворошилов?»

— Как? Да никак. Куда денешься. Со скрипом, но проголосовал «за»[\[574\]](#).

После смерти Сталина Ворошилов начинает понимать, что наступила новая эпоха и что необходимо и думать, и поступать по-новому. Однако у него это не всегда и во всем получалось. Особое неприятие у Ворошилова, в то время Председателя Президиума Верховного Совета СССР, вызвало решение Н.С. Хрущева выступить на XX съезде партии с докладом о разоблачении культа личности Сталина. О своей готовности выступить с этим докладом Хрущев сообщил членам Президиума ЦК КПСС, в том числе и Ворошилову, во время одного из перерывов между заседаниями съезда. Высшие партийные сановники не поддержали нового Генсека. Ворошилов отреагировал особенно нервно: «Разве возможно все это рассказать съезду? Как это отразится на авторитете нашей партии, нашей страны? Этого же в секрете не удержишь. Что же мы скажем о нашей личной роли?.. Нас притянут к ответственности»[\[575\]](#).

Но Хрущев все-таки выступил со своим докладом. Дальнейшее свое развитие тема сталинских репрессий получила и на XXII съезде КПСС, где ему крепко досталось от делегатов, обвинивших маршала в пособничестве творимому произволу. Пришло время и ему каяться — известно заявление Ворошилова, в котором говорится, что он «полностью согласен с проведенной партией большой работой по восстановлению ленинских норм партийной жизни и устранению нарушений революционной законности периода культа личности» и глубоко сожалеет о том, что в той обстановке сам допустил ряд ошибок.

С 1953 по 1960 год Ворошилов находился в должности Председателя Президиума Верховного Совета СССР. Мы точно не знаем, мучила его совесть или нет, появлялись ли перед его глазами «кровавые мальчики» — лица своих подчиненных, арест которых он с легкостью необыкновенной санкционировал десятками и сотнями. Но точно известно другое — не одобряя в целом курс на разоблачение культа личности, он в 1955 — 1956 годах поддержал просьбы о реабилитации тех командиров, кого знал много лет по службе в Красной Армии. Правда, личные, т.е. письменные, отзывы он не любил давать, их крайне мало, буквально считанные единицы. Больше известны резолюции Ворошилова на письмах и жалобах на его имя, как формального главы государства — их в определенной степени можно посчитать за отзывы. В своих резолюциях он писал следующее: «Знал, как преданного командира», «Сомневался, что может вредить», «Был отличным политработником» и тому подобное.

Вполне естественно, что в бытность наркомом обороны Ворошилов хорошо знал начальников главных и центральных управлений РККА, подчиненных ему лично. Таких, например, как Инженерное, Санитарное, Химическое, Ветеринарное и др. Обязанности начальника Химического управления РККА до 5 июня 1937 года исполнял коринженер Я.М. Фишман. Судили его дважды: в 1940 году от Военной коллегии он получил десять лет ИТЛ и второй раз от Особого Сопещания в 1949 году — ссылку в Красноярский край.

В 1954 году, возбудив ходатайство о реабилитации, Фишман обратился за поддержкой к своему бывшему начальнику. Вот фрагмент этого письма. «В течение 17 лет на мне лежит позорное пятно государственного преступника. Я не раз писал, еще будучи в заключении, о своей полной невинности, но безрезультатно. Все предъявлявшиеся мне обвинения были лживы от начала до конца...

В настоящее время дело о моей реабилитации находится в Главной военной прокуратуре (ул. Кирова, 14), но лежит уже 8-й месяц, и неизвестно, когда пересмотр будет закончен.

У меня есть ряд научных трудов по химии, часть которых внедрена в нашу промышленность, накоплен большой опыт за 40 лет работы по специальности, есть незаконченные научные работы, но я не имею возможности вести научную работу, так как не имею для этого необходимых условий...

Я ни в чем не злоупотреблял Вашим доверием. Я ни в чем не провинился ни перед нашей Великой Коммунистической партией, ни перед нашей Советской Родиной. Я прошу Вас только об одном — Вашей помощи в ускорении пересмотра моего дела и в восстановлении моего честного имени»[\[576\]](#).

Письмо дошло до адресата. Через десять дней после его отправки Ворошилов наложил на нем следующую резолюцию: «Тов. Руденко Р.А. Очень прошу ускорить рассмотрение дела гр. Фишмана, которого очень хорошо знаю и всегда сомневался в его виновности».

Вот так — «очень хорошо знаю и всегда сомневался в его виновности»! А как же быть с его санкцией на арест Фишмана? А как объяснить безответные заявления Якова Моисеевича, которые он за долгие годы своего заключения десятками направлял руководителям партии, государства, прокуратуры и лично Ворошилову? Ответ один — в те годы Климент Ефремович побоялся заступиться за человека, которого, как он говорит, хорошо знал и высоко ценил. Боялся, видимо, запачкаться, ходатайствуя за политзаключенного. Хотя сделать это в отношении Фишмана было гораздо легче, нежели относительно кого-либо другого — Яков Моисеевич с 1937 года трудился в так называемой «шарашке» — Особом техническом бюро. Кстати, вместе с выдающимися конструкторами: самолетов — А.Н. Туполевым, минометов — Б.И. Шавыриным, двигателей для ракет — В.П. Глушко и др. И свои десять лет заключения Фишман пробыл от звонка до звонка.

Бывший секретарь Ворошилова корпусной комиссар Иван Петухов, отбывая наказание в ИТЛ, умер в конце мая 1942 года. Вдова Петухова в 1954 году обратилась к Ворошилову с заявлением о посмертной реабилитации мужа. На этом заявлении, как и в случае с Фишманом, маршал отписал Генпрокурору СССР: «Прошу рассмотреть, помочь. Петухова лично знаю (работал у меня в секретариате), уверен, что пострадал без вины и во всяком случае невиновен в предъявленных ему преступлениях»[\[577\]](#).

Перестройка совсем не означает, что надо становиться лицемером. Однако в случае с Ворошиловым происходит именно такое превращение — в зависимости от обстановки и

политического климата оценка одного и того же человека у него меняется на прямо противоположную. Сравните слова приказа № 96 от 12 июня 1937 года: «Мировой фашизм и на этот раз узнает, что его верные агенты Гамарники и Тухачевские, Якиры и Уборевичи и прочая предательская падаль, лакейски служившие капитализму, стерты с лица земли...»

И строки его небольшого очерка в юбилейном сборнике «Ян Гамарник», изданном к 80-летию со дня рождения последнего: «Вся сравнительно короткая жизнь Яна Борисовича Гамарника — это трудовой и ратный подвиг... Ян Гамарник на любом посту работал с полной энергией. Он показывал пример простоты и скромности, органически не терпел кичливости и зазнайства. Он был настоящим большевиком-ленинцем. Таким он и останется в сердце тех, кто знал его лично...»[\[578\]](#)

Ворошилов многие годы являлся пособником Сталина. И следует согласиться с генерал-лейтенантом юстиции Б.А. Викторовым, бывшим заместителем Главного военного прокурора, отдавшим немало сил и времени работе по реабилитации жертв политических репрессий, который резонно ставит вопрос о том, чтобы объявить преступником, наряду со Сталиным, и его многолетнего соратника К.Е. Ворошилова. Несмотря ни на какие заслуги в прошлом...

[Дальше](#)

Послесловие

Репрессии против кадров Красной Армии ведут свое начало от «красного террора» времен Гражданской войны. Ее окончание совсем не означало прекращения репрессий — классовая борьба продолжалась, и это нашло отражение в соответствующих партийных документах. Так, в резолюции XII Всероссийской конференции РКП(б) (август 1922 г.) отмечалось, что репрессии диктуются революционной целесообразностью, особенно когда дело идет о подавлении тех отживающих групп, которые пытаются захватить старые, отвоеванные у них пролетариатом позиции[\[579\]](#).

Если рассматривать межвоенный период истории Вооруженных Сил СССР в качестве полигона для отработки масштабов, форм и методов репрессий против их командных, политических, инженерно-технических кадров (а оно, по существу, так и было), то вывод напрашивается один: достигнутые результаты превзошли все ожидания известных нам и неизвестных творцов этой беспримерной Варфоломеевской ночи, растянувшейся на десятки лет. Что получилось в итоге, мы частично показали на примере 1937 — 1938 годов. Знал ли вероятный противник об изменениях качества командно-начальствующего состава Красной Армии? Безусловно, знал. Мы уже приводили примеры работы спецслужб ведущих стран Западной Европы и в первую очередь Германии по детальному отслеживанию событий в СССР и Красной Армии. Это также можно увидеть, обратившись к докладу исполняющего обязанности военного атташе Германии в СССР полковника Кребса, вернувшегося из Москвы в Берлин в начале мая 1941 года: «Русский офицерский корпус исключительно плох (производит жалкое впечатление), гораздо хуже, чем в 1933 году. России потребуется 20 лет, чтобы офицерский корпус достиг прежнего уровня...»[\[580\]](#)

В данном случае устами противника глаголет суровая (суровее и быть не может!) истина. Вот одна из весомых причин, лишней раз подтолкнувшая Гитлера к принятию окончательного решения о военном нападении на СССР в 1941 году. Выступая на совещании в ставке вермахта 9 января 1941 года, фюрер, исходя из оценки состояния СССР и Красной Армии, сделал такое заявление:

«Поскольку Россию в любом случае необходимо разгромить, то лучше это сделать сейчас, когда русская армия лишена руководителей»[\[581\]](#).

Говоря о репрессиях против кадров РККА в 1937 — 1938 годах и их трагических последствиях для Вооруженных Сил СССР и страны в целом, нельзя пройти мимо «Открытого письма Сталину», написанного 17 августа 1939 года бывшим послом СССР в Болгарии Ф.Ф. Раскольниковым, членом партии большевиков с 1910 года. В дни Октябрьской революции Федор Раскольников входил в состав Петроградского ВРК. После революции он назначается комиссаром Морского генерального штаба, а затем — членом коллегии морского комиссариата. Далее мы видим его среди руководителей знаменитого «Ледового похода» кораблей Балтийского флота из Гельсингфорса и Ревеля в Кронштадт, среди организаторов потопления Черноморского флота в 1918 году (чтобы тот не достался немцам). Пробившись в Царицын с отрядом матросов-черноморцев сквозь занятые белоказаками районы, Раскольников вскоре назначается членом РВС Восточного фронта, а через некоторое время — командующим Волжской военной флотилией. Затем он служил на Балтике, был в плену у англичан и сидел в лондонской тюрьме. Обмененный Советским правительством, снова командует Волжской, а потом Каспийской флотилиями. За боевые подвиги и личное мужество дважды удостоивается ордена Красного Знамени.

Такая справка о жизненном и боевом пути Раскольникова понадобилась нам с единственной целью — показать, что он для Красной Армии был человеком совсем не чуждым, вложившим в ее строительство немало своих сил, энергии и таланта. А посему его «Открытое письмо Сталину», особенно в части, касающейся РККА и ее командиров, звучит тревожным набатом. Страстные слова обвинения в адрес Генсека ВКП(б) буквально кровоточат, они взывают к живым и павшим, сообщая всему миру о вопиющем беззаконии, творимом «вождем народов», о попрании в СССР элементарных прав человека. Вот только некоторые фрагменты этого письма, относящиеся к обороне страны и Красной Армии. Публично еще никто — ни до, ни после — не говорил Сталину таких беспощадных слов. Разве что Троцкий из его далекого и близкого зарубежья. Однако всем было известно, что Лев Давидович являлся давним соперником Сталина, а точнее — его недругом, и поэтому критические выступления Троцкого воспринимались людьми совершенно по-иному, нежели обвинения Раскольникова, не имевшего отклонений от генеральной линии партии. Правда, обращение группы Рютина в 1932 году обладало не меньшим зарядом обличений в адрес Сталина, но с его содержанием был знаком лишь небольшой круг членов партии. А здесь!..

«...Никто в Советском Союзе не чувствует себя в безопасности. Никто, ложась спать, не знает, удастся ли ему избежать ночного ареста. Никому нет пощады. Правый и виноватый, герой Октября и враг революции, старый большевик и беспартийный, колхозный крестьянин и полпред, народный комиссар и рабочий, интеллигент и Маршал Советского Союза — все в равной мере подвержены ударам вашего бича, все кружится в дьявольской кровавой карусели...

Накануне войны вы разрушаете Красную Армию, любовь и гордость страны, оплот ее мощи. Вы обезглавили Красную Армию и Красный Флот. Вы убили самых талантливых полководцев, воспитанных на опыте мировой и гражданской войн, во главе с блестящим маршалом Тухачевским.

Вы истребили героев Гражданской войны, которые преобразовали Красную Армию по последнему слову военной техники и сделали ее непобедимой.

В момент величайшей военной опасности вы продолжаете истреблять руководителей армии, средний командный состав и младших командиров...

Для успокоения взволнованных умов вы обманываете страну, что ослабленная арестами и казнями Красная Армия стала еще сильнее...

В созданной вами гнилой атмосфере подозрительности, взаимного недоверия, всеобщего сыска и всемогущества Наркомвнудела, которому вы отдали на растерзание Красную Армию и всю страну, любому «перехваченному» документу верят — или притворяются, что верят, — как неоспоримому доказательству...»[\[582\]](#)

Федор Раскольников писал эти строки во Франции, далеко от Москвы, обвиняя Сталина в создании атмосферы тотальной подозрительности, недоверия, шпиономании и доноительства. Если подобное чувствовали граждане СССР, находившиеся в Париже и других французских городах, то что тогда говорить об обстановке внутри Советского Союза. Примерно в то же время начальник артиллерии РККА командарм 2-го ранга Н.Н. Воронов, говоря о крайне отрицательных последствиях творимого НКВД произвола для боеспособности войск, в своей докладной записке наркому обороны откровенно отмечал: «В армии создалась такая обстановка (после 1937 г.), что командир как-то не чувствует себя уверенным в своих действиях: любой подчиненный может в любой момент поднять шум по любому его мероприятию по партийной и комсомольской линии, по линии органов, пойти пожаловаться политруку или военному комиссару, и командир никогда не может быть гарантирован, что немедленно не начнется разбор дела...»[\[583\]](#)

Воронов здесь имеет в виду последствия массового избиения кадров Красной Армии, случившегося в 1937-м и в последующие годы, что самым негативным образом сказалось в ходе финской кампании, особенно первой ее половины, продемонстрировавшей многие слабые места в боеспособности советских войск. В неудачах, имевших место в конце 1939 — начале 1940 года, Сталин, Молотов, Ворошилов, Берия и Мехлис поспешили обвинить командный состав этих войск, обрушив на него новую волну жестоких репрессий. То же самое повторится и летом 1941 года, когда вину за крупные поражения Красной Армии на центральном направлении Сталин взвалит на командование Западного фронта (генералы Д.Г. Павлов, В.Е. Климовских, А.Т. Григорьев, А.А. Коробков, Н.А. Клич, А.И. Таюрский). Тогда же необоснованно был репрессирован ряд генералов и старших офицеров других фронтов и управлений наркомата обороны.

Как известно, нарком Ворошилов в 1937 — 1940 годах неоднократно, в целях успокоения общественного мнения в стране и армии, утверждал о пользе «чистки» кадров, заявляя, что в результате ее Красная Армия только крепнет. Все это ложь от начала и до конца, попытка оправдания тех репрессий, что обрушились на командный состав РККА. И снова тот же вопрос — что получила в результате Красная Армия, какой она предстала в суровую годину испытаний? Как проявилась эта самая «крепость кадров» в первые месяцы войны? Именно такие мысли обуревали уже упомянутого нами комбрига А.В. Горбатова в то время (июнь 1941 г.) — заместителя командира 25-го стрелкового корпуса:

«Сводки Информбюро приносили только печальные вести: 25 июня мы узнали, что противник занял города Каунас и Вильнюс. На восточном берегу Днепра появились беженцы, целыми селениями уходящие с Правобережной Украины. Считалось, что противник продвигается столь быстро из-за внезапности его нападения и потому, что Германия поставила себе на службу промышленность чуть не всей Европы. Конечно, это было так. Но меня до пота прошибли мои прежние опасения: как же мы будем воевать, лишившись стольких опытных командиров еще до войны? Это, несомненно, была, по меньшей мере, одна из главных причин наших неудач, хотя о ней не говорили или представляли дело так, будто 1937 — 1938 годы, очистив армию от «изменников», увеличили ее мощь»[\[584\]](#).

И далее: «Мне, только что вернувшемуся в армию (из лагеря на Колыме. — Н. Ч.), все это казалось плохим сном. Не верилось тому, что видели глаза. Я пытался отогнать навязчивую мысль: «Неужели 1937 — 1938 годы так подорвали веру солдат в своих командиров, что они и сейчас думают, не командуют ли ими враги народа?»[\[585\]](#)

Действительно, откуда же было взяться опытным кадрам, если необоснованные репрессии, которым подвергся комначсостав РККА, причинил ему тяжелый, непоправимый урон. А последовавшее, начиная с 1939 года, значительное увеличение численности практически всех родов и видов войск, повлекло за собой большие изменения в качестве командных, политических и инженерно-технических кадров. В результате к руководству военными округами, армиями, корпусами, дивизиями и полками пришло много новых людей, зачастую не имевших достаточного опыта работы в занимаемой должности. Об этом свидетельствуют следующие данные, характеризующие названные выше категории комначсостава РККА накануне Великой Отечественной войны.

Наименование должностей	Кол-во	Выслуга в указанной должности (количество и проценты)			
		До 3 мес.	От 3 до 6 мес.	От 6 мес. до 1 года	От 1 года и более
Командующие войсками воен. окр.	17	3 17,6	4 23,5	5 29,4	3 17,6
Члены Военных советов воен. окр.	17	1 5,9	5 29,4	5 29,4	3 17,6
Начальники штабов воен. округов	17	2 11,9	2 11,9	7 41,3	1 5,9
Командующие армиями	20	10 50,0	3 15,0	5 25,0	--
Члены Военных советов армий	20	10 50,0	1 5,0	4 20,0	5 25,0
Начальники штабов армий	20	9 45,0	1 5,0	6 30,0	2 10,0
Командиры стр., мех. и кав. корп.	95	19 20,0	28 29,4	26 27,3	11 11,6
Начальники отд. полит, проп. корп	95	42 44,2	11 11,6	20 21,1	17 17,8
Начальники штаб. стр. мех. кав. кор	69	12	22	22	6

		17,3	31,8	31,8	8,
Ком-ры стр., горностр. и мотодив.	198	59 29,8	10 5,1	51 25,7	65 32
Командиры танковых дивизий	61	--	59 96,7	2 3,3	--
Начальники штабов стр. дивизий	100	17 17,0	4 4,0	37 37,0	34 34
Командиры стрелковых полков	172	50 29,1	12 7,0	40 23,3	47 27

Из таблицы видно, что в среднем 75% командиров и 70% политработников имели незначительный (до одного года) стаж работы в занимаемых должностях [\[586\]](#).

Бумеранг, как известно, возвращается и поражает своих при неправильном его использовании, при неверном расчете траектории. Репрессии против кадров армии и флота в 1937 — 1938 годах и явились таким бумерангом, в чем можно убедиться на событиях финской кампании и первых лет Великой Отечественной войны.

[Дальше](#)

Приложение. Репрессии против членов семей высшего командного состава РККА в 1937 — 1938 гг. (звено Маршал Советского Союза — командарм 1-го и 2-го ранга — комкор и им равные)

№ п/п	Воинское звание, фамилия, имя и отчество военнослужащего (когда и кем осужден, мера наказания)	Степень родства	Фамилия, имя и отчество члена семьи. Занимаемая должность	Год рождения	Дата ареста	Статья обвинения	Предварительное следствие
1.	Маршал Советского Союза Блюхер Василий Константинович (умер во время следствия 9.11.1938г.)	жена (первая)	Покровская Галина Павловна (домохозяйка)	1899	24.10.1938	Шпионаж (Япония). Недонос.	ВП
		жена (вторая)	Кольчугина-Блюхер Галина Александровна (слушательница военного факультета)	1899	22.10.1938	Шпионаж (Япония). Недонос.	частично ВП

			Академии связи им. Подбельского)				
		жена (третья)	Безверхова-Блюхер Глафира Лукинична (домохозяйка)	1916	12.02.1951	Недонос. СОЭ	ВНП
		дочь (от 1-й жены)	Белова Зоя Васильевна	1923	22.10.1938	Шпионаж (Япония). Недонос.	ВНП
		брат	Блюхер Павел Константинович (командир авиазвена при штабе ВВС ОКДВА, капитан)	1905	22.10.1938	КРД	ВП
		Жена брата	Богущкая-Блюхер Лидия Фоминична	1905			ВП
2.	Маршал Советского Союза Буденный Семен Михайлович (репрессиям не подвергался)	жена (вторая)	Михайлова-Буденная Ольга Стефановна (артистка, певица Большого театра)	1905	август 1937	Шпионаж (Польша)	ВНП
3.	Маршал Советского Союза Егоров Александр Ильич (22.02.1939г. ВКВС. ВМН)	жена (вторая)	Егорова (Цешковская) Галина Антоновна (актриса)	1898	январь 1938	Шпионаж (Польша). Недонос.	ВП
4.	Маршал Советского Союза Тухачевский	жена	Тухачевская Нина Евгеньевна	1900	июнь1937	ЧСИР	ВНП

<p>Михаил Николаевич (11.06.1937 г. Спец. Судебное Присутствие Верховного Суда СССР. ВМН)</p>		(домохозяйка)		5.09.1937	ЧСИР Недонос.	
					Участие в террор. группе	ВП
	мать	Тухачевская Мавра Петровна	1868		ЧСИР	ВНП
	дочь	Тухачевская Светлана Михайловна	1922	12.9.1944	КРА	ВНП
	брат	Тухачевский Николай Николаевич (старший преподаватель по военным предметам Московского текстильного института, майор запаса)	1889	3.07.1937	КРД Недонос	
	Жена брата Николая	Тухачевская Мария Викентьевна (домохозяйка)	1905		ЧСИР	ВНП
	брат	Тухачевский Александр Николаевич (преподаватель кафедры военных	1895	29.08.1937	КРД ЧСИР	ВНП

		сообщений Военно- транспортной академии РККА, военинженер 2- го ранга)				
	жена брата Александра	Тухачевская Зинаида Федоровна (счетовод в отделе охраны Московско- Казанской железной дороги)	1900	22.12.1937	ЧСИР	ВНП
				июль 1948	СОЭ	ВНП
	сестра	Арватова- Тухачевская Елизавета Николаевна			ЧСИР	ВНП
					СОЭ	ВНП
муж сестры Елизаветы	Арватов Юрий Игнатьевич (пенсионер)	1898	14.07.1937	Шпионаж		
	сестра	Гейман- Тухачевская Ольга Николаевна	1903	27.09.1937	Недоносит. ЧСИР	ВНП
				1948	СОЭ	ВНП
					СОЭ	ВНП

		муж сестры Ольги	Гейман Лев Михайлович		1937	СОЭ	ВНП	
		сестра	Владиминова- Тухачевская Мария Николаевна (библиотекарь Осоавиахима СССР)	1907	27.09.1937	Недоносит. ЧСИР	ВНП	
					1.07.1948	СОЭ	ВНП	
		муж сестры Марии	Владимиров Максим Андреевич (инспектор ПВО при СНК РСФСР, полковой комиссар)	1887				
		дочь сестры Марии	Владиминова Марианна Максимовна (студентка Московского архитектурного института)	1926	14.12.1950	СОЭ	ВНП	
5.	Армейский комиссар 1-го ранга Гамарник Ян Борисович (покончил жизнь самоубийством 31.05. 1937г.)	жена	Авербух- Гамарник Блюма Савельевна (редактор- консультант Военного издательства)	1892		ЧСИР	ВНП	
						28.08. 1937	ЧСИР	ВНП
							Участие в террор. группе	ВНП

		дочь	Гамарник (Кочнева) Виктория Яновна	1924		СОЭ	ВНП
		сестра	Гамарник Фаина Борисовна	1900		СОЭ	
		муж сестры	Газганов Э.Я. (ректор Смоленского пединститута)		1936		
					Август 1937		
6.	Армейский комиссар 1 -го ранга Смирнов Петр Александрович (22.2.1 939 г. ВКВС. ВМН)	жена	Смирнова Анна Дмитриевна (домохозяйка)	1901	2.07. 1938	Недонос. ЧСИР	ВНП
7.	Командарм 1 -го ранга Белов Иван Панфилович (29.07. 1938г. ВКВС. ВМН)	жена	Дударева Александра Лавоентьевна	1907	январь 1938	Недонос. ЧСИР	
8.	Командарм 1 -го ранга Уборевич Иероним Петрович (11 .06. 1937г. Спец. Судебное Присутствие Верховного Суда СССР. ВМН)	жена	Уборевич Нина Владимировна (домохозяйка)	1900	5.09. 1937	ЧСИР	ВНП
						Недонос. ЧСИР	ВНП

						Участие в террор. группе	ВНП
		дочь	Уборевич Владимира Иеронимовна	1924		СОЭ	ВНП
9.	Командарм 1 -го ранга Федько Иван Федорович (26.02. 1939г. ВКВС. ВМН)	жена	Федько Зинаида Михайловна (врач поликлиники)	1903	7.07. 1938	Недонос. КРА ЧСИР	
10.	Командарм 1 -го ранга Якир Иона Эммануилович (11.06. 1937г. Спец. Судебное Присутствие Верховного Суда СССР. ВМН)	жена	Якир Сарра Лазаревна (секретарь Гослитизда та Украины)	1900		ЧСИР	ВНП
					19.09. 1937	Недонос. КРА ЧСИР	ВНП
						КРА	ВНП

					20.08. 1948	КРА	ВНП
12.	Командарм 2-го ранга Великанов Михаил Дмитриевич (29.07. 1938г. ВКВС. ВМН)	жена	Великанова Елизавета Яковлевна	1898	9.01. 1938	Недонос. ЧСИР	ВНП
		сын	Великанов Владимир Михайлович (студент)	1922	март 1949	КРА СОЭ	ВНП
13.	Командарм 2-го ранга Дубовой Иван Наумович (28.07. 1938г. ВКВС. ВМН)	жена	Чередник- Дубовая Нина Дмитриевна (директор Гослитиздата Украины)	1901		Недонос. ЧСИР	ВНП
		отец	Дубовой Наум Ипатьевич (пенсионер)	1875	14.07. 1937	ЧСИР	ВНП
14.	Командарм .2-го ранга Дыбенко Павел Ефимович (29.07. 1938г. ВКВС. ВМН)	жена (третья)	Дыбенко Зинаида Викторовна	1906	18.03. 1938	Недонос ЧСИР	ВНП
15.	Командарм 2-го ранга Каширин Николай Дмитриевич (14.06. 1938г.	жена (вторая)	Каширина- Здобнова Валентина Александровна (домохозяйка)	1914	9.12. 1937	ЧСИР СОЭ	ВНП

	ВКВС. ВМН) (начальник мобилизационного отдела Наркомата лесной промышленности СССР	брат	Каширин Иван Дмитриевич	1890	21.06. 1937	КРД	
		брат	Каширин Петр Дмитриевич	1892	6.06.1937	КРД	
16.	Командарм 2-го ранга Корк Август Иванович (11.06. 1937г. Спец. Судебное Присутствие Верховного Суда СССР. ВМН)	жена	Корк Екатерина Михайловна (домохозяйка)	1894		ЧСИР	ВНП
					5.09.1937	Недонос. ЧСИР	ВНП
						Участие в террор. группе	ВНП
17.	Командарм 2-го ранга Левандовский Михаил Карлович (29.07. 1938г. ВКВС. ВМН)	жена	Левандовская Лидия Иеремеевна (домохозяйка)	1888	26.05. 1938	Недонос. ЧСИР	ВНП
18.	Командарм 2-го ранга Седякин Александр Игнатьевич (29.07. 1938г. ВКВС. ВМН)	жена	Седякина (Дыбенко- Седякина) Валентина Александровна (домохозяйка)	1898	2.12. 1937	Шпионаж	ВНП
19.	Командарм 2-го ранга Халепский Иннокентий Андреевич (29.07. 1938г. ВКВС, ВМН)	жена	Халепская Валентина Александровна (домохозяйка)	1897	28.11. 1937	КРА ЧСИР	ВНП
20.	Армейский комиссар 2-го ранга Амелин	жена	Амелина Стефания Болеславовна	1904	19.09. 1937	Недонос. ЧСИР	ВНП

Примечания

- {1} Куманев Г.А. В огне тяжелых испытаний // История СССР. 1991, № 2. С. 7.
- {2} Там же.
- {3} Коммунист. 1988. №. 9. С. 88.
- {4} Военно-исторический журнал. 1993. № 5. С.48.
- {5} Российский государственный военный архив (далее — РГВА), ф. 31983,оп.3,д. 152, л. 151.
- {6} Военные кадры Советского государства в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг. М.: Воениздат, 1963. СП.
- {7} Правда. 1989.22 июня.
- {8} Военно-исторический журнал. 1993. № 1. С. 56–59.
- {9} Военно-исторический журнал. 1993. № 1. С. 60–61.
- {10} Там же. С. 62.
- {11} Известия ЦК КПСС. 1989. № 4. С. 45.
- {12} Вопросы истории. 1993. № 9. С. 23,27.
- {13} Военные архивы России. 1 выпуск. 1993. С. 13.
- {14} Там же. С. 63.
- {15} Известия ЦК КПСС. 1989. № 4. С. 53.
- {16} Там же. С. 54.
- {17} Источник. 1994. № 3. С. 76.
- {18} Там же. С. 78–79.
- {19} Там же. С. 79.
- {20} Там же. С. 80.
- {21} Дубинский И.В. Особый счет. М.: Воениздат, 1989. С. 217.
- {22} Мерецков К.А. На службе народу. М.: Политиздат, 1968. С. 166–167.
- {23} Бобренев В.А., Рязанцев В.Б. Палачи и жертвы. М.: Воениздат, 1993. С. 203–204.
- {24} Правда. 1937.13 июня.
- {25} РГВА, ф. 4, оп. 15, д. 13, л. 187.
- {26} Источник. 1994. № 3. С. 85.
- {27} РГВА, ф. 4, оп. 15, д. 13, л. 196.
- {28} Якупов Н.М. Сталин и Красная Армия // История СССР. 1991. № 5. С. 172.

- {29} Там же.
- {30} Там же.
- {31} Архив Главной военной прокуратуры (далее — АГВП). НП 16210–37. Л. 166–167.
- {32} Якупов Н.М. Сталин и Красная Армия. С. 171.
- {33} Подсчитано автором по материалам РГВА.
- {34} Якупов Н.М. Сталин и Красная Армия. С. 170–171.
- {35} Известия ЦК КПСС. 1989. № 4. С. 59.
- {36} Там же. С. 58.
- {37} Там же. С.57.
- {38} Военные архивы России. 1 выпуск. С. 54–55.
- {39} Там же. С. 51.
- {40} Там же. С. 55–56.
- {41} Там же. С. 56–57.
- {42} Там же. С. 45.
- {43} Там же. С. 43.
- {44} Там же. С. 38.
- {45} Московский городской военный комиссариат (далее МГВК). Личное дело Е.И. Горячева. Л. 31.
- {46} Военно-исторический журнал. 1994. № 1. С. 16,17.
- {47} Там же. С. 18.
- {48} Там же.
- {49} Там же. С. 19.
- {50} РГВА, ф. 4, оп. 11, д. 54, л. 19.
- {51} Там же. Л. 21.
- {52} Там же. Л. 23.
- {53} Там же. Л. 25–26.
- {54} Источник. 1994. № 3. С. 83.
- {55} Там же. С. 76.
- {56} Там же. С. 98–100.
- {57} АГВП. НП 48462–55. Л. 7.

- {58} Там же. Л. 8.
- {59} Источник. 1994. № 1. С. 94,95,103.
- {60} АГВП. НП 19273–55. Л. 38.
- {61} Военно-исторический журнал. 1993. № 2. С. 74.
- {62} Там же.
- {63} Там же. С. 74–75.
- {64} Там же. 1994. №1. С. 18.
- {65} АГВП. НП 56167–55. Л. 44.
- {66} Военно-исторический журнал. 1993. № 2. С. 76.
- {67} Там же.
- {68} Там же. С. 77.
- {69} РГВА. ф. 4, оп. 15, д. 14, л. 308–309.
- {70} Военно-исторический журнал. 1993. № 2. С. 77.
- {71} Там же. № 5. С. 59.
- {72} Там же. № 2. С. 76.
- {73} Архивно-следственное дело (далее — АСД) Я.И. Алксниса. Том 11. Л. 83–84, 86.
- {74} АГВП. НП 8067–37. Л. 10.
- {75} ЦА ФСБ. АСД Я.И. Алксниса. Том 11. Л. 149.
- {76} Там же. Л. 76.
- {77} АГВП. НП 8067–37. Л. 3.
- {78} Там же. Л. 42.
- {79} Военно-исторический журнал. 1993. № 2. С. 75.
- {80} Там же.
- {81} АГВП. НП 40007–54. Л. 143.
- {82} ЦА ФСБ. АСД И.П. Белова. Л. 647.
- {83} АГВП. НП 40007–54. Л. 159.
- {84} ЦА ФСБ. АСД Н.Н. Федорова. Том. 1. Л. 121,161.
- {85} Там же. Том И. Л. 224.
- {86} ЦА ФСБ. АСД И.И. Шапиро. Л. 216.

- {87} Там же. АСД Н.Н. Федорова. Том 11. Л. 348.
- {88} РГВА, ф. 25900, оп. 6, д. 8, л. 36–37.
- {89} Там же. Л. 42–44.
- {90} Там же. Д. 144, л. 2,20–21,60–61.
- {91} Лобачев А.А. Трудными дорогами. М.: Воениздат, 1960. С. 87.
- {92} Волкогонов Д. Накануне войны //Уроки истории. М.: Политиздат. 1989. С. 301–302.
- {93} Военно-исторический журнал. 1994. № 1. С. 17.
- {94} Там же. 1993. № 3. С. 26.
- {95} РГВА, ф. 33987, оп. 3, д. 56, л. 120–122.
- {96} Военно-исторический журнал. 1993. № 3. С. 26.
- {97} Там же.
- {98} РГВА, ф. 33987, оп. 3, д. 56, л. 187–190.
- {99} Дьяков Ю.Л., Бушуева Т.С. Фашистский меч ковался в СССР. М.: Советская Россия, 1992. С. 273–274.
- {100} Знамя. 1989. №10. С. 50.
- {101} Волкогонов Д. Триумф и трагедия. Политический портрет И.В. Сталина. В 2 кн. М.: Изд-во АПН, 1989. Кн. 1. Ч. 2. С. 271.
- {102} ЦА ФСБ. АСД А.И. Егорова. Том 1. Л. 12.
- {103} Военно-исторический журнал. 1994. № 1. С. 16.
- {104} АГВП. НП 8251–56. Л. 3–4.
- {105} Там же. НП 40137–38. Л. 157–158.
- {106} Военно-исторический журнал. 1994. № 1. С. 16.
- {107} Там же. С. 17.
- {108} ЦАФСБ. АСД А.И. Егорова. Том 1. Л. 243–245.
- {109} Дубинский И.В. Особый счет. С. 215,224–225.
- {110} Архив автора.
- {111} Петров Ю.П. Строительство политорганов, партийных и комсомольских организаций армии и флота (1918–1968). М.: Воениздат, 1968. С. 238–239.
- {112} Великая Отечественная. Приказы народного комиссара обороны СССР. М.: Терра, 1994. Т. 13/2–1/. С. 34–35,40–41.

- {113} Там же. С. 32–33.
- {114} Правда. 1937. 31 дек.
- {115} Кузнецов Н.Г. Крутые повороты. Из записок адмирала // Военно-исторический журнал. 1993. № 6. С. 75–76, 77.
- {116} ЦА ФСБ. АСД П.А. Смирнова. Л. 314–315.
- {117} АГВП. НП 127940–40. Л. 32.
- {118} ЦАФСБ. П.А. Смирнова. Л. 201–202.
- {119} АГВП. НП 40733–38. Л. 286–288.
- {120} Там же. НП 120657–40. Л. 313,314–315.
- {121} Там же. НП 127940–40. Л. 10.
- {122} Военные архивы России. 1 выпуск. С. 406.
- {123} Энгельгардт Б.А. Воспоминания камер-пажа // Военно-исторический журнал. 1994. № 9. С. 55.
- {124} Там же. С. 58.
- {125} Военно-исторический журнал. 1993. № 10. С. 72.
- {126} Там же.
- {127} Там же. С. 69–70.
- {128} Там же. С. 70.
- {129} ЦА ФСБ. АСД А.И. Верховского. Том 1. Л. 106.
- {130} Военно-исторический журнал. 1966. № 9. С. 117.
- {131} Там же. С. ы 8.
- {132} Хорев А. Комдив Свечин // Армия. 1993. № 1. С. 52.
- {133} Азовцев Н.Н. В.И. Ленин и советская военная наука. М.: Наука, 1981. С. 228.
- {134} Армия. 1993. №1. С. 54.
- {135} ЦА ФСБ. АСД А.А. Свечина. Л. 44.
- {136} Там же. АСД С.А. Меженинова. Л. 266, 268, 270.
- {137} Там же. Л. 257–259,260,261–263.
- {138} АГВП. НП 2748–37. Л. 23.
- {139} Там же. НП 8008–38. Л. 2–4.

- {140} ЦА ФСБ. АСД В.В. Хрипина. Л. 393–394,443.
- {141} АГВП. НП 46921–38. Л. 36.
- {142} Там же. НП 26931–38. Л. 11,37.
- {143} Там же. НП 28466–56. Л. 10.
- {144} Там же. НП 46921–38. Л. 33.
- {145} ЦА ФСБ. АСД Я.Я. Алксниса. Л. 193.
- {146} Там же. Л. 226.
- {147} АГВП. НП 46921–38. Л. 52.
- {148} Кулиш В. К вопросу об уроках и правде истории // Наука и жизнь. 1987. №12. С. 8.
- {149} РГВА, ф. 33987, оп. 3, д. 62, л. 533.
- {150} АГВП. НП 49688–39. Л. 3.
- {151} ЦА ФСБ. АСД С.П. Урицкого. Том 1. Л. 67–72.
- {152} АГВП. НП 49688–39. Л. 14.
- {153} ЦА ФСБ. АСД С.П. Урицкого. Том 1. Л. 193–194.
- {154} Там же. Том 7. Л. 139.
- {155} АГВП. НП 49688–39. Л. 203–204.
- {156} ЦА ФСБ. АСД С.П. Урицкого. Том 1. Л. 17.
- {157} АГВП. НП 49688–39. Л. 193.
- {158} ЦА ФСБ АСД С.П. Урицкого. Том 6. Л. 95.
- {159} АГВП, НП 49688–39. Л. 227.
- {160} Там же. Л. 228.
- {161} ЦА ФСБ. АСД И.Ф. Максимова. Том 1. Л. 51.
- {162} Там же. АСД Я.К. Берзина. Том 1. Л. 200–202.
- {163} АГВП. НП 4995–56. Л. 11–12,13.
- {164} Приказ НКО СССР по личному составу армии №0531 от 15 апреля 1935 года.
- {165} Горчаков О. Судьба командарма невидимого фронта // Солдаты невидимого фронта. М.: МОФ «Победа-1945 год», 1994. С. 53–54, 55, 56, 57–59.
- {166} АГВП. НП 62957–39. Л. 94.
- {167} Родина. 1995. № 2. С. 84–85.

- {168} АГВП. НП 62957–39. Л. 94.
- {169} Родина. 3995.№2. С. 85.
- {170} АГВП. НП 62957–39. Л. 32.
- {171} Там же. Л. 95.
- {172} ЦА ФСБ. АСД А.Х. Артузова. Л. 85–86.
- {173} АГВП. НП 62957–39. Л. 93.
- {174} Там же. НП 54821–54. Л. 31.
- {175} Там же. Л. 32.
- {176} Там же. НП 48733–38. Л. 5.
- {177} ЦА ФСБ. АСД И.И. Зильберта. Л. 56.
- {178} АГВП. НП 45339–41. Л. 25.
- {179} ЦАФСБ. АСД Д.К. Мурзина. Л. 13–19.
- {180} Там же. АСД И.И. Зильберта. Л. 67.
- {181} АГВП. НП 48733–38. Л. 18.
- {182} Новая и новейшая история. 1994. № 4–5. С. 165.
- {183} АГВП. НП 48349–55. Л. 13.
- {184} Большая Советская Энциклопедия. Третье изд. Том 2. М.: Советская энциклопедия, 1970. С. 408–409.
- {185} АГВП НП 4890–39. Л. 11.
- {186} ЦА ФСБ. АСД Э.Д. Лепина. Л. 67.
- {187} АГВП. НП 3763/17–37. Л. 8.
- {188} Там же. Л. 66,67, 68.
- {189} Там же. Л. 73.
- {190} Там же. НП 30970–38. Л. 2–3.
- {191} ЦА ФСБ. АСД И.А. Ринка. Л. 107.
- {192} Там же. Л. 106.
- {193} АГВП. НП 30970–38. Л. 108.
- {194} ЦА ФСБ. АСД Н.Н. Васильченко. Л. 46.
- {195} АГВП. НП 30398–39. Л. 42.

- {196} ЦА ФСБ. АСД В.Е. Горева. Л. 83.
- {197} Там же.
- {198} Составлено автором по материалам РГВА.
- {199} Павлов А.Г. Советская военная разведка накануне Великой Отечественной войны // Новая и новейшая история. 1995. № 1. С. 59–60.
- {200} Там же. С. 51–52.
- {201} Горбатов А.В. Годы и войны. М.: Воениздат, 1965. С. 156,163.
- {202} Там же. С. 165, 166.
- {203} Разгон Л. Непридуманное. М.: Слово, 1991. С. 45,47.
- {204} АГВП. НП 18208–39. Л. 243.
- {205} ЦА ФСБ АСД Н.В. Лисовского. Л. 386–387.
- {206} Там же. Л. 71–72.
- {207} АГВП. НП 18208–69. Л. 76–79.
- {208} Там же. Л. 117.
- {209} Там же. Л. 197–200.
- {210} Там же. НП 2–29139–39. Л. 110–111.
- {211} Там же. НП 18208–39. Л. 110–111.
- {212} Там же. Л. 119,129.
- {213} Лев Разгон. Непридуманное. С. 48.
- {214} Там же. С. 49.
- {215} АГВП. НП 18208–09. Л. 134–135.
- {216} Разгон Л. Непридуманное. С. 46.
- {217} Там же. С. 252.
- {218} АГВП. НП 65459–39. Л. 1–2.
- {219} РГВА, ф. 33987, оп. 3, д. 1009, л. 41.
- {220} Дьяков Ю.Л., Бушуева Т.С. Фашистский меч ковался в СССР. С. 354–356.
- {221} Подсчитано автором по материалам РГВА и АГВП.
- {222} РГВА, ф. 33987, оп. 3, д. 1028/1/, л. 107–114.
- {223} Там же. Л. 114.

- {224} Там же. Д. 1049, л. 257–258.
- {225} Горбатов А.В. Годы и войны. С. 122–123.
- {226} Жуков Г.К. Воспоминания и размышления. В 3 томах. 10-е изд., доп. М.: Новости (АПН), 1990. Т. 1. С. 220.
- {227} Калинин С.А. Размышляя о минувшем. М.: Воениздат, 1963. С. 119.
- {228} Там же. С. 122.
- {229} АГВП. НП 16210–37. Л. 241.
- {230} Кузнецов Н.Г. Крутые повороты // Военно-исторический журнал. 1993.№6.С.73,74.
- {231} Там же. С. 79.
- {232} Военные архивы России. 1 выпуск. С. 55.
- {233} Правда. 1937.12 июня.
- {234} Захаров М.В. Генеральный штаб в предвоенные годы. М.: Воениздат, 1989. С. 52–53.
- {235} Казаков М.И. Над картой былых сражений. М.: Воениздат, 1965. С. 45–46.
- {236} Академия Генерального штаба. М.: Воениздат, 1976. С. 54.
- {237} Воронов Н.Н. На службе военной. М.: Воениздат, 1963. С. 111.
- {238} Батов П.И. В походах и боях. М.: Воениздат, 1966. С. 24.
- {239} Академия Генерального штаба. С. 44.
- {240} РГВА, ф. 4, оп. 15, д. 78, л. 86–87.
- {241} Советская военная энциклопедия. Т. 6. С. 291.
- {242} Симонов К. Живые и мертвые. Роман в трех книгах. Кн.1. М.: Советский писатель, 1977. С. 46.
- {243} Мерецков К.А. На службе народу. М.: Воениздат, 1983. С. 190–191.
- {244} Герои Советского Союза. Краткий биографический словарь. В 2 томах. Т. 1. М.: Воениздат, 1987. С. 722.
- {245} Яковлев А.С. Цель жизни. Записки авиаконструктора. М.: Политиздат, 1973. С. 171–173.
- {246} Личное дело С.Д. Денисова. Л. 24.
- {247} Там же.
- {248} Разгон Л. Непридуманное. С. 32–33.
- {249} Там же. С. 39.
- {250} Гачев Г. Воспоминание об отцах // Дружба народов, 1989. № 7. С. 218.

- {251} АГВП. НП 47404–38. Л. 83.
- {252} Там же.
- {253} Разгон Л. Непридуманное. С. 40–41.
- {254} Источник. 1994. № 3. С. 82.
- {255} Военные архивы России. 1 выпуск. С. 84.
- {256} Архив автора.
- {257} Васильева Л. Кремлевские жены. М.: Вагриус, 1992. С. 258.
- {258} Ковалев В. Два сталинских наркома. М.: Прогресс, 1995. С. 144.
- {259} Известия ЦК КПСС. 1989. № 7. С. 86.
- {260} Там же. С. 90.
- {261} МГВК. Личное дело Р.А. Петерсона. Л. 10.
- {262} Там же. Л. 13.
- {263} Там же. Л. 15.
- {264} Там же. Личное дело П.П. Ткалуна. Л. 35.
- {265} ЦА ФСБ. АСД П.П. Ткалуна. Том 1. Л. 15–16.
- {266} Там же. Л. 19.
- {267} Там же. Л. 14.
- {268} Там же. Л. 95.
- {269} Там же. Т. 3.Л. 77.
- {270} Аргументы и факты. 1990. № 36; Независимая газета. 1991.9 февр.
- {271} Ковалев В. Два сталинских наркома. С. 172–173.
- {272} ЦА ФСБ. АСД П.П. Ткалуна. Том 1. Л. 52–53.
- {273} Там же. Т. 2. Л. 78.
- {274} Там же.
- {275} Там же. Т. 1.Л.67–68.
- {276} Беликов И.Г., Бойко И.К., Логунов М.С. Имени Дзержинского. М.: Воениздат, 1976. С. 38.
- {277} ЦА ФСБ. АСД П.П. Ткалуна. Т. 1. Л. 81.
- {278} Там же. Т. 3.Л. 61–62.
- {279} Там же.

- {280} Там же. Л. 67–68.
- {281} Там же. Т. 1. Л. 71–72.
- {282} Там же. Л. 72.
- {283} Там же. Л. 68–69.
- {284} Там же. Т. 2. Л. 81.
- {285} Там же. Т. 1. Л. 103.
- {286} Большая советская энциклопедия. Третье изд. Т. 17. С. 358.
- {287} Ленинский сборник, XXXV, 1945. С. 94.
- {288} Советская историческая энциклопедия. Т. 2. С. 630–631.
- {289} Правда. 1937.2 сент.
- {290} АГВП. НП 29163–39. Л. 48.
- {291} ЦА ФСБ. АСД П.П. Ткалуна. Т. 1. Л. 23.
- {292} Там же. Т. 2. Л. 115.
- {293} Там же. Л. 111–113.
- {294} Там же. Т. 3. Л. 44–45, 48.
- {295} РГВА, ф. 33987, оп. 3, л. 295, л. 71.
- {296} Армия. 1992. №2. С. 64.
- {297} РГВА, ф. 33987, оп. 3, д. 295, л. 71–78.
- {298} Там же, ф. 37837, оп. 1, д. 381, л. 7.
- {299} Там же. Л. 6.
- {300}. Там же. Л. 64.
- {301} Отсутствует в оригинале.
- {302} Там же. Л. 19.
- {303} Там же. Л. 65–66.
- {304} Там же, ф. 33987, оп. 3, д. 87, л. 123.
- {305} Там же, д. 295, л. 141–183.
- {306} Там же, д. 348, л. 104.
- {307} Там же, д. 497, л. 79–80.
- {308} Там же, д. 148, л. 76.

- {309} Дьяков Ю.Д., Бушуева Т.С. Фашистский меч ковался в СССР. С. 256.
- {310} РГВА, ф. 33987, оп. 3, д. 505, л. 41–43.
- {311} Там же. Л. 46–78.
- {312} Там же. Л. 1–25.
- {313} Дьяков Ю.Д., Бушуева Т.С. Фашистский меч ковался в СССР. С.259.
- {314} Военные архивы России. 1 выпуск. С. 68.
- {315} Армия. 1992. № 1. С. 63, 68.
- {316} АГВП. НПР 1920. Л. 465.
- {317} РГВА, ф. 33987, оп. 3, д. 70, л. 267–269.
- {318} Там же, д. 375, л. 21.
- {319} Там же, д. 342, л. 179–180.
- {320} Там же, д. 497, л. 9.
- {321} Там же, д. 457, л. 41–43.
- {322} Там же, л. 46.
- {323} Ленин В.И. Полн. собр. соч., т. 39. С. 56.
- {324} КПСС в резолюциях... Т. 2. С. 65.
- {325} АГВП. НП 16210–37. Л. 242.
- {326} Гинзбург Е. Крутой маршрут. М.: Советский писатель, 1990. С. 21.
- {327} АГВП. НП 16210–37. Л. 243.
- {328} Там же. Л. 244.
- {329} Там же. Л. 249.
- {330} Там же. Л. 291.
- {331} Там же. Л. 272.
- {332} Там же. Л. 308.
- {333} Там же. Л. 252–253.
- {334} Там же. Л. 275.
- {335} Там же.
- {336} Там же. Л. 263,264.
- {337} Там же. Л. 278–279.

- {338} Там же. Л. 280–285.
- {339} Там же. Л. 257.
- {340} Там же. Л. 235.
- {341} Там же. Л. 236.
- {342} Там же. Л. 104.
- {343} Там же. Л. 309–310.
- {344} Там же. Л. 132.
- {345} ЦА ФСБ. АСД И.Е. Славина. Л. 27–45.
- {346} Там же. Л. 38–39.
- {347} АГВП. НП 16210–37. Л. 133.
- {348} ЦА ФСБ. АСД А.С. Булина. Т. 1. Л. 8.
- {349} АГВП. НП 29147–39. Л. 156.
- {350} Там же. Л. 2.
- {351} Там же. Л. 30–31.
- {352} Васецкий Н.А. Троцкий: Опыт политической биографии. М.: Республика, 1992. С. 243–244.
- {353} ВГВП. НП 29147–39. Л. 2–3.
- {354} Там же. Л. 27.
- {355} Там же.
- {356} ЦА ФСБ. АСД А.С. Булина. Т. 1. Л. 172.
- {357} Там же. Л. 159.
- {358} Там же. Л. 162.
- {359} Там же. Л. 154,156.
- {360} АГВП. НП 29147–39. Л. 116.
- {361} Там же. Л. 114.
- {362} ЦА ФСБ. АСД А.С. Булина. Т. 1. Л. 161.
- {363} Там же. Л. 183.
- {364} АНВП. НП 29147–39. Л. 147.
- {365} ЦА ФСБ. АСД А.С. Булина. Т. 1. Л. 156.
- {366} АГВП. НП 29147–39. Л. 115.

- {367} ЦА ФСБ. АСД А.С. Булина. Т. 1. Л. 179.
- {368} АГВП. НП 29147–39. Л. 111.
- {369} Там же. Л. 161,163.
- {370} Там же. НП 7175–37. Л. 3,5,17,18–19.
- {371} АГВП. НП 16053–42. Л. 13.
- {372} Там же. Л. 17.
- {373} Там же. Л. 41.
- {374} Там же.
- {375} Там же. Л. 17.
- {376} Там же.
- {377} Там же.
- {378} Там же.
- {379} Там же. Л. 17–18.
- {380} Там же. Л. 18.
- {381} Там же. Л. 121.
- {382} Там же. Л. 122.
- {383} Муранов А.И., Звягинцев В.Е. Досье на маршала. М.: Андреевский флаг, 1996. С. 266.
- {384} Военно-исторический журнал. 1993. № 3. С. 31.
- {385} АГВП. НП 16053–42. Л. 90.
- {386} Там же. Л. 84.
- {387} Там же. Л. 90.
- {388} Там же. Л. 43.
- {389} Там же.
- {390} Там же. Л. 93.
- {391} Там же. Л. 80–82.
- {392} ЦА ФСБ. АСД И.П. Петухова. Т. 1. Л. 37–38.
- {393} АГВП. НП 38637–38. Л. 5.
- {394} Там же. Л. 6.
- {395} Там же. Л. 36.

- {396} Там же.
- {397} Там же. Л. 13–14.
- {398} Там же. Л. 42.
- {399} Там же. Л. 40.
- {400} Там же. Л. 43.
- {401} АСД И.П. Петухова. Т. 1. Л. 116–119.
- {402} АГВП. НП 38637–38. Л. 7.
- {403} Там же. Л. 11–20.
- {404} Там же. Л. 22.
- {405} Там же. Л. 23.
- {406} Викторов Б.А. Без грифа «секретно». М.: Юридическая литература, 1990. С. 313.
- {407} АГВП. НП 30263–39. Л. 47.
- {408} Там же. Л. 48.
- {409} ЦА ФСБ. АСД А. А. Тальковского. Т. 3. Л. 190–193.
- {410} Там же. Т. 4. Л. 136.
- {411} АГВП. НП 30263–39. Л. 12.
- {412} Там же. Л. 29.
- {413} АСД А.А. Тальковского. Т. 3. Л. 36–43.
- {414} АГВП. НП 30263–39. Л. 49.
- {415} Военно-исторический журнал. 1993. № 10. С. 88.
- {416} АГВП. НП 9984–39. Т. 1. Л. 2.
- {417} Там же.
- {418} Там же. Л. 3.
- {419} Там же. Л. 5.
- {420} Там же.
- {421} Там же. Л. 379–380.
- {422} Там же. Л. 114.
- {423} Там же. Т. 2. Л. 124.
- {424} Там же. Л. 130.

- {425} Там же. Т. 1. Л. 415.
- {426} Там же. Л. 319.
- {427} Там же.
- {428} Там же. Л. 194.
- {429} Там же.
- {430} Там же. Т. 2. Л. 138.
- {431} Там же. Т. 1. Л. 198,199.
- {432} Там же. Л. 200,201.
- {433} Там же. Л. 447.
- {434} Там же. Л. 450.
- {435} Там же. Т. 2. Л. 49.
- {436} ЦА ФСБ. АСД № 982023. Т. 1. Л. 267–269.
- {437} АГВП. НП 9984–39. Т. 2. Л. 141.
- {438} Там же. Т. 1. Л. 423.
- {439} Там же. Т. 2. Л. 428.
- {440} Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 37. С. 407.
- {441} АГВП. НП 40137–38. Т. 1. Л. 166.
- {442} ЦА ФСБ. АСД А.И. Тодорского. Л. 106–107.
- {443} АГВП. НП 40137–38. Т. 1. Л. 307.
- {444} Там же. Л. 305.
- {445} Там же. Л. 340.
- {446} ЦА ФСБ. АСД А.И. Тодорского. Л. 59.
- {447} Там же.
- {448} АГВП. НП40137–38. Т. 1.Л.210.
- {449} Там же. Л. 401.
- {450} Там же. Л. 330.
- {451} ЦА ФСБ. АСД А.И. Тодорского. Л. 166.
- {452} Там же. Л. 176–177.
- {453} АГВП. НП 40137–38. Т. 1. Л. 337–338.

- {454} Там же. Л. 335.
- {455} Там же. Л. 398.
- {456} Там же. Л. 153.
- {457} ЦА ФСБ. АСД А.И. Тодорского. Л. 16–17.
- {458} Там же. Л. 15.
- {459} Там же. Л. 18.
- {460} АГВП. НП 40137–38. Т. 1. Л. 337.
- {461} ЦА ФСБ. АСД А.И. Тодорского. Л. 21.
- {462} АГВП. НП 40137–38. Т. 1. Л. 113.
- {463} ЦА ФСБ. АСД А.И. Тодорского. Л. 47, 170, 240, 242.
- {464} АГВП. НП 40137–38. Т. 1. Л. 341.
- {465} Там же. Т. 2. Л. 147.
- {466} Там же. Л. 120.
- {467} ЦА ФСБ. АСД А.И. Тодорского. Л. 23.
- {468} Там же. Л. 25.
- {469} АГВП. НП 40137–38. Т. 2. Л. 63.
- {470} ЦАФСБ. АСД А.И. Тодорского. Л. 175.
- {471} АГВП. НП 40137–38. Т. 1. Л. 10.
- {472} Там же. Л. 212.
- {473} Там же. Т. 2. Л. 136–139.
- {474} Там же. Л. 143–145.
- {475} ЦА ФСБ. АСД А.И. Тодорского. Л. 178–179.
- {476} Там же. Л. 63–64.
- {477} Там же. Л. 65.
- {478} Там же. Л. 66.
- {479} АГВП. НП 40137–38. Т. 1. Л. 212.
- {480} ЦА ФСБ. АСД А.И. Тодорского. Л. 248.
- {481} Там же. Л. 106–107.
- {482} Там же. Л. 107об.

- {483} АГВП. НП 40137–38. Т. 1. Л. 339.
- {484} Там же. Л. 352.
- {485} Там же.
- {486} Иссерсон Г. Судьба полководца // Кровавый маршал. СПб.: Корона-принт, 1997. С. 176–177.
- {487} Тодорский А.И. Маршал Тухачевский М.: Воениздат, 1964. С. 74, 78.
- {488} Там же. С. 66,67.
- {489} АГВП. НП 40137–38. Т. 1. Л. 213.
- {490} Там же. Л. 214.
- {491} Там же. Л. 212.
- {492} Дьяков Б. Повесть о пережитом // Октябрь. 1964. № 7. С. 60.
- {493} АГВП. НП 40137–38. Т. 1. Л. 19.
- {494} Дьяков Б. Повесть о пережитом. С. 70.
- {495} Там же. С. 80.
- {496} Там же. С. 133–134.
- {497} Там же. С. 141.
- {498} Красная звезда. 1936.21 декабря.
- {499} Боевые подруги. Книга о женах командиров Рабоче-Крестьянской Красной Армии. М.: Красная Звезда, 1936. С. 4,121.
- {500} АНВП. НП 49709. Л. 1–2.
- {501} Там же. Л. 4–8.
- {502} Там же. НП 240–37. Т. 1. Л. 136.
- {503} Командарм Якир. Воспоминания друзей и соратников. М.: Воениздат, 1963. С. 230–231.
- {504} Там же. Л. 231.
- {505} Там же. Л. 232.
- {506} Васильева Л. Кремлевские жены. С. 255–257.
- {507} Военно-исторический журнал. 1994. № 1. С. 15–23.
- {508} Васильева Л. Кремлевские жены. С. 268.
- {509} Там же. С. 268–269.
- {510} Архив автора.

- {511} Там же.
- {512} РГВА, ф. 4, оп. 15, д. 417, л. 66.
- {513} МГВК. Пенсионное дело АГ 186991.
- {514} Там же. Пенсионное дело АГ 113253.
- {515} АГВП. НП 40733–38. Л. 297.
- {516} Там же. Л. 469.
- {517} Павленко Н.Г. Была война... М.: Родник, 1994. С. 274.
- {518} Ваксберг А. Нераскрытые тайны. С. 51.
- {519} МГВК. Личное дело М.Ф. Березкина. Л. 20.
- {520} Там же. Л. 30–31.
- {521} Там же. Л. 46–47.
- {522} Пупышев Н.В. В памяти и в сердце. М.: Воениздат, 1986. С. 20.
- {523} Там же.
- {524} Там же. С. 23.
- {525} Там же. С. 22.
- {526} История Коммунистической партии Советского Союза. М., 1970. Т. 5. Кн. 1. С. 170.
- {527} Колесник А.Д. Народное ополчение городов-героев. М.: Наука. 1974. С. 42.
- {528} Грушевой К.С. Тогда, в сорок первом... М.: Воениздат, 1972. С. 58.
- {529} Красная звезда. 1996.16 марта.
- {530} Военные кадры Советского государства в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг. С. 342.
- {531} Там же. С. 104.
- {532} Там же. С. 340.
- {533} Там же.
- {534} Там же. С. 102.
- {535} Там же.
- {536} МГВК. Личное дело М.Ф. Березкина. Л. 50.
- {537} Там же. Л. 35.
- {538} Там же. Л. 44.
- {539} Там же. Л. 74.

- {540} Акшинский В. Климент Ефремович Ворошилов. Биографический очерк. М.: Политиздат, 1974.
- {541} Кардашов В. Ворошилов. М.: Молодая гвардия, 1976.
- {542} Ворошилов К.Е. Статьи и речи. М., 1937. С. 174–175.
- {543} Симонов К.М. Заметки к биографии Г.К. Жукова // Военно-исторический журнал, 1987. № 12. С. 50.
- {544} Павленко Н.Г. Размышления о судьбе полководца // Маршал Жуков: полководец и человек. Т. 2. М.: Изд-во АПН, 1988. С. 102–103.
- {545} Источник. 1995. № 1. С. 124.
- {546} Там же. С. 126.
- {547} Павленко Н.Г. Размышления о судьбе полководца. С. 101.
- {548} Командарм Якир. С. 231–232.
- {549} Кузнецов Н.Г. Крутые повороты. Из записок адмирала. М.: Молодая гвардия, 1995, С. 75.
- {550} АГВП. НП 120657–40. Л. 204.
- {551} Известия ЦК КПСС. 1989. № 4. С. 58.
- {552} Военно-исторический журнал. 1993. № 2. С. 72.
- {553} Якупов Н.М. Сталин и Красная Армия. С. 174.
- {554} Военно-исторический журнал. 1993. № 5. С. 174.
- {555} Волкогонов Д. Триумф и трагедия. Кн. 2. Ч. 1. С. 62.
- {556} Ваксберг А. Нераскрытые тайны. С. 64.
- {557} Кузнецов И.Г. Крутые повороты. С. 76.
- {558} Там же. С. 79.
- {559} Дубинский И.В. Особый счет. С. 212.
- {560} Там же. С. 213.
- {561} Жуков Г.К. Воспоминания и размышления. Т. 1. С. 180.
- {562} Там же. С. 180–181.
- {563} Архив Военной академии имени М.В. Фрунзе. Фонд Я.Я. Вейкина. Тетрадь IX. Глава XI. С. 10 — И.
- {564} Якупов Н.М. Сталин и Красная Армия. С. 175.
- {565} Кузнецов Н.Г. Крутые повороты. С. 74–75.
- {566} Военные архивы России. 1 выпуск. С. 13–14.

- {567} Там же. С. 47.
- {568} Свод законов СССР. 1935. № 57. С. 468.
- {569} Дубинский И.В. Особый счет. С. 71.
- {570} Военные архивы России. 1 выпуск. С. 77.
- {571} Кузнецов Н.Г. Крутые повороты. С. 76.
- {572} Известия ЦК КПСС. 1989. № 4. С. 56.
- {573} Цит. по: Б.А. Викторов. Без грифа «секретно». С. 235.
- {574} Там же.
- {575} Цит. по: Вадим Роговин. Партия расстрелянных. М., 1997. С. 469.
- {576} АГВП. НП 65458–39. Л. 121.
- {577} ЦА ФСБ. АСД И.П. Петухова. Т. 3. Л. 52.
- {578} Ян Гамарник. Воспоминания друзей и соратников. М.: Воениздат, 1978. С. 130.
- {579} КПСС в резолюциях... Т. 2. С. 396.
- {580} Гальдер Ф. Военный дневник. Т. 2. М.: Воениздат, 1969. С. 504.
- {581} Данилов В.Д. Советское Главное Командование в преддверии Великой Отечественной войны // Новая и новейшая история, 1988. № 6. С. 8.
- {582} Они не молчали. М.: Политиздат, 1991. С. 268.
- {583} Архив Института Военной истории (ИВИ), ф. 221, оп. 263, д. 21, л. 258.
- {584} Горбатов А.В. Годы и войны. С. 173.
- {585} Там же. С. 180.
- {586} Военные кадры Советского государства в Великой Отечественной войне. С. 23.

Постраничные примечания

- {*1} Шмидт Исая Павлович — до назначения в пуарм-5 работал начальником политотдела 44-й Киевской стрелковой дивизии. Во второй половине 20-х годов уволен из рядов РККА.
- {*2} Березкин Марк Федорович, в Гражданскую войну — военком одного из полков 44-й стрелковой дивизии. Впоследствии корпусной комиссар, помощник начальника ВВС РККА по политической части.
- {*3} Авиновицкий Я.Л. — начальник Военно-химической академии, корпусной комиссар.
- {*4} Пугачев С.А. — начальник Военно-транспортной академии, ком-кор.
- {*5} Тризна Д.Д. — начальник Артиллерийской академии РККА, комдив.

[Сод](#)